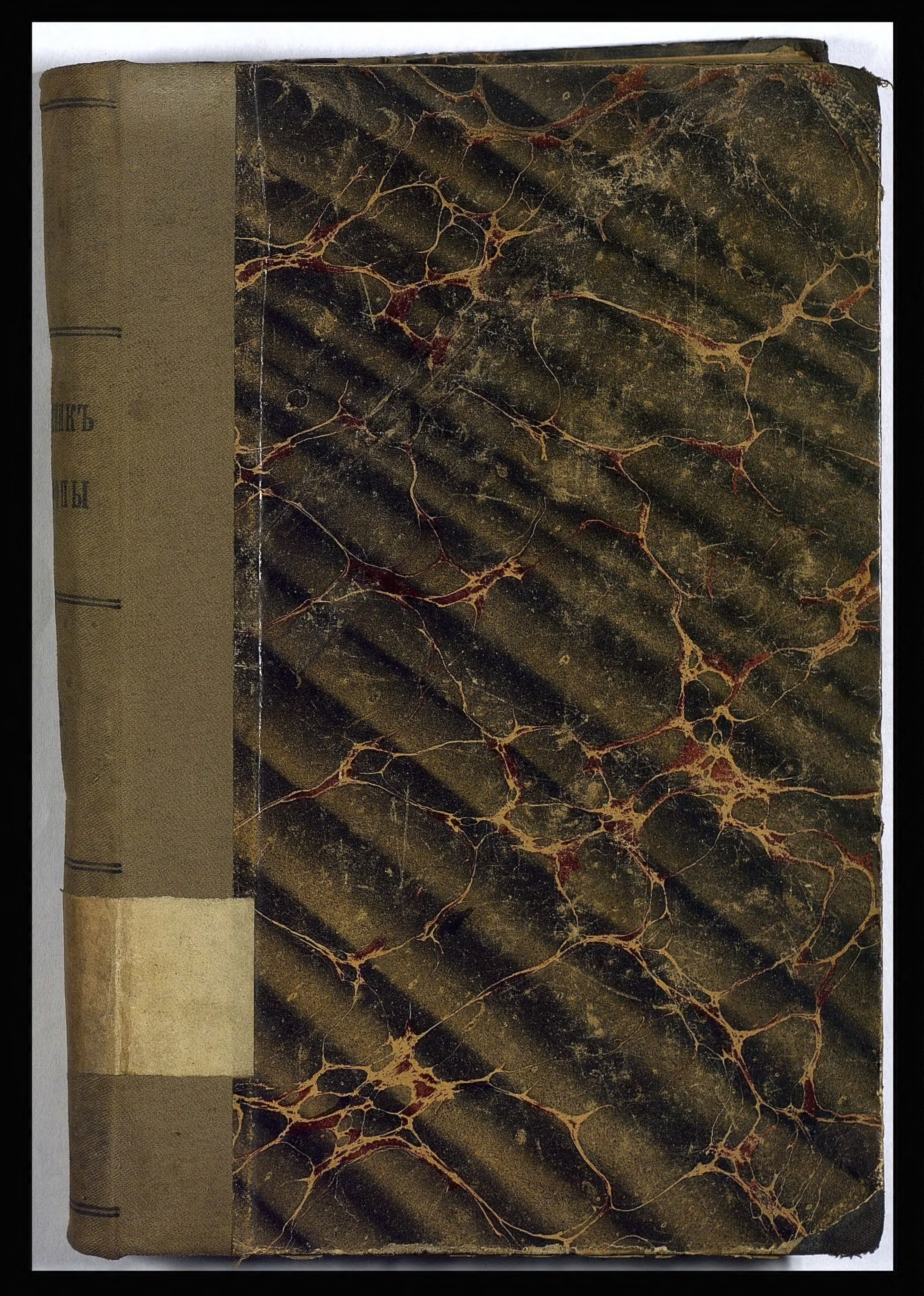

сь рыканье льва и вой гіены. Въ сердцѣ м
встрепенулось, будто оно предсказывало
погибну за вѣру, что и мнѣ суждена эт
есть! эта славная смерть!..
Во истину славная!—произнесъ Севастіанъ
убокимъ чувствомъ.
о ты сказалъ?—спросилъ Панкратій,
его словъ.
маю о безконечной разницѣ, разл

завтра. Теперь они только хвастаютъ
трашіемъ».
Панкратій, надѣявшійся въ послѣдній разъ с
кинать и побесѣдовать съ друзьями, услыш
, почувствовалъ досаду и, обратясь къ окру
ъ публикѣ, сказалъ ей не безъ живости
нія:
— Неужели вамъ мало завтрашняго праздн
и завтра вы не успѣете насмотрѣться н
мы будемъ умирать, отданные вамъ на
ите! глядите! Запомните черты наши: на с
гъ судиться всѣ люди Судьей Праведнымъ

ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ

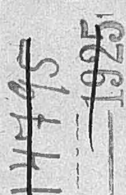
ЖУРНАЛЪ

ИСТОРІИ - ПОЛИТИКИ - ЛИТЕРАТУРЫ

ДВѢСТИ-ТРИДЦАТЬ-ШЕСТОЙ ТОМЪ

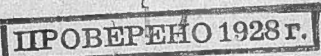

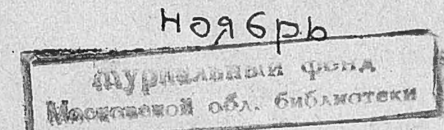
СОРОКОВОЙ ГОДЪ

ТОМЪ VI

ноябрь

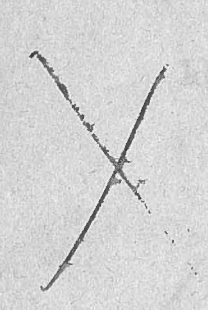

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ": ГАЛЕРНАЯ, 20.

Главная Контора журнала:
Васильевскій Островъ, 5-я линія,
№ 28.

Экспедиція журнала:
Вас. Остр., Академич. переулокъ,
№ 7.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ

1905

3497

ХРИСТІАНСКІЙ ЕПИСКОПЪ

НА

ГРАНИЦѢ IV-V ВѢКОВЪ

АВГУСТИНЪ, КАКЪ ЕПИСКОПЪ.

I.

Монахъ и епископъ—таковы руководящіе типы средневѣковой культуры и міровоззрѣнія, — типы, часто соединявшіеся въ одномъ лицѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, до противоположности различные. Сколько разъ средневѣковой монахъ стоялъ въ глубокомъ раздумьи, когда ему приходилось выбирать между своею кельей и епископскимъ престоломъ! И Августинъ [1]), этотъ великій вождь средневѣковаго общества, пережилъ самъ душевный разладъ, вызванный такой дилеммой, и, послѣ тяжелой внутренней борьбы, рѣшился, какъ многіе послѣ него, объединить въ себѣ оба типа.

Не однѣ только мольбы старца Валерія и настойчивые крики его пылкихъ земляковъ побудили Августина принять посвященіе и вступить въ ряды служителей церкви; она сама, эта церковь, тѣло Христово и „осуществленіе Его слова", давно овладѣла его мыслью. Монашескій идеалъ, какъ бѣгство изъ міра, восторжествовавшій надъ Платоновской идеей возвышенія надъ міромъ для

[1]) См. выше, янв. и февр.: „Августинъ въ исторіи монашества и аскетизма".

созерцанія вѣчной красоты и истины,—былъ, правда, для Августина тѣмъ откровеніемъ, которое его окончательно привело ко Христу; но еще раньше этого церковь въ ея реальномъ бытіи, въ ея всемірномъ проявленіи, въ ея торжествѣ надъ языческимъ государствомъ и „ложью демоновъ", стала для Августина залогомъ незыблемости благой вѣсти о Христѣ. Поэтому, лично для себя предпочитая удѣлъ монаха, онъ держался убѣжденія, высказаннаго имъ монахамъ Капраріи, что монахи остаются сынами церкви и должны спѣшить на служеніе ей при первомъ призывѣ матери.

Служеніе церкви поставило Августину новыя цѣли и дало всей его жизни новое направленіе и новое содержаніе. Для ознакомленія съ этимъ почти сорокалѣтнимъ служеніемъ церкви Августина,—сначала въ санѣ пресвитера, затѣмъ епископа,—историкъ обладаетъ, къ счастью, обильнымъ и цѣннымъ матеріаломъ,—письмами самого Августина; правда, какъ всякая переписка, притомъ не вполнѣ дошедшая до потомства, это—матеріалъ случайный, но онъ тѣмъ болѣе драгоцѣненъ, что не только возсоздаетъ передъ нами личность самого Августина, но даетъ возможность изобразить его какъ епископа и судить о роли и значеніи христіанскихъ епископовъ въ знаменательную для христіанства эпоху IV—V вѣковъ.

Четвертый вѣкъ былъ эпохой торжества христіанства и вмѣстѣ съ тѣмъ временемъ полнаго расцвѣта епископской власти. Ученыя изслѣдованія послѣднихъ лѣтъ пролили новый свѣтъ на организацію древнехристіанскихъ общинъ и исторію развитія въ нихъ іерархіи и епископской власти и сдѣлали изъ этихъ вопросовъ одну изъ интереснѣйшихъ темъ современной исторіографіи [1]).

Не вдаваясь въ эту заманчивую область, мы, ради освѣщенія епископской дѣятельности, отмѣтимъ лишь нѣкоторыя черты этой древнѣйшей организаціи, повліявшія на положеніе и роль епископовъ въ IV вѣкѣ и усложнявшія ихъ дѣятельность.

Отличительной чертой христіанскаго епископа въ IV вѣкѣ является его *двойная* роль—священника и іерарха: онъ одновременно является главою *прихода* и управителемъ *епархіи*. Его приходъ разроссся въ епархію, и онъ, вслѣдствіе этого, несетъ двойныя обязанности—приходскія и епархіальныя: онъ остается попрежнему пастыремъ своихъ прихожанъ и въ то же время

[1]) См. Hatch, „Die Gesellschaftsverfassung d. christl. Kirchen im Allerthum"—пер. Гарнака съ его прим. 1883, и Harnack—„Die Mission u. Ausbreitung d. Christenthums" etc. Lp. 1902, гдѣ указана и относящаяся сюда литература.

становится пастыремъ многочисленнаго духовенства, раздѣляющаго съ нимъ заботу о его паствѣ.

Господствовавшій въ большинствѣ римскихъ провинцій муниципальный строй весьма содѣйствовалъ распространенію христіанства и вмѣстѣ съ тѣмъ сильно повліялъ на самую организацію христіанскихъ общинъ. Особенность этого муниципальнаго строя заключалась, какъ извѣстно, въ томъ, что муниципій (городъ), составляя болѣе или менѣе самостоятельную земскую единицу, включалъ въ себѣ и окрестную область,—такъ сказать, уѣздъ. Древніе христіане, скромно называя себя „чужаками“ и „приживальцами“ (paroikountes) среди чуждаго имъ языческаго населенія, обозначали этимъ послѣднимъ словомъ и свои общины, отчего и вошло въ обычай еще нынѣ употребляющееся на Западѣ названіе для „прихода“. Присущая первоначальному христіанству потребность братскаго общенія и религіознаго единенія была такъ велика, что приходская связь сохранялась даже въ тѣхъ случаяхъ, когда, вслѣдствіе увеличенія числа „прихожанъ“, оказывалось для нихъ невозможнымъ собираться въ одномъ и томъ же зданіи: принципъ единства сохранялся въ такой цѣлости, что онъ не былъ нарушенъ ни появившимися въ восточныхъ провинціяхъ сельскими приходами съ особыми епископами (хорепископами), впрочемъ рано исчезнувшими, ни возникавшими въ большихъ городахъ на ряду съ первоначальнымъ храмомъ другими зданіями для проповѣди и богослуженія. Возникавшія такимъ образомъ новыя церкви, поэтому, долго еще бывали лишены значенія особыхъ приходовъ; въ Римѣ, напр., возникшія въ семи участкахъ города базилики находились еще и въ позднѣйшую эпоху въ завѣдываніи *діаконовъ*, т.-е. неполноправныхъ церковнослужителей, въ сущности—служителей епископа. Такимъ образомъ, епископы даже въ менѣе значительныхъ городахъ, какъ, напр., въ Гиппонѣ, городѣ Августина, оставаясь главою прихода, являлись главою болѣе или менѣе многочисленнаго штата пресвитеровъ, діаконовъ, поддіаконовъ и чтецовъ.

Помимо этой естественной эволюціи древнехристіанскихъ общинъ, много другихъ причинъ содѣйствовало постоянному возвышенію епископской власти. Эти причины частью коренились въ условіяхъ приходской жизни, частью—внѣ ея. По мѣрѣ того, какъ въ древнѣйшихъ общинахъ исчезала свобода проповѣди, и появленіе сектъ и ересей вызывало потребность общаго руководства, авторитета епископа, какъ представителя церковной традиціи. Преслѣдованія язычниковъ прежде всего обрушивались на епископовъ, и съ возрастающей опасностью ихъ положенія воз-

растало и почтеніе къ нимъ. А чѣмъ выше становился епископъ въ своей общинѣ, тѣмъ болѣе пріобрѣталъ онъ значенія для всей совокупности христіанскихъ общинъ. Разбросанныя по всему пространству имперіи, христіанскія общины, составляя каждая особую самостоятельную церковь (ecclesia), побуждались искать между собою общенія не только во имя своего основателя и какъ члены общаго тѣла, но и реальными житейскими потребностями. Между ними происходилъ живой обмѣнъ посланій и сношеній, вызываемыхъ то участіемъ къ страданіямъ, то желаніемъ предостеречь отъ лжеученій, то необходимостью сговориться относительно общихъ мѣръ и постановленій. Начались съѣзды представителей отдѣльныхъ общинъ—синоды или соборы. Выдающуюся роль въ этихъ сношеніяхъ и съѣздахъ приходилось, конечно, играть епископамъ и, являясь на этихъ съѣздахъ представителями своихъ общинъ, а затѣмъ—въ своихъ общинахъ—представителями высокаго авторитета самихъ съѣздовъ, епископы окончательно упрочили свое главенство въ христіанскомъ мірѣ. Поэтому понятно, что еще въ эпоху гоненій христіанъ власть епископовъ получила характеръ *монархическій*. Еще болѣе выиграли епископы отъ того переворота, который превратилъ гонимую церковь въ господствующую въ имперіи корпорацію.

Со времени Гиббона происходили неоднократно попытки опредѣлить процентное отношеніе христіанскаго населенія къ языческому въ моментъ, когда императоръ Константинъ склонился на сторону христіанъ [1]). Разнорѣчивость опредѣленій доказываетъ трудность рѣшенія вопроса. Но на какомъ изъ рѣшеній ни остановиться, несомнѣнно, что съ Константина число христіанъ значительно возрасло. Сравнительно же еще быстрѣе и значительнѣе стала возрастать съ этого времени численность христіанскаго духовенства. Немалую роль играли въ этомъ отношеніи привилегіи, дарованныя духовенству щедрою рукою христіанскихъ императоровъ,—избавленіе отъ тяжелой муниципальной службы и сопряженныхъ съ нею расходовъ,—привилегіи настолько обширныя, что самимъ императорамъ пришлось потомъ ихъ ограничивать въ интересахъ государства. И то, и другое—и ростъ христіанскаго населенія, и образованіе многочисленнаго класса церковнослужителей разныхъ степеней, возвысившагося надъ уровнемъ мірянъ,—осложнили заботы и возвысили авторитетъ епископовъ. Но еще болѣе, чѣмъ это возвышеніе *мѣстнаго*

---

[1]) Послѣдняя попытка принадлежитъ Гарнаку; см. вышеуказ. сочиненіе, стр. 537.

авторитета, возвысила епископовъ новая, выпавшая на ихъ долю, всемірная роль.

То идеальное единство, которое представляла собою христіанская церковь въ эпоху гоненій и провинціальныхъ соборовъ, получало свое реальное осуществленіе въ вселенскомъ соборѣ, созванномъ первымъ христіанскимъ императоромъ. Рядомъ съ апостольскимъ преданіемъ сталъ теперь авторитетъ церкви, выраженный въ постановленіяхъ вселенскаго собора и обезпеченный покровительствомъ императора. Епископы, участники вселенскихъ соборовъ, стали органомъ господствовавшаго надъ церковнымъ и политическимъ міромъ авторитета.

Итакъ, торжество христіанства и покровительство императоровъ возвысили роль епископовъ, какъ законодателей и администраторовъ. Та же причина расширила ихъ дѣятельность и въ области экономической жизни ихъ паствы.

Недаромъ христіане называли другъ друга въ теченіе полутора вѣка не иначе какъ *братьями*. Недаромъ ихъ взаимная любовь была подмѣчена и отмѣчена язычниками, столь мало къ нимъ расположенными. Братская помощь, или взаимопомощь, такъ сильно проявлялась въ жизни древнехристіанскихъ общинъ, что ученый и талантливый изслѣдователь этой жизни, Гачъ [1]), видитъ въ приношеніяхъ членовъ общины „ключъ" къ объясненію знаменательнаго факта, почему старшинѣ общины было присвоено съ теченіемъ времени званіе „епископа".

Ему—старшинѣ—приносили свои дары для ихъ освященія желавшіе принять участіе въ общей, братской трапезѣ, евхаристіи. Еще важнѣе по своимъ послѣдствіямъ было то, что, согласно съ этимъ, установился обычай, который потомъ былъ возведенъ въ каноническое правило—приносить епископу и тѣ дары, которые предназначались для содержанія церковнослужителей и *бѣдныхъ*. По отношенію къ послѣднимъ древнехристіанскія общины обнаруживали замѣчательное усердіе. Помощниками епископа при распредѣленіи приношеній между нуждающимися были діаконы, которые относили ихъ на домъ къ тѣмъ, кто, по болѣзни, не могъ самъ явиться за своей долей. Особеннымъ покровительствомъ пользовались вдовы и сироты. Но милосердіе древнихъ христіанскихъ общинъ далеко выходило за предѣлы современной намъ благотворительности. Особенно широкое примѣненіе получало оно во время гоненій. Здѣсь приходилось поддерживать заключенныхъ въ темницѣ братьевъ, сосланныхъ въ рудники, и исповѣд-

---

[1]) См. Hatch, l. c., 32.

никовъ; въ пограничныхъ провинціяхъ, какъ, напр., въ Африкѣ, христiане выкупали изъ плѣна и рабства захваченныхъ кочевниками христіанъ. Богатыя общины помогали бѣднымъ, и въ тяжелыя минуты епископы обращались къ своимъ общинамъ за сборомъ особыхъ пожертвованій.

При такихъ условіяхъ, распоряженіе церковными средствами, а кое-гдѣ и имуществами, было еще въ эпоху гоненій нелегкою обязанностью. Но она была легка сравнительно съ тѣмъ, чѣмъ она стала вслѣдствіе торжества христіанства. Признаніе христіанства государственной религіей вызвало своего рода экономическій переворотъ. Церкви стали быстро богатѣть какъ отъ щедротъ самихъ императоровъ, такъ и благодаря императорскимъ законамъ. Христіанскимъ церквамъ была предоставлена значительная часть имуществъ упраздненныхъ языческихъ храмовъ и имуществъ, остававшихся отъ еретическихъ церквей. Но главнымъ источникомъ обогащенія церкви стала *отмѣна* въ ея пользу закона, воспрещавшаго „легаты“, т.-е. пожертвованія по завѣщанію въ пользу учрежденій и обществъ (коллегій). Отмѣнивъ этотъ законъ своихъ предшественниковъ, Константинъ широко раскрылъ дверь частной благотворительности на церковныя нужды; едва ли послѣ этого бывали завѣщанія, въ которыхъ завѣщатель не отказывалъ чего-либо въ пользу церкви вслѣдствіе своего благочестія или подъ вліяніемъ своихъ духовныхъ совѣтниковъ. Богатство церкви возрастало такъ быстро, что уже при сыновьяхъ Константина, около времени рожденія Августина, она владѣла одною десятою частью поземельныхъ имуществъ въ имперіи.

Пока имущество церквей было незначительно, а доходы многихъ изъ нихъ составлялись изъ приношеній, преимущественно *натурою*, плохо сохранявшихся, завѣдываніе имуществомъ мало возбуждало недоразумѣній, и діаконы принимали въ немъ попрежнему большое участіе. Но возрастаніе этого имущества и сильное увеличеніе числа лицъ, имъ пользовавшихся, повели за собою сосредоточеніе управленія имуществами въ рукахъ епископовъ. Тотъ самый антіохійскій соборъ 341 г., который усилилъ дисциплинарную власть епископовъ, предоставилъ послѣднимъ безусловную власть распоряжаться всѣмъ достояніемъ церкви [1]), а соборъ въ Ганграхъ угрожалъ анаѳемой всякому, кто подастъ приношеніе или раздастъ что-нибудь изъ церковныхъ доходовъ помимо епископа или его замѣстителя.

Не всѣ епископы были довольны такимъ оборотомъ дѣла, и

---

[1]) Planck, Gesch. d. christlich-kirchlichen Gesellschaftsverfassung, 384. Hatch, l. c.

Іоаннъ Златоустъ, современникъ Августина, имѣвшій въ этомъ дѣлѣ немало непріятностей, прямо выразилъ желаніе, чтобы епископъ былъ освобожденъ отъ завѣдыванія церковными имуществами и они попрежнему были бы переданы тѣмъ, кто много лучше управлялъ ими въ интересахъ церкви. Сами отцы антіохійскаго собора допускали возможность злоупотребленій со стороны епископовъ и постановили, что тѣ епископы, которые будутъ плохо распоряжаться церковными доходами, должны быть привлекаемы къ отчетности на провинціальныхъ соборахъ. Злоупотребленія, или, по крайней мѣрѣ, нареканія въ этомъ дѣлѣ, были тѣмъ возможнѣе, что епископы пользовались и для самихъ себя церковными доходами. Въ древнѣйшихъ христіанскихъ общинахъ церковнослужители часто жили на свои средства, или содержали себя своимъ трудомъ, но нравы и условія жизни въ этомъ отношеніи давно измѣнились, и по мѣрѣ возрастанія числа лицъ заинтересованныхъ, явилась потребность установленія какихъ-либо правилъ при распредѣленіи церковныхъ имуществъ. Такъ установился обычай—начало его неизвѣстно,—въ силу котораго церковные доходы распредѣлялись на три равныя части; изъ нихъ одна шла въ пользу епископа, другая—въ пользу духовенства, третья предназначалась на нужды храма и бѣдныхъ.

Этотъ обычай былъ въ V в. возведенъ на Западѣ въ каноническій законъ. Только римская церковь держалась иного обычая; тамъ еще во времена республики принимались—изъ политическихъ соображеній—мѣры въ пользу городского пролетаріата; во время имперіи эта мѣра получила благотворительный характеръ; тамъ и въ христіанскую эпоху число нищихъ всегда было особенно велико, и потому тамъ церковные доходы распредѣлялись на четыре части, изъ которыхъ одна спеціально предназначалась для распредѣленія между бѣдными.

Соединивъ такимъ образомъ въ своихъ рукахъ съ законодательной властью въ церкви распоряженіе ея кошелькомъ, христіанскіе епископы въ IV в. имѣли полное основаніе въ обращеніи другъ къ другу величать себя *господами* (despotes). Къ завершенію монархическаго характера епископской власти къ ней присоединилась еще судебная власть, и не только надъ клиромъ, но и надъ мірянами, и не только въ церковныхъ дѣлахъ, но и во многихъ дѣлахъ гражданскихъ. И тутъ римскіе императоры, въ языческую эпоху строго настаивавшіе на подчиненіи религіозныхъ учрежденій государственной власти, стали добровольно уступать епископамъ значительную часть свѣтской юрисдикціи.

Начало церковной юрисдикціи—или *форума* церкви—относится, впрочемъ, еще къ эпохѣ полнаго антагонизма между христіанскимъ обществомъ и языческимъ государствомъ и было естественнымъ послѣдствіемъ этого антагонизма. Испытывая на себѣ вражду государственныхъ органовъ, христіанскіе клерики не могли быть расположены обращаться въ своихъ спорахъ и тяжбахъ къ языческимъ судьямъ и предпочитали подчиняться рѣшенію своего духовнаго начальства. Это такъ глубоко укоренилось, что даже послѣ торжества христіанства соборы—въ 397 г. соборъ въ Гиппонѣ, первый соборъ, на которомъ участвовалъ Августинъ,—а позднѣе халкедонскій соборъ—грозили лишеніемъ духовнаго сана всякому клерику, который дерзнетъ обратиться въ тяжбѣ съ другимъ клерикомъ къ свѣтскому суду, а императоръ Марціанъ, утвердивъ канонъ халкедонскаго собора, призналъ законность изъятія гражданскихъ тяжбъ между клериками изъ вѣдѣнія свѣтскихъ судовъ.

Въ то же время церковное судоговореніе стало захватывать *инымъ путемъ* не только тяжбы между клериками, но и тяжбы между христіанами вообще,—а именно передачею по добровольному соглашенію дѣла на судъ епископа. И эта юрисдикція естественно вытекала изъ обычая древнихъ христіанъ уклоняться отъ судоговоренія языческихъ судовъ—для нихъ небезопаснаго. Христіанскіе императоры не воспрепятствовали перенесенію этого обычая въ христіанскую эпоху, и уже Константинъ придалъ обязательную силу состоявшимся судебнымъ рѣшеніямъ епископскаго суда, предписавъ государственнымъ органамъ приводить въ исполненіе рѣшенія этого суда. Въ эпоху же Августина императорскіе законы формально воспретили всякую аппеляцію на рѣшенія этихъ „добровольныхъ" судовъ. Менѣе согласнымъ съ призваніемъ духовенства, чѣмъ мировое посредничество по гражданскимъ дѣламъ, казалось бы судоговореніе по дѣламъ уголовнымъ, связанное съ наложеніемъ наказаній, но и эта дѣятельность вошла въ кругъ обязанностей епископовъ. Конечно, она сначала касалась только провинностей клериковъ и лишь настолько, насколько эти провинности представляли собою нарушеніе церковной дисциплины и церковныхъ каноновъ. Но лежавшій въ основаніи этого судоговоренія *религіозный* мотивъ легко подлежалъ распространенію и на мірянъ, а въ этомъ заключалась возможность захвата всей области нарушеній гражданскаго закона, ибо во всякомъ гражданскомъ преступленіи можно было усмотрѣть нарушеніе также и божественнаго закона. Церковный судья, правда, боролся противъ нарушенія какъ

церковныхъ каноновъ, такъ и государственныхъ законовъ *духовными* средствами, требуя во искупленіе вины *покаянія*, и если онъ налагалъ кары, то кары церковныя, какъ это выразилъ римскій епископъ Григорій II въ письмѣ къ императору Льву, принципіально противополагая „повѣшенію, обезглавленію и ссылкѣ свѣтскаго судьи—„постъ, бдѣніе и молитву“, налагаемые церковью.

Но именно это существенное различіе давало возможность духовной юрисдикціи пойти гораздо дальше свѣтской въ преслѣдованіи преступленій. Если свѣтская юрисдикція считала себѣ подсудными только *явныя* преступленія, удостовѣренныя свидѣтелемъ или заявленныя доносчикомъ, то церковный судья привлекалъ къ своему форуму и оставшіяся въ тайнѣ преступленія. Сначала сюда привлекались только такіе проступки, которые были добровольно заявлены на духу; но потомъ при судахъ епископовъ организовался цѣлый сыскъ и принимались для этой цѣли доносы. Число дѣлъ подпадавшихъ такимъ способомъ церковному покаянію стало возрастать неимовѣрно.

Римское правительство не могло помѣшать этому совладычеству церкви въ области судебной, ибо церковь присвоивала себѣ въ этой области лишь дѣло *совѣсти*, подсудное *„внутреннему* форуму. Но правительство и не хотѣло препятствовать вторженію религіознаго и моральнаго интереса въ область гражданскаго и уголовнаго права. Оно само передвигало въ пользу своего соперника межевые знаки, и отводило церкви въ полное владѣніе, подъ наименованіемъ „церковныхъ дѣлъ“, такія области, которыя при язычествѣ стояли внѣ всякой связи съ религіей. Сюда прежде всего относится обширная область брачныхъ дѣлъ, тѣмъ болѣе обширная, что къ этому понятію примѣнялось широкое толкованіе и сюда были отнесены не только имущественныя тяжбы между супругами и нарушеніе ими брачныхъ обязанностей, но и подсудность всякаго рода внѣбрачныхъ отношеній.

Еще рѣзче обнаруживается уступчивость правительства въ дѣлахъ, касавшихся завѣщаній, также предоставленныхъ церкви. Первоначальное побужденіе къ этой уступкѣ совершенно согласно не только съ интересами церкви, но и съ духомъ римскаго законодательства. Еще древнѣйшее римское законодательство, обставлявшее въ интересахъ семьи и рода совершеніе завѣщанія строгими формальностями, предоставляло въ этомъ отношеніи гражданамъ льготы въ особыхъ случаяхъ—въ военномъ строѣ передъ сраженіемъ, т.-е. передъ лицомъ смерти. Въ христіан-

скомъ обществѣ смерть получила другое, болѣе высокое значеніе, чѣмъ она имѣла въ язычествѣ. Это было не разставаніе только съ жизнью, но переходъ къ новой, вѣчной жизни, зависѣвшей отъ прежней земной жизни.

Смерть была поэтому послѣднимъ моментомъ, когда можно было исправить неправду земной жизни покаяніемъ и возвращеніемъ хотя бы части того, что было неправдою присвоено. Какъ же было поэтому не предоставить и въ этомъ случаѣ умирающему льготу составить или измѣнить завѣщаніе безъ нотаріальныхъ формальностей? И кто же могъ быть, въ такую тяжелую минуту, нерѣдко внезапно наступавшую, ближайшимъ и лучшимъ совѣтникомъ, какъ не напутствовавшій умирающаго духовникъ? Но не одни только религіозныя и идеалистическія соображенія побуждали духовенство пріобрѣтать вліяніе на составленіе и утвержденіе завѣщаній, а правительство—допускать такое вліяніе. Чѣмъ болѣе укоренялся обычай назначать по завѣщанію часть имущества на „благочестивыя дѣла“ (piae causae), тѣмъ болѣе церковь и духовенство становились заинтересованными въ завѣщаніяхъ. Полное торжество притязаній духовенства въ этомъ дѣлѣ относится къ болѣе поздней эпохѣ,—въ перепискѣ Августина не упоминается о завѣщаніяхъ мірянъ, но споры, возникавшіе по поводу завѣщаній клериковъ, уже тревожили этого епископа. Въ слѣдующемъ же вѣкѣ императоръ Юстиніанъ формально возлагаетъ на епископовъ заботу объ исполненіи завѣщаній, заключавшихъ въ себѣ даренія (*легаты*) на благочестивыя дѣла; а политика церкви еще характернѣе проявляется въ относящемся къ этому же времени постановленію ліонскаго собора, что всякое завѣщаніе, хотя бы формально неправильное, считалось законнымъ, если въ немъ что-нибудь оставлено въ пользу церкви.

Еще раньше императорское правительство допустило содѣйствіе церкви въ другомъ дѣлѣ, относившемся къ области нотаріальнаго порядка. Если оно предоставило священнику у постели умирающаго утверждать завѣщаніе, то почему было не предоставить ему совершать съ упрощенными формами обрядъ отпущенія на волю раба, тѣмъ болѣе, что такія отпущенія были весьма часто слѣдствіемъ воздѣйствія самого священника на больного при совершеніи завѣщанія?

Затѣмъ, императорское правительство, проникаясь духомъ христіанской церкви, открыло ей доступъ въ область строгаго и неумолимаго государственнаго судоговоренія. И въ этомъ отношеніи то, что происходитъ въ христіанскую эпоху, находится въ связи

съ традиціями древняго Рима. Подобно тому, какъ языческимъ храмамъ было предоставлено право давать убѣжище (asylum) у алтаря боговъ—это право присвоивается христіанскимъ церквамъ, И этимъ правомъ пользовались не только бѣглые рабы и преступники, укрывавшіеся отъ руки правосудія, но, какъ мы увидимъ изъ переписки Августина, и должники, желавшіе избѣгнуть ареста по требованію кредиторовъ. Еще важнѣе было предоставленное духовенству право заступничества (intercessio) передъ администраціей и судомъ за виновныхъ. Какъ самый терминъ, такъ и выражающаяся въ немъ идея, также переносятъ насъ въ древнѣйшій Римъ,—но то, что тамъ было мѣстнымъ и, такъ сказать, случайнымъ явленіемъ, теперь обобщается и возводится на степень принципа. Церковь вступается за *всѣхъ* виновныхъ не для того только, чтобы смягчить ихъ участь, избавить отъ мучительныхъ наказаній, продлить ихъ жизнь, но для того, чтобы дать имъ возможность исправиться, принести покаяніе и спастись для вѣчной жизни. Трудно указать другой фактъ, въ которомъ такъ ярко обнаруживается какъ точка соприкосновенія, такъ и глубокое различіе античнаго, языческаго и христіанскаго міровоззрѣнія со всѣмъ его идеализмомъ. Но именно этотъ идеализмъ нелегко поддавался заключенію въ юридическія формулы. Какія онъ вызывалъ затрудненія, мы усмотримъ изъ относящагося сюда письма Августина, одного изъ интереснѣйшихъ памятниковъ той эпохи.

Таковы почетныя, сложныя и отвѣтственныя обязанности христіанскаго епископа IV и V вѣковъ. Правда, епископъ былъ не одинъ. Въ дѣлѣ судоговоренія ему было даже поставлено въ обязанность руководиться мнѣніемъ коллегіи пресвитеровъ. Какъ въ управленіи имуществами онъ могъ назначить себѣ въ помощники изъ числа духовенства *эконома*, такъ онъ могъ возложить свои судебныя обязанности на официала, взятаго изъ пресвитеровъ или діаконовъ,—но дѣятельность этихъ лицъ часто вызывала жалобы и потому нисколько не снимала отвѣтственности и заботъ съ хорошаго епископа.

Указанныя выше обязанности епископовъ составляютъ рамки, въ которыя эпоха ставила жизнь и дѣятельность этихъ преемниковъ апостоловъ. Драгоцѣнную историческую картину въ этихъ рамкахъ и представляетъ намъ именно переписка бл. Августина. Правда, эта картина наполняетъ не всю рамку. Въ ней довольно скуденъ чисто фактическій матеріалъ. Мы не обладаемъ епископ-

скимъ архивомъ Августина, съ его протоколами судебныхъ дѣлъ, съ смѣтами и отчетами по управленію имуществъ; но она даетъ намъ больше: она сохранила намъ духъ, которымъ было проникнуто исполненіе Августиномъ его сложныхъ обязанностей, такъ часто и тягостно его отвлекавшихъ отъ того, что онъ считалъ своимъ настоящимъ призваніемъ въ этой жизни. Она даетъ намъ данныя для возсозданія того идеальнаго типа для пастыря церкви, который носился передъ Августиномъ въ эпоху, когда онъ созидалъ свой „Божій Градъ". Она даетъ намъ возможность прослѣдить жизнь этого пастыря церкви отъ той поры, когда онъ съ жаромъ принялся за свои новыя и необычныя обязанности, до того времени, когда онъ былъ принужденъ, вслѣдствіе „старости и зябкости", отказаться отъ поѣздки для дорогого ему дѣла—освященія новой церкви въ его епархіи.

Пользуясь данными, заключающимися въ перепискѣ Августина, для его характеристики какъ епископа, мы распредѣлимъ ихъ на двѣ части: сначала мы изобразимъ его какъ руководителя клира, какъ церковнаго администратора и судью надъ духовенствомъ, а затѣмъ, какъ пастыря церкви въ его разнообразныхъ отношеніяхъ къ мірянамъ, какъ наставника въ заблужденіяхъ, утѣшителя въ скорбяхъ и заступника въ нуждѣ и бѣдѣ.

Уступивъ настоянію епископа Валерія и требованіямъ гражданъ Гиппона, Августинъ содрогнулся передъ сознаніемъ тяжелой отвѣтственности, которую налагало на него церковное служеніе. Его особенно пугало то, что онъ былъ избранъ въ пресвитеры съ тѣмъ, чтобы быть помощникомъ, такъ сказать *викаріемъ* епископа. Тогдашняя церковь не знала викаріевъ при епископахъ, но для Валерія было сдѣлано исключеніе, такъ какъ онъ былъ старъ и, какъ грекъ, не могъ проповѣдывать въ Гиппонѣ; обязанность же говорить проповѣди лежала тогда на епископахъ. Поэтому Августинъ умолялъ Валерія освободить его на время отъ его обязанностей. Онъ просилъ епископа принять въ соображеніе, что „въ этой жизни, въ особенности въ ихъ вѣкъ, въ глазахъ людей нѣтъ ничего легче, счастливѣе и заманчивѣе званія епископа, пресвитера и діакона, если касаться этого дѣла поверхностно и льстиво; но нѣтъ передъ Богомъ ничего болѣе удручающаго и тяжелаго, ничего, что вызывало бы больше укоровъ. А съ другой стороны, нѣтъ въ этой жизни, и именно въ наше время, ничего труднѣе, хлопотливѣе и опаснѣе званія епископа, пресвитера и діакона;—передъ Богомъ же нѣтъ ничего блаженнѣе ихъ, если они ведутъ борьбу тѣмъ способомъ, какимъ приказалъ вести ее нашъ царь. Но какой это способъ—этого я

не познал ни въ дѣтствѣ, ни въ юности, а въ то время, когда я сталъ это познавать, надо мною по грѣхамъ моимъ учинено насиліе, и я поставленъ на второе мѣсто у руля, не научившись даже держать весла“.

Августинъ предполагаетъ, что его Господь покаралъ за то, что онъ осуждалъ другихъ кормчихъ, не зная по опыту трудностей ихъ положенія. Только теперь онъ начинаетъ чувствовать опрометчивость своихъ укоровъ, хотя священство ему всегда казалось полнымъ опасностей. Вотъ почему онъ плакалъ во время своего посвященія; братья пытались его утѣшить, но, не зная причинъ его горя, они своими рѣчами не могли его устранить. Однако, опытъ на дѣлѣ превзошелъ всѣ его опасенія; хотя онъ и не заблуждался относительно ожидавшихъ его бурь, но онъ не сознавалъ недостаточности своихъ силъ и умѣнья для борьбы съ ними. Господь смѣялся надъ его усиліями и показалъ ему, какъ мало онъ пригоденъ для своего дѣла.

Но если Господь призвалъ его по своей милости, а не для его гибели, то ему слѣдуетъ, пишетъ Августинъ, предоставить возможность чтеніемъ св. Писанія приготовиться къ своему опасному дѣлу. „Мое посвященіе послѣдовало, когда я задумалъ заручиться досугомъ для изученія Св. Писанія—и по истинѣ сказать, я тогда еще не зналъ всего, чего мнѣ недостаетъ для дѣла, которое теперь тяготѣетъ надо мною и меня сокрушаетъ“.

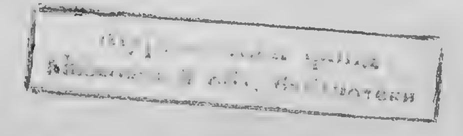
Упрашивая епископа Валерія предоставить ему этотъ досугъ, Августинъ предупреждаетъ его возраженіе: „можетъ быть, твое святѣйшество мнѣ скажетъ: я хотѣлъ бы знать, въ чемъ недостаточны твои познанія. На это я дерзнулъ бы отвѣтить: мнѣ извѣстно то, что нужно для нашего спасенія. Но я не знаю, какъ вести другихъ къ спасенію, ища не того, что мнѣ лично полезно, но что полезно для спасенія *многихъ*“.

Досугъ, который Августинъ себѣ выговорилъ, былъ послѣднимъ въ его жизни. Но зато какъ часто жалуется онъ на недосугъ! Какъ часто ему приходилось оправдываться въ томъ, что онъ не успѣлъ отвѣтить на полученныя имъ письма. Такъ, онъ сообщаетъ нѣкоему Анастасію, что, пользуясь поѣздкой къ нему двухъ братьевъ, онъ посылаетъ съ ними письмо, такъ какъ знаетъ, что Анастасій былъ бы огорченъ, еслибы при этомъ случаѣ не получилъ письма; „тѣмъ болѣе, что я у тебя въ долгу, ибо я не помню, чтобы отвѣтилъ на твое письмо,—столькими заботами я удрученъ и отвлеченъ“.

Августинъ выражаетъ при этомъ желаніе знать, пользуется ли онъ, Анастасій, покоемъ, насколько это возможно на землѣ,—

„ибо если случается, что среди нашихъ треволненій мы узнаемъ, что нѣкоторые изъ нашихъ братьевъ пребываютъ въ покоѣ, то это намъ доставляетъ большое удовольствіе, какъ будто мы и сами живемъ покойнѣе. Однако, такъ какъ непріятности въ сей бренной жизни все увеличиваются, то онѣ побуждаютъ насъ желать вѣчнаго покоя". Подъ бременемъ лежавшихъ на немъ обязанностей Августинъ не только жалуется на недостатокъ времени для переписки, но нерѣдко тяготится получаемыми письмами. Его современники добивались отъ него писемъ то ради вложеннаго въ нихъ содержанія, то изъ-за краснорѣчивой формы ихъ, но нерѣдко и изъ тщеславія. Къ такимъ навязчивымъ друзьямъ принадлежалъ епископъ Северъ, съ которымъ Августинъ былъ знакомъ съ молодости. Однажды Августинъ только-что отвѣтилъ на полученное отъ Севера письмо, и, не успѣвъ еще его отправить,—получилъ другое, переполненное напыщенныхъ похвалъ и увѣреній въ дружбѣ. Августинъ былъ видимо недоволенъ содержаніемъ письма и необходимостью отвѣчать на него. Ссылаясь въ своемъ отвѣтѣ на текстъ апостола, Августинъ признаетъ себя *должникомъ* Севера и на всѣ лады проводитъ эту тему, что придаетъ его письму рѣдкую у него искусственность. Но среди этой риторики ясно проглядываетъ укоризна: „Какъ мнѣ достойно отвѣтить на твою любезность, какъ удовлетворить твоей страсти ко мнѣ? Письмо твое не сказало намъ ничего новаго въ этомъ отношеніи, но тѣмъ не менѣе требуетъ новаго отвѣта...

„Самая любовь налагаетъ на насъ долгъ помогать, въ братской любви, насколько мы можемъ, тому, кто желаетъ, чтобы ему какъ слѣдуетъ помогли. Но ты, братъ мой, знаешь, сколько дѣлъ у меня на рукахъ и какъ рѣдки—вслѣдствіе разнообразія заботъ, налагаемыхъ на меня моимъ служеніемъ, тѣ мгновенія досуга, которыми я располагаю; если же я буду посвящать ихъ постороннимъ дѣламъ, то поступлю, какъ мнѣ кажется, въ ущербъ своимъ обязанностямъ.

„Ты хочешь, чтобы я написалъ тебѣ пространное письмо, и я признаюсь, что на мнѣ лежитъ такой долгъ; меня обязываетъ къ этому твое столь задушевное, столь искреннее, столь чистое желаніе. Но такъ какъ ты любишь справедливость, то я прошу тебя, во имя ея, выслушать, не сердясь, то, что скажу. Ты понимаешь, что мнѣ слѣдуетъ исполнить прежде то, къ чему я обязанъ по отношенію къ другимъ и къ тебѣ, чѣмъ то, что я долженъ сдѣлать для тебя одного. А времени у меня не хватаетъ на все, если даже его недостаетъ для того, чему должно быть дано предпочтеніе. Поэтому всѣ мои дорогіе и близкіе

друзья, въ числѣ которыхъ ты одинъ изъ первыхъ, поступятъ согласно съ своими обязанностями, если не только не будутъ заставлять меня писать о постороннихъ предметахъ, но и другимъ, насколько можно, помѣшаютъ въ этомъ, съ святою кротостью пользуясь своимъ авторитетомъ. Я не хотѣлъ бы казаться жестокимъ, отказывая просьбамъ отдѣльныхъ лицъ изъ желанія предпочесть то, что я обязанъ сдѣлать для всѣхъ. Если, какъ я надѣюсь и какъ ты обѣщалъ, ты посѣтишь меня, ты узнаешь, какими литературными трудами я занятъ и въ какой степени занятъ, и тогда усерднѣе исполнишь то, о чемъ я прошу, т.-е. отвратишь другихъ, насколько можешь, отъ того, чтобъ они понуждали меня писать о чемъ-нибудь постороннемъ".

Труды, о которыхъ здѣсь упоминаетъ Августинъ, имѣли высокое догматическое значеніе для церкви, были въ глазахъ современниковъ драгоцѣнны для спасенія души. Но если Августинъ могъ ссылаться на эти труды для ограниченія своей частной переписки, то это средство было непримѣнимо къ огромной дѣловой перепискѣ, которую ему пришлось вести. И эта переписка не только отнимала много времени, но рѣзко отрывала его отъ настроенія, въ которомъ онъ жилъ. Оторвавшись въ аскетическомъ порывѣ отъ мірскихъ интересовъ, весь погруженный въ созерцаніе идеальнаго Божьяго царства, Августинъ долженъ былъ входить въ мелочныя тяжбы и вдаваться въ юридическую казуистику. Къ разряду такихъ дѣлъ относится тяжба между епископомъ его родной Тагасты и—общиной Тіаве изъ-за наслѣдства пресвитера Гонората. Оно должно было тѣмъ болѣе смущать Августина, что одинъ изъ истцовъ былъ Алипій, епископъ Тагасты, ученикъ и другъ Августина, съ которымъ онъ такъ долго пребывалъ на высотахъ Платоновскаго идеализма, а потомъ въ глубинѣ аскетическаго міровоззрѣнія. Самое дѣло представляетъ большой интересъ, характеризуя какъ нравы того времени, такъ и осторожный примирительный способъ дѣйствія Августина, всегда заботившагося о томъ, чтобы нравственный авторитетъ церкви и духовенства не потерпѣлъ какого-либо ущерба. Гоноратъ былъ монахомъ въ Тагастѣ, а затѣмъ былъ посвященъ пресвитеромъ въ городкѣ Тіаве, гдѣ и умеръ. По тогдашнему обычаю, который Августинъ признавалъ правильнымъ, имущество умершаго пресвитера считалось собственностью того прихода, въ которомъ онъ получилъ посвященіе, и общины; въ виду этого, часто старались убѣждать или даже принуждать богатыхъ людей принимать въ нихъ священство. Съ другой стороны, община Тіаве заявила, по смерти Гонората, притязаніе на его наслѣдство; но

монастырь Тагасты и стоявшій во главѣ его епископъ Алипій присвоивали себѣ наслѣдство Гонората, какъ бывшаго монаха. Община Тіаве, повидимому, находилась въ епархіи Августина, и поэтому Алипій обратился къ нему за разрѣшеніемъ спора.

При личномъ краткомъ свиданіи Алипій предложилъ, судя по письму къ нему Августина, оставивъ наслѣдство за монастыремъ, вознаградить общину Тіаве за счетъ самого Августина, т.-е. гиппонской церкви въ половинномъ размѣрѣ наслѣдства. Августинъ, желая содѣйствовать полюбовному соглашенію особенно въ виду того, что тіавская община только-что присоединилась изъ донатизма къ православію, выразилъ готовность взять на себя это обязательство. Но затѣмъ, на досугѣ обдумавъ дѣло и подъ вліяніемъ другого епископа, Самсуція, рѣшительно осудившаго эту сдѣлку, Августинъ измѣнилъ свой взглядъ. Онъ находилъ, что такая сдѣлка подастъ поводъ думать, что епископы видятъ въ этомъ дѣлѣ лишь денежный интересъ; прихожане Тіаве будутъ думать, что съ ними поступили нечестно и несправедливо, отдавъ имъ только половину того, что цѣликомъ должно было быть достояніемъ бѣдныхъ. Уже лучше ихъ лишить всего наслѣдства, —тогда, по крайней мѣрѣ, скажутъ, что епископы руководились не денежными соображеніями, а принципомъ справедливости. Нельзя изъ-за дѣла спорнаго допустить такой великій соблазнъ, подавая поводъ цѣлой общинѣ обвинять епископовъ, стоящихъ такъ высоко въ общемъ уваженіи, въ позорной жадности.

Августинъ указываетъ при этомъ на вѣрное средство избѣгать подобныхъ недоразумѣній: такъ какъ не всѣ, вступая въ монастырь, достаточно искренни, чтобы тотчасъ отречься отъ собственности, то не слѣдуетъ принимать въ монастырь никого, кто не вполнѣ порвалъ связь съ земными интересами. Мы видимъ, какъ самая жизнь вела къ превращенію первоначальнаго, не связаннаго строгими правилами монашества, въ корпорацію, подчиненную общему уставу.

Но такъ какъ, въ данномъ случаѣ, мѣры предосторожности не были своевременно приняты, то слѣдуетъ держаться гражданскаго закона, т.-е. признавать монаха собственникомъ имущества, не переданнаго въ монастырь. Августинъ уговариваетъ поэтому Алипія отступиться отъ своего права и указываетъ ему на примѣръ Христа, который, снисходя къ человѣческой слабости, послалъ Петра уплатить налогъ, хотя и зналъ *другого рода право*, въ силу котораго онъ не подлежалъ такому налогу.

Касаясь предложенія, сдѣланнаго Алипіемъ Августину, вознаградить тагастинскихъ монаховъ въ половинѣ цѣны имущества

Гонората, епископъ Гиппона не отказывается отъ этого, если Алипій „считаетъ это несомнѣнно справедливымъ“, но съ условіемъ исполнить это обязательство лишь тогда, когда гиппонскій монастырь [1]) получитъ такое пожертвованіе, что это можно будетъ сдѣлать безъ стѣсненія для гиппонскихъ братьевъ.

Тяжбы между епископами касались не только спорныхъ имуществъ, но и личнаго состава духовенства, принадлежавшаго къ той или другой епархіи. Сначала свобода перехода церковнослужителей изъ одной епархіи въ другую ничѣмъ не была стѣснена, такъ что бывали случаи, что одно и то же лицо числилось въ составѣ духовенства двухъ разныхъ епархій. Но такъ какъ эта свобода давала возможность уклоняться отъ дисциплинарной власти епископовъ и поощряла наклонность къ бродяжничеству, то, согласно съ общимъ духомъ *закрѣпощенія* людей къ мѣсту и занятію въ тогдашней римской имперіи, и церковнослужители были приписаны каждый къ своей епархіи и имъ было воспрещено отлучаться оттуда безъ разрѣшенія епископа, и „отпускныя грамоты“ епископовъ, имѣвшія прежде значеніе рекомендательныхъ писемъ, сдѣлались обязательными. Но этимъ, конечно, не могло быть уничтожено желаніе отдѣльныхъ лицъ переходить въ другую епархію безъ разрѣшенія епископа, особенно если имъ тамъ предлагалось повышеніе, а отсюда нерѣдко возникали пререканія между епископами. Переписка Августина знакомитъ насъ съ двумя случаями, сюда относящимися, но противоположнаго характера: въ одномъ изъ своихъ писемъ Августинъ сѣтуетъ на привлеченіе въ другую епархію одного изъ его клериковъ, въ другомъ—оправдывается, что не можетъ отпустить въ другую епархію своего клерика. Первое изъ этихъ писемъ касается нѣкоего Тимоѳея, который былъ нѣсколько разъ „чтецомъ“ въ разныхъ церквахъ гиппонской епархіи, а затѣмъ былъ посвященъ въ иподіаконы епископомъ Северомъ „вопреки намѣренію и волѣ“ Августина. Дѣло усложнилось тѣмъ, что Тимоѳей передъ посвященіемъ далъ клятву, что никогда не оставитъ епископа Севера, пріѣзжавшаго въ мѣстечко Субсану, гдѣ и совершилъ посвященіе. Въ этомъ дѣлѣ было замѣшано нѣсколько духовныхъ лицъ изъ епархіи Августина, сдѣлавшаго имъ строгій выговоръ, послѣ котораго они выразили свое раскаяніе. Дѣлу было придано такое значеніе, что вызвало съѣздъ въ Субсану сосѣднихъ епископовъ; кромѣ Августина, Алипія изъ Тагасты и Самсуція изъ Турриса, Северъ также пріѣзжалъ въ

[1]) Августинъ организовалъ гиппонское духовенство въ монашеское общежитіе.

Субсану, но уѣхалъ оттуда, не дождавшись своихъ собратій, которые написали ему коллективное письмо, до насъ дошедшее. Кромѣ него, у насъ есть письмо Августина, лично обращенное къ его другу Северу, написанное въ примирительномъ, но твердомъ тонѣ: „Если я скажу то, что сказать побуждаетъ меня самое дѣло, то это будетъ въ ущербъ любви; если же я этого не скажу, то куда дѣнется свобода, на которую имѣетъ право дружба?“ Имѣя въ виду предлогъ, выставленный Северомъ, что Тимоѳей еще не былъ „чтецомъ“, и потому не связанъ съ гиппонской епархіей, Августинъ взываетъ къ религіозной совѣсти Севера и спрашиваетъ, можно ли, по справедливости, не признавать чтецомъ человѣка, который уже началъ читать въ подвѣдомственной Августину церкви—и читалъ не разъ, а два и три раза, и въ Субсанѣ, и въ Туррисѣ, и въ Цизанѣ, и въ Вербалѣ? Августинъ выражаетъ увѣренность, что Северъ хорошо пойметъ, какой произойдетъ подрывъ дисциплинѣ церковнаго чина, если всякому клерику другой церкви будетъ дозволено давать клятву, кому онъ захочетъ, что отъ него не уйдетъ, и этимъ добыть себѣ разрѣшеніе остаться при этомъ лицѣ, чтобы не стать клятвопреступникомъ. Августинъ соглашался отпустить Тимоѳея къ Северу, чтобы избѣгнуть нарушенія его клятвы, но требовалъ, чтобы Северъ самъ удалилъ Тимоѳея и тѣмъ снялъ бы съ него обѣтъ.

Этотъ случай, вѣроятно, и послужилъ поводомъ къ тому, что въ слѣдующемъ (402) году на соборѣ въ нумидійскомъ городѣ Милве было постановлено, что тотъ, кто хотя бы одинъ разъ читалъ въ церкви, не долженъ быть удерживаемъ другою церковью. Три года спустя, Августину пришлось опять удерживать у себя клерика, которымъ онъ очень дорожилъ и котораго звалъ къ себѣ его дядяНоватъ, епископъ Сетифа, въ отдаленной Мавританіи. Уговаривая Новата не настаивать на отозваніи діакона Луцилла, Августинъ писалъ, что узы родства, соединяющія Новата съ его племянникомъ, не крѣпче, чѣмъ узы дружбы, связывающія его, Августина, съ Северомъ, а между тѣмъ они видятся весьма рѣдко, занятые интересами церкви.

Августинъ предусматриваетъ возраженіе Новата, что онъ вызываетъ своего племянника для служенія церкви, и на это отвѣчаетъ, что еслибы Луциллъ могъ въ Сетифѣ оказывать церкви такія же услуги, какъ въ Гиппонѣ, то его, Августина, слѣдовало бы обвинить не только въ жестокости, но и въ несправедливости. Дѣло, однако, въ томъ, что проповѣдь Евангелія въ Гиппонѣ сильно страдаетъ отъ отсутствія въ этой епархіи слу-

жителей церкви, знающихъ пунійскій языкъ, тогда какъ въ епархіи Новата знаніе этого языка обычно: „такъ думаешь ли ты,—спрашиваетъ Августинъ,—что я буду содѣйствовать спасенію народа Божьяго, если пошлю туда этого знатока пунійскаго языка и удалю его отсюда, гдѣ я пламенно желаю его присутствія“?

Гораздо болѣе тревожили Августина дѣла, касавшіеся личныхъ качествъ и поведенія клериковъ, подававшихъ поводъ къ жалобамъ и смущавшихъ паству, какъ можно усмотрѣть изъ письма Августина къ Фелиціи. Августинъ извѣщаетъ ее, чтобы она не слишкомъ смущалась соблазнами, которые были „предсказаны“. „Одни изъ пастырей для того занимаютъ свои каѳедры, чтобы заботиться о паствѣ Христовой; другіе же на нихъ возсѣдаютъ, чтобы наслаждаться свѣтскими почестями и выгодами. Эти два рода пастырей, вымирая и вновь нарождаясь, будутъ по необходимости существовать въ каѳолической церкви до конца вѣка и Господняго суда. Такое же различіе между добрыми и злыми существуетъ и въ самой паствѣ, пока не пріидетъ главный Пастырь, который ихъ и отдѣлитъ другъ отъ друга. Намъ онъ предписалъ единеніе, за собой же оставилъ распредѣленіе; ибо распредѣлять подобаетъ тому, кто не можетъ впасть въ заблужденіе. А пока добрыя овцы, слѣдуя святому примѣру добрыхъ пастырей, не должны однако возлагать свои надежды на нихъ, а на Господа, искупившаго ихъ своею кровью. Если же они случайно обрѣтутъ плохихъ пастырей, проповѣдующихъ Его ученіе, а совершающихъ свои плохія дѣла, тогда добрыя овцы пусть творятъ то, что тѣ говорятъ, и не творятъ того, что тѣ творятъ, и пусть изъ-за сыновъ неправды онѣ не покидаютъ общаго пастбища“.

Поэтому Августинъ увѣщаваетъ Фелицію любить тѣхъ слугъ, чрезъ посредство которыхъ она была *побуждена войти* (отъ М. 22, 9), но возлагаетъ надежду на Того, Кто приготовилъ трапезу. При всей терпимости къ плохимъ пастырямъ, которой Августинъ требовалъ отъ ихъ прихожанъ, онъ однако съ своей стороны не уклонялся отъ строгихъ мѣръ противъ нихъ, если они были ему подчинены. Это испыталъ на себѣ пресвитеръ Абонданцій, „не слѣдовавшій по пути слугъ Господнихъ“. Августину стало извѣстно, что онъ не возвратилъ денегъ крестьянину, отъ котораго принялъ ихъ на сохраненіе, а затѣмъ, какъ онъ самъ признался, пробывши въ мѣстечкѣ Гипписѣ сочельникъ, „день, который тамъ, какъ и повсемѣстно, считается постнымъ днемъ“, у мѣстнаго пресвитера, и простившись съ нимъ,

чтобы вернуться домой, остановился тамъ же, въ домѣ женщины дурного поведенія, гдѣ обѣдалъ и ужиналъ. За пребываніе въ ея домѣ уже былъ удаленъ отъ должности одинъ изъ гиппонскихъ пресвитеровъ, и Абонданцію это было извѣстно. Августинъ на судѣ призналъ Абонданція недостойнымъ завѣдывать приходомъ, въ особенности въ области, „подверженной бѣшенымъ нападкамъ окрестныхъ еретиковъ. Такъ какъ Абонданцій имѣлъ право въ теченіе одного года обжаловать этотъ приговоръ, то Августинъ сообщилъ объ этомъ *примасу* (старшему епископу) Нумидіи. Августинъ пишетъ, что если духовные судьи иначе взглянутъ на это дѣло, на томъ основаніи, что (по постановленію карѳагенскаго собора 318 года) нужно шесть епископовъ для суда надъ пресвитеромъ, то пусть довѣритъ ему приходъ, кто хочетъ, — „я же, признаюсь, такимъ лицамъ предоставить приходъ опасаюсь“.

Съ другой стороны, Августинъ не былъ склоненъ давать въ обиду своихъ пресвитеровъ, по обвиненіямъ, на нихъ взводимымъ. Такъ, онъ пишетъ Панкарію, человѣку, очевидно, вліятельному, который жаловался на пресвитера Секундина: „Такъ какъ до твоего пріѣзда жители Германиціи были вполнѣ довольны пресвитеромъ Секундиномъ, то я не понимаю, какъ это случилось, что они, по твоимъ словамъ, готовы его обвинять въ какихъ-то преступленіяхъ. Я, конечно, не могу оставить безъ вниманія жалобъ на пресвитера, но только въ томъ случаѣ, если жалобы исходятъ отъ каѳоликовъ; ибо принимать жалобы на каѳолическаго пресвитера отъ еретиковъ я не могу и не долженъ. Поэтому позаботься сначала о томъ, чтобы не было еретиковъ тамъ, гдѣ до твоего пріѣзда ихъ не было вовсе; тогда я разберу дѣло пресвитера, какъ слѣдуетъ его разобрать“. Августинъ проситъ Панкарія,—такъ какъ его благополучіе и мнѣніе ему дороги и сами жители Германиціи подлежатъ его заботамъ,—чтобы Панкарій опредѣленно предъявилъ, чего онъ добился въ свою пользу отъ „достославныхъ“ императоровъ, а также и чего онъ достигъ въ компетентномъ судѣ,—для того, чтобы всѣмъ было очевидно, что онъ ничего неправильно не замышляетъ и чтобы тяжба о землѣ, которую онъ затѣялъ, не стала снова источникомъ тревогъ и разоренія для бѣдняковъ. Въ то же время Августинъ настаиваетъ, чтобы домъ пресвитера Секундина не подвергался ни разоренію, ни разграбленію; относительно же самой его церкви Августину сообщено, что какіе-то люди хотятъ ее снести,—но онъ полагаетъ, что Панкарій ни въ какомъ случаѣ не долженъ этого потерпѣть. Случалось, что къ

Августину обращались съ просьбой о заступничествѣ пресвитеры другихъ епархій. Такъ поступилъ, напр., пресвитеръ кареагенской епархіи Квинціанъ, который за чтеніе въ церкви неканоническихъ книгъ былъ лишенъ епископомъ Авреліемъ права пріобщаться съ нимъ. Августинъ отвѣчаетъ ему, что онъ ничего не имѣетъ противъ его пріѣзда въ Гиппонъ, но не можетъ допустить его къ причастію, пока Аврелій не сниметъ съ него опалы. Онъ убѣждаетъ его съ терпѣніемъ подчиниться церковной дисциплинѣ и оправдываетъ Аврелія тѣмъ, что лишь бремя дѣлъ, а не какое-либо нерасположеніе къ нему заставило кареагенскаго епископа замедлить рѣшеніемъ его дѣла. „Еслибы тебѣ были извѣстны неотложныя дѣла Аврелія такъ, какъ извѣстны твои собственныя, ты не удивился и не огорчился бы этой оттяжкѣ“. Августинъ проситъ Квинціана повѣрить, что и у него много дѣла, и замѣчаетъ, что есть епископы старшіе по возрасту, болѣе авторитетные и болѣе близкіе къ нему по сосѣдству, къ которымъ Квинціану и слѣдовало бы обратиться. Августинъ однако уже раньше сообщилъ Аврелію о тревогахъ и жалобахъ Квинціана и переслалъ ему въ доказательство невиновности послѣдняго копію съ его письма. Августинъ впрочемъ убѣждаетъ Квинціана не давать повода къ соблазну въ церкви посредствомъ чтенія неканоническихъ книгъ, ибо еретики и особенно манихеяне, скрывающіеся въ тѣхъ мѣстахъ, пользуются этими книгами, чтобы смущать умы невѣдущихъ.

Но Квинціанъ, обращаясь къ Августину за ходатайствомъ, въ то же время заявилъ и притязаніе, чтобы Августинъ не принималъ въ свой монастырь нѣкоего Приваціана, такъ какъ онъ состоялъ чтецомъ въ кареагенской епархіи. При этомъ Квинціанъ ссылался на постановленія соборовъ. Августинъ замѣтилъ съ ироніей, что въ тѣхъ же соборныхъ постановленіяхъ указано, какія книги считать каноническими, и посовѣтовалъ Квинціану вновь прочесть эти постановленія и хорошо ихъ запомнить. Онъ убѣдится, что воспрещеніе соборовъ относится къ пришлымъ клерикамъ, а не къ мірянамъ; въ постановленіи даже не упоминаются монастыри. Привацiана Августинъ не считалъ клерикомъ, такъ какъ онъ лишь однажды читалъ *неканоническую* книгу. „Ибо если книга неканоническая, то кто бы ее ни прочиталъ въ церкви, не можетъ считаться церковнымъ чтецомъ“. Августинъ впрочемъ еще и не принялъ въ свой монастырь этого молодого человѣка, а предоставилъ все это дѣло на усмотрѣніе епископа Аврелія.

Наиболѣе смутило и огорчило Августина интересное для

исторіи нравовъ и культуры дѣло пресвитера Бонифація. Августинъ говоритъ о немъ въ одномъ частномъ письмѣ и въ посланіи къ духовенству и прихожанамъ Гиппона. Дѣло возникло вслѣдствіе ссоры между монахомъ Августиновскаго монастыря, по имени Спесъ, и однимъ изъ пресвитеровъ Гиппона, Бонифаціемъ, которые взаимно обвиняли другъ друга въ очень позорномъ поведеніи. Въ первомъ письмѣ Августинъ проситъ Феликса и Гиларина противопоставить клеветѣ людской, пустымъ сплетнямъ и подозрѣніямъ христіанское размышленіе о томъ, что Св. Писаніе предсказало соблазны. Что̀ въ нихъ удивительнаго, если люди являются хулителями слугъ Божіихъ и, не будучи въ состояніи совратить ихъ, стараются запятнать ихъ доброе имя? Августинъ пишетъ, что пресвитеръ Бонифацій ни въ чемъ не былъ уличенъ, и что онъ никогда не вѣрилъ и не вѣритъ тому, что̀ говорится о немъ. Какимъ же образомъ могъ бы онъ лишить его сана пресвитера? Что̀ онъ самъ такое, чтобы дерзнуть предупредить судъ Божій? Какъ епископъ, онъ не долженъ допускать опрометчиваго подозрѣнія; какъ человѣкъ, онъ не въ состояніи судить о томъ, что̀ таится въ человѣческомъ сердцѣ. Въ свѣтскихъ тяжбахъ, въ случаѣ аппеляціи къ высшему суду, дѣло оставляется въ томъ же положеніи изъ опасенія оскорбить высшій судъ, еще не произнесшій своего приговора. Насколько нужнѣе соблюдать это по отношенію къ Божьему суду, столь превышающему всякую свѣтскую власть.

Августинъ, говоря въ этомъ случаѣ о Божьемъ судѣ, разумѣлъ не судъ нравственной совѣсти человѣка и не страшный судъ, а Божій судъ въ самомъ реальномъ смыслѣ этого слова. Въ посланіи къ своей паствѣ, въ которомъ проявляется со всею своею симпатичностью совѣстливая и гуманная натура Августина, онъ объясняетъ, какимъ образомъ онъ пришелъ къ такому выходу. Дѣло это его давно мучило и, не находя способа уличить одного изъ двухъ, хотя онъ больше довѣрялъ пресвитеру, онъ сначала предполагалъ обоихъ предоставить Господу, пока не обнаружится что-нибудь противъ того, кого онъ подозрѣвалъ, и явится возможность изгнать его изъ общежитія.

Но монахъ Спесъ сталъ сильно добиваться духовнаго сана посредствомъ посвященія самимъ Августиномъ или въ иной епархіи по рекомендаціи послѣдняго. Августинъ же никакъ не рѣшался ни рукоположить человѣка, котораго онъ подозрѣвалъ въ такомъ тяжкомъ дѣлѣ, ни провести его въ духовный санъ черезъ другого епископа. Тогда тотъ сталъ шумѣть и жаловаться, что если его не хотятъ возвысить въ духовный санъ, то

и Бонифацію нельзя дозволить въ немъ оставаться. Видя же, что Бонифацій не желаетъ служить соблазномъ для слабыхъ и склонныхъ къ подозрѣнію и предпочитаетъ пожертвовать своимъ почетнымъ саномъ, чѣмъ оставаться въ невозможности доказать чистоту своей совѣсти людямъ, сомнѣвающимся въ немъ,—Августинъ остановился на рѣшеніи, которое онъ называетъ *среднимъ*. А именно, онъ заставилъ обоихъ принять на себя обязательство отправиться въ святое мѣсто, гдѣ чудотворная сила Господа легче могла повліять на совѣсть виновнаго и побудить его къ признанію подъ вліяніемъ опасенія небесной кары. Такимъ мѣстомъ Августинъ избралъ гробницу св. Феликса въ Нолѣ отчасти потому, что тамъ проживалъ въ это время его другъ, Паулинъ, и онъ надѣялся, что онъ оттуда легче и вѣрнѣе будетъ извѣщенъ о томъ, какое въ этомъ дѣлѣ послѣдуетъ божественное откровеніе. Августинъ ссылается по этому поводу на собственный опытъ. Ему извѣстно, что у гробницъ миланскихъ святыхъ воръ, пришедшій туда, чтобы клятвопреступленіемъ совершить обманъ, былъ принужденъ признаться въ воровствѣ и возвратить украденное. Предвидя возраженіе: „развѣ Африка не полна мощами святыхъ“—Августинъ восклицаетъ: „мы однако ничего о подобномъ здѣсь не слыхали!“—и приводитъ въ объясненіе слова апостола (I Кор. XII, 30): не всѣмъ святымъ предоставленъ даръ исцѣленія, не всѣ они истолкователи (dijudicatio spirituum).

Августинъ, какъ онъ самъ признается, принималъ всѣ мѣры предосторожности для того, чтобы дѣло Бонифація не получило огласки; онъ не хотѣлъ довести до свѣдѣнія своихъ прихожанъ „о своемъ тяжкомъ сердечномъ горѣ“. Но Господь этого не хотѣлъ скрыть отъ нихъ для того, какъ говорилъ имъ Августинъ, чтобы они вмѣстѣ съ нимъ усердствовали въ молитвѣ и просили Господа открыть имъ истину. Оправдываясь предъ прихожанами въ томъ, что онъ не вычеркнулъ имя Бонифація изъ списка пресвитеровъ, Августинъ выражаетъ готовность это сдѣлать для того, чтобы пребываніе Бонифація въ числѣ пресвитеровъ не подавало повода „ищущимъ его“ не присоединяться къ церкви, но прибавляетъ, что вина падетъ не на него, а на тѣхъ, ради которыхъ это будетъ сдѣлано. Августинъ пользуется случаемъ, чтобы защитить Бонифація и выставить на видъ его благородство. Бонифацій отказывался брать отпускную грамоту, которая обезпечила бы ему на чужбинѣ почетъ, подобающій его сану,—для того, чтобы не пользоваться преимуществомъ передъ своимъ обвинителемъ.

Обращаясь къ тому, какъ слѣдуетъ прихожанамъ отнестись

къ этому дѣлу, Августинъ призываетъ ихъ скорбѣть о немъ, но скорбѣть такъ, чтобы скорбь ихъ побуждала молить Бога поскорѣе раскрыть невинность ихъ пресвитера, въ которую Августинъ склоненъ вѣрить. Августинъ предостерегаетъ прихожанъ слѣдовать примѣру тѣхъ, которые, если согрѣшитъ епископъ, или клерикъ, или монахъ, или инокиня, кричатъ, что всѣ они таковы, но что нельзя всѣхъ обличить. Если замужняя женщина окажется невѣрною, они не выгоняютъ изъ дома женъ своихъ, не клевещутъ на матерей своихъ. Но если кого-либо изъ носящихъ священный санъ ложно обвинятъ въ преступленіи или уличатъ, тогда они бѣснуются и разносятъ молву, что всѣ таковы.

Приводя соотвѣтствующіе тексты Св. Писанія, Августинъ убѣждаетъ своихъ прихожанъ избѣгать трехъ опасностей, связанныхъ съ этимъ дѣломъ: не слѣдовать дурнымъ примѣрамъ, не поддаваться злымъ языкамъ, не возводить ложныхъ подозрѣній на служителей Божіихъ. Августинъ особенно предостерегаетъ ихъ отъ гордыни. Онъ усматриваетъ ее въ томъ, что многіе этимъ дѣломъ болѣе возмущены, чѣмъ паденіемъ двухъ діаконовъ, перешедшихъ къ нимъ отъ донатистовъ; тогда они глумились надъ церковной дисциплиной Прокульяна (епископа донатистовъ въ Гиппонѣ) и хвастались, что съ ихъ клериками ничего подобнаго не могло бы случиться. Августинъ осуждаетъ это и увѣщаваетъ не упрекать еретиковъ въ чемъ-либо иномъ, кромѣ того, что они не каѳолики. Онъ умиленно проситъ его не огорчать, не прибавлять новыхъ ранъ къ тѣмъ, которыя ему нанесены; ради нихъ онъ ежечасно въ тревогѣ, „извнѣ испытываетъ нападеніе, внутри—страхи", ведетъ борьбу въ городѣ, ведетъ ее въ пустынѣ, подвергается опасности со стороны язычниковъ, опасности со стороны ложныхъ братьевъ. „Я знаю, что вы сами страдаете, но развѣ вы страдаете больше моего"?

Оправдываясь далѣе, онъ проситъ прихожанъ молиться за него, чтобы, „проповѣдуя другимъ, самому не оказаться недостойнымъ"... „Какъ бы ни былъ бдителенъ надзоръ въ моемъ домѣ, я человѣкъ и живу съ людьми, и не дерзаю полагать, чтобы домъ мой былъ лучше Ноева ковчега, гдѣ въ числѣ восьми людей оказался одинъ неправедный".

Августинъ очевидно былъ убѣжденъ въ правотѣ Бонифація и въ ложности доноса монаха. Поэтому онъ закончилъ свое посланіе словами, знаменательными для всей дальнѣйшей исторіи зарождавшагося тогда монашества. „Въ простотѣ признаюсь вамъ передъ Господомъ Богомъ нашимъ,—свидѣтелемъ души моей съ тѣхъ поръ, какъ я служу Ему,—въ томъ, что насколько

труднѣе, какъ я испыталъ, найти людей лучше, чѣмъ тѣ, кто преуспѣваетъ въ монастыряхъ, настолько я не знаю людей хуже павшихъ монаховъ. Поэтому,—заключаетъ Августинъ,—если намъ доставляютъ огорченіе *отбросы*, насъ должна утѣшать красота плодовъ".

Не только клерики и монахи, но иногда и высшіе представители духовенства—епископы вызывали сѣтованія Августина, то уклоненіемъ отъ христіанскаго идеала, то неразумнымъ рвеніемъ. Письмо Августина къ епископу Павлу Катакскому представляетъ собою образчикъ строгаго наставленія товарищу-епископу за слишкомъ свѣтскій образъ жизни. Въ письмѣ этомъ Августинъ оправдывается противъ упрека со стороны Павла въ „безпощадности". Августинъ заявляетъ, что если бы Павелъ жалѣлъ самого себя такъ же, какъ онъ, Августинъ, его жалѣетъ, то слава его поведенія давно бы радовала церковь. Августинъ увѣряетъ Павла, что онъ считаетъ его не только братомъ [1], но продолжаетъ считать товарищемъ, ибо невозможно, чтобы онъ не признавалъ товарищемъ епископа каѳолической церкви, каковъ бы онъ ни былъ, пока онъ не осужденъ церковью. Если же онъ прервалъ „общеніе" съ нимъ, то только потому, что не можетъ ему льстить. Такъ какъ онъ считаетъ его своимъ духовнымъ сыномъ, то онъ тѣмъ болѣе признаетъ своимъ долгомъ высказать ему справедливые упреки христіанской любви. „Я не настолько радуюсь тому, что ты съ Божьей помощью собралъ многихъ въ лоно каѳолической церкви, чтобы не скорбѣть о томъ, что ты еще бо́льшее число разогналъ твоимъ образомъ жизни. Ты нанесъ своей церкви такую рану, что если Господь не избавилъ тебя отъ всѣхъ заботъ и интересовъ свѣтскихъ и не возвратилъ тебя къ истинному епископскому житію, то рана останется неизлечимою. А такъ какъ ты все болѣе и болѣе впутываешься въ мірскіе интересы и даже въ такіе, отъ которыхъ ты отрекся,— что не дозволяется даже гражданскими законами,—и такъ какъ ты, какъ говорятъ, ведешь такой образъ жизни, что скудныя средства твоей церкви для него недостаточны, то зачѣмъ ты ищешь общенія со мною, если не терпишь наставленій моихъ?" Напрасно, по словамъ Августина, катакскій епископъ увѣряетъ, что всѣ нареканія на него идутъ отъ его давнишнихъ враговъ; но если бы это и было такъ, то все-таки нравы епископа не

---

[1]) Прозвище *брата*, служившее прежде для взаимнаго обозначенія всѣхъ христіанъ, употреблялось въ дни Августина во взаимномъ обращеніи духовныхъ лицъ.

должны подавать повода хулить церковь. „Я знаю,—заканчиваетъ Августинъ,—что ты обладаешь умомъ; но и малый умъ хорошъ, если онъ руководится небеснымъ, а острый умъ ни къ чему, если онъ не поднимается надъ земнымъ. Епископское званіе не должно быть средствомъ доставлять себѣ мнимыя радости жизни".

Гораздо ближе касалось Августина и сильнѣе должно было его огорчить громкое дѣло епископа Анатолія Фусальскаго. Мѣстечко Фуссала находилось на окраинѣ гиппонской епархіи, верстахъ въ семидесяти отъ главнаго города. Въ населеніи этой мѣстности донатизмъ настолько преобладалъ, что въ самой Фуссалѣ не было ни одного православнаго. Священники, которыхъ посылалъ туда Августинъ, подвергались побоямъ, ограбленію и увѣчьямъ—нѣкоторые были ослѣплены и убиты. Постепенно однако число православныхъ стало возрастать, а число донатистовъ сильно уменьшаться, да и эти были большею частью бѣглецы изъ другихъ областей. Но такъ какъ Августинъ по отдаленности считалъ затруднительнымъ для себя бдительный надзоръ за обращенными, въ которомъ они нуждались, то онъ рѣшился поставить въ Фуссалѣ особаго епископа,—для этого былъ нуженъ человѣкъ, знавшій пунійскій языкъ. Наконецъ подходящее лицо было намѣчено; въ Фуссалу прибылъ примасъ Нумидіи, чтобы совершить рукоположеніе, и все было готово для этого, какъ вдругъ предложенный кандидатъ отказался. Августинъ былъ въ большомъ затрудненіи; онъ не хотѣлъ еще разъ тревожить пожилого примаса изъ-за того же дѣла, и потому предложилъ въ епископы молодого пресвитера, при немъ находившагося, котораго онъ съ дѣтства воспитывалъ въ своемъ монастырѣ. И Антоній сталъ епископомъ.

Но Антоній не оправдалъ надеждъ Августина: на него стали поступать жалобы; его обвинили въ преступленіи противъ цѣломудрія, въ лихоимствѣ и насиліяхъ, жаловались на его невыносимое властолюбіе. Первое обвиненіе осталось недоказаннымъ, и Августинъ, жалѣя Антонія, не призналъ жалобъ противъ него достаточными для смѣщенія его. Августинъ и дѣйствовавшій заодно съ нимъ епископъ, однако, заставили Антонія возвратить все, что онъ неправильно себѣ присвоилъ, и, оставивъ его въ санѣ епископа, отняли у него власть надъ епархіей для того, чтобы предотвратить новыя столкновенія съ населеніемъ.

Но придуманная ими мѣра никого не удовлетворила. Правда, Антоній, отлученный отъ причастія, внесъ залогомъ всю сумму, подлежавшую возврату, и былъ послѣ этого допущенъ къ при-

чащенію. Но онъ хотѣлъ возвратить себѣ и власть. Онъ утверждалъ, что его надо было или лишить сана, или же оставить ему и власть епископа. Ему удалось склонить на свою сторону примаса Нумидіи и черезъ его посредство перенести дѣло въ Римъ. Разсчитывая на благопріятное для себя разрѣшеніе его дѣла папою, Антоній сталъ грозить своимъ прихожанамъ судебнымъ преслѣдованіемъ, вмѣшательствомъ властей и военной силой для возстановленія его во власти. Напуганные этимъ, жители съ своей стороны жаловались папѣ на Августина за то, что онъ поставилъ имъ такого молодого и непригоднаго епископа. Августинъ самъ былъ принуждалъ обратиться по этому дѣлу съ письмомъ къ папѣ. Письмо это имѣетъ большой интересъ для выясненія отношеній Августина къ папству. Но эту сторону дѣла приходится пока оставить въ сторонѣ. Въ своемъ письмѣ Августинъ сообщаетъ папѣ Целестину всѣ свои тревоги и опасенія—онъ проситъ папу сжалиться и не допустить, чтобы жители Фуссалы терпѣли зло, а епископъ Антоній творилъ его—для того, чтобы тѣ, не получая помощи со стороны каѳолическихъ епископовъ и отъ апостольскаго престола противъ каѳолическаго епископа, не возненавидѣли каѳоличества, и чтобы Антоній, желая удержать ихъ противъ ихъ воли подъ своей властью, не совершилъ преступленія, удаливъ ихъ отъ Христа.

Августинъ былъ такъ огорченъ и встревоженъ опасностью совращенія жителей Фуссалы въ донатизмъ, что выражалъ намѣреніе отказаться отъ епископскаго сана, если вслѣдствіе его неосторожности и черезъ поставленнаго имъ епископа потерпитъ церковь Божія.

Одно изъ самыхъ интересныхъ для исторіи церкви писемъ Августина—его письмо къ молодому епископу Ауксилію. Здѣсь, уже убѣленный сѣдинами и наученный жизненнымъ опытомъ, отецъ церкви высказываетъ свой взглядъ на страшное орудіе, съ помощью котораго средневѣковая церковь, смѣшивая божественное съ земнымъ, добивалась деспотической власти не только надъ совѣстью, но и надъ житейскими интересами людей,—а именно на преданіе анаѳемѣ виновнаго и наложеніе интердикта на прикосновенныхъ къ нему людей. Ничто, по нашему мнѣнію, не доказываетъ такъ ясно, какъ высоко стоялъ Августинъ среди современнаго ему духовенства по своему почерпнутому въ философскомъ идеализмѣ образованію и по своей великодушной, гуманной натурѣ, какъ то письмо, которое должно было бы служить руководящимъ маякомъ въ наступавшей для церкви эпохѣ. Письмо обращаетъ на себя вниманіе и тѣмъ мастерствомъ, съ

какимъ знаменитый епископъ наставлялъ своего слишкомъ горячаго собрата.

Письмо Августина было вызвано просьбою о заступничествѣ, съ которой къ нему обратился нѣкій Классиціанъ, отлученный епископомъАуксиліемъ отъ церкви со всѣмъ своимъ домомъ. Дѣло, по изложенію Классиціана, заключалось въ слѣдующемъ: какіе-то люди, которыхъ Классиціанъ обвинялъ въ клятвопреступленіи, искали убѣжища въ церкви, и, по выраженію Августина, „нарушители вѣры требовали себѣ помощи въ самомъ обиталищѣ вѣры". Когда же туда явился и Классиціанъ со свитой, „соотвѣтствовавшей его положенію въ обществѣ", эти люди добровольно оттуда удалились. За это Ауксилій такъ разгнѣвался на Классиціана, что предалъ его анаѳемѣ. Письмо Классиціана сильно взволновало Августина и вызвало въ немъ „цѣлую бурю чувствъ и мыслей". Обращаясь къ Ауксилію, онъ проситъ его, если тотъ поступилъ такъ въ силу разумныхъ основаній или свидѣтельствъ Св. Писанія, то и его наставить, какимъ образомъ можетъ, по справедливости, быть подвергнутъ анаѳемѣ сынъ за грѣхъ отца, жена за мужа, или же рабъ за господина, или даже еще не родившійся ребенокъ, если онъ родился во время нахожденія его семьи подъ анаѳемой,—вслѣдствіе которой его нельзя будетъ спасти крещеніемъ въ случаѣ смерти?! Возраженіе, что при Ветхомъ Завѣтѣ ненавистники Господа предавались гибели вмѣстѣ съ своими домочадцами, Августинъ устраняетъ замѣчаніемъ, что то была смерть физическая, а здѣсь идетъ рѣчь о гибели души. А затѣмъ, обращаясь къ Ауксилію, Августинъ его спрашиваетъ: „Можетъ быть, ты слыхалъ, что и иные великіе святители предавали анаѳемѣ виновныхъ вмѣстѣ со всей ихъ семьей?—но возможно, что если бы ихъ объ этомъ спросили, они нашли бы удовлетворительныя для этого основанія. Я—если бы кто меня спросилъ, правильно ли они поступили—не зналъ бы, что отвѣтить; самъ же я никогда на это не рѣшался, хотя и бывалъ крайне возмущенъ нѣкоторыми ужасными преступленіями противъ церкви. Но если, можетъ быть, Господь тебѣ открылъ, что это было правильно сдѣлано, тогда и я, старикъ и давнишній епископъ, готовъ поучиться у юноши и у товарища, менѣе года состоящаго епископомъ, какъ оправдать передъ Богомъ и людьми кару духовною смертью неповинныхъ лицъ... Итакъ, если ты въ состояніи найти твоему поступку оправданіе, то дай мнѣ такое объясненіе, чтобы и я могъ присоединиться къ твоему мнѣнію". Августинъ прибавляетъ, что онъ говорилъ бы то же самое, еслибъ даже Классиціанъ *заслужилъ*

отлученіе отъ церкви. Не желая касаться этого вопроса, Августинъ проситъ Auксилія, чтобы онъ въ этомъ случаѣ его простилъ; если же Auксилій, поразмысливъ, найдетъ, что тотъ былъ правъ, то пусть онъ поступитъ, какъ подобаетъ святому человѣку. „Не думай, что мы не можемъ поддаться несправедливому гнѣву, потому что мы епископы!—лучше намъ подумать о томъ, что, живя среди сѣтей искушеній, мы находимся въ постоянной опасности впасть въ ошибку, ибо мы—люди. Поэтому отмѣни приговоръ, который ты поставилъ, можетъ быть, слишкомъ погорячившись, и возстанови любовь, которая васъ связывала съ того времени, когда вы оба готовились къ крещенію; покончи ссору и установи миръ, чтобы не погибъ у тебя другъ и чтобы не порадовался на васъ діаволъ-недругъ". Между тѣмъ, надъ христіанами Африки нависли грозныя тучи, предвѣстницы бури, въ которой погибъ и самъ Августинъ. Имперія стала разрушаться подъ напоромъ варваровъ; сама Италія неоднократно подвергалась ихъ вторженію, а сосѣдняя съ Африкой Испанія окончательно была ими занята; уже можно было опасаться оттуда нашествія вандаловъ. Вандалы же были не только варвары, но и аріане, особенно враждебные православному духовенству. Среди послѣдняго стала распространяться паника, и возникъ вопросъ, дозволено ли епископамъ спасаться отъ преслѣдованій варваровъ? Съ такимъ вопросомъ уже обратился къ Августину епископъ Кводвультдэусъ, а вслѣдъ за нимъ и другой, сосѣдній епископъ, Гоноратъ Тіавскій. Августинъ отвѣтилъ первому, что хотя бы населеніе и спасалось въ безопасныя мѣста, епископы не должны покидать церкви, которой они служатъ. „Какъ бы мало ни оставалось на мѣстѣ нашихъ прихожанъ, наше служеніе имъ такъ необходимо, что они не должны оставаться безъ насъ". И Гонорату была послана копія съ этого письма, но онъ этимъ не удовлетворился и своими возраженіями побудилъ Августина подробно коснуться возбужденнаго вопроса. Это письмо можно назвать завѣщаніемъ Августина. Въ слѣдующемъ году онъ погибъ въ осажденномъ вандалами Гиппонѣ, вѣрно исполняя свой завѣтъ о высокомъ призваніи пастыря—жить и умереть съ своею паствою.

Гоноратъ остался недоволенъ рѣшеніемъ Августина. Онъ привелъ противъ него текстъ Евангелія (Матѳ. X, 23): „Когда же будутъ гнать васъ въ одномъ городѣ, бѣгите въ другой". Августинъ на это замѣчаетъ: кто же повѣритъ, что Христосъ этими словами хотѣлъ сказать, чтобы пастыри покидали паству, его кровью искупленную? Августинъ не признаетъ и другого довода,

приведеннаго Гоноратомъ, ссылки на апостола Павла, бѣжавшаго изъ Дамаска и спущеннаго въ корзинѣ по стѣнѣ. Августинъ объясняетъ, что апостолъ подвергался личному преслѣдованію, и, спасаясь, уступилъ настоянію тѣхъ, кто желалъ сохранить его для церкви. Пусть его примѣру слѣдуютъ тѣ, которые окажутся въ подобномъ положеніи. Но когда всѣ одинаково—и епископы, и клерики, и міряне, подвергаются опасности, то тѣ, въ которыхъ другіе нуждаются, не должны ихъ покидать. Пусть они или всѣ уйдутъ въ безопасныя мѣста, или же пусть тѣ, которые принуждены остаться на мѣстѣ, не лишатся духовной помощи. Гоноратъ утверждалъ въ своемъ первомъ письмѣ, что если епископы будутъ оставаться при церквахъ, то какая же будетъ польза народу оттого, что на глазахъ епископа будутъ избивать мужей, безчестить женщинъ, сожигать церкви и само духовенство будетъ погибать въ мученіяхъ, когда у него станутъ требовать того, чего у него нѣтъ. Августинъ отвѣчаетъ, что страхъ передъ невѣрнымъ будущимъ не долженъ вызывать несомнѣнной измѣны церкви, которая повлечетъ за собою вѣрную гибель народа и не въ этой жизни, а въ другой, о которой нужно несравненно усерднѣе заботиться.

Еслибы эти бѣдствія неизбѣжно предстояли, тогда бы все населеніе разбѣжалось и незачѣмъ было бы оставаться на мѣстѣ и духовенству. Такъ поступили нѣкоторые епископы въ Испаніи, послѣ того, какъ ихъ паства частью разсѣялась, частью погибла или была взята въ плѣнъ. Но большая часть епископовъ оставалась съ населеніемъ, раздѣляя съ нимъ опасности. Доказывая, что паства Христова должна болѣе остерегаться духовной порчи, чѣмъ гибели тѣла, которое такъ или иначе подлежитъ смерти, Августинъ заявляетъ: болѣе слѣдуетъ опасаться гибели цѣломудренной вѣры въ женщинахъ, чѣмъ насилія надъ ихъ тѣломъ; ибо насиліемъ не насилуется цѣломудренность (violentia non violatur pudicitia), если она сохраняется въ душѣ.

Августинъ указываетъ на то, въ какой степени люди всякаго возраста и пола нуждаются въ благахъ церкви; однимъ нужно крещеніе, другимъ прощеніе, третьимъ покаяніе, всѣмъ утѣшеніе и пріобщеніе къ таинствамъ. Какое бѣдствіе представляетъ для всѣхъ нихъ отсутствіе духовенства! И Августинъ краснорѣчиво противопоставляетъ этому бѣдствію картину благъ, источникомъ которыхъ является дѣятельность духовенства.

Августинъ самъ, однако, возбуждаетъ вопросъ, какъ быть, еслибы для блага церкви оказалось нужнымъ, чтобы нѣкоторые изъ служителей церкви оставались, а другіе спасались для того,

чтобы въ случаѣ гибели первыхъ занять ихъ мѣста? Какое высокое соревнованіе,—заявляетъ онъ,—могло бы проявиться въ этомъ случаѣ, еслибы всѣ одинаково пламенѣли любовью! Августинъ совѣтуетъ въ подобномъ случаѣ прибѣгать къ жребію. Иначе тѣ, кто предпочтетъ спасаться бѣгствомъ, будутъ казаться или трусами, или высокомѣрными, считая себя необходимыми для церкви. Съ другой стороны можетъ случиться, что лучшіе пожелаютъ положить жизнь свою за братьевъ, а бѣгствомъ спасутся тѣ, жизнь которыхъ менѣе полезна для паствы. „Жребій же прекращаетъ споры“, и „Господь при такихъ недоумѣніяхъ лучшій судья, чѣмъ люди“.

„Таковъ,—заключаетъ Августинъ свое письмо,—мой отвѣтъ, составленный мною, какъ я полагаю въ духѣ истины и во всякомъ случаѣ—любви. Но если ты найдешь лучшій совѣтъ, то я не настаиваю, чтобы ты ему не слѣдовалъ. Самое лучшее, конечно, среди этихъ опасностей обратиться къ Богу съ молитвой, чтобы Онъ помиловалъ насъ. По милости Божіей немало разумныхъ и святыхъ мужей сподобились того, что не захотѣли покинуть и на самомъ дѣлѣ не покинули церквей Божіихъ и не отступились отъ своего намѣренія, не взирая на злобу своихъ враговъ“.

Нѣкоторыя изъ писемъ Августина, касающіяся церковныхъ дѣлъ, знакомятъ насъ съ обычаями и повѣріями тогдашняго христіанскаго общества и представляютъ его противникомъ этихъ обычаевъ и реформаторомъ. Особенно горячо возставалъ онъ противъ пировъ, совершавшихся на могилахъ покойниковъ и около гробницъ мучениковъ. Августинъ, который зналъ по личному опыту, что этотъ обычай сталъ исчезать въ Италіи подъ вліяніемъ церкви, принялся бороться противъ него съ первыхъ дней своего пастырства. Сознавая однако, что онъ нуждается въ поддержкѣ, Августинъ уже въ 392 году обратился по этому дѣлу къ главѣ африканскаго духовенства, епископу Аврелію Карѳагенскому, прося его „исцѣлить африканскую церковь отъ многихъ плотскихъ язвъ и болѣзней, которыми многіе болѣютъ и которыя немногіе оплакиваютъ“. „Обжорство и пьянство,—пишетъ онъ,—въ такой степени считаются дозволенными въ этихъ случаяхъ, что совершаются въ честь блаженныхъ мучениковъ не только въ праздничные дни, но ежедневно. Пусть приходится терпѣть эти излишества въ домашнемъ быту, но во всякомъ случаѣ необходимо устранять такое безчестіе отъ могилъ свя-

тыхъ, отъ мѣстъ, гдѣ совершаются таинства, и отъ молитвенныхъ домовъ".

Еслибы Африка первая попыталась избавить отъ этого другія страны, она была бы достойна подражанія. Но уже въ большей части Италіи и почти во всѣхъ заморскихъ странахъ эти безобразія или вовсе не возникали, или уничтожены рвеніемъ епископовъ. Въ Африкѣ же язва такъ велика, что она можетъ, какъ думается Августину, быть излечена лишь соборомъ. Если же начало врачеванія должно быть положено какою-нибудь церковью, то, конечно, карѳагенскою; насколько было бы дерзко пытаться измѣнить то, чего держится карѳагенская церковь, настолько было бы безстыдствомъ сохранить обычай, отмѣненный въ Карѳагенѣ. И какой иной епископъ былъ бы желательнѣе для уничтоженія этого зла, какъ не тотъ, кто, еще будучи діакономъ, проклиналъ его. Августинъ совѣтуетъ приняться за дѣло не крутыми мѣрами, а дѣйствовать болѣе поученіемъ, чѣмъ повелѣніемъ, болѣе увѣщаваніемъ, чѣмъ угрозами. Такъ именно надо дѣйствовать съ массой; суровость примѣнима лишь къ проступкамъ отдѣльныхъ лицъ. Но такъ какъ плотская и невѣжественная толпа видитъ въ этихъ роскошныхъ пиршествахъ не только почетъ для мучениковъ, но и утѣшеніе для покойниковъ, то Августинъ совѣтуетъ бороться противъ нихъ съ помощью Св. Писанія; приношенія же на могилы покойниковъ ради упокоенія души ихъ, которыя, конечно, нужно считать для нихъ полезными, слѣдуетъ разрѣшать всѣмъ желающимъ; но они должны приноситься безъ гордыни и отъ сердца, не должны быть роскошны и не должны продаваться; если же кто захочетъ сдѣлать приношеніе деньгами, то пусть тутъ же передастъ ихъ бѣднымъ. Такимъ образомъ, могилы не будутъ оставлены въ запустѣніи, что вызвало бы немало скорби, и память объ умершихъ будетъ справляться церковью честно и благочестиво.

Мы не знаемъ, какой отвѣтъ послѣдовалъ изъ Карѳагена, но ходатайство Августина было ненапрасно, и два года спустя соборъ въ Гиппонѣ, конечно подъ вліяніемъ Августина, принялъ канонъ, воспрещавшій епископамъ и клерикамъ пировать въ церквахъ и предписывавшій имъ воздерживать отъ этого, насколько возможно, и народъ. Нелегко было однако искоренить народный обычай, который долго поощрялся самою церковью, желавшей утѣшить этимъ язычниковъ, привыкшихъ къ шумнымъ празднествамъ въ своихъ храмахъ.

Направленныя къ этой цѣли личныя усилія Августина въ Гиппонѣ скоро увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Случилось это

слѣдующимъ образомъ: на пасхѣ 395 года Августинъ узналъ, что народъ волнуется по случаю запрещенія того праздчества, которое называли въ народѣ „веселіемъ", но, по выраженію Августина, слѣдовало бы называть „опьянѣніемъ". По таинственному промыслу Божію, разсказываетъ Августинъ, ему пришла мысль произнести въ среду на Пасхѣ проповѣдь на текстъ: „не давайте святыню псамъ" и т. д., въ которой онъ доказывалъ, какъ нечестиво производить въ стѣнахъ церкви подъ предлогомъ религіознаго обряда то, что должно было бы повлечь за собою отлученіе отъ святыни, еслибы творилось въ домахъ.

Вѣсть объ этой проповѣди, хорошо принятой слушателями, распространилась по городу и вызвала сильное неудовольствіе. Въ день Вознесенія въ церкви собралась большая толпа. Августинъ воспользовался разсказомъ Евангелія о томъ, какъ Христосъ выгонялъ изъ храма продавцевъ жертвенныхъ животныхъ, и этимъ доказывалъ, что Христосъ выгналъ бы съ еще большимъ негодованіемъ пирующихъ въ храмѣ. Онъ указывалъ, что еврейскій народъ, хотя и преданный плоти, никогда не совершалъ въ храмѣ пировъ не только пьяныхъ, но даже и трезвыхъ, и что во всю свою исторію не напивался публично подъ предлогомъ религіи, кромѣ праздчества по случаю изготовленія имъ идола. Много и другихъ доказательствъ и текстовъ изъ Св. Писанія приводилъ Августинъ для обличенія пьянства и въ особенности въ церкви.

Августинъ сталъ потомъ говорить о себѣ, о томъ, какъ св. старецъ Валерій считалъ его прибытіе въ Гиппонъ знакомъ, что Господь услышалъ его молитвы, и что онъ прибылъ въ Гиппонъ не для того, чтобы быть свидѣтелемъ духовной смерти ея жителей, но чтобы вмѣстѣ съ ними идти къ вѣчной жизни. Въ заключеніе, Августинъ сталъ грозить имъ, словами псалмопѣвца, гнѣвомъ Божіимъ, если они отвергнутъ слово Божіе. Эта часть потрясла слушателей до слезъ. „Я не вызывалъ ихъ слезъ своими,—писалъ Августинъ,—но признаюсь, что, глядя на ихъ слезы, не могъ и самъ воздержаться отъ нихъ". Среди общаго рыданія закончилась проповѣдь.

Но не всѣ въ городѣ были довольны побѣдою Августина. Слѣдующій день былъ днемъ праздчества африканскаго мученика Леонтія, построившаго въ III вѣкѣ церковь въ Гиппонѣ, посвященную его памяти, гдѣ по обычаю именно въ этотъ день должно было устроиться большое пиршество, котораго многіе съ жадностью ожидали [1]). Рано поутру Августина предупредили, что

[1]) Августинъ выражается очень реально — cui solebant fauces ventresque se parare.

нѣкоторые даже изъ числа его вчерашнихъ слушателей ропщутъ: „зачѣмъ же нужно *теперь* отказаться отъ пиршествъ, говорили они, и спрашивали: развѣ тѣ, кому раньше этого не запрещали, не были христіанами?“ Августинъ былъ въ большомъ затрудненіи, что имъ отвѣчать. Онъ собрался прочесть грозныя слова пророка Іезекіила (XXXIII, 9), а затѣмъ отрясти на нихъ прахъ отъ одежды своей и уйти; но они пришли къ нему до начала проповѣди; онъ принялъ ихъ ласково и нѣсколькими словами успокоилъ ихъ. Поэтому, когда началась бесѣда, онъ не привелъ вышеуказаннаго текста и ограничился немногими замѣчаніями; на вопросъ: „почему же теперь“, онъ отвѣчалъ: „хотя бы теперь“. Чтобы оправдать предшественниковъ, которые разрѣшали пиршества или не дерзали запрещать ихъ, Августинъ объяснилъ, какъ этотъ дурной обычай возникъ въ церкви: когда послѣ жестокихъ преслѣдованій христіанъ установился миръ и язычниковъ удерживалъ отъ перехода въ христіанство лишь страхъ утратить веселые пиры въ дни празднествъ идоловъ, предки снизошли къ этой слабости и разрѣшили эти празднества, но въ честь мучениковъ.

Августинъ увѣщавалъ своихъ слушателей послѣдовать примѣру заморскихъ церквей, которыя или не знали такого обычая, или отказались отъ него подъ вліяніемъ добрыхъ пастырей. Но ему указывали на то, что въ Римѣ, въ базиликѣ апостола Петра, ежедневно совершаются попойки въ честь покойниковъ. Августинъ отвѣтилъ, что онѣ не разъ запрещались, что мѣсто, гдѣ онѣ происходятъ, удалено отъ мѣста пребыванія епископа, что въ такомъ городѣ, какъ Римъ, число плотскихъ людей велико, въ особенности вслѣдствіе прилива иноземцевъ, которые тѣмъ сильнѣе дорожатъ этимъ обычаемъ по его новизнѣ для нихъ,— и что все это до сихъ поръ препятствуетъ запрещенію дурного обычая. Но тѣ, кто почитаетъ апостола, должны слѣдовать его предписаніямъ и болѣе сообразоваться съ его посланіемъ (IV, 1—3), гдѣ высказана его воля, чѣмъ съ обычаемъ его базилики, гдѣ эта воля не проявляется [1]).

Убѣдившись, что всѣ единодушны въ осужденіи церковныхъ пиршествъ, Августинъ пригласилъ ихъ еще разъ собраться къ полудню въ церкви для чтенія Св. Писанія и пѣснопѣнія, замѣтивъ, что по числу собравшихся можно будетъ судить, кто живетъ духомъ, а кто чревомъ.

[1]) Еще два года спустя, какъ видно изъ письма Паулина, Паммахій устроилъ по случаю похоронъ своей жены Паулины обильное угощеніе народа въ базиликѣ св. Петра.

После полудня къ приходу епископа собралась толпа еще более многочисленная, чемъ утромъ. Августину хотелось поскорее завершить опасный день, но, по настоянію епископа Валерія, ему пришлось опять сказать проповедь. Речь его была посвящена благодаренію Бога. А такъ какъ изъ соседней базилики донатистовъ раздавались звуки пиршества, все еще тамъ продолжавшагося, то Августинъ указалъ, что какъ день выигрываетъ въ красоте при сравненіи съ ночью, и какъ белый цветъ ярче по соседству съ чернымъ, такъ и ихъ духовное пиршество было бы, можетъ быть, менее ценно, еслибы оно не сопровождалось плотской оргіей еретиковъ. И по уходе епископа съ Августиномъ большая толпа оставалась въ церкви, продолжая пеніе псалмовъ до самой ночи.

Все приведенное выше показываетъ, какъ решительно и самостоятельно выступалъ Августинъ противъ языческихъ обычаевъ въ христіанстве; а изъ нижеследующаго письма мы увидимъ, какъ осторожно онъ относился въ другихъ случаяхъ къ подавленію обычаевъ менее терпимыхъ, если опасался упорнаго сопротивленія противъ требованій духовенства.

Августинъ далеко превосходилъ въ этихъ случаяхъ предусмотрительностью своихъ слишкомъ ревностныхъ учениковъ. Въ этомъ смысле онъ пишетъ однажды епископу Поссидію, который началъ борьбу противъ женскихъ украшеній: „Важнее подумать о томъ, какъ поступить съ теми, кто не захочетъ повиноваться, чемъ о томъ, какъ ихъ убеждать въ томъ, что они поступаютъ такъ, какъ не следуетъ". Извещая Поссидія, что письмо его застало его крайне занятымъ, а быстрый отъездъ посланнаго не позволяетъ ему ни оставить его вовсе безъ ответа, ни ответить, какъ следуетъ, на его вопросы, Августинъ выражаетъ желаніе, чтобы Поссидій не принималъ относительно запрещенія золотыхъ украшеній и богатыхъ одеждъ слишкомъ поспешныхъ решеній; безусловно запрещать следуетъ ихъ только темъ, кто, не состоя въ браке и не мечтая о браке, должны думать о томъ, какъ быть угодными Господу. „Те же, которые живутъ для міра, думаютъ о томъ, какъ нравиться — мужья женамъ, а жены мужьямъ (I Кор. VII, 32). Нужно наблюдать лишь за темъ, чтобъ женщины, даже замужнія, по завету апостола, покрывали волосы. Румяниться же или белиться есть подделка и обманъ, которому, я не сомневаюсь, не пожелаютъ поддаваться сами мужья; а ведь только ради нихъ дозволяется женщинамъ украшать себя; *разрешается*, но не предписывается".

Снисходительный въ этомъ вопросе, Августинъ тутъ же отзы-

вается съ негодованіемъ о всякихъ амулетахъ, къ которымъ онъ причисляетъ и серьги мужчинъ, подвѣшанныя къ одному уху „не ради того, чтобъ нравиться людямъ, но чтобы служить демонамъ". Онъ говоритъ, что нѣтъ надобности разыскивать въ Св. Писаніи особыхъ текстовъ, воспрещающихъ это суевѣріе, когда есть общее предписаніе не водиться съ демонами. Августинъ требуетъ наставленія этихъ „жалкихъ" суевѣровъ, но, зная, какъ глубоко коренится ихъ суевѣріе, онъ опять впадаетъ въ раздумье, какъ быть съ упорствующими, „если они, опасаясь снять свои серьги, не устрашатся принять тѣло Христово съ этимъ знаменьемъ дьявола на себѣ"?

Такой же примирительный духъ проявлялъ Августинъ и тамъ, гдѣ чисто христіанскій обычай вызывалъ разногласіе и споры. Такъ было въ вопросѣ о постныхъ дняхъ. Въ Римѣ установился вопреки общему обычаю постъ по субботамъ; нѣкоторыя африканскія церкви слѣдовали примѣру Рима, другія же придерживались общаго православнаго обычая. Одинъ изъ африканскихъ пресвитеровъ прислалъ Августину длинное разсужденіе анонимнаго „римлянина", который запальчиво отстаивалъ римскій обычай и просилъ Августина дать о немъ отзывъ. Обремененный занятіями, Августинъ замедлилъ отвѣтомъ, но новое настойчивое требованіе побудило его взяться за перо и подробно разобрать вопросъ.

Письмо это заслуживаетъ особеннаго вниманія не только въ виду высказаннаго въ немъ мнѣнія Августина по возбужденному вопросу, но еще потому, что служитъ важнымъ документомъ для установленія взгляда гиппонскаго епископа на авторитетъ преемниковъ апостола Петра и *римскаго* обычая.

„На твой запросъ,—пишетъ Августинъ Казулану,—разрѣшено ли по субботамъ поститься, я отвѣчу, что еслибы это было не разрѣшено, то, конечно, ни Моисей, ни пророкъ Илія, ни самъ Господь нашъ не постились бы непрерывно въ теченіе сорока дней. На этомъ же основаніи полагаютъ, что постъ разрѣшается и по воскресеньямъ. Но все-таки, еслибы кто отсюда вывелъ, что воскресный день долженъ быть посвященъ посту, то онъ сталъ бы соблазномъ для церкви, и вполнѣ заслуженно. Ибо въ дѣлахъ, о которыхъ нельзя найти чего-либо опредѣленнаго въ Божественномъ Писаніи, слѣдуетъ держаться обычаевъ Божьяго народа или постановленій предковъ. Если же бы мы стали о нихъ спорить и на основаніи обычая *однихъ* осуждать *другихъ*, то отсюда возникли бы безконечныя распри. А потому нужно остерегаться, чтобы бури споровъ не застилали солнца любви. Этой опасности

не захотѣлъ избѣгнуть тотъ, чье длинное разсужденіе ты мнѣ прислалъ".

Анонимный авторъ не избѣгъ и другой опасности: своимъ неумѣреннымъ рвеніемъ онъ подрывалъ дѣло, которое защищалъ, и Августинъ искусно воспользовался его промахами: „Суди самъ,—пишетъ Августинъ Казулану,—и ты убѣдишься, что твой авторъ нисколько не убоялся оскорбить обиднѣйшими словами почти всю церковь съ востока до запада. Я могъ бы даже прямо сказать—всю церковь; ибо онъ даже не пощадилъ самихъ римлянъ, обычай которыхъ онъ взялся защищать, такъ какъ не замѣчаетъ, что и на нихъ обрушивается его брань; а такъ какъ у него не хватаетъ доводовъ, чтобы доказать необходимость субботняго поста, то онъ съ негодованіемъ напускается на роскошь трапезъ, неумѣренныя пиршества и нечестивыя попойки—какъ будто *не* поститься уже значить пьянствовать. Если же это такъ, то какая польза римлянамъ отъ того, что они по субботамъ постятся; вѣдь въ другіе дни, когда они не постятся, ихъ приходится, по разсужденіямъ этого автора, признавать пьяницами и обжорами? Но иное дѣло погрязнуть душою въ обжорствѣ и пьянствѣ, — что всегда дурно,—иное, сохранивъ скромность и умѣренность, не соблюдать поста—какъ это бываетъ и по воскресеньямъ, чего не осудитъ ни одинъ христіанинъ.

Отрицая это различіе, авторъ явно хулитъ церковь, простирающуюся по всему земному кругу, за исключеніемъ Рима и нѣсколькихъ западныхъ церквей. Кто же потерпитъ, чтобы онъ поносилъ всѣ восточные христіанскіе народы и много западныхъ, и столько рабовъ и рабынь Божіихъ, по субботамъ умѣренно воспринимающихъ пищу, обвиняя ихъ, что они живутъ въ плоти и не могутъ быть угодны Богу. Разсужденіе „римлянина" представляетъ образчикъ лжетолкованія текстовъ, безпощадно обличаемаго Августиномъ. Такъ онъ выводилъ изъ евангельскаго разсказа о фарисеѣ (Лук. XVIII, 11), что постящіеся лишь дважды въ недѣлю, будутъ прокляты съ фарисеемъ, — „какъ будто,— замѣчаетъ на это Августинъ,—фарисей былъ преданъ проклятію за то, что два раза въ недѣлю постился, а не за то, что презиралъ мытаря? Вѣдь онъ точно такъ же могъ бы сказать, что тѣ, кто даютъ десятину бѣднымъ, будутъ прокляты съ фарисеемъ, который и это поставлялъ себѣ въ заслугу!—Я хотѣлъ бы однако, чтобы многіе христіане такъ же поступали, но дѣлаютъ это лишь очень немногіе. Впрочемъ Евангельское Писаніе вовсе не говоритъ, что фарисей былъ преданъ проклятію, но что мытарь оказался бо̀льшимъ праведникомъ".

Авторъ разсужденія такъ увлекся, что, не довольствуясь трехдневнымъ постомъ, требовалъ постояннаго поста, за исключеніемъ воскресенья. Августинъ иронически совѣтуетъ римлянамъ, чтобы они сами приняли мѣры для своей защиты отъ такихъ оскорбленій. Ибо кто же у нихъ, за исключеніемъ очень небольшого числа клериковъ и монаховъ, постится ежедневно, тѣмъ болѣе, что у нихъ нѣтъ обычая поститься по четвергамъ.

Доказывая необходимость продолжительнаго поста, авторъ сослался на Моисея, остававшагося сорокъ дней безъ ѣды и питья. Августинъ замѣчаетъ: „Развѣ онъ не видитъ, что ему можно возразить? Если изъ сорокадневнаго поста, въ продоженіе котораго Моисей постился шесть разъ по субботамъ, авторъ хочетъ вывести, что слѣдуетъ поститься по субботамъ, то почему онъ не выводитъ отсюда, что слѣдуетъ поститься и по воскресеньямъ“?

Выставивъ въ свою пользу разные бездоказательные тексты Св. Писанія, авторъ сослался на авторитетъ, имѣвшій особенную цѣну въ Римѣ, и привелъ легендарный разсказъ, которымъ въ Римѣ оправдывали обычай поститься по субботамъ. Самъ Петръ, глава апостоловъ, привратникъ неба и основа церкви, побѣдивъ Симона (мага), который былъ образомъ дьявола, и могъ быть побѣжденъ только съ помощью поста, научилъ этому римлянъ, что удостовѣрено передъ всѣмъ міромъ. Интересно, какъ отнесся Августинъ къ этой ссылкѣ на авторитетъ апостола римской церкви. „Развѣ,—спрашиваетъ онъ,—прочіе апостолы учили несогласно съ Петромъ, чтобы христіане не постились? Подобно тому, какъ Петръ и его товарищи жили между собою согласно, такъ пусть живутъ согласно постящіеся въ субботу, наставленные Петромъ, и непостящіеся по субботамъ, наставленные его товарищами. Августинъ склоняется къ иному объясненію возникшаго въ Римѣ обычая. Многіе держатся,—говоритъ онъ,—и такого мнѣнія, хотя большинство римлянъ считаютъ его ложнымъ, что апостолъ Петръ, собираясь состязаться съ Симономъ-магомъ въ воскресный день, постился наканунѣ со всею своею церковью, въ виду опасности и большаго искушенія, а затѣмъ, послѣ успѣшнаго и славнаго исхода, удержалъ этотъ обычай; въ чемъ его примѣру послѣдовали нѣкоторыя западныя церкви. Но если, какъ тотъ авторъ говоритъ, Симонъ-магъ былъ образомъ дьявола, то его искушеніе относится не къ субботѣ и не къ воскресенью, а къ каждому дню; однакоже не каждый день постятся для борьбы съ нимъ, такъ какъ во всѣ воскресенья и въ пятьдесятъ дней послѣ Пасхи, а въ разныхъ мѣстахъ и въ дни памяти муче-

никовъ и разные другіе праздники поста не соблюдаютъ—и всетаки дьяволъ побѣждается.

„Если же станутъ говорить,—заявляетъ далѣе Августинъ,—что тому самому, чему училъ въ Римѣ Петръ, т.-е., чтобы по субботамъ постились, училъ Іаковъ въ Іерусалимѣ, въ Ефесѣ Іоаннъ, а прочіе апостолы въ другихъ мѣстахъ, но что прочія страны отъ этого обычая отступили, въ Римѣ же онъ удержался; или же, если, наоборотъ, станутъ утверждать, что нѣкоторыя мѣстности на западѣ, въ числѣ коихъ и Римъ, не отступили отъ ученія апостоловъ—восточныя же страны, гдѣ началась проповѣдь Евангелія, сохранили безъ измѣненія то, что имъ передано было *всѣми* апостолами, не исключая и самого Петра, а именно, субботній день не считать постнымъ,—тогда возникнетъ безконечная распря, которая породитъ безчисленные споры. Такъ пусть же будетъ единая вѣра во всей церкви, повсюду распространяющейся, хотя бы самое единство вѣры проявлялось въ нѣкоторомъ различіи обычаевъ, которое нисколько не является помѣхою тому, что въ вѣрѣ истиннаго“.

Подводя итогъ своимъ возраженіямъ, Августинъ говоритъ: „Соображая все, что объ этомъ сказано въ Евангеліяхъ и въ Посланіяхъ апостоловъ и во всемъ Новомъ Завѣтѣ, я прихожу къ заключенію, что намъ предписано поститься. Въ какіе же дни слѣдуетъ поститься, а въ какіе не слѣдуетъ, относительно этого я не нахожу предписанія ни у Христа, ни у апостоловъ. А потому я думаю, что предпочтительнѣе освобожденіе отъ поста въ субботу, чѣмъ принужденіе къ нему — не для достиженія вѣчнаго покоя (что и есть истинная суббота), ибо достигается это вѣрою и благочестіемъ (justitia),—а для ознаменованія его.

„Впрочемъ,—прибавляетъ Августинъ, и въ этомъ сущность его мнѣнія,—станетъ ли кто поститься по субботамъ, или нѣтъ, по что мнѣ кажется всего вѣрнѣе и безопаснѣе соблюдать, это—сохранять въ этихъ дѣлахъ мирное общеніе съ тѣми, среди которыхъ мы живемъ и съ которыми живемъ для Господа“. Ссылаясь на слова апостола Павла: „Худо человѣку, который ѣстъ на соблазнъ“ (Рим. XIV, 20), Августинъ замѣчаетъ, что точно также вѣрно, что худо человѣку, который постится на соблазнъ.

Покончивъ вопросъ о субботнемъ постѣ, Августинъ счелъ нужнымъ остановиться еще и на вопросѣ, слѣдуетъ ли поститься по воскресеньямъ, и доказываетъ, что воскресный постъ есть великій соблазнъ. Соблазнъ этотъ сталъ въ глазахъ Августина особенно великъ съ той поры, какъ „объявилась отвратительная и во многихъ отношеніяхъ безусловно противная каѳолической

вѣрѣ ересь манихеянъ, которая назначила своимъ „послушникамъ" именно этотъ день, какъ настоящій (legitimum) постный день". Августинъ проситъ не смущаться и тѣмъ, что присциллiанисты, которымъ онъ приписываетъ большое сходство съ манихеянами, постятся по воскресеньямъ, ссылаясь на „Дѣянія апостоловъ", гдѣ разсказано (XX, 7), что апостолъ Павелъ въ Троадѣ, собравъ своихъ слушателей въ первый день недѣли, наставлялъ ихъ до слѣдующаго утра. Августинъ извлекаетъ изъ самаго этого разсказа выводъ, что обычая поститься тогда не было, и если апостолъ Павелъ и его слушатели провели этотъ день безъ пищи, то только потому, что апостолъ собирался на слѣдующее утро надолго или, можетъ быть, навсегда съ ними разстаться, и потому не желалъ проститься съ ними, не сказавъ имъ всего, что̀ считалъ нужнымъ.

Августинъ прибавляетъ, что примѣръ, поданный тѣмъ апостоломъ Павломъ, не представлялъ бы соблазна для церкви, но послѣ того какъ манихеяне и другіе еретики ввели воскресный постъ, какъ догму и священный обычай, не слѣдуетъ поступать по примѣру апостола даже въ подобныхъ случаяхъ изъ страха, чтобы вредъ отъ соблазна не оказался сильнѣе, чѣмъ польза отъ проповѣди.

Объяснивъ, почему церковь постится по средамъ и пятницамъ, а не по субботамъ, за исключеніемъ дня, предшествующаго Пасхѣ, Августинъ заканчиваетъ свое обстоятельное разсужденіе весьма трогательнымъ и убѣдительнымъ воспоминаніемъ. Когда онъ проживалъ въ Миланѣ у св. Амвросія, его мать была въ недоумѣніи, слѣдуетъ ли ей поститься по субботамъ, по обычаю ея родного города (Тагасты), или не поститься, по миланскому обычаю. Чтобы успокоить ее, Августинъ обратился съ своимъ вопросомъ къ Амвросію. „Что̀ могу я тебѣ посовѣтовать иного,—отвѣтилъ ему архіепископъ,—какъ то, что̀ я самъ дѣлаю?" Августинъ подумалъ, что Амвросій совѣтовалъ, подобно ему, по субботамъ *не* поститься; но Амвросій добавилъ: „Когда я здѣсь, я не пощусь по субботамъ: когда же я въ Римѣ, тогда пощусь; въ какую церковь прибудете, обычаю той и слѣдуйте, если не хотите совершать соблазна или подвергаться ему". Этому совѣту и послѣдовала мать Августина. „Но такъ какъ,—продолжаетъ Августинъ,—случается, особенно въ Африкѣ, что въ той же церкви, или въ церквахъ той же мѣстности, по субботамъ одни постятся, другіе—нѣтъ, то онъ совѣтуетъ слѣдовать обычаю пастыря, которому поручена совокупность населенія въ данной мѣстности".

Современные Августину обычаи поставили его однажды въ весьма щекотливое положеніе. Давно прошло время, когда христіанскія общины свободно избирали своихъ пресвитеровъ и епископовъ, но въ дни Августина случалось, по крайней мѣрѣ въ Африкѣ, что народъ бурно проявлялъ свою волю по поводу такихъ избраній, насильно заставляя излюбленнаго человѣка брать на себя служеніе церкви. Самъ Августинъ, какъ мы видѣли [1]), былъ избранъ такимъ способомъ. Другой подобный случай произошелъ также въ Гиппонѣ во время епископства Августина и не только заставилъ его пережить очень тяжелыя минуты, но имѣлъ для него непріятныя послѣдствія. Въ Гиппонъ прибылъ изъ Тагасты въ сопровожденіи тамошняго епископа Алипія, вѣроятно чтобы посѣтить Августина, очень богатый человѣкъ, уже женатый, по имени Пиніанъ. Мать Пиніана, Альбина, и онъ самъ щедро одарили церковь въ Тагастѣ, и это вѣроятно подало мысль гиппонцамъ воспользоваться его пріѣздомъ и его богатствами, и для этого избрать его въ пресвитеры.

Можетъ быть, здѣсь отразились обычаи и прежней муниципальной жизни. Эта жизнь процвѣла благодаря добровольному стремленію состоятельныхъ гражданъ нести городскую службу не только безвозмездно, но тратя свои средства на благоустройство и украшеніе города. По мѣрѣ оскудѣнія муниципальной жизни, на ея мѣсто выдвинулась жизнь христіанской общины, и такъ какъ послѣдней приходилось содержать и свое духовенство, и своихъ бѣдныхъ, то для нея было небезразлично привлеченіе въ среду духовенства богатыхъ гражданъ, средства которыхъ, по ихъ смерти, большею частью переходили къ мѣстной церкви.

Но жители Гиппона, провозгласившіе въ церкви Пиніана своимъ пресвитеромъ, встрѣтили отпоръ съ его стороны. Онъ вовсе не желалъ посвященія и не хотѣлъ оставаться жить въ Гиппонѣ. Его сопротивленіе вызвало неудовольствіе народа и наконецъ озлобленіе, перешедшее и на епископа Алипія, котораго народъ заподозрилъ въ томъ, что онъ поддерживаетъ сопротивленіе Пиніана изъ корысти, въ разсчетѣ воспользоваться его богатствомъ для своей церкви. Неудовольствіе народа обратилось и противъ самого Августина, когда тотъ заявилъ, что не станетъ посвящать въ пресвитеры Пиніана противъ его воли, и что если его все-таки посвятятъ, то откажется отъ епископства. Зная дикость и необузданность африканскаго населенія, можно представить себѣ, до чего дошла ярость толпы, если самому Авгу-

[1]) „Вѣстн. Европы“, янв. 1905.

стину пришлось удалиться въ алтарь и занять свой престолъ, чтобы уйти отъ толпы.

Послѣ этого событія Августинъ старался въ письмѣ къ Альбинѣ успокоить ее насчетъ опасности, которой подвергается ея сынъ, и оправдать своихъ земляковъ; но самая эта попытка подтверждаетъ, до какой степени разбушевались дикія страсти. „Твоему благочестивому сыну,—пишетъ онъ,—никто не подавалъ повода опасаться смерти, хотя онъ, можетъ быть, этого и боялся. Ибо и я опасался, чтобы не прорвалась дикая дерзость негодяевъ, которые часто присоединяются къ толпѣ съ тайными замыслами,—и чтобы они не воспользовались случаемъ произвести возмущеніе, которое они возбуждали напускнымъ негодованіемъ. Но,—прибавляетъ Августинъ,—я потомъ слышалъ, что никто ничего подобнаго не говорилъ и не замышлялъ, хотя и правда, что противъ брата Алипія раздавалась недостойная брань“.

Твердость Августина, спокойно сдерживавшаго у своего престола толпу, нѣсколько смутила ее,—но скоро, „какъ пламя, раздутое вѣтромъ, она забушевала еще сильнѣе, въ надеждѣ, что можно будетъ принудить Августина нарушить свой зарокъ или настоять на посвященіи Пиніана другимъ епископомъ. Но Августинъ объяснилъ почетнымъ жителямъ, пришедшимъ въ алтарь, что онъ не можетъ отступить отъ своего зарока, и что Пиніанъ не можетъ быть посвященъ другимъ епископомъ безъ его позволенія. Однако толпа, взобравшись на ступени, ведущія къ алтарю, настаивала на своемъ съ ужасными и несмолкаемыми криками. „Тогда,—по словамъ Августина,—раздались нечестивые крики противъ моего брата (епископа Алипія), и я сталъ опасаться еще худшаго“.

Опасность въ глазахъ Августина стала такъ велика, что онъ думалъ совсѣмъ оставить церковь. Но онъ боялся, что когда онъ сталъ бы выходить сквозь сомкнувшуюся толпу вмѣстѣ съ Алипіемъ, чтобы кто-нибудь не занесъ на епископа руку; если же бы онъ вышелъ одинъ, то это имѣло бы видъ, что онъ его покидаетъ, предавая разъяренной толпѣ. Изъ этого тревожнаго состоянія вывелъ Августина Пиніанъ, приславшій ему послѣ заявить о своей готовности поклясться народу, что если его посвятятъ въ пресвитеры противъ его желанія, то онъ покинетъ Африку; но Августинъ увидѣлъ въ такой угрозѣ лишь новый поводъ къ озлобленію для народа и ничего не отвѣтилъ. Затѣмъ однако Пиніанъ неожиданно предложилъ остаться жить въ Гиппонѣ, если на него не возложатъ бремени духовной должности. Августинъ говоритъ, что эти слова доставили ему такое облегченіе, какъ

свѣжій воздухъ задыхающемуся, и онъ поспѣшилъ сообщить объ этомъ Алипію. Но тотъ, заявивъ, что это не понравится матери Пиніана, просилъ не спрашивать его совѣта. Послѣ этого Августинъ обратился къ волнующемуся народу, и когда наступило молчаніе, сообщилъ объ обѣщаніи Пиніана. Однако народъ, стремившійся къ тому, чтобы навязать Пиніану пресвитерство, принялъ предложеніе не такъ, какъ ожидалъ Августинъ; все же послѣ, пошептавшись между собою, толпа потребовала, чтобы Пиніанъ присоединилъ къ своему обѣщанію еще и клятву, что если когда-нибудь вздумаетъ принять духовное званіе, то не иначе, какъ въ Гиппонѣ. Продолжая свою роль посредника, Августинъ получилъ согласіе на это Пиніана, и народъ „на радостяхъ“ потребовалъ немедленнаго принесенія обѣщанной клятвы.

Дѣло однако этимъ не кончилось. Пиніанъ усомнился въ пригодности придуманной имъ самимъ формулы клятвеннаго обѣщанія: ему стали представляться разныя случайности, которыя могли бы его принудить къ нарушенію клятвы,—напр., вражеское нашествіе. Его жена, Меланія, указывала съ своей стороны на возможность заболѣванія маларіей, но вызвала этимъ неудовольствіе мужа. Чтобы успокоить Пиніана, Августинъ замѣтилъ, что вражеское нашествіе заставило бы и другихъ жителей Гиппона удалиться, и совѣтовалъ объ этомъ не заявлять народу, который принялъ бы это за дурное предзнаменованіе; онъ не одобрялъ также неопредѣленныхъ оговорокъ къ клятвѣ въ видѣ, напр., предоставленія Пиніану права удалиться изъ Гиппона „въ случаѣ необходимости“, такъ какъ народъ заподозрилъ бы въ этомъ намѣреніе обмануть его. Пиніанъ однако настаивалъ на своемъ и хотѣлъ сдѣлать опытъ; но опытъ оправдалъ опасенія Августина, и когда діаконъ прочелъ предложенную Пиніаномъ формулу, шумъ въ народѣ возобновился. Тогда Пиніанъ приказалъ опустить оговорку, и народъ успокоился; но онъ не захотѣлъ выходить къ народу одинъ для произнесенія клятвы, и Августину пришлось сопровождать его. Пиніанъ повторилъ формулу, прочтенную діакономъ, и далъ клятву соблюсти ее. Народъ отвѣтилъ обычнымъ кликомъ православныхъ христіанъ: „Deo gratias!“ (въ отличіе отъ клика донатистовъ: „Deo laudes!“) и потребовалъ, чтобы Пиніанъ скрѣпилъ клятву еще своею подписью. Мало того—народъ еще потребовалъ,—но чинно, черезъ почетныхъ лицъ,—чтобы и епископы подписались. Августинъ уже началъ подписывать свое имя, но былъ остановленъ Меланіей. Августинъ недоумѣвалъ, почему?—какъ будто отсутствіе его подписи

лишало клятвенное обѣщаніе его значенія!—но исполнилъ желаніе Меланіи, и его имя осталось недописаннымъ на грамотѣ.

Такъ кончилась эта бурная и тягостная для Августина сцена; она однако повлекла за собою непріятную для него обязанность—оправдать не только свою паству, но и самого себя въ глазахъ возмущенной матери Пиніана и оскорбленнаго епископа Алипія, которые въ своихъ сѣтованіяхъ косвенно не пощадили и его. Отвѣчая на упреки Альбины, Августинъ отрицаетъ, чтобы клятвенное обѣщаніе Пиніана остаться въ Гиппонѣ было дано по его, Августина, настоянію. Да и народъ гиппонскій, какъ утверждалъ Августинъ, нельзя винить въ ней. Онъ требовалъ отъ Пиніана священства, а не клятвы; когда Пиніанъ вмѣсто немедленнаго посвященія предложилъ клятвенное обѣщаніе не удаляться изъ Гиппона, народъ согласился, но въ надеждѣ, что пребываніе Пиніана въ Гиппонѣ склонитъ его къ священству. И въ томъ, что народъ былъ недоволенъ этой клятвой, пока Пиніанъ не прибавилъ, что если онъ приметъ посвященіе, то лишь въ Гиппонѣ, Августинъ усматривалъ доказательство того, что народъ добивался именно посвященія Пиніана, т.-е. святого дѣла, а не маммоны.

Отражая обвиненіе Альбины, что принужденіе Пиніана принять священство было вызвано „позорнымъ корыстолюбіемъ", Августинъ утверждалъ, что народъ не могъ ожидать отъ этого для себя никакой выгоды, какъ и тагастинцы не извлекли никакой выгоды отъ щедраго дара Альбины и Пиніана церкви ихъ города. Гиппонцы излюбили Пиніана не за его богатство, а за его пренебреженіе къ богатству. Августинъ приводитъ въ доказательство, что гиппонцы и его принудили принять у нихъ священство, потому что прослышали про него, что онъ подарилъ свое имѣньице церкви своего родного города, той же Тагасты. Поэтому нѣтъ основанія подозрѣвать, что народъ въ Гиппонѣ теперь руководился жадностью. Августинъ, признается, правда, что среди толпы были „бѣдные и нищіе, которые также кричали и разсчитывали, что отъ вашего изобилія и имъ перепадетъ пособіе", но, прибавляетъ Августинъ, „я полагаю что такая корысть не позорна".

Если же народъ ни при чемъ, то обвиненіе въ постыдной любви къ деньгамъ должно пасть на духовенство, въ особенности же на епископа. Августинъ оговаривается, что этотъ упрекъ не прямо высказанъ Альбиной, но лишь такой упрекъ имѣлъ бы смыслъ. А этотъ упрекъ представляетъ для него бо̀льшую опасность, чѣмъ мнимый страхъ смерти, который пережи-

валъ Пиніанъ, ибо сохраненіе чести, которою надо дорожить ради слабыхъ, чтобы служить имъ образцомъ—предпочтительнѣе сохраненія бренной жизни.

Но такъ какъ чистота совѣсти сокрыта отъ людей, то Августину остается лишь призывать Бога въ свидѣтели. Августинъ сѣтуетъ, что его принуждаютъ къ такой клятвѣ, но считаетъ ее необходимою, чтобы избавить Альбину отъ ея подозрѣній и возстановить предъ ней свою честь во всей ея чистотѣ. Онъ надѣется на Божью помощь, чтобы доказать не только Альбинѣ и своимъ друзьямъ, членамъ тѣла Христова, но и злѣйшимъ своимъ врагамъ, что никакое корыстолюбіе не запятнало его въ веденіи церковныхъ дѣлъ. И онъ снова призываетъ Бога въ свидѣтели, что управленіе церковными имуществами, которымъ онъ будто бы дорожитъ, онъ вовсе не любитъ, но претерпѣваетъ его лишь какъ иго, ради служенія братьямъ и изъ страха Божьяго,—и что онъ весьма бы желалъ отъ него избавиться, если бы оно не входило въ его обязанности. Августинъ при этомъ искусно взываетъ къ самому Алипію и беретъ Бога въ свидѣтели, что и его братъ Алипій раздѣляетъ его отношеніе къ церковнымъ имуществамъ, а между тѣмъ народъ въ Гиппонѣ думаетъ о немъ иначе и обрушился на него съ подобными же оскорбленіями. Затѣмъ Августинъ съ неподражаемымъ соединеніемъ ироніи и искренности укоряетъ своихъ друзей, что вѣрно они имѣли его въ виду, говоря о народѣ Гиппона, къ которому ихъ упреки въ корыстолюбіи не могли относиться. „Вы хотѣли меня задѣть и укорить, конечно, для моего исправленія, а не по злобѣ, въ которой я васъ не подозрѣваю; поэтому я не долженъ за это сердиться, а благодарить васъ; вы не могли поступить почтительнѣе и великодушнѣе, ибо, не дѣлая прямо обидныхъ упрековъ епископу, вы лишь косвенно предоставляли ему догадываться о нихъ". Горечь этихъ словъ показываетъ, какъ глубоко былъ оскорбленъ Августинъ обвиненіемъ своего бывшаго ученика и друга. Но дѣло Пиніана приняло новый оборотъ, вызвало еще новыя пререканія между прежними друзьями и заставило Августина дать своему собрату новый урокъ христіанской этики. Несмотря на данное имъ клятвенное обѣщаніе, Пиніанъ уѣхалъ изъ Гиппона къ своимъ въ Тагасту. Мы не знаемъ, какъ отнеслись гиппонцы къ этому отъѣзду—письмо Августина объ этомъ не дошло до насъ. Повидимому, Августину удалось успокоить своихъ согражданъ и склонить ихъ не препятствовать Пиніану отлучаться изъ Гиппона „по своимъ надобностямъ". Но не такъ смотрѣли на дѣло друзья

Пиніана: они отрицали, чтобы на Пиніанѣ лежала обязанность возвратиться въ Гиппонъ. Августину пришлось отвѣтить на вопросъ Альбины; считаетъ ли онъ или народъ въ Гиппонѣ, что „вынужденная насиліемъ клятва обязательна"? Въ отвѣтъ Августинъ писалъ ей: „А ты сама какъ думаешь? полагаешь ли ты, что христіанинъ можетъ призывать Бога въ свидѣтели обмана, даже въ случаѣ угрозы неминуемой смерти, которой въ то время напрасно опасался Пиніанъ"?

Августинъ напоминаетъ, что даже враждующія войска, устремленныя къ тому, чтобы нанести другъ другу смерть, соблюдаютъ взаимную клятву... Эти люди болѣе боятся нарушенія клятвы, чѣмъ совершенія убійства, а мы возбуждаемъ вопросъ и разсуждаемъ, слѣдуетъ ли исполнять вынужденное клятвенное обѣщаніе рабамъ Божіимъ, выдающимся святостью жизни монахамъ, ради исполненія завѣта Христова раздающимъ свое имущество"?

Вмѣстѣ съ тѣмъ Августинъ старается доказать Альбинѣ, что соблюденіе клятвеннаго обѣщанія со стороны ея сына вовсе не такое бѣдствіе, какимъ оно ей представляется: „развѣ обѣщанное въ Гиппонѣ пребываніе Пиніана отягощается для него изгнаніемъ или ссылкой? Полагаю, что священство не есть изгнаніе. Но я не желаю защищать святого мужа, мнѣ столь дорогого съ такой точки зрѣнія; не желаю, чтобы про него говорили, что онъ предпочелъ изгнаніе священству или клятвопреступленіе изгнанію. Такъ я говорилъ бы, если бы на самомъ дѣлѣ я или народъ исторгли у него клятвенное обѣщаніе жить здѣсь. Но что бы вы ни думали обо мнѣ, или о гиппонцахъ, большая разница между тѣми, кто понуждалъ къ клятвѣ, и тѣми, кто—не скажу понуждалъ, но совѣтовалъ преступить ее"! Ту же точку зрѣнія пришлось Августину отстаивать не только противъ огорченной матери, которую разлучили съ сыномъ, но противъ христіанскаго епископа, своего ученика и друга. „Что касается до твоего предложенія,—пишетъ онъ Алипію,—обсудить съ тобою силу исторгнутой насиліемъ клятвы, то умоляю тебя имѣть въ виду, чтобы наше обсужденіе не затемнило дѣла чрезвычайно яснаго. Если бы отъ раба Божьяго потребовали, подъ угрозой неминуемой смерти, чтобы онъ далъ клятву совершить нѣчто недозволенное или нечестивое, то онъ долженъ былъ бы предпочесть смерть клятвѣ для того, чтобы не совершить преступленія для соблюденія клятвы".

„Въ данномъ же случаѣ настойчивые крики народа понуждали

не къ какому-либо нечестивому дѣлу, а къ совершенно законному; и хотя можно было опасаться, что немногіе негодяи, которые обыкновенно примѣшиваются къ толпѣ порядочныхъ людей, воспользуются смутою и, подъ предлогомъ справедливаго негодованія, произведутъ какое-нибудь преступленіе изъ жажды грабежа, но опасенія эти не имѣли основанія; кто же при такихъ условіяхъ скажетъ, что ради сомнительныхъ убытковъ или тѣлесныхъ оскорбленій, или даже смерти, слѣдуетъ совершить несомнѣнное клятвопреступленіе"? Августинъ ссылается на примѣръ Регула, ничего не слыхавшаго о томъ, что сказано въ Св. Писаніи о нечестіи клятвопреступленія; на римскихъ цензоровъ, которые не пожелали оставить клятвопреступниковъ среди—не святыхъ людей, а простыхъ сенаторовъ, не въ небесномъ сонмѣ, а въ земной куріи!

Подчеркивая нравственный ригоризмъ языческихъ римлянъ, Августинъ напоминаетъ, что они не захотѣли терпѣть въ сенатѣ не только тѣхъ, кто изъ страха жестокихъ мученій и смерти предпочелъ клятвопреступленіе возвращенію къ дикимъ врагамъ, но и тѣхъ, кто признавалъ себя неповиннымъ въ клятвопреступленіи, потому что послѣ клятвы вернулся въ плѣнъ подъ какимъ-то предлогомъ. „Мы привыкли высоко прославлять подобныя дѣйствія людей чуждыхъ имени Христа и Его благодати—и однако,—прибавляетъ Августинъ съ упрекомъ христіанскому епископу,—считаемъ нужнымъ справляться въ Св. Писаніи, не бываетъ ли иногда дозволено преступать клятву, хотя тамъ—именно для того, чтобы мы не подвергались возможности впасть въ клятвопреступленіе,—намъ предписано вовсе не давать клятвы".

Твердо отстаивая необходимость соблюденія клятвы, Августинъ старается однако миролюбиво покончить непріятное дѣло. Онъ объясняетъ, что клятва соблюдается вполнѣ лишь въ томъ случаѣ, если соблюдается согласно тому смыслу, который ей придавалъ тотъ, кому она дана: слова не всегда точно устанавливаютъ этотъ смыслъ; поэтому будетъ клятвопреступникомъ тотъ, кто, держась словъ, нарушаетъ смыслъ клятвы, а блюстителемъ клятвы тотъ, кто, отступивъ отъ словъ, исполнитъ желаніе того, кому онъ поклялся. Исходя отсюда, Августинъ объясняетъ, что гиппонцы желали удержать у себя Пиніана не какъ заключеннаго, а какъ дорогого согражданина, а потому его удаленіе послѣ клятвы никого не тревожитъ изъ тѣхъ, кто знаетъ, что онъ уѣхалъ по извѣстному дѣлу, съ намѣреніемъ возвратиться. Потому Пиніанъ не будетъ клятвопреступникомъ

и не сочтется гиппонцами за таковаго, если не обманетъ ихъ; а обманетъ онъ ихъ лишь въ томъ случаѣ, если измѣнитъ свое намѣреніе жить у нихъ или когда-нибудь уѣдетъ съ намѣреніемъ не возвратиться. Пусть же Пиніанъ соблюдаетъ свое обѣщаніе жить въ Гиппонѣ, какъ живутъ тамъ Августинъ и гиппонцы, т.-е. сохраняя свободу пріѣзжать и уѣзжать,—съ той лишь разницей, что, не связанные клятвой, они могутъ безъ нарушенія ея оставить Гиппонъ съ тѣмъ, чтобы никогда въ него не вернуться...

В. Герье.

МАХРОВЫЕ ЛЕПЕСТКИ

ПОВѢСТЬ.

Окончаніе.

IX *).

Когда Веревкиной разрѣшили свиданіе съ сыномъ и она въ первый разъ увидѣла его, ей не захотѣлось разсказывать ему о Лидіи, и на его вопросъ о ней Ольга Александровна отвѣтила ему уклончиво и сказала, что видитъ ее рѣдко, но получаетъ отъ нея письма, и что она несовсѣмъ здорова. Ольга Александровна побоялась огорчать сына, ей было бы слишкомъ непріятно видѣть его теперь слабымъ, безвольнымъ и разстроеннымъ. Она пришла къ нему съ веселымъ лицомъ, какъ будто ничего не случилось или случилось нѣчто такое, о чемъ имъ, взрослымъ, уважающимъ себя людямъ, смѣшно и странно было бы плакать.

Александръ Ивановичъ сумѣлъ это оцѣнить. Онъ обѣими руками взялъ ея голову, слегка откинулъ ее назадъ, долго смотрѣлъ матери въ глаза, потомъ привлекъ ее къ себѣ, прижалъ къ своей груди и запечатлѣлъ на лбу ея горячій, нѣжный поцѣлуй.

— Какъ ты себя чувствуешь, мама? — заботливо спросилъ онъ.—Ты не больна?

Она улыбнулась ему сквозь радостныя слезы.

---

*) См. выше: окт., стр. 480.

— Нѣтъ, что ты, Шура, полно!—отвѣтила она.—Съ чего ты это взялъ? Я и не думаю хворать. Напротивъ, я, кажется, никогда не была такой бодрой и энергичной. Знаешь, мнѣ все кажется, что ты у меня снова маленькій, и мнѣ надо опекать тебя и о тебѣ заботиться. И я такъ отъ этого отвыкла, что это меня даже забавляетъ. А ты... не скучаешь, Шура?

— Немножко. Ну, да нечего дѣлать. Снявши голову, по волосамъ не плачутъ. И наконецъ, — прибавилъ онъ, весело тряхнувъ головой,—время еще не ушло; можетъ быть, и волосы выростутъ. А Лидія Николаевна... не серьезно больна?

— Нѣтъ, пустяки; думай-ка лучше о себѣ. И, пожалуйста, не вообрази, что мнѣ въ самомъ дѣлѣ весело будетъ съ тобой возиться. Изволь быть здоровымъ и молодцомъ.

Но когда, совершенно неожиданно для нея самой, Александръ Ивановичъ вернулся домой и спросилъ у нея, когда она въ послѣдній разъ видѣла Лидію, Ольга Александровна не выдержала, да и не сочла нужнымъ утаивать отъ него истину; собравшись съ духомъ, она разсказала ему все.

Веревкинъ слушалъ, не прерывая ее ни однимъ словомъ. Положивъ руки въ карманы, онъ шагалъ изъ угла въ уголъ, насвистывая какую-то пѣсенку и, очевидно, переламывая себя. Наконецъ, онъ остановился передъ матерью.

— Мама, — сказалъ онъ, — какъ ты думаешь, она теперь дома?

— Она, кажется, въ думѣ на базарѣ. Но зачѣмъ тебѣ? ты хочешь къ нимъ ѣхать?

— Мнѣ надо ее увидѣть.

— Какъ, послѣ всего, что ты слышалъ, послѣ... Я не узнаю тебя,—прибавила она, глубоко возмущенная.—Я понимаю, что тебѣ тяжело: ты ее любилъ, мы съ тобой оба ошиблись. Ну, что же дѣлать! Забудь ее, Шура, я умоляю тебя, забудь ее. Она недостойна тебя, не стоитъ изъ-за нея портить свою жизнь. Ты еще такъ молодъ, впереди у тебя можетъ еще быть такъ много хорошаго. Возьми себя въ руки!

Онъ покачалъ головой.

— Ну, какъ знаешь. Никогда я не думала, что ты можешь быть такимъ малодушнымъ и... не гордымъ.

Онъ пожалъ плечами и грустно усмѣхнулся.

— Audiatur et altera pars, — произнесъ онъ: — я хочу и *долженъ* ее видѣть.

— Она теперь на базарѣ. Поѣзжай, полюбуйся, я ее тамъ видѣла.

И Веревкинъ поѣхалъ.

Онъ ѣхалъ „полюбоваться“ ею. Послѣ того, что разсказала ему мать, онъ ни на что не надѣялся. Онъ зналъ, что увидитъ ее суетной, безпечно-щебечущей, окруженной толпою поклонниковъ, и что разомъ рухнетъ все зданіе довѣрія и обожанія, которое онъ воздвигалъ съ такимъ стараніемъ и съ такой любовью.

Онъ зналъ, что это причинитъ ему страшную боль, что въ душѣ его образуется пустота, которую ему, можетъ быть, не удастся ничѣмъ, никогда заполнить; онъ все это зналъ, но онъ зналъ также и то, что, чего бы это ему ни стоило, *нужно* вылечиться, разлюбить ее, разлюбить свою ребяческую жалкую мечту. Такъ не все ли равно, рано ли, поздно ли? Лучше скорѣе.

Пасха въ тотъ годъ была поздняя, а весна, напротивъ, вспыхнула очень рано. Было совсѣмъ тепло. На землю спускались голубыя прозрачныя сумерки, и стукъ лошадиныхъ копытъ о каменную мостовую гулко раздавался въ пустынныхъ улицахъ, но Веревкинъ его не слышалъ.

Ему казалось, что это собственное его сердце стучитъ и бьется въ его груди.

Когда онъ взбѣжалъ по думской лѣстницѣ и вошелъ въ ярко освѣщенную, душную, шумную залу, у него закружилась голова, и онъ чуть было не упалъ.

Онъ остановился въ нерѣшимости, ему сдѣлалось жутко и захотѣлось убѣжать и никогда, никогда ее больше не видѣть, не видѣть ея лживой сіяющей улыбки, не слышать ласкающаго голоса, который онъ такъ любилъ.

И вдругъ онъ ее замѣтилъ. Да, это была она. Совершенно одна, какъ бы всѣми забытая, она дремала съ безпомощно свѣсившейся на спинку стула головкой, съ утомленнымъ, печальнымъ лицомъ.

И медленно, не спуская съ нея глазъ, онъ подошелъ къ ней и остановился. И весь его гнѣвъ, все презрѣніе къ ней, все, что онъ внушалъ себѣ, стараясь ее возненавидѣть, все это, какъ ледъ отъ весеннихъ лучей, таяло, таяло въ его груди. Онъ стоялъ передъ ней, обезоруженный, слабый, какъ маленькій ребенокъ, готовый все простить, повѣрить каждому ея слову, лишь бы только она сказала ему, что любитъ его, любитъ его попрежнему, что никогда не отрекалась отъ него, отъ своей любви.

— Лидія Николаевна,—проговорилъ онъ чуть слышно.

Она пошевельнулась и глубоко вздохнула.

— Лидія Николаевна, Лидія Николаевна! — повторилъ онъ громче.

Она широко раскрыла глаза, хотѣла двинуться, заговорить, какая-то дрожь пробѣжала по всему ея тѣлу, она закрыла лицо руками и заплакала.

И на душу его, которая за мгновеніе передъ тѣмъ разрывалась отъ тоски, которая вся была полна негодованія и желчи, слезы эти упали освѣжающимъ, благотворнымъ дождемъ. Онѣ смыли нанесенную ему обиду, смыли сразу всю ея вину. Какова бы ни была эта вина, каковы бы ни были малодушіе, нечестность Лидіи, онъ ничего не хотѣлъ теперь объ этомъ знать. Еслибы они были вдвоемъ и одни, онъ бы упалъ къ ея ногамъ. Онъ чувствовалъ, что его что-то душитъ, ему хотѣлось крикнуть отъ счастья.

Лидія, наконецъ, выпрямилась, встала и схватила обѣ его руки.

— Простите меня,—сказала она, и смѣясь, и плача,—это глупо, я не могла сдержаться, я такъ рада... я не ждала васъ.

Она крѣпко сжимала его пальцы и вглядывалась въ его поблѣднѣвшее лицо, словно желая убѣдиться, что въ самомъ дѣлѣ видитъ его передъ собой.

— Пойдемте, — сказала она, — сядемъ здѣсь, насъ здѣсь никто не увидитъ.—И, не выпуская его руки, она почти потащила его за собой и, обогнувъ кіоскъ, въ углу залы, гдѣ были свалены запасныя вещи, картонки и всякій хламъ, опустилась на низкій деревянный ящикъ.

— Садитесь сюда,—сказала она, указывая ему головой на стулъ.

Онъ сѣлъ, и въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ они молча смотрѣли другъ на друга.

Она сидѣла, слегка нагнувшись, обхвативъ руками колѣни и не отрывая отъ него нѣжныхъ, смѣющихся глазъ.

— Я васъ не ждала!—повторяла она тихо, какъ бы удивляясь и радуясь смыслу собственныхъ словъ.

— Лидія Николаевна, — сказалъ онъ, стараясь подавить легкую дрожь въ голосѣ.—Вы говорите, что рады мнѣ, что вы меня не ждали. Я зналъ, что вы меня не ждали, но я не думалъ, что вы обрадуетесь мнѣ. Я думалъ, вы не захотите меня видѣть.

Она вся вспыхнула.

— И мама не совѣтовала мнѣ даже ѣхать къ вамъ.

Лидія снова схватила его руки.

— Александръ Ивановичъ, — произнесла она низкимъ умо-

ляющимъ голосомъ, — не говорите, не говорите ничего и ни о чемъ не спрашивайте. Я васъ прошу, я умоляю васъ.

Онъ низко опустилъ голову.

— Я васъ прошу!—продолжала она со страстью. — Люди разно проявляютъ свое отчаяніе. Не судите меня, я была въ отчаяніи.

Онъ быстро исподлобья на нее взглянулъ и снова потупилъ глаза, словно не въ силахъ былъ выдержать ея взгляда.

— Александръ Ивановичъ, — заговорила она опять совсѣмъ тихо, и голосъ ея, казалось, ласкался къ нему:—скажите мнѣ, что вы на меня не сердитесь, скажите мнѣ! Я виновата, я это знаю, но я была такъ поражена, мнѣ было такъ, такъ больно. Вѣдь не чужіе же мы съ вами люди. Мужчины часто пьютъ, кутятъ съ горя...

Она выпустила его холодные, дрожащіе пальцы и молитвенно сложила руки. Онъ закрылъ глаза. Грудь его тяжело дышала, онъ не могъ ей ничего отвѣтить. Она снова, какъ въ первые дни ихъ знакомства, просила у него прощенія, и, какъ тогда, униженно и робко, ждала его отвѣта; и онъ боялся, что снова, какъ тогда, слова ея разжалобятъ, растрогаютъ его.

Онъ этого боялся. Онъ не хотѣлъ поддаться внезапному волненію. Не для того желалъ онъ ее видѣть. И съ новой силой вспыхнуло въ немъ вдругъ угаснувшее-было чувство раздраженія. Она ему солгала, онъ ей не вѣрилъ больше. Два года тому назадъ, онъ могъ ей вѣрить,—ему казалось, что она—ребенокъ. Но вѣдь съ тѣхъ поръ не мало воды утекло. Она успѣла вырости въ его глазахъ. Онъ научился любить и уважать ее, какъ человѣка взрослаго. Онъ въ продолженіе этихъ двухъ лѣтъ слышалъ отъ нея такъ много хорошихъ рѣчей. Значитъ, она понимала. Зачѣмъ же опять звучалъ теперь этотъ безсвязный лепетъ? Нѣтъ, нѣтъ, все это была ложь, ненужная и недостойная комедія.

— Лидія Николаевна,—сказалъ онъ, наконецъ,—я васъ не сужу. И какое бы я имѣлъ право судить васъ? Нѣтъ, нѣтъ, оставимъ это. Но скажите мнѣ, отчего вы были въ такомъ отчаяніи? Я слушаю васъ и не понимаю.

— Какъ отчего? — растерянно спросила она: — да вѣдь васъ же...

— Да, меня арестовали, но развѣ это—несчастье?

— Но вѣдь... вы для меня не чужой человѣкъ.

— Можетъ быть, Лидія Николаевна, я былъ бы счастливъ, еслибъ это было такъ. И все-таки я васъ не понимаю. Вотъ, еслибы я умеръ, укралъ, вы, дѣйствительно, могли бы придти въ

отчаяніе. Ничего подобнаго со мной не случилось. Случилась крупная непріятность, конечно. Но вѣдь я шелъ на это, я не мальчикъ. Вы знали условія, обстоятельства и знали мои убѣжденія, мой нравъ. Почему же арестъ мой такъ страшно васъ поразилъ? Вѣдь долженъ же взрослый человѣкъ нести отвѣтственность за свои поступки, за свои слова. Неужели это никогда не приходило вамъ въ голову? Мы съ вами такъ много бесѣдовали. И мнѣ помнится, Лидія Николаевна, что вы не разъ соглашались со мной, высказывали еще болѣе крайнія мнѣнія, нежели тѣ, которыя высказывалъ я. Зачѣмъ же вы это дѣлали? Васъ никто не неволилъ. Развѣ вы не могли имѣть свои убѣжденія, развѣ бы я когда-либо посягнулъ на нихъ? Вы были человѣкъ свободный.

— Да я и не лгала, — отвѣтила она смущенно, — у меня только не хватило мужества. Я просто испугалась... какъ женщина. Ну, потеряла голову.

— Да? А какъ вы думаете, моей матери эта исторія была пріятна? Должно быть, нѣтъ. Однако, она отнеслась къ ней разумно, не растерялась, не пала духомъ.

— Ольга Александровна? Ну, да, еще бы. Еще бы! Вамъ легко говорить. И вы, и ваша мать прошли иную школу. Вы требуете и отъ меня теперь такой же выдержки. Это несправедливо, и вы слишкомъ строги. Развѣ я виновата, что я слабѣе васъ, что меня иначе воспитывали? Сама я чувствовала себя неподготовленной. Недаромъ я просила ждать.

— Чего? Чего ждать? Развѣ можно просить у жизни, чтобъ она ждала? И неужели для того, чтобы не измѣнять въ бѣдѣ тѣмъ, кого любишь, нужна какая-то подготовка, школа? Мнѣ всегда казалось, что это—дѣло сердца. Вы, значитъ, не любили меня?

— Нѣтъ, я любила васъ, но... вы не понимаете! Я не могу, я не умѣю вамъ сказать. Я чувствовала, я всегда чувствовала, что вы идеализируете меня, и вы, и ваша мать. Я говорила вамъ, что вы меня не знаете. Вы не хотѣли вѣрить, а я была права.

— Да,—съ горечью возразилъ онъ,—я васъ не зналъ. И еслибъ вы могли понять, какъ это ужасно—любить человѣка и не знать его!—Онъ замолчалъ. Слегка прищуривъ свои близорукіе глаза, онъ съ безконечной грустью, съ выраженіемъ глубокой усталости смотрѣлъ куда-то вдаль поверхъ ея головы, какъ бы слѣдя за полетомъ собственной мысли. Лидія тоже молчала. Она чувствовала себя провинившеюся, ей было неловко, она не рѣшалась заговорить.

Налетѣвшій на нихъ порывъ страсти промчался, въ души ихъ повѣяло холодомъ, они это поняли оба.

— Александръ Ивановичъ, — робко начала Лидія, — я васъ не обманывала. Помните, я часто каялась вамъ и говорила, что боюсь пустыни, и вѣдь сами вы, сами смѣялись надо мной, успокаивали меня и говорили, что въ пустыню мнѣ незачѣмъ идти.

— Да, и никто бы насильно въ пустыню васъ не заставилъ идти. Я опять повторяю, что вы были человѣкъ свободный. Вамъ нечего было пугаться и незачѣмъ было бѣжать. И, наконецъ, то, что со мной случилось, ничего общаго не имѣло съ пустыней. Вы испугались призрака, тѣни ея. Я не герой и не политическій дѣятель. Я—самый простой, дюжинный человѣкъ. Поведеніе мое было только порядочно. Я не счелъ возможнымъ измѣнить моимъ убѣжденіямъ и измѣнить нѣкоторымъ изъ моихъ друзей. Неужели же это подвигъ? А вы? Вы говорите, что любите меня, а между тѣмъ пѣтухъ еще не успѣлъ пропѣть, какъ вы уже отреклись отъ меня. Рано же вы отреклись, Лидія Николаевна.

— Еслибы я увидѣла васъ въ день вашего ареста, и вы бы мнѣ растолковали все, я увѣрена, что и поведеніе мое было бы совсѣмъ другое. А то—я къ вамъ пріѣзжаю, Ольга Александровна говоритъ мнѣ, что вы арестованы. Меня это какъ обухомъ по головѣ хватило. Потомъ мнѣ Ольга Александровна что-то разсказывала, объясняла, но я ужъ ничего не могла понять.

— Ну, а послѣ, когда вы опомнились, вы развѣ захотѣли понять, развѣ вы спрашивали? Вы не полюбопытствовали даже узнать, велика ли моя вина и сильно ли я могу за нее поплатиться.

— Нѣтъ,—отвѣтила она едва слышнымъ шопотомъ.

— Ну, вотъ, видите. Вы сказали: „я не знаю этого человѣка". А еслибы вы спросили, то вамъ объяснили бы, да вы бы и сами сразу поняли, что человѣкъ этотъ не такой ужъ преступникъ, и что общество его не можетъ такъ страшно скомпрометировать васъ.

— Александръ Ивановичъ,—продолжала она, почти плача,— клянусь вамъ, что это никогда больше не повторится, никогда. Вы знаете, и апостолъ Петръ сумѣлъ пострадать и искупить свой грѣхъ. Я испугалась грозы, но она прошла, — не правда ли, вѣдь прошла? Вы теперь свободны. Простите меня. Скажите мнѣ, что вы меня прощаете. Я докажу вамъ, что я не такъ дурна. Скажите только, что вы все забудете, что все будетъ по старому, что ничто не измѣнится. Скажите мнѣ.

— Это отъ васъ зависитъ.

— Какъ отъ меня?

— Да такъ, отъ васъ. Вы хотите, чтобы все оставалось по старому. Къ сожалѣнію, это невозможно. Я долженъ отправиться не въ пустыню, правда, но, можетъ быть, въ далекій путь.

— Я васъ не понимаю,—сказала она упавшимъ голосомъ.—Вѣдь вы... свободны?

— Да. Вы совершенно правы, гроза прошла. И, какъ я вамъ сказалъ, я не большой преступникъ, и вина моя далеко не крупная. И я увѣренъ, что все, современемъ, перемелется. Я еще молодъ, я не унываю. Но теперь я долженъ оставить Петербургъ. Университетская карьера, по крайней мѣрѣ, на время прервана. Я поѣду въ Зайцево, а тамъ—что Богъ дастъ.

— Вы поѣдете въ Зайцево? Это значитъ... ссылка?

— Если хотите—да.

Какая-то тѣнь пробѣжала по ея лицу, и она невольно отшатнулась.

Наступило тягостное молчаніе.

Не спуская съ нея глазъ, затаивъ дыханіе, Веревкинъ ждалъ отъ нея отвѣта. Она, казалось, глубоко задумалась. Съ потухшимъ взоромъ, она разсѣянно вертѣла въ пальцахъ золотую цѣпь.

Лицо ея приняло тупое, сосредоточенное выраженіе.

„Въ Зайцево,—мысленно повторяла она, — въ Зайцево, въ ссылку, въ Зайцево“.

И вдругъ, какъ голосъ искусителя, въ ушахъ ея отчетливо прозвучала фраза: „купитъ для васъ у какого-нибудь разорившагося итальянскаго маркиза чудную виллу, окружитъ васъ блескомъ, роскошью, поклоненіемъ“... Чудную виллу! Блескомъ! Она горько усмѣхнулась. Зайцево—вотъ гдѣ ей суждено жить. И ей ясно представился сельскій убогій домикъ, низенькія комнаты, ветхое крыльцо. Одиночество, хлопоты по хозяйству, незамѣтный, неблагодарный трудъ. Крестьянскія дѣти, школа, цѣлый рядъ скучныхъ и длинныхъ дней. Безконечные зимніе вечера съ завываніемъ вьюги въ занесенномъ снѣгомъ садишкѣ... Нѣтъ, *такой* жертвы онъ не можетъ отъ нея требовать; *долженъ* же онъ понять, что она не въ силахъ ее принести.

— Зачѣмъ, Боже мой, зачѣмъ были вы такъ неосторожны?—вырвалось у нея неожиданно для нея самой.

Въ голосѣ ея слышалось раздраженіе, и глаза, за минуту передъ тѣмъ такіе ласкающіе, сверкали теперь и горѣли досадой.

— Все было хорошо. Мы могли быть такъ счастливы. Зачѣмъ понадобилось вамъ все испортить? Неосторожно...

Онъ вопросительно поднялъ брови. Въ это мгновеніе она была ему почти противна.

— Неосторожно?—произнесъ онъ.—Да, конечно. И въ этомъ вся моя вина, и я съ Татьяной могу воскликнуть: „Неосторожно, быть можетъ, поступила я“! А вы бы что хотѣли? что? Вы знаете ли, Лидія Николаевна, что человѣкъ иногда *долженъ* дѣйствовать безразсудно, что осторожность граничитъ подчасъ съ трусостью, съ измѣной людямъ, которыхъ любишь, которымъ, можетъ быть, обязанъ. И вы хотѣли видѣть меня въ роли труса?

— Я ничего бы не хотѣла,—холодно сказала она, вставая,—всякій воленъ поступать по своему. Одинъ способенъ жертвовать своими капризами, другой — неспособенъ. Что тутъ подѣлаешь? Одинъ эгоистъ, думаетъ только о себѣ, о мелкомъ своемъ самолюбіи, о мнѣніи чужихъ ему совершенно „друзей“. Другой... Но не все ли равно, какъ поступаетъ другой, тотъ, кто въ самомъ дѣлѣ умѣетъ любить, жалѣть, заботиться о спокойствіи того, кого любитъ. Стоитъ ли объ этомъ говорить?

Веревкинъ тоже поднялся,—онъ былъ очень блѣденъ.

— Нѣтъ, не стоитъ,—сказалъ онъ спокойно.—И не только не стоитъ говорить, но и любить, Лидія Николаевна, не стоитъ. Любить не легко,—это не шутка. Кто хочетъ любить, долженъ быть на многое готовъ, и на жертвы, и на невзгоды. Но всѣмъ намъ хочется сладкаго, а на борьбу не хватаетъ силъ. Такъ и говорить объ этомъ не стоитъ. Все это слова, слова и слова.

Она выпрямилась, оскорбленная его отвѣтомъ. Глаза ея враждебно смотрѣли на него.

— Отъ васъ я также слышала немало словъ, — сказала она, презрительно закидывая головку:—слышала, что вы хотите меня видѣть счастливой, что мое спокойствіе для васъ важнѣе всего. Какъ я была глупа,—я вамъ вѣрила! Есть люди, которые любятъ меня больше, чѣмъ вы.

Онъ молча пожалъ плечами.

— Прощайте, Лидія Николаевна, — сказалъ онъ отрывисто.

Она холодно протянула ему руку, онъ холодно ее пожалъ, и они разстались.

И она ни единымъ словомъ не удержала его, не крикнула ему, чтобы онъ вернулся. Онъ быстрыми шагами пересѣкъ залу и исчезъ.

Лидія смотрѣла ему вслѣдъ и не шевелилась.

Казалось, что-то холодное, тяжелое наваливалось ей на грудь.

Медленно переворачивалась страница ея жизни, самая свѣтлая, самая дорогая, страница, давшая ей такъ много счастья, заставлявшая не разъ такъ шибко, такъ радостно биться ея сердце. Она переворачивалась навсегда. И Лидія стояла въ оцѣпенѣніи. „Неужели все кончилось?“ — спрашивала она себя. Неужели? Какъ это могло случиться,—неужели никто не поможетъ ей?

Но вѣдь это безуміе, вѣдь она его любитъ, не могла же сама она оттолкнуть его?

И вдругъ ей, Богъ вѣсть почему, вспомнилось, какъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, за границей она видѣла, какъ въ океанѣ тонулъ человѣкъ. Онъ тонулъ совсѣмъ близко отъ берега. Она ясно помнитъ круглую темную голову, которая то скрывалась, то появлялась вновь и, наконецъ, передъ тѣмъ, какъ навсегда исчезнуть, продержалась еще нѣсколько секундъ почти на поверхности, такъ что ее какъ сквозь дымку можно было видѣть подъ прозрачной струившейся надъ нею водой.

Ей тоже казалось тогда, что это невозможно. Она стояла на плажѣ, чувствуя, какъ сердце ея перестаетъ биться, и съ возрастающимъ ужасомъ, будто ее давилъ нелѣпый кошмаръ, спрашивая у всѣхъ окружающихъ: „Но вѣдь это не можетъ, не можетъ же быть! Вѣдь не дадутъ же ему погибнуть?“

X.

На другой день вечеромъ, въ девятомъ часу, Лидія стояла на лѣстницѣ у двери Веревкиныхъ, стояла и не рѣшалась позвонить.

Внизу она забыла спросить у швейцара, дома ли Ольга Александровна, и теперь ее тревожила мысль: „а что, если никого нѣтъ, если они уѣхали?“ Можетъ быть, въ домѣ ихъ пусто, и она напрасно будетъ звонить.

И вдругъ до нея донеслись заглушенные звуки рояля. Ольга Александровна играла „Sonate pathétique“. Съ какимъ наслажденіемъ Лидія, бывало, ее слушала.

— Сыграйте что-нибудь,—упрашивала она всегда Веревкину, но Ольга Александровна чаще отнѣкивалась.—Отчего?—приставала къ ней Лидія.

— Такъ, не хочется, я забыла, забросила, измѣнила старому другу. А знаете, я всегда возвращаюсь къ нему, когда на душѣ у меня невесело. Сядешь, начнешь играть, смотришь: плывутъ, плывутъ милыя тѣни; будто бы снова переживаешь жизнь.

И начнетъ Ольга Александровна, бывало, разсказывать о дняхъ своей юности, о людяхъ шестидесятыхъ годовъ. Лидія слушаетъ ее и не можетъ наслушаться.

— Вы напоминаете мнѣ Шуру, когда онъ былъ маленькій, —засмѣется вдругъ Ольга Александровна:—не успѣешь ему разсказать сказку, а у него глазенки такъ и горятъ, онъ уже ждетъ, что будетъ дальше, и объявляетъ: „еще“.

Какъ все это кажется теперь Лидіи далекимъ, все, что согрѣвало, красило ея жизнь!

„А можетъ быть... все это еще вернется?“

Она протянула руку и дернула звонокъ. Игра на роялѣ сразу оборвалась. Лидія отступила на шагъ и схватилась рукой за перила.

Ольга Александровна сама отворила ей дверь.

— Вы?—произнесла она, невольно подаваясь назадъ, и смѣрила Лидію изумленнымъ взглядомъ.

— Я могу войти, я вамъ не помѣшаю?

— Нѣтъ, что вы! Войдите. Войдите, Лидія Николаевна, пожалуйста. Вы пріѣхали проститься со мной? Благодарю васъ.

— Вы развѣ уѣзжаете?—робко спросила Лидія, переступая порогъ и пожимая протянутую руку.

— Я? Да. Вы знаете, Александръ уже уѣхалъ. Я хотѣла сперва остаться, я могла бы быть ему здѣсь полезной, кое-что сообщать ему, порыться для него въ библіотекахъ. Но... теперь я рѣшила ѣхать.

Лидія молча снимала съ плечъ накидку.

Ольга Александровна говорила спокойно. Ей, очевидно, хотѣлось встрѣтить Лидію радушно, отнестись къ ней, какъ будто не произошло ничего.

— Простите меня,—сказала она,—я буду сегодня плохой собесѣдницей. У меня нестерпимо болитъ голова. Я сѣла поиграть, думала, что пройдетъ, а, кажется, теперь еще хуже.

— Можетъ быть, мнѣ лучше уѣхать?

— Да нѣтъ же, нѣтъ. Богъ съ вами, останьтесь. Я сейчасъ скажу, чтобы намъ дали чаю. Авось, вы меня и разговорите.

Лидія улыбнулась ей, вошла въ гостиную и сѣла въ кресло у круглаго стола, на которомъ горѣла высокая, знакомая ей лампа подъ сѣрымъ абажуромъ. Въ этой комнатѣ все, все было ей знакомо, все было мило, казалось ей роднымъ.

— Ну, вотъ. Снимите же шляпу,—произнесла, входя, Ольга Александровна.—Маша сейчасъ принесетъ намъ чаю, и мы съ вами будемъ болтать.

— Ольга Александровна, я не проститься къ вамъ сегодня пріѣхала, я даже не знала, что вы собираетесь въ путь. Я пріѣхала къ вамъ за совѣтомъ.

Ольга Александровна вопросительно взглянула на нее.

— Какой же могу я вамъ дать совѣтъ? — спросила она съ удивленіемъ.

Лидія, видимо, боролась съ собой.

— Выслушайте меня, Ольга Александровна,—сказала она, наконецъ,—дайте мнѣ все сказать. Вотъ въ чемъ дѣло. Сегодня у насъ былъ Кулешовъ и... и сдѣлалъ мнѣ предложеніе, и я, я...

— Не знаете, какъ поступить?

— Нѣтъ, не то: я отвѣтила ему, что согласна.

Ольга Александровна сдвинула брови.

— Такъ какой же могу я дать вамъ совѣтъ? Простите меня, но вы, кажется, шутите.

Лидія остановила ее движеніемъ руки.

— Въ такомъ случаѣ, Лидія Николаевна, объяснитесь, прошу васъ. Я не понимаю.

— Я знаю, это трудно понять. Я сама себя не всегда понимаю. Въ этомъ-то и есть горе. Я отвѣтила Кулешову, что согласна сдѣлаться его женой. А теперь я пріѣхала къ вамъ за совѣтомъ. Скажите мнѣ, Ольга Александровна, какъ поступить?

— Нѣтъ, я васъ не понимаю.

— Скажите мнѣ, можетъ быть... лучше ему отказать?

— Это уже ваше дѣло.

— Но скажите, какъ *лучше* мнѣ поступить, какъ поступили бы вы на моемъ мѣстѣ?

— О, Лидія Николаевна, не будемте объ этомъ говорить. Мы съ вами слишкомъ разные люди.

— Я знаю. Вы безконечно лучше меня, оттого-то я къ вамъ и пріѣхала. Я никому не вѣрю такъ, какъ вамъ, я никого не знаю лучше васъ. Постарайтесь понять меня, снизойти ко мнѣ.

— Что̀ же вы отъ меня хотите?

— Побраните меня, научите меня, я васъ послушаюсь. Если вы меня не поддержите, я погибну; я это чувствую, какъ игрокъ, какъ пьяница. Спасите меня отъ меня самой,—я себя боюсь, я себѣ не вѣрю. Значитъ, ужъ тяжко мнѣ, если я къ вамъ пріѣхала, если я все это говорю вамъ. Подумайте сами. Легко ли мнѣ это послѣ того, что̀ было? Я бросилась къ вамъ потому, что у меня никого нѣтъ. Я забыла все, самолюбіе, гордость... Александръ Ивановичъ вамъ разсказывалъ?

— Разсказывалъ, но не все должно быть.

— Мы разстались съ нимъ очень нехорошо. Я погорячилась, Александръ Ивановичъ оскорбился, ушелъ. Я не знаю сама, какъ это случилось. Я наговорила такихъ вещей, которыхъ, право, совсѣмъ не думала. Александръ Ивановичъ теперь оскорбленъ. Но, можетъ быть, современемъ это забудется. Я подожду. Многое можетъ вѣдь измѣниться. Я буду писать вамъ, вы меня поддержите. Ольга Александровна, научите меня!

— Милая Лидія Николаевна, простите...

— Вы, значитъ, не хотите мнѣ ничего сказать.

— Да сказать-то, Лидія Николаевна, нечего. Что я могу сказать? Я не понимаю васъ. Да вы... любите Кулешова?

— Нѣтъ.

— И вы спрашиваете у меня... Какъ вы меня мало знаете! Мы говоримъ съ вами на разныхъ языкахъ.

— Вы хотите, чтобы я ему отказала? Скажите!

— Я ничего не хочу, не даю вамъ никакихъ совѣтовъ. Вамъ хочется знать мое мнѣніе—вотъ оно. Если послѣ того, что вы мнѣ сказали, вы сдѣлаетесь женой Кулешова, мнѣ... будетъ стыдно за васъ. Да и теперь, Лидія Николаевна, мнѣ стыдно. Я не узнаю васъ, будто вы—другой человѣкъ. Простите меня, но вѣдь вы хотите знать правду.

— Да... Ну, а если я буду ждать?

— Ждать чего?

— Чтобы Александръ Ивановичъ простилъ.

— Александръ? Такъ вы *его* любите?

— Да, Ольга Александровна.

Ольга Александровна придвинулась къ ней и взяла ея руки.

— Лидія Николаевна,—сказала она, смотря ей въ глаза.— Вы его любите, и это правда? Вы не кокетничали и не увлекали его?

— Нѣтъ, Ольга Александровна.

— Такъ что же вы, что же вы дѣлали? Неужели же вами руководила корысть? Лидія Николаевна, мнѣ что-то не вѣрится. Да не ошибаетесь ли вы?

— Нѣтъ, Ольга Александровна, не ошибаюсь. Вначалѣ я, правда, кокетничала, а потомъ и сама влюбилась. Но влюбилась я тоже не сразу, не такъ, какъ, должно быть, влюбились вы. Вы, Ольга Александровна, натура цѣльная, вамъ, дѣйствительно, трудно меня понять. Я знаю, я въ романахъ читала о такой любви, которая какъ-то приходитъ сразу, захватываетъ какъ-то всего человѣка. Но я неспособна на такую любовь. Вѣроятно,

я слишкомъ испорчена. Я прекрасно видѣла, какъ это у меня началось, и сама удивлялась этому. Я не знала только, что такъ сильно влюблюсь. Я думала, что это почти забава. Во мнѣ все время было два человѣка. Одинъ хотѣлъ увлекаться, любить, любить искренно, сдѣлаться лучше. Другой—былъ постоянно настороже̂, наблюдалъ и слѣдилъ за всѣмъ. Этотъ другой неумолимо все взвѣшивалъ, мелочилъ, я никуда не могла отъ него уйти. Когда я разговаривала съ Александромъ Ивановичемъ, я не лгала, я была искренна, и все-таки я не могла никогда забыться. Какой-то голосъ всегда мнѣ подсказывалъ, что нужно говорить, какъ нужно смотрѣть, двигаться, поступать, чтобы нравиться, чтобы казаться лучше. Да, я была слишкомъ опытна. Привычка оказалась сильнѣе меня. Я всю жизнь поступала такъ, поступала такъ и съ Александромъ Ивановичемъ. А между тѣмъ я любила его. Вы этого никогда не поймете. Я будто сочиняла романъ и обдумывала каждую строчку.

Голосъ Лидіи совсѣмъ упалъ. Она говорила тихо, какъ бы сама съ собой, забывъ о присутствіи Ольги Александровны. Глаза ея смотрѣли въ одну точку, въ нихъ свѣтилась неподдѣльная грусть.

— Вотъ и теперь,—продолжала она съ усмѣшкой,—можетъ быть, я опять рисуюсь. У меня все перепуталось въ головѣ, и я *такъ* устала! Я никогда не могу быть сама собой. Я даже не знаю, какая я въ самомъ дѣлѣ. Порой я кажусь себѣ такой подлой, испорченной, жалкой, ничтожной. Въ другой разъ, напротивъ, мнѣ вдругъ покажется, что это не такъ, что я вовсе не такъ дурна. А Богъ знаетъ, можетъ быть, тутъ-то именно я и играю роль, и воображаю, что это дѣйствительность. Я не знаю сама, чего я хочу, что мнѣ нужно, чтобъ быть счастливой. Вы спросили меня, что я дѣлала? Арестъ Александра Ивановича застигнулъ меня врасплохъ. Я не успѣла къ нему подготовиться, а потомъ... мнѣ сдѣлалось стыдно. Да и жутко мнѣ стало: я поняла, какъ трудно мнѣ было доиграть роль до конца, поняла, что не хватитъ силёнокъ. Вчера мы поссорились съ Александромъ Ивановичемъ. Я почувствовала себя какой-то отверженной... А сегодня пріѣхалъ ко мнѣ Кулешовъ. Этотъ мнѣ по плечу, никакой роли съ нимъ не придется играть, ничего такого ему не нужно. Вы думаете, меня прельстило богатство, положеніе, роскошь, деньги? О, нѣтъ. Дѣло не въ этомъ, не въ этомъ только. Дѣло въ томъ, что я побоялась васъ, побоялась, что съ вами мнѣ постоянно придется подтягиваться, слѣдить за собой, тянуть лямку и лгать. Вы для меня черезчуръ добродѣтельны. Я по-

боялась, что это мнѣ надоѣстъ подъ конецъ. А съ Кулешовымъ жить будетъ такъ легко! Съ нимъ можно будетъ совсѣмъ опуститься, пасть такъ низко, такъ низко, что даже чувствовать этого не будешь, не будешь стыдиться. Только... не хочется мнѣ выходить за него. Ольга Александровна! Что мнѣ дѣлать?

Ольга Александровна сидѣла совсѣмъ потрясенная. Ей казалось, что она слышитъ бредъ.

— Что вы обо мнѣ думаете? — спросила ее вдругъ Лидія, опомнившись:—я наговорила вамъ много, я испугала васъ?

— Да, Лидія Николаевна,—отвѣтила Ольга Александровна,—то, что вы мнѣ говорите, пугаетъ меня. Никогда не думала я услышать отъ васъ ничего подобнаго. Неужели все это правда?

Лидія устало опустила голову.

— И мы думали, что знаемъ васъ! Боже мой! Да, вамъ, должно быть, дѣйствительно тяжко, если вы рѣшились такъ высказаться. Но, Лидія Николаевна, какъ я могу вамъ помочь? Я бы и рада была, да я не сумѣю. Вотъ, я дожила до сѣдыхъ волосъ, а въ сравненіи съ вами я—глупая дѣвочка. Я съ трудомъ понимаю васъ.

— И не хотите понять? Я вамъ просто противна?

— Нѣтъ, мнѣ жаль васъ, глубоко жаль. Читали вы, Лидія Николаевна, Данте?

— Нѣтъ, да... давно.

— Васъ удивляетъ, что я его вспомнила? Онъ сурово казнитъ души тѣхъ людей, которые въ жизни не умѣли отдаться ни злу, ни добру, не умѣли ни сильно любить, ни сильно ненавидѣть. Онъ ихъ сурово казнитъ. Я всегда думала, что это несправедливо. Но Данте былъ великій поэтъ. Онъ лучше насъ понималъ сердце человѣка, онъ лучше насъ зналъ, что такіе люди не могутъ не быть несчастны, что они обречены на вѣчную тьму, гдѣ никогда не свѣтятъ звѣзды.

— И вы думаете, я не могу исправиться?

— Лидія Николаевна, это—дѣтское слово! Вы—не ребенокъ, вамъ не легко „исправиться". Дай Богъ, чтобы васъ не исправила жизнь; она умѣетъ ломать самыхъ сильныхъ. Дай Богъ. Вы мнѣ сдѣлали много зла, но мнѣ жаль васъ, потому что вы сами несчастны.

— Но, Ольга Александровна, вы развѣ не думаете, что я бы могла попытаться, что Александръ Ивановичъ, можетъ быть, могъ бы помочь?

— Лидія Николаевна, не знаю. Вы ставите меня въ тяжелое, трудное положеніе. Вы хотите, чтобы я забыла, что я—

его мать; чтобы, спасая васъ, я пожертвовала моимъ сыномъ. Не могу я, дорогая моя, этого сдѣлать. Вы слишкомъ многаго отъ меня требуете. Я не святая. Мнѣ жаль васъ, я не питаю къ вамъ враждебнаго чувства. Еслибы я была одна или еслибы Александръ не любилъ васъ, я бы рада была все, все сдѣлать, я бы ни за что не отпустила васъ такъ. Но жертвовать, ради васъ, сыномъ я не могу, да и не вправѣ. Его счастье мнѣ дороже, чѣмъ ваше. Можетъ быть, это эгоизмъ, можетъ быть,— все равно. Поступайте, какъ знаете, дѣлайте, что̀ хотите, только оставьте насъ, прошу васъ, въ покоѣ. Послѣ всего вашего поведенія, послѣ того, что̀ вы мнѣ сказали, я, Лидія Николаевна, просто боюсь васъ. Еслибы вы сдѣлались женой Александра, я, признаюсь вамъ, была бы въ отчаяніи. Онъ былъ бы съ вами глубоко несчастенъ. Да и вы не были бы счастливы. Вы правы. Вѣчно играть роль нельзя, а Александру, дѣйствительно, многое нужно; онъ не Кулешовъ,—быть его женой вовсе не такъ легко. Не думайте, что я къ сыну пристрастна. Я не хочу, чтобы вы, какъ кисейная дѣвушка, говорили ему: „вы—герой". Нѣтъ, нѣтъ, поймите меня, вовсе нѣтъ. Но я знаю, что онъ человѣкъ крутой, что одной страсти ему слишкомъ мало, что если онъ не будетъ безгранично вѣрить вамъ, уважать, любить васъ какъ человѣка, онъ все скомкаетъ, испортитъ, разрушитъ всю свою жизнь, но не пойдетъ ни на какія сдѣлки. Нѣтъ, нѣтъ, оставьте его, оставьте его въ покоѣ. Да и поздно! Теперь ужъ ничего не вернешь. Вчера вы могли бы еще кое-что спасти, обломки, черепки вашего счастья. Но теперь... послѣ всего, что̀ было... Онъ сказалъ мнѣ: „Она для меня умерла".

XI.

Прошло около полугода. По понедѣльникамъ у Радаевыхъ былъ абонементъ въ оперѣ. Послѣ обѣда, въ восьмомъ часу, лакей доложилъ, что карета подана. Николай Петровичъ не могъ въ этотъ вечеръ ѣхать. Онъ собирался на засѣданіе и казался возбужденнымъ и озабоченнымъ. Софья Андреевна и Лидія разсѣянно простились съ нимъ и уѣхали.

Между Лидіей и ея отцомъ отношенія въ послѣднее время были очень холодныя. Онъ не узнавалъ своей Лидочки. Она никогда больше не ласкалась къ нему, не приходила поболтать, посмѣшить его. Онъ не говорилъ ей ни слова, но скучалъ и сердито хмурился. Здоровье его тоже какъ-то разстроилось. Лѣ-

томъ онъ ѣздилъ лечиться, прожилъ съ семьей нѣсколько недѣль на Кавказѣ; вòды, горный воздухъ и отдыхъ оживили его; въ Петербургъ онъ вернулся посвѣжѣвшимъ и бодрымъ, но тутъ на него сразу навалилась куча дѣла, и онъ началъ замѣтно прихварывать. Онъ казался подавленнымъ, и каждый пустякъ его раздражалъ. Ему не нравился предстоящій бракъ съ Кулешовымъ, онъ былъ недоволенъ Лидіей и не вѣрилъ, чтобы Борисъ Владиміровичъ могъ ее сдѣлать счастливой.

— И ты любишь его?—недовѣрчиво спрашивалъ онъ дочь.

— Оставь ее,—прерывала его Софья Андреевна,—должно быть, любитъ. Это ея дѣло.

— Да, да, я знаю, что это ея дѣло, я знаю, — задумчиво отвѣчалъ Радаевъ.—Но... мнѣ казалось, Лидочка, что тебѣ нравится Александръ Ивановичъ. Я нѣсколько наблюдалъ за вами и мнѣ казалось, что...

— Ахъ, какой вздоръ! — снова перебивала его Радаева. — Вотъ фантазія! Просто, это былъ дѣтскій флиртъ.

— Да, Лидочка, дѣтскій флиртъ? А я, признаюсь тебѣ, радовался.

Софья Андреевна презрительно усмѣхалась. „Еще бы,—съ раздраженіемъ думала она,—конечно, я такъ и знала".

Да, Николай Петровичъ былъ недоволенъ, но онъ такъ въ теченіе всей жизни привыкъ къ политикѣ laisser faire, laisser aller, что и теперь не накладывалъ своего veto. Онъ только на одномъ настоялъ, а именно онъ требовалъ, чтобы свадьба была отсрочена на годъ.

— Вы находите, можетъ быть, что я—не подходящая партія для вашей дочери? — довольно заносчиво спросилъ его Кулешовъ.

— О, нѣтъ,—съ тонкой улыбкой отвѣтилъ ему Радаевъ,—я только желаю, чтобы дочь моя успѣла провѣрить, подходящая ли она партія для васъ.

Николай Петровичъ никакъ не могъ себя заставить относиться къ Кулешову, какъ къ человѣку близкому, почти какъ къ члену семьи. Разъ какъ-то онъ даже не выдержалъ и сухо ему сказалъ:—„Предупреждаю васъ, Борисъ Владиміровичъ, что капитала я Лидіи дать не могу".—Кулешовъ съ презрительнымъ недоумѣніемъ пожалъ лишь слегка плечами.

— Пока я живъ и здоровъ,—продолжалъ, устало морщась, Радаевъ,—я буду давать пять тысячъ въ годъ на личные ея расходы. Это все, что я могу сдѣлать.

Когда онъ сообщилъ объ этомъ намѣреніи Лидіи, она съ невольнымъ удивленіемъ взглянула на мать.

— Мама,—начала она въ тотъ же день вечеромъ, когда онѣ сидѣли однѣ въ кабинетѣ Радаевой.

— Что, Лидочка?

— Мама, какъ ты думаешь, пять тысячъ—много?

— Пять тысячъ? Какъ тебѣ сказать?.. А что?

— Нѣтъ, такъ... Ну, а какъ ты думаешь, если бы я вышла за Александра Ивановича, папа тоже давалъ бы мнѣ пять тысячъ въ годъ?

— Да, должно быть, не знаю. Да зачѣмъ ты все это спрашиваешь?

— Затѣмъ, что ты говорила мнѣ, что папа мнѣ ничего не дастъ.

— Ахъ, Боже мой, почему я знаю! Далъ бы, не далъ бы... Не все ли тебѣ равно?

— Да, конечно. Конечно, мнѣ все равно.

Софья Андреевна слегка приподнялась въ качалкѣ и тревожно взглянула на дочь.

Лидія сидѣла, закинувъ обѣ руки за голову. Лицо ея казалось утомленнымъ, глаза были печальны и неподвижно глядѣли вверхъ.

„Что съ ней?“—мелькнуло въ головѣ у Радаевой.

— Лидія! — окликнула она ее: — о чемъ ты задумалась, Лидочка?

— Я? Ни о чемъ.

Она встала и лѣниво прошлась раза два по комнатѣ.

— Ахъ, да, знаешь, что?—сказала она, стараясь подавить зѣвоту:—мнѣ совсѣмъ не нравится мое сѣрое платье; безъ отворотовъ было гораздо лучше.

Софья Андреевна и Лидія съ утра до вечера ѣздили по магазинамъ, заказывая и покупая приданое. Обѣихъ ихъ охватила какая-то лихорадка мотовства. Николай Петровичъ молча платилъ по счетамъ, которые присылались ему каждый день. Софья Андреевна торжествовала. Она чувствовала, что, наконецъ-то, ей повезло, что завѣтная мечта ея исполняется, и она выгодно выдаетъ свою дочь.

Правда, Лидія на нее, очевидно, дулась. Она говорила съ ней только объ ихъ покупкахъ, умышленно не допуская ее въ свой внутренній міръ. Когда Софья Андреевна заговаривала съ ней объ ея будущей жизни, о Кулешовѣ, объ его чувствѣ къ ней, Лидія отвѣчала ей ледянымъ взглядомъ, который, казалось,

ей говорилъ: „Я выхожу замужъ, ты должна быть довольна. Ты вѣдь добивалась, хотѣла этого. Ну, и радуйся—я невѣста. Но ничего больше отъ меня не требуй, и, вообще, оставьте меня всѣ въ покоѣ“.

Софья Андреевна сконфуженно умолкала, а въ душѣ утѣшала себя и думала: „Ничего, покапризничаетъ—и пройдетъ. Успокоится“. Ее смущало то враждебное чувство, которое она угадывала въ Лидіи чутьемъ. Ей было бы пріятнѣе, если бы Лидія высказалась.

„А то, молчитъ,—думала она,—будто ее на казнь ведутъ! Вѣдь, въ сущности говоря, сама захотѣла. Я не настаивала. Кто виноватъ?“

Лидіи казалось, что всѣ виноваты. Даже къ отцу относилась она чуть ли не какъ къ врагу.

Ей казалось, что онъ долженъ былъ, не спрашивая у нея ничего, самъ все понять и все для нея устроить. Какъ именно устроить, она не отдавала себѣ ясно отчета. Устроить такъ, чтобъ она была счастлива.

„Если бы онъ меня въ самомъ дѣлѣ любилъ,—думала она,—онъ не далъ бы ничему этому случиться. Никому нѣтъ до меня дѣла, и ему все равно. Я одна, я совсѣмъ одна“. Впрочемъ, порой глаза ея останавливались на усталомъ лицѣ отца, на мгновеніе вспыхивало въ нихъ выраженіе любви и грусти, она невольно подавалась впередъ, какъ бы желая броситься къ нему на грудь, что-то высказать; но затѣмъ на губахъ ея снова появлялась застывшая улыбка, и снова она углублялась въ самоё себя и начинала сторониться Николая Петровича.

Въ Маріинскомъ театрѣ давали „Евгенія Онѣгина“. Софья Андреевна и Лидія вошли въ ложу, когда увертюра уже начиналась. Нѣсколько мгновеній спустя, пріѣхалъ Борисъ Владиміровичъ съ молоденькой сестрой своей, Варей. Лидія, не вставая съ кресла, повернулась къ вошедшимъ и протянула Борису Владиміровичу руку. Онъ низко нагнулся къ ней и что-то шепнулъ. И Лидія вся вспыхнула. И каждый разъ, когда онъ, растягивая слова и смотря на нее настойчивымъ, дерзкимъ взглядомъ, говорилъ съ ней во время представленія, Лидія оживлялась, краснѣла, и скучное выраженіе лица смѣнялось какимъ-то неестественнымъ, страннымъ возбужденіемъ. И, казалось, Кулешова забавляетъ эта игра: онъ едва могъ скрыть самодовольную улыбку, которая то исчезала, то появлялась на его блѣдномъ, непріятномъ лицѣ.

Ему нравилось обращаться съ Лидіей, какъ съ куклой.

— Я ее завожу,—смѣясь, говорилъ онъ дома.

Достаточно ему было лишь захотѣть, и все ея существо мгновенно преображалось. Глаза начинали блестѣть, она нервно смѣялась, болтала. Онъ умолкалъ, переставалъ на нее смотрѣть, и Лидія такъ же мгновенно вся какъ бы угасала. Внезапный румянецъ постепенно блѣднѣлъ, въ лицѣ появлялось выраженіе усталости, и большіе глаза уныло и безучастно слѣдили за тѣмъ, что творилось вокругъ.

Но въ тотъ вечеръ Татьяну исполняла ея любимица. Лидія искренно восхищалась ею. И несмотря на присутствіе Бориса Владиміровича, на то, что сама она была страшно blasée, Лидія мало-по-малу поддалась обаянію изящной артистки и, облокотясь на блѣдно-синюю рампу и подперевъ подбородокъ рукой, со вниманіемъ прислушивалась къ каждому слову. Звуки лились, подобно жемчужинамъ, чистою нитью, вызывая изъ тѣни заглохшаго сада милый, задумчивый обликъ Татьяны. Театральная зала какъ бы исчезла, исчезли мелкія дрязги личнаго существованія, на душу ниспадала тишина, ее охватывала ласкающая атмосфера старинной усадьбы, ненарушимое, полное своеобразной прелести теченіе забытой жизни.

Лидія такъ увлеклась, что не замѣтила даже, какъ дверь въ ложу тихонько открылась и раздался громкій, торопливый шопотъ. Вдругъ Софья Андреевна, сидѣвшая рядомъ съ ней, поднялась и поспѣшнымъ движеніемъ отодвинула кресло.

Лидія испуганно оглянулась. Мать ея выскользнула уже въ корридоръ.

— Что случилось? — вырвалось у Лидіи. Лицо Кулешова было необычно серьезно.

— Не волнуйтесь!—сказалъ онъ.—Софью Андреевну вызвали. Кажется, отецъ вашъ немного боленъ.

— Боленъ? папа?—и не помня себя, она выпрямилась, чуть было не опрокинула коробку конфектъ и, зацѣпившись кружевомъ платья за кресло, бросилась къ выходу и исчезла.

Въ сосѣднихъ ложахъ произошло замѣшательство. Борисъ Владиміровичъ тоже невольно вскочилъ, въ нерѣшимости постоялъ минуту, потомъ сказалъ что-то сестрѣ, вышелъ изъ ложи и осторожно закрылъ за собою дверь. Въ корридорѣ Софья Андреевна и Лидія проворно одѣвались. Сѣдой капельдинеръ дрожащими руками подавалъ имъ ротонды. Лицо Софьи Андреевны пылало.

— Барина привезли господинъ Песковъ,—трещала присланная за нею горничная.

— Хорошо, хорошо,—рѣзко остановила ее Софья Андреевна,—я все дома узнаю.

И, стараясь улыбнуться, она обратилась къ Кулешову:

— Вѣрно, какіе-нибудь пустяки,—сказала она:—Николай Петровичъ такъ мнителенъ, ему показалось!

— Да, я надѣюсь. Я бы, Софья Андреевна, проводилъ васъ, но Варя... А впрочемъ, я могу отправить ее...

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, пожалуйста! Я не хочу, и не думайте. Ну, Лидія, ты готова? Пойдемъ.

Лидія безъ словъ простилась съ Борисомъ Владиміровичемъ. Она было взглянула на него, какъ бы прося у него защиты, но тотчасъ же опустила глаза и тяжело, тяжело вздохнула.

— Я надѣюсь, что завтра Николай Петровичъ будетъ уже совершенно здоровъ. Не волнуйтесь!—сказалъ онъ, крѣпко сжимая и цѣлуя ей руку.

Онъ дѣлалъ усилія, чтобы говорить съ ней участливо, но голосъ его звучалъ равнодушно. Въ немъ слышались даже затаенное облегченіе и радость, что Софья Андреевна отклонила его предложеніе ихъ проводить, и что ему не придется себя безпокоить.

— Спасибо,—отвѣтила Лидія.—Прощайте, Борисъ Владиміровичъ.

Всю дорогу Софья Андреевна и Лидія молчали, погруженныя каждая въ собственныя свои думы. Изрѣдка лишь Софья Андреевна нервнымъ движеніемъ откидывала воротникъ ротонды и высовывала голову изъ окна, какъ бы желая освѣжить свое разгоряченное лицо.

— Nous sommes ruinés, — сказала она вдругъ и снова умолкла.

Горничная, робко помѣстившаяся на переднемъ сидѣньѣ, съ любопытствомъ смотрѣла на барыню и не смѣла съ ней заговорить.

Лидія забилась въ уголъ. Она не могла успокоиться и еще вся дрожала. Глаза ея, широко раскрытые, были полны тоскливаго недоумѣнія.

„Какъ, какъ это могло случиться?“—спрашивала она самоё себя.

Она знала, что надъ ними стряслась бѣда, но охватить ничего не могла и не могла собраться съ мыслями.

„Вотъ, вотъ это страшное, что должно, непремѣнно должно было быть!“—повторяла она, и опять въ мозгу ея съ мучитель-

ной назойливостью возникалъ и тревожилъ ее томящій вопросъ: „Но какъ, почему это могло случиться?“

Карета ихъ быстро мчалась. Было уже совершенно темно. По небу носились тяжелыя черныя тучи, съ утра моросилъ мелкій дождь и свистѣлъ порывистый ледяной вѣтеръ. На улицахъ горѣли длинныя вереницы фонарей, освѣщавшихъ мокрые тротуары, сіяющія витрины магазиновъ, извозчичьи дрожки, кареты, городовыхъ въ непромокаемыхъ черныхъ плащахъ и вѣчно куда-то спѣшащую толпу пѣшеходовъ, увлекаемую круговоротомъ большого города.

И у каждаго изъ этихъ людей, уносимыхъ какъ бы однимъ безпрерывнымъ теченіемъ, былъ свой особый, близкій его сердцу міръ радостей, стремленій и заботъ, до котораго идущему рядомъ съ нимъ человѣку не было никакого дѣла. Каждаго что-то ждало, пугало, манило, тревожило, заставляло жить, дѣйствовать и суетиться, каждый являлся отдѣльной и сложной единицей въ ряду такихъ же единицъ, составляющихъ одну нестройную и безконечно разнообразную, вѣчно волнующуюся и страдающую, трудящуюся и желающую человѣческую толпу.

Дома Софью Андреевну и Лидію встрѣтилъ Песковъ, привезшій Радаева, и вызванный имъ ихъ домашній врачъ.

— У Николая Петровича въ самомъ дѣлѣ ударъ? — спросила его Софья Андреевна.

— Да, но вы не волнуйтесь.

— Я никогда не волнуюсь,—коротко возразила она и направилась въ комнату, куда отнесли больного.

Лидія двигалась за ней, какъ во снѣ.

Какими-то странными, чуждыми казались ей знакомыя стѣны. Будто въ отдаленіи гдѣ-то звучали слова: она слышала ихъ, понимала и оставалась къ нимъ вполнѣ безучастной.

Въ своей большой спальнѣ, на сбитой постели, съ высоко поднятой подушками головой лежалъ Николай Петровичъ. Воротъ рубашки его былъ разстегнутъ, одна рука безпомощно лежала на простынѣ, перекосившееся лицо съ совершенно новымъ, жалкимъ и страшнымъ выраженіемъ глядѣло на входящихъ жену и дочь.

Лидія невольно закрыла глаза; она чувствовала, что ноги у нея подкашиваются. Даже Софья Андреевна остановилась, потрясенная и испуганная.

— Надо послать за Лавровымъ, — растерянно проговорила она.—Онъ лечилъ Николая Петровича.

— Я ужъ послалъ за нимъ,—отвѣчалъ ей докторъ:—я жду его, онъ сейчасъ долженъ быть.

Софья Андреевна и врачъ, тихо бесѣдуя, вышли въ сосѣднюю комнату. Лидія осталась одна. Медленно приблизилась она къ кровати, осторожно отодвинула тазъ со льдомъ, встала на колѣни и положила голову на постель. Глаза ея смотрѣли на отца съ любовью и тоской.

— Папа, милый!—прошептала она.

Что-то дрогнуло въ лицѣ больного, онъ невнятно промычалъ ея имя и хотѣлъ-было поднять руку, положить ее къ ней на лобъ, но рука сорвалась и холодными, онѣмѣвшими пальцами скользнула по ея блѣдному лицу. Слабый стонъ вырвался изъ ея груди, но она не заплакала. Она бережно взяла эту безсильную руку и припала къ ней губами. Минута проходила за минутой, она не поднимала головы. Въ этомъ долгомъ, нѣмомъ поцѣлуѣ излилось все ея горе, вся ея любовь, вся та безконечная жалость, отъ которой разрывалось ея сердце и для которой у нея не было словъ.

Раздался громкій звонокъ, послышались сдержанные возгласы, въ домѣ засуетились.

— Что это Николай Петровичъ вздумалъ хворать?—донесся изъ сосѣдней комнаты пріятный мужской голосъ, и Софья Андреевна возбужденно отвѣтила:

— Я надѣюсь, что это пройдетъ... Онъ вамъ такъ вѣритъ. Какъ я счастлива, что вы пріѣхали!

Лидія поднялась съ пола, постояла, не зная, остаться ей или уйти, потомъ безнадежно махнула рукой и вышла изъ комнаты.

Проходя черезъ буфетную, она машинально взяла со стола зажженную свѣчу и все такъ же молча, съ тѣмъ же застывшимъ выраженіемъ тоски, вошла къ себѣ въ спальню. И вдругъ она вскрикнула и отшатнулась. Ее испугало собственное ея изображеніе въ зеркалѣ большого трюмо.

Какъ призракъ, стояла она со свѣчой въ рукахъ, въ своемъ бѣломъ кружевномъ платьѣ, съ полуобнаженными плечами, съ искаженнымъ и блѣднымъ лицомъ. Нервы ея не выдержали. Она поспѣшно поставила подсвѣчникъ на столъ и, упавши на низкій диванъ, истерически, громко зарыдала.

Въ домѣ была суета, всѣ были заняты, о Лидіи забыли.

Она плакала долго, потомъ начала успокаиваться, рыданія стали слабѣе и глуше, наконецъ они стихли. Она еще нѣсколько времени лежала съ мокрымъ отъ слезъ лицомъ, съ за-

крытыми глазами, изрѣдка вздрагивая всѣмъ тѣломъ и всхлипывая, какъ маленькій ребенокъ; и когда Софья Андреевна, въ два часа ночи, вошла въ ея комнату, Лидія уже спала.

— Лидія, Лидія,—сказала Радаева.—Лидія, проснись! Лавровъ говоритъ, что отецъ будетъ жить. Только... зачѣмъ? Рѣчь къ нему никогда вполнѣ не вернется, онъ останется навсегда инвалидомъ.

XII.

На другой день въ состояніи Николая Петровича наступило рѣзкое ухудшеніе, и въ продолженіе нѣсколькихъ дней онъ былъ между жизнью и смертью. Лидія не отходила отъ постели отца, Софья Андреевна не заглядывала къ нему въ комнату.

— Я не могу слышать этого страшнаго переливающагося дыханія,—съ ужасомъ говорила она, затыкая уши:—это невыносимо, я не могу.

И она безпокойно сновала изъ угла въ уголъ съ напряженнымъ, сосредоточеннымъ выраженіемъ лица.

— Куда ты?—спросила она разъ у Лидіи, которая быстро проходила мимо нея.

— Я иду сказать, чтобы поскорѣе дали чернаго кофе.

— Зачѣмъ? Для отца?

— Да, чтобъ поднять дѣятельность сердца.

— Зачѣмъ ее поднимать?

— Какъ такъ зачѣмъ? Василій Васильевичъ...

— Ахъ, оставь ты Василія Васильевича! Я спрашиваю тебя, скажи мнѣ, зачѣмъ? Тебѣ пріятно, легко будетъ видѣть отца безъ языка, безъ руки, калѣкой, мычащимъ? Я вотъ хожу и спрашиваю себя, хватитъ ли у меня силъ дать ему яда; но, кажется, нѣтъ—не хватитъ.

Лидія близко къ ней подошла и испуганно, нѣжно обхватила ее руками.

— Мама,—сказала она умоляющимъ слабымъ голосомъ,—зачѣмъ ты говоришь это? Мнѣ и безъ того тяжело.

— И мнѣ тяжело,—мрачно отвѣтила Софья Андреевна,—я не могу тебѣ ничѣмъ помочь.

Когда кто-нибудь изъ знакомыхъ Радаевыхъ пріѣзжалъ навѣстить ихъ и узнать о состояніи больного, Софья Андреевна, однако, подтягивалась, встрѣчала ихъ любезной улыбкой, бесѣдовала, увѣряла, что Николаю Петровичу лучше, что скоро онъ будетъ совершенно здоровъ.

Въ числѣ другихъ пріѣхалъ, конечно, и Борисъ Владиміровичъ, но Лидія къ нему не вышла. Софья Андреевна объявила, что она больна и лежитъ въ постели.

— Ни за что я не выпущу тебя въ такомъ видѣ,—сказала Радаева дочери:—посмотри на себя, ты вѣдь страшная,—блѣдная, глаза провалились.

Тѣмъ не менѣе, дней черезъ пять, когда Николаю Петровичу стало получше, Лидіи пришлось принять Кулешова.

— Пожалуйста, будь веселѣй, — шепнула ей Софья Андреевна:—скажи, что все идетъ хорошо, что отецъ поправляется, не разсказывай ему ничего, я прошу тебя. Мы теперь должны лгать,—прибавила она съ отчаяніемъ, — отецъ самъ виноватъ. Боже мой, зачѣмъ понадобилось ему откладывать свадьбу?

Лидія молча взглянула на мать и... не послушалась.

„Мнѣ придется жить съ нимъ всю жизнь,—подумала она,— не могу же я вѣчно смѣяться“.

Но съ первыхъ же словъ она поняла, что Кулешовъ не слушаетъ того, что̀ она ему говоритъ. Болѣзнь Николая Петровича, и все ея горе, и все то ужасное, что̀ такъ ее потрясло, все это было для него просто скучно. Какъ человѣкъ воспитанный, онъ слушалъ ее какъ будто внимательно, но для нея было ясно, что мысли его далеко, и ни одного теплаго слова она отъ него не дождалась.

— Ему ничего не нужно,—сказала она когда-то Веревкиной. Да, но зато и самъ онъ не могъ ей дать ничего: ни свѣта, ни теплоты. Лидія сознавала теперь, болѣе ясно, чѣмъ когда-либо, насколько онъ для нея чужой человѣкъ. И чѣмъ больше проходило дней, тѣмъ больше росло въ ней это сознаніе, преслѣдуя и пугая ее.

Теперь, когда сердце ея такъ часто ныло, когда въ груди ея дрожали слезы, ей было не до флирта. Она не могла, какъ прежде, улыбаться, задорно отвѣчать, когда ее дразнили, владѣть собой, поддерживать шутливый, свѣтскій разговоръ.

Каждое неосторожно сказанное слово, казалось, ударяло ее по больному мѣсту. Ей хотѣлось, чтобъ ее пожалѣли, приласкали, утѣшили, какъ ребенка. Ей хотѣлось настоящей любви, жалости, сочувствія, участія. Ей хотѣлось быть искренней, отдохнуть, высказать, выплакать свое горе. Это облегчило бы ее, какъ весенняя гроза, и послѣ этого она, можетъ быть, снова бы ожила и повеселѣла. Кулешовъ ничего этого не понималъ, онъ желалъ попрежнему забавляться ею. А она встрѣчала его съ озабоченнымъ лицомъ, съ заплаканными, грустными глазами. Ему не уда-

валось болѣе заводить свою куклу, будто въ ней какая-то пружина сломалась; и Борису Владиміровичу становилось съ ней скучно. Ему было все равно, что Николая Петровича разбилъ параличъ, что матеріальное положеніе Лидіи ухудшилось; это не смущало его нисколько. Но онъ замѣчалъ, что она постарѣла, что лицо ея подурнѣло, осунулось, онъ все это замѣчалъ и начиналъ себя спрашивать, не глупо ли онъ поступилъ, поторопившись сдѣлать ей предложеніе. Родители его также начинали хмуриться и незамѣтно привыкали съ пренебреженіемъ относиться къ Лидіи. Когда она пріѣзжала къ нимъ въ домъ, появленіе ея всегда возбуждало какъ бы удивленіе, и она чувствовала себя лишней и непрошенной. Елена Павловна стала даже звать ее „душечкой". О свадьбѣ въ семьѣ Кулешова не произносилось ни слова. Да и самъ Кулешовъ о ней замолчалъ. Онъ постепенно измѣнялъ свое поведеніе съ Лидіей. Съ каждымъ днемъ становился онъ все болѣе и болѣе нахальнымъ, какъ бы желая переполнить мѣру ея терпѣнія и вывести ее наконецъ изъ себя. Случалось, у него хватало духу сказать ей: „Фу, какая вы блѣдная! Вы мнѣ перестанете нравиться! Потрите себѣ лицо щеточкой".

Лидія не отвѣчала ему ничего. Она бросала на него лишь порой укоризненный, недоумѣвающій взглядъ. Въ послѣднее время она успѣла ко многому привыкнуть. Она привыкла къ той невидимой сѣти мелкихъ обидъ, невѣжествъ и оскорбленій, которая опутывала теперь всю ея жизнь. Она привыкла не удивляться. Дни казались ей долгимъ, томительнымъ сномъ. Слабая воля ея надломилась, и она какъ бы по привычкѣ плелась по жизненному пути, согнувшись подъ тяжелой ношей. Она по привычкѣ дѣлала визиты, по привычкѣ любезно отвѣчала, когда ей съ притворно-ласковой улыбкой выражали полное любопытства обидное участіе. Дома она по цѣлымъ часамъ сидѣла либо въ спальнѣ отца, либо въ своей собственной комнатѣ, низко опустивъ голову и держа въ рукахъ, но не читая, раскрытый романъ.

— Лидія, ты меня приводишь въ отчаяніе, — говорила ей мать: — неужели ты не можешь хоть каплю встряхнуться? Можетъ быть, ты больна? — тогда надо лечиться.

Лидія приподымалась, будто ее будили.

— Я не понимаю, отчего ты въ такомъ отчаяніи, — продолжала Софья Андреевна. — Ну, захворалъ отецъ, ты его любишь, ты огорчена, все это такъ. Положеніе наше ужасно, конечно, но твоя вѣдь судьба обезпечена, ты выйдешь замужъ...

— Я выйду замужъ,—повторяла Лидія, снова опуская голову и глубоко задумывалась.

Положеніе Радаевыхъ было въ самомъ дѣлѣ ужасно. Они пока все скрывали, не мѣняли свой образъ жизни, и обычные расходы шли своимъ чередомъ, а между тѣмъ на текущемъ счету оставалось все меньше и меньше денегъ. Чтобы сдѣлать полугодовой взносъ по страховому полису Николая Петровича, Софьѣ Андреевнѣ пришлось продать нѣсколько бумагъ. Она прекрасно видѣла, что долго такъ продолжаться не можетъ. Она попрежнему разъѣзжала на собственныхъ лошадяхъ, надѣвала свои нарядныя платья, но каждый разъ, когда она переступала порогъ своей роскошной квартиры съ дорогими коврами, бронзой, картинами, ее охватывалъ какой-то ужасъ, будто все это вотъ, вотъ сейчасъ должно рухнуть и погрести ее подъ своими обломками.

— Какъ Радаева постарѣла!—говорили знакомые.—А вы замѣтили?—Ну, еще бы, конечно.

Николай Петровичъ началъ уже, въ халатѣ и опираясь на чью-нибудь руку, бродить, волоча ногу, по комнатѣ. Говорилъ онъ очень невнятно, такъ что его едва можно было понять. Трудно было сказать, что онъ чувствовалъ. Что-то дѣтски безпомощное, нѣжное, кроткое появилось во всемъ его существѣ. Онъ какъ бы стыдился своего инвалидства и вмѣстѣ съ тѣмъ требовалъ ласки, ухода, вниманія, благодарилъ за все виноватой улыбкой и, какъ ребенокъ, радовался пустякамъ. Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ каждый день обѣда, выражалъ удовольствіе, когда ему подавали что-нибудь вкусное, интересовался различными мелочами. Предписанія врача онъ всегда исполнялъ съ какимъ-то страстнымъ довѣріемъ, съ непоколебимой надеждой на выздоровленіе. Изрѣдка только на него находило отчаяніе, онъ лишался окончательно рѣчи, начиналъ томиться, метаться, стонать. Въ такія минуты и Лидія, не зная, какъ его утѣшить, страдая за него, теряла послѣднее мужество и говорила себѣ, что единственнымъ и желаннымъ исходомъ была бы внезапная смерть. Но болѣе всего желала она смерти для самой себя; она мучительно ее желала, какъ отдыха, какъ избавленія. Она знала, что сама не рѣшится лишить себя жизни, а между тѣмъ эта жизнь представлялась ей несноснымъ, непосильнымъ бременемъ. Въ будущемъ она не ждала ничего. Бракъ съ Кулешовымъ, если ему суждено было сбыться, казался ей чѣмъ-то ужаснымъ, а порвать съ нимъ... это было возможно, но тогда ее ожидала нужда.

А для нея, съ дѣтства не знавшей ни въ чемъ отказа, нужда, борьба ради хлѣба насущнаго были хуже, чѣмъ смерть.

Нужда была такъ страшна, что, думая о ней, она боялась сойти съ ума.

— „Не дай Богъ, чтобы жизнь васъ исправила, она умѣетъ ломать самыхъ сильныхъ",—вспоминались ей пророческія слова Веревкиной. Она чувствовала теперь, что жизнь ломаетъ ее, чувствовала себя въ ея могучихъ тискахъ.

И порой, по ночамъ, ей приходили въ голову странныя мысли. Ей представлялась земля, безконечно огромная, заселенная безчисленнымъ множествомъ людей, представлялось безчисленное множество другихъ міровъ... Что была въ сравненіи съ ними она, слабая, мелкая порошинка? Она неслась въ страшномъ вихрѣ, который мчалъ и крутилъ ее безъ конца. У кого стала бы она просить пощады, кто захотѣлъ бы помочь ей, спасти ее? Сколько бы она ни кричала, ни молила о помощи, голосъ ея все равно бы былъ заглушенъ нестройнымъ гуломъ такихъ же воплей, гуломъ, который несется отъ вѣка до вѣка, не получая никогда отвѣта.

И Лидія чувствовала, какъ вся она постепенно холодѣетъ, и въ смертельной тоскѣ поворачивалась съ боку на бокъ и прятала голову въ измятыя подушки, боясь, что громко закричитъ отъ страха.

XIII.

А время летѣло, летѣло. И вотъ наступилъ новый годъ.

Софья Андреевна еще наканунѣ распорядилась, чтобы кромѣ Кулешова не принимали рѣшительно никого.

Визитерамъ отказывали, часы тянулись уныло и скучно, Кулешовъ все не ѣхалъ. Въ четвертомъ часу посыльный принесъ огромную корзину бѣлыхъ кризантемъ и подалъ конвертъ, въ которомъ была визитная карточка. „Отъ души желаю махровымъ лепесткамъ счастья на новый годъ", было нацарапано на ней рукою Бориса Владиміровича. Лидія посмотрѣла на карточку, подержала ее и положила на столъ. Она разсѣянно взглянула на корзину и вдругъ подошла къ ней совсѣмъ близко съ испуганнымъ, полнымъ напряженнаго вниманія лицомъ.

— Мама, — спросила она дрогнувшимъ голосомъ:—отчего всѣ, всѣ лепестки завяли?

— Какъ такъ завяли?

— Да такъ, посмотри. Всѣ, всѣ цвѣты опустили головки. Мама, скажи, отчего это можетъ быть?

— Ахъ, Боже мой, что ты пристала? Какъ я могу знать? Ну, опустили, завяли...

— Ты думаешь, онъ не нарочно?

— Кто это онъ?

— Кто? Борисъ.

— Да ты... ты съ ума сходишь?

— Нѣтъ.

Она неподвижно стояла, не сводя глазъ съ поблекшихъ цвѣтовъ, вспоминая разговоръ, который у нихъ былъ наканунѣ.

— „Развѣ я не былъ правъ?—говорилъ Кулешовъ.—Видите, васъ немного хватило морозомъ, и вы ужъ опустили головку, завяли. Бѣдные махровые лепестки, бѣдные, какъ мнѣ жаль васъ!“

Она медленно отломила бѣлый цвѣтокъ, закрыла имъ на минуту глаза, потомъ вдругъ порывисто, съ ненавистью скомкала его въ рукахъ.

— Бѣдные мои цвѣты!—раздался за спиной ея голосъ:—за что вы ихъ такъ?

Она вздрогнула и оглянулась.

Матери ея не было въ комнатѣ, передъ ней стоялъ Кулешовъ.

— Ахъ, Борисъ Владиміровичъ!—произнесла она спокойно, протягивая ему руку. — Здравствуйте, благодарю за цвѣты. Съ новымъ годомъ.

— Вы не сердитесь?

— Сержусь? Нѣтъ, за что?

Злорадная улыбка едва замѣтно скривила его губы. Онъ съ жаднымъ любопытствомъ на нее смотрѣлъ, какъ бы ожидая объясненія, упрековъ, но Лидія ему только сказала:—Садитесь, Борисъ Владиміровичъ.

Онъ, однако, не сѣлъ, а подошелъ, будто случайно, къ цвѣтамъ и вдругъ удивленно воскликнулъ:

— Что это? Да они всѣ завяли! Какъ вы думаете, Лидія Николаевна, какъ это могло случиться?

— Не знаю,—отвѣтила она, усаживаясь въ кресло.—Вѣроятно, ихъ охватило морозомъ.

— Помилуйте! Оттепель, какой же морозъ?

Она молча сгибала и разгибала длинный стебелекъ цвѣтка. Наконецъ, она выпустила его изъ рукъ и рѣшительно подняла голову.

— Хорошо, что вы пріѣхали, Борисъ Владиміровичъ,—сказала она.—Мнѣ надо поговорить съ вами.

— О чемъ?

— А вотъ вы увидите.—Борисъ Владиміровичъ,—продолжала она, не смотря на него и говоря медленно, какъ бы подыскивая

слова:—весной вы дѣлали мнѣ предложеніе, я его приняла. Мы съ вами женихъ и невѣста; но съ весны много воды утекло, обстоятельства измѣнились, измѣнились мы сами. Я хотѣла сказать вамъ, что вы свободны.

Онъ весь вспыхнулъ и выпрямился.

— Лидія Николаевна,—сказалъ онъ,—это отказъ?

— Вы очень добры, Борисъ Владиміровичъ.

— При чемъ тутъ моя доброта?

— Вы *очень* добры. Вы дѣлаете видъ, будто *я* вамъ отказываю. Спасибо. Я пользуюсь вашей любезностью, я очень ее цѣню. *Я* вамъ отказываю. Вы отнынѣ свободны. Мы разстаемся безъ ссоры, безъ раздраженія, по-товарищески, правда вѣдь?

— Да,—произнесъ онъ смущенно.

— Въ такомъ случаѣ, Борисъ Владиміровичъ, прощайте.

Онъ всталъ, она протянула ему руку, онъ взялъ ее, и она вдругъ почувствовала, что онъ все крѣпче и крѣпче сжимаетъ ея пальцы, не выпуская ихъ изъ своей руки. Она испуганно на него взглянула. Глаза его съ хищнымъ выраженіемъ смотрѣли на нее. Ему какъ будто стало вдругъ досадно, что приходится выпустить жертву, надъ которой онъ такъ долго глумился и которая ускользала теперь отъ него.

— Почему же „прощайте"?—сказалъ онъ голосомъ капризнаго ребенка, и что-то похожее на улыбку, дерзкую и вызывающую, промелькнуло въ его лицѣ.—Развѣ мы не можемъ когда-нибудь встрѣтиться?

У Лидіи потемнѣло въ глазахъ.

„Боже мой, Боже, я упаду!"—какъ молнія блеснуло у нея въ головѣ.

Тѣмъ не менѣе, она не упала. Чувство гадливости, невыразимаго отвращенія нахлынуло на нее и помогло ей себя побороть. Она подняла свои прекрасные глаза и остановила на немъ строгій, пристальный взоръ. Полгода назадъ она не въ состояніи была бы такъ смѣло и такъ упорно на него смотрѣть, но въ эти полгода она много выстрадала.

И потомъ, этотъ человѣкъ вымоталъ изъ нея всю душу, и теперь она не чувствовала къ нему ничего кромѣ презрѣнія.

И она такъ долго и такъ настойчиво на него смотрѣла, стыдя его этимъ строгимъ взглядомъ, что онъ, наконецъ, смутился и первый опустилъ глаза.

— Прощайте, Борисъ Владиміровичъ! — еще разъ внятно произнесла она и, выдернувъ изъ его руки свою руку, повернулась и ушла изъ гостиной.

Нѣсколько мгновеній спустя, Софья Андреевна входила къ ней въ комнату.

— Отчего ты здѣсь?—встревоженно спросила она.—Отчего Кулешовъ уѣхалъ, отчего онъ не простился со мной?

— Я ему отказала,—спокойно отвѣтила Лидія.

— Что? Что ты говоришь, что ты говоришь, Лидія?

— Я ему отказала, — повторила она, отчетливо произнося каждое слово.

— Что же мы будемъ дѣлать?—вырвалось у Радаевой.

— Не знаю. Что-нибудь *будемъ* дѣлать. Будемъ работать, писать на машинѣ „Ремингтонъ".

Софья Андреевна взяла ее за плечи.

— Лидія, Лидія!—съ мольбой заговорила она:—что съ тобой, что? Ты бредишь?

— О, нѣтъ,—отвѣтила Лидія съ злобной усмѣшкой.—Я такъ ясно все понимаю, такъ хорошо.

— Да скажи мнѣ, что же случилось? Боже мой, что же это такое?

— Ничего не случилось. — И Лидія пожала плечами.—Я только первая сдѣлала шагъ къ развязкѣ, которая была неизбѣжна.—Да неужели же ты не видѣла?—горячо продолжала она,—не видѣла, ничего не видѣла? Вѣдь мать его подавала мнѣ только два пальца, онъ обращался со мной, какъ съ... Что бы папа сказалъ, еслибы онъ это могъ видѣть? А ты бы хотѣла, чтобы я все ждала? Чего же, скажи мнѣ? Знаешь, чего бы я дождалась?

Она не докончила. Она вдругъ съ такой ясностью увидѣла передъ собой его двусмысленную улыбку, что у нея захватило дыханіе, и она замолчала.

Софья Андреевна ничего не отвѣтила. Она безпомощно опустилась въ кресло и залилась слезами. То были ея первыя слезы съ того дня, какъ захворалъ ея мужъ.

— Боже мой,—повторяла она, рыдая все громче и громче,—за что я такая несчастная, за что, Боже мой, за что?

Заложивъ руки за спину и прислонившись къ стѣнѣ, Лидія молча на нее глядѣла. Губы ея были крѣпко сжаты, будто онѣ упрямо хотѣли удержать тотъ отвѣтъ, который невольно просился на уста.

XIV.

Послѣ этой неожиданной вспышки, подъема, Лидія снова опустила крылья. Безконечная апатія охватила ее. Она иногда ложилась къ себѣ на кровать и долго лежала безъ движенія, не будучи въ состояніи пошевельнуть пальцемъ. Ей казалось, будто она—на днѣ глубокой рѣки. Высоко надъ ней струится вода, струится быстрое теченіе жизни, а сама она умерла.

И какъ ей хотѣлось, чтобы это въ самомъ дѣлѣ такъ было, какъ страстно хотѣлось ей умереть, все забыть, ничего не помнить, не чувствовать, не сознавать ничего.

Въ состояніи Николая Петровича не происходило никакихъ измѣненій, о выздоровленіи никто ужъ не говорилъ. Физически же онъ чувствовалъ себя очень бодро, и врачи находили, что онъ можетъ прожить много лѣтъ.

Смѣшно было лгать, стараться обманывать, да никто бы и не повѣрилъ теперь. Софья Андреевна сдалась. Она поняла, что все кончено, и на все махнула рукой.

Она сдѣлала объявленіе въ газетахъ о продажѣ лошадей, обстановки, распустила прислугу и стала искать квартиру.

— Мама, милая,—сказала ей Лидія,—бросимъ все и уѣдемъ въ Болоцкое.

— А чѣмъ мы тамъ жить будемъ? Болоцкое надо продать. Только это дастъ намъ возможность кое-какъ обернуться. Намъ нечѣмъ даже платить за полисъ.

— Бросимъ и полисъ, Богъ съ нимъ, только уѣдемъ. Въ Болоцкомъ мы будемъ одни, свободны, покойны, никто насъ тамъ не увидитъ!

— Все это такъ, да жить-то чѣмъ, жить?

— Мама, вѣдь нельзя же отца перевезти въ ужасную, тѣсную, темную квартирёнку. Онъ боленъ, онъ не привыкъ.

— И я не привыкла. Дѣлать тутъ нечего. А Болоцкое надо продать. Я не виновата, что отецъ не позаботился поднять доходность имѣнія. Еслибы было хозяйство, заводъ, мы могли бы тамъ жить, а такъ... На Болоцкое у отца почему-то никогда не хватало денегъ. Ну, и пускай, и пускай живетъ теперь въ тѣсной квартирѣ,—я ужъ тутъ, матушка, ни при чемъ. Что̀ ты хочешь, Лидія?

Лидія, дѣйствительно, горько смѣялась.

— Такъ,—отвѣтила она,—ничего. Вспомнилась мнѣ бѣло-

швейка, Анисья Васильевна. Помнишь, она какъ-то пришла и говоритъ, что у мужа ея въ печени ракъ. Мы стали ее жалѣть, успокаивать, а она отвѣчаетъ: „Ахъ, да, ужъ такое, такое-то горе, не добычникъ онъ теперь у меня“. Не добычникъ! Да, мама, пока работалъ отецъ, онъ былъ милъ, а теперь—растянулася кляча!

— Лидія, я прошу тебя замолчать.

— А, да что тутъ молчать! Мнѣ противно. Что мы дѣлали, чего мы требовали всю жизнь отъ отца? „Travaille, vilain, travaille“... Развѣ не правда? Ну, и добились—уморили его.

XV.

Несмотря ни на что, Софья Андреевна рѣшилась продать имѣніе, и покупатели скоро нашлись. Лидія притихла. Бороться она не умѣла, да и какая могла быть борьба?

— Неужели же я такъ и не увижу Болоцкаго?—робко спросила она однажды у матери.—Мнѣ такъ бы хотѣлось проститься съ нимъ. У меня есть тамъ вещи, которыя дороги мнѣ... по воспоминаніямъ.

— Ну, прокатись, возьми ихъ, это тебя успокоитъ, развлечетъ, можетъ быть. Поѣзжай. Сама я поѣду туда, но не скоро; поѣзжай, если хочешь, одна.

На другой день Лидія была ужъ въ пути. Вагонъ второго класса былъ полонъ народа. Въ окно глядѣла весенняя свѣтлая ночь, и подъ этимъ блѣднымъ небомъ широкимъ вѣеромъ развертывались и убѣгали вдаль безконечныя пустынныя поля. Прислонившись къ мягкой суконной стѣнкѣ дивана и подложивъ подъ русую головку маленькую думку, Лидія сидѣла неподвижно, но не дремала.

Время отъ времени усталые глаза ея медленно открывались, печально и разсѣянно глядѣли въ окно; потомъ снова опускались темныя рѣсницы, и изъ полуоткрытыхъ губъ вырывался слабый, сдержанный вздохъ. Наконецъ, она выпрямилась, широко раскрыла глаза и положила подушку къ себѣ на колѣни.

— Все равно не засну,—прошептала она.

Боясь тратить много денегъ, Лидія въ перый разъ въ жизни рѣшилась ѣхать во второмъ классѣ и не въ отдѣльномъ купэ. И теперь ей не давала спать непривычная обстановка общаго вагона и переутомленіе послѣднихъ дней, и мысль, вѣчная мысль о томъ, что ждетъ ее въ будущемъ. Она, однако, сдѣлала надъ

собой маленькое усиліе, отогнала тяжелыя думы и начала смотрѣть на то, что происходило вокругъ.

Почти всѣ пассажиры спали. Кто—сидя и уныло покачиваясь при каждомъ толчкѣ; кто—кое-какъ лежа на мягкой скамейкѣ. Всѣ лица въ полутьмѣ разсвѣта казались усталыми, блѣдными и некрасивыми, всѣхъ, какъ тяжелый кошмаръ, окутывали ѣдкая пыть и духота вагона и укачивали однообразное колыханье и шумъ мчавшагося поѣзда.

„Хоть бы поскорѣй пріѣхать!"—подумала Лидія и брезгливо повела плечами. И она начала разсчитывать, сколько времени остается еще до слѣдующей пересадки. Оставалось не менѣе двухъ часовъ. Ей хотѣлось вдохнуть свѣжаго воздуха, вырваться изъ вагона, расправить утомленные члены.

Кто-то зашевелился недалеко отъ нея у противоположнаго окна, и она невольно обратила туда все свое праздное вниманіе.

Прикурнувъ на скамейкѣ и протянувъ ноги на корзину, наполненную книгами, лежала молоденькая, почти бѣдно одѣтая женщина. Подсунувъ подъ голову теплый платокъ, она крѣпко спала, убаюканная покачиваніемъ вагона.

Рядомъ съ ней, на полу, на колѣняхъ, стоялъ совсѣмъ молодой человѣкъ въ студенческой старой тужуркѣ. Въ ту минуту, какъ Лидія устремила на нихъ свои глаза, молодой человѣкъ бережно укутывалъ ноги своей спутницы поношеннымъ пальто и, окутавъ ихъ, хотѣлъ-было привстать съ пола, но, испугавшись, должно быть, произведеннаго имъ шороха, снова замеръ въ неподвижной позѣ набожнаго и робкаго созерцанія.

Вдругъ молодая женщина слегка застонала, зашевелилась и открыла глаза. „Шура",—произнесла она соннымъ голосомъ и улыбнулась. Онъ взялъ ея безпомощно свѣсившуюся руку и крѣпко ее пожалъ.

На маленькой блѣдной рукѣ сверкнуло узкое обручальное кольцо.

— Тебѣ хорошо спать?—спросилъ онъ.

— Очень, а ты?

Она приподнялась и веселыми, ласковыми и удивленными глазами смотрѣла на него.

— Что ты, зачѣмъ ты стоишь на колѣняхъ? Ты съ ума сошелъ?

И, вспыхнувъ, она тихо засмѣялась и снова положила голову на платокъ; въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ Лидія слышала сдержанный радостный шопотъ, потомъ все затихло, и молодая женщина, очевидно, заснула.

Кто может знать, какія впечатлѣнія, случайныя и мимолетныя, имѣютъ подчасъ вліяніе на душу человѣка, и гдѣ собираетъ она капля по каплѣ тотъ медъ, которымъ питается въ послѣдующіе годы?

Чувство усталости, испытываемое Лидіей, чувство отвращенія и апатіи, какъ туманъ, начало подниматься и медленно исчезать.

На сердцѣ ея становилось свѣтло; все скорѣй билось оно, согрѣтое какимъ-то грустнымъ умиленіемъ и почти материнской нѣжностью къ этимъ окружающимъ ее, еще такъ недавно совершенно чуждымъ ей людямъ. Она на время забыла о себѣ, ей захотѣлось слиться съ другими жизнями, раздѣлить ихъ радости, раздѣлить ихъ заботы. Въ мозгъ ея проникало сознаніе, что тогда и собственная ея жизнь можетъ еще быть прекрасной, несмотря на лишенія, несмотря на нужду.

Душу ея, подобно предразсвѣтному вѣтерку, охватывалъ трепетъ ожиданія. И вдругъ она почувствовала, что углы ея губъ дрожатъ, а изъ глазъ готовы брызнуть свѣтлыя слезы.

Еще разъ окинула она долгимъ взглядомъ всѣ эти скорчившіяся, некрасивыя и столь милыя ей теперь фигуры, и, не въ силахъ сдержать невольную улыбку, отвернулась къ окну и начала съ любопытствомъ вглядываться въ выступавшія изъ утренняго тумана, казавшіяся теперь черными, пустынныя поля.

XVI.

Когда Лидія на другой день пріѣхала на станцію Т—ицкую, ее уже ждалъ высланный за ней старомодный тарантасъ, запряженный двумя деревенскими лошадками.

Наканунѣ шелъ сильный дождь, прибившій всю пыль дороги. Мѣстами попадались еще небольшія, уцѣлѣвшія лужицы. Сытыя лошади бѣжали крупной рысью, и передъ глазами быстро мелькали поля съ нѣжно-зелеными всходами овса, вспаханныя полосы темной земли и далекіе, только-что одѣвшіеся въ зелень лѣса.

Мѣстность кругомъ была ровная и неживописная, и только изрѣдка лѣсъ надвигался съ одной стороны чуть ли не до самой дороги. Кучеръ оказался несловоохотливымъ, да и вообще болоцкіе люди не привыкли бесѣдовать со своими господами, пріѣзжавшими изрѣдка и ненадолго. Лидія была этому теперь рада. Ей было бы тяжело вступить въ разговоръ и объявить кучеру, что она пріѣхала проститься съ Болоцкимъ. Ей пріятнѣе было молчать.

Въ усадьбѣ ее почему-то не ждали такъ рано, и старая ключница, Марья Григорьевна, только тогда, запыхавшись, выбѣжала къ ней навстрѣчу, когда тарантасъ, проѣхавъ длинную тополевую аллею, остановился у широкаго, полукруглаго крыльца.

Лидія выскочила изъ тарантаса, поздоровалась съ ключницей и вошла съ нею въ домъ.

— Ахъ, батюшки, обѣдъ-то еще не готовъ!—суетилась Марья Григорьевна.—Ужъ вы, Лидія Николаевна, простите, я не кухарка, не то, что вашъ Аполосычъ. Черезъ полчасика вамъ подамъ кушать. Чтò сумѣла, сготовила. Сдѣлала я вамъ супъ съ манными клёцками, да битки, да еще „патиша". Это ужъ меня научилъ Аполосычъ.

— Хорошо, хорошо,—улыбалась Лидія,—я не особенно голодна. Мнѣ хотѣлось бы вымыться и переодѣться; велите, пожалуйста, принести чемоданъ.

Комната Лидіи была въ полномъ порядкѣ. Постель была сдѣлана, въ рукомойникѣ налита вода, развѣшаны чистыя полотенца, въ вазочкахъ стояли цвѣты. Пока развязывали и вносили чемоданъ, Лидія подошла къ окну, открыла его и остановилась.

Все было тихо, изрѣдка только вдали куковала гдѣ-то кукушка. Природа едва только пробуждалась. На дубахъ вились клейкіе листики, яблони были въ цвѣту и ландыши уже распускались.

И настроеніе было веселое, радостное; хотѣлось чутко прислушиваться къ звукамъ въ саду и всей грудью вдыхать живительный воздухъ.

Черезъ полчаса Марья Григорьевна пришла звать Лидію обѣдать, накормила ее, напоила чаемъ, разспрашивала у нея о здоровьи „папаши" и, наконецъ, удалилась, оставивъ Лидію одну.

— Позовите меня, — сказала она,—если чтò понадобится. Да я еще и сама приду. Сегодня суббота, я затеплю лампаду, а то вамъ пожалуй будетъ страшно впотьмахъ.

Оставшись одна, Лидія облегченно вздохнула, встала изъ-за стола и лѣниво пошла побродить по дому.

Она добрела до залы, постояла, потомъ подошла къ роялю, сѣла на круглый бархатный табуретъ и наудачу взяла съ этажерки пожелтѣвшія ноты. Она положила ихъ на пюпитрѣ и разсѣянно на нихъ взглянула. То была старинная французская арія Lulli: „Revenez, revenez, Amours, revenez"... Дребезжащій звукъ разбитаго рояля звонко пронесся подъ высокими сводами. Лидія опустила руки, прислушиваясь къ тому, какъ онъ замиралъ. Казалось, наивныя слова маленькой аріи расшевелили въ ней

давнишнія мечты, напомнили о томъ миломъ ей, быломъ, чему не суждено было никогда вернуться.

„Revenez, Amours, revenez!“...

А что, блеснула вдругъ въ мозгу ея мысль, если она подниметъ голову и увидитъ снова, какъ тогда на базарѣ, Веревкина?

И снова, какъ тогда, сердце ея страшно забилось. Она робко оглянулась. Нѣтъ, все было пусто. Лишь косой лучъ солнца проникалъ въ залу сквозь стеклянную дверь и золотилъ, какъ бы лаская ихъ, забытые портреты. И всѣ они, казалось, смотрѣли на нее и улыбались ей, не то презрительно, не то злорадно. Лидія поспѣшно встала, ей становилось жутко въ опустѣвшемъ домѣ.

Она прошлась, чтобы согрѣться, раза два по залѣ, потомъ открыла стеклянную дверь, вышла на террасу и оперлась обѣими руками на покосившіяся каменныя перила. Воздухъ былъ свѣжій, прозрачный и золотистый. На ясной, глубокой лазури весенняго неба рѣзко вырисовывались темно-зеленыя верхушки елей, увѣшанныя красноватыми шишками. Между ними выдвигалась яркая, свѣжая и блестящая листва молодыхъ дубовъ, сверкали стройные высокіе стволы березъ, и воздушными узорами висѣли ихъ легкія душистыя вѣтви. Между зеленью, вдали, подъ обрывомъ, виднѣлась рѣка. Въ неподвижномъ блѣдно-голубомъ зеркалѣ водъ отражались ползучія алыя облака. Не было ни малѣйшаго вѣтерка. На всемъ лежалъ теплый румяный отблескъ послѣднихъ лучей заходящаго солнца. Въ воздухѣ былъ разлитъ молодой, весенній запахъ травы, мха, прѣлыхъ листьевъ и влажной земли. Въ кустахъ и деревьяхъ немолчно чирикали птички. Откуда-то издалека доносились смутные вечерніе звуки, крики, говоръ, мычанье коровъ. Все вокругъ, казалось, замерло. Каждая травка, каждый стебелекъ вытягивался вверхъ и стоялъ, будто очарованный, впивая свѣжій благоуханный воздухъ. Въ ослѣпительно бѣлыхъ колокольчикахъ ландышей сверкали крупныя капли холодной росы.

Безконечная красота весенняго вечера, кроткая, могучая и душистая, наполняла душу непонятной тревогой, и чувство, восторженное и сладостное до боли, хватало за сердце. Лидія долго стояла въ глубокомъ раздумьи. Какая-то мысль росла и крѣпла въ ея мозгу, волновала ее и просилась наружу. Наконецъ, она озябла, по тѣлу ея пробѣжалъ ознобъ. Она очнулась, вошла снова въ залу, не оглядываясь, прошла гостиную, билліардную, вошла къ себѣ въ комнату и заперла за собою дверь.

Въ спальнѣ у нея было тепло и уютно, передъ образомъ мерцала лампада. Лидія быстро раздѣлась и легла въ постель. Она не сразу заснула. Долго еще лежала она съ раскрытыми глазами, съ пылающимъ, возбужденнымъ лицомъ. Но вотъ, мало-по-малу вѣки ея стали медленно опускаться, мысли въ головѣ стали путаться, и она начала засыпать.

Подъ утро приснился ей страшный и чудный сонъ.

Ей снилось, что снова она очутилась въ залѣ.

И вотъ, ей вдругъ кажется, что домъ весь колеблется, и оживаютъ безмолвныя стѣны. Отвсюду, отвсюду, изъ всѣхъ щелей выглядываютъ и киваютъ головки. Смѣются портреты, слышится шорохъ, сдержанный хохотъ, звуки рѣчей. И вдругъ за спиной она слышитъ, что кто-то шагаетъ. Лидія оглядывается. Быстрыми, рѣшительными шагами подвигается къ ней ея прадѣдъ. Она сразу его узнаетъ. Въ старомъ военномъ мундирѣ, маленькій, съ сѣдой головой, съ нависшими суровыми бровями, рѣшительно и злобно онъ идетъ на нее. „А, ты пришла,—говоритъ онъ ей съ громкимъ смѣхомъ.—Хорошо, здравствуй, внучка. Ты вѣдь наша. Мы—мертвецы, но не все ли равно? Вѣдь и ты не живая: ты никогда не любила ни зла, ни добра“. Лидія чувствуетъ, какъ кровь ея стынетъ. Холодныя, тяжелыя руки опускаются къ ней на плечи. Изъ груди ея вырывается крикъ безумнаго страха. Все исчезаетъ, и она просыпается.

Въ первое мгновеніе Лидіи не вѣрилось, что все это было лишь сонъ. Она дрожала, какъ въ лихорадкѣ, и долго не могла успокоиться. Въ комнатѣ было темно. Лампада погасла, и запахъ деревяннаго масла смѣшался съ ароматомъ цвѣтовъ.

Лидія дрожащей рукой зажгла свѣчку, сѣла на кровать, спустила на коверъ ноги, всунула ихъ въ красные шлепанцы, накинула на себя широкій халатъ, встала, подошла къ окну и отдернула занавѣсъ.

Утро было сѣрое, пасмурное, птички слабо чирикали и листья слегка трепетали въ утреннемъ вѣтрѣ.

Лидія постояла, кутаясь въ свой халатъ и все еще вздрагивая, потомъ сѣла за столъ и взяла листъ бумаги.

И вдругъ она начала быстро писать, изрѣдка, нетерпѣливымъ движеніемъ, откидывая рукой лѣзшія ей въ глаза пряди волосъ. Лидія писала Веревкину.

Она, какъ могла и умѣла, говорила ему обо всемъ, что пережила, передумала въ теченіе минувшаго года. Разсказывала ему о болѣзни отца, о томъ, какъ она съ Кулешовымъ порвала.

„Я знаю,—писала она ему,—что послѣ того, что было, я

не имѣю права и не должна была бы вамъ писать. Я слишкомъ передъ вами виновата, и вы не можете меня простить. Я и не прошу у васъ полнаго прощенія. Я прошу васъ только объ одномъ: попробуйте относиться ко мнѣ безъ злобы и безъ презрѣнія. Можетъ быть, мнѣ удастся доказать вамъ, что я стала лучше, удастся снова вернуть ваше чувство ко мнѣ. Еслибъ вы знали, какъ я несчастна! Мнѣ кажется, я искупила многое. И не думайте, Александръ Ивановичъ, что я вспомнила о васъ потому только, что мнѣ не повезло, что меня всѣ оставили. О, нѣтъ, вѣрьте мнѣ, если вы еще можете вѣрить, что во мнѣ говоритъ не мелкое, не пошлое чувство. Я многому, многому научилась. Я научилась цѣнить то, что̀ дѣйствительно важно и нужно въ жизни, цѣнить людей, людскія отношенія, хорошія, честныя, прямыя. Я научилась цѣнить привязанности, доброту, участье. Еслибъ вы знали, какъ я ждала, порой, всего этого, какъ бы отдала года̀ моей жизни за ласковое слово, за добрый дружескій совѣтъ. То, что̀ представлялось мнѣ какимъ-то пугаломъ, кажется мнѣ теперь отдыхомъ, счастьемъ. Я поняла, что страшно другое, что скромная, трудовая жизнь можетъ и не быть скучной, что въ ней можетъ быть много радости.

„Не отталкивайте меня, Александръ Ивановичъ. Ваша мать просила меня оставить васъ въ покоѣ; я ушла отъ нея тогда, будто бы меня прокляли. Я даже не знаю, какъ, послѣ этого разговора съ нею, я еще рѣшаюсь обращаться къ вамъ. Но вѣдь сама Ольга Александровна сказала, что исправить меня можетъ жизнь. Слова ея сбылись, и жизнь меня сломала, и теперь я, клянусь вамъ, не та. Конечно, я попрежнему слабая, одной мнѣ борьба не подъ силу. Но если вы протянете руку, если вы, хоть немного, поможете,—вы увидите, какъ я воспряну духомъ“.

Лидія ждала много, много томительныхъ дней.

Наконецъ, мѣсяца черезъ полтора, пришелъ отвѣтъ. Письмо было изъ Лондона. Вотъ что̀ писалъ Веревкинъ:

„Многоуважаемая Лидія Николаевна, прежде всего прошу васъ простить меня за долгое молчаніе. Я бы, конечно, не имѣлъ оправданія, еслибы отвѣтственность за него падала на меня; но ужъ по одному тому, что я пишу вамъ изъ Англіи, вы можете судить, что я не виноватъ. Письмо ваше немало постранствовало прежде, чѣмъ добраться до меня, и я получилъ его лишь третьяго дня въ Лондонѣ, куда я пріѣхалъ мѣсяца два тому назадъ съ научной цѣлью и гдѣ теперь усердно роюсь въ источникахъ, собирая матеріалъ для работы, которую думаю на-

писать. Благодарю васъ, Лидія Николаевна, за ваше довѣріе и за письмо, которое я прочелъ съ глубокимъ волненіемъ, которое перечитывалъ много разъ и на которое не могу отвѣтить вамъ такъ, какъ бы хотѣлось.

„На ваше славное, доброе письмо мнѣ бы хотѣлось отвѣтить вамъ тѣмъ же, хотѣлось бы сказать вамъ: Лидія Николаевна, все забыто!

„Этого я не могу сдѣлать.

„Я думаю, есть люди, которые умѣютъ все забывать и любить, несмотря ни на что. Можетъ быть, они лучше, благороднѣе и добрѣе меня. Можетъ быть, но... я ихъ не понимаю.

„Еслибы то, что̀ я чувствовалъ къ вамъ, было одною страстью, ваше письмо, по всей вѣроятности, воскресило бы ее во мнѣ. Но любовь моя къ вамъ была иного рода. Я любилъ въ васъ больше всего вашу душу, такой, какой она мнѣ представлялась. Иногда я не соглашался съ вами. Помните, когда вы сказали мнѣ, что мы должны ждать? Но именно въ такія минуты, когда вы казались мнѣ черезчуръ юной, черезчуръ увлекающейся, я и любилъ васъ больше всего. Я такъ любилъ въ васъ эту горячность, что боялся даже отрезвляющимъ образомъ повліять на васъ. Мнѣ хотѣлось, чтобъ все это въ васъ перебродило, чтобъ никакія сомнѣнія васъ не тревожили. И когда я увидѣлъ, что любилъ не васъ, а собственную мою мечту, я понялъ, что долженъ либо сойти съ ума, либо вырвать, вытравить мое чувство къ вамъ, вылечиться совершенно или погибнуть. И я съ напряженіемъ всѣхъ моихъ силъ, всей воли, всей моей энергіи, съ отчаяніемъ утопающаго, сталъ бороться съ моею любовью. Чего мнѣ это стоило, вы никогда не узнаете, но я достигъ цѣли, я вылечился. Правда, я вылечился такъ, какъ человѣкъ, которому, чтобы спасти его жизнь, отняли руку или ногу. Во всякомъ случаѣ, я снова могу работать, а это доказываетъ, что я все-таки умственно здоровъ. И это здоровье для меня теперь дороже всего—оно мнѣ слишкомъ тяжело досталось.

„Во мнѣ нѣтъ больше ни охоты, ни силъ начинать жизнь сначала. Не знаю, что̀ будетъ впослѣдствіи, но въ данную минуту я чувствую себя просто усталымъ. Я скажу вамъ, какъ моя мать: оставьте меня. Я не могу отвѣтить вамъ сильнымъ, искреннимъ чувствомъ, полнымъ вѣры въ самого себя. Вы пишете мнѣ, что вы—не та: но и я—не тотъ, Лидія Николаевна, я ничего не въ состояніи вамъ дать. Если вы чувствуете себя обновленной духовно, пройдите лучше мимо меня. Впрочемъ, какъ сестрѣ, я могу протянуть вамъ руку. Я съ радостью, на какую

я еще способенъ, сдѣлаю все, что отъ меня зависитъ, чтобъ поддержать васъ, если вамъ, дѣйствительно, нужна моя помощь и мой совѣтъ.

„Я скоро вернусь въ Россію, здѣсь я не останусь и лишняго дня, я соскучился—и меня тянетъ на родину. Обращайтесь ко мнѣ, я охотно буду служить вамъ, какъ другъ, какъ братъ и товарищъ, но не требуйте отъ меня бо̀льшаго. То, что̀ умерло, умерло навсегда. Я въ этомъ не виноватъ. Можетъ быть, не виноваты и вы. Не будемте судить другъ друга. — Глубоко преданный и уважающій васъ—А. Веревкинъ".

Видно, не суждено было махровымъ лепесткамъ расцвѣсти пышнымъ цвѣтомъ подъ благотворными и живительными лучами любви.

В. И. Б—НА.

ИЗЪ ПОѢЗДКИ
ВЪ
САРОВЪ

Путевыя впечатлѣнія и замѣтки.

Окончаніе.

V *).

Предшественница идеи „опрощенія" въ XVIII столѣтіи, А. Мельгунова.— Междоусобная борьба двухъ настоятельницъ монастыря, Ушаковой и Занятовой.—Положеніе послушницъ.—Отношеніе къ „господамъ" и къ „черни".— Реликвіи.—Итоги монастырскихъ богатствъ.

Агаѳья Семеновна Мельгунова считается первой основательницей Дивѣевскаго монастыря. Не менѣе замѣчательна, по своей изумительной энергіи, хотя и въ другомъ родѣ, бывшая настоятельница Занятова, основавшая затѣмъ Понетаевскій монастырь, а также боровшаяся съ нею за первенство въ Дивѣевскомъ монастырѣ Ушакова, добившаяся изгнанія Занятовой и ея сторонницъ изъ Дивѣева, съ устраненіемъ отъ дѣлъ монастыря нижегородскаго епископа Нектарія, и вызвавшая среди „сестеръ" монастыря такую смуту, которая кончилась нанесеніемъ обиды дѣйствіемъ епископу Нектарію юродивою Серебренниковой.

Мельгунова — вдова полковника, урожденная Бѣлокопытова, владѣлица богатыхъ имѣній въ трехъ губерніяхъ, женщина по

*) См. выше: октябрь, 588 стр.

своему времени очень образованная, была настоящей провозвѣстницей Толстовскаго „опрощенія“ полтора вѣка тому назадъ. Но это было не то,—нѣсколько буддійское, квіетическое „опрощеніе“, какое мы встрѣтимъ у Толстого; у Мельгуновой оно сливалось съ непрерывнымъ стремленіемъ работать для простого народа и вмѣстѣ съ нимъ, слившись съ народомъ, отдавая ему свои огромныя матеріальныя средства и свои умственныя богатства въ той, конечно, формѣ, до какой додумалась, въ своихъ одинокихъ размышленіяхъ, эта удивительная женщина.

Мельгунова овдовѣла очень рано и поступила въ кіевскій Флоровскій монастырь, гдѣ и была пострижена инокиней. И вдругъ, въ 1760 г., она бросаетъ Кіевъ и странствуетъ по Великороссіи. Здѣсь, добравшись до небольшого села Дивѣева, расположеннаго въ прекрасной мѣстности, на возвышеніи, съ котораго открываются обширные горизонты и живописныя дали, она останавливается въ домикѣ бѣднаго деревенскаго священника, у котораго и остается затѣмъ въ качествѣ простой работницы на цѣлые десятки лѣтъ, тщательно скрывая, что она пострижена въ инокини. Тутъ-то и развертывается ея дѣятельность на пользу окружающаго крестьянства. Конечно, въ то время не было даже и мысли о какомъ-нибудь монастырѣ на этомъ мѣстѣ; онъ былъ основанъ почти черезъ тридцать лѣтъ послѣ смерти Мельгуновой. И если ее возводятъ въ „первоосновательницу“ Дивѣевскаго монастыря, то это вызвано потребностью положить въ основу этого учрежденія какое-нибудь „чудо“, какую-нибудь легенду, которыя сразу ставили бы это учрежденіе на особую высоту, подъ особое покровительство неземныхъ силъ. И такая легенда, дѣйствительно, разсказывается въ особой книгѣ о Мельгуновой [1]); ей еще въ кіевскомъ Флоровскомъ монастырѣ явилась во снѣ Богоматерь и сказала, будто бы, такъ: „Иди на Сѣверъ Россіи и обходи всѣ великорусскія мѣста святыхъ Моихъ обителей, и будетъ мѣсто, гдѣ Я укажу тебѣ окончить богоугодную жизнь твою; Я прославлю имя Мое тамъ, ибо на мѣстѣ жительства твоего Я осную великую обитель Мою, на которую низведу всѣ благословенія Божіи и Мои—со всѣхъ трехъ жребіевъ Моихъ на землѣ: съ Иверіи (Грузіи), Аѳона и Кіева“...

„Скрывъ свое постриженіе,—продолжаетъ повѣствователь,—инокиня Александра отправилась въ путь. Придя въ село Дивѣево, для отдыха она сѣла на бревна близъ церкви. Въ лег-

---

[1]) „Сказаніе о Пелагіи Серебренниковой“. Дозволено Московскимъ Цензурнымъ Комитетомъ, 11 сент. 1900 года.

комъ снѣ смиренная инокиня снова удостоилась видѣть Божію Матерь и слышать отъ нея слѣдующее: „Вотъ то самое мѣсто, которое Я повелѣла тебѣ искать на Сѣверѣ Россіи. Живи и угождай здѣсь Господу Богу до конца дней твоихъ. Я осную здѣсь обитель Мою, которая будетъ четвертымъ жребіемъ Моимъ во вселенной. И, какъ звѣзды небесныя и песокъ морской, умножу Я тутъ служащихъ Господу Богу и Меня Приснодѣву, Матерь Свѣта и Сына Моего Іисуса Христа величающихъ". Такова легенда.

А вотъ дѣйствительные подвиги Мельгуновой: она помогала крестьянкамъ въ рабочую пору, нянча ихъ дѣтей, когда онѣ уходили въ поле; а ночью, когда онѣ отдыхали, шла, надѣвъ лапти, дожинать за нихъ хлѣбъ; днемъ топила у нихъ печи (въ страдную пору), мѣсила имъ хлѣбъ, готовила обѣдъ за женщинъ, ушедшихъ на работу, обмывала ихъ ребятишекъ.

И это не было результатомъ аскетизма, что видно изъ слѣдующаго: кромѣ этихъ нужныхъ, черныхъ, тяжелыхъ работъ, она заботилась и объ изяществѣ крестьянокъ,—вышивала бѣднымъ невѣстамъ головные уборы, сорочки и красивыя полотенца (стр. 65—66). Одинъ образецъ такого вышиванія сохраняется и показывается до сихъ поръ въ Дивѣевскомъ монастырѣ.

Во время голода (1775 г.), чтобы дать заработокъ крестьянамъ и даже ихъ дѣтямъ, она начинаетъ въ первый разъ (т.-е. 15 лѣтъ послѣ того, какъ поселилась у дивѣевскаго священника), строить въ Дивѣевѣ каменный приходскій храмъ. Заработокъ же дѣтямъ она придумала давать въ слѣдующей формѣ: они должны были подавать кирпичи кладчикамъ, и за это она ихъ кормила ежедневно и давала вечеромъ по 5 коп. каждому, совѣтуя отдавать эти деньги родителямъ. Конечно, одной этой работы было недостаточно для всей голодающей мѣстности, и вотъ она обновляетъ въ окрестностяхъ еще 12 церквей и достраиваетъ въ Саровѣ неоконченный Успенскій соборъ, а въ то же время „обезпечиваетъ немало сиротъ, вдовъ и нищихъ".

Насколько нѣкоторые ея взгляды были явно похожи на „опрощенство" Л. Н. Толстого (конечно, исключая постройки церквей), видно не только изъ того, что она старалась помогать крестьянамъ собственной работой, не раздавала имъ денегъ въ видѣ милостыни, а придумывала какія-нибудь постройки и т. д., но еще и изъ того, что она не гнушалась даже въ домѣ священника самой черной работой (во вкусѣ Акима изъ „Власти Тьмы"): напримѣръ, чистила у него хлѣвъ, мыла бѣлье, ухаживала за скотомъ. И все это дѣлала охотно богатая барыня,

аристократка, у которой отъ продажи всѣхъ ея имѣній (она сдѣлала это, уже живя у священника) было столько денегъ, что, несмотря на огромные расходы по вышеупомянутымъ постройкамъ, Мельгунова, умирая, передала 40.000 рублей іеромонаху изъ Сарова, пріѣхавшему причастить ее передъ смертью.

Не на однѣ матеріальныя нужды крестьянъ—эта удивительная женщина обращала вниманіе и на духовное воспитаніе народа, и на его семейныя отношенія; являлась судьей въ семейныхъ дѣлахъ крестьянъ, а по праздникамъ вела бесѣды „объ обязанностяхъ христіанина“, „о достойномъ проведеніи праздничныхъ дней“ и т. п.

Очень жаль, что біографы не упоминаютъ ни словомъ о священникѣ дивѣевской церкви, который пріютилъ Мельгунову. Поражаетъ его безкорыстное отношеніе къ ея богатствамъ, о которыхъ онъ не могъ не знать: только черезъ пятнадцать лѣтъ ея жизни у него, она строитъ здѣсь каменную церковь, да и то по случаю голода, чтобы дать людямъ работу! Очевидно, это былъ человѣкъ незаурядный, но, повидимому, до такой степени скромный, что подробностей о его жизни не сохранилось.

Только въ 1788 г., то-есть, черезъ двадцать-два года послѣ своего пріѣзда въ Дивѣево, Мельгунова устраиваетъ что-то вродѣ крохотной общинки изъ трехъ крестьянокъ. Быть можетъ, уже сказалась старость и стало трудно работать одной. Одна изъ помѣщицъ села Дивѣева, г-жа Жданова, пожертвовала около церкви 1.300 квадратныхъ саженъ усадебной земли, на которой Мельгунова устроила три маленькихъ избушки, обнеся мѣсто заборомъ. Въ одной изъ этихъ избушекъ она поселилась сама, другую отдала тремъ вышеупомянутымъ крестьянкамъ, а третью оставила для странниковъ, которые уже въ то время ходили въ Саровъ, который находится въ двѣнадцати верстахъ отъ села Дивѣева.

Разсказъ о Мельгуновой закончимъ нѣсколькими словами о дѣйствительномъ основаніи дивѣевской общины и ея исторіи. Основателемъ ея былъ Серафимъ Саровскій. Онъ относился съ глубокимъ уваженіемъ къ личностя Мельгуновой, которую, кажется, видѣлъ только одинъ разъ передъ ея смертью, пріѣхавъ въ качествѣ іеродіакона съ саровскимъ игуменомъ Пахоміемъ соборовать ее въ іюнѣ 1789 г. Вотъ какъ онъ впослѣдствіи говорилъ о ней одной изъ монахинь: „Если бы ты знала, матушка, какая раба Божія заводила это мѣсто и покоится у васъ въ обители! Я и самъ донынѣ стопы ея лобызаю“. Въ другой разъ онъ выразился о ней такъ: „Это была великая

жена, святая, служеніе ея было неисповѣдимо, молитва къ Богу чистѣйшая, любовь ко всѣмъ нелицемѣрная". Тѣмъ не менѣе, и о. Серафимъ приступилъ къ устройству дивѣевской общины только черезъ 36 лѣтъ послѣ смерти Мельгуновой, въ 1825 году.

Въ 1861 году бывшая Серафимо-Дивѣевская община была обращена въ общественный монастырь, и нужно было избрать игуменью или настоятельницу.

„При избраніи ея,—говоритъ повѣствователь,—произошла смута, закончившаяся, между прочимъ, удаленіемъ изъ обители неутвержденной св. синодомъ новой настоятельницы Гликеріи Васильевны Занятовой, какъ избранной жребіемъ, а не большинствомъ сестеръ. Вмѣстѣ съ Занятовой, удалены были еще двѣ сестры, ея приверженницы". На стр. 75 той же книги это событіе разсказывается нѣсколько подробнѣе: „Въ 1861 г. Серафимо-Дивѣевская община, состоящая изъ 500 сестеръ, обращена въ женскій монастырь. Въ томъ же году, по случаю безпорядковъ, сопровождавшихъ избраніе настоятельницы новаго монастыря, возгорѣлась въ обители особая, небывалая смута, сдѣлавшаяся извѣстной Государю Императору и потребовавшая чрезвычайнаго слѣдствія... По волѣ Провидѣнія, предѣлъ этимъ страданіямъ обители положилъ московскій митрополитъ Филаретъ"...

Но въ чемъ же состояла смута?

„По кончинѣ старца Серафима,—говоритъ тотъ же повѣствователь,—скоро наступили скорбные для обители дни. Общиной завладѣлъ и сталъ самовластно распоряжаться въ ней саровскій рясофорный послушникъ Іоаннъ, впослѣдствіи іеромонахъ Іоасафъ, выдававшій себя за любимаго ученика о. Серафима и назначеннаго имъ попечителя общины. По ходатайству о. Іоасафа, умѣвшаго пріобрѣсти себѣ довѣріе у многихъ высокопоставленныхъ лицъ въ Петербургѣ, обѣ дивѣевскія общины съ 1842 г. соединены въ одну Серафимо-Дивѣевскую. Въ продолженіе 28-ми лѣтъ осиротѣвшая дивѣевская обитель, по сказанію „Лѣтописи" ея, Божіимъ попущеніемъ, страдала и терпѣла потрясенія отъ вмѣшательства въ судьбу ея названнаго іеромонаха. Этотъ инокъ, способный и начитанный, несомнѣнно чтившій преподобнаго Серафима, но одержимый духомъ любоначалія, старался подъ разными предлогами, къ величайшему огорченію „Серафимовыхъ сиротъ", передѣлывать по-своему устроенное и заповѣданное старцемъ" (стр. 75).

Вмѣненныя ему въ вину дѣйствія такъ интересны для полной характеристики этой „смуты", что я приведу цѣликомъ и бу-

хвально обвинительный актъ, составленный противъ Іоасафа монастыремъ:

„Такъ, мельницу—питательницу сиротъ—перенесъ онъ на версту въ поле, съ прежняго, о. Серафимомъ опредѣленнаго ей, мѣста; упросилъ епархіальное начальство запереть и запечатать Рождественскія церкви; вмѣсто заповѣданнаго непрерывнаго чтенія Псалтири—заставилъ читать Евангеліе въ Тихвинской новоустроенной имъ церкви. Наконецъ, снесъ всѣ, по приказанію батюшки Серафима поставленныя, келіи, построивъ свои новыя" (стр. 74 и 75). Вотъ и всѣ его тяжкія преступленія. Зная изъ предыдущаго, что все это община терпѣла 28 лѣтъ, и что сыръборъ загорѣлся только въ 1861 г., когда вмѣсто прежней настоятельницы, Ушаковой, была утверждена Занятова,—мы начинаемъ уяснять сущность этой смуты, кончившейся очень печально и для о. Іоасафа, и для Занятовой. „Отношенія о. Іоасафа къ обители,—говорится дальше,—были признаны вредными по отношенію къ ея миру, благочинію, хозяйству и къ духовному устроенію сестеръ", и ему высшею церковною властью воспрещено было всякое вмѣшательство въ дѣла дивѣевской обители; а избранная ничтожнымъ меньшинствомъ сестеръ въ настоятельницы, Лукерья Васильевна Занятова не была утверждена св. синодомъ и удалилась изъ Дивѣева, вмѣстѣ со своими сторонницами. Настоятельницей монастыря утверждена бывшая, съ 1859 г., начальница общины, „любимая и уважаемая всѣми, Гликерія Алексѣевна Ушакова, въ иночествѣ Марія" (стр. 75).

Она и до сихъ поръ состоитъ, несмотря на свои 85 лѣтъ, настоятельницей Дивѣевскаго монастыря, хотя уже не выходитъ изъ кельи. Энергія ея, повидимому, огромная. Но объ ея личности, не менѣе замѣчательной въ своемъ родѣ, какъ и личность Мельгуновой, мы скажемъ нѣсколько словъ послѣ, а теперь, по правилу audiatur et altera pars, посмотримъ, какъ излагается исторія этой „смуты" въ другой книгѣ, изданной Понетаевскимъ монастыремъ, руководимымъ изгнанной Занятовой [1]): „Въ 1861 г., отъ 10-го февраля, за № 473,—разсказывается въ этой книгѣ,—преосвященнымъ Нектаріемъ, бывшимъ нижегородскимъ епископомъ, былъ полученъ указъ правительствующаго синода о возведеніи состоящей въ ардатовскомъ уѣздѣ дивѣевской женской общины на степень третьеклácснаго общежительнаго монастыря, съ предоставленіемъ сей обители права выбирать настоятельницъ всегда изъ сестеръ

[1]) „Новопрославленная чудотворная икона Знаменія Пресвятыя Богородицы и Серафимо-Понетаевскій монастырь". Изданіе 5-е. С.-Петербургъ, 1903 г. Дозволено духовной цензурою 13 мая, 1903 г.

обители. Его преосвященство, для объявленія сего и для выбора начальницы, самъ изволилъ отправиться въ дивѣевскую женскую общину, и по прибытии его въ сію обитель и по усердномъ моленіи Господу Богу, изъ указанныхъ сестрами трехъ сестеръ оной, по указанію Божію, черезъ жребій, избрана была 20-го мая въ настоятельницы новоучрежденнаго монастыря Гликерія Васильевна Занятова. Поручивъ благочинному монастырей, о. архимандриту Іоакиму, ввести того же 20-го мая означенную сестру Занятову въ управленіе Дивѣевскимъ монастыремъ, его преосвященство, по возвращеніи въ Нижній-Новгородъ, 28-го мая далъ консисторіи предложеніе учинить по сему предмету надлежащее распоряженіе"...

Перехожу теперь къ „смутѣ": „Между тѣмъ,—продолжаетъ авторъ,—Богу попущающему, а врагу душъ христіанскихъ дѣйствующему, въ святой обители мира явились недовольныя состоявшимся избраніемъ новой начальницы; стали посылать высшему духовному начальству жалобы на мѣстное епархіальное начальство, якобы пристрастно дѣйствовавшее въ дѣлѣ избранія начальницы, и для умиротворенія святой обители указомъ святѣйшаго синода, отъ 15 октября 1861 г., за № 3251, Дивѣевскій третьеклассный монастырь изъятъ, впредь до усмотрѣнія, изъ управленія нижегородскаго епископа и порученъ управленію преосвященнаго тамбовскаго, а жребіемъ избранная начальница монастыря Глик. Вас. Занятова, въ силу непреоборимыхъ обстоятельствъ, должна была 6 марта 1862 г. навсегда оставить Дивѣевскій монастырь... Вмѣстѣ съ Глафирой Васильевной Занятовой тогда же уволены были изъ Дивѣевской обители двѣ сестры по тому же случаю" (стр. 76 и 77). Далѣе идетъ уже разсказъ о томъ, какъ удалось изгнанной Занятовой устроить недалеко отъ Дивѣевскаго новый монастырь—Понетаевскій.

Во всякомъ случаѣ, энергія побѣжденной Занятовой была не меньше энергіи побѣдившей ее Ушаковой: открытый ею Понетаевскій монастырь едва ли не опередилъ богатствомъ и роскошью Дивѣевскій. Но возвратимся къ Ушаковой.

Она—помѣщица тульской губерніи. Поступила въ монастырь, когда ей было только 25 лѣтъ (27 декабря 1844 г.), и, какъ говорится въ „Описаніи",—несла всѣ черныя работы: „возила навозъ, жала хлѣбъ" и т. п. (стр. 76). Богатства, имѣющіяся у монастыря теперь—дѣло ея энергіи, а они очень велики. Какъ выражается авторъ повѣствованія, „это огромное иноческое общежитіе—цѣлая „область", раскинувшаяся почти на три версты (стр. 76). Въ обители теперь семь храмовъ, причемъ надо за-

мѣтить, что соборъ (описанный выше) сооружался 27 лѣтъ (съ 1848 по 1875 гг.), и замѣчательно то, что Ушакова умѣла заставить строить его почти исключительно „сестеръ“: „ихъ костлявыя плечи, — говоритъ авторъ, — и мозолистыя руки перенесли и перевозили десятки тысячъ пудовъ матеріала для этой постройки“. При постройкѣ монастыря не обошлось безъ чуда: „по временамъ, въ этомъ дивномъ соборѣ,—говоритъ лѣтописецъ,—еще окруженномъ лѣсами, являлся необыкновенный свѣтъ въ вечернее или ночное время, такъ что многіе перепуганные жители прибѣгали изъ села спросить, не горятъ ли лѣса“ (стр. 76).

Монастырь владѣетъ теперь значительнымъ недвижимымъ имуществомъ, фруктовымъ садомъ, мельницей, пахотной и сѣнокосной землей, лѣсными дачами въ трехъ верстахъ отъ Дивѣева и еще въ нижегородской губерніи. Въ Нижнемъ-Новгородѣ монастырь имѣетъ подворье съ церковью и нѣсколько домовъ,—два дома въ Харьковѣ,—дома въ Старомъ Петергофѣ, при дер. Бобыльской (вблизи дачи Государя)“, (стр. 80) и пр. При монастырѣ имѣется обширный скотный дворъ. Я не могъ узнать, какимъ количествомъ десятинъ земли владѣетъ Дивѣевскій монастырь, но, принимая въ соображеніе, что монастырь Понетаевскій, основанный гораздо позднѣе, владѣетъ 11.000 десятинъ,—полагаю, что Дивѣевскій долженъ имѣть больше...

Какъ бы ни смотрѣть на направленіе дѣятельности Ушаковой и Занятовой, но невольно поражаешься ихъ энергіей и удивительнымъ практическимъ умомъ. Такіе типы еще не замѣчены нашей литературой. Изъ женщинъ крѣпостной помѣщичьей среды мы читали о слабыхъ и хрупкихъ существахъ, вся энергія которыхъ уходила въ „личную“ любовь, да и тутъ надламывалась. Исключеніе составляли развѣ только жены декабристовъ, но и онѣ были исключительно преданными супругами, олицетвореніями типа Пушкинской Татьяны, а не работницами излюбленной ими „идеи“, или сооруженія формъ жизни, соотвѣтствующихъ этой идеѣ, или, наконецъ, просто честолюбія.

Еще одна замѣчательная черта: обѣ эти женщины, т.-е. и Ушакова, и Занятова—художницы. О послѣдней разсказывается, что, уже будучи настоятельницей, она ѣздила въ петербургскую академію для усовершенствованія въ живописи и получила тамъ званіе „художницы“. Обѣ завели при своихъ монастыряхъ живописныя студіи, и вы видите и тамъ, и здѣсь, не мало прекрасныхъ копій съ лучшихъ произведеній искусства,—конечно, съ религіозными сюжетами. Такимъ образомъ, меня недаромъ поразилъ внѣшній видъ дивѣевскаго собора и его колокольни,

когда я подъѣзжалъ къ монастырю. Изящная, художественно-эстетическая сторона всей обстановки поставлена образцово, особенно въ Дивѣевѣ.

Въ Понетаевскомъ монастырѣ больше пестроты, аляповатости, вычурности архитектурныхъ деталей и красокъ. Въ Дивѣевѣ же, когда на другой день утромъ я осматривалъ монастырь, во мнѣ еще болѣе укрѣпилось первое впечатлѣніе—простора, чистоты, простоты, „свѣтлости", какъ во внѣшности зданій, такъ и внутри собора. Мнѣ очень бы хотѣлось обрисовать его внутреннюю архитектуру—до такой степени она изящна и какъ-то особенно серьезно-граціозна. Къ сожалѣнію, архитектурная красота не поддается словесному изображенію. Она слагается изъ двухъ элементовъ: общаго впечатлѣнія и впечатлѣнія отъ деталей. О первомъ я уже сказалъ: это—легкость, порывъ ввысь, просторъ, масса свѣта, что-то радостное... Въ деталяхъ же особенно поражаетъ изяществомъ воздушность какъ бы кружевныхъ металлическихъ рѣшетокъ второго этажа церкви. Этотъ второй этажъ не идетъ надъ всѣмъ храмомъ, а только окаймляетъ его, какъ обширные хоры, довольно высоко надъ молящимися. И вотъ эти-то хоры, съ ихъ граціозными изгибами, окаймлены кружевными рѣшотками. Это удивительно легко и красиво, особенно когда тамъ, вверху, на бѣломъ фонѣ стѣнъ мелькаютъ черныя стройныя фигуры молящихся монахинь, сильно оттѣняя бѣлизну и свѣтъ собора. Впечатлѣніе той же легкости, граціи и полета вверхъ производитъ и узорный рѣзной иконостасъ. Подобранныя со вкусомъ, красочныя, оживленныя копіи съ хорошихъ образцовъ живописи, украшающія кое-гдѣ стѣны, радуютъ глазъ. Все это дополняется слуховыми впечатлѣніями: монахини поютъ замѣчательно хорошо, и, повидимому, отдаются этому не ремесленно, не шаблонно, какъ пѣвчіе-мужчины, а съ тѣмъ энтузіазмомъ, увлеченіемъ и нервностью, а въ то же время и вкусомъ, какіе особенно свойственны женскимъ организмамъ.

Недаромъ же, когда я спросилъ одну богомолку, нравится ли ей Дивѣевскій монастырь, она, со слезами, выступившими на глаза, могла сказать только одно слово: „Рай!"

Чтобы осмотрѣть другія достопримѣчательности монастыря, мы были снабжены послушницей. Послѣ осмотра всего, показываемаго въ монастырѣ (кельи отца Серафима, могилы юродивой Пелагеи, живописнаго корпуса и т. д.), послушница, сопровождавшая насъ, старушка лѣтъ пятидесяти, одѣтая въ очень потертой, старенькой черной рясѣ, отвѣтила на нашъ вопросъ:

„хорошо ли имъ всѣмъ живется здѣсь?“—глубокимъ вздохомъ и смущеннымъ бормотаньемъ:

— Хорошо, очень хорошо... Только... трудно немножко... Вѣдь мы отъ монастыря получаемъ только уголокъ да пищу, а все остальное надо заработать—и одежду, и обувь, и бѣлье, и даже керосинъ... А я ужъ и не говорю насчетъ чайку или сахарку... И не то трудно, господинъ, что нужно заработать, нѣтъ: Богъ труды любитъ! Да работать-то некогда на себя. Всю недѣлю мы должны работать на монастырь. Только въ субботу вечеромъ позволяется поработать на себя. А много ли наработаешь въ эти нѣсколько часовъ! Слава Богу, коли успѣешь одежонку починить, бѣльишко да чулки поштопать... Вѣдь на работѣ-то все это рвется да треплется... Вотъ и посудите сами...

А въ результатѣ того—заискиваніе у болѣе богатыхъ съ виду посѣтителей, которое здѣсь явно бросается въ глаза. Такъ, когда мы осматривали роскошную „трапезную“, огромный залъ, уставленный двумя рядами обѣденныхъ столовъ, сверкавшій чистотой, за нами пробрался крестьянинъ, очень благообразный, высокій старикъ. И наша кроткая проводница, говорившая съ нами елейнымъ, сладкимъ голоскомъ, вдругъ набросилась на него и стала кричать:

— Куда съ лаптями своими лѣзешь! Полы напачкаешь! Ступай, ступай!

Но старикъ не сдался. Онъ посмотрѣлъ на свои ноги и отвѣтилъ:

— А что же мои лапти? Они чистые!—И не ушелъ.

Проводница, желая, повидимому, оправдаться передъ нами въ своемъ окрикѣ, забормотала:

— Мы ждемъ преосвященнаго владыку... Ну, вотъ все и вымыли, вычистили... А вѣдь они, простой-то народъ, этого не понимаютъ! Прутъ себѣ съ грязными ножищами! А полъ-то натертъ воскомъ... изволите видѣть,—какъ зеркало...

И она говорила правду: полъ былъ натертъ какъ зеркало: въ него можно было смотрѣться.

Въ концѣ трапезной, съ лѣвой стороны, устроено что-то вродѣ маленькой церкви, съ красивымъ позолоченнымъ иконостасомъ. А по срединѣ зала, въ широкомъ проходѣ между столами, стоитъ на возвышеніи аналой. Здѣсь, въ теченіе всей трапезы, одна изъ монахинь или послушницъ все время читаетъ вслухъ.

Риликвіи монастыря состоятъ, главнымъ образомъ, въ кельѣ о. Серафима и вещахъ, оставшихся отъ него. Изъ этой кельи-пустыньки сдѣланъ алтарь въ старой деревянной церкви Пре-

ображенія (здѣсь же и монастырское кладбище). Это—простая бревенчатая избушка. Кругомъ нея устроенъ корридоръ, гдѣ въ стеклянныхъ витринахъ можно видѣть лапти о. Серафима, кожаныя рукавицы, топоръ его, мантіи (одна шерстяная, другая кожаная), четки и т. п. Показывается кусокъ камня, на которомъ онъ молился въ лѣсу „тысячу ночей“, стоя на колѣняхъ, обрубокъ дерева, которое онъ любилъ, стулъ, сдѣланный имъ, и т. п. Женщинъ внутрь этой избушки не пускаютъ: вѣдь она замѣняетъ алтарь, куда женщинамъ входъ воспрещается. Насъ же, мужчинъ, не только впустили, но и предложили посидѣть, причемъ проводница наша объясняла намъ значеніе каждой вещи, находящейся въ избушкѣ, стоя у открытаго окна ея, снаружи, т.-е. въ корридорѣ, идущемъ вокругъ нея.

Есть еще другая келья о. Серафима здѣсь, и есть третья келья въ Саровѣ. Для второй здѣшней кельи устроенъ также наружный домикъ, какъ бы футляръ; и такіе же футляры устроены надъ кельей Мельгуновой (въ постриженіи инокини Александры) и... надъ кельей юродивой Пелагеи Серебрениковой, о которой мы теперь и поведемъ рѣчь. Закончимъ описаніе обители любопытнымъ фактомъ: въ углу соборной площади я замѣтилъ канавку съ валомъ, покрытымъ травой, съ тропинкой по срединѣ; по этой тропинкѣ, люди ползли на колѣняхъ. Объясненіе этому я нашелъ въ самомъ описаніи монастыря. Преданіе утверждаетъ, будто бы „Преподобный сказалъ, что здѣсь „прошла стопочка Царицы Небесной“. Богомольцы проходятъ по ней съ молитвою, а усердствующіе передвигаются по канавкѣ на колѣняхъ“.

VI.

Дѣтство Пелагеи Серебрениковой.—Поѣздка ея къ старцу Серафиму.—Побои изверга мужа.—Безчеловѣчное наказаніе розгами въ полиціи.—Начало буйнаго помѣшательства.—Рожденіе дѣтей и отказъ отъ нихъ.

Пелагея Ивановна Серебреникова, дочь зажиточнаго арзамасскаго купца Сурина, родилась въ 1809 г. Послѣ смерти отца, мать ея вышла замужъ во второй разъ за купца Королева, человѣка очень строгаго и суроваго. Онъ былъ вдовецъ, и его дѣти отъ перваго брака не любили дѣтей Сурина (кромѣ Пелагеи, у Сурина было два сына). „Поэтому,—говоритъ біографъ со словъ матери,—жизнь маленькой Поли была очень тяжела“. Мать разсказываетъ, что еще въ очень раннемъ дѣтствѣ съ

нею случилось что-то странное: дѣвочка цѣлыя сутки не вставала съ постели, а когда встала, уже не была на себя похожа: „изъ умнаго на рѣдкость ребенка вдругъ сдѣлалась она какою-то точно глупенькой. Уйдетъ, бывало, въ садъ, подниметъ платьице и завертится на одной ножкѣ, точно пляшетъ. Уговаривали ее и срамили и даже били, но ничто не помогало; такъ и бросили".

Мать не объясняетъ причины внезапной, однодневной болѣзни дѣвочки, предшествовавшей этому ея превращенію изъ „на рѣдкость умной" въ „какую-то глупенькую". Но объ этой причинѣ легко догадаться, и она, повидимому, извѣстна самому біографу, начинающему описаніе этой необыкновенной болѣзни словами, что отчимъ Пелагеи былъ „очень суровъ и строгъ", что его дѣти не любили дѣтей Сурина и что „жизнь дѣвочки была очень тяжела". Ужъ если ее били за то, что въ саду она „кружилась на одной ножкѣ", то можно себѣ представить, что̀ съ нею случилось передъ тѣмъ, какъ она слегла на цѣлыя сутки. Но автору біографіи этотъ случай даетъ поводъ написать цѣлую страницу лирическихъ возгласовъ о томъ, что это велъ Пелагею къ юродству промыслъ Божій и т. д. Подобно всѣмъ такимъ біографамъ, онъ хорошо освѣдомленъ о намѣреніяхъ Господа Бога. Тѣмъ не менѣе и даже именно поэтому, намъ, какъ видитъ читатель, придется опять употребить нашъ пріемъ, при пользованіи его жизнеописаніемъ, то-есть, отдѣлять „вѣроятныя" сообщенія или факты отъ плодовъ самоувѣренности и фамильярнаго знакомства автора съ намѣреніями и мыслями Божества.

Вотъ какъ излагала впослѣдствіи Серебреникова дальнѣйшіе годы своего дѣтства, говоря о себѣ въ третьемъ лицѣ:

„Выросла Палага и, какъ всегда водится, лишь только ей минуло шестнадцать лѣтъ, мать постаралась поскорѣе пристроить дурочку—выдать въ замужество".

Далѣе идетъ разсказъ матери: „Нашелся и женихъ, арзамасскій мѣщанинъ Серебрениковъ, молодой, но бѣдный и сирота. Служилъ онъ прикащикомъ у купца Попова. Рады были и такому жениху". Бѣднякъ Серебрениковъ шелъ на это дѣло не только ради богатства, но и потому, что дѣвушка была очень красива, какъ то увидимъ дальше. Устроили „смотрины", на которыя Серебрениковъ явился,—какъ сирота,—съ крестной матерью. Посадили его за столъ, стали угощать чаемъ, а затѣмъ „вывели" и невѣсту, наряженную въ богатое платье. Поля устроила при этомъ такую штуку: брала ложечкой чай изъ поданной ей чашки и поливала цвѣточки на своемъ платьѣ; „польетъ да и

пальцемъ размажетъ". Видитъ мать, что дѣло плохо: замѣтятъ, что дочь—дурочка, да, пожалуй, и замужъ не возьмутъ, а самой остановить нельзя,—еще будетъ замѣтнѣе. И вотъ она научила работницу, чтобы та, подавая чашку, незамѣтно ущипнула Полю: авось, перестанетъ „дурить". Та исполнила приказаніе, а Поля обратилась къ матери и сказала: „Чтò это, маменька? Или вамъ больно жалко цвѣточковъ-то? Вѣдь не райскіе это цвѣты!"

Крестная мать замѣтила все и стала отговаривать Серебреникова отъ женитьбы, но онъ отвѣтилъ, что „съумѣетъ ее выучить. Что она это оттого, что не учена еще".

И вотъ, 23 мая 1826 года, т.-е. когда Полѣ еще не минуло и семнадцати лѣтъ, ее выдали замужъ.

Вскорѣ послѣ этого она съ мужемъ и матерью поѣхала въ Саровъ, къ Серафиму, который въ то время уже пользовался извѣстностью. Вотъ чтò говоритъ его біографъ: „Старецъ Божій хорошо принялъ ихъ и, благословивъ мужа и мать, отпустилъ ихъ въ гостинницу, а Пелагію Ивановну ввелъ въ свою келію и долго-долго, „часовъ шесть", какъ говорила ухаживавшая все это время за нею старица Анна Герасимова, бесѣдовалъ съ нею. О чемъ они бесѣдовали, это осталось тайной между ними. Между тѣмъ, мужъ, долго ожидавшій ее въ гостинницѣ, видя, что имъ пора ѣхать домой, а жены все нѣтъ-какъ-нѣтъ, потерялъ терпѣніе и, разсерженный, пошелъ вмѣстѣ съ матерью разыскивать ее. Подходятъ они къ Серафимовой келіи и видятъ, что старецъ, выводя Пелагію Ивановну изъ своей келіи за руку, до земли поклонился ей и съ просьбою сказалъ ей: „иди, матушка, иди, не медля, въ мою обитель, побереги моихъ сиротъ-то; многіе тобой спасутся, и будешь ты свѣтъ міру. Ахъ, и позабылъ-было,—прибавилъ старецъ,—вотъ четки-то тебѣ; возьми ты, матушка, возьми". Бывшій тогда у старца Серафима Іоаннъ Тамбовцевъ (впослѣдствіи іеромонахъ), очевидецъ-свидѣтель этого событія, прибавляетъ, что когда Пелагія Ивановна удалилась, тогда старецъ Серафимъ обратился къ нему и, положивъ свои руки ему на плечи, сказалъ: „вѣрь Богу, о. Іоаннъ,—эта женщина, которую ты видишь, будетъ великій свѣтильникъ на весь міръ". Мужъ Пелагіи, услышавъ столь странныя рѣчи старца, да вдобавокъ еще увидя четки въ рукахъ жены своей, обратился съ насмѣшкою къ тещѣ своей и говоритъ ей: „Хорошъ же Серафимъ! Вотъ такъ святой человѣкъ! Нечего сказать! И гдѣ же эта прозорливость его? И въ умѣ ли онъ? На чтò это похоже? Дѣвица она, что-ль, что въ Дивѣевъ ее посылаетъ, да и четки далъ?"

Повидимому, въ этомъ сказанiи достовѣренъ только одинъ фактъ, что Пелагею возили въ Саровъ; объ этомъ говорятъ и ея мужъ, и мать, и въ „Сказанiи“ нѣсколько разъ упоминаются показанiя разныхъ лицъ о томъ, что Пелагея говорила не разъ: „Меня испортилъ старецъ Серафимъ“. Однако, и эти слова, очевидно, внушены ей окружающими, мужемъ, матерью, такъ какъ, по словамъ того же „Сказанiя“, жители Арзамаса считали ее „порченою“.

Несомнѣнно одно, что она страдала психическою болѣзнью, начавшеюся еще въ дѣтствѣ, и съ которой она, уже въ сильномъ ея развитiи, выходила замужъ, отчего ее и повезли къ старцу Серафиму, какъ впослѣдствiи возили и по другимъ монастырямъ.

27 iюня 1827 года, у нея родился сынъ, а 13 iюля 1828 г.— второй. „И къ рожденiю обоихъ дѣтей она отнеслась враждебно“... „Съ этихъ поръ,—говоритъ „Сказанiе“,—мужъ пересталъ щадить ее. Онъ не могъ понять всей высоты ея самоотверженiя и полнѣйшаго отреченiя отъ самаго естественнаго и самаго дорогого чувства материнской любви. Впрочемъ, оба мальчика скоро умерли,—конечно, по молитвѣ блаженной“.

Черезъ два года у нея родилась дочь, и едва только малютка появилась на свѣтъ, Пелагея взяла ее въ подолъ, пришла къ своей матери, бросила новорожденную на диванъ, сказавъ ей: „Ты отдавала (замужъ), ты и няньчись теперь; я ужъ больше домой не приду!“

И стала она бѣгать отъ церкви къ церкви, по городу, и что ей ни давали изъ жалости или что ни попадало ей въ руки, она раздавала или ставила въ церкви свѣчи. „Мужъ, бывало, поймаетъ ее, бьетъ, чѣмъ ни попало, полѣномъ—такъ полѣномъ, палкою— такъ палкою; запретъ ее, моритъ голодомъ и холодомъ“. Выведенный изъ терпѣнiя, Серебрениковъ, переговоривши съ матерью ея, рѣшился прибѣгнуть къ слѣдующей страшной мѣрѣ: притащилъ ее въ полицiю и попросилъ городничаго высѣчь ее. Городничiй, по просьбѣ мужа и матери, велѣлъ привязать ее къ скамейкѣ и такъ жестоко наказалъ, что, присутствовавшая при этомъ мать, какъ сама впослѣдствiи разсказывала, содрогнулась и оцѣпенѣла отъ ужаса.

Родные рѣшили повезти Пелагею Ивановну въ Троице-Сергiеву лавру, надѣясь, что тамъ исцѣлятъ ее „отъ порчи“, такъ какъ она продолжала твердить, что испорчена, да и другiе говорили то же.

Во время этой поѣздки, былъ въ болѣзни Пелагеи настолько

свѣтлый промежутокъ, что мужъ, которому нужно было ѣхать въ другое мѣсто, отправилъ ее домой одну, далъ ей денегъ, но, вернувшись домой, онъ узналъ, что жена все, до малѣйшей полушки и до послѣдней вещи, раздала по дорогѣ и ведетъ себя хуже прежняго. Мужъ заказалъ тогда желѣзную цѣпь съ кольцомъ и своими руками заключилъ въ нее Пелагею Ивановну, приковалъ къ стѣнѣ и издѣвался надъ нею.

Какъ-то, ночью, она освободилась и, увидавъ на паперти одной церкви гробъ, приготовленный для какого-то солдата, умершаго отъ свирѣпствовавшей тогда эпидеміи, легла въ него, полунагая. Сторожъ, увидя ее, такъ испугался, что забилъ въ набатъ и поднялъ на ноги весь городъ...

Въ Дивѣевскій монастырь Пелагея попала уже послѣ смерти старца Серафима. Пріѣхавшая изъ монастыря монахиня убѣдила ея мать отпустить Пелагею къ нимъ. Мать не только согласилась, но дала пятьсотъ рублей для взноса въ монастырь.

VII.

Лица, окружавшія Пелагею.—Монастырскій „художникъ" Петровъ.

Среди окружающихъ были не однѣ женщины; среди нихъ былъ и художникъ Петровъ; онъ даетъ намъ описаніе наружности Пелагеи, отъ которой онъ сперва пришелъ въ ужасъ, а затѣмъ сдѣлался однимъ изъ ея самыхъ преданныхъ приверженцевъ.

Личность этого Петрова тоже, въ своемъ родѣ, типъ. Вотъ какъ онъ самъ разсказываетъ о себѣ: „Послѣ бурной моей жизни, побывавъ на Аѳонѣ и въ Іерусалимѣ, я не зналъ, на что̀ мнѣ рѣшиться,—идти ли въ монастырь, или жениться. На возвратномъ пути изъ этого благочестиваго путешествія, заѣхалъ я въ Саровъ и Дивѣевъ. Это было въ 1874 году. На другой день по пріѣздѣ въ Дивѣевъ, меня свели въ келлію къ юродивой Пелагіи Ивановнѣ, о которой много давно я слыхалъ. Когда вошелъ я въ ея келлію, меня такъ поразила ея обстановка, что я сразу не могъ понять, что̀ это такое: на войлокѣ сидѣла старая, скорченная и грязная женщина, съ огромными ногтями и на рукахъ, и на босыхъ ногахъ, которые произвели на меня потрясающее впечатлѣніе. Когда мнѣ сказали, что это и есть Пелагія Ивановна, я не́хотя поклонился ей и пожалѣлъ, что пошелъ къ ней; она не удостоила меня отвѣтомъ на поклонъ мой и съ полу пересѣла на лавку, гдѣ и легла".

Послѣ этого Петровъ три раза обращался къ ней съ вопросомъ: „поступить ли ему въ монастырь“,—но она упорно молчала. Онъ ушелъ „разочарованный и рѣшился больше къ ней не ходить“.

И вотъ, черезъ какой-нибудь мѣсяцъ послѣ этого, проживъ весь этотъ мѣсяцъ въ монастырской гостинницѣ, Петровъ не только уже не находитъ Пелагею отвратительной, но говоритъ о ея удивительной стройности и чудныхъ глазахъ.

Между тѣмъ, къ Пелагеѣ возвратились ея припадки буйства, такъ что настоятельница Ирина хотѣла-было выселить ее изъ монастыря и отправить къ роднымъ, но ей напомнили, что за Пелагею внесено въ монастырь 500 р., и она живетъ не даромъ. Такимъ образомъ, Пелагею не отправили, и главнымъ образомъ, потому, что она изрекла что-то загадочное, предвѣщающее бѣду настоятельницѣ Иринѣ, что и исполнилось: мѣсто Ирины скоро заняла другая.

Новая настоятельница, Ладыженская, такъ уважала Пелагею, что она „точно стала для обители матерью, называя всѣхъ въ ней своими дочками. Ничего безъ нея здѣсь не дѣлалось: въ послушаніе ли кого посылать, принять ли кого въ обитель или выслать,—ничего безъ ея благословенія матушка не дѣлала“.

Это вліяніе Пелагеи распространялось и на одного изъ архіереевъ; архіепископъ Нектарій заходилъ совѣтоваться съ Пелагеей. Объ этомъ случаѣ въ сказаніи Анна Герасимова разсказываетъ слѣдующее. Въ монастырѣ ожидали пріѣзда архіерея; „сестры“ почти цѣлую ночь стояли подъ проливнымъ дождемъ передъ воротами. Наконецъ, архіерей пріѣхалъ.

„Вошелъ онъ и видитъ, что въ чуланѣ на табуреткѣ сидитъ поджавшись Пелагія Ивановна. Взялъ табуреточку и сѣлъ съ нею рядомъ.

„— Ахъ,—говоритъ,—раба Божія! какъ мнѣ быть-то? (Изъ предыдущаго видно, что онъ спрашиваетъ совѣта, какъ ему поступить относительно „самовластной замѣны Ушаковой Гликеріею Занятовой“).

„Она глядитъ на него, и говоритъ ему: — Напрасно, владыко, напрасно ты хлопочешь. Старую мать не выпустятъ.

„Услышавъ это, облокотился онъ бородою на свой посохъ и пригорюнился, изъ стороны въ сторону покачивая головою. —Ужъ и самъ не знаю, какъ быть,—говоритъ онъ.

„Пелагія-то Ивановна вскочила, тревожная да страшная такая, да и ну воевать! Всѣ кто ни былъ съ владыкою, съ перепугу разбѣжались, кто куда могъ. Кое-какъ, улучивъ минуту,

владыку-то и выпроводили мы вонъ, а она-то воюетъ: что̀ ни попало подъ руки, все бьетъ да колотитъ. Ужасъ на всѣхъ и насъ-то напалъ. Архіерей послѣ сказалъ какому-то съ нимъ прибывшему барину:—Напугала меня Пелагія Ивановна; ужъ и не знаю, какъ быть.

„— Охота вамъ, владыко,—говоритъ баринъ,—безумную слушать".

„На другое утро владыка, не взирая на просьбы и слезы сестеръ, совершенно безпричинно смѣнилъ Елизавету Алексѣевну (Ушакову) и поставилъ Гликерію Васильевну (Занятову)".

На другой день владыка ѣхалъ со службы на дрожкахъ, а Пелагея на дорогѣ сидитъ и яйца катаетъ: дѣло было послѣ пасхи.

Увидѣвъ юродивую, онъ слѣзъ съ дрожекъ, подошелъ къ ней и далъ ей просфору: „вотъ говоритъ, раба Божія, тебѣ просфора моего служенія". Она молча отвернулась. Тогда онъ зашелъ съ другой стороны и опять подалъ, а она встала и ударила его по щекѣ; но владыка не только не прогнѣвался, а смиренно подставилъ другую щеку, сказавши: „Что-жъ? по-евангельски, бей по другой".

„— Будетъ съ тебя и одной,—отвѣчала Пелагія, и, какъ бы ничего не случилось, опять стала катать яйца".

Дальнѣйшія буйства и даже иногда предосудительные поступки Пелагеи авторъ ея біографіи легко обращаетъ въ доказательства ея святости и прозорливости.

Выдумала она и еще себѣ занятіе: послѣ монастырскаго пожара остались глубокія ямы, въ которыхъ постоянно стояла грязная вода. А по сторонамъ этихъ ямъ были сложены оставшіеся кирпичи. И вотъ Пелагея становилась у края ямы и бросала въ воду кирпичи съ такой силой, что ее обдавало грязью съ ногъ до головы. Послѣ того, какъ всѣ кирпичи были брошены, она сама входила по-поясъ въ грязь и начинала ихъ оттуда выбрасывать. Расплачиваться за всѣ эти „подвиги усмиренія плоти" приходилось все той же Аннѣ Герасимовой, которой приходилось замывать и сушить ея платья. Когда она начинала бранить Пелагею, та отвѣчала: „Я, батюшка Симеонъ, на работу хожу; надо работать". Теперь она называла Анну Герасимову Симеономъ, какъ прежде называла ее Венедиктомъ. И если она не очень сердилась, то говорила: „батюшка Симеонъ", а когда была недовольна—звала ее „Семкой". Бросаніемъ кирпичей она „занималась нѣсколько лѣтъ", а потомъ придумала себѣ новую работу: „наберетъ большущее беремя палокъ

и колотитъ ими о землю изо всей-то мочи, пока всѣ ихъ не перебьетъ, да и себя всю въ кровь не разобьетъ".

Впрочемъ, у Пелагеи повидимому бывали изрѣдка и свѣтлые промежутки. Такъ, когда приставленная къ ней однажды ударила ее, „она такъ и затряслась, и говоритъ:—Маменька, ты меня за что, за что бьешь? За что бьешь?"

Очень она пугалась, когда родные—мать, или мужъ, или братья—пріѣзжали изъ Арзамаса. Она убѣгала, пряталась въ крапиву—и „тогда ее оттуда ужъ ничѣмъ не выманишь". А между тѣмъ, когда „слава" ея дошла до родныхъ, они стали ее звать назадъ къ себѣ, но она, конечно, не вернулась. Въ той же біографіи пренаивно сообщается, какъ два соревнующихъ взаимно монастыря вели борьбу за юродивыхъ, переманивая ихъ къ себѣ отъ другого: „Понетаевскія наши сосѣдки,—разсказываетъ Анна Герасимова, — пробовали ее позвать къ себѣ: „Какъ ты насъ обрадуешь-то!—говорили онѣ.—Какъ тебѣ хорошо-то будетъ у насъ! Въ экипажѣ тройку пришлемъ за тобой, только поѣдемъ". А она все молчала, да отворачивалась.

По смерти Пелагеи, у самаго собора, противъ главнаго его алтаря, воздвигнутъ ей дорогой и красивый памятникъ, поставленный монастыремъ; на одной сторонѣ написано: „Пелагія Ивановна Серебреникова, урожденная Сурина. По благословенію старца Божія іеромонаха Серафима за святое послушаніе оставила свое счастіе земной жизни, мужа и дѣтей, принявъ на себя подвигъ юродства, и приняла гоненія, заушенія, біенія и цѣпи Христа Господа ради. Родилась въ 1809 году; прожила въ монастырѣ 47 лѣтъ и 30 января 1884 года отошла къ Господу 75 лѣтъ отъ роду".

Л. Е. Оболенскій.

МУЗЫКАЛЬНАЯ БАРЫШНЯ

ПОВѢСТЬ.

I.

Милочка стоитъ совсѣмъ одѣтая передъ большимъ трюмо въ своей комнатѣ и увѣренной рукой проводитъ тонкія линіи карандашикомъ, подрисовывая брови и рѣсницы.

Какъ художникъ, рисующій картину, она то отклоняется и смотритъ на себя издали, то снова приближаетъ свое лицо къ зеркалу:

„Такъ, кажется, хорошо!“

Милочка кладетъ карандашъ и послѣднимъ критическимъ взглядомъ окидываетъ всю свою худощавую, воздушную фигурку въ открытомъ бѣломъ платьѣ.

Бѣлокурая головка въ зеркалѣ мечтательно и задумчиво улыбается ей, и съ невольнымъ чувствомъ самодовольства она думаетъ:

„Какая я сегодня хорошенькая!“

Тукъ, тукъ... кто-то стучится къ ней въ дверь.

— Войди, войди, Варя!—громко говоритъ Милочка.

Вошла Варя, старшая сестра Милочки. Сестры мало похожи: старшая выше ростомъ и гораздо полнѣе младшей, съ темными волосами и серьезнымъ, вдумчивымъ взглядомъ; но есть какое-то неуловимое „нѣчто“, сразу напоминающее о ихъ близкомъ родствѣ.

— Что это кареты нѣтъ, ужъ пора бы!—говоритъ Милочка, перебирая коробки на туалетномъ столикѣ и не оборачиваясь къ сестрѣ.

— Пріѣдетъ,—еще не поздно,—возражаетъ Варя и, садясь въ низенькое мягкое кресло, прибавляетъ:—А ты сегодня отлично причесалась... Не очень растрепана, и волосы красиво лежатъ. Повернись-ка сюда... Ну, такъ я и знала, — опять ты накрасилась!

— Не накрасилась, а только подвела глаза, и то чуть-чуть! Опять ты съ нравоученіями, Варя! Вѣдь объясняла же я тебѣ, что профессоръ требуетъ этого, что онъ спеціально учитъ насъ гриму для сцены и для концертовъ,—и что на эстрадѣ лицо безъ грима кажется блинообразнымъ, и вся игра выраженья пропадаетъ для публики!

— Я это слышала отъ тебя,—спокойно говоритъ Варя,—но не могу сказать, чтобы меня это убѣдило. Другое дѣло—сцена,—тамъ гримъ необходимъ, но въ концертѣ ты остаешься самой собой, ты никого не изображаешь, — къ чему же тебѣ прикрашиваться?

— Варя! Если ты пришла нарочно, чтобы разстроить меня передъ самымъ концертомъ, то умоляю тебя—уйди! Я и такъ сегодня взволнована—поговоримъ въ другой разъ!—почти съ отчаяніемъ произноситъ Милочка, и въ голосѣ ея слышатся истерическія нотки.

— Ну, ну, пожалуйста, не распускайся!—нѣсколько встревоженно говоритъ Варя, мелькомъ взглянувъ въ разстроенное лицо сестры.—Не хочешь ли лавровишневыхъ капель? Ночью, навѣрное, не спала?

— Не спала,—виновато отвѣчаетъ Милочка.

Варя сразу смягчается...

„Дурацкіе эти концерты... Всегда я была противъ нихъ! Совсѣмъ истрепали бѣдную дѣвочку“...

— На мѣстѣ папы я бы тебѣ запретила участвовать въ большихъ концертахъ! — съ невольною рѣзкостью говоритъ она.— Вѣдь сколько силъ ты на нихъ тратишь! И къ чему все это? Одно тщеславіе и больше ничего...

„Жестокія слова! И это любовь!—горько думаетъ Милочка.— Ну, какъ я объясню ей? ну, что она пойметъ?“

И съ отчаяньемъ заломивъ руки, она говоритъ сестрѣ:

— Варя, Варя, не мучь меня,—потомъ!.. уйди, оставь меня одну теперь...

Варѣ жаль сестру, но нѣжностей она не признаетъ, и кромѣ того досадно: вѣдь самъ себя человѣкъ губитъ, а понять этого не хочетъ и еще обижается...

Варя уходитъ изъ комнаты сестры и идетъ въ кабинетъ отца.

Смутное чувство тревоги и сомнѣнья, какъ будто сознаніе неисполненнаго долга, давно уже гнететъ ее и сегодня особенно сильно...

Отецъ сидитъ въ глубокомъ, покойномъ креслѣ и, заложивъ ногу на ногу, задумчиво попыхиваетъ папиросой.

Ему еще нѣтъ шестидесяти лѣтъ, но волосы у него совершенно сѣдые, и на задумчивомъ лицѣ—печать пережитого, но не забытаго горя.

Старикъ уже надѣлъ свой генеральскій мундиръ, украшенный орденами: онъ ждетъ только Варю, чтобы ѣхать вмѣстѣ съ нею въ концертъ, гдѣ будетъ пѣть его младшая дочь.

При видѣ его задумчиво-спокойнаго лица Варя испытываетъ легкое раздраженіе.

„По моему, это даже не любовь, а просто эгоизмъ! — думаетъ она про отца:—дѣлайте-молъ что хотите, только меня не трогайте".... но вслухъ она говоритъ:

— Папа, прежде чѣмъ мы поѣдемъ, я бы хотѣла поговорить съ вами о Милочкѣ...

— О Милочкѣ?—старикъ поднимаетъ на нее испуганный, растерянный взглядъ:—Что-нибудь случилось?

— Пока не случилось, но можетъ случиться!—твердо говоритъ Варя. — Положительно, папа, ей вредны эти концерты и разныя тамъ домашнія оперы. Вы поглядите, какъ она поблѣднѣла, какая стала нервная и малокровная. Постоянно безсонница, головная боль!

— Гм... это нехорошо, нехорошо!—покачивая головой, бормочетъ старый генералъ.—Но что же она мнѣ этого не говорила? Я вижу ее всегда такой веселой, оживленной... Поблѣднѣла, ты говоришь? А мнѣ она кажется такой цвѣтущей! Надо ее показать доктору!

— Ахъ, папа,—досадливо возражаетъ Варя,—при чемъ тутъ докторъ? Ее утомляютъ волненья; запретите ей пѣть въ концертахъ, тогда и доктора не надо!

Старикъ безпомощно разводитъ руками.

„Легко сказать—запретите! Да и въ концѣ концовъ, такъ ли это, какъ Варѣ кажется? Ужъ очень она склонна все въ серьёзъ принимать. Характеръ у нея такой скрытный, необщительный, вотъ ей и кажется, что другія вѣтренны и легкомысленны".

Старикъ давно замѣчалъ, что сестры не сходятся между собой, но это его не удивляло, такъ какъ характеры ихъ были слишкомъ различны. Самъ онъ былъ всецѣло на сторонѣ младшей дочери, и ему невольно казалось, что старшая, не понимая

сестры и стремясь переработать ее по своему вкусу, часто относилась къ ней придирчиво и несправедливо.

— Нѣтъ, ужъ ты—того, Варюша, — сказалъ онъ уклончиво,—ты меня не вмѣшивай. Ничего я ей запрещать не буду. Захочетъ, такъ и сама броситъ; а пока ей это нравится, пусть себѣ веселится, не всѣмъ же серьезничать... А доктора мы призовемъ во всякомъ случаѣ.

Старикъ вынулъ часы и, прекращая непріятный разговоръ, прибавилъ:

— А намъ съ тобой и ѣхать пора: безъ четверти восемь.

Варя безнадежнымъ взглядомъ посмотрѣла на отца и, опустивъ голову, пошла за нимъ въ переднюю.

„Это онъ называетъ—веселиться! — съ глубокимъ укоромъ подумала она.—Слѣпъ и глухъ...—И, стыдясь своей рѣзкости, мысленно же прибавила:—Еслибы была жива мама, все было бы иначе, и папа былъ бы иной".

Какъ только отецъ и сестра уѣхали, Милочка открыла дверь своей комнаты и, подобравъ шлейфъ своего нряднаго бѣлаго платья, торопливо вышла въ гостиную.

Платье стоило очень дорого, и, надѣвая его, Милочка вспомнила, какое растерянное лицо было у старика-отца, когда ему подали счетъ.

Но что же дѣлать? Матери у нея нѣтъ, а Варя ничего въ этомъ не понимаетъ, и приходится полагаться на вкусъ старшихъ товарокъ по искусству, учeницъ профессора Себастьяни.

Онѣ и выбирали, онѣ и заказывали, но все же ей было очень тяжело смотрѣть, какъ отецъ дрожащими руками открывалъ ящикъ стола и доставалъ деньги.

Вслѣдствіе разстроеннаго здоровья онъ принужденъ былъ выйти въ отставку, и изъ своей пенсіи помогалъ еще сыну, женившемуся на бѣдной дѣвушкѣ и служившему офицеромъ въ одномъ изъ полковъ Западнаго края.

Открывъ крышку рояля, Милочка взяла одной рукой аккордъ и стала пѣть отдѣльными звуками, пробуя голосъ. Потомъ, спѣвъ нѣсколько быстрыхъ гаммъ, назначила себѣ кругъ для трели и, заложивъ одну руку за спину, а другою придерживая шлейфъ, пошла по комнатѣ, наполняя ее высокими, мягкими и чистыми звуками.

„Ну, теперь еще повторить послѣднюю гамму въ концертной аріи и довольно... Не надо утомлять голоса!"

Но вотъ уже спѣта и гамма, и вступленіе, а кареты все нѣтъ.

Чтобы сократить минуты ожиданья, Милочка стала ходить по комнатѣ, безпрестанно поглядывая на бронзовые часы, стрѣлки которыхъ стали передвигаться съ удивительной быстротой.

А въ умѣ ея быстро, быстро, какъ перепархивающія пташки, неслись образы, мысли и мечты...

Думаетъ она о томъ, что сегодня въ первый разъ будетъ пѣть въ настоящемъ большомъ концертѣ, вмѣстѣ съ извѣстнѣйшими въ городѣ артистами; что залъ, въ которомъ назначенъ концертъ, одинъ изъ самыхъ большихъ и красивыхъ, и что надо будетъ очень постараться, чтобы ее слышали и въ заднихъ рядахъ.

Никто, никто не знаетъ, какое громадное значенье имѣетъ для нея этотъ концертъ, который долженъ рѣшить ея судьбу.

Родные увѣрены, что пѣнье для нея — пустая забава; профессоръ заботится только о томъ, чтобы она понравилась публикѣ и имѣла внѣшній успѣхъ; но самой Милочкѣ этого мало.

Она хочетъ знать, чего же достигла она годами добросовѣстной, толковой работы надъ своимъ голосомъ. Есть ли у нея будущность, или лучшіе годы жизни ушли въ погонѣ за миражемъ, и она останется навсегда барышней-любительницей...

И это для нея вопросъ жизни и смерти...

Въ передней раздается рѣзкій звонокъ.

„Карета! Сейчасъ надо ѣхать!"—проносится въ умѣ Милочки, и вдругъ передъ ней ярко встаетъ огромный, нарядный залъ, съ безконечными рядами стульевъ и креселъ, переполненныхъ публикой, такъ тѣсно, такъ близко придвинувшейся къ эстрадѣ, что пѣвицѣ, стоящей на ней, не хватаетъ воздуху, перехватываетъ дыханіе, и сердце сжимается острой, острой болью.

Вся поблѣднѣвъ, Милочка на минуту закрываетъ глаза и машинально схватывается рукой за спинку стула.

Но шаги и голоса въ передней возвращаютъ ей самообладанье.

Она бросаетъ на себя послѣдній взглядъ въ зеркало и, накинувъ на плечи изящное, бѣлое, обшитое темнымъ мѣхомъ, sortie de bal, идетъ навстрѣчу молоденькому студенту-распорядителю.

II.

Четыре года тому назадъ, Милочка вернулась домой изъ института, куда ее отдали десятилѣтней дѣвочкой.

Вѣроятно, отецъ никогда не разстался бы съ маленькой

дочкой, которую онъ любилъ больше другихъ своихъ дѣтей, еслибы не смерть жены, еще молодой, цвѣтущей женщины, сгорѣвшей въ нѣсколько дней отъ мучительной болѣзни.

Сраженный горемъ, онъ заперся у себя въ кабинетѣ, никого не хотѣлъ видѣть и не притрогивался къ пищѣ.

На третій день поутру онъ услышалъ слабый стукъ въ дверь, и нѣжный, жалобный голосокъ, призывавшій его:

— Папочка, милый, пусти меня къ тебѣ!

Мучительной болью содрогнулось и ожило его застывшее, измученное сердце. Онъ торопливо поднялся съ мѣста, подошелъ къ двери и отворилъ ее.

Передъ нимъ стояла его маленькая дочка въ черномъ траурномъ платьицѣ. Густые, длинные волосы, которые мать съ такой любовью расчесывала и распускала по плечамъ дѣвочки, собирая ихъ только спереди и связывая кокетливымъ бантомъ, теперь были гладко зачесаны и заплетены въ косу. Отъ этого круглое личико дѣвочки измѣнило свое выраженіе.

Съ жалобной, судорожной улыбкой отецъ положилъ руку на ея головку и произнесъ съ разстановкой:

— Сироточка моя!

Въ эту минуту дѣвочка, съ испугомъ приглядывавшаяся къ странно измѣнившемуся лицу отца, вдругъ поняла причину этой перемѣны и съ истерическимъ крикомъ: „Папочка, папочка!“ — бросилась къ нему на грудь.

Темные волосы отца за эти ужасные дни стали совершенно сѣдыми.

Подхвативъ ее, какъ перышко, на руки, отецъ сѣлъ съ ней вмѣстѣ въ кресло, и, смѣшивая слезы и поцѣлуи, они сидѣли долго, крѣпко прижимаясь другъ къ другу и въ этой физической близости инстинктивно ища успокоенія.

Кромѣ Милочки, были еще дѣти: толстый, неповоротливый и лѣнивый кадетъ Коля, добрый, но малоспособный мальчикъ; отецъ возлагалъ на него большія надежды, но очень скоро убѣдился, что онъ ихъ не оправдаетъ, — и старшая дочь Варя, по прозванію „книжный червякъ“, умненькая, развитая, но очень скрытная и нелюдимая дѣвочка, цѣлый день сидѣвшая за книгами.

И только младшая Милочка, живая, способная и общительная дѣвочка, вполнѣ удовлетворяла вкусамъ отца.

Съ дѣтства она была игрушкой, которой забавлялись не только домашніе, но и многочисленные гости, съ утра до вечера наполнявшіе ихъ домъ. Мать учила ее пѣть, танцовать, приглашала къ ней сверстницъ и устраивала дѣтскіе спектакли и

живыя картины, и дѣвочка безсознательно привыкала играть роль и обращать на себя общее вниманіе.

Смерть матери положила конецъ этому свѣтлому періоду ея жизни.

Какъ ни тяжело было отцу разставаться съ своей любимицей, но любовь была сильнѣе эгоизма, а онъ былъ убѣжденъ, что, оставляя ее на рукахъ прислуги и въ обществѣ черезчуръ серьезной, мало женственной старшей сестры, онъ тѣмъ самымъ лишалъ ее правильнаго воспитанія и товарищества болѣе подходящихъ къ ней по возрасту и характеру сверстницъ.

И самъ отвезъ дѣвочку въ институтъ. Разница въ перемѣнѣ обстановки была такъ велика, что впечатлительная дѣвочка сразу съёжилась, ушла въ себя и отъ скучной, сѣрой, однообразной дѣйствительности отгородила себя міромъ грезъ и фантазій.

Вечеромъ, ложась спать, дѣвочка испытывала глухую, щемящую боль, и, чтобы заглушить ее, вызывала въ себѣ такъ еще близкія и уже безконечно далекія воспоминанія.

Одно изъ нихъ особенно ярко вставало передъ нею, согрѣвая и умиротворяя ея душу.

Вечеръ... Въ гостиной на кругломъ столѣ, заваленномъ журналами и альбомами, горитъ красивая лампа подъ краснымъ шолковымъ абажуромъ. На раскрытомъ роялѣ горятъ свѣчи. Мать за роялемъ поетъ и аккомпанируетъ себѣ.

А кругомъ, на стульяхъ, на креслахъ, около рояля, стоятъ и слушаютъ чужіе люди, гости. И сама Милочка, съёжившись въ уголкѣ турецкаго дивана, сдерживаетъ дыханіе, боясь проронить одну нотку...

И нѣжные звуки рояля, и чудные звуки свѣжаго, прекраснаго голоса, и озаренное внутреннимъ свѣтомъ лицо пѣвицы сливаются въ одинъ идеально-прекрасный образъ...

Разъ она попросила отца привезти ей нѣкоторыя вещи, которыя пѣла мать, и, забравшись въ „селюльку", стала пѣть ихъ робкимъ, неувѣреннымъ голосомъ.

Но чѣмъ больше овладѣвали ею воспоминанія, тѣмъ дальше раздвигались институтскія стѣны, и наконецъ, забывшись, дѣвочка полнымъ голосомъ, съ большой искренностью и врожденнымъ вкусомъ спѣла „Березку" Рубинштейна.

Лишь только замеръ послѣдній звукъ, за дверью послышались громкіе аплодисменты.

Дѣвочка, сконфуженная, забрала ноты и убѣжала; но черезъ нѣсколько дней подруги уговорили ее спѣть при нихъ, и скоро весь институтъ узналъ, что среди „кофулекъ" объявилась пѣвица.

Пѣніе создало дѣвочкѣ исключительное положеніе въ институтѣ; подруги гордились ею и любили за то удовольствіе, которое она имъ доставляла; начальство было къ ней и внимательнѣе, и снисходительнѣе, чѣмъ къ другимъ, такъ какъ она пѣла въ институтскихъ концертахъ и передъ высокопоставленными особами, заѣзжавшими къ нимъ въ институтъ. И очень скоро дѣвочка поняла, что пѣніе—ея сила, а понявъ это, рѣшила культивировать свое искусство, чтобы добиться еще большей силы впослѣдствіи.

И жизнь раздѣлилась для нея на двѣ половины: одна проходила въ институтѣ, въ автоматически-однообразномъ распредѣленіи дня среди подругъ и учителей,—и на это уходила лишь меньшая часть ея души, тогда какъ другая была заполнена грезами о какомъ-то другомъ сказочно-прекрасномъ мірѣ, мечтами о будущей славѣ и извѣстности, мечтами до того живыми и яркими, что передъ ними совершенно блѣднѣла сама дѣйствительность.

Такъ прошла жизнь въ институтѣ.

Съ жаждой новой жизни и новыхъ впечатлѣній вернулась Милочка въ свой домъ.

Она нашла здѣсь страшно состарившагося, часто прихварывавшаго отца и вполнѣ уже сложившуюся и созрѣвшую Варю, оканчивавшую высшіе курсы.

Братъ-юнкеръ приходилъ домой только по субботамъ.

Варя отнеслась къ сестрѣ ласково, но довольно равнодушно.

Она вся была полна своими книгами, лекціями, рефератами.

Убѣдившись, что Милочка не собирается ни на какіе курсы, она сейчасъ же рѣшила, что сестра—пустенькая барышня, которая, очевидно, только и мечтаетъ о балахъ да о кавалерахъ, и вполнѣ предоставила ее самой себѣ.

Милочка читала, играла, пѣла, гуляла съ отцомъ и приглядывалась къ жизни окружающихъ.

Въ домѣ было неуютно и безпорядочно, какъ никогда не бывало раньше, при покойной мамѣ.

Варя, равнодушная къ мелочамъ окружающей ее обстановки, совершенно не замѣчала, что въ комнатахъ было грязно, запущено, занавѣски у оконъ почернѣли отъ копоти лампъ, свѣчи въ гостиной на большомъ зеркалѣ были разной величины, обивка на ручкахъ у креселъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ продыравилась, и изъ нихъ торчалъ волосъ.

Съ инстинктивнымъ стремленіемъ къ порядку и изяществу,

Милочка зашила прорѣхи, велѣла вставить новыя свѣчи, напомнила сестрѣ, что пора выстирать занавѣсы.

Въ институтѣ, въ свободные часы, она выучилась отъ подругъ разнымъ мелкимъ рукодѣльямъ, и скоро у отца и у Вари появились на столѣ сюрпризы.

Варя равнодушно одобрила, но отца это растрогало и обрадовало.

Въ мелочахъ сказывалась унаслѣдованная отъ матери порядливость и домовитость, чего такъ недоставало Варѣ.

„Хлопотунья, говорунья, и лицомъ, и манерами вылитая мать!“ —думалъ старикъ, слѣдя за тоненькой фигуркой младшей дочери.

По субботамъ юнкеръ приводилъ своихъ товарищей: одинъ изъ нихъ игралъ на роялѣ, другой—на скрипкѣ; у самого Коли былъ недурной голосъ, невполнѣ еще установившійся, но очень пріятнаго тембра.

Устраивались дуэты, тріо. Скучный, запущенный, осиротѣвшій домъ снова ожилъ.

Попрежнему по субботамъ собирались гости, и старый генералъ, сидя за ужиномъ на своемъ предсѣдательскомъ мѣстѣ, разсказывалъ анекдоты и эпизоды изъ своей кадетской и полковой жизни, и самъ отъ души смѣялся вмѣстѣ съ молодежью.

Такъ прошли зима и лѣто.

Осенью генералъ обратился къ младшей дочери и шутливо сказалъ ей:

— Что же, дочка, съ ученьемъ покончено? Больше ни на какіе курсы не пойдешь?

Милочка, давно уже ждавшая этого вопроса, отвѣчала просительно:

— Нѣтъ, папа, мнѣ бы хотѣлось учиться пѣнію!

— Ну, такъ что же!—добродушно отвѣчалъ отецъ:—пѣнію, такъ пѣнію. Голосокъ у тебя недурной, совсѣмъ какъ у мамы.

Долго не могли выбрать учителя пѣнія, и, наконецъ, случайно одна знакомая посовѣтовала обратиться къ Себастьяни, у котораго училась и ея дочь.

— Человѣкъ онъ немолодой, женатый и солидный. Хорошо ставитъ голоса, а главное—спокойнаго характера. Знаете, моя дочь училась раньше въ консерваторіи, такъ ея учительница такъ ругалась и бросала ноты, что моя Зина прямо не могла вытерпѣть. А другія, представьте, терпятъ. Одну барышню она прямо такъ-таки назвала дурой... „Вы, говоритъ, дура, и я не могу съ вами ничего подѣлать, хотя голосъ у васъ чудный“. А

другой говоритъ: „Вамъ, душенька, въ прачки идти, грязное бѣлье стирать, а не романсы пѣть". И удивляюсь я барышнямъ. Плачутъ, а не уходятъ. Точно въ ней одной спасенье.

По просьбѣ генерала, эта же знакомая дама и свезла Милочку къ Себастьяни.

Плата за уроки показалась старику страшно высокой,—вѣдь баловство въ сущности это пѣніе,—но знакомая такъ расхваливала Себастьяни, такъ восхищалась голосомъ Милочки и настаивала на томъ, что такой чудный матеріалъ надо отдать въ хорошія руки, что генералъ уступилъ.

Себастьяни оказался добросовѣстнымъ учителемъ, который очень скоро оцѣнилъ и способности, и трудолюбіе Милочки, и, желая еще болѣе пріохотить ее, сталъ все чаще и чаще намекать на возможность выработаться для сцены. По своему многолѣтнему опыту, онъ хорошо зналъ, что это магическое слово, какъ глотокъ хорошаго шампанскаго, слегка кружитъ голову, но даетъ радость и увѣренность въ себѣ.

Пѣніе наполняло весь день Милочки, пѣніе поглощало всѣ ея чувства, всѣ мысли.

Она уже больше не ходила гулять съ отцомъ, потому что на улицѣ ей было вредно разговаривать.

Она избѣгала читать днемъ, потому что ей было некогда, а вечеромъ черезчуръ возбужденная мысль мѣшала сну, а отъ этого утромъ трудно было распѣться.

Она считала своимъ долгомъ послушать всякую пріѣзжую знаменитость, и эгоистически старалась не думать о томъ, что отцу трудно тратить на нее такъ много денегъ.

Среди молодежи, бывавшей у нихъ въ домѣ, было нѣсколько человѣкъ, серьезно увлекавшихся ею, но она или не замѣчала этого, или, если это было слишкомъ очевидно, дѣлала видъ, что не замѣчаетъ.

О замужествѣ она думала со скукой, а иногда и съ отвращеніемъ.

Это такъ обыкновенно, непоэтично, и притомъ женщина теряетъ всю свою свободу!

Для Себастьяни было большимъ горемъ, когда одна изъ его лучшихъ, подающихъ надежды ученицъ вдругъ разсталась съ мечтами объ ожидающей ее славѣ и самымъ прозаическимъ образомъ вышла замужъ, да еще за бѣдняка-студента.

— Вѣдь это конецъ, — конецъ всему! — патетически восклицалъ обыкновенно сдержанный итальянецъ.—И что бы подождать, пока будетъ на сценѣ,—тогда могла бы выбирать знатнаго и

богатаго мужа! А теперь будетъ служить мужу, будетъ у него кухаркой, нянькой, а голосъ свой зароетъ въ землю.

На четвертую зиму своего ученья Милочка начала съ успѣхомъ выступать въ небольшихъ концертныхъ залахъ.

Себастьяни былъ уменъ. Разсчитывая на неизбѣжное волненіе, онъ не давалъ ей большихъ и трудныхъ вещей, и маленькій, красивый, изящно спѣтый романсъ всегда производилъ хорошее впечатлѣніе. Но какъ только онъ попробовалъ выпустить ее съ болѣе трудной вещью, такъ сейчасъ и выяснилось, что она недостаточно владѣетъ собой и поетъ несравненно хуже, чѣмъ дома. Однако и тутъ ее приняли благосклонно и дружно апплодировали.

— Ахъ, а я такъ боялась, что меня ошикаютъ!—искренно призналась Милочка немолодой уже, очень извѣстной піанисткѣ, участвовавшей въ томъ же концертѣ.

— Вотъ выдумали!—смѣясь, отвѣчала та:—во-первыхъ, вы и не такъ плохо спѣли, а во-вторыхъ — молоденькой, хорошенькой все простятъ!

Милочку нарасхватъ приглашали знакомые, и она пѣла и на вечерахъ, и въ концертахъ, но чѣмъ больше пѣла, тѣмъ требовательнѣе относилась къ себѣ.

Однажды, вернувшись домой, Варя застала сестру въ гостиной за роялемъ. На пюпитрѣ лежали раскрытыя ноты, но она не пѣла. Обхвативъ спинку стула руками и уронивъ на нихъ голову, она горько плакала.

Варя была до такой степени поражена этимъ видомъ, что въ первую минуту совершенно растерялась. Она принесла воды, капель, съ непривычной для нея нѣжностью обняла сестру и, наконецъ, добилась объясненія.

— У меня совершенно не выходитъ эта вещь!

Варя широко раскрыла глаза.

— И только?

Но Милочка настаивала.

— Я слышала въ концертѣ Михайлову: у нея это такъ легко и красиво выходило, а у меня—нѣтъ!..

— Ну, еще бы! — съ досадой сказала Варя.—Ты бы еще сравнила себя съ Патти... То Михайлова, а то ты!

Милочка вскочила со стула. Слезъ какъ не бывало, глаза блестѣли, щеки пылали.

— А что такое Михайлова! Себастьяни говоритъ, что у меня голосъ въ десять разъ красивѣе, чѣмъ у нея...

— Съ чѣмъ тебя и поздравляю!—насмѣшливо сказала Варя.— Ну, что жъ, поступай и ты на сцену!

— И поступлю!—вызывающе крикнула Милочка.

Варя пристально взглянула въ глаза сестрѣ, и тутъ только въ первый разъ почувствовала, что за кажущеюся безпечностью и веселостью есть тамъ, въ глубинѣ этой души, что-то свое важное и значительное, о чемъ она, Варя, не имѣетъ ни малѣйшаго представленія.

— Пустяки ты говоришь, Милочка!—мягко и серьезно сказала она, но когда сестра сказала ей: „Все пустяки, что не касается тебя и твоихъ занятій",—она только молча посмотрѣла на нее, повернулась и пошла изъ комнаты.

Окончивъ курсъ, Варя поступила въ гимназію классной дамой и учительницей французскаго языка.

Ей дали младшій классъ и, возясь съ этими дѣвчоночками, оробѣвшими и присмирѣвшими въ непривычной для нихъ казенной обстановкѣ, Варя неожиданно открыла въ себѣ цѣлый запасъ теплоты и нѣжности, который она щедро изливала на своихъ „малышекъ". Вмѣстѣ съ этимъ измѣнилось и ея отношеніе къ сестрѣ.

Съ смутной тревогой приглядывалась она къ ея поблѣднѣвшему лицу, удивлялась ея раздражительности, неровности, излишней заботливости о своемъ здоровьѣ, эгоизму, съ которымъ она тратила деньги на свои туалеты, такъ какъ ей стыдно было одѣваться хуже другихъ ученицъ, но сильнѣе всего говорило въ ней чувство жалости человѣка созрѣвшаго, установившагося, нашедшаго свое призваніе и смыслъ жизни,—къ другому, слабому, мятущемуся и не умѣющему устроить свою жизнь.

Но не всѣмъ же быть классными дамами и учительницами и любить это дѣло: Варя хорошо это понимала. Съ другой стороны, она даже не могла себѣ представить, что могло бы удовлетворить ея сестру, и, не умѣя посовѣтовать, не считала себя въ правѣ вмѣшиваться въ ея жизнь.

Только отецъ могъ бы сдѣлать это, но старикъ упорно не замѣчалъ ничего, гордился успѣхами дочери въ обществѣ и въ концертахъ, а когда Варя иногда при отцѣ удивлялась, что Милочка такъ быстро изводитъ свои карманныя деньги, старикъ, морщась, останавливалъ ее:

— Ну, ну,—разворчалась классная дама!... Не всѣмъ же

быть монашенками. Молодо—зелено... Хочется и ей отъ подругъ не отстать.

Варя умолкала, сердясь и давая себѣ слово не вмѣшиваться: „пусть хоть разорится совсѣмъ".

А Милочка вспыхивала до слезъ, опускала глаза и не смѣла смотрѣть на сестру, стыдясь за отца, чувствуя себя неправой, а Варю—несправедливо оскорбленной за нее же.

И вотъ однажды Милочка пришла къ сестрѣ возбужденная, сіяющая и объявила ей, что m-me Арнольдъ, съ которой она познакомилась еще въ прошломъ году и съ тѣхъ поръ постоянно бывала на ея музыкальныхъ пятницахъ, устраиваетъ большой концертъ съ оперными артистами и просила и ее участвовать въ немъ.

— Ну, желаю тебѣ успѣха,—съ улыбкой сказала Варя, невольно любуясь оживленнымъ личикомъ сестры и забывая въ эту минуту всѣ свои тревоги и сомнѣнія.

И Милочка начала лихорадочно готовиться къ предстоящему концерту.

III.

Карета остановилась у артистическаго подъѣзда; студентъ неловко и торопливо помогъ своей дамѣ выйти и повелъ ее по лѣстницамъ и корридорамъ въ уборную артистовъ.

У дверей онъ раскланялся съ ней и такъ же поспѣшно пошелъ назадъ, а Милочка, охваченная робостью, вошла въ довольно большую комнату, въ которой сидѣли и стояли артистки въ нарядныхъ открытыхъ платьяхъ и мужчины во фракахъ и бѣлыхъ жилетахъ.

Недалеко отъ входа, по срединѣ комнаты стояла невысокая полная дама въ изящномъ черномъ шолковомъ платьѣ: это была Марья Дмитріевна Арнольдъ, главная устроительница и иниціаторша концерта. Она оживленно разговаривала съ высокимъ блондиномъ, незнакомымъ Милочкѣ.

— Придется начать безъ нея!—съ огорченьемъ рѣшила Марья Дмитріевна и, обернувшись, увидѣла входившую дѣвушку.—Ну, слава Богу! Вонъ и она!—со вздохомъ облегченья выговорила она, и ея полное, добродушное лицо съ живыми карими глазами засіяло искреннимъ удовольствіемъ.

— Что же вы такъ поздно, моя дорогая?

— Я не виновата, Марья Дмитріевна,—отвѣчала Милочка,

поспѣшно сбрасывая платокъ и теплую ротонду.—Карета опоздала, дали невѣрный адресъ.

— Ахъ, они разбойники! Хороши распорядители! И этого не могли устроить... Нѣтъ, вѣдь это ужасно!—говорила Марья Дмитріевна, уже обращаясь ко всѣмъ присутствующимъ и дѣлая энергическіе жесты головой и руками.—Безъ меня рѣшительно ничего не дѣлается, я должна входить во всякую мелочь, и даже когда распорядишься, все-таки ухитрятся перепутать!

Ея лицо пылало отъ усталости и волненія.

Уже теперь концертъ можно было считать удавшимся... Зала совершенно полна, артисты пріѣхали всѣ, кромѣ одного, но и того удалось вполнѣ замѣнить; хорошенькая барышня, продававшая у входа въ залъ афиши, собрала обильную лепту, но Боже, какихъ хлопотъ, какихъ усилій все это стоило!

— А зато вамъ сиротки въ ножки поклонятся,—спасибо, скажутъ, родная, что ты насъ напоила, накормила...—раздался изъ глубины комнаты звучный, задушевный мужской голосъ, въ которомъ было столько неподдѣльнаго, неуловимаго юмора, что всѣ съ невольною улыбкой обернулись въ его сторону. Милочка въ первый разъ видѣла такъ близко знаменитаго комика и съ дѣтскимъ почтительнымъ любопытствомъ вглядывалась въ его характерное лицо, освѣщенное доброй улыбкой.

— Ну, вотъ развѣ что—польза будетъ!—съ нѣкоторымъ колебаніемъ отозвалась Марья Дмитріевна.

Нѣсколько голосовъ хоромъ отвѣчали ей:

— Да полноте... Неужели вы еще сомнѣваетесь? Вѣдь зала полна?! Афиши всѣ проданы?!

— Да, да, все хорошо!—подтверждала Марья Дмитріевна, а въ голосѣ ея все еще звучала неувѣренность.

— Ну, вотъ хорошо, что всѣ пріѣхали!—болѣе оживленнымъ тономъ прибавила она и, подойдя къ Милочкѣ, поправлявшей у зеркала прическу, заботливо отогнула завернувшееся кружево у ея платья, подшпилила сзади развившуюся прядь волосъ и, оглядывая ее съ ногъ до головы, сказала громко и одобрительно:

— Отлично, отлично, моя дорогая; сегодня вы страшно интересны!

Высокій блондинъ, съ которымъ только-что разговаривала Марья Дмитріевна, и который съ самаго пріѣзда Милочки не спускалъ съ нея глазъ, улыбнулся и сказалъ:

— Отчего же только сегодня, а не всегда?

— Ахъ, позвольте!..—засуетилась Марья Дмитріевна.—Я

вѣдь помню вашу просьбу... Голубчикъ мой,—обратилась она къ Милочкѣ,—позвольте представить вамъ вашего тайнаго, но давнишняго поклонника—художникъ Мазурскій.

Милочка, вся розовая отъ смущенія, протянула руку, которую художникъ крѣпко пожалъ, пристально глядя на дѣвушку темносѣрыми проницательными глазами.

Слегка насмѣшливый и самоувѣренный взглядъ ихъ непріятно скользилъ по обнаженной шеѣ и рукамъ дѣвушки и какъ будто, мысленно смѣло и дерзко сбрасывая одежду, видѣлъ ее всю передъ собой.

И подъ этимъ циническимъ взглядомъ Милочка почувствовала стыдъ, возмущеніе, обиду и, инстинктивнымъ движеніемъ потянувшись за накидкой, накинула ее на плечи.

— Вамъ холодно? Вы, вѣрно, волнуетесь?—спросилъ художникъ, и откровенно насмѣшливый тонъ его и лукавая улыбка сказали Милочкѣ, что и движенія ея души для него такъ же ясны, какъ линіи тѣла.

Съ внезапнымъ приливомъ непріязни къ нему, она отвернулась, небрежно отвѣтивъ на его вопросъ:

— Нѣтъ,—нисколько!

Къ ея большому облегченію, какъ разъ въ эту минуту въ уборную почти вбѣжалъ невысокій, плотный господинъ съ широкимъ краснымъ лицомъ и длинными, свѣтлыми, слегка вьющимися волосами.

— Кажется, всѣ въ сборѣ... Можно начинать?—возбужденно говорилъ онъ, пожимая руки направо и налѣво.

— А, здравствуйте, барышня!—сказалъ онъ, останавливаясь передъ Милочкой.—Что жъ, сегодня трусить не будемъ?

Изъ залы донесся глухой шумъ аплодисментовъ. Публика требовала начала концерта.

— Слышите, слышите!—воскликнулъ аккомпаніаторъ, срываясь съ мѣста, какъ боевой конь при звукѣ трубъ, и, обращаясь къ высокому, худому артисту съ острыми чертами лица и апатичнымъ взглядомъ большихъ черныхъ глазъ, прибавилъ тономъ полководца: — Ваши ноты—и идемте!

— Идемъ!—равнодушно отозвался тотъ и, протянувъ аккомпаніатору тоненькій свертокъ нотъ, бережно взялъ въ руки скрипку и медленно пошелъ къ дверямъ.

Громкіе аплодисменты соскучившейся ожиданіемъ публики, нѣсколько секундъ мертвой тишины,—и вотъ полились нѣжные, плачущіе и зовущіе звуки скрипки.

— Ну, слава Богу—началось!—съ шумнымъ вздохомъ про-

говорила Марья Дмитріевна, и лицо ея сразу приняло спокойное и удовлетворенное выраженіе.—Ну, теперь я вами займусь, дѣточка,—ласково обратилась она къ Милочкѣ:—съ кѣмъ вы здѣсь незнакомы? Какъ, неужели не знаете? Это—Рокотова,—московская. Лѣтъ десять тому назадъ была еще звѣздой, теперь уже сильно постарѣла, бѣдняжка!..

Говоря это пониженнымъ голосомъ, Марья Дмитріевна подвела Милочку къ высокой, полной дамѣ въ очень открытомъ черномъ бархатномъ платьѣ, сильно подведенной и подрумяненной, но еще сохранившей слѣды былой красоты на располнѣвшемъ и нѣсколько обрюзгшемъ лицѣ.

— Очень пріятно, очень пріятно, — говорила пѣвица, улыбаясь заученной и неискренней улыбкой.—Слышала, какъ вы отличались на ученическомъ вечерѣ у Себастьяни... Мнѣ говорилъ объ этомъ Кадминъ...

— Кадминъ?—живо переспросила Милочка, и, противъ воли, яркая краска покрыла ея щеки.

Пѣвица засмѣялась.

— Вижу, что вы его не забыли,—замѣтила она съ легкой ироніей въ голосѣ.—Не правда ли,—съ такимъ партнеромъ пріятно пѣть?

— А! вотъ и онъ самъ! Quand on parle du soleil, on voît ses rayons!—щеголяя французскимъ выговоромъ, сказала Марья Дмитріевна и предупредительно пошла навстрѣчу высокому, стройному брюнету съ живымъ и нервнымъ лицомъ, входившему въ дверь артистической.

— Только васъ и ждемъ... Очень, очень благодарю васъ за то, что вы такъ любезно согласились выручить насъ...—растроганнымъ голосомъ говорила она, пожимая руку артисту.

— Полноте, я всегда съ большимъ удовольствіемъ, — отвѣтилъ онъ, и вдругъ, увидѣвъ Милочку, воскликнулъ съ просіявшимъ лицомъ:—Людмила Николаевна! Васъ ли я вижу? Вотъ неожиданная встрѣча!

— А вы какими судьбами? Вѣдь васъ же нѣтъ на программѣ?—говорила она притворно-равнодушнымъ тономъ, но смущенное, взволнованное и радостное лицо досказывало то, чего не было въ словахъ.

— Да видите ли, я раньше-то отказался: боленъ былъ, боялся, что не успѣю поправиться и подведу... А теперь, вотъ, Мингреловъ заболѣлъ,—и опять за мной... Я и программы не видалъ, не зналъ, что вы поете, да, вѣрно, сердце чуяло!—шутливо закончилъ онъ и, близко заглядывая ей въ лицо, спраши-

валъ, весь сіяя улыбкой:—Ну, какъ вы здоровы, веселы, много поете? Вѣдь цѣлый мѣсяцъ я васъ не видалъ!

— Э, да вы, я вижу, старые знакомые, — смѣясь, сказала Марья Дмитріевна.—Георгій Александровичъ, давно ли вы знаете нашу Милочку?

— О, страшно давно! — отвѣчалъ онъ съ веселымъ паѳосомъ.—Мѣсяцъ тому назадъ мы пѣли „Фауста“ у Себастьяни. Какая очаровательная Маргарита была Людмила Николаевна!— съ увлеченіемъ разсказывалъ онъ и дружески здоровался съ артистами.

Вернулся съ эстрады скрипачъ и, постоявъ немного, пошелъ снова: публика настойчиво требовала bis'а.

Георгій Александровичъ снова подошелъ къ Милочкѣ и, усѣвшись подлѣ нея, началъ вполголоса разговаривать съ нею.

— Скажите,—спрашивала Милочка:—кто эта барышня въ черномъ платьѣ, съ красной розой на груди?

— Какъ? Вы не знаете? Это — Славская, наша будущая звѣзда... Только-что окончила консерваторію и ужъ приглашена на казенную сцену. Большущій голосина и чертовски-талантлива.

— Ахъ, Славская!—обрадованно сказала Милочка:—я, конечно, слышала о ней, но вижу ее въ первый разъ.

Она еще внимательнѣе поглядѣла на будущую звѣзду. Средняго роста, довольно полная шатэнка, съ широкимъ, неправильнымъ лицомъ и небольшими сѣрыми глазами, Славская совершенно не обладала тѣмъ, что принято называть „сценической наружностью“.

— Какая же она, — начала-было Милочка и остановилась, не умѣя подыскать подходящаго опредѣленія:—сѣренькая!—прибавила она нерѣшительно.

Собесѣдникъ ея разсмѣялся.

— Ишь вы какая! — сказалъ онъ съ шутливымъ порицаніемъ:—вамъ подавай все сразу. Славской довольно и того, что у нея есть... Вотъ вы сами услышите, какъ она поетъ.

Какъ-разъ въ эту минуту Славская, разговаривавшая со старшей пѣвицей, обернулась въ ихъ сторону и съ ногъ до головы окинула Милочку тѣмъ быстрымъ, проницательнымъ взглядомъ, которымъ умѣютъ смотрѣть только артистки, когда дѣло идетъ о другой артисткѣ.

Милочка спокойно выдержала этотъ критическій взглядъ.

— Ну, теперь,—понизивъ голосъ, заговорилъ Георгій Александровичъ, — вы можете быть увѣрены, что васъ разбираютъ по косточкамъ. Эта пѣвица рядомъ со Славской—Рокотова, вы

знаете? Ну, такъ предупреждаю васъ,—страшная сплетница, завистница и злой языкъ. Я имѣлъ удовольствіе служить съ ней вмѣстѣ на казенной сценѣ... Ну и баба, простите за выраженіе! Разные я видалъ типики, но такой завистливой и злющей бабы ни разу въ жизни не встрѣчалъ...—Онъ помолчалъ, и нервное, выразительное лицо его вдругъ потускнѣло и затуманилось, словно передъ нимъ пронесся призракъ тяжелаго воспоминанья.—Да,—промолвилъ онъ серьезно, почти печально:—много она мнѣ зла сдѣлала... Ну, да Богъ съ ней!..—Онъ вдругъ поднялся съ мѣста и, снова овладѣвая собой, улыбнулся дѣвушкѣ: — А вы какимъ же нумеромъ поставлены?

— Третьимъ,—отвѣчала Милочка, и вдругъ вся кровь отхлынула у нея отъ сердца.

Эта неожиданная встрѣча съ Кадминымъ заставила ее забыть и про концертъ, и про свое участіе въ немъ, и ей представилось прямо невозможнымъ выйти сейчасъ туда, на залитую свѣтомъ эстраду.

Георгій Александровичъ подошелъ къ аккомпаніатору и совѣщался съ нимъ относительно выбора романсовъ.

Скрипачъ уже сидѣлъ около стола, заставленнаго винами и фруктами, за которымъ хозяйничала, угощая его, Марья Дмитріевна.

Рокотова усиленно любезничала съ маленькимъ лысымъ рецензентомъ, только-что пришедшимъ въ артистическую, и только Славская сидѣла молча, сложивъ на колѣняхъ руки и равнодушно скользя взглядомъ по окружающимъ лицамъ.

У дверей на эстраду стояло еще двое участвующихъ: миловидная барышня въ голубомъ платьѣ съ низко вырѣзаннымъ лифомъ, которая дѣлала видъ, что ее страшно смѣшатъ замѣчанія ея собесѣдника, высокаго господина съ тупымъ, блѣднымъ, ничего не выражающимъ лицомъ, небрежно цѣдившаго слова,—баритона казенной оперы.

Вторымъ нумеромъ читалъ любимый публикою актеръ-комикъ, и публика безъ конца требовала повтореній.

Милочкѣ не сидѣлось на мѣстѣ. Она сняла съ себя накидку и пошла оправиться передъ зеркаломъ.

На нее глянуло блѣдное, растерянное личико.

— Боже!—испугалась Милочка:—что же это со мной? Никогда еще я такъ не боялась!

Къ ней подошелъ Георгій Александровичъ.

— Что это вы какъ поблѣднѣли?—заговорилъ онъ встревоженно.—Неужели такъ трусите? Да полно, голубчикъ, стоитъ ли

того! Вѣдь вы же не въ первый разъ выступаете и всегда съ успѣхомъ,—чего вамъ бояться?

— Охъ, страшно! — съ усиліемъ преодолѣвая внутреннюю дрожь, по-дѣтски безпомощно сказала Милочка.

Онъ улыбался ей нѣжно и ласково, и мягкими, бархатными нотами говорилъ ей:

— Ну, полно, возьмите себя въ руки, все будетъ хорошо... Птичка моя бѣдненькая, дѣточка милая!

Въ своемъ полубезсознательномъ состояніи она слушала ласковыя слова, которыми онъ никогда раньше не смѣлъ называть ее, и на сердцѣ у нея становилось легче и теплѣе отъ этой ласки чужого ей человѣка, и что-то тонкое, чистое и нѣжное протягивалось между нимъ и ею, неуловимыми нитями соединяя и сближая души.

— Постойте,—сказалъ онъ вдругъ,—что же я думаю! Вамъ надо выпить вина!

— Да, да, отлично, выпейте вина, Милочка!—сказала Марья Дмитріевна, услышавшая послѣднюю фразу; наливъ въ рюмку крѣпкой мадеры, она передала ее Георгію Александровичу.

Милочка выпила, и пріятная теплота разлилась по ея тѣлу, слабый румянецъ окрасилъ щеки, — острый пароксизмъ страха прошелъ.

Дверь съ эстрады отворилась, и въ уборную ворвался шумъ апплодисментовъ и громкіе, напряженные крики: „браво! бисъ!"

Вытирая платкомъ красное, потное лицо, высокій, толстый актеръ говорилъ нараспѣвъ, съ характерной, ему одному только свойственной интонаціей:

— Ой, батюшки, не могу... Уморили... Отпустите душу на покаянье!..

— Bis, bis!—смѣясь, кричали ему и артисты въ уборной, и онъ, постоявъ немного, снова пошелъ на эстраду, сказалъ что-то совсѣмъ коротенькое и, среди общаго смѣха и апплодисментовъ, пришелъ, тяжело дыша, весь багровый, и рѣшительно опустился въ кресло.

— Съ мѣста не двинусь!—заявилъ онъ громко и, обмахиваясь платкомъ, прибавилъ добродушно-ворчливымъ тономъ: — Ну, и чортова сегодня жарища! Публики—видимо-невидимо!

Апплодисменты начали понемногу стихать, все слабѣе, слабѣе; вотъ еще разъ неудержимо поднялась шумная волна и вдругъ все точно оборвалось—стихло.

Аккомпаніаторъ, оживленно разговаривавшій съ Кадминымъ,

остановился на полуфразѣ, принялъ сразу озабоченный, дѣловой видъ и кивнулъ головой стоявшей подлѣ него Милочкѣ:

— Ну, барышня, идемте!

Вотъ она и наверху.

Страшно свѣтло! Больно даже глазамъ!

И какой взрывъ апплодисментовъ!

Неужели это ее такъ встрѣчаютъ?

Боже, Боже, какая толпа тамъ, внизу!

Со всѣхъ сторонъ поднимаются бинокли, въ публикѣ движенье; въ заднихъ рядахъ привстаютъ, чтобы лучше разсмотрѣть ее.

Въ первомъ ряду высокій, видный, весь въ звѣздахъ генералъ наклоняется впередъ, и Милочка ясно слышитъ, какъ онъ говоритъ:

— Какая прелесть!

Аккомпаніаторъ оглядывается на нее—она чуть-чуть наклоняетъ голову.

Но что же это, Боже мой!

Слова, мотивъ—все ускользнуло изъ ея памяти, она точно въ первый разъ слышитъ эту мелодію.

— Господи, помоги!—молится Милочка.

И вдругъ, среди чужихъ, равнодушно-любопытныхъ лицъ передъ ней мелькнуло красивое лицо отца съ его серебристо-сѣдыми волосами и густыми темными бровями.

Добрые, ласковые глаза его съ спокойной, увѣренной улыбкой смотрѣли прямо въ лицо дочери и какъ будто говорили ей:

— Смѣлѣе, дочка, ну-ка, покажи имъ, что и мы не хуже другихъ!

Совершенно безсознательно для себя пѣвица поймала послѣдній тактъ передъ вступленіемъ и такъ же машинально, не отдавая себѣ въ нихъ отчета, выговорила слова первой фразы речитатива.

И въ ту минуту, когда она ихъ выговорила, она вспомнила и все остальное такъ отчетливо, какъ будто передъ ней держали ноты...

Подъ сводами громадной залы собственный голосъ показался ей совсѣмъ чужимъ,—такимъ маленькимъ, слабымъ и незвучнымъ!

Но почему же она не можетъ отрѣшиться отъ этой такъ близко придвинувшейся къ ней толпы, не можетъ почувствовать себя ея владычицей?

Напрасно собираетъ она всѣ силы,—голосъ не слушается ее, дыханье уходитъ, и даже верхнія ноты, самыя красивыя въ ея голосѣ, выходятъ какими-то задавленными и рѣзкими.

Сознанье, что здѣсь, въ этой переполненной народомъ залѣ, и тамъ, въ артистической, всѣ примолкли, слушая ее,—сознанье это подавляетъ ее, и вмѣсто желанья отличиться, въ ея душѣ все растетъ страстная мольба—благополучно довести до конца трудную арію, не сбиться, не забыть слова и поскорѣе, поскорѣе убѣжать съ эстрады.

— Слава Богу, арія кончена!

Пѣвицу награждаютъ дружными апплодисментами.

Она струсила,—это ясно всѣмъ,—но такая молоденькая, миленькая, и голосокъ такой хорошенькій!

Снисходительная публика усиленными апплодисментами старается подбодрить дебютантку.

Съ улыбкой благодарности она склоняетъ голову и, какъ школьница, сдавшая трудный экзаменъ, спѣшитъ съ эстрады.

Въ артистической ее встрѣчаетъ Георгій Александровичъ.

— Ну, вотъ видите, отлично спѣли!—ободряюще говоритъ онъ:—только смѣлѣе, смѣлѣе!

— На bis, на bis! Что вы поете на bis?—возбужденно кричитъ аккомпаніаторъ.

Милочка торопливо подаетъ ему хорошенькую, немного меланхолическую пѣсенку своего любимаго русскаго композитора.

Съ ея мягкимъ, нѣжнымъ голосомъ и при ея настроеніи это вышло бы отлично. Но аккомпаніаторъ иного мнѣнія.

— Помилуйте, да вы этакъ усыпите публику! Надо что-нибудь этакое бравурное, кокетливое!.. Дайте, я самъ выберу... Ну, вотъ—эту! Идемъ...

Спорить некогда, и она чувствуетъ себя передъ нимъ такой дѣвочкой.

Теперь она меньше боится и смѣлѣе разглядываетъ публику.

Горячая волна прихлынула къ ея сердцу, ей вдругъ страстно захотѣлось покорить, подчинить своей власти всю эту молчаливо ожидавшую толпу.

Но изъ банальной мелодіи съ пустыми словами трудно что-нибудь сдѣлать, и она кончила хуже, чѣмъ начала.

И на этотъ разъ ей апплодировали и кричали bis, и когда она вышла на вызовы, ей подали снизу чудную корзину чайныхъ розъ.

Въ артистической Рокотова привѣтствовала ее натянутой улыбкой и снисходительной похвалой:

— Очень, очень мило.

А Славская прибавила серьезно и искренно:

— У васъ очень хорошенькій голосъ!

— А это что же? отъ поклонника?—насмѣшливо прищуриваясь и указывая глазами на корзину цвѣтовъ, спросила Рокотова.

— Отъ знакомыхъ, вѣрно!—отвѣчала Милочка, нисколько не обрадованная и даже смущенная этимъ подношеніемъ, котораго она, по собственному мнѣнію, совершенно не заслуживала.

Выйдя изъ артистической, Милочка остановилась въ полутемномъ проходѣ, откуда она могла лучше слышать пѣніе Георгія Александровича Кадмина. Счастливый! Онъ не боялся этой страшной людской толпы, наполнявшей залу.

Быть можетъ, онъ, какъ истинный артистъ, слегка волновался въ душѣ, но какъ горделиво спокоенъ онъ былъ снаружи, какъ увѣренно шелъ на эстраду, какимъ взглядомъ, полнымъ сознанья своей власти, своей силы, онъ оглядывалъ всю эту глухо волновавшуюся толпу!

И онъ по справедливости былъ ея любимцемъ. Онъ умѣлъ передавать малѣйшіе оттѣнки чувства, каждое его слово проникало въ душу и заставляло сладко замирать сердце.

Голосъ его, красивый и сильный, то возвышался до звенящаго страстнаго fortissimo, то замиралъ, какъ вздохъ любви, на нѣжнѣйшемъ pianissimo.

И самая пустая вещичка пріобрѣтала въ его исполненіи глубокій смыслъ, казалась тонкой, красивой и полной значенья.

Стоя въ своемъ темномъ уголку, Милочка съ наслажденіемъ прислушивалась къ чарующимъ звукамъ, и вся душа ея открывалась имъ навстрѣчу.

Наконецъ, онъ кончилъ и пришелъ къ ней.

— Ну,—сказалъ онъ шопотомъ, наклоняясь и цѣлуя ея руку,—довольны ли вы мной?

Они были одни въ полутемномъ проходѣ.

Съ эстрады къ нимъ доносились задумчивые звуки арфы, а изъ уборной—взрывы заглушеннаго смѣха и шумъ оживленнаго говора,—и хотя не было ничего особеннаго въ его словахъ, какая-то неловкость и безотчетный страхъ овладѣли ею, и она отвѣчала уклончиво, стараясь высвободить свою руку:

— Вы всегда хорошо поете!

— Нѣтъ, вы не отвѣчаете на мой вопросъ, хотя я вижу, что вы его поняли. Сегодня я пѣлъ для васъ, только для васъ... Эта неожиданная встрѣча съ вами... Знаете, я самъ не думалъ, что буду до такой степени обрадованъ!

Она молчала, охваченная волненьемъ и глубокимъ, страннымъ очарованіемъ.

Въ продолженіе цѣлаго мѣсяца они встрѣчались по два, а по-

томъ и по три раза въ недѣлю у ея профессора, и на маленькой домашней сценѣ пѣли „Фауста“.

Сначала онъ равнодушно прислушивался и приглядывался къ ней, дѣлая ей замѣчанія, показывая сцену, какъ опытный учитель начинающей ученицѣ, но по мѣрѣ того, какъ способная и самолюбивая ученица овладѣвала искусствомъ, онъ изъ строгаго учителя превращался въ добраго и искренно расположеннаго товарища.

И когда, наконецъ, представленіе состоялось, и знакомство ихъ поневолѣ прекратилось, Мила почувствовала, что ей не хватаетъ этого всегда веселаго, искренно симпатизирующаго ей друга.

Случайно она попала въ частную оперу, гдѣ онъ былъ главной притягательной силой, и вышла изъ театра, потрясенная и тѣмъ впечатлѣніемъ, которое онъ на нее произвелъ, и тѣмъ шумнымъ успѣхомъ, которымъ онъ здѣсь пользовался.

Простой и скромный въ томъ обществѣ, гдѣ она съ нимъ встрѣчалась, и гдѣ онъ пѣлъ изъ любезности и личной дружбы къ своему бывшему учителю,—здѣсь онъ былъ кумиромъ огромной восторженной толпы и спокойно принималъ ея поклоненіе.

И сидя въ качествѣ простой зрительницы, Милочка съ удивленіемъ спрашивала себя:

„Неужели это тотъ самый человѣкъ, съ которымъ я пѣла? неужели мы еще когда-нибудь встрѣтимся и будемъ такъ же просто и дружески разговаривать?“

И она стала ловить себя на томъ, что постоянно возвращается мыслью къ ихъ недолгому знакомству, припоминаетъ всѣ его слова, взгляды и пытливо чего-то ищетъ въ нихъ...

Она просматривала газеты, слѣдя за его успѣхами, жадно ловила каждое слово о немъ, и потому, какъ относились къ нему ея знакомые, безсознательно дѣлила ихъ на своихъ друзей и враговъ.

И вотъ они встрѣтились, и то, чего она такъ пытливо искала въ прошломъ, свѣтится теперь въ его разнѣженномъ взглядѣ, слышится въ трепетномъ звукѣ голоса, чувствуется въ горячемъ поцѣлуѣ, который обжегъ ея руку.

Какъ много она думала объ этой встрѣчѣ, и странно,—думала именно тѣми самыми словами, которыя онъ произнесъ теперь, но тогда, въ воображеніи, слова эти вызывали въ ней гордость и радость, а теперь въ ней поднимался страхъ, слѣпой, безотчетный страхъ передъ тѣмъ новымъ и неизвѣданнымъ, что властно становилось на ея пути.

— Вѣдь мѣсяцъ, цѣлый мѣсяцъ мы не видались!—говорилъ онъ, стоя такъ близко отъ нея, что ея обнаженное плечо почти касалось его руки.

— Вы очаровательно спѣли Маргариту, но знаете,—я все думалъ, чего вамъ не хватаетъ,—и нашелъ...

— Чтò же?—быстро спросила она и, поднявъ голову, смѣло взглянула ему въ глаза.

Онъ посмотрѣлъ на нее блестящимъ страннымъ взглядомъ и медленно и раздѣльно выговорилъ:

— Вамъ надо влюбиться.

Отъ этого слова дѣвушка вздрогнула, какъ отъ удара.

Какъ пошло, какъ гадко оно звучитъ!

Въ институтѣ этимъ словомъ ее изводили подруги:

— Душка, неужели ты ни въ кого не влюблена?

Позже ее наставляли ученицы профессора Себастьяни:

— Влюбитесь, и тогда будете пѣть еще лучше.

И друзья ея офицеры часто говорили ей:

— Эхъ, не смѣйтесь, придетъ и ваша пора: влюбитесь,—тогда только и узнаете настоящую жизнь.

Жить только для того, чтобы влюбиться, влюбиться—для того, чтобы жить.

Это былъ какой-то заколдованный кругъ, и дѣвушка безсознательно чувствовала его узость.

Пошлое слово спугнуло очарованіе, и, тряхнувъ головой, она сказала задорно и насмѣшливо:

— Все равно, въ кого? Лишь бы влюбиться?

— Я не помѣшаю вашему интимному разговору?—произнесъ сзади нихъ вкрадчиво-язвительный голосъ.

Они оглянулись.

Въ дверяхъ стояла Рокотова.

— Помилуйте, очень радъ!—быстро и предупредительно отозвался артистъ.—Надѣюсь, что вы будете моей союзницей противъ барышни и подтвердите мой совѣтъ ей—влюбиться, чтобы стать настоящей пѣвицей.

— Совѣтъ хорошъ!—съ неискреннимъ смѣхомъ сказала Рокотова:—что жъ, вы ужъ подыщите ей и партнера.

— Трудно!—съ улыбкой отвѣчалъ онъ и, взглянувъ на дѣвушку спокойнымъ, открытымъ взглядомъ, прибавилъ:

— Молодежь льнетъ къ молодежи, а намъ съ вами, пожалуй, и не понять, чего имъ нужно.

При этихъ словахъ Милочка невольно подняла голову и взглянула на нихъ обоихъ.

Когда-то красивое, но теперь располнѣвшее и слегка обрюзглое лицо пѣвицы говорило о неумолимо приближавшейся старости, противъ которой безсильны были всѣ косметическія средства. Но онъ, стройный и цвѣтущій, безъ малѣйшей просѣди въ густыхъ темныхъ волосахъ, съ живыми и энергичными движеніями и совсѣмъ юношескимъ блескомъ глазъ,—онъ казался совсѣмъ молодымъ.

— Сколько ему могло быть лѣтъ? Тридцать-пять—сорокъ? Не все ли равно?

— Считайте себя старикомъ, если хотите!—съ досадливой гримаской отвѣчала Рокотова.—Я себя старухой не считаю.

И когда онъ съ насмѣшливымъ поклономъ отвѣчалъ ей:— Слушаюсь!—она обернулась къ спускавшейся съ эстрады раскраснѣвшейся арфисткѣ и съ дѣланно-привѣтливой улыбкой закивала ей головой:

— Очень, очень мило, Софья Карловна! Поздравляю съ успѣхомъ.

Слѣдующимъ нумеромъ на афишѣ стояла Славская.

Ея руки немного дрожали, когда она перелистывала ноты у раскрытыхъ дверей артистической, но лицо оставалось спокойнымъ, и безъ малѣйшаго колебанія она взошла на эстраду увѣренной, немного тяжеловатой поступью.

Громкіе апплодисменты, потомъ нѣсколько секундъ напряженной тишины, и вотъ вслѣдъ за коротенькой, но полной глубокаго драматизма музыкальной фразой вступленія—откуда-то вырвался и все собою заполнилъ мощный, свободный, широкій и красивый женскій голосъ:

„Да, часъ настал“!

Звуки росли, крѣпли, ширились—бархатные, глубокіе, ласкающіе. Въ нихъ билась страстная тоска по роднымъ полямъ, холмамъ задумчиво-мечтательной, дѣвственно-чистой души; въ нихъ слышалась спокойная увѣренность въ своемъ высокомъ призваніи и покорность Высшей волѣ, и все заканчивалось высокой, страстной нотой, похожей на оборвавшееся рыданье.

Милочка, блѣдная, съ широко раскрытыми глазами, неподвижно стояла на мѣстѣ.

Боже, Боже, какъ хорошо! Съ *такимъ* голосомъ можно было не бояться выходить на эстраду. Это даже не голосъ, а точно тонкій, дорогой инструментъ, на которомъ играетъ чуткій артистъ, извлекая одинаково ровные, одинаково красивые звуки и вкладывая въ нихъ всю свою душу.

Подъ громъ апплодисментовъ, вся румяная и оживленная отъ

радости и волненья, съ сіяющими глазами, съ прекрасной, увѣренной и счастливой улыбкой, дѣлавшей ее неузнаваемо красивѣе, спускалась Славская съ эстрады, и Милочка провожала ее восхищеннымъ и изумленнымъ взглядомъ, не узнавая въ ней той „сѣренькой“ дѣвушки, мимо которой она прошла, едва замѣтивъ ее, въ горделивомъ сознаніи своей собственной молодости и привлекательности.

Когда Славская, послѣ нѣсколькихъ „бисовъ“, вернулась въ артистическую, всѣ окружили ее, поздравляли, благодарили, и въ этой оваціи, устроенной ей своими же товарищами-артистами, было единодушное поклоненіе той искрѣ Божіей, которую она носила въ себѣ, единодушный, быть можетъ мгновенный, но въ данную минуту искренній порывъ увлеченья не своимъ, а чужимъ искусствомъ.

Только Рокотова не участвовала въ этой оваціи. Она пѣла на эстрадѣ, собирая дань признательности за прошлое, и публика, расходясь, въ антрактѣ, изъ залы, въ корридорѣ и фойе, говорила съ сожалѣніемъ:

— Да, сильно, сильно постарѣла... И голосъ совсѣмъ ужъ не тотъ... Пора бы ужъ ей угомониться и не выступать на эстрадѣ... А то просто жалко и слушать, и смотрѣть,—особенно послѣ Славской!

IV.

Въ антрактѣ цѣлая толпа родныхъ, знакомыхъ и поклонниковъ хлынула въ артистическую.

Еще не оправившаяся отъ пережитого волненья, Милочка чувствовала себя совсѣмъ оглушенной и сбитой съ толку всѣми поздравленіями, поцѣлуями и разспросами, которые посыпались на нее со всѣхъ сторонъ.

— Ты не должна была пѣть второго романса: онъ—преглупый, и ты его совсѣмъ скомкала!—говорила замужняя двоюродная сестра Милочки.—Вѣдь я же тебѣ совѣтовала, что взять на bis.

— Какая вы сегодня интересная, и какъ мило спѣли! — вставлялъ свое мнѣніе болѣе снисходительный мужъ сестры.

— Но какъ вы струсили, душка, я просто испугалась за васъ!—подхватывала бойкая барышня, товарка Милы по пѣнію, и цѣлый хоръ повторялъ за нею:

— Да, струсила, струсила, струсила!

Милочка готова была убѣжать и боялась расплакаться.

Къ счастью, корзина цвѣтовъ привлекла общее вниманіе, и дѣвушка могла вздохнуть свободно и оглянуться вокругъ.

Въ центрѣ другой группы она увидѣла Славскую; передъ ней разсыпался въ комплиментахъ тотъ самый высокій, представительный генералъ, котораго Милочка замѣтила въ первомъ ряду креселъ.

Разговаривая съ пѣвицей, онъ молодцевато покручивалъ усы и, встрѣтившись взглядомъ съ Милочкой, еще болѣе пріосанился и выразительно посмотрѣлъ на нее.

Милочка съ неудовольствіемъ отвернулась.

„Смотришь на меня, а небось не подойдешь представиться, какъ къ Славской"...

И невольное сравненіе складывалось въ умѣ.

Въ Славской всѣ видятъ крупную звѣзду, грядущую силу, а къ ней относятся, какъ къ милому, даровитому ребенку, который всего интереснѣе, пока еще не выросъ.

Разсѣянно отвѣчая на вопросы окружающихъ, она искала глазами Кадмина и, наконецъ, увидала его почти у самыхъ дверей, рядомъ съ маленькимъ, лысымъ рецензентомъ.

Онъ какъ-разъ смотрѣлъ въ ея сторону и, поймавъ ея взглядъ, улыбнулся ей.

И сразу все то щемящее, обидное и горькое, что поднималось въ ней, играя на струнахъ чутко настроеннаго самолюбія, разсѣялось и уплыло, какъ темное облачко на чистомъ небѣ, и душа наполнилась сладкимъ предчувствіемъ возможнаго и близкаго счастья.

Въ дверяхъ артистической показались два молодыхъ офицера. Они стояли въ нерѣшимости, стѣсняясь пробираться впередъ и ожидая, чтобы ихъ замѣтили.

Одинъ изъ нихъ былъ совсѣмъ мальчикъ, съ нѣжнымъ, розовымъ румянцемъ во всю щеку, съ небольшими темными усиками и красивыми карими глазами.

Другой—высокій и плечистый, съ непокорными вихрами густыхъ бѣлокурыхъ волосъ, съ крупными, неправильными чертами лица и серьезнымъ, внимательнымъ взглядомъ, казался гораздо старше своего спутника.

Онъ, видимо, чувствовалъ себя неловко и собирался уже ретироваться, но младшій товарищъ не пускалъ его и тянулъ за собою впередъ.

— Смотри, смотри, Милочка, вонъ и твои поклонники пришли!—живо заговорила кузина Милочки, схвативъ ее за руку.

Милочка обернулась и съ улыбкой закивала головой, приглашая молодыхъ людей подойти поближе.

— Господа, — заговорила она, поздоровавшись съ ними, — зачѣмъ вы это дѣлаете?—и она указала головой на цвѣты.

Въ глазахъ старшаго офицера отразилось недоумѣніе, но, прежде чѣмъ онъ успѣлъ возразить, младшій, еще болѣе зарумянившись, заговорилъ торопливо высокимъ, звонкимъ теноромъ:

— Нѣтъ, Людмила Николаевна, мы—внѣ всякаго подозрѣнія, корзина подана изъ публики.

— А, вотъ какъ! — сказала она, награждая его безсознательно-кокетливой улыбкой.—Ну, объ этомъ мы еще поговоримъ дома! А папа не зайдетъ ко мнѣ?

— Генералъ поручилъ намъ узнать, поѣдете ли вы обратно съ нимъ и съ Варварой Николаевной или съ кѣмъ-нибудь другимъ?—спросилъ старшій офицеръ.

Взглядъ его невольно скользнулъ по обнаженнымъ плечамъ дѣвушки, и что-то болѣзненно дрогнуло въ немъ, когда онъ снова взглянулъ ей въ лицо.

Подходившая къ нимъ Марья Дмитріевна услышала послѣднюю фразу и отвѣтила за дѣвушку.

— Нѣтъ, нѣтъ, она поѣдетъ ко мнѣ; я просила всѣхъ участвующихъ ко мнѣ на ужинъ, и вы, Милочка, не должны мнѣ отказывать.

Она поздоровалась со старшимъ изъ офицеровъ, который приходился ей племянникомъ, и рѣшительно сказала ему:

— А ты, Валя, проводишь ее ко мнѣ и домой, я уже говорила генералу.

Тотъ взглянулъ на дѣвушку и нѣсколько неувѣренно выговорилъ:

— Если вы позволите!

— Конечно, я буду очень благодарна,—отозвалась Милочка и, замѣтивъ, какъ затуманилось лицо молодого офицера, прибавила ласково:—Дмитрій Николаевичъ, вы не забыли, что я васъ жду къ намъ завтра вечеромъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, какъ же, непремѣнно,—отвѣчалъ онъ, просіявъ.

— Я спою вамъ тотъ новый романсъ, про который я вамъ говорила,—продолжала она, все улыбаясь безпричинной, неудержимой улыбкой.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нея Кадминъ разговаривалъ съ Марьей Дмитріевной.

Не глядя въ ту сторону, Милочка чувствовала на себѣ его

взглядъ, и въ душѣ у нея все разросталось радостное и волнующее чувство; не сознавая того сама, она вкладывала это чувство въ слова, въ жесты, въ улыбку, принимая влюбленный взглядъ молодого офицера и отвѣчая на него.

Другой, стоя немного въ сторонѣ, молча приглядывался къ обоимъ, и въ нервныхъ движеньяхъ его пальцевъ, покручивавшихъ усы, и въ сдвинутыхъ бровяхъ вдумчиваго лица проглядывали недоумѣнье и душевная тревога.

Антрактъ близился къ концу, и артистическая понемногу пустѣла.

Около Милочки оставалось только два офицера, когда къ ней подошелъ Кадминъ.

— Ну, что же, во второмъ отдѣленіи не будемъ такъ робѣть? — фамильярно-ласково выговорилъ онъ, окидывая обоихъ молодыхъ людей быстрымъ и небрежнымъ взглядомъ.

— Да я, слава Богу, не участвую во второмъ отдѣленіи,— весело отвѣчала Милочка.

— Какъ? Развѣ нѣтъ? Жаль... Какъ-разъ теперь, успокоившись, вы могли бы вполнѣ показать себя. Знаете, кто васъ расхваливалъ? Петровъ. Онъ былъ въ первомъ отдѣленіи, забѣжалъ ко мнѣ на минутку и уѣхалъ въ другой концертъ.

— Это, кажется, антрепренеръ провинціальной оперы?—спросила дѣвушка.

— Да, да... Вотъ увидите его у Марьи Дмитріевны. Кстати, могу я васъ отвезти туда?

Милочка смутилась. Это было бы чудесно, но какъ быть съ Валеріемъ Александровичемъ? Вѣдь они уже сговорились. Какъ-то неловко...

Какъ только Кадминъ подошелъ къ ней, молодые люди почувствовали себя лишними, раскланялись и ушли, такъ что некогда было перемѣнить рѣшеніе.

— Видите ли,—сказала она нерѣшительно,—мы уже условились съ племянникомъ Марьи Дмитріевны, что онъ проводитъ меня къ ней и отъ нея—домой.

— Ну, какъ же это досадно!—сказалъ Кадминъ, недовольно хмурясь:—а я такъ надѣялся, что мы съ вами поѣдемъ вмѣстѣ. Устройте какъ-нибудь... прибавилъ онъ просительно.

— Ну, хорошо, — рѣшительно сказала Милочка,—тогда я устрою такъ. Туда мы поѣдемъ съ вами, а оттуда я попрошу его проводить меня домой.

— Ну, хоть такъ!—разочарованно согласился артистъ.

Зазвенѣлъ колокольчикъ, аккомпаніаторъ повелъ за собой на

эстраду длиннаго скрипача съ меланхолическимъ лицомъ, и второе отдѣленіе началось.

Милочка, стоя передъ зеркаломъ, въ отдаленномъ уголку артистической, стирала, съ помощью кольдъ-крема и носового платка, тушь съ бровей и рѣсницъ; но какъ она ни старалась, слѣды грима все же были замѣтны, и, стѣсняясь показаться въ такомъ видѣ среди публики, въ зрительномъ залѣ, Милочка рѣшила остаться въ артистической до окончанья концерта.

Она подсѣла къ Славской и разговорилась съ нею, между тѣмъ какъ Кадминъ переходилъ отъ одного къ другому, словно намѣренно избѣгая приближаться къ нимъ.

Славская очень выигрывала вблизи. У нея была прелестная улыбка и ласковые, добрые глаза. Она съ большимъ участіемъ и вниманіемъ разспрашивала Милочку о ея занятіяхъ, о профессорѣ Себастьяни и его ученицахъ; при этомъ въ ней не чувствовалось ни малѣйшаго желанья позлословить и раскритиковать другихъ, что̀ такъ охотно дѣлали не только настоящія пѣвицы, но и начинающія ученицы... Милочкѣ было очень пріятно разговаривать съ нею, но ее немножко смущало странное поведеніе Кадмина.

„Почему онъ не подойдетъ ни разу? Обидѣлся? Разсердился? Вонъ какъ разсыпается передъ арфисткой, а та-то счастлива! Хохочетъ, кокетничаетъ, жеманится—фу, противно!..“

Вотъ онъ наклонился, поцѣловалъ ея руку... Милочка поблѣднѣла такъ замѣтно, что собесѣдница ея остановилась на полуфразѣ и спросила тревожно:

— Что̀ съ вами? Дурно?

— Голова немного закружилась,—солгала Милочка.

— Ну, это—отъ волненья, — рѣшила Славская; — вотъ будете чаще пѣть—привыкнете.

Кадминъ не подошелъ къ ней и тогда, когда пришла очередь Славской выйти на эстраду.

И Милочка сидѣла одинокая, прислушиваясь къ визгливому смѣху арфистки и къ мягкому грудному баритону Кадмина, который разсказывалъ ей какіе-то театральные анекдоты.

„Зачѣмъ онъ все это говорилъ мнѣ? Зачѣмъ? Все это неправда, однѣ пустыя фразы, которыя онъ повторяетъ и мнѣ, и другой, и третьей“,—съ болью въ сердцѣ думала дѣвушка. А сама глядѣла на его темную голову съ короткими, вьющимися волосами, и все въ немъ—оживленное, молодое лицо, и жесты, широкіе и свободные, и голосъ, этотъ чудный, вкрадчивый голосъ, были ей такъ странно дороги, и такъ хотѣлось быть съ нимъ

опять вдвоемъ, глядѣть ему въ глаза и вѣрить тому, что они говорятъ ей...

Концертъ кончился, въ уборной артисты и артистки собирали свои ноты и одѣвались. Кадминъ стоялъ съ ротондой въ рукахъ передъ Милочкой.

— Не торопитесь, не торопитесь — успѣемъ, — съ улыбкой говорилъ онъ, слѣдя за тѣмъ, какъ она повязывала голову бѣлымъ шолковымъ платкомъ.

Вотъ онъ накинулъ на нее ротонду, и на секунду, только на секунду задержалъ руки на ея плечахъ...

Вошла Варя, уже одѣтая, въ шубѣ и шапочкѣ, и объяснила сестрѣ, что ее прислалъ отецъ за цвѣтами, — они возьмутъ съ собой ея корзину.

— Ахъ, вотъ спасибо,—обрадовалась Милочка,—а то я не знала, что мнѣ съ ней дѣлать.

— Это ваша сестра?—спросилъ Кадминъ, приглядываясь къ Варѣ, — познакомьте же меня съ нею, — и, не дожидаясь представленья, онъ самъ поклонился Варѣ и назвалъ себя.

Варя смущенно протянула ему руку, но не нашлась ничего сказать, и прошла къ окну за цвѣтами.

Въ эту минуту въ дверяхъ показался Валерій Александровичъ Ковалевскій въ пальто, съ шапкой въ рукѣ.

— Я къ вашимъ услугамъ, Людмила Николаевна, — сказалъ онъ.

Милочка бросила невольный взглядъ на Кадмина, словно ища въ немъ поддержки, и тотъ, понявъ ее, выговорилъ съ шутливой улыбкой:

— Нѣтъ, какъ вы хотите, я не уступлю вамъ теперь свою даму... Вмѣстѣ мы пѣли, вмѣстѣ и поѣдемъ,—это мое право, и вы не обижайтесь...

— А оттуда, Валерій Александровичъ, если вы будете такъ добры, я попрошу васъ проводить меня домой,—торопливо добавила Милочка.

— Какъ вы прикажете, — вѣжливо, но сухо отозвался молодой офицеръ, и, не взглянувъ больше на Милочку, взялъ изъ рукъ Вари корзину цвѣтовъ, предлагая ей донести ее до извозчика.

Въ артистической оставались только Кадминъ и Милочка.

— Ну, идемъ!—сказалъ Кадминъ, разыскалъ на окнѣ свои ноты и, подойдя къ Милочкѣ, неожиданно спросилъ ее:

— Это вашъ женихъ?

Милочка вдругъ почувствовала себя почти обиженной такимъ предположеніемъ, и отвѣчала недовольнымъ тономъ:

— Вовсе нѣтъ, просто знакомый...

Кадминъ улыбнулся и не сталъ больше разспрашивать...

Дверца захлопнулась, и карета, покачиваясь на рессорахъ, покатилась по бѣлому, рыхлому, только что выпавшему снѣгу.

— Ну, вотъ наконецъ мы одни!—тихо вымолвилъ Кадминъ, и звукъ его голоса былъ такъ страненъ, такъ непривычно глухъ, что Милочка съ удивленіемъ оглянулась на него. Но и лицо его было совсѣмъ чужое: блѣдное, серьезное, съ неподвижнымъ, тяжелымъ взглядомъ. Она боялась спросить, что̀ съ нимъ, не знала, о чемъ заговорить, и молча глядѣла въ окно кареты, чувствуя, что всю ее опутываетъ какая-то посторонняя сила, какое-то очарованье, и тягостное, и пріятное вмѣстѣ.

И когда онъ тихонько взялъ ея руку, она вся вздрогнула, какъ отъ электрическаго тока, и инстинктивно отняла руку.

— Вы меня боитесь?—сказалъ онъ и засмѣялся, но и смѣхъ его былъ не прежній, веселый и искренній, а какой-то искусственный и непріятный.

— Не боюсь, — съ усиліемъ улыбнувшись, отвѣчала Милочка, — но я не привыкла видѣть васъ такимъ молчаливымъ... Вы такъ много говорили въ уборной,—разскажите и мнѣ что-нибудь.

— Разсказать вамъ? — будто машинально повторилъ онъ... Я забылъ все, что̀ знаю... Я помню только одно, что сейчасъ мы пріѣдемъ, и я не успѣю сказать вамъ всего, что̀ чувствую. Но поймете ли вы меня, поймете ли и простите ли? вотъ чего я не знаю.

Онъ снялъ съ головы мѣховую шапку, распахнулъ пальто, точно ему вдругъ стало душно, и, откинувшись вглубь сидѣнья, на минуту закрылъ глаза.

Когда онъ открылъ ихъ, онъ встрѣтилъ взглядъ дѣвушки, изумленный и недоумѣвающій.

И этотъ дѣтски-чистый взглядъ въ одно мгновенье усмирилъ въ немъ вспыхнувшую страсть, и въ глубинѣ его души зазвенѣли самыя тонкія и нѣжныя струны.

Глаза его засвѣтились мягкимъ свѣтомъ и, положивъ руку на сложенныя на колѣняхъ руки дѣвушки, онъ сказалъ своимъ прежнимъ дружескимъ тономъ:

— Не бойтесь... Я больше не буду такимъ, я не хочу васъ пугать. Ахъ, если бы вы знали, какъ я тосковалъ безъ васъ,

какъ мнѣ все казалось скучнымъ и ненужнымъ, потому что мнѣ не свѣтила ваша улыбка. А вы—вы вспоминали обо мнѣ?

Милочка подняла на него свои правдивые глаза.

— Да,—тихо сказала она.

Онъ крѣпко сжалъ ея руку и, повторяя какъ въ бреду:— Солнце мое, радость моя, жизнь моя! — все ближе наклонялся къ ней, не отрывая отъ нея жаднаго, восторженнаго взгляда.

Вдругъ онъ точно спохватился, поднялъ голову и прикрылъ глаза рукой.

— Послушайте, вѣдь это странно!—заговорилъ онъ, отнялъ руку и взглянулъ на нее потухшимъ, задумчивымъ взглядомъ.— Вотъ теперь у меня такое чувство, какъ будто вся моя прежняя жизнь была только сномъ, длиннымъ, скучнымъ, безсвязнымъ сномъ, — но пришли вы, тихонько постучались въ мою душу, улыбнулись и сказали: „Проснись и взгляни на меня!“ —Вы не смѣетесь?—вдругъ прервалъ онъ самого себя, почти робко глядя на дѣвушку.

Нѣтъ, она не смѣялась... Ей было такъ понятно все, что̀ онъ говорилъ. Развѣ ея собственная жизнь не была тѣмъ же сномъ, невиннымъ, безмятежнымъ дѣтскимъ сномъ, пока не пришелъ онъ и не разбудилъ въ ней цѣлый міръ грезъ и чувствъ.

А онъ продолжалъ говорить:

— Знаете, еще до сегодняшняго вечера я не понималъ себя, и свою апатію, свою тоску считалъ усталостью, переутомленіемъ; но когда сегодня я неожиданно увидалъ васъ, я понялъ, чего мнѣ недоставало. Въ моей безалаберной, цыганской жизни всегда не хватало этого чистаго, ровнаго свѣта, этой мягкости, душевнаго изящества, котораго такъ много въ васъ. Вѣдь вы еще дѣвочка, ребенокъ, вы сами не знаете, какую чудную женщину можно сдѣлать изъ васъ, женщину и артистку, потому что и талантъ вашъ развернется во всю ширину съ развитіемъ души.

И онъ говорилъ ей то же, что̀ твердили ей подруги-институтки, товарки по пѣнію и ухаживавшая за нею молодежь.

Но она не смѣялась, не возмущалась.

Свѣтлое божество, торжествуя, взлетало въ свое заоблачное царство, оставивъ въ трепетавшемъ сердцѣ одну изъ своихъ невидимыхъ отравленныхъ стрѣлъ.

Кучеръ, наклонившись съ козелъ кареты, что-то говорилъ имъ въ полузамерзшее стекло.

Кадминъ пріоткрылъ дверцу.

— Нумеръ, ты говоришь? Двадцатый, братецъ, какъ же ты

не спросилъ раньше? Да вотъ что, послушай,—намъ еще немного рано туда—понимаешь? Поверни-ка къ Адмиралтейству, а оттуда ужъ поѣдешь куда слѣдуетъ,—понялъ?

— Что это значитъ? — съ неопредѣленнымъ безпокойствомъ спросила Милочка, когда Кадминъ, захлопнувъ дверцу, сѣлъ на прежнемъ мѣстѣ.

— Не сердитесь, голубчикъ, — вѣдь это пустяки, четверть часа лишнихъ. А я не могу сейчасъ разстаться съ вами... Вѣдь тамъ опять мы будемъ въ толпѣ, и всѣ будутъ слѣдить за нами. Я скажу, что кучеръ перепуталъ адресъ!

Милочка недовольно покачивала головой, но при послѣднихъ словахъ невольно разсмѣялась: и въ концертъ она опоздала по той же причинѣ,—ну, ужъ пусть за все отвѣчаетъ безтолковый кучеръ.

— Вотъ такъ-то лучше!—обрадованно сказалъ Кадминъ.— Будьте смѣлѣе, не бойтесь переступать за черту свѣтскихъ приличій. Отъ злословья людского я васъ сумѣю защитить. Вы замѣтили, что я нарочно не подходилъ къ вамъ во второмъ отдѣленіи, чтобы успокоить подозрѣнія Рокотовой. Пусть никакая сплетня не коснется васъ, пусть жизнь дастъ вамъ только радость и избавитъ васъ отъ всего дурнаго, злого и печальнаго...

— Зачѣмъ? — невольно вырвалось у Милочки. — Я не хочу прятаться отъ жизни, я знаю, что она даетъ не одну радость, но пусть будетъ, что будетъ,—я не боюсь.

Въ рамкѣ бѣлаго платка ея розовое круглое личико улыбалось самонадѣянной и вызывающей улыбкой молодости, вдругъ сознавшей свои силы и готовой помѣряться ими съ самой судьбой.

Кадминъ съ восторгомъ смотрѣлъ на нее.

Одна миловидная внѣшность не могла бы такъ увлечь его, опытнаго и уже разочарованнаго волокиту. Но за этой внѣшностью сдержанной свѣтской барышни было что-то такое, что онъ пока еще только угадывалъ, былъ цѣлый міръ нетронутой дѣвственно-чистой души, пока еще гордой и замкнутой, но обѣщавшей тому, кто ее откроетъ, цѣлое море любви.

И какъ новый Фаустъ, онъ ждалъ пробужденія своей Маргариты, чтобы первому упиться расцвѣтомъ нѣжнаго цвѣтка.

Но вдругъ его нервное лицо затуманилось.

Онъ нагнулся къ дѣвушкѣ, взялъ ея руки въ обѣ свои и сказалъ, умоляя:

— Боже мой, сейчасъ мы пріѣдемъ, и опять надо будетъ надѣть маску, смѣяться и говорить, когда мнѣ хотѣлось бы только одного: быть съ вами и глядѣть на васъ... Скажите же,

когда мы увидимся? Вѣдь я къ вамъ не могу пріѣхать? Я, знаете, однажды былъ уже у подъѣзда вашего дома, — думалъ о васъ и самъ не знаю, какъ—пришелъ, но не посмѣлъ войти. Что сказали бы вашъ отецъ, сестра... Но гдѣ же мы можемъ увидѣться,—говорите, назначьте сами!

Руки дѣвушки холодѣли въ его рукахъ.

Она такъ смѣло шла навстрѣчу жизни, и жизнь кинула ей вызовъ:

„А, ты ничего не боишься... Ну, попробуй, иди!"

— Голубка, родная моя, не бросайте меня!.. Я не понимаю, какъ я могъ жить безъ васъ цѣлый мѣсяцъ, я не могу, не могу не видѣть васъ!..

Онъ наклонился и сталъ цѣловать ея руки, безвольно, покорно лежавшія въ его рукахъ.

— Не надо, — шепнула она и сдѣлала движеніе отнять руки.

Отъ этого движенія крючокъ ея ротонды распахнулся, и ротонда соскользнула съ плечъ, увлекая за собой и платокъ съ головы.

— Постойте,—вы такъ простудитесь!—сказалъ Кадминъ и, поднявъ ротонду, хотѣлъ накинуть ее на дѣвушку, но едва его руки коснулись ея нѣжныхъ, обнаженныхъ плечей, какъ вся сдержанность покинула его, и, крѣпко обнявъ ее одной рукой, онъ—другой запрокинулъ назадъ ея голову, покрывая ея лицо, волосы и плечи жадными, торопливыми поцѣлуями.

— Пустите, пустите сейчасъ же!—услышалъ онъ гнѣвный, страстный шопотъ.

Онъ опомнился, взглянулъ затуманенными страстью глазами и... поразился.

Неужели передъ нимъ была та самая розовая, довѣрчиво улыбавшаяся дѣвушка?

Гнѣвъ, возмущеніе, презрѣніе блестѣли въ глазахъ и измѣняли лицо до неузнаваемости.

Забывая собственныя чувства, онъ, какъ артистъ, любовался ею и думалъ невольно:

„Какая чудная мимика!"

— Такъ-то вы меня уважаете? — тихо, съ горечью сказала она.

Онъ молчалъ. Невольное чувство самосохраненія подсказывало ему, что если въ эту минуту онъ не сумѣетъ защитить себя,—она никогда не проститъ ему грубаго насилія надъ неокрѣпшимъ еще чувствомъ и не вернется къ нему.

Онъ провелъ рукой по своимъ густымъ, спутаннымъ волосамъ, приводя ихъ въ порядокъ, и сказалъ самымъ простымъ и естественнымъ тономъ:

— Да, я васъ уважаю... Вы для меня все, что есть чистаго, свѣтлаго, нѣжнаго и изящнаго на землѣ. Вы для меня мать, сестра, другъ, но и... женщина тоже. Что вы отъ меня хотите? Развѣ я могу остаться безчувственнымъ истуканомъ передъ вашей молодостью и прелестью... Я—артистъ, я привыкъ выражать свои чувства, а не прятать ихъ въ самомъ себѣ... Но, если я васъ обидѣлъ, если вы судите иначе—простите меня; вѣрьте я никогда еще въ жизни не относился къ женщинѣ съ такимъ уваженіемъ, какъ теперь къ вамъ, и вы это поймете, когда вы сами станете настоящей женщиной...

Да, когда она станетъ женщиной... Но, вѣрно, до этого еще далеко... Ея лицо и плечи еще горѣли отъ жаркихъ поцѣлуевъ, но въ душѣ было смутно и тоскливо. Гдѣ-то въ глубинѣ ея души жила, притаившись, грёза чистой, свѣтлой, глубокой любви, и теперь, осмѣянная, съ разорваннымъ покрываломъ, она съ упрекомъ смотрѣла на дѣвушку грустными очами и тихо шептала:

— Развѣ это то, о чемъ мы съ тобой мечтали?

Гдѣ же то нѣжное, радостное чувство, которое влекло ее къ этому человѣку?

Съ возбужденнымъ лицомъ и странно горящими глазами — онъ ей чуждъ, чуждъ и непріятенъ...

Карета остановилась у подъѣзда дома, гдѣ жила Марья Дмитріевна.

Милочка наскоро накинула платокъ, застегнула крючокъ ротонды и первая вышла на улицу.

Поднимаясь по широкой лѣстницѣ, уставленной цвѣтами и зеркалами, она мелькомъ взглянула на себя въ большое трюмо и съ облегченіемъ убѣдилась, что прическа только чуть-чуть растрепалась, а остальное все въ порядкѣ... Но все же, какъ стыдно, ахъ, какъ стыдно будетъ смотрѣть въ глаза людямъ! Даже идти не хочется,—взяла бы и убѣжала домой!

За ней, задумчивый и непривычно молчаливый, поднимался Кадминъ.

— Ну, наконецъ-то! — сказала Марья Дмитріевна, выходя навстрѣчу имъ въ переднюю: — А я ужъ начала безпокоиться, не случилось ли чего? Опять кучеръ перепуталъ?

— Нѣтъ, ужъ на этотъ разъ я самъ виноватъ,—спокойно отвѣчалъ Кадминъ: — велѣлъ ѣхать на Итальянскую, а не ска-

залъ, на какую: онъ привезъ на Большую,—пришлось возвращаться.

Марья Дмитріевна пристально взглянула въ глаза Милочкѣ, но въ эту минуту новый гость отвлекъ ея вниманіе.

— А, Петя, вотъ молодчинище!—весело воскликнулъ Кадминъ, обращаясь къ высокому, плотному господину въ медвѣжьей шубѣ и теплой шапкѣ, входившему въ переднюю.—А я боялся, что ты надуешь—не пріѣдешь!

— Ну, и скучища! — низкимъ пріятнымъ басомъ отозвался вновь прибывшій:—да вѣдь надо же было эту Миронову запихать на самый конецъ... Вашу ручку, премногоуважаемая!—прибавилъ онъ, освободившись отъ шубы и прикладываясь къ рукѣ хозяйки.

— Ну, что же, какова?—съ любопытствомъ спросила Марья Дмитріевна.

— Не спрашивайте лучше! — безнадежно махнувъ рукой, мрачно отозвался гость и, обращаясь къ Кадмину, прибавилъ уже инымъ тономъ:—Ну-ка, братъ, представь меня m-lle Ларіоновой; хочу наговорить ей тысячу комплиментовъ.

— Не много ли? — съ невольной улыбкой, протягивая ему руку, сказала Милочка, въ то время какъ Кадминъ представлялъ его:

— Петръ Михайловичъ Петровъ, антрепренеръ оперы и мой старинный пріятель.

— А, такъ вы такъ? Ну, такъ слушайте же сущую правду!— закричалъ Петровъ, сдвигая густыя черныя брови и дѣлая такіе грозные глаза, что у дѣвушки невольно вытянулось лицо.

Марья Дмитріевна засмѣялась, ласково поглядывая на Милочку.

— Ага, струсила!—сказала она.

— Вы давали только одну треть голоса: это—разъ,—сказалъ Петровъ, загибая толстый палецъ на одной рукѣ и все такъ же строго смотря на Милочку;—вы совершенно скомкали послѣднюю гамму: это—два, и возмутительно струсили: это—три. И еслибы я не зналъ толкъ въ дебютанткахъ, я бы сказалъ, что вы ничего не стоите, но...—онъ сдѣлалъ выразительную паузу и прибавилъ:—у васъ чудный, прямо рѣдкій тембръ голоса и бездна изящества... Бросьте вы своего Себастьяни, который, между нами говоря, гроша ломанаго не стоитъ, подите къ Шапошникову— я вамъ дамъ свою карточку, — и черезъ два года, черезъ годъ даже вы не узнаете своего голоса.

— Дѣло принимаетъ серьезный оборотъ,—и вамъ, господа,

удобнѣе будетъ объясниться въ гостиной,—съ шутливой улыбкой вмѣшалась Марья Дмитріевна и, взявъ Милочку подъ-руку, прошла съ нею впередъ.

Мужчины остались разговаривать въ передней.

Всѣ гости были уже въ сборѣ. И въ большой гостиной, и въ смежной съ ней—маленькой, шелъ оживленный разговоръ, слышались смѣхъ и отдѣльныя громкія восклицанія.

Вся заставленная мягкой, удобной мебелью, освѣщенная электрическими лампами, затемненными красивыми абажурами, со множествомъ картинъ и изящныхъ гравюръ по стѣнамъ и на столахъ и столикахъ, квартира Марьи Дмитріевны какъ-то сразу располагала къ себѣ всякаго, кто только въ нее входилъ... А гости бывали у нея часто: приходили и днемъ, и вечеромъ, но свободное многолюдное общество собиралось у нея по пятницамъ, которыя въ артистическомъ мірѣ получили даже названіе „Арнольдовскихъ пятницъ“.

Въ молодости Марья Дмитріевна поражала знатоковъ громаднымъ, гибкимъ, удивительно красивымъ голосомъ, которымъ она владѣла съ большимъ искусствомъ. Училась она и въ Россіи, и за границей, и, несомнѣнно, могла бы быть украшеніемъ любой большой сцены, еслибы она пожелала стать профессіональной пѣвицей; но, по собственному признанію, ее совершенно не прельщала перспектива нарядиться въ мишурныя тряпки, кривляться и пѣть передъ чужой, равнодушной толпой. Злые языки утверждали, что съ такой наружностью, при такомъ ростѣ и толщинѣ, трудно было даже съ ея голосомъ разсчитывать на большой успѣхъ, и потому Марья Дмитріевна благоразумно предпочла не пробовать. Можетъ быть, это было и такъ, но во всякомъ случаѣ скромность только дѣлала ей честь, и, ограничивъ себя тѣснымъ кругомъ настоящихъ цѣнителей, знатоковъ и любителей искусства, она безъ борьбы и соревнованія заняла въ немъ принадлежащее ей по праву мѣсто.

Марья Дмитріевна была замужемъ за очень извѣстнымъ не только въ Россіи, но и за границей профессоромъ, совершенно ушедшимъ въ свою спеціальность и отъ времени до времени выпускавшимъ въ свѣтъ толстыя книжки своихъ сочиненій, которыя всегда возбуждали въ ученомъ мірѣ оживленную полемику, столько же удивляя громадной эрудиціей и блестящимъ остроуміемъ гипотезъ, сколько поражая шаткостью основныхъ положеній и предвзятостью мнѣній.

Но для гостей Марьи Дмитріевны мужъ ея былъ чѣмъ-то вродѣ тѣни предка въ какомъ-нибудь рыцарскомъ замкѣ. На

самомъ видномъ мѣстѣ въ большой гостиной висѣлъ прекрасный портретъ профессора, а въ альбомахъ, на этажеркахъ и на столикахъ то-и-дѣло попадались на глаза его карточки, цѣлая коллекція фотографій, собранныхъ съ самаго дѣтства и до послѣднихъ дней; а когда Марья Дмитріевна произносила слова: „мой мужъ“, ея доброе, скромное и простодушное лицо вдругъ исполнялось чувствомъ собственнаго достоинства, она какъ-то совершенно невольно вскидывала кверху голову, и собесѣднику ея, не имѣвшему счастья быть знакомымъ съ этимъ мужемъ, становилось совершенно ясно, что этотъ таинственный хозяинъ — личность необыкновенная, — по крайней мѣрѣ, въ глазахъ своей жены.

Предоставивъ Марьѣ Дмитріевнѣ полную свободу дѣйствій, мужъ ея выговорилъ себѣ право никогда не появляться въ ея гостиной, когда тамъ были гости, и для Марьи Дмитріевны не было тайной, что всѣхъ артистовъ по профессіи онъ считалъ людьми пустыми, тщеславными и совершенно лишенными этическаго развитія.

Не соглашаясь съ нимъ и только въ этомъ единственномъ пунктѣ позволяя себѣ усомниться въ его авторитетности, Марья Дмитріевна вела себѣ свою линію, и ея пятницы годъ отъ году становились все оживленнѣе и многолюднѣе.

Въ послѣдніе годы она уже почти не принимала участія въ ансамбляхъ и больше хлопотала въ столовой съ чаемъ, а потомъ слѣдила за приготовленіями къ ужину, не отличавшемуся изысканностью блюдъ, но всегда обильному и вкусному. Только покончивъ съ хозяйственными хлопотами, она выходила къ гостямъ, и ни одинъ не уходилъ изъ ея дома, не обласканный добрымъ, участливымъ словомъ.

Пользуясь своими знакомствами, Марья Дмитріевна охотно составляла протекцію начинающимъ пѣвцамъ, музыкантамъ и художникамъ, и часто, получивъ мѣсто гдѣ-нибудь въ провинціи или уѣхавъ для усовершенствованья за границу, они возвращались черезъ нѣсколько лѣтъ въ Петербургъ уже крупными людьми и съ чувствомъ благодарности снова появлялись въ гостепріимномъ домѣ Марьи Дмитріевны.

Всякій находилъ у нея то, что ему было болѣе по вкусу.

Кто хотѣлъ быть только молчаливымъ наблюдателемъ, — присаживался къ одному изъ столовъ, заваленному журналами, русскими и иностранными, художественными альбомами и гравюрами; кто искалъ интимнаго разговора, — уединялся въ одинъ изъ уютныхъ уголковъ, заставленныхъ жардиньерками или кад-

ками съ громадными комнатными растеніями; наконецъ тѣ, которые желали принять участіе въ пѣніи, игрѣ, декламаціи или просто разговорѣ,—присоединялись къ центральной группѣ и размѣщались на диванахъ и диванчикахъ около рояля.

Въ пятницу гости собирались къ Марьѣ Дмитріевнѣ безъ всякаго приглашенія, но сегодня хозяйка устраивала ужинъ только для участвовавшихъ въ концертѣ или такъ или иначе причастныхъ къ нему, и потому число ихъ было ограничено.

Войдя въ гостиную, Милочка прежде всего увидѣла Рокотову, небрежно развалившуюся въ креслѣ; закинувъ ногу на ногу, она выставляла на показъ маленькія, точеныя, изящныя ножки въ голубыхъ атласныхъ туфелькахъ. Около нея на тумбочкѣ сидѣлъ художникъ и, покачиваясь корпусомъ впередъ и назадъ, разсказывалъ ей что-то тягучимъ и фатоватымъ тономъ, небрежно роняя слова.

— Хотите—па-а-ри, что при-детъ!—долетѣла до нея громко сказанная фраза.

Она невольно оглянулась: художникъ и Рокотова съ улыбкой смотрѣли на нее. Милочка покраснѣла и отвернулась, инстинктивно понявъ, что рѣчь шла о ней.

— Ну, моя дорогая, я пройду въ столовую,—сказала Марья Дмитріевна, подведя ее къ центральной группѣ у рояля, гдѣ дѣвушку сейчасъ же подхватила экспансивная арфистка и усадила около себя на диванѣ.

Убѣдившись, что всѣ гости пристроены и временно не нуждаются въ ея присутствіи, Марья Дмитріевна прошла черезъ столовую въ другую половину квартиры, совершенно отдѣленную отъ первой широкимъ и длиннымъ корридоромъ: здѣсь были комнаты хозяина дома. Дверь налѣво вела въ огромную, мрачную комнату, всю заставленную высокими, чуть не до потолка, полками съ книгами въ одинаковыхъ темныхъ переплетахъ. Здѣсь не было никакой мебели, кромѣ высокой лѣстницы для доставанья книгъ съ верхнихъ полокъ. Дверь направо вела въ кабинетъ профессора.

Остановившись у этой двери, Марья Дмитріевна осторожно постучалась въ нее.

— Можно къ тебѣ?

— Пожалуйста, пожалуйста! — отозвался изъ глубины комнаты негромкій мужской голосъ.

Марья Дмитріевна открыла дверь и вошла въ комнату.

За большимъ письменнымъ столомъ, въ глубокомъ, удобномъ креслѣ, сидѣлъ мужчина лѣтъ сорока-пяти. Голова его была откинута на спинку кресла, и свѣтъ отъ лампы ярко освѣщалъ его высокій, бѣлый, нѣжный лобъ съ откинутыми назадъ темно-русыми съ просѣдью волосами. Большіе глаза, полные внутренняго огня, крупный носъ и ротъ придавали его лицу опредѣленность и выразительность.

Марья Дмитріевна, неслышно ступая по мягкому ковру, подошла къ мужу и, наклонившись, поцѣловала его въ лобъ.

— Все работаешь? — спросила она, и въ голосѣ ея зазвенѣла почти материнская нѣжность.

— Нѣтъ, сейчасъ отдыхалъ... Усталъ какъ-то сегодня. Сядь, Маша, я соскучился безъ тебя.

— Голубчикъ, не могу! — испуганно и виновато отвѣчала Марья Дмитріевна: — сегодня у меня ужинъ, я вѣдь тебѣ говорила... Въ концертѣ всѣ пѣли даромъ, сборъ полный, — надо было непремѣнно устроить ужинъ для артистовъ.

— Да, да, я забылъ... — отвѣчалъ мужъ, и чуткое ухо Марьи Дмитріевны уловило въ тонѣ его голоса легкую досаду и разочарованіе.

Онъ провелъ по лицу тонкой, красивой рукой, словно стряхивая съ себя усталость и тоску, и тихо выговорилъ:

— Ну, иди-себѣ, Маша! Я вижу, ты торопишься.

Марья Дмитріевна очень любила, когда у нея собирались гости, но сегодня она съ самаго утра была въ волненіи и хлопотахъ, — а здѣсь было такъ тихо и уютно! Въ глубинѣ комнаты стоялъ хорошенькій диванчикъ, столъ и нѣсколько удобныхъ креселъ. Это былъ ея собственный уголокъ, гдѣ она проводила все свободное время, и мужъ, очевидно, поджидая ее, зажегъ стоявшую на столѣ лампу. Онъ не разъ говорилъ ей, что ея присутствіе даетъ ему особенную ясность мысли, и, несмотря на то, что она была полнымъ профаномъ въ его наукѣ, онъ неизмѣнно посвящалъ ее во всѣ планы своихъ будущихъ работъ, прочитывалъ написанныя главы, и, что̀ всего удивительнѣе, она иногда дѣлала очень остроумныя замѣчанія.

Марья Дмитріевна дорого дала бы, чтобъ провести сегодняшній вечеръ съ мужемъ, но это было невозможно, и она отвѣчала ему съ искреннимъ огорченіемъ:

— Милый мой, мнѣ такъ жаль отъ тебя уходить! Я сама отъ усталости еле держусь на ногахъ, но что̀ же дѣлать? Зато мѣсяца на три можно быть спокойной за участь нашихъ сиротокъ, а тамъ опять что̀ Богъ дастъ!

Она говорила о прiютѣ для нищенокъ-дѣвочекъ, который она, съ помощью еще одной знакомой дамы, открыла всего нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ и въ пользу котораго устраивала свой концертъ.

Онъ взглянулъ ей въ лицо и, взявъ ея руку, нѣсколько разъ поцѣловалъ ее.

Для него не существовала ея наружность. Проживъ съ ней почти двадцать лѣтъ, онъ не зналъ достовѣрно, какого цвѣта у нея глаза и волосы, красива она или некрасива; онъ никогда не замѣчалъ, какъ она одѣта, но, глядя въ ея глаза, видѣлъ просвѣчивавшую сквозь нихъ душу. И когда онъ уставалъ отъ своихъ ученыхъ занятiй, когда на него находили сомнѣнья въ цѣлесообразности и необходимости всего того, на что онъ положилъ всю свою жизнь, онъ любилъ слушать ея голосъ, говорившiй ему о самыхъ простыхъ, обыденныхъ вещахъ и открывавшiй въ его душѣ доступъ простымъ и несложнымъ чувствамъ. Близость этого дорогого ему и любящаго его существа, жившаго бокъ о бокъ съ нимъ своей особенной, совершенно непохожей на его дѣятельность жизнью, вносила гармонiю въ его черезчуръ удаленную отъ всякой житейской суеты, черезчуръ отвлеченную жизнь.

— Ну, что же, удался концертъ? — спросилъ онъ, желая выказать вниманье къ женѣ.

— Чудно все сошло!—съ увлеченьемъ отвѣчала она:—биссировали всѣ безъ конца.

— И всѣ прiѣхали?—еще спросилъ онъ.

— Да, всѣ... Можетъ быть, ты выйдешь? Сегодня совсѣмъ мало народу...—съ робкой надеждой въ голосѣ прибавила Марья Дмитрiевна.—И Милочка Ларiонова прiѣхала. Помнишь, я тебѣ про нее разсказывала? Мы когда-то учились пѣнью вмѣстѣ съ ея матерью. Я ее страшно любила, бѣдняжку, а вотъ теперь случай свелъ меня съ дочерью... Но какъ она похожа на мать, это просто удивительно! И голосъ! Но только у матери былъ гораздо сильнѣе,—а тембръ тотъ же. И такая прелестная, миленькая, воспитанная...

Марья Дмитрiевна хотѣла еще что-то прибавить, но только вздохнула: у нея никогда не было дѣтей, и всякая молоденькая дѣвушка, которая ей нравилась, пробуждала въ ней чувство материнской нѣжности и сожалѣнья о томъ, что у нея нѣтъ такой дочери.

Нервнымъ жестомъ онъ опять провелъ рукой по лицу.

Нѣтъ, положительно, это—переутомленье.

Сегодня каждое слово жены вызывало въ немъ какое-то необъяснимое раздраженіе... Именно сегодня она была ему такъ нужна! Онъ больше не могъ работать одинъ въ своемъ уединенномъ кабинетѣ. Вокругъ себя и особенно отчетливо за спиной онъ ощущалъ чье-то физическое присутствіе, чей-то внятный, насмѣшливый голосъ шепталъ ему въ уши; ему было стыдно своей слабости, но преодолѣть ея онъ не могъ, и только присутствіе жены могло бы разсѣять призраки и успокоить расходившіеся нервы. Въ такіе дни хандры и утомленья онъ иногда выходилъ въ гостиную, садился въ укромный уголокъ и слушалъ. Въ такіе дни онъ понималъ музыку и любилъ ее, и когда гости шумной гурьбой шли въ столовую, онъ незамѣтно удалялся къ себѣ, спокойный и умиротворенный.

Марья Дмитріевна понимала состоянье мужа и, положивъ ему на голову маленькую теплую руку, сказала ласково, просительно глядя ему въ глаза:

— Николя, голубчикъ, выйди туда!

Но онъ тихонько отстранилъ эту руку, и съ неожиданной для себя рѣзкостью выговорилъ:

— Ты такъ ее хвалишь, такъ восторгаешься... Зачѣмъ же ты сводишь ее съ этой бандой шутовъ и шалопаевъ? Развѣ нѣтъ для нея другого общества, болѣе подходящаго?

Марья Дмитріевна, ошеломленная этимъ тономъ, не сразу даже поняла, о комъ идетъ рѣчь, и во всѣ глаза смотрѣла на мужа, но потомъ всплеснула руками и горестно воскликнула:

— Я свожу? Банда шалопаевъ? Побойся Бога, Николя, что̀ ты говоришь? Вѣдь она готовится на сцену, ей нужны эти знакомства,—повѣрь, что она мнѣ только благодарна!

Онъ сейчасъ же устыдился своей грубости. Можетъ быть, жена права. Что̀ онъ понимаетъ въ житейскихъ отношеніяхъ, онъ—ученый, зарывшійся въ свои книги и загородившій себя ими отъ всего внѣшняго міра?!

Не глядя на нее, онъ сказалъ:

— Прости, Маша, я усталъ... Не обращай вниманья на мои слова. Иди себѣ, голубушка.

Она, все еще сохраняя горькое чувство обиды и непониманья, нагнулась, машинально дотронулась губами до его лба и молча вышла изъ комнаты.

Пройдя въ столовую, Марья Дмитріевна опытнымъ взглядомъ хозяйки окинула большой, изящно сервированный столъ, вздохнула, взглянула въ зеркало на свое усталое, раскраснѣвшееся

и печальное лицо и, позвонивъ дѣвушку, велѣла сказать повару, что сейчасъ будутъ садиться ужинать.

Потомъ она прошла въ гостиную и съ привѣтливой, радушной улыбкой стала приглашать своихъ гостей.

Милочка взяла подъ-руку сидѣвшую рядомъ съ ней Славскую и, заглядывая ей въ глаза, сказала ей:

— Пожалуйста, сядемъ вмѣстѣ.

— Отлично, сядемъ, — отвѣчала Славская; но когда онѣ встали съ дивана и пошли подъ-руку въ столовую, она нагнулась къ ней поближе и, пристально глядя ей въ лицо, сказала съ лукавой улыбкой:

— А развѣ вы не боитесь соскучиться въ моемъ обществѣ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—отвѣчала Милочка, крѣпче прижимая къ себѣ ея руку:—безъ васъ я бы чувствовала себя здѣсь совершенно одинокой; я чувствую, что вы меня понимаете, а съ другими мнѣ неловко,—я не знаю, что говорить, какъ держаться.

Славская ничего не отвѣчала на это признаніе, но въ ея умныхъ, внимательныхъ глазахъ засвѣтилась искренняя симпатія и еще какое-то другое чувство, похожее на сожалѣніе...

— Нѣтъ, нѣтъ, mesdames, такъ нельзя! — запротестовала Марья Дмитріевна, увидѣвъ ихъ рядомъ за столомъ. — Пусть дамы сидятъ между кавалерами, а то это совсѣмъ не порядокъ.

И Милочка очутилась между Петровымъ и художникомъ.

Оглянувъ сидѣвшихъ за столомъ, она увидѣла напротивъ себя Кадмина рядомъ съ Рокотовой. Подлѣ Марьи Дмитріевны сидѣлъ актеръ-комикъ, а на противоположномъ концѣ стола раскраснѣвшаяся, миловидная арфистка изо всѣхъ силъ старалась расшевелить своего молчаливаго сосѣда, Ковалевскаго.

Мужчины принялись за закуску и водку; не отставали отъ нихъ и дамы,—Рокотовъ и арфистка выпили, не поморщившись, по двѣ рюмки, и даже Славская не отказалась отъ одной; не пила только Милочка.

— Ничего, научитесь со временемъ,—утѣшалъ ее Петровъ,— безъ этого нашему брату-артисту невозможно: послѣ затраты силъ нужна встряска. Только, конечно, всякому голосу своя мѣра. Сопрано и тенора должны поберечься,—это ужъ понятно...

Онъ выпилъ четвертую рюмку и, несмотря на протесты своей дамы, налилъ ей въ стаканчикъ бѣлаго вина и наложилъ на тарелочку икры.

Угощая ее, онъ не переставалъ спрашивать ее, давно ли

она учится, какія оперы прошла, думаетъ ли о сценѣ, и въ какой партіи хотѣла бы дебютировать.

— Слушайте, барышня, — вдругъ сказалъ онъ серьезно:— судя по всему, я вижу, что вы совершенно готовы; теперь вамъ у Себастьяни нечего дѣлать; высшая школа—это сцена. Идите въ мою труппу, и я изъ васъ сдѣлаю законченную артистку...

Милочка съ удивленіемъ подняла на него глаза.

— Что вы такъ смотрите? Думаете—шучу? Ей Богу же, говорю серьезно. Вотъ, весной пріѣду набирать труппу, тогда и заключимъ контрактъ... Вотъ и Кадминъ обѣщалъ мнѣ.

— Какъ? Что такое? Кадминъ? — вдругъ вмѣшалась Рокотова, все время внимательно прислушивавшаяся къ разговору.

Всѣ обернулись, съ любопытствомъ ожидая, что отвѣтитъ Кадминъ, и стараясь понять, о чемъ шла рѣчь.

Кадминъ съ спокойной улыбкой оглянулъ столъ и отвѣчалъ весело:

— Э... надоѣлъ мнѣ вашъ Петербургъ! Изъ катарровъ не выхожу... Теперь ужъ дѣло подъ старость, надо беречь голосъ, того и гляди — сорвешься и останешься ни съ чѣмъ. А тамъ климатъ благодатный, съ горломъ никакихъ хлопотъ.

Всѣ разомъ заговорили, убѣждая, опровергая и доказывая.

Кадминъ только посмѣивался.

— Да что вы, господа, пристали?—говорилъ онъ.—Еще до весны далеко, двадцать разъ передумаю.

— Нѣтъ, братъ, шалишь!—остановилъ его Петровъ:—я ужъ такого бобра не выпущу,—давши слово—держись,—ты мнѣ на цѣлый годъ полный сборъ сдѣлаешь.

— Нашелъ, съ кѣмъ связываться!—неожиданно вмѣшался актеръ-комикъ, до сихъ поръ серьезно о чемъ-то бесѣдовавшій съ своей сосѣдкой, Марьей Дмитріевной.—Да онъ не то что до весны, а до завтрашняго дня двадцать разъ передумаетъ. Да на кого же онъ здѣсь своихъ поклонницъ оставитъ? За нимъ что-ли онѣ побѣгутъ? Не выпустятъ, да и все... Нѣтъ, господа, вы его спросите, отчего онъ въ прошлый разъ простудился?—вдругъ, лукаво подмигнувъ Кадмину, прибавилъ онъ и закончилъ съ самой серьезной и негодующей миной:

— У него поклонницы старыя калоши на память украли!

Лицо его и голосъ дышали такой убѣдительностью и вѣрою въ то, что онъ говорилъ, что невозможно было удержаться отъ смѣха.

— Ну, вотъ! не вѣрите, спросите его,—самъ мнѣ разсказывалъ...

Кадминъ весело смѣялся, покачивая головой, но не противорѣча.

„— Прихожу, говоритъ, одѣваться,—открытымъ, вкрадчивымъ, пѣвучимъ звукомъ разсказывалъ актеръ,—ищу, ищу—нѣтъ моихъ калошъ! Что за оказія!—Матвѣй, говорю, ты что-ли ихъ спряталъ?

„— Никакъ нѣтъ, ваше-скородіе; барышни ихъ узяли, должно на память.

„— Что ты, говоритъ, чортъ, брешешь? Какія барышни? Надѣли онѣ ихъ что-ли?

„— Никакъ нѣтъ, говоритъ, не надѣли, а какъ онѣ были маненечко разорвамши, такъ онѣ ихъ по кусочкамъ розняли и по карманамъ попихали, пяточки только оставили,—вотъ, говоритъ, въ уголкѣ стоятъ,—а вамъ, говоритъ, новенькія калошки прислали"...

Онъ помолчалъ съ секунду, сохраняя среди общаго смѣха свой невозмутимо-серьёзный видъ, и затѣмъ продолжалъ:

— Да бѣда-то вотъ какая... Барышни калоши-то разорвали, а мѣрку-то позабыли снять. У божественнаго, думаютъ, и ножка божественная,—а у него лапочки-то благодатныя!

— Ну, и что-жъ?—сквозь смѣхъ спросила Марья Дмитріевна.

— Да на носокъ взошла, а дальше-то не полѣзла,—съ искреннимъ сокрушеніемъ отвѣчалъ актеръ и добавилъ съ широчайшей улыбкой:

— Теперь у него на каминѣ красуются,—самъ видѣлъ.

Кадминъ пересталъ смѣяться и взглянулъ на сидѣвшую противъ него Милочку.

Весь этотъ анекдотъ былъ разсказанъ съ такимъ неподражаемымъ комизмомъ и въ то же время такъ правдоподобно, что невольно мелькала мысль:

„А кто знаетъ? Можетъ быть, это и правда?"

И такъ забавно и живо представлялся Кадминъ, тщетно пытавшійся влѣзть въ презентованныя ему калоши, что дѣвушка отъ души смѣялась.

— Да ты спрашивалъ Матвѣя, кто такія?—вдругъ обратился актеръ къ Кадмину.

— Спрашивалъ!—отвѣчалъ тотъ, безнадежно махнувъ рукою.—Много отъ него узнаешь!—„Одна, говоритъ, усастая, а другая—нóсастая!"

Это неожиданное добавленіе вызвало новый припадокъ смѣха, и когда онъ стихъ, Петровъ снова обратился къ своей сосѣдкѣ:

— А вы, милая барышня, подумайте, подумайте о моемъ предложеніи. Я бы пріѣхалъ къ вамъ, мы выбрали бы оперы и вы бы ихъ хорошенько подготовили пока.

— Да я была бы страшно рада,—вырвалось у Милочки,— я вѣдь сама объ этомъ мечтала, но... отецъ ни за что меня не отпуститъ одну.

— Вотъ тебѣ и разъ!—насмѣшливо протянулъ Петровъ.— Что же вы всю жизнь дома просидите? Стоило тогда и учиться!

Съ другой стороны художникъ говорилъ ей подъ шумъ общаго разговора:

— У меня къ вамъ просьба, огромная просьба... Обѣщайте, что вы ее исполните: для васъ это не составитъ никакого труда, а для меня страшно важно.

— Ну, въ чемъ же дѣло?—равнодушно спросила дѣвушка, разглядывая его красивое, тонкое лицо съ томнымъ взглядомъ и пухлымъ яркимъ ртомъ подъ бѣлокурыми усиками.

— Видите ли, я слышалъ васъ въ томъ концертѣ, гдѣ вы пѣли „Миньону",—помните это?—„Connais-tu le pays?" —Вы были тогда въ голосѣ, въ ударѣ и пѣли прелестно. И знаете, я былъ пораженъ, до чего вы своимъ пѣніемъ и своей наружностью олицетворяли образъ „Миньоны",—это прямо изумительно. И вотъ съ тѣхъ поръ меня преслѣдуетъ мысль написать съ васъ „Миньону": еслибы вы только согласились!

Милочка вспыхнула. Ей льстила мысль быть моделью для картины такого крупнаго и талантливаго художника, но съ другой стороны—имѣть съ нимъ дѣло! Нѣтъ, есть въ немъ что-то противное и отталкивающее...

Художникъ пристально смотрѣлъ на нее.

— Видите ли, я потому такъ смѣло обращаюсь къ вамъ, что вы—не обыкновенная накрахмаленная барышня, которая больше всего боится, какъ бы не измяли ея платьица. Вы—совсѣмъ другое дѣло, вы—будущая артистка, и васъ не стѣснитъ придти одной въ квартиру художника. Что же тутъ такого? Не правда ли?

— Почему же одной?—спросила Милочка:—а съ сестрой нельзя?

— Нѣтъ, это—первое условіе... Я человѣкъ нервный, я не переношу посторонняго зрителя во время своей работы.

Это было правдоподобно, но что-то такое въ глазахъ и въ тонѣ голоса художника заставило дѣвушку насторожиться, и вдругъ въ ушахъ ея отчетливо прозвучала нечаянно подслушанная фраза:—Хотите пари, что придетъ?

„А! вотъ какъ! Пари. Нѣтъ, благодарю покорно!“

Въ ней вспыхнули гнѣвъ и гордость, но она пересилила себя и сказала спокойно, съ улыбкой:

— Благодарю васъ... Это очень лестно для меня, но я, къ сожалѣнію, самая обыкновенная барышня и боюсь, что отцу это не понравится.

— Ну, вотъ пустяки!—горячо возразилъ художникъ.—А вы его убѣдите... Увѣряю васъ, что ко мнѣ пріѣзжаютъ совершенно однѣ—барышни изъ лучшихъ семей, съ которыхъ я пишу портреты. Это вполнѣ принято.

— Можетъ быть,—отвѣчала Милочка,—но у моего отца свои понятія о приличіи; я не всегда съ нимъ согласна, но пока я живу у него,—приходится съ нимъ считаться. А разубѣдить его—поздно...

— Очень жаль,—насмѣшливо и сухо возразилъ художникъ:—я думалъ, что вы смѣлѣе, самостоятельнѣе. Артистка должна стоять выше предразсудковъ и вычеркнуть изъ своего календаря рецепты обиходной морали. Только при полной свободѣ мысли и чувства возможно полное и гармоническое развитіе индивидуальности.

— Именно, именно!—вдругъ подхватилъ Петровъ, торопливо утирая салфеткой жирныя губы и всѣмъ своимъ грузнымъ тѣломъ поворачиваясь къ дѣвушкѣ.

— Свобода и служеніе красотѣ,—вотъ наши главные принципы! Искусство, барышня, то же, что жена для мужа... Помните, что сказано? да оставитъ человѣкъ отца и мать... А вы вонъ говорите: „отецъ не позволитъ“. А своя-то воля? Каждый пусть себѣ идетъ своей дорогой и не мѣшаетъ другому! За ваше здоровье, барышня, и за нашу будущую дружбу!

Милочка подняла рюмку, чокаясь съ нимъ, и въ первый разъ разглядѣла его лицо. Онъ уже порядочно выпилъ, и въ глазахъ его поблескивали какіе-то непріятные огоньки. Черты были довольно правильны, пожалуй, даже красивы, но ихъ портило выраженіе хитроватости, чего-то такого „очень ужъ себѣ на умѣ“, внушавшаго недовѣріе даже такой неопытной наблюдательницѣ, какъ Милочка.

„И это лучшій другъ Кадмина!“—невольно подумала дѣвушка и, отвернувшись отъ Петрова, взглянула черезъ столъ на своего vis-à-vis.

Кадминъ пристально смотрѣлъ на нее блестящими темными глазами.

Онъ почти ничего не ѣлъ и едва притрогивался къ стояв-

шимъ передъ нимъ рюмкамъ съ виномъ, ссылаясь на свою недавнюю болѣзнь, послѣ которой онъ все еще не могъ оправиться. И дѣйствительно, онъ казался блѣднымъ и утомленнымъ, и только глаза его, встрѣчаясь съ взглядомъ сидѣвшей противъ него дѣвушки, загорались глубокой, безпредѣльною нѣжностью.

И сладостно замирало довѣрчивое сердце, все шире и шире раскрываясь навстрѣчу новому ликующему чувству.

Цѣлый новый міръ открывался впереди: то, о чемъ она смутно мечтала въ тишинѣ своей дѣвичьей комнатки, чего безсознательно ждала, и то, къ чему сознательно, упорно стремилась, — явилось передъ нею точно по мановенію волшебнаго жезла: любовь и открытая дорога къ сценѣ, можетъ быть—къ славѣ...

За столомъ становилось все шумнѣе.

Актеръ-комикъ разошелся и сыпалъ анекдотами и сценками, отъ которыхъ въ столовой стоялъ непрерывный стонъ смѣха. Не отставалъ отъ него и Петровъ, изображавшій въ лицахъ различные комическіе случаи изъ театральной жизни.

— Довольно, бросьте, ой, не могу больше!—говорила Рокотова, усиленно обмахивая вѣеромъ свое разгоряченное лицо.— Ей-Богу, челюсти заболѣли отъ смѣху!

— Тостъ, господа, слышите, тссс... тостъ!—суетливо кричала арфистка, стараясь обратить общее вниманіе на художника, который стоялъ съ бокаломъ въ рукѣ, собираясь произнести рѣчь.

Всѣ примолкли и съ ожиданіемъ обернулись къ оратору.

Но художникъ вдругъ разсмѣялся и выговорилъ, обращаясь къ хозяйкѣ:

— Марья Дмитріевна, въ сердцѣ своемъ сложилъ вамъ длинную и прочувствованную рѣчь, но, смущенный общимъ вниманіемъ, забылъ всѣ слова и хочу сказать только одно: выпьемте, господа, за здоровье нашей дорогой хозяюшки, истинной артистки и цѣнительницы всего прекраснаго, душа которой, подобно Эоловой арфѣ, движимой легчайшимъ движеніемъ вѣтра, отзывается нѣжнымъ звукомъ любви и жалости на едва уловимый стонъ страданья и печали...

— Браво!—одобрительно сказалъ баритонъ казенной оперы и, подражая публикѣ первыхъ рядовъ, сдѣлалъ видъ, что хлопаетъ въ ладоши. Другіе подхватили и зааплодировали громко, и, съ шумомъ отодвигая стулья, потянулись съ бокалами къ Марьѣ Дмитріевнѣ.

Растроганная рѣчью, Марья Дмитріевна торопливо чокалась

направо и налѣво, вся сіяя улыбкой и успѣвая каждому прибавить какое-нибудь пожеланіе.

Когда всѣ снова усѣлись на свои мѣста, она встала и сказала своимъ звучнымъ, задушевнымъ контральто:

— Благодарю васъ всѣхъ, господа, за отзывчивость и сочувствіе къ моей затѣѣ. Безъ вашей помощи все мое доброе желаніе ни къ чему бы не привело. Еще разъ благодарю и пью за здоровье всѣхъ моихъ дорогихъ гостей.

Опять съ шумомъ отодвинулись стулья. Мужчины, съ бокалами въ рукахъ, обходили столъ, чокаясь съ дамами.

„Какая добрая Марья Дмитріевна,— думала Милочка,— и какіе всѣ добрые, хорошіе и участливые! Вотъ всѣ пѣли даромъ для этихъ сиротокъ, а вѣдь они всѣ заняты, всѣ устаютъ".

Кадминъ, подойдя съ бокаломъ къ Милочкѣ, шепнулъ ей:

— Устройте такъ, чтобы я проводилъ васъ домой, пожалуйста!

Въ первый разъ Милочка вспомнила о Ковалевскомъ и взглянула въ его сторону.

Барышня-арфистка усиленно занимала его, и онъ, видимо, старался быть любезнымъ, но какъ только она отворачивалась къ другому сосѣду, улыбка сбѣгала съ его лица, и ясно читались на немъ томленіе и скука.

„Бѣдняга!—съ невольнымъ сожалѣніемъ подумала дѣвушка,— вѣдь это онъ изъ-за меня сюда пріѣхалъ; онъ говорилъ мнѣ, что терпѣть не можетъ артистическихъ собраній своей тетки, а Марья Дмитріевна сказала папѣ, что онъ меня проводитъ"...

— Нѣтъ, не могу,—рѣшительно отвѣчала она:—мнѣ неловко передъ Марьей Дмитріевной, да и передъ нимъ...

— Пустяки какіе!—досадливо сказалъ Кадминъ.—Что онъ женихъ, что-ли, вашъ?

Милочка разсмѣялась.

Ужъ во второй разъ онъ задавалъ ей этотъ вопросъ и пытливо вглядывался въ нее, тревожно ожидая отвѣта.

— Я ужъ вамъ говорила,—начала она, испытывая острое желаніе немножко подразнить его:—нашъ хорошій знакомый и мой большой другъ!

— Этого вы мнѣ не говорили,—рѣзко сказалъ онъ, болѣзненно сдвигая брови;—но что онъ влюбленъ въ васъ, за это я ручаюсь!—и, обойдя Петрова, подошелъ чокнуться со Славской.

Милочка еще разъ съ улыбкой поглядѣла на Ковалевскаго: „влюбленъ въ нее, какой вздоръ!" Вотъ ужъ годъ, какъ они знакомы, могла бы она что-нибудь замѣтить... Да онъ все больше съ Варей разговариваетъ, оба такіе серьезные, такъ подходятъ

другъ къ другу! Но она все же была довольна, что Кадминъ такъ ревниво оберегаетъ ее...

Ужинъ шелъ своимъ порядкомъ.

Уже подали двѣ огромныхъ пирамиды мороженаго, уже было произнесено множество тостовъ, и стаканчики усердно наполнялись виномъ...

Рѣчи становились все болѣе развязными, шутки и анекдоты— все болѣе откровенными.

Милочка начинала уже чувствовать неловкость, не зная, какъ держать себя среди взрывовъ дружнаго хохота по поводу какой-нибудь рискованной остроты. Но Кадминъ, чутьемъ угадывая ея состояніе, не только самъ не принималъ участія въ нескромныхъ разговорахъ, но все время, въ критическихъ мѣстахъ, поглядывалъ на дѣвушку дружески-ласковымъ взглядомъ, какъ бы уговаривая ее не смущаться и не придавать значенія такимъ пустякамъ...

Неловко чувствовалъ себя и Ковалевскій, все время нервно щипавшій усики и такъ разсѣянно отвѣчавшій своей сосѣдкѣ, что она наконецъ потеряла терпѣніе и, повернувшись къ нему спиной, обратила все свое вниманіе на сосѣда съ правой стороны.

Одна Славская сумѣла сохранить свой спокойный и невозмутимый видъ. Она мало говорила, но слушала внимательно, сдержанно смѣялась или посматривала вокругъ себя умнымъ, наблюдательнымъ взглядомъ. Видно было, что ей не по душѣ эта шумная, крикливая, черезчуръ развязная компанія, но она, какъ и Марья Дмитріевна, умѣла смотрѣть вглубь вещей, отдѣляя существенное и важное отъ мелкаго и наноснаго, а не предъявляя излишне строгихъ требованій.

Ужинъ тянулся долго, и отъ непривычнаго возбужденія и выпитаго бокала шампанскаго Милочка почувствовала головокруженіе и рѣзкую боль въ сердцѣ.

Когда послѣ ужина гости потянулись благодарить хозяйку, Марья Дмитріевна, взглянувъ на Милочку, испугалась ея блѣдности и, едва дождавшись конца церемоніи, ласково обняла дѣвушку за талію и повела за собою.

— Вамъ нужно прилечь, моя милочка,—заботливо сказала она,—я вижу, что вамъ дурно. Вы разстегните лифъ и полежите, пока не почувствуете себя лучше, а такъ я васъ боюсь отпустить.

Онѣ прошли черезъ гостиную въ небольшую смежную комнату, служившую Марьѣ Дмитріевнѣ будуаромъ и спальней и для этой цѣли раздѣленную тяжелой штофной портьерой на двѣ

половины. Маленькій голубой фонарикъ заливалъ мягкимъ, красивымъ свѣтомъ низенькую удобную мебель; пушистый коверъ и тажелыя бархатныя портьеры заглушали долетавшіе звуки, и въ маленькой комнаткѣ-бонбоньеркѣ было уютно и странно тихо послѣ шума въ столовой.

Слегка отодвинувъ поперечную портьеру, Марья Дмитріевна подвела дѣвушку къ стоявшей въ глубинѣ, у стѣны, широкой кровати изъ темнаго дерева съ высоко-взбитыми подушками, устроила ихъ поудобнѣе и помогла ей прилечь.

— Какая вы нѣжненькая, какая хрупонькая, совсѣмъ цвѣточекъ!—съ умиленіемъ и нѣжностью говорила она, любуясь дѣвушкой и въ то же время искренно жалѣя ее.—А еще хотите идти на сцену... Гдѣ же вамъ, такой нервной, слабенькой...

— Это ничего, пройдетъ,—у меня довольно силъ,—поблѣднѣвшими губами, съ усиліемъ выговорила Милочка.

Марья Дмитріевна уже тревожно присматривалась къ ней.

— Всегда вы такъ устаете послѣ концертовъ?—спросила она.

— Нѣтъ, такъ—никогда... Сегодня было особенно много волненій,—призналась дѣвушка.

Марья Дмитріевна, сдвинувъ брови, старалась поймать мысль, все время угнетавшую ее, и, вдругъ поймавъ ее, торопливо сказала:

— Да, вотъ что, моя дорогая: вы, пожалуйста, домой поѣзжайте съ Валей, онъ—хорошій мальчикъ, я его знаю и люблю, да и папѣ вашему я такъ сказала; а этотъ Кадминъ...

Она вдругъ остановилась. Потемнѣвшіе, большіе глаза съ тревогой и ожиданіемъ смотрѣли на нее.

— Этотъ Кадминъ,—твердо прибавила Марья Дмитріевна, прямо смотря въ широко-раскрытые, вопрошающіе глаза дѣвушки,—извѣстенъ своими похожденіями; каждый годъ у него новый романъ. Жена у него была чудная женщина и сама пѣвица, любила его до безумія и долго терпѣла, но наконецъ не вытерпѣла и ушла. Онъ далъ ей разводъ, теперь она замужемъ за инженеромъ, а онъ какъ будто угомонился, но все-таки, дѣточка, будьте съ нимъ осторожнѣе.

Тономъ и улыбкой смягчая нравоученіе, Марья Дмитріевна нагнулась, нѣжно поцѣловала дѣвушку и, посовѣтовавъ ей лежать смирно, скрылась за портьерой. Но у дверей она остановилась и прибавила:

— Если захотите уѣхать, не прощаясь, то позвоните три раза,—я предупрежу Глашу,—я приду къ вамъ и вызову Валю.

Тихо было въ маленькой комнаткѣ, за спущенными тяжелыми портьерами.

Въ голубомъ фонарикѣ чуть-чуть потрескивало электричество, и глухо доносились голоса и смѣхъ гостей.

Утонувъ головой въ подушкахъ, скрестивъ на груди худенькія обнаженныя руки, съ закрытыми глазами, неподвижно лежала Милочка.

Голова у нея кружилась, и ей казалось, что тяжелая кровать медленно и плавно поднимается и опускается вмѣстѣ съ ней, а въ сердце впиваются маленькія острыя иголочки и мѣшаютъ вздохнуть свободно,—это ощущеніе она испытывала всякій разъ послѣ сильнаго волненія или усталости. А мозгъ страшно возбужденъ и лихорадочно работаетъ...

„Зачѣмъ? Зачѣмъ она это сказала?—мучительно допытывается дѣвушка.—Я не вѣрю, не вѣрю ей. Никто его не знаетъ такъ, какъ я. Глаза не лгутъ, онъ—искренній, хорошій человѣкъ. Что мнѣ до прошлаго? Я вѣдь сама видѣла, какъ онъ велъ себя у Себастьяни. А сегодня? Развѣ онъ похожъ на другихъ? Жена... Кто знаетъ, онъ ли виноватъ? Все это сплетни, сплетни. И зачѣмъ Марья Дмитріевна имъ вѣритъ... И зачѣмъ говоритъ мнѣ?“

Въ первый разъ она сознаетъ, какъ за одинъ вечеръ сталъ ей дорогъ и близокъ этотъ человѣкъ,—теперь, еслибы онъ пришелъ сюда къ ней въ комнатку и сталъ бы на колѣни подлѣ кровати, она сама обвила бы руками его шею и, глядя ему въ глаза, спросила бы его:

— Вѣдь это неправда? Скажи, что я для тебя не то, что тѣ всѣ, которыхъ ты любилъ до меня?

И глаза его скажутъ ей правду.

Въ гостиной кто-то заигралъ на роялѣ. Бурные, мощные аккорды слѣдовали одинъ за другимъ, какъ грозно рокочущія волны.

За портьерой послышались голоса.

— Ну, здѣсь, по крайней мѣрѣ, мы не рискуемъ оглохнуть,—говорила Рокотова,—это будуаръ хозяйки... Премило, не правда ли?

— Совсѣмъ недурно,—небрежно процѣдилъ художникъ,—у нашей милѣйшей Марьи Дмитріевны есть вкусъ.

Милочка поспѣшно застегивала крючки лифа, считая неловкимъ оставаться невидимкой и собираясь уйти, но вдругъ она вздрогнула и замерла, услышавъ фразу Рокотовой:

— Ну, что же наше пари? Нечего, нечего,—вижу, что проиграли, теперь расплачивайтесь...

— Да ужъ дѣлать нечего, сознаюсь, что проигралъ. Чортъ знаетъ, какая досадища! Ну, кто бы могъ подумать, что она

этакая... oie blanche какая-то! Вѣдь это даже не современно, ей Богу... Не угодно ли,—приду, говоритъ, но только съ сестрой!

— Ахъ, умора!—смѣялась Рокотова.—Слушайте, чего же вы зѣваете? Пригласили бы за-одно и папеньку, всѣхъ бы сразу и нарисовали, три модели!

— Да бросьте смѣяться!—досадливо оборвалъ ее художникъ.—Столько времени носился я съ этой мыслью! Обидно, чортъ возьми!

— Потому что опоздали, — хладнокровно замѣтила Рокотова.—Теперь она смотритъ только на одного Кадмина, а другихъ вовсе не замѣчаетъ.

— Да, это-то и я замѣтилъ... Да, кстати, я что-то не видѣлъ послѣ ужина ни ея, ни Кадмина,—уѣхали они, что-ли, вмѣстѣ?

— Возможно,—отвѣчала Рокотова:—они и сюда пріѣхали вмѣстѣ... на полчаса позже всѣхъ остальныхъ.

— Ловко, ловко!.. —цинически захохоталъ художникъ.—Люблю людей съ темпераментомъ, а Кадминъ нашъ юнъ душою, какъ какой-нибудь пятнадцатилѣтній Ромео. Ей Богу, я ему иногда завидую.

— А теперь особенно,—ядовито вставила Рокотова:—я отлично вижу, что и вы съ удовольствіемъ прокатались бы съ этой Милочкой. Нѣтъ, имя-то какое глупое! Терпѣть не могу этихъ собачьихъ кличекъ!

— Ого, Дарья Петровна, да вы что-то первничаете! И къ имени придрались... „Что въ имени тебѣ моемъ?“ Откройте мнѣ ваше сердце, что васъ собственно злитъ въ сей особѣ?

— Все!—раздраженно отвѣчала пѣвица.—Вы замѣтили, какъ она смотрѣла на насъ за ужиномъ? Точно изъ публики на сцену... Съ такимъ видомъ, точно мы какія-то чудища. А еще барышня изъ общества, воспитанная! Нѣтъ, а главное, это ея самомнѣніе. Вы замѣчаете, какъ теперь расплодились эти музыкальныя барышни? И поютъ-то, и играютъ на всѣхъ инструментахъ, и декламируютъ, и непремѣнно всѣ лѣзутъ на сцену. И до чего теперь понизились требованія публики! Въ мое время, для сцены и даже для концерта надо было имѣть прежде всего хорошій голосъ, а потомъ уже и сценическую наружность; а теперь, смотрите-ка, почти безъ голоса, на одной смазливой мордочкѣ выѣзжаютъ. Ни таланта нѣтъ, ни школы, учатся безъ году недѣлю у одного учителя, потомъ бѣгутъ къ другому... Что же это такое? И куда онѣ всѣ прутъ, съ позволенія сказать?

— Ну, ужъ это вы немножко хватили черезъ край: правда, что теперь, такъ сказать, перепроизводство будущихъ знаменитостей, но не всѣ же бездарности,—вотъ эта, напримѣръ, Ми-

лочка, по моему, талантлива, да и вотъ вамъ доказательство: пригласилъ же ее Петровъ въ свою труппу.

Рокотова звонко расхохоталась.

— Ахъ, вы, юноша легковѣрный! — протянула она иронически: — да развѣ въ ней дѣло? Петрову нуженъ Кадминъ, поэтому онъ приглашаетъ Ларіонову, — поняли? Ну, да развѣ вы забыли—четыре года тому назадъ, была та же самая исторія съ Баронинной, изъ-за чего Кадминъ съ казенной сцены ушелъ? Помните? Ну, вотъ то-то же... Нѣтъ, ужъ меня не проведешь, я сразу вижу, въ чемъ дѣло...

— Баронина—это та маленькая, черненькая, дивно сложена была, это я помню...—говорилъ художникъ.

— Ну, вотъ видите! Какъ она пѣла—не помните, а какъ была сложена — не забыли! Ну, вотъ въ томъ-то и дѣло, что пѣвичка она была самая заурядная, и никто, кромѣ Кадмина, ею не восторгался, а онъ, видите ли, воображалъ, что это мы интригуемъ противъ нея и не даемъ ей ходу, — я да Матвѣева. Весною, при составленіи контракта, онъ вдругъ заявляетъ нашему Ѳедорову: „или вы, говоритъ, принимаете Баронину на высшій окладъ и на первыя роли, или я ухожу“. Понимаете, какое дурацкое положеніе! Труппа переполнена, лишнихъ средствъ нѣтъ, а главное, вѣдь ясно было, что онъ ломается надъ Ѳедоровымъ. Тотъ ко мнѣ: „Какъ быть? посовѣтуйте!“ Я ему и говорю: „Охота, говорю, вамъ исполнять всякіе капризы, я бы на вашемъ мѣстѣ ни за что не уступила“. Онъ такъ и сдѣлалъ, а Кадминъ контракта не подписалъ и уѣхалъ вмѣстѣ съ Баронинной къ Петрову. Въ два года поставилъ его на ноги, а потомъ надоѣло и уѣхалъ. И здѣсь ему хорошо,—ему везетъ...

— Такъ вы думаете, онъ и теперь такую же штуку удумалъ?

— Убѣждена въ этомъ... Ужъ я его знаю... Какъ найдетъ на него этакій капризъ, его ничѣмъ не удержишь, пока не пройдетъ самъ собой.

— Значитъ, съ Баронинной уже давно покончено?

— Ну, еще бы! Захотѣли тоже... И такъ годъ съ ней возился. Въ концѣ концовъ, говорятъ, она умерла отъ родовъ, но ужъ послѣ того, какъ онъ ее бросилъ, или она отъ него ушла, —кто ихъ тамъ разберетъ,—онъ молчитъ объ этомъ.

— Ну, мнѣ кажется, съ этой онъ не такъ легко справится. Эта—изъ добродѣтельныхъ, изъ власти папаши не выйдетъ.

— Вы думаете? Мало же вы знаете женщинъ. Совѣтую вамъ не вѣрить наружности. Эта sainte Nitouche не глупѣе насъ съ вами, и, знаете, я даже думаю, что она сдѣлаетъ карьеру, но ужъ, конечно, не голосомъ...

— Вотъ вы куда запрятались!—раздался въ дверяхъ громкій басъ Петрова.—Сыграемъ роберчикъ, карты на столѣ, и Марья Дмитріевна съ нами!

— Пожалуй,— лѣниво отозвалась Рокотова,—только, чуръ, по маленькой; я иначе не играю.

И снова тихо въ маленькой комнаткѣ. Изъ гостиной доносятся пѣніе и звуки рояля—кто-то поетъ звучнымъ басомъ малороссійскія пѣсни.

Милочка сидитъ на кровати, придерживая рукой застегнутый лифъ и неподвижно смотря передъ собой.

Острыя иголочки вонзаются въ сердце, въ головѣ тяжелый туманъ, и назойливо, упорно звучитъ въ ушахъ одна и та же фраза:

„Говорятъ, умерла отъ родовъ, но уже послѣ того, какъ онъ ее бросилъ"... Безформенные призраки приблизились, ожили и смотрятъ страдальческими глазами. „Такая маленькая, черненькая, дивно сложена!... „Ахъ, что мнѣ до этого, что мнѣ до этого? Надо скорѣе уйти отсюда, тихонько, чтобы не видѣть его больше... никогда!.."

Холодными руками она торопливо застегиваетъ лифъ, оправляетъ платье и, выйдя въ будуаръ, у зеркала, подшпиливаетъ прическу.

Ни кровинки въ лицѣ, и глаза, недоумѣвающіе и страдальческіе, смотрятъ застывшимъ взглядомъ.

Чувство самосохраненія подсказываетъ ей, что не слѣдуетъ обнажать передъ людьми своей души—иначе они забросаютъ ее грязью и растопчутъ ногами...

Слегка потеревъ щеки, чтобы вызвать румянецъ, она подошла къ двери гостиной и, нажавъ электрическую кнопку, позвонила три раза.

Ждать пришлось недолго: минуты черезъ двѣ пришла встревоженная Марья Дмитріевна.

— Что, уѣзжаете? Ну, Богъ съ вами, голубчикъ, я не удерживаю... Все-таки немного легче? Ну, спасибо же вамъ за участіе въ концертѣ... Всѣ такъ вами очарованы, прелесть моя! Поблагодарите отъ меня генерала за то, что онъ васъ отпустилъ. Я сейчасъ пошлю къ вамъ Валю, а вы пройдите пока въ переднюю и потихоньку одѣвайтесь.

Говоря это, Марья Дмитріевна, толкнула небольшую дверь въ задней стѣнѣ комнаты и вывела Милочку въ переднюю. Здѣсь она еще разъ обняла ее и поспѣшно пошла въ гостиную отыскивать племянника.

Милочка сейчасъ же стала одѣваться, и когда пришелъ Ковалевскій, она уже стояла въ ротондѣ и платочкѣ.

— Простите, что я вамъ не помогъ,—засуетился Ковалевскій,—но вы такъ быстро одѣлись... Можетъ быть, вы теперь спуститесь потихоньку, а я пройду впередъ—мое пальто у швейцара—и разыщу вашу карету.

Ковалевскій исчезъ за дверью, и Милочка, застегивая перчатку, стояла одна въ передней.

— Ну, вотъ и все кончено!—сказала она себѣ, застегнувъ послѣднюю пуговочку и подходя къ двери, но что-то удержало ее на мѣстѣ, и, уже взявшись за ручку, она еще разъ оглянулась: въ дверяхъ гостиной стоялъ Кадминъ.

— Уѣзжаете? А я васъ все время караулю. Марья Дмитріевна сказала мнѣ, что вамъ дурно... Я васъ провожу.

И онъ рѣшительнымъ жестомъ взялся за пальто.

Она могла что угодно думать въ его отсутствіи, но когда онъ стоялъ передъ нею и смотрѣлъ на нее властнымъ и покорнымъ взглядомъ, она едва нашлась сказать ему:

— Нѣтъ, нѣтъ, я уѣзжаю съ Ковалевскимъ...

— Да гдѣ же онъ?

— Внизу, разыскиваетъ мою карету.

— Такъ я васъ провожу внизъ.

И уже безъ колебаній, онъ накинулъ шубу, взялъ шапку и, пропустивъ ее впередъ, вышелъ за нею на лѣстницу.

Тщетно старалась она вызвать въ себѣ острое чувство, которое овладѣло ею тамъ, въ спальнѣ,—все тонуло въ волнующемъ ощущеніи его близости, все меркло передъ обаяніемъ его голоса, его глазъ, — все отступало на задній планъ передъ лаской любовныхъ словъ...

Внизу ждалъ Ковалевскій.

— Карета у подъѣзда, Людмила Николаевна,—сказалъ онъ.

Милочка протянула Кадмину руку.

— Прощайте!—выговорила она.

— До свиданья, — поправилъ онъ:—значитъ, въ пятницу у Марьи Дмитріевны, такъ?

Милочка, не отвѣчая, пошла садиться въ карету. Ковалевскій сѣлъ съ другой стороны.

— До пятницы,—приподнявъ шапку, сказалъ Кадминъ.

Дверца захлопнулась, и застоявшіяся лошади рванули съ мѣста.

Кадминъ постоялъ немного, посмотрѣлъ вслѣдъ, потомъ крикнулъ извозчика и поѣхалъ къ себѣ домой.

Подъ мѣрный шумъ колесъ кареты, Милочка задумалась такъ

глубоко, что совершенно забыла о своемъ спутникѣ, и даже вздрогнула, когда онъ заговорилъ.

— Вы кажетесь сильно утомленной, Людмила Николаевна!

— О, да! — отвѣчала она съ порывистой искренностью: — можетъ быть, вы мнѣ не повѣрите, но мнѣ кажется, что за одинъ этотъ вечеръ я прожила десять лѣтъ и... даже потеряла охоту жить дальше.

— Но почему же? Простите, если мой вопросъ покажется вамъ нескромнымъ.

— Разсказать трудно... — помолчавъ немного, отвѣчала дѣвушка: — скажу вамъ только, что все, на чемъ я строила свое будущее, оборвалось... А жить безъ цѣли я не умѣю.

— Но, быть можетъ, вы поставили себѣ слишкомъ узкую цѣль? Отказавшись отъ нѣкоторыхъ притязаній, можно ее расширить и тогда идти съ большей увѣренностью и меньшей тратой энергіи.

И боясь, что она его невполнѣ понимаетъ, онъ объяснилъ свою мысль болѣе конкретно:

— Сколько я понимаю васъ, мнѣ кажется, что вы конечной своей цѣлью поставили не искусство для искусства, т. е. достиженіе возможнаго совершенства, а непремѣнно дѣятельность концертной или оперной пѣвицы. И въ этомъ, мнѣ кажется, ваша ошибка. Можетъ быть, вы и достигли бы этого, но путемъ такихъ тяжелыхъ компромиссовъ, съ такой страшной затратой нервныхъ силъ, что даже достиженіе цѣли не дало бы вамъ удовлетворенія.

Дѣвушка сосредоточенно слушала. Еслибы то же самое онъ сказалъ ей еще вчера, она бы почувствовала къ нему непріязнь, стала бы спорить, возражать, но теперь она сознавала его правоту и молчала.

— Вы забываете только одно, — наконецъ, тихо заговорила она: — мнѣ уже двадцать-два года, пора уже начинать жить и зарабатывать свой хлѣбъ. Но чѣмъ я могу быть? Мнѣ противна чиновничья работа, а къ педагогической дѣятельности нѣтъ призванья. Что есть еще — я не знаю, но съ тѣхъ поръ, какъ я себя помню, у меня была только одна мечта — пѣть на сценѣ, и цѣлыхъ четыре года, пока я училась, мнѣ твердили со всѣхъ сторонъ, что это — моя прямая дорога...

— А теперь? — нервно задалъ вопросъ Ковалевскій.

— А теперь, — твердо отвѣчала Милочка, — я сама поняла, что это неправда: ни по характеру, ни по здоровью, ни по голосу я не гожусь для сцены; еслибы даже и удалось мнѣ попасть, то я затерялась бы среди сотни такихъ же пѣвичекъ и

запуталась бы въ интригахъ. Только такому крупному таланту, какъ Славская, *нечего* бояться сцены; она всегда будетъ блистать среди другихъ, какъ настоящій драгоцѣнный камень среди поддѣльныхъ.

— Однако!—заговорилъ Ковалевскій, съ удивленіемъ глядя на дѣвушку:—Однако! Надо имѣть большое мужество, чтобы такъ разобраться въ себѣ и вынести себѣ приговоръ.

Милочка горько улыбнулась.

— Что толку? Разобраться сумѣла... А вотъ... помочь себѣ— не умѣю...

Ковалевскій не возражалъ... Нахмурившись, онъ смотрѣлъ въ окно, и на лицѣ его отражалось волненье.

— Замужъ бы вамъ надо!—вдругъ какъ-то рѣзко и отрывисто выговорилъ онъ.

Дѣвушка не сразу отвѣчала: она точно обдумывала этотъ новый, подсказанный ей выходъ и, наконецъ, грустно сказала:

— Да, ужъ если скучнаго избѣгаешь, а интереснаго ничего нѣтъ, такъ только и остается, что — замужъ. Да кому еще нужна такая жена? Вѣдь вы не знаете,—вдругъ выпрямившись, страстно заговорила она,—что я даже не могу себѣ представить, какъ бы я могла жить такъ, какъ живутъ мои замужнія подруги... Мужъ, дѣти, хозяйство,—мнѣ все это кажется нестерпимо скучнымъ, пошлымъ, засасывающимъ. Чтобы выйти замужъ, надо ужъ такъ любить человѣка, чтобы безъ сожалѣнья разстаться съ своей свободой.

— Ну, ужъ этого, извините меня, я совершенно не понимаю,—горячо возразилъ молодой офицеръ.—По вашему, артистка, которая зависитъ отъ всякаго режиссера, отъ самонадѣяннаго [illegible]на-рецензента, отъ капельмейстера, да и мало еще отъ кого и о[illegible]о,—развѣ она свободнѣе, чѣмъ замужняя женщина, всѣми уважаемая, начиная съ мужа, который является ея естественнымъ защитникомъ? Посмотрите, какъ трудно подниматься по лѣстницѣ почестей свободной артисткѣ, а жена безъ всякаго труда пользуется тѣмъ положеніемъ, которое завоевалъ мужъ для себя и для нея.

Можетъ быть, онъ и былъ правъ, но рядомъ съ разбитыми блестящими мечтами,—такимъ жалкимъ, будничнымъ и сѣренькимъ казался ей этотъ идеалъ мирнаго супружескаго счастья!

Видя, что она неохотно поддерживаетъ разговоръ, Ковалевскій замолчалъ, и такъ, молча, доѣхали они до дому, гдѣ жила Милочка.

У подъѣзда онъ распрощался съ нею; сонный швейцаръ то-

ропливо зажегъ электричество, и дѣвушка медленно добралась до двери третьяго этажа.

Вотъ она, наконецъ, въ своей комнаткѣ: зажгла свѣчи на письменномъ столикѣ и взглянула на лежавшіе на немъ золотые часики. „Боже, почти четыре часа! Черезъ три часа уже встанетъ Варя, а отецъ поднимется еще ранѣе, въ половинѣ седьмого. Она же будетъ спать до двѣнадцати, какъ всегда, послѣ концертовъ, и въ домѣ всѣ будутъ ходить и говорить шопотомъ, чтобы не разбудить „маленькую барышню"...—такъ называетъ ее, по старой привычкѣ, кухарка Анисья, служившая у нихъ еще при покойной мамѣ.

А потомъ, когда она встанетъ и выйдетъ въ столовую, отецъ встрѣтитъ ее привѣтливой улыбкой и, отложивъ въ сторону свою газету, станетъ спрашивать ее о вчерашнемъ концертѣ и ужинѣ, а Варя скажетъ съ своей обычной рѣзкостью:

— А это тотъ самый Кадминъ, съ которымъ ты пѣла „Фауста"? Какое у него пошлое, парикмахерское лицо! И какія красныя, чувственныя губы—терпѣть не могу такихъ!..

А еслибы она знала все?!

Скорѣе, скорѣе лечь въ постель, зарыться въ подушки съ головой, и пусть надъ всѣмъ, что было, спустится нѣжная, мягкая, темная пелена соннаго забвенья и покоя!

Пока Милочка раздѣвалась, распускала и причесывала на ночь волосы, ей казалось, что стòитъ только лечь, закрыть глаза, и сонъ въ тотъ же мигъ спустится къ ней, но какъ только она легла и, закинувъ руки за голову, потянулась утомленнымъ тѣломъ, такъ сейчасъ же почувствовала, что не заснетъ всю эту ночь. И уже покорно, стараясь только собрать разбѣгавшіяся мысли, она принялась подводить итоги тому, что совершилось въ ея душѣ.

Бываютъ моменты, когда вся жизнь человѣка вдругъ освѣщается ослѣпительно-яркимъ свѣтомъ, и выпукло выступаютъ мелочи, незамѣченныя раньше при тускломъ будничномъ освѣщеніи.

И Милочка увидѣла съ поразительной ясностью, что прямая дорога, по которой она шла, привела ее къ топкому болоту, поросшему красивой, яркой, зеленой травой. Словами, намеками, отрывочными картинками развертывались передъ нею эти четыре года ученья, когда, вмѣстѣ съ успѣхами въ пѣніи, росло въ ней самомнѣніе, тщеславіе, пренебрежительное равнодушіе къ тому, что не было искусствомъ, узость чувствъ и мыслей, крайній эгоизмъ, оправданный требованіями искусства, и ненасытная жажда успѣховъ и поклоненія.

Но сегодня жизнь ея переломилась,—не тѣмъ, что она узнала о Кадминѣ и о себѣ,—вѣдь это могло быть простой сплетней, догадкой, подсказанной завистью и недоброжелательствомъ,—но тѣмъ самосудомъ, который начался въ ней съ самаго выхода на эстраду и вынесъ ей обвинительный приговоръ... въ присвоеніи непринадлежащаго ей званія.

Возможно, что она слишкомъ строга къ себѣ, что годы и опытъ дадутъ ей впослѣдствіи мѣсто въ первыхъ рядахъ, а пока— чѣмъ наполнить жизнь?

Все тѣми же благотворительными концертами, которые только требуютъ расходовъ на платья и не даютъ удовлетворенья, да уроками у Себастьяни, ради которыхъ надо обращаться съ собой, какъ съ драгоцѣннымъ сосудомъ, жертвовать всѣми другими интересами ради призрачной мечты, жить въ вѣчномъ напряженіи, въ вѣчныхъ сомнѣньяхъ и преспокойно брать деньги у отца вмѣсто того, чтобы зарабатывать самой.

Но, съ другой стороны, чѣмъ замѣнить все это?

Тянуть служебную лямку, затеряться въ толпѣ безличныхъ, сѣренькихъ барышенъ-чиновниковъ, съ скучающими, отцвѣтшими лицами?

И это послѣ того, какъ она привыкла въ гостиныхъ чувствовать себя почетной гостьей, за которой ухаживали, передъ которой заискивали, какъ передъ пѣвицей, можетъ быть—будущей звѣздой!

О, она отлично понимала и цѣнила эту разницу между собой и другими барышнями, умѣвшими только слушать!..

Глубокій, сонный покой царилъ въ квартирѣ; крѣпкимъ, здоровымъ сномъ спала Варя, утомленная рабочимъ днемъ и черезчуръ длиннымъ концертомъ; чуткимъ старческимъ сномъ дремалъ старый отецъ; и только Милочка уже вторую ночь подрядъ металась безъ сна на жаркой и казавшейся неудобной узенькой кровати.

Все сильнѣе и сильнѣе охватывало ее чувство глубоко-безпомощнаго одиночества.

„Какъ быть? За что уцѣпиться?“

Одинъ только человѣкъ во всемъ мірѣ казался ей близкимъ и, несмотря на все, что о немъ говорили, внушалъ ей довѣріе; но она хорошо понимала, что нельзя ей любить его, не перейдя въ его вѣру и не отрѣшившись отъ всего, что составляетъ такую же принадлежность ея души, какъ ясные синіе глаза и бѣлокурые волосы—неотъемлемую ея принадлежность...

Но какъ бы въ насмѣшку надъ всѣми ея благоразумными

разсужденіями, чѣмъ сильнѣе убѣждала она себя, что всему ихъ знакомству надо положить конецъ, тѣмъ страстнѣе поднимался въ ней протестъ горячей, взволнованной крови, тѣмъ соблазнительнѣе и ярче вставали предъ ней близкія ея воспоминанья...

...Въ восемь часовъ утра, измученная безсонницей, Милочка приняла двѣ ложки брому, и черезъ полчаса забылась тяжелымъ сномъ физически и нравственно измученнаго человѣка.

Проснулась она въ четвертомъ часу дня. Короткій зимній день кончался, и въ комнатѣ былъ полумракъ.

Она потянулась, громко зѣвнула, и въ ту же минуту въ дверяхъ показалась голова Вари.

— Ну, и соня!—сказала она полушутливо, полувозмущенно. —Я ужъ вернулась изъ гимназіи, и мы уже собираемся садиться обѣдать.

— Я сейчасъ, сейчасъ!—сконфуженно заговорила Милочка: — еще со мной никогда такъ не случалось; но знаешь, Варя, я слышала, какъ било восемь часовъ!

— Господи, вторую ночь!—ужаснулась Варя.—До чего ты себя доведешь!

Милочка подняла на сестру серьезные, вдумчивые глаза.

— Больше этого не будетъ!—тихо сказала она.—Въ концертахъ пѣть не буду и сегодня же напишу Себастьяни, что прекращаю уроки,—довольно ужъ грабить папу: на сцену все равно не пойду, а для себя и такъ научилась достаточно...

— Когда же это ты рѣшила?—съ глубочайшимъ изумленіемъ спросила Варя и присѣла на кровать къ сестрѣ.

Милочка хотѣла съ важностью отвѣтить ей:

— Сегодня ночью!

Но вдругъ острое воспоминанье этой тяжелой ночи съ силою охватило ее, губы ея задрожали, крупныя слезы повисли на рѣсницахъ, и, припавъ къ плечу сестры, она, сквозь всхлипыванья, жалобно сказала ей:

— Ахъ, Варя, я такъ несчастна... Варя, научи меня, какъ жить!..

В. Погодина.

ЭТЮДЫ
О
БАЙРОНИЗМѢ

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

Русская литература *).

Разгромъ „декабризма“ и торжество реакціи, надолго въѣвшейся въ русскую жизнь, не могли не нанести удара и тому литературному движенію, неизбѣжно приводившему къ развитію свободолюбія и независимой критикѣ существующаго соціально-политическаго и нравственнаго строя, которое байроновская поэзія возбудила къ тому времени и въ русскомъ молодомъ и активномъ поколѣніи, современномъ юности Пушкина. Не успѣло сложиться это движеніе въ опредѣленныя формы стройно дѣйствующей поэтической группы, но зажгло въ даровитыхъ, неопредѣленно порывавшихся къ жизненному подвигу, дѣятеляхъ отвагу мысли, слова и дѣйствія, свергло съ нихъ оковы формализма и рутины, увлекало на борьбу за благо своего народа, раскрывало безбрежный просторъ міроваго прогресса. Каковы бы ни были итоги этого ранняго періода русскаго байронизма, прошедшаго подъ непосредственнымъ обаяніемъ самого Бай-

*) См. выше: апрѣль, стр. 695.

рона, — итоги, подведенные во вступительномъ нашемъ этюдѣ „Школа Байрона“ [1],—историкъ русской поэзіи, въ ея связяхъ съ общественнымъ возрожденіемъ, не откажетъ имъ въ признаніи идейнаго и художественнаго роста, внесеннаго ими въ поэзію послѣ недавняго господства Державинской лирики.

Но и въ общественномъ движеніи, сосредоточивавшемся въ сѣти тайныхъ организацій, было много общаго съ горячей политической дѣятельностью Байрона. Если между партіями дѣйствія въ различныхъ странахъ установилась тогда братская солидарность, и русскіе „либералисты“ принимали къ сердцу успѣхи революціи въ Неаполѣ, Романьѣ, Испаніи, то самою популярной изъ европейскихъ политическихъ сектъ было, конечно, карбонарство, вездѣсущее, таинственное и грозное; и не для однихъ только Фамусовыхъ—Чацкій и его единомышленники казались русскою вѣтвью „карбонаріевъ“. Дѣятельности Байрона-конспиратора могли не знать у насъ сполна, какъ не знали еще всего богатства политической его сатиры, но фактъ беззавѣтной преданности дѣлу освобожденія народовъ, многолѣтняя итальянская агитація поэта, наконецъ его смерть за угнетенную Грецію, были у всѣхъ передъ глазами и могли воспитывать, вести за собой. Отсюда глубокое уваженіе къ Байрону, не только какъ къ выдающемуся художнику, но и какъ къ борцу, замѣчаемое у большинства декабристовъ. Они унесли его съ собой въ могилу, какъ Рылѣевъ, и въ ссылку и тюрьму, какъ Бестужевъ, Кюхельбекеръ, Якушкинъ. Такой же взглядъ на солидарность политическаго байронизма съ декабризмомъ устанавливался, очевидно, и въ культурныхъ слояхъ общества, внѣ профессіональныхъ возбужденій словесности и политики. Любопытный тому примѣръ и вмѣстѣ съ тѣмъ показаніе духовной атмосферы, окружавшей декабристовъ, даютъ записки Якушкина. Когда вмѣстѣ съ нѣсколькими товарищами онъ заключенъ былъ, передъ отправленіемъ въ Сибирь, въ Финляндіи, близъ Роченсальма, въ фортѣ Слава, имъ передали однажды „тетрадку, писанную прекраснымъ французскимъ почеркомъ и заключавшую въ себѣ послѣднюю часть *Чайльдъ-Гарольда*. Тетрадь эту принесли двѣ дамы, жившія въ Роченсальмѣ, г-жа Чебышова и сестра ея“. Мысль утѣшить узниковъ-вольнодумцевъ тѣмъ созданіемъ поэта, гдѣ въ виду порабощенной Италіи ключомъ бьетъ энтузіазмъ къ свободѣ, поразила и растрогала плѣнниковъ. „Такой поступокъ глубоко насъ тронулъ,—говоритъ Якушкинъ,—и мы вполнѣ

[1]) „Вѣстн. Европы“, 1904, апрѣль.

его оцѣнили. Только женщины, и женщины, исполненныя истиннаго чувства, могли понять наше положеніе и найти возможность изъявить такъ прекрасно свое участіе" [1]).

Едва замолкли сочувственныя некрологическія стихотворенія, которыми чуть не всѣ сколько-нибудь выдающіеся русскіе поэты новаго поколѣнія отозвались на смерть Байрона,—какъ это передовое, руководящее поколѣніе, которое и испытало впервые обаяніе байроновской личности, поэзіи и освободительной политики, было снесено разгромомъ декабрьскаго движенія. Удача переворота, освободивъ и литературу, открыла бы въ ней, конечно, просторъ тому направленію, которое въ данную эпоху болѣе какихъ-либо иныхъ выражало упованія и требованія времени, пролагая вмѣстѣ съ тѣмъ новые пути художественному творчеству. Торжество стараго порядка, связанное съ онѣмѣніемъ литературы, отданной на произволъ цензуры, которая, по вѣскому признанію Пушкина, далеко оставила за собой тупое преслѣдованіе печатнаго слова въ Александровскую пору, развѣяло по лицу земли или сгубило тѣ силы, которымъ предстояла главная работа въ новомъ, истинно „байроническомъ" періодѣ русской поэзіи, — обезцвѣтило, охладило, научило сдержанности и объективности тѣхъ, кто уцѣлѣлъ, остался при дѣлѣ; не вычеркнувъ сочувствія великому англійскому поэту изъ числа дозволенныхъ мыслей и чувствъ, оно съузило предѣлы изученія и переложенія Байрона до скудныхъ размѣровъ, вмѣщавшихъ даже не всю художественную сторону его дѣятельности. То, что прежде контрабандой все же проникало въ умы, побуждало горячѣе биться сердца, что трепетало въ вольномысліи юношеской Пушкинской лирики, не находило теперь отзвука, или же болѣзненно, неразрѣшимо отдавалось въ душѣ. На виду у всѣхъ былъ дозволенный инвентарь байроническаго творчества, въ которомъ не было мѣста ни „Каину", ни большинству пѣсенъ „Донъ-Жуана", ни политическимъ сатирамъ; не существовало полныхъ переводовъ „Чайльдъ-Гарольда", потому что пришлось бы наложить руку на все смѣлое, возбуждающее, разрушительное и немилосердно уродовать великую поэму. Въ неопредѣленномъ сумракѣ чудился и манилъ къ себѣ другой, свободный и широкій составъ байроновской поэзіи, не пропущенной сквозь николаевскія рогатки. Но и то, что находилось въ литературномъ обращеніи, терпимое и въ то же время порицаемое господствующимъ благоприличіемъ, вызывало ненавистническія нападки критики

[1]) Записки И. Д. Якушкина. М. 1905, стр. 122.

охранительнаго лагеря. Не хуже англійскихъ староверовъ она выставляла (напр., устами Надеждина) чудовищную безнравственность, сатанинское себялюбіе, безвѣріе и цинизмъ прославленнаго поэта.

Польскій байронизмъ, такъ искренно побратавшійся было въ лицѣ Мицкевича съ Пушкинской школой, но затѣмъ пошедшій своею дорогой, могъ развиваться при гораздо болѣе благопріятныхъ условіяхъ. Борьба за народную независимость, отпоръ удвоенному натиску русской реакціи, направленной и вообще противъ соціальныхъ силъ, и противъ національно-польскихъ мечтаній, придавала байроническому движенію опору и связи въ народной жизни, а трагически пережитый отдѣльными выдающимися личностями конфликтъ доводилъ ихъ до титаническаго протеста байроновскихъ героевъ, потрясающаго основы, доходящаго до богоборства и столь же сильнаго въ пламенныхъ рѣчахъ, какъ и въ смѣлой насмѣшкѣ. Мицкевичъ, Словацкій, даже нѣкоторые изъ второстепенныхъ ихъ сверстниковъ, дѣйствительно могли переноситься въ духовный строй байроновскаго творчества и находить въ немъ возбужденіе къ самостоятельной дѣятельности на пользу своего народа. Условія развитія русскаго общества и прежде не дали простора для усвоенія поэзіею байроновскаго вольномыслія въ общихъ вопросахъ вѣры, нравственности, соціальной и личной свободы. Ни одна страстная, рѣзко очерченная натура не прорвалась на волю, чтобъ захватить всю силу своего протеста. Гармоническая, отзывчивая природа Пушкина остановилась въ преддверіи бурнаго байроновскаго міра, не переживъ никогда его трагическихъ потрясеній. Свѣтобоязнь, крѣпостничество, солдатчина, произволъ, не нашли ни въ комъ такого обличителя-поэта, который бы, подобно Байрону, „жегъ своимъ глаголомъ сердца людей“, хотя бы располагая только „непечатной“ литературой и на ея летучихъ листкахъ разнося свои мысли по свѣту. Еслибъ не благородныя рѣчи Чацкаго, можно бы утверждать, что всѣ дѣятельныя проявленія самосознанія сосредоточились лишь въ общественномъ движеніи, скрытомъ въ подспудной глубинѣ.

Когда декабрьскія событія уничтожили и его, литература была безсильна выполнить выпавшую ей на долю двойную обязанность. Оскудѣвъ людьми, испытывая уронъ и въ энергіи, израненная и стиснутая, и прежде не привыкшая къ смѣлому полету мысли и фантазіи, теперь и подавно не отваживавшаяся на мятежные поступки, она и въ частномъ вопросѣ о байроновскомъ вліяніи поневолѣ сдѣлалась мало воспріимчивой, одно-

сторонней, осторожно разборчивой. Казалось, ей стали чужды и непонятны всѣ эти тревоги и запросы, трагедіи неудовлетворенныхъ, протестующихъ личностей, неспособныхъ склониться передъ старымъ порядкомъ, признать себя лишними людьми.

На дѣлѣ жизнь, именно тутъ, въ это время, выставила истинно байроническую тему, разработать, возсоздать которую, казалось, было бы дѣломъ „человѣка съ душой". Крушеніе цѣлаго поколѣнія, непроглядная тьма впереди, оцѣпенѣніе общества, — и, среди пессимизма, разочарованности, подавленности, незыблемая стойкость и вѣра въ идею у тѣхъ, кто „въ глубинѣ сибирскихъ рудъ" и подъ сѣрой солдатской шинелью стали предвѣстниками неизбѣжнаго народнаго освобожденія. Можно было бы ожидать, — хотя бы опять въ предѣлахъ непечатной, нелегальной литературы, — что возникнетъ замыселъ, равный по силѣ третьей части „Дзядовъ" и ея украшенію, страстной „Импровизаціи". Отъ тѣхъ, кого пощадила судьба и оставила невредимыми физически, разбивъ и отравивъ душу всею тягостью видѣннаго и испытаннаго, всею безцѣльностью личнаго существованія, можно было бы ждать общественно-психологической картины, какую далъ Альфредъ де-Мюссе въ превосходномъ введеніи къ „Исповѣди сына вѣка", характеризуя переломъ отъ революціи и Наполеоновскаго блеска къ тупому смиренномудрію реставраціи. Но ни жизнь, ни литература не дали отвѣта, — и когда настала пора для русской исповѣди „героя своего времени", правда, не пережившаго непосредственно кризиса двадцатыхъ годовъ, но заставшаго въ юности явные его слѣды и возмужавшаго среди порожденнаго имъ безвременья, — признанія замкнулись въ рамки глубоко правдивой *личной* исторіи, не придавъ Печорину ни малѣйшей черты соучастія въ тяжкомъ общественномъ недомоганьѣ.

Такъ, стѣсненный опекой новаго порядка вещей, робостью поэтической мысли, упадкомъ энергіи, большою убылью въ людяхъ, способныхъ по своему закалу принять дѣятельное участіе въ литературномъ переворотѣ, сложился русскій байронизмъ второго, послѣ-байроновскаго періода. Ему нельзя отказать въ ретивой производительности, число тружениковъ велико, хотя уже не такъ блистаетъ талантами, какъ первый отрядъ, какъ піонеры байронофильства, — но ему тѣсно въ сжимающихъ его колодкахъ, тонъ его пониженъ, много берется назадъ прежними усердными исповѣдниками, россійскія безпомощныя жалобы и грусть вплетаются въ поэзію, которая устремилась было слѣдомъ за титанической борьбой...

И все же, именно въ эту пору регресса, несмотря на всѣ съуживанія и стѣсненія, навязанныя байроническому направленію, феноменально осуществился лучшій даръ, который поэзія Байрона могла принести русскому художественному творчеству,— расцвѣтъ Лермонтовской поэзіи. Но въ немъ—высшій предѣлъ, котораго могло достигнуть русское байроническое движеніе. Ни шагу впередъ не сдѣлало оно потомъ. Слѣдующее поколѣніе,— зрѣлый періодъ дѣятельности Бѣлинскаго и Герцена,—въ *идейномъ* пониманіи значенія Байрона для новаго человѣчества ушло несравненно дальше. Тогда только было *вполнѣ* понято это значеніе, и вѣрный взглядъ переданъ послѣдующимъ поколѣніямъ. Сороковые годы на Западѣ и въ Россіи осложнили жизнь новыми задачами, ставя художественному слову цѣли, достойныя истинныхъ послѣдователей соціально-политической поэзіи Байрона,—но не было уже ни одного русскаго поэта Лермонтовской силы, который въ состояніи былъ бы наканунѣ общеевропейскихъ потрясеній 1848 года явиться (какъ нѣмецкіе „политическіе поэты“ типа Гервега или Фрейлиграта) не только „чародѣемъ красоты“, но властителемъ умовъ и вождемъ своего поколѣнія.

I.

Тюремныя и ссылочныя воспоминанія декабристовъ о байроновской поэзіи,—въ родѣ приведеннаго отрывка изъ мемуаровъ Якушкина,—встрѣчаются съ попытками нѣсколькихъ изгнанниковъ къ самодѣятельности въ этомъ направленіи. Кюхельбекеръ остался вѣрнымъ тому поэту, котораго когда-то характеризовалъ въ статьѣ „Мнемозины“, котораго оплакалъ въ одномъ изъ лучшихъ некрологическихъ стихотвореній, вызванныхъ у насъ смертью Байрона. Дневники его, веденные въ Свеаборгской крѣпости и затѣмъ въ Сибири [1]), хранятъ слѣды этого живого интереса. Въ тюрьмѣ и ссылкѣ стихотворецъ задумываетъ—то лирическое изліяніе въ духѣ „Гарольда“, то большую поэму Гарольдовскаго типа; онъ вдается въ оцѣнку сатирическаго значенія „Донъ-Жуана“, видимо смущаясь „Ювеналовской“ отвагой автора, побуждающаго „ненавидѣть, презирать“ людей. Біографія Байрона (Том. Мура) производитъ на него сильное впечатлѣніе, и онъ заноситъ въ дневникъ изреченія поэта; нѣсколько страницъ полемики съ какимъ-то старомоднымъ эстетикомъ (Ястребовымъ)

[1]) Они напечатаны были въ „Русск. Старинѣ“ 1875, 1883 и 1884 годовъ.

приводитъ къ тому, что Байронъ, вмѣстѣ съ избранными, новыми лириками Италіи, Франціи и Германіи, высоко вознесенъ сравнительно съ авторитетами старой школы. Наконецъ, на главномъ итогѣ работъ за предсмертные годы, на „Ижорскомъ“, названномъ, во вкусѣ „Каина“ или „Неба и Земли“, *мистеріею* [1]), лежитъ сильный отпечатокъ байроновскихъ пріемовъ. Авторъ какъ будто хочетъ отвлечь отъ него вниманіе; одно изъ дѣйствующихъ лицъ удостоивается отъ героя ироническаго отзыва, указывающаго, что „и въ него вселилась блажь, и лѣзетъ онъ тудажъ, и страстію *байронствовать* размученъ“,—но въ тоскѣ Ижорскаго, въ его вѣчныхъ странствіяхъ, въ таинственно-пасмурномъ лицѣ его, въ переходахъ отъ шумной жизни къ мрачному уединенію, въ магической власти надъ духами (облеченными въ наряды русской демонологіи) постоянно слышатся отголоски то Гарольда, то Лары (про него говорятъ на балу, что у него „лицо Вампира или Лары“), то Манфреда. Неровное, слабое, лишь временами оживляющееся произведеніе, въ которомъ чрезмѣрное излишество фантастики, вспышки юмора, патетическіе моменты словно пробиваются съ усиліемъ сквозь хроническую грусть изгнанника. Бѣлинскій не могъ выдать „мистеріи“ иной оцѣнки, иного обозначенія, кромѣ—„тысячу-первой пародіи на Чайльдъ-Гарольда“.

Несравненно сильнѣе вліяніе Байрона на самаго дѣятельнаго изъ литераторовъ декабризма, Александра Бестужева. Чтеніе Байрона и Мура услаждало его въ Якутскѣ; были мѣсяцы, когда онъ „ничего кромѣ Байрона въ руки не бралъ“. Проявлявшаяся въ немъ и прежде склонность къ стихотворству сказалась теперь сильнѣе, чѣмъ когда-либо, и, оставивъ въ сторонѣ медленно слагавшуюся поэму „Андрей Переяславскій“, онъ „хотѣлъ попробовать себя въ легкомъ родѣ, именно въ такомъ, какъ писанъ Донъ-Жуанъ“ [2]). Сознавалъ ли онъ вполнѣ, какое глубокое, общечеловѣческое содержаніе должно быть скрыто за шаловливой непринужденностью формы при такомъ состязаніи съ великой поэмой, или остался на поверхности, увлекаясь „легкостью“ этого поэтическаго рода? „Не знаю, какъ-то удастся“, оговаривался онъ, приступая къ работѣ, и затѣмъ, очевидно, не сладилъ съ нею. Но его байронизму предстояло принять иной видъ и не въ чуждой стихотворной рѣчи, а въ прозѣ, въ повѣсти, тамъ, гдѣ дарованіе Бестужева всего болѣе могло проявляться. На

[1]) Ижорскій. Мистерія. Спб. 1835.

[2]) М. Семевскій, „А. Бестужевъ въ Якутскѣ“. „Русск. Вѣстникъ“ 1870.

Кавказѣ, смѣнившемъ якутскую ссылку, окруженный боевыми впечатлѣніями, воинственнымъ горскимъ бытомъ, величавой и дикой природой, въ походахъ и перестрѣлкахъ встрѣчаясь со смертью, едва сдерживая негодованіе на произволъ и преслѣдованіе невѣжественнаго начальника, не прощавшаго ему развитія и таланта, онъ подъ тяжестью солдатской амуниціи, увлекаемый страстнымъ темпераментомъ, строилъ пышные воздушные зáмки. Въ переполненныхъ звучными и цвѣтистыми монологами и душевными изліяніями, бурными страстями и порывами, въ нарядѣ ли непонятой, избранной натуры, возмущенной „позоромъ свѣтской черни“, или въ живописномъ костюмѣ горца, лихого наѣздника, даже разбойника—въ кавказскихъ повѣстяхъ Марлинскаго плѣняла современниковъ приближенная къ нимъ, въ извѣстной степени обрусѣвшая, копія съ байроновскихъ неудачниковъ первой, ранней, столь популярной у насъ манеры, новое, дополненное и разработанное изданіе „Кавказскаго Плѣнника“ и „Алеко“.

Сознавая въ себѣ великія силы, которымъ суждено погибнуть, не дождавшись разсвѣта,—преувеличивая природные задатки, предѣлы дарованія, закалъ характера, *онъ* смотритъ на насъ изъ-подъ масокъ своихъ Амалатъ-Бековъ, Мулла-Нуровъ, *его* голосъ слышится среди вулканическихъ изверженій ихъ шумной риторики или въ полныхъ разочарованія и презрѣнія свѣтскихъ неудачникахъ. Неистощимый въ любовныхъ увлеченіяхъ и грёзахъ, искренно чувствительный [1],—и въ то же время храбрый, искавшій опасной сѣчи,—не чуждый суетной жажды внѣшняго успѣха, а въ глубинѣ хранившій преданія общечеловѣческой мысли и творчества [2], онъ, своей сложной, волнующейся натурой ближе многихъ подходя къ байроническому типу, не смогъ прочно воплотить его, стать дѣятельнымъ и пригоднымъ пропагандистомъ движенія,—какъ ни манила его эта роль до конца, то побуждая, напр., къ широкому замыслу поэмы „Человѣчество“, гдѣ оно должно было „выступить во всѣхъ своихъ возрастахъ, во всѣхъ кризисахъ“, то къ полному байроническихъ размышленій „Журналу Вадимова“. Но въ герояхъ его повѣ-

---

[1]) Какою грустной нѣжностью проникнуто избранное имъ французское стихотвореніе на памятникѣ несчастной Ольги Нестерцовой въ Дербентѣ! „Un soir elle tomba, rose effeuillée aux vents. O, terre de la mort, ne pèse pas sur elle. Elle a si peu pesé sur celle des vivants“,—читаемъ мы въ этой эпитафіи.

[2]) „Гомеръ, Дантъ, Мильтонъ, Шекспиръ, *Байронъ*, Гёте!“—восклицаетъ Вадимовъ-Марлинскій—„яркое созвѣздіе, вѣнчающее человѣчество! Великаны, которымъ не вѣритъ свѣтъ! Чувствую, что *мои думы могли бы быть ровесниками вашимъ*“.

стей все же впервые проглянулъ образъ протестующаго русскаго отщепенца, готоваго идти на вѣрную смерть, лишь бы избавиться отъ постылой судьбы,—тотъ образъ, который въ жизни всего яснѣе сказывался тогда среди декабристовъ, изъ милости переведенныхъ для выслуги на Кавказъ. Въ герояхъ Марлинскаго, на разстояніи, все замѣтнѣе становится звено между неувѣренными Пушкинскими опытами въ родѣ „Плѣнника“ и широкой разработкой Лермонтовскаго байронизма, обставленнаго опять *кавказской* декораціей. Они, вмѣстѣ со всѣмъ аппаратомъ усопшей и наполовину истлѣвшей послѣ натиска Бѣлинскаго „марлинщины“, требуютъ во всей своей байронической драпировкѣ опредѣленнаго мѣста въ исторіи русской повѣсти.

По горькой долѣ и контрасту между казарменной обстановкой, старой палочной дисциплиной, суровостью, невѣжествомъ насильно навязаннаго имъ военнаго быта и широкими душевными движеніями, Бестужевъ—явленіе вполнѣ родственное младшему изъ приверженцевъ байронизма, примыкавшихъ къ Пушкинской школѣ, Полежаеву. Отъ поэта-декабриста съ Каиновой печатью на челѣ—легокъ переходъ къ его собрату, послѣ своей подневольной рекрутчины оставшемуся на такъ называемой волѣ, въ московскихъ казармахъ, въ кавказскомъ полку, но въ улучшенномъ острогѣ безвозвратно погибшему. Начиная съ первыхъ печатныхъ его работъ,—двухъ переводовъ изъ Байрона, „Видѣнія Валтасара“ и „Оскара Альвскаго“ и кончая „Вѣнкомъ на гробъ Пушкина“, написаннымъ въ 1837 году, за годъ до смерти Полежаева, и заключающимъ въ себѣ такую оцѣнку англійскаго поэта:

Когда гремѣлъ, какъ дикій стонъ,
Неукротимый и избранный,
Подъ небомъ Англіи туманнымъ,
Твой дивный голосъ, о, Байронъ!..

—въ поэзіи Полежаева байроническое направленіе должно было сильно ощущаться. Но въ то время, какъ Бестужевъ и его герои-двойники дерзновенно возвышали голосъ противъ судьбы и людей, та же желѣзная дѣйствительность пригнула и обезволила Полежаева, и общимъ, на все налегшимъ ярмомъ, и той безталанной участью, которую она приготовила молодому поэту, превративъ только-что вступавшаго въ жизнь московскаго студента за непринужденную, даже неполитическую, бойкость его „Сашки“, этой пародіи на „Онѣгина“, въ рядового Николаевскихъ войскъ, сгноила и споила его въ казармѣ и рано прервала его жизнь.

Безсмѣнными и всегда захватывающими своею искренностью мотивами его поэзіи—стали жалобы на разбитую жизнь, тоска, ожесточеніе, отчаяніе, жажда смерти. Въ творчествѣ Байрона ему чудились отвѣтные, сочувственные звуки. Не разъ вноситъ онъ въ свои стихотворныя признанія байроновскіе пріемы; онъ называетъ себя „сыномъ погибели и зла"; „его жизнь мучительнѣе ада" (стихотв. „Ожесточенный"); стихотв. „Отчаяніе" съ мыслями о смерти выдержано въ тонѣ крайнихъ изліяній меланхоліи Байрона; въ стихотв. „Демонъ вдохновенія", быть можетъ, всего больше связей съ пріемами автора „Манфреда",—только демоническая аллегорія рокового поэтическаго дара разрѣшается невыдержанной, нескладной картиной появленія Аримана и адскаго хора, — опять въ видѣ отголоска извѣстныхъ деталей „Манфреда". Но переходовъ отъ удрученія и пессимизма къ протесту и борьбѣ, роста личности, потрясающей старые устои, общественной и политической зрѣлости, нѣтъ и въ поминѣ. Скорбь не міровая, а личная,—искренняя, но безпомощная. Поэтъ—„погибающій *пловецъ*", и въ стихотвореніи, носящемъ это заглавіе, слышится унылый припѣвъ: „тонетъ, тонетъ мой челнокъ!" Воля, дарованіе, энергія сгублены („Зачѣмъ же вы убиты, силы мощныя души!"—стихотв. „Тоска"). Нравственное паденіе даже не облечено въ загадочную оболочку эффектной преступности; оно—дѣло темной, губительной силы. „Я погибалъ, мой злобный геній торжествовалъ!"—восклицаетъ Полежаевъ въ стихотвореніи „Провидѣніе" и завершаетъ это печальное обозрѣніе своей испорченной жизни грёзой—объ успокоеніи, о примиреніи въ Богѣ.

Байроновскіе отголоски встрѣчаются съ чуждымъ Байрону, но вложеннымъ въ его несчастнаго послѣдователя безпросвѣтною судьбой, религіозно-нравственнымъ мотивомъ. Это сочетаніе очень походитъ на тотъ оттѣнокъ байронизма, который не подъ ударами судьбы, а въ свободной рефлексіи сложился у Ламартина. И, словно почуявъ эту близость, Полежаевъ, вообще не мало переводившій изъ этого поэта, переложилъ то поучительное, пытающееся просвѣтить и спасти заблудшаго геніальнаго художника, стихотвореніе, съ которымъ Ламартинъ обратился къ Байрону („Человѣкъ"). Вниманіе и сочувствіе Полежаева къ этой неудачной проповѣди говоритъ о крайней неполнотѣ пониманія Байрона,—призывъ же къ покою и гармоніи, болѣзненно звучащій среди торжества стараго порядка, завершаетъ новою, печальною чертой образъ Полежаева, въ международной байроновской школѣ, конечно, одинъ изъ наиболѣе безотрадныхъ.

Не нашлось мужественныхъ словъ и боевыхъ порывовъ въ отвѣтъ на гоненія и несправедливость у человѣка, для котораго жизнь создала положеніе, сродное байроновскому, и его могла успокоить мечта о душевномъ мирѣ,—чего же ждать отъ тѣхъ людей, которые, уцѣлѣвъ отъ переворота и предавшись самосохраненію среди упорядоченнаго общества, сильно понизили свой уровень, обѣгая все жгучее, волнующее, современное, стараясь взять назадъ прежнія неосторожныя рѣзкости!

Вяземскій, съ своимъ культурнымъ блескомъ, щеголеватой ролью независимаго романтическаго критика, барственнымъ сибаритствомъ, связями въ свѣтѣ и въ передовой литературѣ,—не чета несчастному Полежаеву; но не послышались ли и въ его стихотворствѣ послѣ декабрьскихъ дней новые тоны, въ разрѣзъ съ прежнимъ горячимъ удивленіемъ титанизму Байрона! Три года прошло послѣ того, какъ, потрясенный его кончиной, онъ вызывалъ Пушкина и Жуковскаго достойно воспѣть событіе, въ которомъ ему чудился „океанъ поэзіи", — теперь онъ самъ принимается за эту тризну [1]). Въ уцѣлѣвшемъ отрывкѣ ея, отягченномъ не всегда даже понятной риторикой, расточаются сначала обычныя сочувственныя слова. Байронъ — „отважный исполинъ, Колумбъ новѣйшихъ дней", онъ „презрѣлъ рубежъ боязненной толпы и въ полетѣ смѣломъ сшибъ Иракловы столпы", изъ души его глубокой дума кровная слышалась, „какъ гулъ грозы далекой, еще не грянувшей надъ нашею главой" и т. д. Но затѣмъ раздается поученіе, указывающее на роковые предѣлы, искони поставленные свободѣ человѣческой личности. „Мысль всемогуща въ насъ" (повторяетъ Вяземскій извѣстныя слова Байрона), — „но тотъ, кто мыслитъ, слабъ; мысль независима, но времени онъ рабъ"... Надъ Байрономъ „свершился грозный судъ". Его „ранній гробъ, безсмертья свѣтлаго алтарь нѣмой и тлѣнный, свидѣтельствуетъ намъ весь подвигъ бытія", — иначе, напоминаетъ о бренности, тщетѣ и преходящемъ смыслѣ сверхъчеловѣческихъ стремленій. Успокоившійся и образумленный стихотворецъ-моралистъ заканчиваетъ поученіе такимъ выводомъ:

И жизнь твоя гласитъ, разбившись на могилѣ,
Чѣмъ смертный можетъ быть, *и чѣмъ онъ быть не въ силѣ.*

Оригинальное de profundis, возглашаемое прежнимъ салоннымъ вольнодумцемъ, россійскимъ Риваролемъ, не то Шанфоромъ, выхваченнымъ изъ заурядности искренно вспыхнувшимъ

---

[1]) Соч. кн. П. А. Вяземскаго, 1880 г., III, 423—26.

въ немъ байроновскимъ культомъ, и теперь сворачивавшимъ на путь золотой середины, очень характерно отражаетъ на себѣ дѣйствіе пережитого перелома. Куда цѣльнѣе и послѣдовательнѣе совсѣмъ забытый теперь второстепенный байронистъ, конечно, сильно уступавшій Вяземскому въ дарованіи, Михаилъ Бестужевъ-Рюминъ, попытавшійся, тоже заднимъ числомъ, вспомянуть кончину великаго поэта! Подобно Вяземскому, онъ выполнилъ это въ большомъ произведеніи, изъ котораго также извѣстенъ лишь одинъ отрывокъ: „Послѣднія чувства Бейрона“ [1]). Рѣшивъ совершенно игнорировать печальную обстановку агоніи Байрона подъ Миссолонги, онъ вложилъ ему въ уста обширный монологъ, обращенный къ солнцу, въ послѣдній разъ привѣтствующій природу, и, подобно Манфреду, безтрепетно ожидающій приближенія смерти.

Та убыль въ интенсивности и полнотѣ байронизма, которая такъ замѣтна у Полежаева, Вяземскаго,—еще ощутительнѣе у двухъ современныхъ имъ поэтовъ, одаренныхъ чуткими запросами мысли, способныхъ не по внушеніямъ моды, а свободно и сознательно отнестись къ новому слову,—и сохранившихъ человѣческое достоинство послѣ всеобщей переоцѣнки цѣнностей,—у Веневитинова и Баратынскаго. Юношеская критическая статья Веневитинова въ „Сынѣ Отечества“ съ оригинально проведенной параллелью между Пушкинымъ-авторомъ Онѣгина и Байрономъ, выставившая широту и общечеловѣческое значеніе байроновской поэзіи, явилась въ нашемъ обзорѣ лучшею изъ раннихъ попытокъ русской критики опредѣлить сущность байроновскаго творчества. Въ связи съ мѣткостью подобныхъ сужденій должна бы идти самостоятельная поэтическая работа въ данномъ направленіи. И она уже началась. Подобно извѣстнымъ отроческимъ заявленіямъ Лермонтова, восемнадцати-лѣтній Веневитиновъ въ „Пѣсни грека“ называетъ себя „смѣлымъ ученикомъ Байрона“. Въ сводѣ русскихъ стихотворныхъ некрологовъ поэта, отрывки изъ Веневитиновскаго „драматическаго пролога“: *Смерть Байрона* уже выдѣлились глубиной чувства и симпатіею къ освободительному подвигу. Въ лирикѣ юноши, который „такъ много зналъ, такъ мало жилъ“, пробѣгали струйки байроновской грустной рефлексіи. Но, отрѣшаясь отъ своей личности, онъ готовился къ большому опыту романической характеристики, гдѣ выступилъ бы (какъ онъ говорилъ друзьямъ) герой съ чертами

---

[1]) „Послѣднія чувства Бейрона“, изъ поэмы „Умирающій Бейронъ“, въ „Сиріусѣ“ 1826 г.

то Манфреда, то Чайльдъ-Гарольда, съ совѣстью, отягченною преступленіемъ, съ „неясными порывами высокой души“, „заживо убитый“, неспособный наполнить безцѣльность своего существованія. Эти заявленія, работы, планы говорили о разносторонности байроническаго почина. Но имъ не суждено было развиться. Новая сила, соперничая съ поэтическими возбужденіями, искавшими выхода изъ тяжкой современности, отвлекла мечтателя въ иную область, обѣщая стройное и послѣдовательное рѣшеніе не русскихъ только, но всемірно-историческихъ задачъ,—нѣмецкая философія, собравшая вокругъ Веневитинова первый московскій кружокъ дилеттантовъ-мыслителей, предтечъ философско-эстетическихъ кружковъ тридцатыхъ годовъ. Шеллингизмъ, возведенная на его основѣ теорія самобытнаго русскаго вклада въ міровую культуру, основаніе „Московскаго Вѣстника“ для пропаганды этихъ взглядовъ, работа журналиста, отдалили Веневитинова отъ байронизма, подъ чьимъ флагомъ онъ вступилъ въ жизнь. Это была не измѣна, не охлажденіе, но перестройка понятій и воззрѣній; въ картинѣ общечеловѣческаго развитія, въ которое, по новой теоріи, каждая призванная къ исторической миссіи народность вноситъ свое лучшее достояніе, завѣтную идею, Англія новѣйшихъ временъ, конечно, входила—въ сферѣ художественнаго творчества — съ Байрономъ, какъ Германія съ Гёте, и Россія (вѣрилось Веневитинову) съ Пушкинымъ.

Такъ покинута была поэтомъ-мыслителемъ волнующаяся байроническая лирика, оставленъ и планъ романа съ трагически задуманнымъ героемъ-неудачникомъ. Блѣдный очеркъ его содержанія и уцѣлѣвшій фрагментъ, надписанный „Три эпохи любви“ [1]), даютъ лишь контуры главнаго характера, который явился бы раннимъ предшественникомъ Печорина и развитіемъ намековъ и задатковъ, данныхъ въ личности Алеко и Плѣнника. Въ жизни Владиміра Паренскаго (сына польскаго магната) властныя стремленія натуры эгоистической осложнились запросами мысли и знанія. Онъ еще въ университетѣ „удивляетъ успѣхами въ наукахъ“, страстно отдается анатоміи, „погружается въ размышленія о началѣ жизни, разгадываетъ тайну связи души и тѣла“. Онъ возвращается къ наукѣ, какъ къ цѣлительной силѣ, когда съ ужасомъ видитъ, въ какую пучину преступности вовлекла его ненасытность эгоизма, когда его преслѣдуютъ тѣни товарища и его невѣсты, погубленныхъ злораднымъ себялюбцемъ. Его тре-

[1]) Объ этомъ произведеніи сравн. статью проф. Е. Боброва: „Матеріалы, изслѣдованія и замѣтки по исторіи литерат. и просвѣщ. въ XVIII и XIX в.“ (Учен. Записки Казанск. Университета, 1899, XII, и „Философію въ Россіи“, того же автора).

вожныя блужданія, путешествія, похожія на бѣгство, смягчаются приливами высшихъ интересовъ къ наукѣ. Когда же въ Германіи, снова предавшись анатоміи, онъ „передъ трупомъ красивой женщины внезапно почувствовалъ отвращеніе къ наукѣ", для него „все въ мірѣ стало мертво". Онъ влачитъ за собой отнынѣ ту же страшную цѣпь, отъ преступленія переходитъ къ преступленію, разбиваетъ чужую жизнь, чужое счастье, какъ искуситель дѣйствуя на женщинъ, мучится совѣстью и топитъ въ безцѣльномъ существованіи „качества необыкновенныя".

Преслѣдуемый, подобно Манфреду или Ларѣ, тѣнями своихъ жертвъ, герой романа самъ остался для насъ смутною тѣнью; реальныя, просящія отвѣта, страданія даровитаго лишняго человѣка вскрыты, но не изучены, не объяснены. Могъ ли объяснить ихъ Веневитиновъ, стоя уже на порогѣ своего философскаго воздушнаго чертога, могъ ли дѣйствительно отрѣшиться отъ своей тонкой и нѣжной душевной организаціи и пережить испытанія натуры, ей противоположной? Ранняя, быстрая смерть оборвала и этотъ вопросъ, и всѣ ожиданія, возбужденныя рѣдко даровитымъ юношей. Съ нимъ выбылъ изъ строя русскихъ байронистовъ чуть ли не наиболѣе культурный и разносторонній представитель направленія.

„Гамлетъ-Баратынскій",—какъ назвалъ поэта Пушкинъ, въ стихотвореніи „Черепъ", 1827 года,—ближайшій къ Веневитинову по вдумчивому, сознательному изученію и пониманію Байрона. Въ стихотвореніи „Подражателямъ", помѣченномъ такою поздней датой, какъ 1830-й годъ, онъ обрисовалъ идеальный образъ художника, „въ борьбѣ съ тяжелою судьбою познавшаго мѣру вышнихъ силъ", „постигнувшаго таинства страданья", „окруженнаго нетлѣнными лучами" и „чтимаго подобно мученику". Ставя его поэзію внѣ подражанія, онъ убѣждалъ Мицкевича, не подчиняясь Байрону, идти своимъ путемъ,—конечно, себѣ указывалъ подобную же цѣль, и пошелъ къ ней. Совсѣмъ избѣгнуть подражанія и онъ не смогъ. Стихотвореніе „Послѣдняя смерть", 1828 года, изображающее уничтоженіе жизни на землѣ, страшную, безлюдную пустыню, несомнѣнно внушено байроновскою „Darkness" [1]), которой суждено было вскорѣ вдохновить и другого, младшаго русскаго поэта, Лермонтова („Ночь II"). Въ поэмѣ „Цыганка" или „Наложница" проведено, въ лицѣ цыганки Сары и Вѣры, байроническое, внушенное „Корсаромъ", противоположеніе двухъ женскихъ характеровъ въ ихъ отношеніи

---

[1]) „Тьма" была переведена впервые въ „Новостяхъ Литературы", 1825, 17.

къ порвавшему со свѣтомъ герою поэмы. Вступленіе къ ней, защищая автора отъ обвиненія въ безнравственности, прибѣгаетъ къ тѣмъ пріемамъ, которыми Байронъ отстаивалъ свою свободу въ выборѣ легкомысленныхъ или распущенныхъ нравовъ для „Беппо“ или „Донъ-Жуана“. Но вліяніе идейное, возбужденіе къ самостоятельности, защитѣ личности, правъ мысли, были несравненно важнѣе этихъ невольныхъ подражаній. Въ томъ ходѣ развитія, который привелъ Баратынскаго отъ игривыхъ шалостей молодой фантазіи къ рефлексіи, глубокой грусти, пессимизму, весь строй байроновскаго раздумья, мятежъ, тоска и отчаяніе Манфреда, Гарольда, личная исторія поэта, раскрывшаяся передъ Баратынскимъ въ письмахъ и дневникахъ, изданныхъ Муромъ, были важною опорой. Но та основная черта, которая заслужила поэту у современниковъ названіе Гамлета, парализовала творческую способность, болѣзненно развивъ унылую „Grübelei“. Онъ не примкнулъ къ торжествующей благонамѣренности, не сохранилъ солидарности и съ тѣми литературными корифеями, съ которыми началъ свою дѣятельность; онъ шелъ одинокою тропой, лишь изрѣдка раскрывая,—какъ въ стихотвореніи на смерть Гёте,—какая немолчная работа творилась въ этомъ умѣ. Но русская дѣйствительность, доведя его до горечи отрицанія и сомнѣнія, подорвала его творчество. Изъ рядовъ байронизма, въ широкомъ смыслѣ слова, выбыла немалая сила. Такъ въ ту же пору во Франціи байроническое движеніе понесло утрату, когда еще болѣе острый, все окутавшій мракомъ, пессимизмъ въ связи съ неизлечимой болѣзнью разстроили великія ожиданія, возбужденныя Альфредомъ де-Виньи, поэтомъ-мыслителемъ, столь схожимъ по судьбѣ съ Баратынскимъ.

Убыль, атрофія, отреченіе, успокоеніе, невольное безмолвіе лишали байроническую группу наиболѣе даровитыхъ ея дѣятелей, понижали общій ея тонъ. А мелкота не меньше прежняго суетилась, драпируясь въ эффектные наряды великаго поэта, упражняясь въ перепѣвахъ съ его голоса, передѣлывая и приспособливая его сюжеты, характеры, настроенія. Байроновское эхо звучало въ лирикѣ и поэмахъ Подолинскаго, быть можетъ, наиболѣе даровитаго въ этомъ стихотворномъ арьергардѣ, вынесшаго сильныя впечатлѣнія изъ близости, въ молодые годы, съ кружкомъ Пушкина и Мицкевича; но, неспособный подняться до міросозерцанія Байрона, онъ остановился на разработкѣ Гарольдовскихъ мотивовъ въ своихъ лирическихъ вещахъ и привлекъ къ колориту байроновскихъ мистерій восточныя краски поэмъ Томаса Мура, чтобъ воспѣвать своихъ „Дивовъ и Пери“. По выраженію

Пушкина, „фантастическая тѣнь Чайльдъ-Гарольда сопровождала Виктора Теплякова на кораблѣ, принесшемъ его къ ѳракійскимъ берегамъ“; онъ поддался „неизбѣжному для отправляющихся на Востокъ“ подражанію байроновской поэмѣ въ своихъ „Ѳракійскихъ элегіяхъ“ [1]).

Онъ усвоилъ себѣ притомъ не только оріентализмъ Байрона, пригодный для большей яркости своихъ картинъ съ натуры, но внесъ рядъ мыслей и мотивовъ изъ другихъ, не-восточныхъ пѣсенъ „Гарольда“. Его элегіи напомнили Пушкину „нѣкоторыя строфы изъ четвертой пѣсни, слишкомъ сильно врѣзанныя въ наше воображеніе“. Безталанный Олинъ дошелъ въ рвеніи до превращенія „Корсара“, котораго сначала переводилъ прозой, въ трехъ-актную драму съ хоромъ и пѣснями [2]). Въ кругахъ дилеттантской молодежи, грѣшившей стихами и наполнявшей эстетическими интересами пустоту усмиренной и обезвреженной жизни, Байронъ съ смѣлымъ полетомъ фантазіи и чарующими художественными новшествами былъ предметомъ неистощимыхъ споровъ и обсужденій. О немъ говорили и изъ-за него ломали копья въ концѣ двадцатыхъ годовъ, какъ въ слѣдующемъ поколѣніи будутъ ратовать за Шекспира, Шиллера, Мочалова,— и журнальныя статьи, по большей части переводныя (Нодье, Газлитта и др.), являвшіяся на страницахъ „Московскаго Телеграфа“, нелицемѣрно сохранившаго культъ англійскаго поэта [3]), вмѣстѣ съ отголосками байронизма въ новѣйшихъ твореніяхъ Пушкина,—являлись опорою для защитниковъ Байрона.

Въ бойкихъ наброскахъ съ натуры, составляющихъ бытовой фонъ статей Надеждина-Надоумки въ „Вѣстникѣ Европы“ Каченовскаго (1830 г.), „Литературныхъ Опасеній“ и „Сонмища нигилистовъ“, выступаютъ въ пестромъ и шумномъ оживленіи литературныя вечеринки и эстетическія „курилки“ въ московскомъ Латинскомъ кварталѣ, на Патріаршихъ Прудахъ и въ „Палашахъ“, съ громогласными заявленіями фанатическихъ восторговъ, вызовами, бросаемыми отживающей школѣ, въ которыхъ еще звучатъ недавнія статьи „Телеграфа“.

Критику-борзописцу, среди мертвенныхъ страницъ старомоднаго журнала выступавшему предтечей хлёсткихъ газетныхъ

---

[1]) Элегіи Теплякова вышли въ Спб. въ 1836 г.

[2]) „Корсаръ“. Въ трехъ дѣйствіяхъ съ хоромъ, романсомъ и двумя пѣснями: турецкою и аравійскою. Заимствовано изъ англійск. поэмы лорда Байрона „The Corsair“. Спб. 1827.

[3]) Въ послѣднее время изслѣдованіе г. Козьмина: „Очерки изъ исторіи русск. романтизма“, 1903 г., представило подробный обзоръ эстетическихъ работъ Полевого.

фельетоновъ, хотѣлось, обуздывая свои личные, несравненно болѣе широкіе вкусы и подлаживаясь къ брюзжанью старика-редактора, высмѣять шумиху праздныхъ разглагольствій, обличить вредъ литературной безформенности и безпринципности, которой онъ впервые придалъ кличку „нигилистической" (причемъ, въ глазахъ его, *нигилизмъ равнялся байронизму*). Но, распредѣляя выраженія мнѣній между крикливыми буршами или между собой и автоматомъ, получившимъ имя Тлѣнскаго и участвующимъ въ діалогѣ,—не останавливаясь передъ комическими эффектами въ родѣ тоста Чадскаго, который „поднимаетъ бокалъ за упокой самого великаго Байрона",—Надеждинъ все же не въ состояніи развѣнчать Байрона, отвергнуть его значеніе. „Богъ судья покойнику Байрону,—говоритъ одно изъ дѣйствующихъ лицъ.—Его мрачный сплинъ заразилъ всю настоящую поэзію и преобразилъ ее изъ улыбающейся Хариты въ окаменяющую Медузу"; критикъ указываетъ на „страшный хаосъ, созданный гигантской фантазіей Байрона". Но онъ все же считаетъ его геніальнымъ поэтомъ, вѣритъ, что онъ „останется навсегда великимъ, хотя и зловѣщимъ свѣтиломъ на небосклонѣ литературнаго міра". Этотъ взглядъ онъ возьметъ съ собой потомъ на каѳедру и на свой диспутъ, когда впервые въ стѣнахъ университета разыгралась война противъ русскаго романтизма. Среди обличеній и укоровъ, звучащихъ и тамъ противъ Байрона, вырисовывается его величіе, хотя и сатанинское.

Никодимъ Надоумко несомнѣнно сгустилъ краски, возставая противъ хаоса, нигилизма, зараженія сплиномъ, окаменяющей Медузы. Опасности, которая оправдывала бы непомѣрное желаніе ратовать, спасать отъ гибели, не было. Оффиціальная „народность", чуткая, подозрительная, допускавшая лишь преклоненіе передъ современнымъ порядкомъ, какъ „наилучшимъ изъ міровъ", не потерпѣла бы соціально обоснованнаго пессимизма, внушающаго людямъ, что въ этомъ мірѣ все живое осуждено глохнуть и гибнуть. Личная грусть и „сплинъ", вырываясь изъ такихъ разбитыхъ душъ, какъ горемыка Полежаевъ, не представляли въ стихотворствѣ повальнаго явленія. Когда Баратынскій, осмѣивая рабскихъ подражателей Байрона, потѣшался надъ ихъ „жеманнымъ вытьемъ", это осужденіе, идущее отъ одного изъ наиболѣе вдумчивыхъ и склонныхъ къ меланхоліи русскихъ учениковъ Байрона, показываетъ, какими низкопробными казались участникамъ въ движеніи мнимо опасные факты, вызывавшіе заклинанія критика. Или охранителя здравыхъ взглядовъ тревожило не прекращавшееся даже въ пору затишья изу-

ченіе Байрона, журнальныя статьи о немъ, переводы, частыя ссылки, сличенія, параллели съ Пушкинымъ и т. д., и ему чудилась порча русской мысли и вкуса? Или его возмущало не переводившееся въ обществѣ отродье неповинныхъ въ литературѣ, но все же щеголявшихъ въ Гарольдовомъ плащѣ проблематическихъ натуръ? Онѣгинъ, первый въ ихъ ряду, повелъ за собой подражателей; герои Марлинскаго дали много оттисковъ и слѣпковъ въ гостиныхъ, въ полку, на Кавказѣ; Печорину предстояло затѣмъ стать родоначальникомъ еще болѣе многочисленнаго потомства плохихъ копій; еще позже, въ одномъ изъ героевъ „Тарантаса", Иванѣ Васильевичѣ, Бѣлинскій узналъ „одного изъ тѣхъ, что корчили изъ себя Манфредовъ". Явленіе повсемѣстное,—его иронически освѣщали Бульверъ, Альфредъ де-Мюссе, Гейне,—не помѣшавшее нигдѣ серьезному росту байронизма. Но, быть можетъ, именно оно усиливало въ глазахъ критика опасность, придало мрачный фонъ умѣреннымъ и безобиднымъ литературнымъ итогамъ...

И черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ первыхъ наѣздовъ своихъ противъ байронизма и его кумира, Надеждинъ въ диссертаціи [1]), снова, и сильнѣе прежняго, постарался нанести ударъ врагамъ,— и ученикамъ, и учителю. Первыхъ онъ осмѣиваетъ, какъ пигмеевъ, которые, ослѣпленные „молніеноснымъ блескомъ адскаго величія Байрона, предаются въ тупости своей вакхическимъ восторгамъ", тогда какъ самому поэту, „знаменитѣйшему, наполнившему своей славой весь свѣтъ", онъ расточаетъ тяжкіе укоры. Это былъ „мужъ великихъ дарованій, но совершенно лишенный благочестія"; онъ представляетъ собой „абсолютнѣйшій типъ ужасающаго эгоизма", который, „все отвергнувъ, самъ себя низвергаетъ въ адскую пучину небытія". Онъ, преемникъ разрушителя Вольтера, „своими безбожными насмѣшками и поруганіями святыни (критикъ наиболѣе возмущенъ „Каиномъ") самъ же губитъ себя", и т. д.

Глухо раздавались громы проповѣдника, никого не поражая, не остановивъ ни одной изъ дѣйствующихъ въ литературѣ силъ, вызвавъ лишь немногочисленныя возраженія. Самъ онъ, благодаря эстетической своей эволюціи, или же житейской сообразительности смѣтливаго человѣка, „отдавшаго классицизму честь", достигшаго цѣли и ставшаго на свои ноги, выступилъ, въ „Телескопѣ" и въ университетскихъ курсахъ, съ иною программой,

---

[1]) De origine, natura et fatis poeseos, quae romantica audit. Dissertatio historico-critico-elenctica. Mosquae, 1830.

которая въ состояніи была давать культурное крещеніе передовой молодежи тридцатыхъ годовъ [1],—а въ то время, когда гарцовалъ на фельетонномъ рысакѣ Надоумко и потомъ въ докторскомъ облаченіи предавалъ анаѳемѣ великаго поэта, въ тиши барскаго захолустья той же Москвы, гдѣ ратовалъ обличитель, съ сказочной быстротой развивался замѣчательнѣйшій изъ русскихъ послѣдователей Байрона.

II.

Кучка русскихъ стихотворцевъ, поддерживавшихъ во второй половинѣ двадцатыхъ годовъ байроническую традицію, производитъ впечатлѣніе отряда, лишившагося вождя и дѣйствующаго вразсыпную. Еще недавно съ горячностью велъ его въ бой человѣкъ великихъ дарованій, преданный идеѣ, увлекаемый все впередъ блестящею звѣздой, озарившею его путь. Теперь охлаждающее вліяніе переворота, захвативъ въ сильной степени и его, отвело его отъ современности, замѣнило протестъ передового оппозиціоннаго поэта разсудочнымъ, тяжело пережившимся компромиссомъ, „въ надеждѣ славы и добра", съ существующимъ порядкомъ, не посмѣвъ закрыть единственнаго почетнаго выхода,—сосредоточенія всѣхъ силъ на служеніи художественной красотѣ и чистому искусству. Повелителемъ байронической арміи онъ уже не могъ остаться; лозунга, ведущаго къ побѣдѣ, не могъ ей дать, потому что и самъ не вѣдалъ его болѣе. Она осиротѣла, словно растерялась въ своемъ безначаліи, стала растрачивать энергію въ разрозненныхъ попыткахъ удержать свое значеніе.

Но отмѣчены ли послѣднія одиннадцать лѣтъ, прожитыя Пушкинымъ послѣ декабрьскаго перелома, рѣшительнымъ разрывомъ съ столь дорогимъ ему въ бурные годы байронизмомъ, есть ли малѣйшее основаніе разобщать его вполнѣ съ его движеніемъ, исключать его имя изъ числа выдающихся его приверженцевъ? Введенное въ обиходъ литературныхъ мнѣній неумѣренными сторонниками самостоятельности Пушкина толкованіе принимаетъ для зрѣлаго его возраста безусловное отреченіе отъ байронизма, принесеніе любимца въ жертву другимъ богамъ, отрезвленіе отъ демоническаго наважденія, которому не

[1] Въ первые годы новаго журнала еще замѣтны отголоски прежнихъ мнѣній Надеждина о Байронѣ; съ умысломъ переведена изъ „Edinburg Review" въ 1832 г. статья объ англійской поэзіи, съ укорами Байрону и Шелли. Впослѣдствіи въ томъ же журналѣ Бѣлинскій и Герценъ могли иначе оцѣнивать Байрона.

суждено уже повториться. Другое мнѣніе является результатомъ точнаго анализа произведеній и переписки Пушкина за тотъ же періодъ и изученія современныхъ „новообращенному" поэту сужденій критики и интеллигентныхъ слоевъ, которые, несмотря на видимыя отклоненія и новшества, не переставали вѣрить въ байроническія его сочувствія. Спорный вопросъ, цѣнный и для выясненія эволюціи литературнаго космополитизма, такъ широко развившагося у Пушкина, требуетъ рѣшенія и отъ историка русскаго байроническаго движенія, чуть не поставленнаго въ необходимость считаться съ страннымъ фактомъ ренегатства, навязаннымъ тому изъ нашихъ поэтовъ, который разносторонней отзывчивостью къ явленіямъ общечеловѣческаго творчества такъ напоминаетъ Гёте.

„Ни личный характеръ, ни воспитаніе, ни среда, ни традиціи не подготовили и не развили въ Пушкинѣ тѣхъ свойствъ, которыя выразились у Байрона въ *дѣйствительно пережитомъ* имъ титанизмѣ и привели къ геройскому подвигу его послѣднихъ дней"; „свѣтлая Пушкинская муза не походила вовсе на истинную музу мести и печали, борьбы и протеста, философскаго и религіознаго отрицанія и сомнѣнія, музу смѣха, носящагося надъ широкими горизонтами всемірной исторіи и надъ застоемъ и гнетомъ современности, музу тяжкихъ душевныхъ страданій за себя и за другихъ". Къ такому выводу привело уже насъ [1]) изученіе основныхъ мотивовъ Пушкинскаго байронизма въ пору его расцвѣта. Послѣ перелома это наблюденіе еще болѣе подтверждается отдѣльными фактами и общимъ составомъ Пушкинскаго творчества. Неполное, ослабленное соотвѣтствіе его съ раннимъ образцомъ остается неизмѣннымъ до конца. Но былой энтузіазмъ былъ слишкомъ силенъ и продолжителенъ, онъ освѣтилъ и облагородилъ мятежное клокотаніе юношескаго протеста, раскрылъ далекіе горизонты и великія цѣли, онъ возбуждалъ къ самостоятельности, заронилъ рядъ примѣчательныхъ замысловъ. Такія связи не прерываются, какъ бы превратно ни складывалась потомъ участь человѣка, какъ бы ни осложнялся его художественный обиходъ, переходя отъ единобожія къ эклектизму, свободно усвоивающему разнородные элементы міровой литературы. Это не модный нарядъ, который легко сбросить, задрапировавшись въ иной, пластически красивѣйшій, съ льющимися складками, будь онъ съ плеча Шекспира или Гёте. Не было такого времени, когда бы Пушкинъ являлся

---

1) „Вѣстникъ Европы", 1904, IV, 600.

безусловно шекспиристомъ, гётеанцемъ, ученикомъ Вальтеръ-Скотта, но была пора, когда всею душою прильнулъ онъ къ Байрону. Это была первая его любовь,—какъ самъ онъ, по извѣстному выраженію Тютчева, былъ „первой любовью Россіи“. Она не забудетъ его, но и онъ никогда не забывалъ Байрона, не охладѣвалъ къ нему.

Письмо къ Вяземскому, отъ 10 октября 1824 г., даетъ высоко любопытное указаніе на намѣреніе поэта откликнуться изъ михайловской ссылки на кончину Байрона не однимъ лишь стихотвореніемъ: „Къ морю“, недоговоренность котораго была уже мною отмѣчена,—тризной, совмѣстной для Байрона съ Наполеономъ и прославившей у творца „Манфреда“ и „Донъ-Жуана“ лишь „мрачность и неукротимость“. „Посылаю тебѣ маленькое поминаньице за упокой души раба Божьяго Байрона,—пишетъ Пушкинъ.—*Я было и цѣлую панихиду затѣялъ*, да скучно писать про себя, или справляясь въ умѣ съ таблицей умноженія глупости Бирукова, раздѣленнаго на Красовскаго“. Замершее на устахъ опечаленнаго поклонника сочувственное слово (неужели, помимо Бирукова съ Красовскимъ и цензурнымъ синедріономъ, оно не могло бы облетѣть всю страну въ видѣ свободной, нелегальной импровизаціи!) все же частично проявляется при первомъ же поводѣ. Такъ въ напоминающей сонмъ поэтовъ въ Дантовомъ лимбѣ картинѣ, открывающей стихотвореніе „Андрей Шенье“, тѣнь Байрона введена въ кругъ великихъ художниковъ и „близь Данта внимаетъ хору европейскихъ лиръ“, славословящихъ ее. Въ перепискѣ, передъ концомъ ссылки, мысль поэта постоянно возвращается къ Байрону. Когда г-жа Кернъ прислала ему изъ Риги послѣднее изданіе байроновскихъ сочиненій во французскомъ переводѣ, онъ пишетъ горячо благодарственное письмо, въ которомъ симпатіи къ Байрону сливаются съ нѣжностью къ плѣнительной женщинѣ, такъ тонко отозвавшейся на его завѣтные запросы. Отнынѣ ея образъ будетъ неразлученъ въ его воображеніи съ тѣми, что создала байроновская фантазія. „*Ее* онъ будетъ видѣть въ Гюльнарѣ, Лейлѣ; идеалъ самого Байрона не могъ имѣть болѣе божественныхъ чертъ“ (l'idéal de Byron lui même ne pouvait être plus divin). „Что за чудо Донъ-Жуанъ!“—слышится восторженный возгласъ въ сентябрьскомъ письмѣ 1825 г., а затѣмъ вскорѣ пойдутъ мольбы прислать непремѣнно дальнѣйшія пѣсни поэмы (съ шестой).

Но всѣ эти показанія связаны съ концомъ ссылки, и въ нихъ еще можетъ отражаться сильное, не сгладившееся впечатлѣніе смерти поэта. Вульфъ свидѣтельствуетъ, что „въ Ми-

хайловскомъ Пушкинъ былъ помѣшанъ на Байронѣ",—хотя несомнѣнно, что къ тому же времени относится пристальное изученіе Шекспира (для работы надъ „Годуновымъ") и Вальтеръ-Скотта, которымъ общепринятое толкованіе приписываетъ побѣду надъ Байрономъ. Измѣнилось ли въ чемъ-нибудь отношеніе къ нему Пушкина послѣ того, какъ роковая грань была перейдена? Факты даютъ отрицательный отвѣтъ. Въ отзывѣ о „Корсарѣ" Олина, 1827 года, выдающимися чертами „Чайльдъ-Гарольда" признаны „глубокомысліе и высота паренія", а „Донъ-Жуана" — „удивительное Шекспировское разнообразіе"; поэзія Байрона „очаровательно-глубокая". Въ стихотвореніи того же года „Кто знаетъ край" проносится страдальческій образъ Байрона („И Байронъ, мученикъ суровый, страдалъ, любилъ и проклиналъ"). Стихотвореніе 1830 года „Юсупову" отмѣчаетъ въ исторіи европейской поэзіи моментъ, когда раздался „звукъ новой, чудной лиры, звукъ лиры Байрона". Замѣтки, набросанныя въ томъ же году въ Болдинѣ, отвергая даже намекъ на возможность пародіи въ „Онѣгинѣ" на „Чайльдъ-Гарольда", „стоящаго недосягаемо высоко", называютъ насмѣшливое къ нему отношеніе „неуваженіемъ къ *великой и священной памяти*"; рецензія на „Элегіи" Теплякова, говоря о неизбѣжности подражанія „Гарольда", видитъ въ этомъ „стремленіе *пойти по слѣдамъ генія*". Разборъ Батюшковскаго „Тасса" безконечно высоко ставитъ надъ нимъ „Lament of Tasso"; вступленіе къ „Полтавѣ" проникнуто боязнью состязанія съ выдающимся произведеніемъ,—„Мазепой". На одномъ изъ черновыхъ листковъ „Путешествія" Онѣгина набросана параллель между неизгладимостью воспоминаній о любви, когда само чувство уже исчезло въ душѣ нашей, и психическимъ состояніемъ байроновскаго гладіатора („такъ гладіаторъ у Байрона соглашается умирать, но воображеніе носится по берегамъ родного Дуная").

Проходили годы, крѣпло и развивалось дарованіе Пушкина, расширялось его знакомство съ міровой поэзіей, историческій романъ, драма, старина и народность, художественная пластика завладѣвали нѣкогда взволнованнымъ и страстнымъ его творчествомъ,—но неизмѣнно горѣлъ огонь передъ жертвенникомъ, на которомъ въ юности онъ славилъ Байрона. Когда, незадолго до смерти, Пушкинъ-журналистъ, снова группирующій вокругъ себя передовое, Гоголевское поколѣніе [1]), пишетъ для „Современника"

[1]) Высокое мнѣніе о Байронѣ передалось и Гоголю. Переписка его хранитъ слѣды этого отношенія къ поэту. Когда Гоголь былъ въ Шильонѣ, 1836, онъ не посмѣлъ подписать свое имя подъ двумя славными именами творца и переводчика

сочувственную біографическую статью о Байронѣ, это послѣднее обращеніе къ его памяти завершаетъ непрерывную, идущую съ 1820 года, связь съ прежнимъ властителемъ думъ, совершенно не похожую на мнимый разрывъ и отреченіе.

Но къ кореннымъ причинамъ глубокихъ недочетовъ въ усвоеніи байронизма Пушкинымъ присоединилось вліяніе того гнета, который положенъ былъ на его творчество новымъ порядкомъ вещей, ставившимъ преграды каждому сколько-нибудь свободному шагу, обратившимъ осыпанную милостями жизнь въ мартирологъ. Все это объясняетъ, почему сбереженное вопреки всему сочувствіе и пониманіе совпадало отнынѣ съ еще болѣе ограниченнымъ усвоеніемъ. Съ того берега, на который его бросила судьба, онъ любовался красотами фантастическаго царства, смѣло созданнаго геніемъ-мыслителемъ, но, связанный въ движеніяхъ, не въ силахъ былъ возвести на топкой родной почвѣ такое же чудо ума и воображенія.

Но, въ извѣстныхъ—и немалыхъ—предѣлахъ, байроновское вліяніе продолжало сказываться и среди изумительныхъ успѣховъ самостоятельности и народности, украсившихъ зрѣлый, примиренный и какъ будто уравновѣшенный періодъ. Изъ Пушкинскаго Sturm und Drang'а прежде всего перешелъ въ него „Онѣгинъ", всецѣло зародившійся на байронической основѣ,—и нѣсколько лѣтъ, первыхъ лѣтъ Николаевской поры, было пройдено поэтомъ объ руку съ привычнымъ спутникомъ въ Гарольдовомъ плащѣ. Въ неразлучномъ товарищѣ давно уже сгладились черты, которыя когда-то неопредѣленно придали ему характеръ двойника, словно въ параллель тождеству Гарольда съ Байрономъ. Выяснялось намѣреніе вывести въ немъ одну изъ жертвъ моднаго повѣтрія разочарованности, слабую копію съ глубоко задуманнаго оригинала, разукрашенную и окруженную таинственнымъ сіяньемъ лишь въ романтически-мечтательной головкѣ Татьяны. Когда очарованье разсѣялось, и, заглянувъ въ мнимодемоническій тайникъ, она нашла тамъ книжные источники пессимизма и пресыщенности и поставила о любимомъ человѣкѣ ироническій вопросъ о москвичѣ въ плащѣ Гарольда,—слѣдомъ за нею читатель проникается мыслью, что передъ нимъ характерный образецъ салоннаго Протея, способнаго настраивать свой психическій міръ въ духѣ послѣдняго слова современности. Появленіе Онѣгина въ новыхъ главахъ уже возбуждало (какъ ка-

„Шильонскаго Узника". Англія для него—предметъ удивленія,—„земля, которая, несмотря на дикія крайности, вырабатываетъ однакожъ безостановочно Байроновъ и Диккенсовъ" и т. д. Письма Гоголя, изд. Шепрокомъ, I, 413, IV, 87.

залось самому поэту) любопытство относительно наряда, въ который онъ закутается:

Космополитомъ патріотомъ,
Гарольдомъ, квакеромъ, ханжой,
Иль маской щегольнетъ иной?

—спрашивалъ себя читатель.

Въ тѣхъ доляхъ, на которыя распадается поэма, начатая наканунѣ переворота, продолженная и законченная, когда лозунгомъ поэта стала объективность, послѣднія главы постепенно снимаютъ героическіе доспѣхи съ Онѣгина, вводятъ его въ реально бытовыя рамки, превращаютъ задумчиваго и скорбнаго beau ténébreux, съ налетомъ Weltschmerz'а, въ хандрящаго россіянина-барича, скучающаго странника по землѣ своей, всѣмъ чужого, и подъ-конецъ лишившагося даже эффектно-властной роли относительно женщинъ, вымаливая себѣ взаимность у отвергнутаго имъ когда-то существа. Отдаленіе между нимъ и его ранними вдохновителями, Гарольдомъ и Жуаномъ, возрастаетъ и разобщаетъ ихъ. Но байроническій отпечатокъ и тогда не сглаживается; слабѣя въ изображеніи главнаго характера, онъ неизмѣненъ въ тонѣ и складѣ повѣствованія. Усвоенныя Пушкинымъ (какъ и Мюссе, Словацкимъ, Гейне, Эспронседой) у Байрона отклоненія отъ сюжета, съ обращеніями къ читателю, остроумными или печальными оцѣнками жизни, полемическими выходками, автобіографическими признаніями, пышно развились, съ небывалымъ въ русской поэзіи блескомъ и игрой ума, отвлекая часто (какъ въ „Донъ-Жуанѣ") вниманіе отъ разсказа. Въ его бытовыхъ и описательныхъ частяхъ, картинахъ общественной жизни или нравовъ деревни, сказывается самобытное развитіе примѣровъ, данныхъ великимъ мастеромъ. Путешествіе Онѣгина (впослѣдствіи дополненное, изъ неизданныхъ рукописей, остроумными строфами) задумано и выдержано въ полу-тѣнь съ паломничествомъ, подставляя барскій сплинъ, ищущій разсѣянія и острыхъ впечатлѣній, сплинъ „не-дѣланія", болѣнію за человѣчество и возбуждающимъ рѣчамъ байроновскаго странника. Когда же пришла пора спустить занавѣсъ, закончивъ сказаніе о россійскомъ Гарольдѣ не то счастливымъ союзомъ съ Татьяной (какъ повидимому предполагалось), не то урокомъ семейной морали, и нить разсказа оборвалась,—поэтъ грустно разстается съ спутникомъ, причудливымъ, страннымъ, когда-то близкимъ, потомъ разгаданнымъ. Это—грусть Байрона въ заключительныхъ строфахъ „Ч. Гарольда", когда наступило послѣднее прощаніе съ поэтическимъ двойникомъ, такъ же поблекшимъ отъ времени

и отступающимъ вглубь сцены, чтобъ дать свободно проявиться геніальности самого поэта.

Личная судьба Онѣгина и образъ его столь же мало нужны были, ко времени окончанія поэмы, для посредствующей роли; они отслужили свою службу. На байронической основѣ возникъ новый, русскій общественный романъ, еще не богатый психологической глубиной, но съ живыми чертами быта, народности, природы, воспроизведенныхъ съ небывалой свободой письма. Отражаясь даже въ мелкихъ, не выдающихся, повѣствовательныхъ опытахъ, тотъ же переходъ отъ байроническихъ пріемовъ къ самостоятельности, какой показала исторія „Онѣгина", привелъ къ созданію такихъ остроумныхъ шалостей, какъ „Графъ Нулинъ" и „Домикъ въ Коломнѣ". Не скромныя французскія сказочки, стиля „Vert-Vert", которыя когда-то такъ нравились Пушкину-подростку, а „Беппо"—образецъ ихъ. Поэтъ не послѣдовалъ вполнѣ за нимъ, не слилъ съ задорно-бойкой жанровой картиной колкую политическую и общественную сатиру, которая въ венеціанскомъ анекдотѣ Байрона поминутно вспыхиваетъ. Онъ окружилъ свой сюжетъ,—внезапно поманившую его попытку комически обработать, въ современныхъ нарядахъ, исторію Лукреціи и Тарквинія, — аппаратомъ веселости, насмѣшливости, наблюдательности, не уступающимъ „Беппо" и тѣмъ частямъ „Донъ-Жуана", гдѣ царствуетъ юморъ, находя, какъ Байронъ, иногда острое удовольствіе дразнить общественное цѣломудріе. Бытовыя краски „свѣта" и мѣщанской жизни раскинуты по этимъ этюдамъ съ натуры такъ же ярко, какъ обрисованъ венеціанскій ménage à trois, окруженный распущенностью карнавала,—а стихотворная форма, невиданный блескъ небрежной игры размѣромъ и риѳмой, звонкой и гибкой красотой рѣчи—свободная варіація удивительныхъ вольностей, художественнаго жонглированія стихомъ, которое такъ типично у Байрона, и которое не покидало его до смерти.

Подъемъ интереса къ старинѣ, родной или всеобщей, развившагося у Пушкина подъ соединеннымъ вліяніемъ историческихъ драмъ Шекспира, Вальтеръ-скоттовской романической реставраціи, изученія Карамзина, лѣтописей и пѣсенъ, считается однимъ изъ важнѣйшихъ противоядій вліянію байронизма. Но одинъ изъ главныхъ художественныхъ результатовъ новаго влеченія—„Полтава"—стоитъ на прежней почвѣ, подготовленной англійскимъ предшественникомъ. Поэма открывается эпиграфомъ изъ Байрона. Предполагалось назвать ее „Мазепа", но, по словамъ Пушкина, его остановила мысль о встрѣчѣ съ такимъ же за-

главіемъ байроновской поэмы; несомнѣнно сдерживало также опасеніе встрѣтиться въ деталяхъ сюжета съ однимъ и тѣмъ же главнымъ лицомъ,—хотя у Байрона юношескій эпизодъ изъ жизни Мазепы, бѣшеная скачка его, привязаннаго къ дикому степному коню, имѣетъ несравненно бо̀льшее значеніе, чѣмъ старость, почетное положеніе и измѣна гетмана. Дороги обоихъ поэтовъ, повидимому, разошлись. Для *русскаго*, и именно *Петровскаго* фона поэмы Байронъ ничего не могъ дать Пушкину, передъ которымъ все ярче раскрывался и духъ преобразовательной эпохи, и переломъ въ нравахъ и понятіяхъ, и образъ реформатора. Но въ романическомъ эпизодѣ, вставленномъ въ историческую оправу, Пушкинъ не могъ удержаться отъ пріемовъ байроновскаго пошиба. Изъ фабулы „Мазепы" онъ не повторилъ ея основы (какъ сдѣлалъ Гюго въ „Mazeppa" и Лермонтовъ—въ наброскѣ 1831 г. „Мазепа") [1]), разработкой которой у Байрона восхищался. Встрѣчаются оба поэта лишь въ изображеніи бѣгства гетмана съ Карломъ XII и привала въ степи. Но общее вліяніе Байрона все же сказалось. На характерѣ старика-гетмана видно отраженіе типа пылкой, властной, закаленной жизнью натуры, сохранившей энергію, честолюбіе, мстительность, несмотря на годы, — типа, выведеннаго и въ восточныхъ поэмахъ, и въ „Паризинѣ", и въ „Марино Фальеро". Съ героемъ послѣдняго произведенія онъ всего ближе по юношеской страстности, увлекающей оскорбленнаго честолюбца въ опасный мятежъ и измѣну. Отдаляясь отъ образца своего въ сентиментально разработанной исторіи любви къ Маріи, этотъ характеръ, далеко не лишенный жизненности, реально-вѣрными чертами своими связанъ съ однимъ изъ развѣтвленій байроновскаго „героическаго типа". Но и въ подробностяхъ слышатся, порой, отголоски Байрона. Такъ, мотивъ изъ „Гяура" (повторенный оттуда и Мальчевскимъ въ „Маріи") перенесенъ, даже съ сохраненіемъ вопросительной формы, въ эпизодическомъ появленіи казака въ степи, который „при звѣздахъ и при лунѣ такъ поздно ѣдетъ на конѣ", и своей скачкой нарушаетъ таинственную тишину пустыни.

Другой вопросъ,—*что* могло выйти и что̀ вышло изъ соединенія исторіи и вымысла, байроновскаго пережитка и украинской старины, старческой любовной романтики и честолюбія венеціанскаго дожа, живописной смѣси, облеченной въ изящный стихотворный нарядъ? Бѣлинскій еще въ 1843 г. рѣшилъ этотъ

[1]) О различныхъ переработкахъ сюжета „Мазепы" въ связи съ поэмой Байрона—см. D. Engländer, Lord Byrons „Mazeppa", Berlin, 1897.

вопросъ строгимъ приговоромъ, находя, что „*Полтава* не вышла ни эпической поэмой, ни романтической, байроновской". Участіе симпатій къ Байрону даже въ поэтической обработкѣ русской исторической темы остается все же любопытнымъ фактомъ.

Пушкинская лирика послѣдняго періода сохранила многія изъ созвучій съ байроновской субъективной поэзіей, которыя сказались въ юношескомъ лиризмѣ поэта. Ихъ нѣтъ лишь тамъ, гдѣ затронуты политическіе и общественные взгляды. Байроновскій радикализмъ несовмѣстимъ ни съ „Бородинской годовщиной", „Клеветникамъ Россіи", ни съ тою, неудачно прикрытою именемъ свободомыслящаго патріота Пиндемонте, profession de foi, которая равнодушна къ тому, „свободно ли печать морочитъ олуховъ, иль чуткая цензура въ журнальныхъ замыслахъ стѣсняетъ балагура", и ставитъ выше всего возможность „себѣ лишь самому служить и угождать, для власти, для ливреи не гнуть ни совѣсти, ни помысловъ, ни шеи", такъ какъ безразлично „зависѣть отъ властей или зависѣть отъ народа". Но тамъ, гдѣ раздумье, скорбь, „гидра воспоминаній", судъ надъ собой, общеніе съ природой овладѣютъ поэтомъ, онъ въ искреннихъ изліяніяхъ встрѣчается съ тѣмъ, кто вмѣстѣ съ Шенье научилъ его когда-то магическому искусству задушевной элегіи. Жизнь ставила его въ эти годы иной разъ въ такія условія, которыя сильно будили въ немъ байроновскіе отголоски. Такъ повліяло второе посѣщеніе Кавказа, мятежно предпринятое бѣгство вдаль отъ гнета, одна изъ характернѣйшихъ вспышекъ сдержаннаго, но не подавленнаго инстинкта вольности. Не вернулось горячее байроническое настроеніе, которое испытано было среди первыхъ впечатлѣній, какъ не вернулась юность, но сурово-величественная природа, раскрывавшаяся передъ поэтомъ, когда онъ впервые углублялся въ кавказскія нѣдра, на пути въ Грузію и Эрзерумъ, равная той, что обвѣяла Манфреда и Гарольда, сильно захватила его. Тогда являются такія стихотворенія, какъ „Монастырь на Казбекѣ", „Кавказъ подо мною", „Обвалъ"; когда поэтъ „одинъ въ вышинѣ стоитъ надъ снѣгами у края стремнины" и „отселѣ видитъ потоковъ рожденье и первое грозныхъ обваловъ движенье",—оживаютъ картины швейцарской пѣсни „Паломничества" и нѣсколько разъ, съ увлеченіемъ поэта-пейзажиста, обрисованное Байрономъ роскошное явленіе въ заоблачной выси,—образованіе „avalanche", съ грохотомъ и блескомъ низвергающейся въ пропасть,—а въ подъемѣ духа пришельца съ грѣшной земли, когда онъ видитъ себя безмѣрно далеко отъ нея,—на без-

граничномъ просторѣ, среди несокрушимаго величія, слышатся не менѣе дорогіе Байрону мотивы.

Но среди сѣрой, постылой жизни, насильно отвлекавшей къ себѣ отъ излишняго и опаснаго паренія, переживались, порою, приливы такого глубоко элегическаго состоянія, которое (какъ и лучшія созданія юношеской меланхоліи Пушкина) снова сближалось съ завѣтными изліяніями Байрона. Одна изъ выдающихся элегій, „Безумныхъ лѣтъ угасшее веселье“ (1830 г.), отъ скорби о неудовлетворенной и разбитой жизни и сожалѣній объ угасшихъ порывахъ молодости поразительнымъ переходомъ поднимается до идейнаго заявленія, чисто байроновской силы. Между рѣшимостью „*жить, чтобъ мыслить и страдать*“ и провозглашеніемъ, послѣ трагическаго изображенія гоненій, вражды, одиночества, „права мыслить нашимъ послѣднимъ, неотъемлемымъ правомъ“, есть кровное родство. Мы видѣли, какъ это знаменитое мѣсто IV-й пѣсни „Гарольда“ столь же возбудительно отозвалось въ „Беньовскомъ“, придя на помощь Словацкому въ наиболѣе острое время гоненія и разлада.

Такъ выясняется передъ нами фактическій составъ того, что слѣдуетъ признать Пушкинскимъ „байронизмомъ“. Сразу пылкій, очарованный, онъ въ разсудочной своей стадіи хранитъ преданіе и среди сложной творческой работы служитъ и ему. Это— не могучая двигательная сила, способная подъ знаменемъ боевой байроновской поэзіи поднять упавшую энергію литературныхъ сверстниковъ, вести проповѣдь освобождающихъ началъ, борьбу съ старымъ порядкомъ, вліять на цѣлую эпоху. Пушкинъ навсегда сохранилъ тѣ свойства „byronisant“, начетчика байронизма, которыя такъ мѣтко разглядѣлъ въ немъ Мицкевичъ. Въ поразительно вѣрномъ приговорѣ надъ русскимъ романтизмомъ, не съумѣвшимъ понять Байрона [1]) (къ этому приговору мы еще должны вернуться), Бѣлинскій распространилъ осужденіе и на вождя романтическаго движенія, Пушкина. „Не только ты не понялъ новаго воителя,—говоритъ критикъ олицетворенному романтизму,—его не понялъ и тотъ великій русскій поэтъ, котораго ты такъ несправедливо называлъ своимъ отцомъ, и котораго еще несправедливѣе называлъ ты то сѣвернымъ, то русскимъ Байрономъ“. Различныя, лишь впослѣдствіи раскрытыя, данныя побуждаютъ насъ измѣнить формулу этого приговора. Пушкинъ понялъ значеніе и сущность байроновскаго переворота лучше и вѣрнѣе русскихъ современниковъ, уступая въ этомъ

---

[1]) „Русская литература въ 1842 году“.

только Лермонтову, но личныя и общія культурныя условія не допустили его проявить сполна это пониманіе, открыто присоединиться къ движенію. Въ предѣлахъ этихъ преградъ онъ не могъ быть, и не былъ ни „сѣвернымъ, ни русскимъ Байрономъ"; къ нему поспѣшно раздававшійся, бывало, титулъ еще менѣе подходитъ, чѣмъ къ выступавшимъ уже въ нашемъ обзорѣ западнымъ поэтамъ первой половины вѣка, которыхъ молва вѣнчала байроновскимъ ореоломъ. Но каковы бы ни были недочеты его гласнаго, всенароднаго байронизма, байроновское вліяніе на Пушкина, и въ прямыхъ его послѣдствіяхъ, и какъ стимулъ къ самостоятельности, составляетъ одно изъ немногихъ важнѣйшихъ явленій въ лѣтописи русской байронической поэзіи,—стало быть, и въ томъ сложномъ, многовѣтвистомъ движеніи, которое Бѣлинскій обозначилъ именемъ „романтизма".

Въ тѣ же годы, къ которымъ привела насъ хронологія движенія, у Пушкина, конечно, хранилось больше сконцентрированной байронической энергіи, чѣмъ у кого-либо изъ поэтовъ. Это знали, чувствовали, подозрѣвали всѣ, кому о томъ знать надлежитъ. Нападки на подражателей Байрона, часто не называя Пушкина и нанося удары какому-то неопредѣленному врагу, направлялись на поэта. Иногда,—пріемъ новый и любопытный,—съ Пушкинымъ боролись, называя его Байрономъ и какъ будто полемизируя съ англійскимъ его вдохновителемъ. Въ такомъ тонѣ выдержано критическое преніе Булгарина и Воейкова [1]) съ „Московскимъ Вѣстникомъ". Стоило Пушкину пустить „окогченную летунью"—эпиграмму въ станъ противниковъ,—ему, казалось, выбывшему изъ рядовъ байронизма, напоминали его байроническіе грѣхи и издѣвались надъ ними. Прежній союзникъ, Полевой, въ „Московскомъ Телеграфѣ" отвѣчалъ на остроумное Пушкинское „Собраніе насѣкомыхъ" съ каррикатурами педантовъ, клеветниковъ и обскурантовъ, стихотворною стряпней, выводящей въ комическомъ багажѣ Пушкина потуги перенимать Байрона,— „вотъ Чайльдъ-Гарольдія смѣшная, вотъ Донъ-Жуанія моя" и т. д. Въ своемъ двойномъ походѣ противъ распространенія байронофильства Надеждинъ постоянно имѣлъ въ виду Пушкина, хотя и избѣгалъ называть его. Въ невидимаго врага цѣлится своими выходками Надоумко въ бесѣдѣ съ Тлѣнскимъ, „сонмище нигилистовъ" въ неистовыхъ эксцентричностяхъ опирается на

[1]) „Сѣверная Пчела", 1828, № 38; „Славянинъ", того же года, XXI, 323—5.

русскаго Байрона, диссертація направляетъ свои обличенія противъ скрытаго зачинщика зла.

Опасенія не были излишними. Для новаго поколѣнія, „молодого, незнакомаго племени“, этотъ будто бы раскаявшійся байронистъ, заподозрѣнный въ неискренности обращенія къ здравымъ понятіямъ, могъ дѣйствительно являться проповѣдникомъ осужденнаго направленія. Весь циклъ его произведеній, возникшихъ въ связи съ байронизмомъ, ставъ художественнымъ достояніемъ грамотной массы, былъ на лицо, глубоко западая въ сознаніе болѣе воспріимчивыхъ натуръ и направляя ихъ по тому же пути,—сколько бы самъ виновникъ движенія ни отдалялся отъ него къ чистому искусству. Подготовительной школой для байронизма Лермонтова были наряду съ произведеніями Байрона, необыкновенно рано прочтенными, и байроновскія поэмы, и лирика Пушкина. Записныя книги его полны отрочески-незрѣлыхъ попытокъ пересказать по-своему „Цыганъ“, „Кавказскаго Плѣнника“, вложить въ уста Пушкинскимъ героямъ чувства и мысли, терзавшіи одинокаго мечтателя-несчастливца. Въ цѣпи вліяній, соединяющихъ Байрона съ величайшимъ русскимъ его послѣдователемъ, особенно цѣннымъ звеномъ была поэзія Пушкина. Не развилось въ глубокое и стройное цѣлое байроническое ея содержаніе, высшихъ художественныхъ успѣховъ достигла она на иномъ пути, — но въ несложной исторіи русскаго байронизма нѣтъ славнѣе именъ, чѣмъ имя творца Печорина и его предтечи.

III.

Не только въ русской вѣтви „школы Байрона“, но и въ ея общеевропейскомъ развитіи не много встрѣтится выдающихся силъ, которыя были бы такъ рано и такъ послѣдовательно подготовлены фактами жизни, предрасположеніями нервной организаціи, литературными вліяніями къ своей дѣятельности, какъ Лермонтовъ. Вмѣсто сибаритской, полной баловства и бездѣлья, обстановки, окружавшей отрочество Мюссе или Пушкина, семейный разладъ, возмущеніе противъ несправедливости, неравенства и нетерпимости, манящій къ себѣ страдающій и таинственный образъ жертвы гоненія и зла, — отца мальчика, — долгое время безсмѣннаго оригинала „странныхъ людей“ его драмъ и лирики. Гордо-застѣнчивая замкнутость въ себѣ, горячая дѣятельность мысли, съ не-дѣтской запальчивостью устремившейся къ рѣшенію противорѣчій и загадокъ жизни, нервные переходы отъ экстаза

къ глубокой грусти, нервная тоска по отвѣтному чувству, дружбѣ, любви, гложущее сознаніе роковой судьбы натуры избранной, но непонятой, непризнанной, осужденной погибнуть, не оставивъ по себѣ слѣда,—весь этотъ сложный составъ данныхъ былъ уже достояніемъ полу-ребенка, отрока, росъ и развивался вмѣстѣ съ нимъ, не ожидая тѣхъ серьезныхъ испытаній, той житейской борьбы, которыя для большинства Лермонтовскихъ сверстниковъ-байронистовъ бывали прелюдіей къ ихъ обращенію. Байронъ необыкновенно рано сталъ на пути этихъ склонностей и влеченій, далъ отвѣтъ на нихъ, поразилъ сходствомъ запросовъ, протеста, грусти, одиночества, таинственныхъ душевныхъ движеній, демонической гордости. Тогда какъ Мюссе, Гейне, Словацкій, Мицкевичъ испытали байроническое увлеченіе уже послѣ того, какъ юношеская поэзія его прошла иными путями и чествовала иныхъ боговъ, а для Пушкина часъ байронизма пробилъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ „лицейскаго періода", послѣ французской игривости, анакреонтическихъ шалостей, „Руслана" съ его отголосками то Вольтера, то Аріоста, наконецъ послѣ культа Шенье́, — поворота къ гражданственности,—поэзія Байрона была уже для Лермонтова-подростка однимъ изъ главныхъ пособій по развитію литературнаго вкуса; она вошла въ ту отборную, рѣдкую въ то время, Пушкинымъ, напр., никогда не извѣданную программу домашняго воспитанія, въ которой Байронъ встрѣчался съ Шекспиромъ, Шиллеромъ, Лессингомъ, новыми французскими поэтами. Съ дѣтства впитывалъ онъ въ себя духъ байроновскаго творчества, какъ святыню унесъ эти впечатлѣнія въ школу, университетъ, юнкерство, въ петербургскій свѣтъ, на Кавказъ *и остался* вѣрнымъ имъ навсегда.

Его воспитатель-англичанинъ познакомилъ его, и притомъ *въ подлинникѣ* (немалое преимущество въ то время) съ самыми разнообразными видами байроновской поэзіи; въ ученическихъ тетрадяхъ найдены переводы не только изъ восточныхъ поэмъ „Гяура", но и—изъ „Беппо". Тутъ же списанный для себя „Шильонскій узникъ" въ переводѣ Жуковскаго, о бокъ съ столь же благоговѣйно сбереженнымъ въ дѣтской копіи „Бахчисарайскимъ фонтаномъ", откуда на чуткаго мальчика снова повѣяло байроновскимъ духомъ. Это—чтенія и впечатлѣнія двѣнадцатилѣтняго подростка. Байронъ становится неразлучнымъ его спутникомъ всюду, и въ барскихъ хоромахъ въ Москвѣ, и въ затишьѣ Тархановъ или Середникова, гдѣ „съ огромнымъ томомъ байроновскихъ сочиненій онъ блуждалъ по уединеннымъ

мѣстамъ большого сада" [1]), гдѣ въ тѣни его любимца, стариннаго дуба, завѣтная записная книга, первая наперсница его поэзіи, покрывалась импровизаціями,—и въ школѣ. Отъ ничтожества и пошлости жизни,—насколько онъ могъ ее узнать,—отъ несправедливостей и страданій, преувеличенныхъ чуткой фантазіей до трагизма, отъ своей горькой доли, которая казалась ему безпросвѣтной, онъ переносился въ фантастическій міръ подвиговъ рѣзко очерченной личности, съ мятежной волей, сильными страстями, бросившей вызовъ всему, что освящено вѣками, и въ грезахъ отождествлялъ ее съ собою. Въ смутно носящемся передъ воображеніемъ, но обаятельномъ призракѣ реальное сливается съ сверхъ-естественнымъ, демоническимъ. Въ неопытномъ стихотворствѣ онъ и воплощается въ двухъ оттѣнкахъ; здѣсь первые силуэты изъ портретной героической галереи, которая проходитъ потомъ по всей Лермонтовской поэзіи, углубляя сходство съ оригиналомъ,—здѣсь и зародышъ Лермонтовскаго миѳа о демонѣ, пережившаго съ поэтомъ всѣ тревоги и переходы его судьбы.

Какъ у Пушкина, такъ и у Лермонтова, въ ряду первыхъ впечатлѣній, вынесенныхъ отъ чтенія Байрона, наиболѣе сильное вызвали восточныя поэмы, особенно „Корсаръ". Рядомъ съ попыткой создать *своего* „Кавказскаго Плѣнника", ни въ чемъ не подвинувшею Пушкинскую біографію героя до его появленія на Кавказѣ,—потому что и тутъ повторяются намеки на то, что „несчастный человѣкъ погубилъ" какія-то „святыя сердца упованья",—въ той же записной книгѣ находится поэма „Корсаръ". Въ пространномъ монологѣ разбойника, передающаго „друзьямъ" (очевидно, не станичникамъ) повѣсть своей злополучной жизни, въ началѣ напоминая разсказъ Бонивара въ „Шильонскомъ узникѣ": „Друзья, взгляните на меня. Я блѣденъ, худъ, потухла радость въ очахъ моихъ",—проведена исповѣдь гонимаго судьбой неудачника, котораго „непрерывныя страданія сдѣлали пиратомъ". Послѣ смерти брата онъ бѣжитъ въ Грецію, желая, чтобъ „турокъ сабля роковая пресѣкла горестный его удѣлъ". Байроновское эллинофильство отразилось въ скорби пришельца о позорной участи Греціи („страданье осталось только въ той странѣ, гдѣ прежде греки воспѣвали ихъ храбрость, вольность") и въ хвалѣ героизму борьбы за независимость. Но жажда сильныхъ ощущеній сводитъ его не съ инсургентами, а съ корсарами; „маврскій опытный пловецъ" провелъ его къ нимъ „межъ остро-

[1]) Висковатовъ, Біографія Лермонтова, Соч. Лерм. 1891, 46.

вами", и съ той поры судьба его рѣшена. Но, храбрый и кровожадный, онъ, Конрадъ, ничѣмъ не можетъ заглушить душевнаго разлада; „въ сердцѣ таится пламень безотрадный", онъ „ждетъ чего-то страшнаго и томится". Когда же въ гречанкѣ, спасенной отъ кораблекрушенія, его поражаетъ глубина грусти, раздумье его усиливается. „Съ тѣхъ поръ онъ не знаетъ покоя и окаменѣлъ для нѣжныхъ чувствъ". Но раскаянье, недовольство собой, измѣняя образъ личности неукротимой, бурной, не удовлетворили байрониста-новичка. Не дописавъ „Корсара", онъ отклонился къ другимъ планамъ. Въ стихотвореніи „Преступникъ", которое снова служитъ *разсказомъ атамана*, слышится безсердечное признаніе закоснѣлаго старика-разбойника („старикъ преступный, безразсудный, я всѣмъ далекъ, я всѣмъ чужой. Но жаръ подавленный очнется, когда *за волюшку мою*, въ кругу удалыхъ, приведется, что чашу полную налью... и ножъ мой окровавленный воткну, смѣясь, въ дубовый столъ"). Звѣрство разбойника какъ будто смягчается мщеніемъ за поруганный народъ; въ первоначальномъ планѣ „Ангела смерти" долженъ былъ выступить „мрачный и кровожадный *начальникъ грековъ*". Но для разбойничьей романтики, на которую вмѣстѣ съ Байрономъ могли вліять Шиллеровскіе „Räuber", еще не настала пора развитія. Лермонтовъ вернется къ ней въ полной зловѣщаго мрака повѣсти: „Горбачъ Вадимъ", и накинетъ разбойничью епанчу на борца противъ закоснѣлаго быта, Арсенія въ „Бояринѣ Оршѣ".

Не разрывъ, не открытую войну трагически протестующаго бандита съ людьми и предразсудками стремится онъ изобразить со всею горячностью личной исповѣди. Преждевременная для него, неопытнаго въ скорби, мало извѣдавшаго, но столь понятная даже въ ранніе годы у человѣка, въ чьемъ воображеніи и немолчной работѣ мысли отражались, переживались, сплетаясь въ мрачныхъ сочетаніяхъ, несовершенства, печали и ужасы общей жизни, исповѣдь влагалась въ уста на половину реальнаго существа, оставшагося среди людей, но постигшаго ихъ ничтожество и злобу, прослывшаго „страннымъ", мучимаго одиночествомъ, но не сдающагося. „Все бросилъ онъ, какъ лживый сонъ",—читаемъ въ одномъ изъ раннихъ и слабыхъ стихотвореній этого типа (1829);—„не зналъ онъ друга межъ людей; вездѣ одинъ, природы сынъ. Такъ жертву, средь сухихъ степей, мчитъ бури токъ, сухой листокъ". Это—прелюдія къ рѣчамъ, которыя поведутъ въ юношескихъ драмахъ Волины,

Арбенины и иные двойники поэта, разрабатывая все глубже мотивъ гордаго, почти мизантропическаго протеста.

Въ основахъ недовольства пока еще много неяснаго. Права ли личности, требующей самоопредѣленія, или заступничество за угнетенную и безправную массу, личное или міровое горе, неудовлетворенность чувства, или гнѣвъ на равнодушіе къ великимъ и вѣчнымъ вопросамъ побуждаютъ юношу-поэта къ заявленіямъ, становящимся все безпощаднѣе? Даже въ тщательнѣе обработанной драмѣ „Menschen und Leidenschaften" встрѣчаются у того же человѣка *„любовь къ свободѣ человѣчества*, которую люди почитали вольнодумствомъ", и безнадежность заявленій „разочарованнаго душой двадцатилѣтняго старика" о безумствѣ желать жить, счастьѣ тѣхъ, кто уже умеръ или съумѣлъ прервать жизнь самоубійствомъ. „Безумцы, желаемъ жить... какъ будто два-три года что нибудь значатъ въ безднѣ, поглотившей вѣка, *какъ будто отечество или міръ стоитъ нашихъ заботъ, тщетныхъ какъ жизнь!*" Изъ общественныхъ золъ неравенство, сословная разобщенность, нетерпимость прежде всего конкретно представляются обличителю; жертва ихъ — лишь изрѣдка появляющійся изъ таинственнаго сумрака передъ сыномъ, отецъ его, котораго онъ надѣляетъ всѣми талантами и блестящимъ происхожденіемъ, у него передъ глазами. Громы въ „Испанцахъ" противъ неравенства и владычества знати отмѣчаютъ этотъ тезисъ общественной программы поэта. Для развитія ея многаго недоставало; въ школѣ Байрона, гдѣ онъ встрѣтилъ отвѣтъ на грезы о личной своей долѣ и чарующую поэзію борьбы, онъ долженъ былъ найти и призывъ къ общимъ задачамъ, стимулъ къ пониманію участи своего народа, положенія современнаго человѣчества; наставало не только художественное развитіе, но и гражданственное воспитаніе,—и, какъ ни спорили съ этимъ радикализмомъ унаслѣдованныя барскія традиціи, въ заявленіяхъ мнѣній Лермонтова, къ началу его байронизма, чувствуется уже осужденіе стараго порядка и попытка защиты правъ народныхъ. Въ „Странномъ человѣкѣ" онъ высказывается противъ крѣпостничества. Въ стихотвореніи „Жалобы турка", получившемъ характеръ „письма къ другу иностранцу", подъ псевдонимомъ оттоманскихъ порядковъ несомнѣнно изображается Николаевская Русь. Это — „дикій край, гдѣ хитрость и безпечность злобѣ дань несутъ", гдѣ „являются порой умы и твердые, и хладные, какъ камень, но мощь ихъ давится безвременной тоской, и рано гаснетъ въ нихъ добра спокойный пламень", гдѣ „рано жизнь тяжка бываетъ для людей", гдѣ „за утѣхами несется укоризна,

гдѣ стонетъ человѣкъ отъ рабства и цѣпей!" „Другъ, этотъ край—моя отчизна!"—сѣтуетъ, подъ маской турка, поэтъ, неизбѣжно ставя въ центрѣ картины порабощеннаго края трагическую фигуру даровитаго и гонимаго неудачника.

Пробуждающаяся политическая требовательность привела Лермонтова къ наиболѣе выразительному въ раннемъ періодѣ заявленію принциповъ,—сочувствію іюльской революціи и стихотворенію студента-первокурсника, говорившаго Карлу X: „ты могъ быть лучшимъ королемъ. Ты не хотѣлъ. Ты полагалъ народъ унизить подъ ярмомъ, но ты французовъ не узналъ! Есть судъ земной и для царей!" [1]) Не заглохнутъ никогда эти зароненныя въ молодой умъ мысли; онѣ поборются въ болѣе поздніе годы съ случайными приливами шовинизма, приведутъ къ смѣлости стихотворенія на смерть Пушкина и, одержавъ верхъ, сложатся къ концу жизни Лермонтова,—въ обратномъ ходѣ сравнительно съ политической эволюціей Пушкина, въ идеалъ общественнаго служенія поэзіи. „Безъ Байрона,—говоритъ Спасовичъ,—изъ Лермонтова вышелъ бы, можетъ быть, крупный поэтъ, не очень высокаго полета, съ узкимъ національнымъ направленіемъ. Байроновская поэзія, встрѣтивъ его на порогѣ сознательной жизни, придала „широту полета" и борьбѣ за права личности, и общему предназначенію поэзіи.

Юношеская лирика и драмы, носящія также лирическій характеръ, съ увлеченіемъ усвоивали и другіе оттѣнки байроновскаго творчества. Поэзія природы,—одно изъ украшеній зрѣлаго періода,—пробуждается подъ вліяніемъ поэтической живописи Байрона. Она пользуется сначала даже готовыми испытанными ея формами. Стихотвореніе „Мой домъ" развиваетъ тему извѣстной пантеистической картины въ „Гарольдѣ" („Мой домъ вездѣ, гдѣ есть небесный сводъ" и т. д.); въ неотдѣланномъ стихотвореніи 1830 г. поэтъ, вспоминая кавказскія величавыя красоты, привѣтствуетъ „синія горы Кавказа, *престолы природы, съ которыхъ, какъ дымъ, улетаютъ громовыя тучи*". Поражала и мрачная фантастика грезъ въ родѣ „Darkness"; эта пьеса была переведена Лермонтовымъ сначала въ прозѣ, потомъ свободно пересказана въ стихахъ („Ночь II"). Малѣйшій поводъ, сходство, сближеніе вызывали отголоски байроновскихъ мотивовъ. При взглядѣ на кар-

---

[1]) Какъ своеобразно совпадаетъ это сочувствіе перевороту съ энтузіазмомъ, который овладѣлъ при вѣсти о немъ декабристами! Фонвизинъ передалъ эту вѣсть товарищамъ на пути изъ Читы въ Петровскій острогъ. Всю ночь слышалось веселье и „ура", изумлявшее часовыхъ.—„Общественныя движенія въ Россіи въ первую половину XIX в." 1905, 63.

тину Рембрандта, изображающую неизвѣстную личность въ монашеской одеждѣ и поразившую загадочнымъ выраженіемъ глазъ, вспыхиваетъ сравненіе съ былыми героями Байрона, Манфредомъ, Ларой, удрученными тайной преступностью, и пишется стихотвореніе „На картину Рембрандта“, гдѣ, обращаясь къ художнику, поэтъ ставитъ его пониманіе души человѣческой въ связи съ психологіей Байрона: „Ты понималъ, о мрачный геній, тотъ грустный, безотчетный сонъ, порывъ страстей и вдохновеній, все то, чѣмъ удивилъ Байронъ“, и пытается отгадать, кто тотъ неизвѣстный, что магнетически влечетъ его къ портрету: „не бѣглецъ ли знаменитый? *Быть можетъ, тайнымъ преступленьемъ высокій умъ его убитъ*“...

Но постоянное тяготѣніе къ Байрону, общеніе съ его поэзіей и личностью еще шире развилось, когда въ рукахъ Лермонтова очутилась біографія поэта, написанная Муромъ. Какой экстазъ овладѣваетъ юношей! Изъ неизданныхъ стиховъ, переписки, дневниковъ, „Detached Thoughts“, изъ воспоминаній о Байронѣ близкихъ къ нему людей слагался образъ, поражавшій еще сильнѣе, чѣмъ та фикція, догадка о немъ, которую давали его произведенія. Любимый поэтъ стоялъ теперь въ ясномъ отраженіи своей подлинной личности,—и Лермонтовъ съ трепетомъ узнавалъ въ ней собственныя черты. Ни у одного изъ европейскихъ байронистовъ не найдемъ столь опредѣленно выраженнаго убѣжденія не въ солидарности только или сходствѣ, но въ тождествѣ съ натурой Байрона. Въ стихотвореніи, надписанномъ „Къ ***, прочитавъ книгу Мура“, это убѣжденіе страстно вырывается у поэта наружу:

...Я молодъ, но кипятъ на сердцѣ звуки,
И Байрона достигнуть я бъ хотѣлъ.
У насъ одна душа, однѣ и тѣ же муки.
О, еслибъ одинаковъ былъ удѣлъ!
Какъ онъ, ищу забвенья и свободы,
Какъ онъ, въ ребячествѣ пылалъ уже душой,
Любилъ закатъ въ горахъ, пѣнящіяся воды,
И бурь земныхъ, и бурь небесныхъ вой.
Какъ онъ, ищу спокойствія напрасно,
Гонимъ повсюду мыслію одной.
Гляжу назадъ—прошедшее ужасно,
Гляжу впередъ—тамъ нѣтъ души родной.

Сходство видитъ онъ во всемъ: онъ рано, въ дѣтствѣ, полюбилъ; Байронъ въ отроческіе годы испыталъ первую сильную привязанность; „съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ марать стихи, онъ какъ бы по инстинкту переписывалъ и прибиралъ ихъ; Бай-

ронъ дѣлалъ то же, это поразительно" и т. д. Не останавливаетъ его различіе между колоссальною личностью борца противъ твердынь стараго порядка—и едва вступившимъ въ жизнь, испытавшимъ лишь семейный разладъ, юношей, среди баловства и нѣги рвущимся на волю, навстрѣчу неясному еще ему самому идеалу. Сходясь снова съ молодымъ Байрономъ, а еще болѣе съ Руссо, въ способности вызывать сложныя терзающія представленія, страдать, возмущаться, обрывать тяжелой развязкой то, что не существовало нигдѣ, кромѣ воображенія, онъ вѣритъ, что „его прошедшее *ужасно*". Эти „мрачныя картины" его біографъ [1]) могъ въ извѣстномъ смыслѣ признать „химерами", хотя врядъ ли можно утверждать вмѣстѣ съ нимъ, что „Лермонтовъ не былъ ни гонимъ, ни оскорбляемъ, а просто уменъ и впечатлителенъ".

На сердцѣ его не только „кипятъ звуки", нетерпѣливо ожидая поэтическаго выраженія, но бродятъ и волнуются силы, требующія проявленія и болѣе прежняго возбуждаемыя примѣромъ борьбы, не остановленной никакими преградами. Много еще властнаго, эгоистическаго въ его влеченіяхъ и запросахъ, но неподкупный судья его поступковъ, тотъ двойникъ, котораго онъ рано сознылъ въ себѣ, берегъ какъ святыню, и надѣлилъ имъ Печорина, стоитъ на стражѣ; онъ порукой, что благородныя, гуманныя влеченія возьмутъ верхъ. Но не показала ли ему біографія Байрона, что раздвоеніе натуры на дѣйствующую и анализирующую было и его удѣломъ, его мукой и гордостью?..

Въ пылу соревнованія съ Байрономъ юноша-Лермонтовъ молитъ судьбу: о, еслибъ одинаковъ былъ удѣлъ! Въ чемъ? Въ участи человѣка, отвергнутаго отечествомъ, преданнаго отлученію, вѣчнаго скитальца, принесшаго другимъ народамъ свои великіе дары,—въ призваніи вольнодумца, съ сарказмомъ Люцифера разжигающаго недовольство и сомнѣніе, заговорщика и инсургента, научающаго людей освобождаться, или поэта личности, повѣдавшаго міру въ чудныхъ звукахъ свои страданія и грезы, и увѣнчаннаго ореоломъ генія? Но развѣ среди дремлющаго родного правовѣрія могло раздаться титанически-кощунственное слово, среди безвременья и упадка политической энергіи могла проявиться смѣлая агитація, и зашатались бы устои старой фальшивой нравственности,—и эти подвиги рѣшилъ рано или поздно взять на себя едва проявившій свое дарованіе, одиноко развивавшійся поэтъ?.. Неудивительно, если съ признаніемъ сход-

[1]) Несторъ А. Котляревскій, „Мих. Юр. Лермонтовъ", 1891, 39—41.

ства своего характера и предназначенія съ судьбою Байрона встрѣчаются у Лермонтова, почти въ ту же пору, мысли о томъ, что ему суждено осуществить байроническіе завѣты, но съ *русскимъ* содержаніемъ. Тогда, параллельно съ заявленіемъ, что у него съ Байрономъ „одна душа, однѣ и тѣ же муки“, слышится отрицаніе:

Нѣтъ, я не Байронъ, я другой,
Еще невѣдомый избранникъ,
Какъ онъ, гонимый міромъ странникъ,
Но только съ русскою душой.
Я раньше началъ, кончу ранѣ,
Мой умъ не много совершитъ.
Въ душѣ моей, какъ въ океанѣ,
Надеждъ разбитыхъ грузъ лежитъ.

Но національнаго оттѣнка, „русской души“, въ отличіе отъ души британской, его поэзія долго не проявляетъ. Яркія краски „Пѣсни про Калашникова“, этого поразительнаго видѣнія Руси XVI вѣка, обставленнаго рядомъ чисто байроническихъ произведеній, и предсмертный поворотъ къ народности,—факты еще далекаго будущаго. Русская душа „гонимаго міромъ странника“ указываетъ такимъ образомъ скорѣе на личную независимость русскаго послѣдователя отъ общаго образца. Онъ „не много совершитъ“, но то, что выразится въ его поэзіи, будетъ отраженіемъ *его* душевной жизни (какое любопытное предвѣстіе такого же заявленія Мюссе—„mon verre n'est pas grand, mais je bois dans mon verre“!). Но темпераменты обоихъ поэтовъ такъ сродны, что то новое, что онъ рѣшилъ сказать въ своемъ едва слагающемся творчествѣ, является повтореніемъ излюбленныхъ байроновскихъ мотивовъ.

Его личное сердечное горе отражается въ изліяніяхъ и образахъ, усвоенныхъ у Байрона. Въ драмѣ „Странный человѣкъ“, украшенной эпиграфомъ изъ „The Dream“, приводится стихотвореніе Арбенина, съ поясненіемъ, что „есть что-то особенное въ духѣ этой пьесы, и что она въ нѣкоторомъ смыслѣ подражаніе Байронову „The Dream“; личное разочарованіе, зрѣлище чужого счастья проведены въ русской обстановкѣ, на берегахъ Клязьмы, рядомъ картинъ, какъ въ „Сновидѣніи“, гдѣ запечатлѣлась исторія несчастной любви къ Мэри Чавортъ. Въ „Двухъ братьяхъ“ повторенъ байроновскій укоръ людямъ, обвиняющимъ въ человѣконенавистничествѣ того, кто полонъ гуманныхъ стремленій, и усилена лишь мстительная развязка. Лермонтовскій герой „былъ готовъ любить весь міръ, но его никто не любилъ, и онъ выучился ненавидѣть“. Романтически задуманная „Лит-

винка" въ самодѣльныхъ и нереальныхъ краскахъ старины повторяетъ сюжетъ „Лары"; въ Арсеніѣ снятъ портретъ съ байроновскаго героя; вступленія въ обѣихъ поэмахъ совпадаютъ. Среди чудесно сбереженныхъ зрительной памятью изъ ранняго дѣтства картинъ Кавказа выступаетъ наконецъ наиболѣе сложный изъ героическихъ характеровъ перваго періода, Измаилъ-бей, съ роковой участью, поставившей его между двумя расами и культурами, съ борьбой гуманныхъ проблесковъ и варварства, съ тревогой ничѣмъ неудовлетвореннаго вѣчнаго странника, разбитой любовью, взрывами натуры мстительной и властной,—и въ немъ не только повторяются въ концентрированномъ видѣ, цѣльнѣе и правдоподобнѣе, черты Волиныхъ, Арбениныхъ, Арсеніевъ, Александровъ, но снова отражается образъ Лары въ его психопатической и мрачной душевной жизни. Такая же непроницаемая тайна окружаетъ для близкихъ его прошлое и ходъ его новыхъ мыслей, такъ же безумно быстръ онъ въ убійствѣ и мщеніи, такъ же удрученъ болѣзненными сновидѣніями, такъ же неспособенъ понять женское самоотверженіе и глубокое чувство мнимаго Селима, который равенъ пажу, генію-хранителю Лары. Поэма „Каллы", наряженная опять въ горскія одежды, но съ эпиграфомъ изъ „Абидосской невѣсты", вызываетъ тотъ же образъ бурной и преслѣдуемой судьбою натуры. Вездѣ, несмотря на рѣшимость пройти своимъ путемъ, лишь въ сочувствіи съ Байрономъ, идетъ повтореніе, варіація его образовъ и темъ. Особенностью повторенія является развѣ усиленіе красокъ, внушенное своеобразной склонностью молодого поэта къ мрачнымъ тонамъ. „Все, что было у Байрона свѣтло-голубого, исчезло у Лермонтова",—говоритъ В. Д. Спасовичъ,—„зато выступило наружу все багровое, злобное, демоническое, ставъ такою силой, что Лермонтовское настроеніе можетъ иногда показаться болѣе Байроновскимъ, чѣмъ у самого Байрона".

Въ этой *силѣ*—своеобразный смыслъ склонности къ демоническому, сверхъестественному освѣщенію героической личности, — второму главному виду Лермонтовскаго героическаго типа, имѣющему свою исторію развитія рядомъ съ эволюціею борца противъ общественнаго строя. Эта исторія ведетъ начало отъ пансіонскаго плана „Демона" и завершается иронической оглядкой зрѣлаго человѣка на слабый младенческій бредъ" въ „Сказкѣ для дѣтей", гдѣ крылатый демонъ, падшій ангелъ, превращается въ тонко остроумнаго салоннаго чорта.

Въ родословной „Демона" два литературныхъ источника, связывающихъ грезу поэта съ западной поэзіей,—сродныя фа-

булы у Альфреда де-Виньи и у Байрона. Близость его къ красивой, юношеской же, фантазіи де-Виньи, „Ева", чувствуется особенно въ раннихъ редакціяхъ поэмы, гдѣ за стремленіемъ отмстить божественной силѣ въ самомъ свѣтломъ, непрочномъ ея созданіи скрыто неугасшее у отверженнаго ангела влеченіе къ свѣту, счастью и радости,—гдѣ развязку составляетъ гибель искренно полюбившей дѣвушки,—гдѣ, даже въ несовершенной еще формѣ знаменитый монологъ, раскрывающій передъ дѣвой царственное величіе демона, слѣдуетъ близко за французскимъ оригиналомъ [1]). Но съ вліяніемъ де-Виньи встрѣчается, одерживая верхъ, вліяніе Байрона. Несравненно величественный образъ Люцифера поразилъ воображеніе, и, томимый вѣчною тоской, diable amoureux выростаетъ въ генія мятежа и вражды,—мало того, становится „царемъ познанья и свободы (?), врагомъ небесъ, зломъ природы". Эпиграфъ изъ „Каина", предпосланный второй редакціи и на вопросъ Каина Люциферу, кто онъ, дающій отвѣтъ: „*Я повелитель духовъ*" („Who art thou?—Master of spirits"), раскрываетъ, въ какомъ направленіи пойдетъ развитіе главнаго характера. Но въ первыхъ же очеркахъ сюжетъ осложняется соперничествомъ демона съ ангеломъ изъ-за любви къ дѣвушкѣ; въ конспектѣ, съ котораго зачалась поэма, предположено было даже, что поводомъ къ обольщенію служило желаніе причинить ангелу зло („демонъ узнаетъ, что ангелъ любитъ одну смертную, узнаетъ и обольщаетъ ее; она покидаетъ ангела, но скоро умираетъ и *дѣлается духомъ ада*",—послѣдняя, наивная подробность не дожила до развитія). Соперничество съ свѣтлымъ духомъ изъ-за любви невѣдомо де-Виньи и зародилось тоже подъ вліяніемъ Байрона, и именно мистеріи „Небо и Земля" [2]), гдѣ разработанъ мотивъ любви небожителей къ земнымъ женщинамъ, съ перипетіями настоящей страсти. Лермонтовъ-отрокъ примѣнилъ его къ контрасту свѣта и тьмы, олицетворенному въ спорящихъ духахъ. Безсильный завладѣть даже мертвой дѣвушкой, его демонъ „вновь остался надменный, одинъ, какъ прежде, во вселенной, безъ упованья и любви".

Сложившаяся изъ своихъ и чужихъ матеріаловъ, легендарная

---

[1]) Допуская для своего демона возможность искупленія благодаря любви чистаго существа, Лермонтовъ стоялъ уже на пути дальнѣйшаго развитія темы у Виньи, который въ дневникѣ своемъ намѣтилъ продолженіе „Eloa",—„Satan sauvé par la grace d'Eloa, l'enfer aboli par la vertu toute puissante de l'amour et de la pitié". Journal d'un poète, 1904, 315.

[2]) Спеціальное изслѣдованіе о ней—„Byron's Heaven and Earth", v. Main, Breslau, 1887.

ткань сюжета, разыгравшагося будто бы нѣкогда на морскомъ берегу въ Испаніи (кавказскій нарядъ—впереди), въ келіи женскаго монастыря, могла бы имѣть только значеніе волшебнаго вымысла, еслибъ не примѣненіе фантастики къ реальнымъ, личнымъ условіямъ, еслибъ не отождествленіе демона съ самимъ поэтомъ, высказанное рано, еще во второй редакціи. Эпилогъ къ ней не оставляетъ сомнѣній:

Какъ демонъ мой, я зла избранникъ,
Какъ демонъ, съ гордою душой,
Я межъ людей безпечный странникъ,
Для міра и небесъ чужой.

Прочтя повѣсть о демонѣ, читатель долженъ сравнить судьбу его съ судьбой поэта, — „и *вѣръ безжалостной душою*, что мы на свѣтѣ съ нимъ одни“.

Наивная неумѣлость выраженій, соединяющихъ съ гордой душой демона безконечность тоскующаго странствія межъ людей и съ безжалостной, неспособной къ участью душой сторонняго наблюдателя готовность вѣрить чужимъ страданіямъ и понимать ихъ,—не могутъ не удивить. Новая попытка самоопредѣленія того, кто счелъ себя сроднымъ Байрону, потомъ *русскимъ* избранникомъ, и теперь называетъ себя *зла* избранникомъ, настаивая на своемъ демонизмѣ,—говоритъ о неустойчивости самосознанія. Но колебанія и переходы вызваны стремленіемъ найти исходъ броженію силъ и той раздвоенности, которая дарила просвѣты вдохновенія, влекла къ идеальному и гуманному и отравляла презрѣніемъ и гордыней существа высшаго, властолюбиваго, требующаго себѣ жертвъ. Немалая доля кокетства, щеголянья загадочностью, — но не притворства, — долго неразлучная съ Лермонтовымъ, съ виду дававшая перевѣсъ себялюбію, могла быть поддержана тѣмъ, что біографія Байрона передаетъ о такой же слабости, напускной роли. Но если Лермонтову суждено было, выростая нравственно, оцѣнить въ поэзіи и общественной дѣятельности своего великаго образца тотъ ходъ развитія, который преодолѣлъ демонизмъ и дэндизмъ, крайній культъ личности, и вывелъ на путь народнаго и общечеловѣческаго освобожденія, то высшимъ результатомъ вліянія Байрона была эволюція Лермонтова какъ человѣка и поэта, отъ судорожнаго творчества къ проникавшемуся красотой и общественной чуткостью художеству послѣднихъ лѣтъ, безконечно много обѣщавшему.

Формальному развитію немного могла дать средняя школа, старомодный „благородный пансіонъ“ съ педагогами временъ

очаковскихъ и лучшимъ украшеніемъ въ лицѣ Мерзлякова, чей восторженный классицизмъ такъ странно соприкасался съ демоническимъ байронизмомъ его ученика. Не успѣлъ повліять университетъ въ мимолетный періодъ, когда среди студенчества мелькнула одинокая тѣнь Лермонтова, вѣчно чуждаго всѣмъ, не подозрѣвавшаго въ Бѣлинскомъ и другихъ товарищахъ будущихъ дѣятелей мысли и словесности, не съумѣвшаго опереться на ихъ идейную поддержку. На край пропасти привела кавалерійская школа съ отрицаніемъ всякаго развитія, молодечествомъ, цинизмомъ прожиганія жизни. Когда большой свѣтъ принялъ въ свою среду новаго пришельца, за которымъ могло числиться столбовое дворянство, но никакъ не стихотворство, — духъ этой среды, впитываясь во что бы то ни стало въ человѣка, съ дѣтства ей не чуждаго, могъ довершить противокультурное вліяніе предшествовавшихъ условій. Тѣ проявленія таланта, которыя всплывали на поверхность и казались единственнымъ результатомъ стихотворческой работы, получили отпечатокъ безпечнаго отношенія къ жизни, прямо противоположнаго прежнему отрицанію и протесту. Шалости „Казначейши“ послѣ гнѣвныхъ монологовъ разныхъ испанцевъ, древнихъ витязей, демоновъ, говорятъ объ успѣхахъ стиха, но о сильномъ пониженіи уровня. И въ нихъ есть черточки байроновскаго пошиба, онѣ тоже входятъ въ потомство „Беппо“,—но соединеніе юмора съ общественно-политической сатирой и лирическое вмѣшательство мыслителя имъ совершенно невѣдомо.

Послѣ мрачно-эффектнаго вступленія какой прозаическій шагъ назадъ, какая капитуляція высшихъ порывовъ передъ старымъ порядкомъ!

Но рано заложенная основа не погибла, работа самосознанія не остановилась, эволюція мысли и творчества не порвана. Раздвоеніе натуры скрыло этотъ процессъ въ тайникахъ, непроницаемѣе прежняго, даже для близкихъ. „Бремя познанья и сомнѣнья“ и впослѣдствіи не было у Лермонтова тяжелымъ *научнымъ* грузомъ, тѣмъ болѣе въ переходный, совсѣмъ не книжный періодъ,—да и кто могъ въ ту пору пройти у насъ путемъ Леопарди? Русская поэзія (и самъ Пушкинъ въ новомъ складѣ его творчества) не могла дать отвѣта на то, что бродило и волновалось въ глубинѣ души. Жизненный опытъ, — разочарованія и изобличенія, разгадка людей и господствующаго строя, уроны личнаго чувства и нравственныхъ требованій,—былъ однимъ изъ главныхъ наставниковъ и отрезвителей поэта. Литературное же

и идейное вліяніе, не давшее заглохнуть благороднымъ влеченіямъ, вызывавшее все впередъ, оказала и теперь поэзія Байрона.

Въ „Сашку“, который своими вольностями, казалось, долженъ былъ уподобиться блаженной памяти „Опасному сосѣду“ и французскимъ скабрёзнымъ сказочкамъ XVIII вѣка, вводятся прекрасныя лирическія отступленія совершенно противоположнаго тона, задушевныя, задумчивыя, съ печальными обобщеніями жизни, нравы веселаго притона отодвигаются на второй планъ передъ сатирической оцѣнкой всего быта, внѣшній поводъ вызываетъ неожиданную, яркую и драматическую, картину великой революціи, — и на шуточное произведеніе кладетъ свой отпечатокъ „Донъ-Жуанъ“. Арбенинъ надѣленъ въ первой редакціи „Маскарада“ роковыми предрасположеніями и, „порочной юностью“, преждевременной „старостью души“, „печатью проклятья“, дьявольской безсердечностью, но возвеличеніе подобнаго существа уступаетъ мѣсто грустной оцѣнкѣ погибающихъ душевныхъ силъ. Критическое отношеніе къ тому, въ чемъ прежде чудились чуть не героическія доблести, уже намѣчено. Шагъ дальше, и суровое къ самому себѣ изображеніе жизни Жоржа Печорина въ „Княгинѣ Лиговской“ — первообразѣ „Героя нашего времени“,—полное автобіографическихъ чертъ, показываетъ быстрый успѣхъ самоанализа. Но и у Жоржа среди свѣтской суетности, самообожанія, гордаго презрѣнія къ людямъ, донъ-жуанства, есть завѣтный уголокъ души, гдѣ страннымъ образомъ хранятся иныя мысли и сочувствія. У него „виситъ картина неизвѣстнаго русскаго художника, не знавшаго своего генія... Глаза, устремленные впередъ, блистали тѣмъ страшнымъ блескомъ, которымъ иногда блещутъ живые глаза сквозь прорѣзи черной маски“. „Ихъ лучъ испытующій и укоризненный, улыбка болѣе презрительна, чѣмъ насмѣшлива“. „Картина сдѣлалась его собесѣдникомъ *въ минуты одиночества и мечтанія*, и онъ, *какъ партизанъ Байрона*, назвалъ ее портретомъ Лары“... Это — не призываніе имени великаго поэта всуе, чтобъ прикрыть его примѣромъ собственныя излишества и отклоненія,—это признакъ все того же спасительнаго раздвоенія натуры, которое среди вредныхъ условій хранитъ ее отъ гибели и выведетъ на свѣтъ и свободу.

Рѣшающій моментъ — убійство Пушкина и разоблаченіе позорнаго отношенія руководящихъ и свѣтскихъ слоевъ къ великой утратѣ, сорвавшее послѣдніе покровы съ строя вещей, въ которомъ задыхался молодой поэтъ, противъ котораго возставали его демоническіе герои, съ дѣйствительности, все еще державшей

его въ своихъ сѣтяхъ. Вызовъ, брошенный старому порядку, чуждое честолюбивыхъ притязаній, но невольно захватывавшее сознаніе, что судьба возлагаетъ на него преемство и культурную власть, потрясли духовный организмъ Лермонтова, и въ поэтическомъ его призваніи были такимъ же стимуломъ, какимъ въ жизни Байрона была смѣлая оборона отъ уничтожающаго критическаго похода „шотландскихъ журналистовъ“, — съ тѣмъ важнымъ различіемъ въ пользу Лермонтова, что онъ повелъ нападеніе не pro domo sua, а въ защиту общихъ, высшихъ интересовъ. Какъ „Англійскіе барды“ раскрыли великую боевую силу Байрона, такъ надгробное стихотвореніе русскаго поэта, выразителя общественной мысли и совѣсти, явилось откровеніемъ.

Съ этой поры нѣтъ возврата назадъ, къ болѣзненно самолюбивой варіаціи на байроновскую тему, къ культу непонятаго, проблематическаго героя. Иныя, высшія цѣли встаютъ впереди, поэзія становится великой культурной силой, связи съ народомъ, съ переживаемой порой, чувствуются все сильнѣе. Кара, обрушившаяся на обличителя, арестъ, приговоръ, кавказская ссылка— рядъ отрезвляющихъ уроковъ; какъ ссылка Пушкина на югъ, это — начало политическаго воспитанія. Въ обоихъ случаяхъ Байронъ является его пособникомъ; но для Пушкина онъ былъ тогда невѣдомой, чарующей величиной, надѣлившей его, вмѣстѣ съ поэзіей борьбы, блестящимъ цикломъ художественныхъ фантасмагорій ранней юности, вызывавшей удивленіе красивому оріентализму, корсарству, демонизму,—для Лермонтова же, пережившаго уже эти впечатлѣнія и заплатившаго немалую дань пессимистическому повѣтрію, наставалъ теперь второй и важнѣйшій періодъ байронизма, когда вліяніе сказывается не въ усвоеніи готовыхъ образовъ и темъ, какъ бы они ни были душевно близки поэту, а въ солидарномъ съ Байрономъ и самостоятельномъ развитіи,—въ томъ проявленіи свободныхъ силъ, о которомъ, бывало, мечталъ Лермонтовъ, предчувствуя, что станетъ „не Байрономъ, но другимъ, еще невѣдомымъ избранникомъ, только съ русскою душою.

Кавказъ и русскій сѣверъ, подѣливъ между собой дальнѣйшую жизнь Лермонтова, вносятъ въ его творчество разнородныя, но одинаково цѣнныя данныя, поддержанныя его байронизмомъ. Тотъ край, съ которымъ связана богатая полоса въ русской художественной литературѣ,—отъ Державинской оды и „Горскихъ князей“ Нарѣжнаго къ Грибоѣдову, Пушкину, Марлинскому, А. Одоевскому и Лермонтову, и отъ нихъ къ „Казакамъ“ и „Кавказскому плѣннику“ Толстого, отразился рядомъ „горскихъ“ темъ еще въ

раннемъ байронизмѣ Лермонтова, обходившемся отголосками перваго путешествія на Кавказъ. Теперь общій колоритъ, схваченныя когда-то на лету бытовыя краски кажутся ему игрой дѣтской фантазіи. Всѣми самобытными сторонами влечетъ его къ себѣ новый міръ. Зароненный Байрономъ оріентализмъ ни у кого въ „Байроновской школѣ" не развился въ такую полную картину природы, быта, народной души; кавказовѣдѣніе Лермонтова оставило далеко за собой грёзы Гейне или Том. Мура объ Индіи, турецкія темы Гюго, Словацкаго, Вильг. Мюллера. Отъ воплощенія борьбы двухъ расъ и культуръ въ картинѣ Востока, вставленной въ величаво-задуманную, въ духѣ байроновскихъ темъ изъ царственно-горной природы, оправу „Спора" двухъ гигантовъ, до цикла характеровъ, въ которыхъ безъ романтическихъ прикрасъ и *старо*-байроновской драпировки выразился непочатый душевный закалъ горца, страсти, влеченія, суевѣрная фантазія, богатырство, женская доля, — весь бытъ, принявшій въ свою среду опальнаго поэта, оживаетъ отнынѣ въ его созданіяхъ. Кавказскіе типы его—не костюмированныя байроновскія копіи Марлинскаго, но прямые потомки наиболѣе жизненныхъ, поэтически-правдивыхъ характеровъ автора „Донъ-Жуана". Даже, казалось, столь мало реальный, но завѣтный для поэта, уже испытавшій вліяніе Люцифера, образъ Демона развился теперь съ большею мощью въ томъ краю, который издревле былъ родиной стихійно-величавыхъ миѳовъ и, рядомъ съ своимъ изводомъ легенды о богоборцѣ-Прометеѣ, могъ придать широкій полетъ иному, демоническому противнику божества. Тотъ же край далъ, взамѣнъ мнимо-испанскаго ландшафта первыхъ редакцій, тѣ живыя краски кавказской природы и народнаго характера, которыя сдѣлали необыкновенно реальнымъ фонъ волшебнаго вымысла.

Лермонтовская поэзія природы,—въ частности именно поэзія горъ, до него слабо развитая въ русскомъ творчествѣ,—имѣетъ также два возбуждающихъ источника. Байронъ и здѣсь прошелъ впереди съ богатствомъ натуръ-поэзіи въ его поэмахъ и лирикѣ, и вызвалъ таившіяся самобытныя способности пейзажиста-поэта,—но и природа страны съ контрастами вѣчныхъ снѣговъ и цвѣтущихъ долинъ подѣйствовала на воображеніе, разсыпала свои дары такъ, какъ не въ силахъ была это дѣлать свинцово-сѣрая природа сѣвера. Кавказъ далъ Лермонтову превосходный описательный матеріалъ, потребовавшій образнаго поэтическаго языка,—жизнь природы, ея душу, въ связи съ настроеніями въ психическомъ мірѣ человѣка научилъ понимать и выражать пантеизмъ Байрона. Окрѣпнувъ подъ этими вліяніями, Лермонтовская

поэзія природы безостановочно и широко развивалась, охвативъ не только грандіозное, несоизмѣримое, но и простое, скромно окрашенное, то, что далъ ему родной сѣверъ, когда онъ сознаяъ, что „любитъ его странною любовью".

На Кавказѣ, въ первую же высылку туда вольнодумца, когда переворотъ въ судьбѣ и уроки жизни побуждали преодолѣть внутренній разладъ, и, не сдаваясь врагу, противопоставить ему не истерзанное сомнѣніями, оторванное отъ людей, горделиво несчастное одиночество, но дѣятельную, въ живой связи съ народнымъ благомъ, работу проповѣдника культурной идеи,—сильно двинулся впередъ этотъ процессъ, давно подготовлявшійся и завершенный, когда изъ кавказскаго отшельничества судьба снова привела поэта на родину, представшую передъ нимъ въ иномъ свѣтѣ. Встрѣчи и связи съ декабристами на Кавказѣ, впечатлѣнія водворяемаго въ краѣ „барабаннаго просвѣщенія", крѣпостничество, произволъ, крайній милитаризмъ, вліяніе новой литературы и критики, сближеніе съ людьми типа Бѣлинскаго,—двигали впередъ перевоспитаніе. Надломленное, губящее свои силы существо его былыхъ героевъ, среди всеобщихъ нуждъ и запросовъ, гнета и несчастій, не могло не казаться ему отнынѣ болѣзненнымъ и преходящимъ; для него насталъ и безпристрастный судъ, и возрождающій переломъ. На этомъ пути снова, и съ большею силой, онъ испыталъ вліяніе Байрона.

Не было ли обращеніе Лермонтова къ призванію всенародному сходно съ тѣмъ, еще болѣе глубокимъ переворотомъ, который пережилъ авторъ „Гарольда" и восточныхъ поэмъ, завоевавъ себѣ славное имя въ освободительномъ движеніи современности? Факты послѣдняго періода байроновской жизни и дѣятельности были все время на лицо передъ его приверженцемъ, но лишь теперь онъ былъ настолько подготовленъ, чтобы для новыхъ высшихъ цѣлей покинуть прежнихъ вдохновителей, Корсара, Лару, весь штатъ геніально-мрачныхъ неудачниковъ.

Но для того, чтобы выйти свободно, съ облегченнымъ сознаніемъ, на этотъ путь, необходимо было продумать до крайнихъ логическихъ послѣдствій символъ вѣры разочарованія и демонизма, вызвать на судъ влеченія и мысли, съ нимъ связанныя, и послѣ такой уничтожающей исповѣди передъ самимъ собой порвать съ прошлымъ. Такой исповѣдью, Generalbeichte, играющей въ жизни Лермонтова роль „Вертера" въ жизни Гёте, явился „Герой нашего времени"

Брандесъ видитъ въ Печоринѣ „байронизмъ въ его сильнѣйшемъ и утонченнѣйшемъ выраженіи" и называетъ Лермонтов-

скаго героя „Прометеемъ новѣйшаго времени, прикованнымъ къ кавказской скалѣ“ [1]). Этотъ взглядъ критика нуждается въ пересмотрѣ и перестройкѣ. Принятый въ полномъ его объемѣ, онъ совпалъ бы съ оцѣнкой Печорина, какъ *положительной* личности,—оцѣнкой, принадлежавшей большинству современниковъ романа и тонко осмѣянной Лермонтовымъ въ одномъ изъ предисловій къ нему. Печоринъ, созданный по образу и подобію трагически горделивыхъ и таинственно преступныхъ героевъ, такъ же немыслимъ, какъ и надѣленный міровой скорбью. Печальная развязка судьбы человѣка выдающагося, съ задатками гуманности и отзывчиваго чувства, но душевно разбитаго, одинокаго и безполезнаго, не подходитъ ни къ титану, ни къ грустному мыслителю. Дорожная карета, уносящая Печорина, преждевременно постарѣвшаго и уныло-равнодушнаго, въ невѣдомую, безразличную для его тоски даль,—плохая замѣна горнаго замка, гдѣ Манфредъ заперся отъ людей и жизни, безстрашный даже въ смертный часъ. Кровная связь автора съ вымышленнымъ лицомъ, которому онъ повѣрилъ свои мысли и наблюденія, слѣдя за его дѣйствіями подчасъ съ несомнѣннымъ сочувствіемъ, не переходитъ черезъ тотъ предѣлъ, когда началась бы идеализація. Въ этой близости мерцаетъ пережитое и передуманное, но уже отжившее, критически освѣщаемое. Для героическаго типа, созданнаго подъ вліяніемъ Байрона, черты неподходящія, отрицательныя. И не звучало ли уже первоначальное заглавіе (покинутое Лермонтовымъ для другого, менѣе выразительнаго) грустно насмѣшливымъ предостереженіемъ противъ возвеличенія Печорина? „*Одинъ изъ героевъ нашего времени*“... Какъ будто бываютъ времена, когда героическое, величественное, можетъ группироваться въ цѣлые легіоны!.. Мюссе выразился еще опредѣленнѣе, излагая признанія „сына своего вѣка“.

На характерѣ Лермонтовскаго „сына своего вѣка“ несомнѣнно много удержалось изъ ранняго байроновскаго обихода. Если Печоринъ первой редакціи, среди праздной и двусмысленной петербургской жизни, былъ надѣленъ сочувствіемъ къ англійскому поэту, то въ кавказскомъ эпизодѣ, когда личность его выясняется, байроническія связи вполнѣ обозначаются. Физіономическія особенности сближаютъ его съ Ларой; „глаза не смѣялись, когда онъ смѣялся,—это признакъ или злого нрава, или глубокой, постоянной грусти“,—„that smile might reach his lip, but

[1]) Georg Brandes. Menschen und Werke, 1894 („Puschkin und Lermontow“, 302).

pass'd not by, none e'er could trace his laughter to his eye". Раздвоеніе натуры опредѣленно признается, и Печоринъ знаетъ, что „въ немъ живутъ два человѣка". Слышавшійся еще въ юношескихъ драмахъ укоръ людямъ въ неспособности понять чистыя стремленія и клеветническомъ усиліи навязать ему злобу и ненависть, развитъ сильнѣе, чѣмъ когда-либо („моя безцвѣтная молодость прошла въ борьбѣ съ собой и свѣтомъ, лучшія чувства я схоронилъ въ глубинѣ сердца. Я сдѣлался нравственнымъ калѣкой... Неужели, думалъ я, мое единственное назначеніе на землѣ—разрушать чужія надежды?.. За что они всѣ меня ненавидятъ?"). Столь же байроническій оттѣнокъ борьбы и счетовъ съ людьми приданъ двойнику Печорина, доктору Вернеру, въ которомъ соединены свойства „скептика и матеріалиста, а вмѣстѣ съ этимъ поэта на дѣлѣ и часто на словахъ, хотя и не написавшаго двухъ стиховъ". Для довершенія сходства понадобилась зачѣмъ-то и физическая примѣта,—Вернеръ „худъ и слабъ, какъ ребенокъ, одна нога его короче другой, какъ у Байрона"...

Высказанная съ небывалой въ русской литературной психологіи искренностью—„усталость жить" и неутолимое безпокойство, то влекущее къ новымъ призракамъ счастья, то требующее остраго наслажденія чужими страданіями, не находящее никакого примѣненія силъ, переходящее наконецъ въ безотчетно роковое скитальчество,—вся патологическая сторона Печорина, являясь исповѣдью самого поэта, въ то же время опирается на сродныя и потому такъ глубоко усвоенныя имъ черты у Байрона и переноситъ на русскаго лишняго человѣка душевныя испытанія Гарольда и Манфреда.

Но правда изображенія этой патологіи ведетъ не къ ея возвеличенію; типъ складывается отрицательный, и байроническая школа не обогатилась законченнымъ героическимъ образомъ, какъ можно было бы заключить изъ формулы Брандеса. И вмѣстѣ съ тѣмъ Байронъ же указалъ тому, кто произнесъ надъ собой столь безпощадный приговоръ, и достойный выходъ. Съ этой стороны Печоринъ двойною связью соединенъ съ поэзіей и жизнью Байрона. Онъ погибаетъ, и долженъ погибнуть, но изъ разрушенія возникаетъ новая живительная сила.

Перерожденію, обновленію посвящены немногіе годы,—быть можетъ, точнѣе было бы сказать—мѣсяцы,—которые оставалось прожить Лермонтову. Отголоски старыхъ воззрѣній, недочеты общественно-политическаго и научнаго развитія иногда чувствуются и въ эту пору,—и странно сплетаются опять съ байроническими темами. Такъ, превосходно переложивъ изъ „Чайльдъ-

Гарольда“ эпизодъ объ „Умирающемъ гладіаторѣ“, поэтъ отягчаетъ его моралью, вводя сравненіе гибнущаго борца — съ западной цивилизаціею, разбитой и утомленной—и это осужденіе источника, откуда въ Николаевскую Русь въ особенности шло освобождающее вліяніе, совпадаетъ съ столь же спѣшнымъ приговоромъ „Думы“ надъ „молодымъ поколѣніемъ“, изсушившимъ умъ познаньемъ и сомнѣньемъ, и безполезнымъ для народа,—надъ поколѣніемъ Герцена и Бѣлинскаго!.. Славянофильскій дилеттантизмъ „Гладіатора“ встрѣчается съ тѣмъ поэтическимъ бонапартизмомъ, культомъ Наполеона, который введенъ былъ въ европейскую поэзію Байрономъ изъ протеста противъ стараго порядка и подъ впечатлѣніями эпической славы,—и передался большинству послѣдователей англійскаго поэта [1]). Но, не подорванное у него этимъ протестомъ и заступничествомъ за низвергнутаго сына революціи, осужденіе Наполеоновскаго самовластія и гнета не передалось Лермонтову. Словно парализованное охранительными соображеніями, но все же байроническое по замыслу, „Послѣднее Новоселье“, такъ восхитившее Бѣлинскаго, сохранило лишь мотивъ сердечнаго сочувствія къ павшей великой силѣ, несправедливо забытой народомъ.

Въ освѣжающей атмосферѣ, въ которую перенесло Лермонтова сближеніе съ Бѣлинскимъ и новою литературой, подобные недочеты, славянофильскія, даже (хотя очень рѣдко) шовинистскія противорѣчія должны были отпасть, націонализмъ долженъ былъ уступить мѣсто искреннему и гуманному народничеству, призваніе поэта среди страдающей массы, не имѣющее ничего общаго съ безстрастнымъ жреческимъ священнодѣйствіемъ передъ престоломъ Красоты, но великое, вдохновляющее, несущее всѣмъ безъ различія свѣтъ и истину, сознательно опредѣлилось. На этомъ пути Лермонтовскій байронизмъ, послѣдней, лучшей формаціи, отбросившій скорбные мотивы и демонизмъ, сослужилъ великую службу. „Широкій полетъ“, такъ мѣтко названный въ этюдѣ польскаго критика главнымъ результатомъ вліянія Байрона на Лермонтова, раскрылъ наконецъ передъ нимъ необъятный горизонтъ общечеловѣческаго развитія, не для того, чтобы въ воздушномъ океанѣ пролеталъ могучій и надменный падшій ангелъ, но для того, чтобы слово поэта, какъ призывъ набатный, раздавалось свободно и громко, въ дни печали и радости людской.

Слышатся новые, чудные звуки. „Сказка для дѣтей“ покон-

---

[1]) Новѣйшая работа объ отношеніи Байрона и англійскаго общественнаго мнѣнія къ Наполеону—Paul Holzhausen, Bonaparte, Byron und die Briten. Frankf., 1904.

чила съ химерой демонизма; съ каждымъ стихотвореніемъ ростетъ новый образъ поэта, дѣйствительно способнаго стать „Байрономъ съ русскою душой“. Смерть нагло рветъ эти всходы, разрушаетъ надежды, и въ длинномъ свиткѣ избранныхъ именъ, связанныхъ въ европейской поэзіи съ вліяніемъ Байрона, появляется, наряду съ лучшими, свѣтлыми именами, въ печальномъ сіяніи имя Лермонтова. Инымъ изъ его сверстниковъ удавалось полнѣе усвоить содержаніе творчества своего великаго учителя, но ни у одного изъ нихъ байроновская поэзія не была въ теченіе всей жизни такою путеводною звѣздой, такою воспитывающей силой, которая для русскаго художественно-общественнаго развитія сберегла и взлелѣяла одно изъ славнѣйшихъ его украшеній.

IV.

Достигнувъ зенита въ поэзіи Лермонтова, русскій байронизмъ не въ силахъ былъ удержаться на ея высотѣ. Традиціонное сочувствіе и влеченіе сохранялось, правда, и въ литературѣ, и въ обществѣ. Черезъ Печорина и героевъ Марлинскаго связаны съ раннимъ байроновскимъ пошибомъ тѣ мелькавшія въ общественныхъ слояхъ разочарованныя, демоническія, и запоздалыя фигуры, съ которыми пришлось бороться натуральной школѣ и ея преемникамъ. Соллогубъ сдѣлалъ это въ „Тарантасѣ“, талантливый дебютантъ-беллетристъ Авдѣевъ посвятилъ серію повѣстей разоблаченію въ „Тамаринѣ“ блѣдной копіи съ печоринско-байроновскаго оригинала, въ закоулкахъ полу-мѣщанскаго міра нашелъ то же явленіе Островскій, и въ его Меричѣ („Бѣдная невѣста“) есть фальшивыя блестки проблематической натуры. Будущіе творцы психологическаго и реальнаго романа, Тургеневъ и Салтыковъ, прошли сначала черезъ байронизмъ. Тургеневъ еще на третьемъ курсѣ университета написалъ „фантастическую драму въ пятистопныхъ ямбахъ подъ заглавіемъ *Стеніо*“, въ которой Плетневъ нашелъ „съ дѣтской неумѣлостью подражаніе байроновскому Манфреду“ [1]). Салтыковъ съ увлеченіемъ переводилъ (и печаталъ) лирическія стихотворенія Байрона [2]).

Въ „Мечтахъ и Звукахъ“ молодого Некрасова, черезъ посредство Лермонтова, оказавшаго сильное вліяніе на него, откли-

[1]) Литературныя и житейскія воспоминанія, соч. Тургенева, I, 6.

[2]) „Современникъ“ 1844 и 1845 гг.—Салтыковъ перевелъ, напр., „The spell is broken“, „Impromptu“ и др.

каются байроническія темы, сомнѣнія, тревога, пессимистическія оцѣнки жизни, появленіе „въ часы раздумья коварнаго демона зла“, попытки широкихъ картинъ міровой жизни (стихъ „Мысль“ — „спитъ дряхлый міръ, спитъ старецъ обветшалый“ и т. д.). Будущій славянофильскій критикъ Аполлонъ Григорьевъ переводитъ лирику Байрона и подражаетъ ей [1]. Число переводовъ вообще несомнѣнно возрастаетъ; они проникаютъ и въ выдающіяся изданія, и въ мелкую, непритязательную прессу („Литературная Газета“, „Репертуаръ“, „Пантеонъ“, „Московскій Городской Листокъ“), появляются отдѣльно (въ 1846—47 гг., напр., два перевода „Донъ Жуана“ — Жандра и Любича-Романовича, одинъ хуже другого). Длительность интереса, перешедшая уже за грань четверти вѣка (съ 1818 года), конечно, примѣчательна, но его распространеніе, захватывающее все шире общественные слои, не встрѣчаетъ уже выдающихся силъ, способныхъ усвоить завѣты Байрона, воспитаться въ его школѣ для самостоятельнаго труда; новое время и новыя задачи отвлекаютъ къ себѣ тѣ дарованія, которыя сначала поддались завѣтному очарованію; съ Лермонтовымъ какъ будто исчезло созвучіе и сродство вдохновеній и темпераментовъ съ Байрономъ.

Но именно въ это время художественной убыли ростетъ и развивается вѣрное пониманіе того, чѣмъ *въ дѣйствительности* былъ Байронъ и что (несмотря на почетный титулъ „властителя думъ“) невполнѣ ясно сознавалось и главными дѣятелями нашего байронизма. Это, прежде всего, заслуга критики Бѣлинскаго; съ нимъ можетъ раздѣлить ее въ своей публицистикѣ, и русской, и зарубежной, Герценъ.

Въ „Литературныхъ Мечтаніяхъ“, какъ будто находясь еще подъ вліяніемъ оцѣнокъ своего учителя Надеждина, Бѣлинскій соединяетъ съ признаніемъ великой поэтической силы Байрона укоръ въ односторонности. „Если Байронъ взвѣсилъ ужасъ и

[1]) Въ „Московскомъ Городскомъ Листкѣ“ 1847 г., среди работъ такихъ сотрудниковъ, какъ Герценъ („Станція Едрово“), Соловьевъ, Хомяковъ, Островскій, помѣщена критическая статья Григорьева по поводу перевода „Донъ-Жуана“ Любича-Романовича съ любопытнымъ сравненіемъ Фауста и Донъ-Жуана. Сочувствіе Байрону Аполлонъ Григорьевъ сохранилъ навсегда. Такъ, въ „Русской Бесѣдѣ“ 1856, III, въ письмѣ къ Хомякову „О правдѣ и искренности въ искусствѣ“, онъ видѣлъ въ Байронѣ „пламенный поэтическій протестъ личности противъ всего условнаго въ окружающемъ общежитіи“, и потому онъ можетъ быть судимъ только съ высшей точки зрѣнія христіанскаго суда, но не съ точки зрѣнія нравственности того общежитія, котораго муза его была казнью. „Не безнравственностью, а правдой увлекалъ онъ и досѣлѣ увлекаетъ поколѣнія, даже мудрецовъ, какъ Гете, даже равныхъ ему, Пушкина и Мицкевича.

страданье,—говоритъ критикъ,—если онъ постигъ и выразилъ только муки сердца, адъ души, это значитъ, что онъ постигъ только одну сторону бытія вселенной, что онъ вырвалъ и показалъ намъ только одну страницу онаго". Но вмѣстѣ съ освобожденіемъ отъ философско-эстетическихъ путъ, съ ростомъ „соціальности", съ углубленіемъ въ смыслъ и задачи современнаго умственнаго движенія въ Европѣ, падаютъ оговорки и укоры, и значеніе Байрона опредѣляется вѣрно, мѣтко и увлекательно. Не говорю уже о томъ, что въ статьѣ „О раздѣленіи поэзіи на роды и виды" Байронъ и въ поэмахъ, и въ лирикѣ введенъ въ число образцовыхъ писателей,—или объ отзывѣ, сближающемъ Байрона съ В. Скоттомъ (1844), называя ихъ „великими поэтами, проложившими совершенно новые пути въ искусствѣ", считая, что „каждый изъ нихъ былъ Коломбомъ въ сферѣ искусства" и т. д.,—эти отзывы слабѣютъ передъ превосходной лирической характеристикой Байрона, импровизованной, очевидно, въ минуту особеннаго подъема энтузіазма и проникнутой удивительной интуиціей. „Байронъ,—говоритъ въ 1843 г. Бѣлинскій,—это былъ Прометей нашего вѣка, прикованный къ скалѣ, терзаемый коршуномъ. Не кометой, блуждающей и безобразной, былъ онъ, а новымъ духомъ, поборавшимъ за человѣчество, съ пламеннымъ мечомъ въ рукѣ, съ эгидой будущей побѣды, близкаго торжества". И вслѣдъ за этимъ горячимъ славословіемъ образца, кумира байронистовъ всѣхъ странъ, идетъ суровая и вѣрная оцѣнка русской ихъ группы, того „байронизма" нашего, чьи судьбы изслѣдованы въ настоящемъ этюдѣ моемъ, который можетъ только присоединиться по выводамъ къ тому, что болѣе полу-вѣка тому назадъ намѣчено было великимъ критикомъ. „А ты, добрый и невинный романтизмъ русскій, создалъ себѣ, въ своемъ ребячествѣ, какой-то призракъ Байрона, столько же похожій на Байрона, сколько тѣнь, отбрасываемая на солнцѣ человѣкомъ, похожа на человѣка. *Да и гдѣ, изъ чего было тебѣ создать истинный идеализмъ Байрона?* Гдѣ взялъ бы ты глубокаго сочувствія всему человѣчеству, глухихъ рыданій, никому не видныхъ, но тѣмъ болѣе сокрушительныхъ,—ты, добрый юноша, съ глазами унылыми, но отъ модной тоски, съ щеками нѣсколько блѣдными, но отъ ночныхъ пировъ?.." [1]) Замыкающій этотъ приговоръ отзывъ о байроническихъ твореніяхъ Пушкина, также, по мнѣнію Бѣлинскаго, не постигшаго Байрона,—отзывъ, уже разсмотрѣнный нами,—и послѣдовательно проводимый критикомъ

[1]) „Русск. литература въ 1842 году". Сочин., VII, 17—18.

во всѣхъ разборахъ Лермонтовской поэзіи взглядъ, признававшій, при всѣхъ байроническихъ связяхъ Лермонтова, особый, самородный ходъ развитія его творчества, сходятся въ признаніи за Байрономъ великаго общечеловѣческаго значенія, которое не передается переимчивостью и подражаніемъ.

На той же почвѣ, но еще шире и свободнѣе развивая взглядъ свой, встрѣчается съ своимъ другомъ въ оцѣнкахъ Байрона Герценъ. Онѣ также проходятъ по всей его дѣятельности. Въ первой печатной его статьѣ—о Гофманѣ—въ „Телескопѣ" проведено сравненіе юмора Гофмана „съ страшнымъ, разрушающимъ юморомъ Байрона, подобнымъ смѣху ангела, низвергающагося въ преисподнюю, и съ ядовитой, адской, змѣиной насмѣшкой Вольтера". Въ переходномъ періодѣ еще слышатся, затѣмъ, отголоски этой ранней оцѣнки. Въ „Дилеттантизмѣ въ наукѣ" Байронъ выставленъ пѣвцомъ своей эпохи, „мрачнымъ, скептическимъ поэтомъ отрицанія и глубокаго разрыва съ современностью, падшимъ ангеломъ, какъ его называетъ Гёте",—но рамки изученія уже значительно расширяются, и въ „Дневникѣ" 1842 г., наприм., ставится вопросъ объ отношеніи Эсхилова „Прометея" къ „Каину" Байрона [1]), а въ набросках къ „Доктору Крупову" Титъ Левіаѳанскій беретъ изъ „одного англійскаго автора, Бирона", глубоко печальную мысль въ подтвержденіе теоріи о повальномъ безуміи людскомъ [2]). Эмиграція на Западъ, непосредственныя связи съ отечествомъ Байрона, выстраданное сложнымъ политическимъ опытомъ и наблюденіемъ пониманіе европейской современности и ея прошлаго, близость съ такими энтузіастами Байрона, какъ Мадзини [3]), и много поводовъ въ публицистической дѣятельности опредѣлить значеніе поэта, приводятъ къ такимъ же выразительнымъ формуламъ, какія мы нашли у Бѣлинскаго. Наиболѣе выдаются онѣ въ „Быломъ и Думахъ", разсѣянныя на всемъ пространствѣ многолѣтнихъ мемуаровъ, спутниковъ великаго общественнаго дѣятеля. Кризисъ 1848 г. во Франціи и кровавая междоусобная расправа вызываютъ острыя и жгучія сопоставленія съ кризисомъ, пережитымъ Байрономъ,—первыя опредѣленныя указанія на общечеловѣческое значеніе соціально-политическаго его подвига. Въ недавно (1903) впервые напечатанномъ отрывкѣ 5-й части „Былого и Думъ" [4]), по поводу

[1]) Сочиненія А. И. Герцена. Женева, 1875, I, 13—14.

[2]) Сочиненія Герцена, X, 1879, „Aphorismata".

[3]) Слѣды этого вліянія—въ „Концахъ и Началахъ", X, 212, гдѣ характеризована извѣстная статья Мадзини о Байронѣ и Гёте.

[4]) По рукописи, сообщенной А. А. Герценомъ; въ собраніе сочиненій онъ не вошелъ.

Кавеньяковскихъ разстрѣливаній, мучительно подѣйствовавшихъ на Герцена и его друзей, возникаетъ сравненіе удрученнаго ихъ состоянія съ мрачной байроновской картиной. „У Байрона есть описаніе ночной битвы; кровавыя подробности ея скрыты темнотой; при разсвѣтѣ, когда битва давно кончена, видны ея остатки, клинокъ, окровавленная одежда. Вотъ этотъ-то разсвѣтъ наставалъ теперь въ душѣ, онъ освѣтилъ страшное опустошеніе. Половина надеждъ, половина вѣрованій была убита, мысли отрицанія, отчаянія бродили въ головѣ, укоренялись“. Объясненіе байроновской роли, направленное въ эту сторону, уже не остановится. То выразится оно въ сравненіи Леопарди съ Байрономъ: у обоихъ „много убито рефлексіей, но стихъ иногда рѣжетъ, дѣлаетъ боль, будитъ нашу внутреннюю скорбь“. Такія слова, стихи, есть у Лермонтова, — прибавляетъ Герценъ. То проводится мѣткая мысль о преемственности скептицизма въ Англіи, „гдѣ Байронъ естественно идетъ за Шекспиромъ, Гоббсомъ и Юмомъ“; то набросанъ яркій образъ байроновскаго Люцифера, — и, наконецъ, широко развившееся пониманіе выражается въ диѳирамбѣ, по страстности тона достойномъ стать наряду съ отзывомъ Бѣлинскаго, но проникнутомъ глубокимъ трагизмомъ.

„Байронъ не могъ приладиться къ этой жизни. Нѣтъ ничего удивительнаго, что онъ со своимъ Гарольдомъ говоритъ кораблю: „неси меня, куда хочешь, только вдаль отъ родины“. Но что же ждало его въ этой дали? Испанія, вырѣзываемая Наполеономъ, одичалая Греція, всеобщее воскрешеніе всѣхъ смердящихъ Лазарей послѣ 1814 г.; отъ нихъ нельзя было спастись ни въ Равеннѣ, ни въ Діодати. Байронъ не могъ удовлетворяться понѣмецки теоріями sub specie aeternitatis, ни по-французски — политической болтовней, и онъ сломился; но сломился какъ титанъ, бросая людямъ въ глаза свое презрѣніе. Разрывъ, который Байронъ чувствовалъ, какъ поэтъ и геній, сорокъ лѣтъ тому назадъ, послѣ ряда новыхъ испытаній, послѣ грязнаго перехода съ 1830 къ 1848 г. и гнуснаго съ 1848 до сегодняшняго дня, поразилъ теперь многихъ, и мы, какъ Байронъ, не знаемъ, куда дѣться, куда приклонить голову“... „*Оттого-то я теперь и цѣню такъ высоко художественную мысль Байрона*“. Онъ видѣлъ, что выхода нѣтъ, и гордо высказалъ это“ [1]).

Пусть эта страстная рѣчь закончитъ собой нашъ этюдъ о русскомъ вкладѣ въ европейское движеніе байронизма. Судьба этого

---

[1]) Сочин. Герцена, VIII, 1879 („Былое и Думы“, часть V), 358—361.

вклада уже была такова, что вѣрное, широкое, свободное пониманіе Байрона настало слишкомъ поздно, когда для проявленія этого пониманія въ творчествѣ не было уже соотвѣтствующихъ силъ, когда новые, насущные вопросы русской жизни отвлекли для культурной борьбы все даровитое въ иную сторону. Тогда казалось, будто эта борьба и байроническіе завѣты—несовмѣстимы. На Западѣ факты опровергли это утвержденіе. Не говоря уже о вліяніи Байрона на нѣмецкихъ „политическихъ поэтовъ“ сороковыхъ годовъ,—въ пятидесятыхъ, шестидесятыхъ годахъ, наконецъ почти въ наше время тамъ оживаютъ эти завѣты. Эпигоны байронизма, нѣмцы [1]), скандинавы [2]), чехи [3]), армяне [4]) выносили изъ увлеченія и соревнованія живой и дѣятельный интересъ къ нуждамъ своего народа и свободу художественнаго созданія.

Къ новой нѣмецкой поэзіи было въ наши дни обращено пожеланіе „сподобиться новаго Байрона“,—но въ великую и трудную пору, которую переживаетъ теперь наше отечество, было бы еще бо̀льшимъ благомъ, еслибъ раздался мужественный и животворный поэтическій глаголъ истиннаго русскаго байрониста.

Алексѣй Веселовскій.

Москва.

---

[1]) Новѣйшій отпрыскъ нѣмецкаго байронизма—поэма даровитаго Detlev v. Liliencron, „Poggfred, ein kunterbuntes Epos“ (Werke XI—XII).

[2]) Въ перепискѣ Ибсена, „Briefe v. Henrik Ibsen“, Berl. 1905, 179—180, есть необыкновенно характерное письмо о великой пользѣ для скандинавской литературы какъ можно шире узнать и усвоить Байрона, раскрываемой примѣромъ нѣмецкой поэзіи, которая обязана ему тѣмъ, чѣмъ сдѣлалась.

[3]) Маха, Сабина, Фричь, въ особенности Pfleger-Moravsky, съ поэмой „Pan Vysinsky“.

[4]) Выдающимся армянскимъ байронистомъ явился Шахъ-Азизъ съ поэмой „Скорбь Леона (1865). О немъ—книга Юрія Веселовскаго: „Армянскій поэтъ Шахъ-Азизъ“, 1905 г.

ЧЕРНАЯ ЗМѢЯ

РОМАНЪ.

Paul Adam. „Le Serpent noir". Roman. Paris. 1905 (Librairie Ollendorf).

III *).

Намѣреваясь прожить у Гульвеновъ нѣсколько недѣль, я прежде всего хотѣлъ поставить на твердую почву мои отношенія къ хозяевамъ и заставить ихъ вполнѣ подчиниться моимъ требованіямъ. Такъ, при первомъ же разговорѣ я отбилъ у Гульвена охоту говорить мнѣ о своихъ надеждахъ на поддержку Фармацевтическаго Общества, а женѣ его далъ понять, что намѣренъ устроиться у нея въ домѣ со всѣми удобствами. Я терпѣть не могу стѣснять себя—даже если этого требуетъ простая вѣжливость. Чрезмѣрная деликатность ведетъ къ уступкамъ, къ лицемѣрію, ко всякимъ слабостямъ, которыя мало-по-малу убиваютъ въ насъ духъ сопротивленія и лишаютъ превосходства надъ другими. Высокомѣріе же, напротивъ того, внушаетъ почтеніе тѣмъ, которые принуждены сносить его, какъ бы они внутренно ни злились и ни возмущались. Моя сила заключается въ томъ, что я намѣренно не понимаю никакихъ намековъ, никакихъ упрековъ, замаскированныхъ шутливымъ тономъ. Въ подобныхъ случаяхъ я притворяюсь недогадливымъ, глупымъ. Я не понимаю съ полуслова то, что идетъ противъ моихъ интересовъ, а такъ какъ рѣдко кто достаточно смѣлъ или достаточно неблаговоспитанъ, чтобы прибѣгнуть къ откровенному гнѣву, то я почти всегда остаюсь хозяиномъ положенія.

*) См. выше: октябрь, стр. 630.

Въ Керьяникѣ я этого достигъ съ перваго же дня. Попросивъ позволенія переодѣться къ завтраку, я, кстати, выразилъ неудовольствіе по поводу слишкомъ поздняго часа завтрака, — и затѣмъ поднялся къ себѣ. Анна-Марія уже разстегнула ремни чемодановъ. Было очень жарко. На минуту я поколебался, надѣть ли голубое шолковое дезабилье, въ которомъ я обыкновенно хожу у себя дома при такой температурѣ. Я не сомнѣвался, что дамы будутъ очень недовольны,—но, можетъ быть, слѣдуетъ показать сразу, что я не гожусь въ рабы. М-мъ Гульвенъ, навѣрное, не попроситъ перемѣнить костюмъ; она побоится обидѣть меня и потерять выгоднаго пансіонера. Докторъ тоже сдержитъ раздраженіе, надѣясь на мое ходатайство за него у нашего правленія. Я, значитъ, могъ безнаказанно все себѣ позволить. Ну, а м-мъ Елена, которую я хотѣлъ расположить въ свою пользу? Какъ она посмотритъ на мою безцеремонность—какъ на доказательство силы, на простоту или невоспитанность? Отъ моего умѣнья говорить зависитъ, чтобы она подумала первое. Я люблю преодолѣвать трудности, и внутренно сравниваю себя при этомъ съ ретивымъ конемъ, который, взрывая землю копытами, мчится, сломя голову, черезъ заборы, ручьи и барьеры,—въ особенности черезъ барьеры.

Некорректность моего туалета я загладилъ тѣмъ, что облилъ себя дорогими, рѣдкостными духами, расчесалъ волосы съ безукоризненно-прямымъ проборомъ по срединѣ, гладко выбрилъ щеки и губы, отполировалъ ногти, надѣлъ на всѣ пальцы драгоцѣнныя кольца, обулъ ноги въ бѣлые замшевые башмаки и заколол воротъ шолковой рубашки булавкой съ крупнымъ жемчугомъ. Когда раздался второй звонокъ къ завтраку, я спустился внизъ. Подъ легкой тканью костюма ясно обозначались мои мускулы; я гордился ихъ упругостью, избалованный комплиментами моего массажиста, а также моего друга Лантома, скульптора, который лѣпитъ преимущественно атлетовъ. Я надѣялся на эстетическое чутье м-мъ Елены, и ожидалъ, что она обратитъ вниманіе на соединеніе силы и изящества въ моей фигурѣ.

Больше всѣхъ возмутилась моимъ видомъ м-мъ Ла-Ревельеръ. Вмѣсто всякаго извиненія, я только заявилъ, что на пароходахъ, совершающихъ плаваніе по Красному морю, дамы разрѣшаютъ являться къ столу въ дезабилье; но старая дама сухо кивнула головой, ничего мнѣ не отвѣтивъ, и продолжала перелистывать альбомъ. Ея невѣстка дерзко оглянула меня. Для того, чтобы я не вздумалъ позволить себѣ и въ другой разъ подобную вольность, она заявила, что пожилые люди, измученные морской кач-

кой, имѣютъ, конечно, право на всякія снисхожденія, но что ихъ положеніе совершенно исключительное. Я попытался склонить на свою сторону Жильберту. Прямая и костлявая въ своемъ фланелевомъ костюмѣ песочнаго цвѣта, она держалась очень неприступно, но все-таки смягчилась и сказала мнѣ, что я похожъ на китайца изъ иллюстрированной книги.

М-мъ Гульвенъ воспользовалась ея опредѣленіемъ, чтобы превратить этотъ инцидентъ въ шутку, и поспѣшила возобновить разговоръ, прерванный моимъ появленіемъ. Всѣ восхищались Жильбертой, которая за одну недѣлю прочла четыре тома историческихъ мемуаровъ. Мать ея горячо благодарила доктора за то, что онъ пріохотилъ къ чтенію ея дѣвочку, до того не интересовавшуюся никакими серьезными книгами. М-мъ Ла-Ревельеръ присоединилась къ невѣсткѣ и тоже стала благодарить Гульвена своимъ нѣсколько мужскимъ голосомъ. Мнѣ сдѣлалось почти непріятно отъ этихъ похвалъ. Наконецъ, Анна-Марія пришла доложить, что подано къ столу, и мы пошли на террасу, гдѣ былъ накрытъ столъ подъ навѣсомъ.

Направляясь къ столу, я глядѣлъ на м-мъ Елену, любуясь ея пышной красотой. Нѣсколько насмѣшливое выраженіе ея лица свидѣтельствовало о природномъ лукавствѣ. Въ ея смѣющихся глазахъ можно было ясно прочесть: „Онъ хочетъ удивить насъ своей наглостью. До чего это банально!“ Но главной моей цѣлью было не это, а то, чтобы меньше страдать отъ жары, чего я и достигъ легкостью своего костюма. Я сѣлъ по правую руку м-мъ Гульвенъ, которая отдѣляла меня отъ Жильберты. М-мъ Елена сѣла противъ меня, налѣво отъ хозяина, а почетное мѣсто, во главѣ стола, предоставлено было м-мъ Ла-Ревельеръ.

Завтракъ начался при полномъ молчаніи. Я чувствовалъ, что всѣ мною недовольны, и, чтобы загладить дурное впечатлѣніе, сталъ разсказывать о томъ, что участвовалъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ обѣдѣ экономистовъ, подъ предсѣдательствомъ покойнаго Ла-Ревельера. Онъ тогда только-что провелъ въ палатѣ депутатовъ свой проектъ назначенія премій за вывозъ сахара. М-мъ Ла-Ревельеръ просіяла отъ гордости, когда я заговорилъ объ ея сынѣ. Тогда я сталъ расхваливать изо всѣхъ силъ покойнаго депутата. Я объяснилъ, что, благодаря его стараніямъ, нѣкоторые изъ нашихъ сахарозаводчиковъ зарабатывали по триста тысячъ франковъ въ годъ, продавая сахаръ очень дорого во Франціи и за полцѣны—на англійскихъ рынкахъ. Англичане же, получая сахаръ изъ Пикардіи и фрукты—изъ Нормандіи, изготовляли дешевое варенье и компоты, и ввозили ихъ потомъ во

Францію, вытѣсняя тамъ варенье мѣстнаго изготовленія, гораздо болѣе дорогое, такъ какъ французскіе продавцы, покупая сахаръ по дорогой цѣнѣ, платили тѣмъ самымъ косвенный налогъ, служившій для уплаты премій. Я долго распространялся объ остроуміи этой комбинаціи, при которой никто ничего не терялъ, кромѣ французскихъ потребителей: имъ-то приходилось, конечно, дорого платить и за сахаръ, и за варенье. Докторъ не могъ удержаться, чтобы не замѣтить, что эта афера была менѣе выгодна для страны, чѣмъ для крупныхъ сахарозаводчиковъ сѣверной Франціи.

— И для депутатовъ ихъ департаментовъ,—прибавилъ я.— Наши промышленники обезпечивали имъ возобновленіе ихъ мандатовъ на каждыхъ новыхъ выборахъ при посредствѣ заводскихъ рабочихъ и земледѣльцевъ: заводы принимали свекловицу или отказывали въ пріемѣ, сообразно съ подачей голосовъ за кандидатовъ или противъ нихъ. Вотъ почему депутаты и сахарозаводчики устроили тогда банкетъ въ честь Ла-Ревельера и преподнесли ему золотую медаль... Въ качествѣ эксперта-химика, занимающагося анализомъ свекловичнаго сока, я тоже былъ членомъ комитета. Медаль стоила намъ триста франковъ. Я помню, что тоже внесъ двадцать франковъ.

— Я сейчасъ верну ихъ вамъ! — воскликнула м-мъ Ла Ревельеръ, вспыхнувъ отъ негодованія и дѣлая видъ, что хочетъ открыть золотое портмонэ, висѣвшее на цѣпочкѣ, у пояса.

Я сдѣлалъ отстраняющій жестъ, изобразивъ комическій ужасъ на лицѣ, и она только сказала раздражительнымъ тономъ, обращаясь къ невѣсткѣ:

— Не забудьте, Елена, господинъ Гишардо внесъ двадцать франковъ для покупки медали.

— Я никогда этого не забуду и сохраню вамъ вѣчную признательность,—съ улыбкой сказала м-мъ Елена.—Позвольте пожать вамъ руку.

Она протянула мнѣ черезъ стаканы свою тонкую руку съ голубыми жилками. Мнѣ понравилось, что она носила только нѣжныя кольца съ жемчугомъ, опалами и маленькими брильянтами. Я шутливо пожалъ ей кончики пальцевъ. Вѣдь я уже показалъ ей, что меня слѣдуетъ бояться,—а послѣ одержанной побѣды я всегда бываю въ самомъ добромъ настроеніи. Послѣ этого маленькаго инцидента, я продолжалъ вести себя крайне развязно, увѣренный въ томъ, что робкій, вѣжливый, скрытный, обозленный на судьбу, но добрый къ людямъ Гульвенъ не укажетъ мнѣ на дверь. Онъ зналъ, что я—превосходный фехтоваль-

щикъ и что ссориться ему со мной невыгодно, такъ какъ это его же поставитъ въ глупое и унизительное положеніе. Значитъ, я могъ не стѣсняться съ нимъ. Но искусство мое заключается въ томъ, чтобы уязвить человѣка, и этимъ дать ему почувствовать мое превосходство, а потомъ пролить на раны бальзамъ добродушія—для того, чтобы мой противникъ могъ найти оправданіе своему малодушію и имѣлъ благовидный предлогъ не отвѣчать мнѣ рѣзкостями.

Я поэтому сталъ превозносить ученость моего хозяина, повторилъ похвалы, которыя слышалъ отъ его паціентки, и присоединилъ къ нимъ лестные эпитеты отъ себя. Я попросилъ затѣмъ м-мъ Гульвенъ разсказать мнѣ, какъ ея мужъ спасъ Анну-Марію, и она была мнѣ очень благодарна за эту просьбу. Она надѣялась, что ея объясненія убѣдятъ меня оказать поддержку доктору. Говоря съ нею, я все-таки не упускалъ изъ виду моихъ намѣреній совратить съ пути добродѣтели хорошенькую служанку. Я превозносилъ въ цвѣтистыхъ выраженіяхъ ея внѣшность, понятливость и исполнительность, ея ловкость въ работѣ. Контрастъ между моей безцеремонностью со всѣми и изысканной учтивостью въ обращеніи съ нею долженъ былъ неминуемо польстить ея гордости. Она, навѣрное, рѣшила, что я едва могу сдержать пылкость своихъ чувствъ къ ней.

Я постарался также снискать расположеніе Жильберты и попросилъ ее дать мнѣ нѣсколько сдѣланныхъ ею фотографическихъ снимковъ. Тронутая моимъ вниманіемъ, она соблаговолила произнести нѣсколько членораздѣльныхъ словъ, вмѣсто неопредѣленныхъ звуковъ, которыми ограничивалась вначалѣ. Она даже сообщила мнѣ, что лучше всего ей удался снимокъ, изображавшій ея мать и доктора наверху утеса, съ котораго открывается далекій видъ на море. Я поздравилъ ее, увѣривъ, что передача подробностей морского пейзажа—самое трудное въ фотографіи. Чтобы сдѣлать удовольствіе и м-мъ Гульвенъ, я сталъ вспоминать процессію въ Сентъ-Аннѣ и восхищаться мистическими настроеніями бретонской толпы. Словомъ, я искусно льстилъ вкусамъ и самолюбію каждаго, и въ то же время велъ себя какъ въ завоеванной странѣ. За ѣдой я вообще не люблю стѣсняться. Если, напримѣръ, какой-нибудь соусъ кажется мнѣ вкуснымъ, я насаживаю кусочекъ булки на вилку, вытираю имъ начисто тарелку и съѣдаю смоченный соусомъ хлѣбъ. На этотъ разъ мнѣ особенно понравились креветы, поданные къ столу,—очень свѣжія и крупные. Я взялъ изрядное количество ихъ и затѣмъ положилъ себѣ на тарелку почти весь кусокъ масла, стоявшій на

столѣ. Не стѣсняясь явнымъ неодобреніемъ присутствующихъ, я сталъ давить креветы и растирать ихъ вмѣстѣ съ масломъ. М-мъ Ла-Ревельеръ устремила на меня свой лорнетъ, Жильберта пробормотала что-то о Гаргантюа.

— Американскіе гастрономы никогда не ѣдятъ креветы иначе, — заявилъ я. — Это называется у нихъ shrimp-toast. Попробуйте, и вы увидите, какъ это вкусно,—обратился я къ м-мъ Еленѣ.—Возьмите масла... очень большой кусокъ... и вдавите въ него креветы, не отдѣляя головокъ... Вотъ такъ. Увидите, какъ это вкусно.

— Ужъ позвольте мнѣ не пробовать,—возразила м-мъ Елена дерзкимъ тономъ.

— Какъ хотите, но вы не знаете, отъ какой вкусной ѣды вы отказываетесь. А если еще взять къ этому бутербродъ съ топленымъ сыромъ, посыпанный тертой хлѣбной коркой, то получится совершеннѣйшая амброзія.

М-мъ Ла-Ревельеръ пришла въ ужасъ — запахъ топленаго сыра казался ей нестерпимымъ... Я выразилъ сожалѣніе о людяхъ съ слишкомъ тонкимъ обоняніемъ, и разсказалъ, что въ Чикаго бѣдняки толпятся у дверей ресторановъ въ часъ завтрака, впитывая въ себя этотъ запахъ. Имъ даже не нужно заходить во внутрь— они сыты однимъ запахомъ.

Жильберта разсмѣялась, и разговоръ перешелъ на гастрономическіе вкусы въ древности и въ наше время. Конечно, вспомнили о томъ, какъ въ Римѣ откармливали морскихъ миногъ мясомъ рабовъ. Такимъ образомъ, весь разговоръ сосредоточивался, въ теченіе всего завтрака, на мнѣ, моихъ вкусахъ и привычкахъ. Послѣ дессерта, я попросилъ холоднаго кофе, вмѣсто горячаго, поданнаго всѣмъ. Пришлось опять возиться со мной, отдѣльно подавать мнѣ, разспрашивать, какъ у меня возникла такая странная привычка. Я былъ центромъ общаго вниманія, а бѣдному Гульвену и двумъ парламентскимъ вдовамъ оставалось слушать меня и соглашаться во всемъ, ругая меня про себя.

Чтобы пріобрѣсти авторитетъ въ глазахъ людей, нужно поступать такъ, какъ я. Попадая въ общество, гдѣ меня не знаютъ, я прежде всего обращаю общее вниманіе на мои особенности въ ѣдѣ. Иногда я опрокидываю свой пустой стаканъ на скатерть и заявляю, что ничего не пью, чтобы не потолстѣть. Или же я отказываюсь отъ всѣхъ блюдъ, говоря, что соусы, которые подаются къ нимъ, вредны для пищеваренія. Почти всегда я требую, чтобы прислуга принесла мнѣ что-нибудь спеціальное: поджаренный хлѣбъ, яйца, бисквиты—въ то время какъ другіе

ѣдятъ простой хлѣбъ и какіе-нибудь рагу и кремы. Когда подаютъ сырые фрукты, я требую, чтобы для меня ихъ обварили кипяткомъ. Эта требовательность слегка раздражаетъ хозяевъ дома, но они вынуждены исполнять мои желанія. Я веду себя какъ человѣкъ, имѣющій скрытыя, но несомнѣнныя права быть безцеремоннымъ. Всѣ ждутъ, чтобы я обнаружилъ достоинства, позволяющія мнѣ пользоваться исключительнымъ вниманіемъ къ себѣ, и заранѣе смотрятъ на меня съ почтеніемъ. Безцеремонность поведенія служитъ всегда доказательствомъ силы, свободы проявлять свою грубость, не опасаясь послѣдствій.

Придерживаясь этой тактики, я сумѣлъ произвести впечатлѣніе даже на проницательную м-мъ Елену. Къ концу завтрака она стала относиться ко мнѣ съ любопытствомъ, вниманіемъ и нѣкоторой злобой. Злоба ея была явнымъ признаніемъ моей силы и превосходства. Она старалась вышучивать меня, чтобы побороть этимъ инстинктивный страхъ передо мною. Контрастъ между моей развязностью и элегантностью, моей грубостью и большими знаніями, безпокоилъ ее и заставлялъ настойчиво думать обо мнѣ.

Послѣ завтрака мы остались на террасѣ, такъ какъ идти гулять въ такую жару было немыслимо. Я говорилъ о Ницше, объ его ученіи и недоразумѣніяхъ, которыя оно порождаетъ. Свои толкованія я подкрѣплялъ многочисленными цитатами. До меня роль духовнаго вождя маленькой семейной группы игралъ, повидимому, Гульвенъ; но теперь онъ принужденъ былъ молчать, такъ какъ совершенно не зналъ Ницше. М-мъ Елена сосредоточенно слушала меня, надѣясь познакомиться съ идеями интересовавшаго ее моралиста безъ изученія тяжелыхъ нѣмецкихъ томовъ. Я достигъ такимъ образомъ того, что она сидѣла подлѣ меня на террасѣ, въ плетеномъ креслѣ, и съ кротостью поучалась у меня, въ то время, какъ я разглядывалъ ея загорѣвшее, лучезарное лицо въ рамкѣ густыхъ каштановыхъ волосъ съ мѣднымъ отливомъ и благородныя линіи ея высокой фигуры. Именно такой, сильной и въ то же время нѣжной, я воображалъ себѣ почему-то Семирамиду. Хотя оффиціальный срокъ траура кончился, м-мъ Елена все еще носила скромныя платья темныхъ цвѣтовъ,—и я внутренно уподоблялъ ихъ фіолетовымъ одеждамъ знаменитой царицы. Мимолетныя вспышки гнѣва, вызываемыя моими пикировками, покрывали ея щеки нѣжнымъ румянцемъ и придавали вызывающее выраженіе ея глазамъ. Въ эти минуты красота ея была еще болѣе обаятельной.

Я рѣшилъ вести себя такъ, чтобы она считала меня варваромъ, поддающимся смягчающему культурному вліянію, циникомъ, который, однако, можетъ возбуждать симпатіи своей опасной искренностью. Я хотѣлъ оставить ее нѣсколько недѣль при такомъ мнѣніи, съ тѣмъ, чтобы потомъ, въ подходящій моментъ, среди самаго безразличнаго разговора, превратиться вдругъ, безъ предупрежденія, въ непреклоннаго, грубаго завоевателя, которому она, охваченная ужасомъ, не сможетъ оказать сопротивленія. Послѣ того, она уже изъ стыда передъ самой собой не сможетъ порвать со мной.

Въ теченіе двухъ сутокъ я окончательно укрѣпилъ свою власть въ домѣ Гульвеновъ. Докторъ первый примирился съ наступившимъ положеніемъ дѣлъ. Какова бы ни была его внутренняя непріязнь, онъ скрывалъ ее и выносилъ мою безцеремонность съ образцовымъ терпѣніемъ. Онъ только проводилъ почти весь день въ своей лабораторіи. М-мъ Гульвенъ выносила мою тираннію въ надеждѣ на субсидію. Она считала меня крайне невоспитаннымъ человѣкомъ, способнымъ однако исправиться. Она откровенно говорила о своихъ обстоятельствахъ, или, вѣрнѣе, выдавала мнѣ по наивности все, что мнѣ было нужно. Я узналъ, что въ теченіе десяти лѣтъ Гульвены мало-по-малу растратили нѣсколько сотъ тысячъ франковъ своего наслѣдства. Жалованье флотскаго врача было слишкомъ ничтожно, чтобы оплачивать многочисленныя путешествія, которыя они совершали. Затѣмъ начались опыты по органической химіи, поглотившія деньги, добытыя уже подъ закладныя на недвижимое имущество. У Гульвеновъ явились денежныя затрудненія. Они жили еще съ нѣкоторымъ комфортомъ, такъ что ихъ можно было принять за людей состоятельныхъ, но всякій желающій могъ бы очень дешево купить право собственности на сыворотку, для изготовленія которой въ Керьяникѣ разводились кролики и морскія свинки. При всей ограниченности средствъ, которыми располагало наше Общество въ виду скупости бюджетной коммиссіи, я все-таки считалъ возможнымъ купить у Гульвена его изобрѣтеніе. Я зналъ, что онъ приметъ какія угодно условія—до того онъ горѣлъ желаніемъ довести до конца свои работы, а безъ денежной помощи онъ этого не могъ сдѣлать. Я послалъ первый отчетъ въ бюджетную коммиссію. Мнѣ его вернули, присоединивъ къ нему свѣдѣнія, собранныя о Гульвенѣ въ Парижѣ, и внушая мнѣ, чтобы я никакихъ авансовъ не выдавалъ, если на это не воспослѣдуетъ спеціальныхъ инструкцій. Къ несчастью, медицинскій міръ былъ тогда враждебно настроенъ противъ моего пріятеля. Гульвенъ

не только не имѣлъ друзей, но даже не возбуждалъ ни въ комъ симпатій,—и это совершенно понятно. Такого человѣка можно уважать, жалѣть,—но ни у кого нѣтъ желанія оказать ему услугу, потому что онъ неспособенъ отплатить за это услугой. Онъ изъ гордости никогда не соглашается похлопотать у кого-нибудь за себя, желая быть обязаннымъ во всемъ только самому себѣ, своему таланту. Ему хотѣлось бы, чтобы жизнь управлялась правилами христіанскаго безкорыстія и римскаго стоицизма. А такъ какъ міръ не подчиняется его требованіямъ, то онъ только пожимаетъ плечами и отворачивается отъ людей. Онъ не вредитъ имъ, не презираетъ ихъ, но только совершенно забываетъ объ ихъ существованіи. Онъ помнитъ только имена своихъ больныхъ и авторовъ нужныхъ ему научныхъ трудовъ. У него поэтому нѣтъ друзей, готовыхъ помочь главнымъ образомъ изъ чувства солидарности съ нашими слабостями, съ нашими честолюбивыми помыслами, и ожидающихъ проявленія той же солидарности отъ насъ. Когда я разспрашивалъ Гульвена о комъ-нибудь изъ прежнихъ товарищей, или о его сослуживцахъ по флоту, оказывалось, что онъ никого не можетъ припомнить.

Черезъ сутки послѣ моего пріѣзда я уже не замѣчалъ въ немъ даже той неопредѣленной антипатіи, которую онъ обнаруживалъ ко мнѣ при нашей встрѣчѣ на богомольи. Онъ переносилъ мое присутствіе, какъ переносятъ чрезмѣрный зной или рѣзкую вечернюю прохладу, т.-е. какъ нѣчто непріятное, но неизбѣжное, съ чѣмъ слѣдуетъ примириться разъ навсегда, чтобы уже не отвлекаться отъ своихъ мыслей и занятій. Я былъ для него однимъ изъ неудобствъ его бѣдности, непріятнымъ пансіонеромъ, котораго терпятъ изъ-за платы. Съ тѣхъ поръ, какъ я далъ ему понять, что не желаю обсуждать его надежды на субсидію отъ Общества, онъ уже объ этомъ не упоминалъ, и даже когда его жена пыталась иногда разными окольными путями выудить у меня хотя бы смутныя обѣщанія, онъ останавливалъ ее взглядомъ и мѣнялъ разговоръ. Но у себя въ лабораторіи онъ былъ очень разговорчивъ. Онъ излагалъ мнѣ разныя знаменитыя и малоизвѣстныя теоріи, съ явнымъ намѣреніемъ ослѣпить меня своими знаніями, съ необыкновенной торжественностью раскладывалъ свои инструменты, объяснялъ мнѣ свои опыты и заставлялъ разглядывать подъ микроскопомъ свои препараты.

Однажды вечеромъ онъ повелъ насъ на фабрику близъ Керьяника, гдѣ изготовлялись консервы изъ сардинокъ. Луна освѣщала угрюмую равнину, длинныя бѣлыя строенія, толпу

рабочихъ и работницъ, отдыхавшихъ на травѣ, и бросала рыжеватый отсвѣтъ на морскую рябь.

Работницы поднялись, оправили цвѣтные передники и пригладили волосы, выбивавшіеся изъ-подъ бѣлыхъ чепчиковъ. За ними встали и молодые парни, и всѣ они вмѣстѣ, взявшись за руки, составили большой хороводъ. Началось пѣніе; два хора—одинъ изъ молодыхъ женскихъ голосовъ, другой изъ глубокихъ мужскихъ—чередовались, повторяя строфу за строфой заунывной народной пѣсни. Сплетенныя руки качались подъ тактъ словамъ пѣсни, и одновременно толпа подавалась справа налѣво и слѣва направо, движеніемъ, напоминающимъ прибой волнъ, такъ же, какъ унылая мелодія жалобной пѣсни казалась отзвукомъ мелодіи волнъ. Въ грустной пѣснѣ оплакивалась судьба дѣвушки, женихъ которой погибъ на морѣ.

„О, плачь, о, плачь, красотка! — Акулы его съѣли.— О, плачь, о, плачь, красотка!—Акулы его съѣли“.

Было что-то безнадежное въ молодыхъ голосахъ, поющихъ о крушеніи счастья, въ уныломъ припѣвѣ, въ медленномъ ритмѣ хоровода, во всей этой картинѣ, озаренной безстрастной луной, которая отражалась на дрожащей поверхности моря.

Кружась въ хороводѣ, дѣвушки не сводили глазъ съ м-мъ Елены. Черный плащъ плотно обхватывалъ ея высокую фигуру. Они шептали имя Дагоберты, миѳической дочери Гралона, царствовавшаго въ Исѣ: она навлекла гнѣвъ Божій на нечестивый городъ, и страшная буря разрушила Исъ, погрузила его на дно морское со всѣми его церквами и домами, полными сокровищъ. Строгая красота м-мъ Елены и ея траурныя одежды дѣлали ее какимъ-то неземнымъ существомъ въ ихъ глазахъ. Она стояла спиной къ морю на большомъ камнѣ, точно вышла изъ нѣдръ океана,—и этого было достаточно для возбужденія творческой фантазіи бретонцевъ.

— Въ наивномъ воображеніи этой толпы,—сказалъ мнѣ докторъ,—воскресаетъ въ эту минуту вся исторія города Иса, чудесная и въ то же время несомнѣнная для нихъ. Самыя легковѣрныя изъ этихъ дѣвушекъ будутъ увѣрены завтра, что видѣли красавицу Дагоберту, которая пришла смотрѣть на ихъ танцы и проливала слезы, жалѣя, что не можетъ присоединиться къ ихъ хороводу, потому что на ней тяготѣетъ проклятіе. Конечно, онѣ встрѣтятъ нашу кузину на улицахъ, у пристани, на берегу, и будутъ здороваться съ нею. Это—реальная дѣйствительность, но для бретонца воображаемое гораздо болѣе существенно, чѣмъ дѣйствительность. И когда однѣ будутъ разсказывать о

чудесномъ появленіи Дагоберты, другія не будутъ ихъ опровергать, а напротивъ того, подтвердятъ ихъ слова, какъ свидѣтельницы ея появленія. Всѣ будутъ убѣждены въ концѣ концовъ, что въ образѣ Елены къ нимъ являлась Дагоберта. Да, дѣйствительность менѣе властна надъ духомъ, чѣмъ воображаемое... Мнѣ самому трудно иногда установить въ работѣ различіе между гипотезой и объективными результатами опыта. Согласитесь, что для ученаго такое направленіе ума пагубно.

— Но вѣдь истина достигается всегда черезъ посредство заблужденія, или, вѣрнѣе, ряда заблужденій, приводящихъ постепенно къ возможному и, наконецъ, дѣйствительному. Всѣ большія открытія дѣлались интуитивно. Научный талантъ и заключается въ построеніи гипотезъ: нѣкоторыя изъ нихъ оправдываются, и тогда изобрѣтатель торжествуетъ.

— Значитъ, и ты придаешь значеніе кажущемуся... Это меня утѣшаетъ. Надо мной иллюзія всевластна. Еще прежде чѣмъ въ толпѣ произнесли имя Дагоберты, я вспомнилъ о старинномъ преданіи. Этотъ лунный лучъ, падающій на поверхность воды, кажется мнѣ сіяніемъ подводнаго города, свѣтомъ отъ пламенѣющаго огнями собора, который, какъ гласитъ легенда, стоитъ въ центрѣ потопленнаго города. Въ прибоѣ волнъ можно даже различить звуки колоколовъ.

— Да,—подтвердила м-мъ Гульвенъ, — подводные колокола слышны постоянно... Вдоль всего берега. Вотъ, послушайте.

Я сталъ прислушиваться. Въ глухомъ шумѣ моря можно услышать все, что угодно. Но мнѣ скорѣе казалось, что мчится экспрессъ среди завывающаго внизу вѣтра, или же, когда шуршала скатывающаяся внизъ по камнямъ вода—что поѣздъ проѣзжаетъ по желѣзному мосту. Но все-таки я согласился съ моими хозяевами; дѣйствительно, можно было различить звукъ колоколовъ въ шумѣ волнъ. М-мъ Гульвенъ обрадовалась моему подтвержденію. Мужъ ея повторялъ припѣвъ хороводной пѣсни. Медленно раскачиваясь, онъ напѣвалъ:

—„О, плачь, о, плачь, красотка!—Акулы его съѣли".—Какъ это странно!—сказалъ онъ:—мнѣ, положительно, хочется войти въ ихъ кругъ, взять въ свои руки неуклюжія, толстыя руки работницъ и идти, куда онѣ повлекутъ меня, вдыхать запахъ маринованнаго прованскаго масла, которымъ пропитано ихъ платье. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы голосъ мой звучалъ въ ихъ хорѣ... Развѣ это не странно?

И онъ сталъ громко подтягивать хору, стуча сапогами въ тактъ пляскѣ. М-мъ Гульвенъ тоже стала подпѣвать и притоп-

тывать каблукомъ. Будь они одни, они, навѣрное повиновались бы инстинктивному влеченію и вошли бы въ хороводъ, оплакивая въ общей пѣснѣ свои собственныя разбитыя надежды. Но Жильбертѣ становилось дурно отъ запаха консервовъ, и пришлось увести ее. Мы всѣ пошли домой вмѣстѣ съ нею.

IV.

Паукъ скептицизма, по выраженію Ницще, раскинулъ свою паутину въ мозгу Жана Гульвена. Колеблясь между наивной вѣрой своихъ предковъ и точными научными знаніями, онъ былъ мечтателенъ, нерѣшителенъ, доступенъ и для религіознаго чувства, и для науки. Его бретонская воспріимчивость и сила воображенія располагали его больше всего къ смиренію, ибо все равно, какъ бы ни обогащаться знаніемъ, самая настойчивая человѣческая мысль не можетъ разгадать тайну океана, который въ теченіе столькихъ вѣковъ ласково баюкаетъ или же заливаетъ эту страну, обогащаетъ ее или разрушаетъ по произволу капризной силы, то улыбается, сверкая залитыми солнцемъ волнами, то реветъ въ своихъ пучинахъ. Другихъ людей скептицизмъ приводитъ къ нормальной жизни, къ слѣдованію своимъ здоровымъ инстинктамъ, а докторъ Гульвенъ, напротивъ того, сталъ пассивно и безучастно относиться къ жизни. Онъ занятъ былъ только своими отвлеченными мыслями, и совершенно не желалъ власти надъ людьми. И дѣйствительно, имѣть дѣло съ идеями, а не съ людьми, гораздо легче для человѣка, лишеннаго энергичныхъ себялюбивыхъ инстинктовъ и дремлющаго подъ вялое тиканье трусливой добродѣтели.

Таково было мое окончательное мнѣніе о докторѣ Гульвенѣ. Я составилъ его во время прогулки съ нимъ подъ зловѣщимъ небомъ, во время сильнѣйшаго вѣтра. М-мъ Елена рѣшила пойти глядѣть на бурю съ очень удобнаго обсерваціоннаго пункта на сѣверо-восточномъ концѣ острова. Тамъ громоздились въ хаотическомъ безпорядкѣ черные величественные утесы и составляли естественное укрѣпленіе бухты, открытой напору волнъ съ моря.

М-мъ Елена считала себя компетентной въ искусствѣ и въ литературѣ, и красоты пейзажа были особенно близки и понятны ей. Она взяла съ собой лучшій изъ своихъ фотографическихъ аппаратовъ. М-мъ Гульвенъ осталась дома готовить уху на вечеръ. М-мъ Ла-Ревельеръ и Жильберта отказались присоединиться къ намъ, чтобы не простудиться, такъ что мы пошли

только втроемъ навстрѣчу бурѣ, которая обдавала намъ губы соляной пылью и развѣвала волосы подъ беретами. Говорить было невозможно, такъ какъ вѣтеръ относилъ слова вдаль, и они не доходили до слуха собесѣдниковъ. Нельзя было поэтому дѣлиться впечатлѣніями, проходя по лугамъ, глядя на изломанные кусты, стелющуюся по землѣ рожь и далекія равнины, на которыхъ не уцѣлѣло ни одно дерево за столько вѣковъ постоянныхъ бурь. На пригоркахъ паслись нѣсколько черныхъ овецъ и съ испугомъ поглядывали въ нашу сторону. Мы были единственными человѣческими существами на дорогѣ, тянувшейся далеко вдаль. По мѣрѣ того, какъ мы шли впередъ, все сильнѣе раздавался ревъ разбивающихся объ утесы волнъ. Получалось впечатлѣніе канонады двухъ невидимыхъ флотовъ. Докторъ боролся, какъ могъ, противъ порывовъ вѣтра, развѣвавшихъ складки его морской пелерины. Панталоны велосипеднаго костюма плотно обтягивали подъ вѣтромъ его ноги, обнаруживая ихъ худобу. Когда мы поднялись наконецъ на вершину утеса, похожую на окаменѣвшую губку, и очутились тамъ во власти стихій, которыя грозно набѣгали на почернѣвшій берегъ, Жанъ Гульвенъ имѣлъ чрезвычайно жалкій видъ. Онъ хотѣлъ показать намъ пропасть, которая открывается на верхушкѣ утеса передъ самымъ маякомъ. Онъ съ большой легкостью взобрался туда и дошелъ до края пропасти, какъ вдругъ неожиданный порывъ вѣтра снесъ у него съ головы шапку, взъерошилъ волосы и отбросилъ его назадъ, такъ что онъ опять скатился къ намъ, какъ осенній листъ, подхваченный вѣтромъ. Ему пришлось ухватиться за мой рукавъ, чтобы имѣть возможность остановиться. Намъ пришлось всѣмъ троимъ повернуться спиной къ вѣтру и, нагнувъ спины, держаться другъ за друга. Ревъ волнъ совершенно оглушалъ насъ. Лицо доктора посинѣло отъ холода; его темно-каштановые волосы разлетались по вѣтру, обнажая нѣжный, какъ у молодой дѣвушки, лобъ. Губы его дрожали; костлявыя посинѣвшія руки цѣплялись въ ужасѣ за мой плащъ. Въ его растерянномъ взглядѣ выражался испугъ: его ужаснуло сознаніе его слабости сравнительно со мной и м-мъ Еленой, стоявшими совершенно твердо въ разлетающихся по вѣтру плащахъ.

Онъ, повидимому, понялъ въ эту минуту, до чего его силы надорваны болѣзнью и неправильной жизнью ученаго, то запертаго среди испареній лабораторіи, то устающаго отъ чрезмѣрной ѣзды на велосипедѣ. Онъ быстро поднялъ на меня глаза, стараясь угадать, что я о немъ думаю въ эту минуту. Я не

счелъ долгомъ скрыть свое неблагопріятное впечатлѣніе, и поглядѣлъ на него съ состраданіемъ.

— Взгляните-ка на этого моряка!—крикнулъ я нашей спутницѣ.—Онъ валится съ ногъ въ то время, какъ мы...

Я не могъ продолжать, потому что вѣтеръ заглушалъ мои слова. Мы всѣ повернули назадъ, и докторъ пошелъ позади, прячась отъ вѣтра за наши спины. Когда я отступалъ въ сторону, онъ уже шатался и при этомъ самъ же себя вышучивалъ. Но м-мъ Елена тотчасъ же подходила къ нему и защищала его собой отъ вѣтра. Его худощавая фигурка съ торчащими колѣнями и посинѣвшимъ лицомъ производила удручающее впечатлѣніе. Онъ видимо былъ въ отчаяніи отъ своей обнаружившейся слабости.

Бушеваніе сихій не отвлекало меня, однако, отъ практическихъ мыслей. Я соображалъ, что если для предварительныхъ опытовъ Гульвену нужно еще нѣсколько лѣтъ, то онъ пожалуй умретъ раньше, чѣмъ закончитъ свое открытіе. Трудъ и матеріальныя заботы слишкомъ скоро убьютъ его. Слѣдовало бы приготовить достаточное количество сыворотки въ теченіе полугода. Тогда, убѣдившись въ вѣроятности успѣха, наше Общество, быть можетъ, рѣшится обезпечить бѣдному Гульвену покой и возможность возстановить свои силы надлежащимъ леченіемъ. Въ противномъ случаѣ теорія доктора Гульвена, не провѣренная достаточнымъ количествомъ клиническихъ наблюденій, реальной цѣнности представлять не будетъ. Фармацевтическое Общество не станетъ пріобрѣтать его сыворотку, такъ какъ нельзя будетъ разсчитывать на большой сбытъ. Бѣдный изобрѣтатель такимъ образомъ погибнетъ, не закончивъ изобрѣтенія чудодѣйственнаго средства, способнаго его вылечить.

При всей моей твердости и принципіальномъ презрѣніи къ слабымъ, я почувствовалъ состраданіе—чисто головное, впрочемъ,—къ несчастному Гульвену, который тщетно старался преодолѣть свою слабость. Мрачная природа, ревъ жаднаго моря, которое уже столько вѣковъ гложетъ эту землю, казались мнѣ какъ бы заранѣе подготовленнымъ фономъ для похоронъ этого строгаго бретонца, изнуреннаго мексиканскимъ тифомъ, виновнаго только въ томъ, что онъ слишкомъ добросовѣстно лечилъ своихъ матросовъ на судахъ и въ лазаретахъ. Роковая сила стихіи уносила въ своихъ волнахъ эту стойкую добродѣтель, какъ она уноситъ гранитныя глыбы утесовъ и песокъ равнинъ.

М-мъ Елена тоже, повидимому, встревожилась и торопила домой. Мы въ послѣдній разъ взглянули на океанъ, покрывав-

шій клокочущей бѣлой пѣной выступы скалъ, тѣснившихся вдоль береговъ пустынной бухты. Стая бѣлоснѣжныхъ чаекъ пронеслась надъ волнами. Водяная пыль взлетала изъ пучинъ и разлеталась, уносимая вѣтромъ, на однообразныя равнины. И мы направились туда же, гонимые той же ревущей бурей, которая толкала насъ въ спину, развѣвала наши плащи, срывала шляпы, въ то время какъ въ глубинѣ ущелій продолжали кружиться потоки водъ.

Докторъ не открывалъ рта, пока мы не дошли до защищенной отъ непогоды долины. Мы шли по лугамъ, вдоль нагнувшихся къ землѣ кустовъ, а наша спутница разсказывала намъ о своемъ путешествіи по Норвегіи; она описывала пейзажи и нравы сѣверныхъ странъ. Мы слушали ее, или по крайней мѣрѣ дѣлали видъ, что слушали. Я въ это время припоминалъ нѣкоторыя мѣста изъ писемъ, которыя ежедневно получалъ изъ Парижа и другихъ мѣстъ: всѣ они касались нашего друга. Въ общемъ его больше ругали. Онъ, очевидно, многихъ обидѣлъ своей разсѣянностью и холодностью, и кромѣ того его соперники старались заранѣе раскритиковать изобрѣтеніе Гульвена, чтобы помѣшать его успѣху. Какъ же рекомендовать его сыворотку Фармацевтическому Обществу въ виду всего этого?.. Взглянувъ на Гульвена, я увидѣлъ, что онъ приложилъ руку къ сердцу подъ пелериной и закусилъ послѣ этого губы.

Надъ нами вдругъ разразился сильнѣйшій ливень. Мы ускорили шагъ, чтобы укрыться скорѣе отъ дождя, но и по дорогѣ домой я обсуждалъ про себя планъ дѣйствій.

Я продолжалъ думать о томъ же, когда мы сѣли пить чай, приготовленный женой Гульвена въ салонѣ. Въ ея присутствіи докторъ старался казаться бодрымъ. Онъ прошелъ сначала къ себѣ въ комнату, чтобы обогрѣться и привести себя въ порядокъ, и вернулся освѣженный, гладко причесанный и слегка принаряженный. Онъ какъ бы въ шутку сталъ цѣловать руки женѣ, благодаря ее за сюрпризъ въ видѣ вкуснаго пирожнаго къ чаю. Въ этомъ приливѣ чувствъ сказалась его скрытая тревога, его боязнь, что жена скоро останется одна, безъ нравственной поддержки и матеріальныхъ средствъ. Его нѣжность выражала всю силу его благодарности за ея заботы, которымъ она посвящала себя съ такой же простотой, съ какой вкладывала свою душу въ молитвы. Она покраснѣла отъ удовольствія и смущенія; глаза ея выражали радость и нѣкоторое удивленіе. Она не догадывалась, однако, о причинѣ его слишкомъ бурнаго прилива нѣжности. Догадки ея въ этомъ направленіи привели бы

къ безпокойству, и я хорошо сдѣлалъ, что отвлекъ ея вниманіе отъ мужа, потребовавъ, чтобы мнѣ подали ветчину. Я никогда не путешествую безъ своего собственнаго окорока, который мнѣ присылаютъ прямо изъ Цинциннати. Анна-Марія пошла принести его.

Одно изъ удовольствій, которыя я чрезвычайно цѣню, заключается для меня въ томъ, чтобы, когда я голоденъ, смотрѣть на приготовленное для меня, великолѣпно прожаренное, прекрасно сервированное мясное блюдо. Для меня это зрѣлище столь же пріятно, какъ видъ красивой женщины, которая начинаетъ оказывать мнѣ знаки вниманія.

— Анна-Марія,—сказалъ я,—покажите мнѣ весь окорокъ, прежде чѣмъ его рѣзать. Вотъ такъ... Сколько граціи въ вашихъ движеніяхъ!.. Взгляните—ну, не великолѣпенъ ли этотъ жирный янки! Да что̀ и говорить—американскіе продукты всегда за себя постоятъ. Взгляните на это розовое плотное мясо, на бѣлизну окружающаго слоя жира. Прелестная ветчина — не правда ли, mesdames?

Я давно ужъ не чувствовалъ такого здороваго аппетита, какъ въ тотъ день. У меня явилось упоительное, страстное желаніе какъ можно скорѣе впиться моими хищными зубами въ это сочное мясо, почувствовать вкусъ его на языкѣ и во рту. Морской воздухъ привелъ меня въ самое жизнерадостное настроеніе, и все мнѣ доставляло наслажденіе. Анна-Марія, которую я все болѣе и болѣе завоевывалъ своимъ рыцарскимъ обращеніемъ, была почти такъ же свѣжа, какъ сердцевина окорока. Ея нѣжная юная шея красиво наклонялась, выступая изъ выръза широкаго воротника. Свѣтлое, нѣсколько испуганное личико въ рамкѣ темныхъ волосъ выражало напряженную услужливость и было очень привлекательно въ убранствѣ розовыхъ лентъ и длинныхъ бѣлыхъ концовъ ея бретонскаго чепчика. Передникъ съ нагрудникомъ обрисовывалъ юношескія линіи фигуры. Вся эта свѣжесть молодой дѣвушки такъ же привлекала меня, какъ и блюдо, которое она заботливо подавала мнѣ вмѣстѣ съ флакономъ англійскаго соуса. Я даже забылъ про Гульвена и его несчастія, думая одновременно о вкусѣ мяса и о свѣжести губъ молодой служанки. Этимъ путемъ я выбрался изъ мрака, невыносимаго для моей энергичной натуры. Жалѣя слабыхъ, рискуешь самъ ослабѣть духомъ,—а этого я всегда стараюсь избѣжать.

М-мъ Елена пила чай и поглядывала то на ветчину, то на меня, стараясь читать у меня въ душѣ. Ея насмѣшливый

взоръ съ интересомъ слѣдилъ за мной. Быть можетъ, она считала невѣжливымъ съ моей стороны то, что я не предлагалъ отвѣдать окорока всѣмъ присутствующимъ. Но съ минуты на минуту должны были вернуться м-мъ Ла-Ревельеръ и Жильберта,—онѣ пошли съ визитомъ къ учительницѣ; ихъ, значитъ, тоже пришлось бы угощать. Я быстро смѣрилъ глазами величину бреши, сдѣланной въ моемъ окорокѣ, и побоялся, что его не хватитъ до конца моего пребыванія въ Керьяникѣ. Угощать другихъ было поэтому немыслимо.

— Анна-Марія!—крикнулъ я:—рѣжьте самыми тоненькими ломтиками... Еще тоньше, еще тоньше... Можетъ быть, вы тоже отвѣдаете, mesdames? Впрочемъ я не рѣшаюсь настаивать, такъ какъ соусъ очень плохъ. Безъ соуса вѣдь это только обыкновенная ветчина... Ветчина, совершенно недостойная васъ. Унесите ее, дитя мое, унесите скорѣе!

Я спасъ такимъ образомъ ветчину, продолжая самъ ѣсть кусокъ за кускомъ. Докторъ отказался отъ поджаренныхъ тартинокъ, приготовленныхъ женой; онъ заявилъ, что у него спѣшная работа, а малѣйшее обремененіе желудка отягчаетъ ему голову и мѣшаетъ работать. Дамы его пожалѣли, но онъ пожалъ плечами, и сталъ шутить и говорить о томъ, какъ пріятна его работа, какое удовольствіе ему доставляетъ изученіе психологіи кроликовъ и морскихъ свинокъ до и послѣ впрыскиванія. Онъ сдѣлалъ тонкое замѣчаніе, говоря о вторженіи бактерій въ нервные центры, и провелъ остроумную параллель между стратегическимъ искусствомъ человѣческихъ войскъ и армій микробовъ.

М-мъ Елена съ благоговѣніемъ слушала его, подпирая подбородокъ своими длинными блѣдными пальцами. Наконецъ она медленно произнесла длинную фразу, очевидно подготовленную въ то время, когда докторъ говорилъ о своихъ работахъ:

— Какъ упоительны должны быть часы, которые вы проводите въ лабораторіи, изготовляя вашъ эликсиръ жизни! Какой паѳосъ въ вашемъ тревожномъ ожиданіи! Какъ бы я хотѣла обладать большими знаніями, чтобы раздѣлять съ вами эти наслажденія!

Голосъ ея становился все болѣе и болѣе пѣвучимъ, и Гульвенъ слушалъ ее съ видимымъ наслажденіемъ. Жена его покачала головой и сказала, проводя рукой по скатерти:

— Я много часовъ работала съ нимъ въ лабораторіи... Это, дѣйствительно, незабвенное время. Мы надѣемся спасти много тысячъ жизней. Мы пожертвовали значительной частью нашего состоянія для достиженія этой цѣли. Онъ отказывается отъ вся-

кихъ развлеченій, даже отъ чтенія книгъ, своего любимаго удовольствія въ прежнее время... Вѣдь нужно же спасти тысячи жизней, если имѣешь въ рукахъ средство для ихъ спасенія. И онъ ихъ спасетъ. Теперь ужъ не можетъ быть сомнѣній.

— Ты дѣйствительно больше не сомнѣваешься, Ивонна?— съ увѣренностью спросила м-мъ Елена.

— Я никогда и не сомнѣвалась, дорогая.

— Это вѣрно, — подтвердилъ Гульвенъ съ улыбкой: — она никогда не сомнѣвалась.

— Она слишкомъ любитъ, чтобы сомнѣваться,—возразилъ я.

Онъ нахмурился. Наступило короткое молчаніе, и мы всѣ стали смотрѣть на море, совершенно свинцовое подъ дождемъ, зловѣщее на фонѣ сѣрыхъ утесовъ и пустыннаго прибрежья. Я видѣлъ, что отъ меня ждали увѣреній въ томъ, что и я больше не сомнѣваюсь, и мнѣ на минуту захотѣлось доставить имъ это удовольствіе. Но я поборолъ свое мелкое желаніе, считая, что поддерживать неосуществимыя иллюзіи—недостойное меня малодушіе. Лучше пойти навстрѣчу ихъ гнѣву, вмѣсто того, чтобы извращать истину.

— Тебѣ необходимо расширить свои опыты,—посовѣтовалъ я доктору.—Безсмысленно дѣлать прививки какимъ-нибудь четыремъ кроликамъ и лечить пятью, шестью каплями добытой сыворотки нѣсколькихъ крестьянокъ въ глухихъ приморскихъ деревушкахъ. Замѣни кроликовъ лошадьми и производи опыты съ сывороткой въ госпиталяхъ.

— Ты правъ, милый другъ,—отвѣтилъ Гульвенъ,—ты правъ. Необходимо триста случаевъ излеченія для провѣрки моей теоріи...

— Покупать живыхъ лошадей? — сказала м-мъ Гульвенъ, почти съ ужасомъ.—И кормить ихъ? Сколько же времени?

— Право, не знаю,—сказалъ докторъ.—Можетъ быть, нѣсколько лѣтъ... Должно пройти четыре, пять, шесть, иногда даже восемь лѣтъ прежде, чѣмъ получится вполнѣ хорошая сыворотка...

— Восемь лѣтъ. Однако!.. — проворчалъ я съ многозначительнымъ видомъ.

Сильный порывъ вѣтра распахнулъ настежь окно и обдалъ насъ холодомъ. Наверху гдѣ-то громко хлопнула дверь. Мы замолчали. Я протянулъ свою чашку, прося вторично налить мнѣ чаю. М-мъ Елена поднялась, закрыла окно и, вернувшись на мѣсто, съ негодованіемъ сказала:

— Какъ возмутительно, что все можетъ пойти прахомъ

изъ-за недостатка въ деньгахъ! А вѣдь сколько ихъ тратятъ зря разные шалопаи на скачки и на женщинъ!

— Да, только изъ за недостатка въ деньгахъ теряется возможность спасти тысячи людей... Развѣ это не смѣшно? — съ горечью сказала м-мъ Гульвенъ.

— Именно смѣшно,—подтвердила ея красавица кузина.

Меня поразило искреннее и страстное возмущеніе м-мъ Елены. Она волновалась даже больше жены доктора. Въ то время какъ я глядѣлъ на нее съ удивленіемъ, она подошла ко мнѣ:

— Скажите пожалуйста, — рѣшительнымъ тономъ спросила она, — почему бы Фармацевтическому Обществу не заинтересоваться работами доктора?

— Объ этомъ,—осторожно отвѣтилъ я, чтобы не разсердить ее,—у насъ уже подумывали...

— До чего я была бы вамъ благодарна за ваше содѣйствіе!

Супруги Гульвены уже заволновались, и я счелъ благоразумнымъ охладить ихъ пылъ:

— Не благодарите меня, вѣдь еще ничего не сдѣлано...

— Ну, да, конечно, — сказала м-мъ Елена примиряющимъ тономъ, думая, что я только скромничаю изъ приличія. Ея оптимизмъ вызвалъ у меня улыбку. Она была уже увѣрена въ моемъ содѣйствіи, и въ своей радости стала щедро лить мнѣ въ чай старый ромъ.

— Довольно!—остановилъ я ее:—слишкомъ много алкоголя вредно... Его не нужно больше въ чаѣ, чѣмъ враговъ въ жизни человѣка. Небольшое количество скорѣе полезно,—своими наговорами они возбуждаютъ интересъ къ своему противнику. Но имѣть слишкомъ много враговъ опасно. Не правда ли, Гульвенъ?

Онъ возразилъ на это, что не имѣетъ враговъ, и обѣ женщины удивились даже моему предположенію, что у него могутъ быть враги.

— Ну, скажемъ, соперники, даже друзья, если хотите: это вѣдь одно и то же, — сказалъ я.—Вѣдь знаете, что говоритъ Ницше: „Въ своемъ другѣ нужно видѣть своего лучшаго врага“ и „Нужно въ другѣ почитать врага“.

Эти афоризмы понравились м-мъ Еленѣ. Но Гульвенъ потребовалъ, чтобы я сказалъ, кто его враги. Я назвалъ ему нашихъ общихъ товарищей по лабораторіи, тѣхъ, съ которыми мы играли въ карты въ кофейняхъ Латинскаго квартала, и которые съ тѣхъ поръ тоже сдѣлались врачами и учеными. Затѣмъ я назвалъ ему нѣсколькихъ врачей, служившихъ во флотѣ одновременно съ нимъ. Гульвенъ широко раскрылъ глаза, не пони-

мая, чѣмъ могъ возбудить противъ себя прежнихъ товарищей. Когда я объяснилъ, что причина ихъ дурного отношенія—успѣхъ доклада Гульвена въ академіи, м-мъ Елена первая саркастически разсмѣялась.

— А, такъ это они изъ зависти не взлюбили его,—сказала она, и посовѣтовала Гульвену относиться съ презрѣніемъ къ такимъ жалкимъ, злымъ людямъ.

— Такихъ враговъ,—сказала она,—нечего бояться человѣку, какъ вы, который всегда будетъ привлекать симпатіи честныхъ людей.

Краска гнѣва придавала еще больше благородства ея красотѣ, и это усиливало мое желаніе добиться ея любви. Въ эту минуту исчезла ея обычная сдержанность манеръ; она ходила по комнатѣ широкими шагами, и въ ея энергичныхъ жестахъ было что-то мужское. Меня поразила эта перемѣна, свидѣтельствовавшая о степени ея волненія. Она, несомнѣнно, была очень преданной родственницей. Разрушая честолюбивыя мечты ученаго, я рисковалъ возбудить неудовольствіе этой очаровательной женщины, въ которой я нуждался для своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Своимъ проницательнымъ умомъ она уже составила себѣ мнѣніе обо мнѣ, какъ о смѣломъ и грубомъ человѣкѣ, но, во всякомъ случаѣ, чуждомъ лицемѣрія и неглупомъ. Вмѣсто того, чтобы возненавидѣть меня, какъ ея свекровь, или бояться меня, какъ м-мъ Гульвенъ, или же относиться ко мнѣ пренебрежительно, подобно доктору, она стала изучать мои слова и манеры, чтобы разглядѣть, что̀ скрывается за ними въ моей душѣ. Самолюбіе ея, однако, доходило до того, что она требовала отъ меня признанія талантовъ всѣхъ членовъ ея семьи, и потому готова была усмотрѣть и въ моей сдержанности проявленіе зависти. М-мъ Гульвенъ, найдя въ ней опору для своихъ чувствъ, тоже пожимала плечами въ отвѣтъ на мои доводы, хотя мужъ ея соглашался со мной жестами и грустной улыбкой.

Я, однако, не отступалъ отъ своей позиціи и рисовалъ имъ положеніе дѣлъ во всей его неутѣшительной правдѣ. Конкурренты Гульвена, конечно, не простятъ ему того, что онъ сразу сталъ имъ поперекъ пути и помѣшалъ успѣху ихъ долголѣтнихъ настойчивыхъ исканій. Я помню, какъ взволновались всѣ химики, физіологи, гистологи и т. д., когда на біологическомъ конгрессѣ узнали, что докладъ доктора Гульвена о метаморфозахъ бациллы Эберта въ тифозныхъ заболѣваніяхъ будетъ обсуждаться на публичномъ засѣданіи. — Какъ, этотъ добрякъ Гульвенъ, который до того никому не мѣшалъ и гдѣ-то тамъ плавалъ у береговъ

Патагоніи скромнымъ флотскимъ врачомъ, вдругъ удостаивается такой чести! Этотъ бретонецъ завоевываетъ успѣхъ, къ которому мы всѣ стремимся, однимъ скачкомъ обгоняетъ всѣхъ товарищей... Какая дерзость!—Всѣ хоромъ ополчились на него. И я въ томъ числѣ... Ну да, и я. Васъ это удивляетъ?

— Вы, однако, не утруждаете себя притворствомъ,—очень рѣзко замѣтила м-мъ Елена.

— Все это совершенно естественно, очень человѣчно,— кротко сказалъ докторъ, барабаня пальцами по столу.

Въ эту минуту я готовъ былъ бы растоптать его, какъ червяка,—до того меня возмутило его малодушное христіанское смиреніе. Жена его, напротивъ того, взглянула на него съ обожаніемъ и стала по-дѣтски возмущаться людской злобой.

— И вы были заодно съ его врагами?—Съ этими словами м-мъ Елена подошла ко мнѣ вплотную и грозно взглянула мнѣ въ лицо. Я откинулся на спинку кресла и залюбовался ею. Она была поразительно хороша въ своемъ темномъ платьѣ, плотно охватывавшемъ ея фигуру.

— Нѣтъ,—воскликнулъ я,—я его защищалъ.

— Это правда?

— Конечно: я сразу подумалъ о пріобрѣтеніи сыворотки Гульвена для Фармацевтическаго Общества.

— Ахъ, да, я и забыла, что вы торговый агентъ!—со смѣхомъ сказала м-мъ Елена, и я видѣлъ по ея лицу, что ей нравится моя послѣдовательность. Я былъ увѣренъ, что въ эту минуту она могла бы полюбить меня, если бы... Но я, кажется, напрасно понадѣялся, потому что она сейчасъ же прибавила враждебнымъ тономъ:

— Въ нѣкоторыхъ случаяхъ на васъ, дѣйствительно, можно разсчитывать... Ну, а если бы вы не предвидѣли возможной выгоды для себя, какъ бы вы поступили?

— Я бы бѣсновался, какъ и другіе,—отвѣтилъ я совершенно откровенно, но шутливымъ тономъ, которымъ я часто говорю, чтобы примирить другихъ съ неумолимостью моихъ принциповъ... Удивительные вы, право, люди!—прибавилъ я въ отвѣтъ на негодующіе жесты обѣихъ дамъ.—Неужели вы думаете, что можно уступить мѣсто конкурренту безъ борьбы, безъ протеста?

— Но вѣдь не всѣ занимаются изготовленіемъ анти-тифозной сыворотки,—замѣтила м-мъ Елена.—Откуда же это общее враждебное отношеніе?

Докторъ ей объяснилъ серьезнымъ тономъ, что у всякаго есть какое-нибудь свое изобрѣтеніе, которое онъ считаетъ важнѣе

всѣхъ остальныхъ. Онъ прибавилъ, что товарищи навѣрное отнеслись бы къ нему терпимѣе, если бы онъ занялъ скромное мѣсто среди другихъ, но протестуютъ противъ его первенствующаго положенія,—такъ это всегда бываетъ. Вотъ, напримѣръ,—сказалъ онъ,—когда, годъ тому назадъ, профессоръ Куртель выступилъ съ новымъ открытіемъ, въ ученыхъ журналахъ старались умалить его заслуги сравненіями съ моими работами для того только, чтобы не уступить ему первое мѣсто. Совершенно естественно поэтому, что и меня тоже стараются затереть, когда дѣло идетъ о первенствѣ.

— Ну, да, — прибавилъ я, — ты достигъ успѣха главнымъ образомъ благодаря тому, что всѣ ополчились на Куртеля. Согласитесь, что это досадно, mesdames.

— Какъ это гнусно!—проговорила м-мъ Елена, и кузина ея тоже рѣшилась выразить свое негодованіе.—Какой отвратительный эгоизмъ!—проговорила она.

Я и не предполагалъ, глядя на эту невзрачную, худенькую женщину, что она можетъ вдругъ стать такой воинственной. Лицо ея приняло угрожающее выраженіе, глаза расширились. М-мъ Елена попросила меня пересѣсть на стулъ подлѣ себя, и когда я исполнилъ ея желаніе, возбужденно потребовала объяснить ей, могутъ ли всѣ эти низости дѣйствительно повредить успѣху доктора? Она сразу взглянула на положеніе дѣлъ съ практической стороны. Я былъ пораженъ ея возбужденностью—большей даже, чѣмъ у жены доктора. Обѣ онѣ казались мнѣ полусумасшедшими въ своемъ волненіи, нарушавшемъ привычки хорошаго тона. У жены доктора это еще объяснялось ея безпредѣльной любовью къ мужу, но у м-мъ Елены не было причинъ такъ выходить изъ себя. Я заключилъ, что она очень привязана къ своей кузинѣ Ивоннѣ, и поэтому старается убѣдить меня въ необходимости выхлопотать субсидію доктору.

Я съ трудомъ скрылъ свое изумленіе, но все же объяснилъ, что коалиція противниковъ нашего друга можетъ сильно повредить распространенію сыворотки Гульвена, и что въ виду этого Фармацевтическое Общество, вѣроятно, откажется затратить капиталъ на необходимую въ такихъ случаяхъ рекламу новаго лечебнаго средства.

— Да вѣдь всѣмъ извѣстно,—воскликнула м-мъ Елена,—что никогда холопамъ не удавалось разрушить дѣло своего господина.

Она стала возбужденно ходить по комнатѣ. Докторъ поблагодарилъ ее смиреннымъ поклономъ за ея участіе, и, какъ мнѣ

показалось, былъ самъ пораженъ горячностью ея защиты. М-мъ Гульвенъ запуталась въ разъясненіи медицинскихъ теорій, стремясь доказать мнѣ геніальность своего мужа. Обѣ женщины превозносили главнымъ образомъ умъ и талантъ доктора. Забывая о его душевныхъ качествахъ, не думая о самоотверженномъ врачѣ солдатскихъ лазаретовъ, обѣ онѣ помнили только объ изобрѣтателѣ и его лабораторныхъ трудахъ. Это было какимъ-то лирическимъ ослѣпленіемъ страсти. М-мъ Гульвенъ безумно любила своего мужа и, очевидно, заразила кузину своими восторгами. Обѣ онѣ доказывали теперь, что первое открытіе Гульвена, электро-магнетизмъ крови,—безспорный фактъ, „который подтверждается анализомъ, точными цифрами". Онѣ приводили наизусть отзывъ „Медицинскихъ Анналовъ", написанный домашнимъ врачомъ Ла-Ревельеровъ, и утверждали, что всѣ новѣйшія гипотезы объ измѣненіяхъ крови не идутъ въ сравненіе съ гипотезой Гульвена. То, что очевидно, не могутъ вѣдь отрицать враги и завистники, говорили онѣ.

М-мъ Гульвенъ въ порывѣ воодушевленія даже подбочнилась, а м-мъ Еленѣ пришлось оправить прическу, растрепавшуюся отъ рѣзкихъ жестовъ. Обѣ онѣ потеряли чувство собственнаго достоинства. Гульвенъ, судя по его удивленному лицу, никогда не видѣлъ ихъ въ такомъ возбужденіи, и хотѣлъ мнѣ это сказать. Я же старался убѣдить ихъ и доказывалъ, что наши противники, не отрицая важности открытія, все же несомнѣнно будутъ нападать на него. Они, конечно, не станутъ отрицать явныхъ достоинствъ новаго средства, но обратятъ вниманіе на слабые пункты и придадутъ имъ особое значеніе. Докторъ подтвердилъ, что такъ оно и будетъ, что его противники постараются обойти молчаніемъ все новое и самостоятельное въ его открытіи...

— Вотъ, напримѣръ, Пердро,—сказалъ онъ,—нашъ другъ Пердро, ты его знаешь, Ивонна... Онъ уже ставилъ мнѣ въ упрекъ нѣкоторые недочеты, связанные съ теперешнимъ состояніемъ науки. Пастёра или Бертело онъ бы никогда въ этомъ не упрекнулъ.

Но обѣ кузины не поддавались никакимъ увѣщаніямъ, увѣренныя, что никакія интриги не могутъ помѣшать успѣху такого великаго открытія. Я даже сталъ дразнить м-мъ Елену горячностью ея вѣры въ доктора. Тогда она сразу прервала потокъ рѣчей, а докторъ принужденно смѣялся въ отвѣтъ на мои шутки. Но м-мъ Елена вскорѣ прервала меня, заговоривъ о томъ, что докторъ Гульвенъ самоотверженно ухаживалъ за ея мужемъ до

самой его смерти и продлилъ его жизнь на цѣлыхъ два года. Она прибавила, что ни она, ни ея мать, никогда не забудутъ его трогательнаго отношенія къ больному. Гульвенъ сталъ скромно отрицать свои заслуги.

Вынимая изъ кармана портъ-сигаръ, я вынулъ и пакетъ съ ругательными письмами, которыя нарочно захватилъ съ собой. М-мъ Елена посмѣялась надъ толщиной пакета. Я вынулъ только два письма, подписанныя Пердро, нашимъ бывшимъ товарищемъ, и прочелъ нѣкоторыя мѣста изъ нихъ м-мъ Гульвенъ, для иллюстраціи человѣческой низости.

Первое письмо помѣчено было датой, предшествовавшей обсужденію доклада въ академіи. Въ немъ говорилось: „Гульвенъ, дѣйствительно, серьезный ученый. Онъ не обладаетъ слишкомъ большой эрудиціей, но это хорошо, потому что благодаря этому не разбрасывается, а сосредоточиваетъ всѣ силы на провѣркѣ своей гипотезы объ электро-магнетизмѣ. Онъ прекрасный теоретикъ, хорошій работникъ“ и т. д. Второе письмо написано было послѣ публичнаго засѣданія академіи, и тонъ былъ уже совершенно другой: „Что касается Гульвена,—писалъ Пердро,—то онъ ничего не стоитъ... О немъ напрасно столько говорятъ. Онъ не въ состояніи создать что-либо новое и оригинальное. Его академическій докладъ состоитъ изъ повтореній плохо усвоенныхъ чужихъ мнѣній. Это теорія не Гульвена, а кого угодно, начиная отъ Гиппократа и до Коха“...

— Но вѣдь долженъ же я ссылаться на авторитеты для подтвержденія моихъ разсужденій? Если бы я этого не сдѣлалъ, Пердро сталъ бы меня упрекать въ бездоказательности моихъ теорій.

Гульвенъ начиналъ раздражаться, и я сталъ наблюдать за нимъ. Неужели же наконецъ онъ загорится ненавистью и проявитъ смѣлость?

— Вы не убѣдите меня въ томъ, что всѣ люди низки,— проговорила м-мъ Елена, поблѣднѣвъ.

— Я привелъ слова Пердро, какъ образчикъ того, что̀ говорятъ и другіе. Вотъ Давенонъ, напримѣръ, бѣгаетъ повсюду, доказывая, что Гульвенъ—клептоманъ.

Докторъ сидѣлъ молча̀ въ своемъ углу. Можетъ быть, весь этотъ разговоръ казался ему лишнимъ, потому что за часъ до того онъ увѣрился въ своей слабости и почувствовалъ близость смерти. Или же, быть можетъ, онъ изъ благоразумія предоставилъ свою защиту женщинамъ. Но когда м-мъ Гульвенъ стала утверждать, что за него заступятся знаменитые профессора, онъ

нахмурилъ брови, чувствуя неумѣстность словъ жены. Еще болѣе непріятно ему стало, повидимому, когда м-мъ Елена подхватила этотъ аргументъ и стала отвѣчать на мои возраженія тономъ оскорбленнаго самолюбія. Я же хотѣлъ въ этомъ спорѣ увлечь ее настойчивостью моего сопротивленія. При всей твердости моего намѣренія завоевать ея любовь, я всѣми силами боролся противъ соблазна привлечь ее своей уступчивостью.

— Человѣкъ—то, что̀ должно быть превзойдено,—шепталъ я про себя каждый разъ, когда она штурмовала меня словами и взглядами, суля мнѣ свою признательность въ обмѣнъ за поддержку надеждъ ея родственниковъ. Я сопротивлялся и доказывалъ, что университетскіе профессора тоже боятся своихъ учениковъ. Ругая лекціи, разоблачая ошибки, совершаемыя ежедневно въ клиникахъ, доктора могутъ сильно дискредитировать своихъ учителей, повредить имъ въ глазахъ ихъ паціентовъ,—банкировъ, министровъ, герцоговъ и актрисъ, т.-е. тѣхъ, которые платятъ за операціи много тысячъ франковъ. Къ тому же трудно ожидать отъ профессоровъ сочувственнаго отношенія къ открытіямъ, сдѣланнымъ совершенно помимо нихъ.—Кромѣ того,—прибавилъ я, обращаясь къ м-мъ Гульвенъ,—вашъ мужъ совершилъ нѣсколько непростительныхъ промаховъ за послѣднее время. Когда вы оба пріѣхали въ Парижъ, послѣ засѣданія академіи, Гульвенъ долженъ былъ пойти вмѣстѣ съ вами къ м-мъ де-Парръ, гдѣ докторъ Протэ принимаетъ своихъ приверженцевъ. Почему вы этого не сдѣлали? Какъ было не оказать вниманія человѣку, который больше всѣхъ старался распространить вѣсть объ открытіи Гульвена?

— Но вѣдь у м-мъ де-Парръ очень темное прошлое,—заявила м-мъ Гульвенъ. — Честнымъ женщинамъ не мѣсто въ ея домѣ.

— Да, такъ думаютъ въ провинціи. Но въ Парижѣ на все смотрятъ по иному, и Протэ былъ очень обиженъ тѣмъ, что вашъ мужъ не повелъ васъ къ его подругѣ.

— Я все-таки рада, что мы не пошли къ ней. Мой мужъ доказалъ этимъ свое уваженіе ко мнѣ.

— Значитъ, я свою жену не уважаю,—возразилъ я:—она бываетъ у м-мъ де-Парръ. Зато въ клиникѣ Протэ іодъ Гишардо въ большомъ употребленіи. Скажу вамъ еще больше: Пердро и его жена бываютъ на обѣдахъ у м-мъ де-Парръ, и будьте увѣрены, что Протэ не будетъ возражать противъ нападокъ нашего друга Пердро на сыворотку Гульвена.

— А другіе профессора, навѣрное, послѣдуютъ примѣру

Протэ,—подтвердилъ Гульвенъ,—такъ какъ они вполнѣ основательно преклоняются передъ его талантомъ.

— Да, такъ оно, вѣроятно, и будетъ,—отвѣтилъ я доктору, который раздражалъ меня своей малодушной покорностью.

Логичность моихъ словъ возмущала молодую вдову, но и убѣждала ее въ моей правотѣ. М-мъ Гульвенъ не вѣрила въ мои пессимистическія предсказанія и качала головой. Лицо ея приняло болѣзненное выраженіе,—у нея начиналась мигрень отъ непривычки къ разсужденіямъ, нарушающимъ всѣ ея традиціонныя понятія о нравственности.

Я продолжалъ упрекать Гульвена въ разныхъ ошибкахъ, заглянувъ въ письма моихъ корреспондентовъ. Почему, напримѣръ, онъ не явился на банкетъ Геологическаго Общества, а ограничился телеграммой? Это было большой ошибкой. М-мъ Елена согласилась со мной, напоминая, что ея мужъ никогда не пропускалъ политическихъ банкетовъ, обѣда экономистовъ и т. п. собраній. Она согласилась, что уклоненіе въ такихъ случаяхъ толкуется какъ доказательство пренебреженія и возбуждаетъ неудовольствіе.

— Этимъ ты создалъ себѣ еще семь или восемь могущественныхъ враговъ,—сказалъ я. Но м-мъ Елена уже раскаялась въ томъ, что па минуту согласилась со мной, и иронически воскликнула:

— Почему вы пренебрегаете вкусными обѣдами, докторъ?.. Необходимо объѣдаться для того, чтобы профессора согласились спасать жизнь людей при помощи вашихъ знаній.

— Но вѣдь у него нѣтъ средствъ ѣздить въ Парижъ каждую недѣлю на парадные обѣды,—плакалась м-мъ Гульвенъ, глядя съ отчаяніемъ на изношенный костюмъ мужа.

Я уклонился отъ прямого отвѣта, и продолжалъ просматривать письма. Я спросилъ Гульвена, почему онъ не выписывалъ нѣсколькихъ медицинскихъ журналовъ, издаваемыхъ нашими бывшими товарищами. Они вѣдь имѣли основаніе разсчитывать на поддержку Гульвена, какъ и па мою. А въ виду его оплошности, въ этихъ журналахъ, очень распространенныхъ среди провинціальныхъ врачей, не будутъ относиться сочувственно къ его опытамъ. М-мъ Елена опять принуждена была сознаться, что ея покойный мужъ выписывалъ даже самыя ничтожныя политическія изданія, чтобы расположить къ себѣ всѣхъ своихъ коллегъ.

— Но вѣдь откуда намъ взять средства, чтобы все это выписывать?—взмолилась м-мъ Гульвенъ.

Я покачалъ головой, дѣлая видъ, что не вѣрю въ бѣдность

моихъ хозяевъ, и продолжалъ высчитывать оплошности Гульвена. Почему онъ не принялъ участія въ подпискѣ на памятникъ Клоду Бернару, проектируемый Институтомъ Органической Химіи? За недостаткомъ взносовъ, сооруженіе памятника не состоялось, а раздосадованные организаторы запомнили всѣхъ, не откликнувшихся на ихъ призывъ—съ тѣмъ, чтобы при случаѣ отомстить имъ. Затѣмъ я обратилъ его вниманіе на двѣнадцать писемъ отъ провинціальныхъ врачей и аптекарей, возмущенныхъ тѣмъ, что докторъ Гульвенъ не отвѣтилъ на ихъ просьбы дать дополнительныя свѣдѣнія объ электро-магнетизмѣ крови. Изъ-за его невниманія всѣ они стали его врагами. М-мъ Гульвенъ поклялась мнѣ, что почта имъ стоитъ не менѣе пятидесяти франковъ въ мѣсяцъ, и что больше тратить на почтовые расходы они никакъ не могутъ.

— Положительно, — сказала ея кузина со злобнымъ смѣхомъ,—въ мірѣ науки происходитъ то же, что и въ политикѣ. Докторъ Гульвенъ входитъ въ славу—и долженъ за это платиться карманомъ.

— Да, люди менѣе всего прощаютъ бѣдность и выше всего чтутъ богатство,—сентенціозно замѣтилъ я.

— Это неправда!—воскликнула м-мъ Гульвенъ.—Вѣдь, вотъ, Жанъ публично высказалъ свое откровенное мнѣніе о Робертсонѣ, вопреки тому, что этотъ шарлатанъ—милліонеръ.

— Это тоже было ошибкой. Всѣ, кому Робертсонъ давалъ деньги взаймы, всѣ, бывающіе у него въ домѣ, чтобы встрѣчаться тамъ съ полезными людьми, станутъ теперь врагами вашего мужа.

— По-вашему, ему не поставятъ въ заслугу то, что онъ смѣло говоритъ правду въ глаза даже людямъ, пользующимся властью? Никогда я этому не повѣрю!—воскликнула м-мъ Елена. Она вся горѣла негодованіемъ.

— Возможно, что это ему поставятъ въ заслугу, но для того, чтобы не навлечь на себя неудовольствій Робертсона и его приверженцевъ, всякій будетъ обвинять Гульвена въ низкихъ побужденіяхъ, въ зависти—такъ же, какъ вы обвиняете въ этомъ его враговъ.

— Вы сами почти готовы выступить его обвинителемъ!— воскликнула она внѣ себя.—Вы такой же, какъ и всѣ. Вамъ, парижанамъ, досадно, что честный человѣкъ, преданный наукѣ и благу человѣчества, живетъ себѣ тихо въ провинціальной глуши, не вмѣшиваясь во всѣ ваши интриги, не сообразуясь съ мелкой кружковой политикой...

— Не заставляя жену бывать у женщинъ сомнительнаго поведенія.

Гульвенъ сталъ смѣяться, чтобы какъ-нибудь загладить рѣзкія нападки своихъ дамъ. Но это было совершенно лишнее. Меня ничто не можетъ обидѣть. Я считаю себя выше всякихъ оскорбленій, въ особенности со стороны молодыхъ женщинъ, выведенныхъ изъ себя моимъ цинизмомъ. Поэтому, чтобы успокоить доктора и не раздражать пламенныхъ спорщицъ, я отвѣсилъ имъ поклонъ и сказалъ:

— И я, и всѣ мы ничего не имѣемъ противъ того, чтобы Гульвенъ продолжалъ жить въ своей дорогой Бретани и работать въ тишинѣ. Когда ему будетъ шестьдесятъ лѣтъ, міръ признаетъ его заслуги, недостаточно оцѣненныя до того... И почему ты, собственно, добиваешься немедленнаго успѣха?

— Чтобы спасти тысячи жизней, погибающихъ теперь отъ тифа,—отвѣтила за него м-мъ Гульвенъ.

— Это сентиментальный доводъ, интересующій очень немногихъ... или, вѣрнѣе, никого, кромѣ развѣ самихъ больныхъ. Но такъ какъ твое открытіе имъ неизвѣстно...

— Вотъ бы вы и взяли на себя миссію...—робко сказала жена доктора.

— Я никакихъ миссій на себя взять не могу, не чувствуя въ себѣ апостольскаго призванія. Я—самый обыкновенный торговый агентъ и долженъ разсчитать шансы на удачу въ каждомъ дѣлѣ. Такъ вотъ я говорю, что враждебное отношеніе товарищей можетъ очень затормозить дѣло.

— Боже мой!—проговорилъ Гульвенъ:—я понятія не имѣлъ, что навожу такой ужасъ на своихъ противниковъ.

Онъ всталъ, вытянулся, потомъ подошелъ къ окну и сталъ глядѣть на море, на которомъ грузно качались тяжелыя барки, защищаясь парусами отъ ливня. Вѣтеръ сотрясалъ двери и окна дома.

— Скажите,—снова обратилась ко мнѣ жена Гульвена:—неужели не найдется честныхъ людей, чтобы защитить его?

— Найдутся, м-мъ Гульвенъ, найдутся. Но тѣ, которыхъ вы называете честными людьми, не имѣютъ никакой власти, не пользуются въ обществѣ вліяніемъ. Я вѣдь вамъ говорилъ, что это робкіе люди, которые возмущаются, сидя у себя въ углу, и ведутъ себя крайне осторожно. Они хотятъ, чтобъ ихъ не трогали, и предоставляютъ побѣду людямъ съ сильной волей.

— Это вѣрно,—подтвердилъ Гульвенъ.

Онъ во всемъ соглашался со мной—это меня прямо возму-

щало. М-мъ Гульвенъ, неподвижно сидя въ своемъ креслѣ, навѣрное молилась въ эту минуту о томъ, чтобы Господь внушилъ мнѣ мысль выхлопотать авансъ мужу въ Фармацевтическомъ Обществѣ. Я перешелъ къ обще-философскимъ вопросамъ о добрѣ и злѣ, и м-мъ Елена подчинилась моему желанію перемѣнить тему разговора. Я собралъ письма, разбросанныя по столу, и, сложивъ ихъ, положилъ въ карманъ.

Мы приблизились къ той точкѣ, гдѣ споръ могъ легко перейти въ личную вражду, и потому было благоразумнѣе прекратить его. Мы еще съ полчаса поговорили о безразличныхъ предметахъ.

Вошла Анна-Марія и доложила, что изъ сосѣдней деревни пришли за докторомъ. Осколокъ раскаленнаго желѣза отскочилъ отъ наковальни и ранилъ въ голову кузнеца. Прибѣжалъ его сынъ и умоляетъ о помощи. Докторъ велѣлъ сейчасъ же принести наборъ инструментовъ.

— Осколокъ желѣза въ черепѣ... Тутъ мѣшкать нельзя. Придется проѣхать восемь километровъ подъ такимъ вѣтромъ... Тоже не весело, чортъ возьми! Велосипедъ подъ навѣсомъ?— спросилъ онъ.

— Возьми хоть резиновый плащъ,—сказала м-мъ Гульвенъ.

Докторъ сказалъ, что онъ пойдетъ взять съ собой пилюли стрихнина. М-мъ Гульвенъ встревожилась:

— Опять стрихнинъ... Ты себя плохо чувствуешь?

— Нѣтъ, это только предосторожность.

Онъ вышелъ изъ комнаты, и жена бросилась за нимъ, осыпая его вопросами. Они вышли вмѣстѣ. Я замѣтилъ, что м-мъ Елена сдѣлала инстинктивное движеніе, чтобы послѣдовать за нимъ, и должна была сдѣлать надъ собой усиліе, чтобы остаться. Скрывая свое волненіе, она машинальнымъ лихорадочнымъ жестомъ стала оправлять себѣ волосы.

Чтобы выяснить причину ея слишкомъ очевиднаго волненія, я сказалъ, что у Гульвена, очевидно, понизилась дѣятельность сердца, если ужъ онъ сталъ прибѣгать къ стрихнину. Ѣзда на велосипедѣ несомнѣнно вредитъ ему. Ему слѣдовало бы ѣздить по больнымъ въ коляскѣ, въ особенности въ бурю.

— Да, это было бы лучше,—раздраженно отвѣтила она.— Было бы вообще лучше, еслибы вся его жизнь пошла по иному.

Я понялъ, что она хочетъ опять возобновить споръ на прежнюю тему. Но я не хотѣлъ опять возбуждать ее противъ себя и, подъ предлогомъ необходимости писать письма, удалился къ себѣ.

— Не забудьте хоть написать въ ваше Общество,—крикнула она мнѣ вслѣдъ,—разскажите какъ можно обстоятельнѣе про него!

Она произнесла это мѣстоименіе съ нѣжностью. Поднимаясь по лѣстницѣ, я подумалъ, что она, кажется, близка къ тому, чтобы полюбить мужа своей кузины. Какими чарами этотъ невзрачный слабнякъ покорилъ ея сердце?

Подойдя къ окну, я увидѣлъ на дорогѣ жену Гульвена, неподвижно стоявшую въ нѣсколькихъ стахъ метрахъ отъ дома. Она глядѣла вслѣдъ велосипедисту, который мчался вдаль подъ дождемъ, и, повидимому, не чувствовала, что ея поношенное платье и волосы смочены дождемъ. Она стояла съ непокрытой головой, съ широко раскрытыми глазами, въ неподвижной позѣ маніака, одержимаго навязчивой идеей. Очевидно, что женщина съ такой повышенной нервностью должна была сильно вліять на окружающихъ. Значитъ, мое первое предположеніе было болѣе правильнымъ. М-мъ Елена подпала подъ ея вліяніе, и вслѣдствіе большей страстности натуры и большей умственной одаренности, она казалась изъ нихъ обѣихъ болѣе взволнованной судьбою доктора.

V.

Изъ моей комнаты всю ночь слышенъ былъ шумъ съ набережной, возня рыбаковъ, готовящихся отплыть на зарѣ, крики, смѣхъ. Спать было невозможно, и меня это раздражало, какъ всякая зависимость отъ обстоятельствъ. При первыхъ проблескахъ зари я поднялся и подошелъ къ окну, чтобы полюбоваться восходомъ солнца на морѣ. Я люблю вдыхать утренній воздухъ, чувствуя при этомъ полноту силъ и особую радость бытія. Я сталъ смотрѣть на отплывающія барки; онѣ медленно исчезали вдали, въ то время какъ солнце бросало розоватый отблескъ на сверкающую рябь моря. При первыхъ лучахъ солнца стали вырисовываться линіи рифовъ у подошвы мыса, поле, засѣянное овсомъ на берегу, входъ въ нашу тихую бухту, затѣмъ лиліи на нашей террасѣ, бѣлый край колодца, ступеньки крыльца. Я взглянулъ на сосѣдній со мной балконъ м-мъ Елены, и неожиданно увидѣлъ на немъ молодую вдову. Она торопливо собирала въ низкій тяжелый узелъ свои волосы и напѣвала арію Изольды.

Совпаденіе этихъ двухъ зрѣлищъ—моря въ ранній утренній часъ и молодой, прекрасной женщины на балконѣ—показалось мнѣ счастливымъ предзнаменованіемъ. Я вѣрилъ въ эту минуту,

что природа становится какъ бы соучастницей моихъ намѣреній относительно молодой вдовы.

Моя сосѣдка прервала пѣніе и веселымъ голосомъ стала восторгаться красотой утра. Внизу на террасѣ стоялъ докторъ и поздоровался съ нею. Я замѣтилъ, что и онъ въ радостномъ настроеніи духа. Его сѣрые живые глаза глядѣли съ видимымъ удовольствіемъ на молодую женщину. Въ эту минуту оба они, и докторъ, и м-мъ Елена, казались мнѣ необходимымъ дополненіемъ къ открывавшейся моимъ взорамъ картинѣ. Линіи ихъ фигуръ, очевидность ихъ взаимныхъ симпатій завершали гармонію окружающаго міра, и красота морского пейзажа казалась мнѣ еще болѣе величественной съ той минуты, какъ они появились и улыбнулись другъ другу въ радостный утренній часъ. Ихъ поза казалась мнѣ эмблемой религіознаго настроенія природы. Мнѣ смутно казалось, что солнце, океанъ и воздухъ застыли недвижимо, объединенные геніемъ первопричинъ для того, чтобы создать этотъ неожиданный миражъ. Быть можетъ, природа, помѣстивъ ихъ среди такихъ красотъ, открыла имъ тѣмъ самымъ неизбѣжность ихъ страсти. Судьба, какъ мнѣ казалось, предупреждала меня, что эти двое людей полюбятъ другъ друга, и что мнѣ нѣтъ мѣста подлѣ нихъ. Все мое существо возмутилось, и желанія мои стали еще болѣе обостренными.

Иллюзія, конечно, длилась очень недолго. Я отрезвился и, вмѣсто символовъ роковыхъ страстей, увидѣлъ передъ собой красивую женщину въ шолковомъ пеньюарѣ и невзрачнаго господина въ потертомъ пиджакѣ, которые обмѣнивались нѣсколькими напыщенными фразами о красотѣ природы. Къ тому же, небо приняло обыкновенный голубой цвѣтъ, и солнце уже не заливало все вокругъ багровымъ заревомъ. Море утратило свою необычайность и окрасилось обыденными сѣрыми тонами. Я, однако, продолжалъ чувствовать мое пораженіе и видѣлъ счастливаго соперника въ этомъ человѣкѣ, который прислонился къ стѣнѣ на террасѣ и внималъ краснорѣчію м-мъ Елены.

Ничто, впрочемъ, не доказывало, что между ними есть какое-нибудь тайное соглашеніе. Каждый день докторъ въ этотъ часъ проходилъ по террасѣ, направляясь въ свою лабораторію. У него всегда было такое же возбужденное лицо и блестящіе глаза. Онъ былъ одѣтъ какъ всегда, скорѣе небрежно, менѣе всего обнаруживая въ своей внѣшности желаніе понравиться дамѣ своего сердца. Въ словахъ, которыми онъ обмѣнивался съ моей сосѣдкой, тоже не было никакихъ признаковъ влюбленности.

Я тщетно анализирую мои тогдашнія мысли, стараясь по-

нять, что собственно возбудило во мнѣ тогда подозрѣнія. Послѣдующія событія ихъ оправдали, но я все-таки убѣжденъ, что только какая-то внутренняя гармонія во взглядахъ доктора и молодой вдовы въ то чарующее утро навела меня на скрытую и отъ нихъ самихъ правду ихъ чувствъ. Я прожилъ уже около недѣли въ Керьяникѣ, завтракалъ и обѣдалъ за однимъ столомъ съ ними, мы вмѣстѣ ходили гулять, я принималъ участіе во всѣхъ ихъ разговорахъ, и у нихъ не было, повидимому, никакихъ секретовъ отъ постороннихъ людей. Они разговаривали очень дружелюбно, относились съ большимъ довѣріемъ другъ къ другу, но никакихъ признаковъ болѣе глубокаго чувства въ ихъ отношеніяхъ не было. Утренняя бесѣда ихъ тоже не могла возбудить подозрѣній. Хотя я стоялъ у окна почти рядомъ съ балкономъ, докторъ и м-мъ Елена были такъ заняты собой, что не замѣтили присутствія посторонняго человѣка. Я подумалъ, что будь это любовное свиданіе, они бы побоялись, что ихъ могутъ подслушать, и оглянулись бы изъ предосторожности вокругъ себя. Ничего преступнаго въ ихъ отношеніяхъ, слѣдовательно, нѣтъ. Это было ясно... Развѣ только предположить, что они нарочно притворяются, что не замѣтили меня, чтобы усыпить мою бдительность. Я не зналъ, что и думать.

Докторъ наконецъ замѣтилъ меня и очень весело поздоровался. Онъ совершенно не имѣлъ вида человѣка, котораго застигли врасплохъ. Я поклонился м-мъ Еленѣ. Она была удивлена моимъ раннимъ появленіемъ у окна, но тоже не смутилась. Оставаясь въ своихъ владѣніяхъ, т.-е. на балконѣ, она продолжала восторгаться зарей въ выраженіяхъ, излюбленныхъ художественными критиками, злоупотребляя техническими словами о пятнахъ, равноцѣнностяхъ, палитровыхъ тонахъ и т. д. Желая ослѣпить насъ наивными эксцентричностями своего дилеттантскаго краснорѣчія, она заявила, что не любитъ закатовъ.—Они для меня слишкомъ пышны, — ораторствовала она, — и напоминаютъ торжественныя приготовленія къ пріѣзду какого-нибудь министра, когда обойщикъ наскоро разстилаетъ красное сукно съ золотыми бортами на голыя доски эстрады. Такъ и ждешь звуковъ „Марсельезы", исполненной военнымъ оркестромъ. Утренняя заря—совсѣмъ дѣло иное... Это—постоянное рожденіе Венеры въ присутствіи упоенно созерцающихъ ее міровъ.

Слегка наклонивъ свой правильный профиль, она, видимо, искала знаковъ одобренія на моемъ лицѣ. Но въ улыбкѣ, которою я отвѣтилъ на ея слова, невольно проскользнулъ оттѣнокъ ироніи. Въ предшествующую зиму я слишкомъ часто слышалъ

въ парижскихъ салонахъ подобныя фразы изъ женскихъ устъ. Жанъ Гульвенъ, напротивъ того, былъ въ искреннемъ восхищеніи. Этотъ провинціалъ не замѣчалъ искусственности и позы въ такого рода эстетическихъ разглагольствованіяхъ. Я заключилъ изъ этого, что его любовь—слѣпая. Мнѣ же м-мъ Елена нравилась именно этимъ своимъ недостаткомъ, какъ и нѣкоторыми другими, указывающими на то, что у нея нравъ настоящей актрисы, и что съ нею не скучно. Онъ же принималъ ея недостатки за качества. Впослѣдствіи я понялъ, что въ этомъ и заключается различіе между его пониманіемъ жизни и моимъ.

Докторъ ушелъ — онъ торопился въ свою лабораторію, къ свинкамъ и разводкамъ микробовъ. Я ожидалъ, что моя сосѣдка тоже сейчасъ удалится съ балкона. Ей тамъ нечего было дѣлать послѣ ухода ея друга.

„Если она не уходитъ тотчасъ же,—подумалъ я,—то только потому, что надѣется, продолжая говорить со мною, доказать мнѣ, что докторъ и я интересуемъ ее въ одинаковой степени, и что онъ не имѣетъ для нея исключительнаго значенія. Какой наивный маккіавелизмъ! Если бы она даже осталась и стала кокетничать со мною, это бы не разсѣяло моихъ подозрѣній. Но если она, сказавъ нѣсколько банально-вѣжливыхъ фразъ, сейчасъ же уйдетъ къ себѣ, я уже не буду сомнѣваться въ ея виновности. Она, значитъ, будетъ притворяться, что не допускаетъ возможности подозрѣній съ моей стороны, чтобы этимъ еще вѣрнѣе устранить всякое подозрѣніе. Это тоже маккіавелизмъ, и довольно тонкій... Словомъ, какъ бы она ни рѣшила дѣйствовать, я не повѣрю въ ея искренность“. Тактика ея была, однако, очень ловкая. Она не оставалась безъ конца у окна. Сдѣлавъ достаточно использованное разными авторами сравненіе рыбацкой флотиліи съ роемъ бабочекъ, сѣвшихъ на разливающійся шолкъ, она защитила глаза рукой отъ чрезмѣрно сильнаго свѣта и стала тихимъ голосомъ восхищаться энергіей доктора, который въ такую рань запирается у себя въ лабораторіи, прежде чѣмъ ѣхать навѣщать своихъ больныхъ въ деревняхъ. Я сказалъ на это, что, въ сущности, академія въ достаточной мѣрѣ почтила его, назначивъ публичное засѣданіе для обсужденія его доклада. М-мъ Елена сейчасъ же заговорила о практической сторонѣ дѣла.

— Нужно было,—сказала она,—присоединить къ этой чести осязательную пользу: произвести его въ высшій чинъ во флотѣ, или дать ему мѣсто въ какомъ-нибудь парижскомъ госпиталѣ.— Въ ея глазахъ только извѣстность въ самомъ Парижѣ имѣла дѣйствительную цѣну. Она судила какъ настоящая свѣтская па-

рижанка: для нея успѣхъ опредѣлялся извѣстностью у людей, которые катаются въ собственныхъ экипажахъ между Тріумфальной аркой и Булонскимъ лѣсомъ. Наконецъ она стала жалѣть свою кузину, которую ставила очень высоко за ея терпѣніе, строгую добродѣтель, дѣйствительную, а не притворную набожность, за хозяйственность и бережливость. Она очень участливо и деликатно объяснила мнѣ, какъ трудно живется ея родственникамъ, и разсказала о нихъ интересныя подробности. Жанъ Гульвенъ женился на своей кузинѣ, Ивоннѣ Ларворъ, когда она внезапно осиротѣла и осталась совсѣмъ одна, ничего не имѣя, кромѣ Керьяника, т.-е. маленькаго каменнаго дома съ террасами, десять гектаровъ земли, стада черныхъ овецъ и нѣсколькихъ лошадей, которыхъ продали кавалерійскому полку. Я узналъ отъ м-мъ Елены, что всѣ доходы шли на уплату процентовъ по закладнымъ, и что она, какъ и я, платила за пансіонъ, такъ какъ безъ этого Гульвены не могли бы свести концы съ концами. Это участливое отношеніе къ родственникамъ прекрасно маскировало другія чувства красивой молодой женщины. Я улыбнулся, отлично понимая ея тактику. Когда она наконецъ рѣшила, что окончательно усыпила мои подозрѣнія, она зѣвнула, извинилась, сказавъ, что ее снова одолѣваетъ сонъ, и скрылась у себя въ комнатѣ.

Несмотря на осторожность, съ которой она дѣйствовала, я не разувѣрился въ моихъ подозрѣніяхъ. Но я сталъ выжидать, чтобы обстоятельства дали мнѣ осязательныя доказательства, безъ которыхъ нельзя быть увѣреннымъ въ своихъ предположеніяхъ.

Вмѣсто того, чтобы отказаться отъ ухаживанія за красивой вдовой, я рѣшилъ, напротивъ того, вести аттаку еще съ большей настойчивостью. Этимъ я хотѣлъ возбудить ревность доктора и заставить его сознаться мнѣ или только въ своихъ чувствахъ, или же въ своемъ успѣхѣ у кузины его жены. Я сейчасъ же занялся съ особой тщательностью своимъ туалетомъ, выбралъ изящный лѣтній костюмъ, сильно намылилъ голову при мытьѣ, чтобы волосы пышнѣе стояли на головѣ и было бы менѣе замѣтно, что ихъ очень мало. Сойти внизъ было еще слишкомъ рано. Я тщетно пытался почитать или писать. Строгость мебели изъ полированнаго дерева дѣлала комнату неуютной для работы. Я сталъ разглядывать старинныя панно по обѣ стороны кровати. На панно изображенъ былъ свадебный кортежъ, но видъ этихъ танцующихъ фигуръ раздражалъ меня,—онѣ казались мнѣ непрошенными свидѣтелями моей неудачи у молодой вдовы. Я отвернулся и сѣлъ въ удобное глубокое кресло, съ котораго

можно было глядѣть на море, любоваться переливами волнъ. На сосѣднемъ мысѣ уже стали на работу каменотесы; они отбивали глыбы камня отъ скалы. Слѣдя за ихъ напряженной работой, я сталъ думать о средствахъ преуспѣванія въ жизни, и рѣшилъ, что иногда очень полезно быть предметомъ злословія, такъ какъ это придаетъ вѣсъ въ глазахъ общества. Въ наше время, какъ впрочемъ и во всякое другое, качества ума и работоспособность еще далеко не обезпечиваютъ успѣха въ жизни. Больше всего можно преуспѣть безстыдствомъ,—напр., афишированіемъ близости къ женщинамъ, занимающимъ видное положеніе въ обществѣ, такъ какъ во всѣхъ салонахъ, главнымъ образомъ, интересуются такого рода сплетнями. М-мъ Елена принадлежала къ избранному кругу, носила громкое имя виднаго политическаго дѣятеля, и могла бы очень выдвинуть человѣка, пользующагося ея расположеніемъ.

Такимъ образомъ докторъ, отбивая у меня любовь молодой вдовы, не только лишаетъ меня интересной любовной интриги, но и становится мнѣ поперекъ дороги въ устройствѣ моей карьеры. Необходимо поэтому дѣйствовать рѣшительно, вывести все на чистую воду и обезопасить себя отъ соперника.

Уже въ девять часовъ я ждалъ м-мъ Елену въ салонѣ и, чтобы убить время, разсматривалъ старинную мебель. Я представлялъ себѣ мысленно общество, которое здѣсь бывало, когда домъ принадлежалъ интенданту Фуке, принимавшему въ этомъ салонѣ всѣхъ знаменитостей своей эпохи. Время тянулось медленно, и я даже отъ скуки сталъ разсматривать медицинскія книги на книжныхъ полкахъ. Въ эту минуту м-мъ Гульвенъ вернулась изъ церкви.

Она улыбнулась, хотя зубы у нея были наполовину желтые, наполовину синеватые. Совершенно лишенная кокетства, она до тридцати лѣтъ не научилась скрывать свои внѣшніе недостатки. Она сняла жакетку, черныя перчатки и соломенную шляпу—все это было очень изношенное и неизящное—и очутилась въ блузѣ и синей шерстяной юбкѣ, полинявшей отъ частой химической чистки. При всемъ своемъ равнодушіи къ внѣшнему міру, докторъ, очевидно, не могъ предпочитать столь невзрачную женщину м-мъ Еленѣ. Я рѣшилъ, не говоря ничего опредѣленнаго,—чтобы не создать себѣ непріятностей въ будущемъ,—все же обратить вниманіе м-мъ Гульвенъ на опасность, грозящую ея супружескому счастью. М-мъ Гульвенъ подошла къ столу, стала озабоченно перебирать какіе-то счеты и бумаги. Я сталъ наблюдать за ней: для меня было ясно, что только ея энергія и само-

отверженность даютъ имъ возможность существовать, такъ какъ мужъ ея отстранился совершенно отъ матеріальныхъ заботъ.

— Меня удивляетъ,—сказалъ я, обмѣнявшись сначала съ нею нѣсколькими вѣжливыми фразами,—что докторъ такъ терпѣливо выслушиваетъ нарядныя, но безсодержательныя фразы м-мъ Елены. Я не такъ выносливъ... Меня она утомляетъ.

— Что это вы напускаете на себя такую строгость?—воскликнула она, слегка разсердившись.—Со времени смерти ея мужа моя кузина отреклась отъ свѣтской жизни. Она хочетъ дать образцовое воспитаніе своей дочери, обогатить ея память поучительными фактами и мыслями и старается извлечь для нея поученія изъ всего, что происходитъ вокругъ. Это только симпатично, особенно въ наше время, когда дѣтей воспитываютъ въ полной безпринципности подъ тѣмъ предлогомъ, что нужно предоставить свободу природнымъ инстинктамъ...

Она продолжала восхвалять свою кузину, и я понялъ, что мнѣ теперь не удастся пробудить въ ней подозрительность. Въ комнату вошла м-мъ Ла-Ревельеръ съ Жильбертой, которую она съ трудомъ заставила подойти поздороваться со мной. Не понимаю, почему эта высокомѣрная дѣвочка относится ко мнѣ съ явнымъ недоброжелательствомъ. Можетъ быть, она догадывается о моихъ намѣреніяхъ относительно ея матери,—у дѣвочекъ бываетъ обостренное инстинктивное чутье въ подобныхъ случаяхъ. Можетъ быть, ее сердитъ то, что мать оказываетъ мнѣ вниманіе или,—помимо моего вѣдома,—хорошо отзывается обо мнѣ въ мое отсутствіе... Но вѣрнѣе всего то, что эту глупую дѣвочку возстановляетъ противъ меня ея бабушка своимъ постояннымъ злословіемъ на мой счетъ.

При всей своей антипатіи ко мнѣ, м-мъ Ла-Ревельеръ заставляла Жильберту обращаться со мной съ надлежащей почтительностью. Я это очень цѣнилъ и, въ общемъ, относился хорошо къ старой дамѣ съ краснымъ лицомъ и сѣдымъ парикомъ, великолѣпно завитымъ на американскій манеръ. Эта старая парижанка тоже иронически улыбалась, когда ея невѣстка произносила свои нарядныя фразы, ослѣплявшія Гульвена. Въ это утро, несмотря на все мое желаніе нравиться м-мъ Еленѣ, я переглянулся съ м-мъ Ла-Ревельеръ, и мы съ трудомъ сдержали оба насмѣшливое выраженіе лица, когда молодая женщина, которая, какъ всегда, пришла позже всѣхъ, сказала своей кузинѣ:

— Я въ восторгѣ отъ твоихъ цвѣтовъ на террасѣ, дорогая. Я люблю, чтобы на меня глядѣли только простые цвѣты. Другіе мнѣ кажутся слишкомъ порочными... Твои лиліи и Иванъ-да-

Марьи сдѣлались моими друзьями... Я ненавижу томныя розы, апоплектическія георгины, львиную пасть, напоминающую игрушки, которыя продаются на базарахъ. А чистыя стройныя лиліи внушаютъ мнѣ возвышенныя желанія. Лиловыя Иванъ-да-Марьи съ желтымъ сердечкомъ говорятъ мнѣ о глубокихъ мысляхъ, о наукѣ. Это—символы вашей жизни. Прямота характера и глубокія знанія—вотъ что я люблю въ моей Ивоннѣ и ея Жанѣ...

Послѣднее имя она произнесла слишкомъ тягучимъ, томнымъ тономъ, возбудившимъ во мнѣ непріятное чувство. Въ эту минуту къ намъ присоединился и самъ Жанъ. Онъ поздоровался со мной, протянувъ руку, жесткую отъ постояннаго мытья антисептическими средствами. Жильберта бросилась ему на шею. Мнѣ не понравилось такое отсутствіе сдержанности въ почти взрослой дѣвочкѣ. Онъ отвелъ ея руки, не отвѣтивъ на поцѣлуй, и сильно покраснѣлъ при этомъ. Мнѣ показалось, что онъ боялся приласкать дочь м-мъ Елены, очень похожую на нее; это было бы похищеніемъ ея собственной ласки. Не будь этого психологическаго мотива, онъ бы, навѣрное, безъ всякаго стѣсненія поцѣловалъ дѣвочку. Конечно, на такихъ неопредѣленныхъ данныхъ нельзя было строить болѣе или менѣе твердой гипотезы. И при моемъ здравомысліи я бы никогда не позволилъ себѣ слишкомъ быстрыхъ выводовъ, если бы не наблюдалъ много разъ страннаго соотвѣтствія между интуитивными догадками самаго фантастическаго свойства и дѣйствительными фактами, наступающими послѣ того. Даръ предвидѣнія проявляется иногда по поводу неожиданно обнаруживающихся соотношеній, мимолетныхъ жестовъ. Насъ тогда внезапно поражаетъ очевидность того, чего никакъ нельзя доказать по правиламъ нашей несовершенной логики.

На слѣдующій день, въ отвѣтъ па мои вопросы, м-мъ Гульвенъ сказала мнѣ, что ея мужъ, кажется, дѣйствительно охладѣлъ къ своей родинѣ, къ бретонской старинѣ, которую онъ прежде такъ любилъ. Она одна только привязана попрежнему къ людямъ и предметамъ, среди которыхъ они живутъ.

— Богъ покаралъ меня,—сказала она,—его болѣзнью въ Мексикѣ лишивъ его возможности продолжать морскую службу. Съ тѣхъ поръ онъ губитъ свои силы книжнымъ трудомъ и жизнью взаперти въ своей лабораторіи, среди міазмовъ и ядовитыхъ микробовъ. Эти работы отвлекаютъ его отъ того, что прежде составляло нашу радость. Онъ любилъ нашу старину и готовился стать археологомъ. Сколько разъ мы принимались за раскопки, добывали изъ-подъ земли бронзовыя украшенія, ка-

менные топоры, браслеты изъ костей. Онъ хотѣлъ изслѣдовать, какъ въ нашу провинцію попала азіатская раса бигуденовъ, съ ихъ китайскими лицами и костюмами, съ маленькими митрами, которыя женщины носятъ на головахъ, желтыми іероглифами на рукавахъ, расшитыми золотомъ жилетами. Онъ изучалъ ритуалъ религіозныхъ процессій, находя въ нихъ остатки восточныхъ языческихъ обрядовъ... Теперь онъ охладѣлъ къ тому, что цѣлыхъ восемь лѣтъ составляло радость нашего существованія... Онъ хочетъ спасти тысячи людей, погибающихъ отъ тифа. Онъ готовитъ цѣлебную сыворотку... Это нужно, я знаю... Но какъ бы я хотѣла,—съ грустью продолжала она,—чтобы онъ вернулся къ прежнимъ работамъ и изысканіямъ. Какъ было хорошо, когда онъ собиралъ старинную бретонскую мебель, искалъ по деревнямъ древніе предметы, радовался, найдя интересный фарфоръ, шкапъ со старинной рѣзьбой, книгу съ гербомъ интенданта Фуке... Хорошіе это были годы... Я истинно благодарна кузинѣ Еленѣ за то, что она проситъ Жана сопровождать ее и знакомить съ нашей стариной. Я все надѣюсь, что воскреснетъ прежняя душа Жана. Вѣдь онъ убиваетъ себя, вдыхая ядовитыя испаренія лабораторіи. Можетъ быть, было бы лучше, чтобы онъ продолжалъ просто лечить своихъ больныхъ и не старался спасти тысячи жизней. Насъ губитъ гордость, скрытая подъ маской доброты и ровности обращенія, но подчинившая себѣ и его, и мою волю.

Она наклонилась надъ шитьемъ, изливая мнѣ свою душу. Въ первый разъ она почувствовала, что ей грозитъ глухая опасность. Довѣряя своей кузинѣ, она все же, повидимому, опасалась за слабость своего мужа, такъ какъ считала нужнымъ объяснить мнѣ, почему она допускаетъ близость его съ м-мъ Еленой. До этого разговора я считалъ Ивонну Гульвенъ некрасивой, но доброй женщиной, очень простой, выносливой, набожной, но не умной, способной только кормить насъ вкусными обѣдами и заботиться о чистотѣ и порядкѣ въ домашнемъ обиходѣ. Но теперь она вдругъ обнаружила глубину мыслей и чувствъ. Я сталъ искусно разспрашивать ее. Она созналась, что больше всего она страдаетъ отъ того, что мужъ ея охладѣлъ къ религіи. Надежда спасти его душу была тѣмъ, что примирило бы ее съ чѣмъ угодно.

— Моя истинная отрада,—сказала она,—заключается только въ мечтахъ о жизни въ раю, хотя я знаю, что эти мечты безцѣльны... Я стараюсь развить свои небольшія музыкальныя спо-

собности, потому что, по словамъ всѣхъ богослововъ, экстазъ, возбуждаемый музыкой, ближе всего къ ангельскимъ радостямъ...

Она стала описывать мнѣ небесныя блаженства, обнаруживая большую начитанность въ области мистики. Она съ полной точностью повторила мнѣ самое существенное изъ произведенiй духовидцевъ, затѣмъ, съ чисто бретонскимъ воодушевленiемъ, разсказала нѣсколько чудесъ, въ достовѣрности которыхъ была убѣждена. Ивонна Гульвенъ принадлежала всецѣло своей мечтательной, скорбной и благочестивой нацiи.

Я снова заговорилъ о научныхъ талантахъ доктора. Она не умаляла ихъ, а напротивъ того, превозносила. Но все-таки она считала необходимымъ для счастья, чтобы онъ вернулся къ вѣрѣ—такой, какой учитъ церковь.

Въ воскресенье послѣ завтрака мы остались всѣ вмѣстѣ на террасѣ, сидя молча, каждый со своей книгой. Мы перелистывали страницы, поглядывая на море, на стаи чаекъ, несущихся надъ волнами. Подъ самой террасой, вдоль моря, вела узкая дорожка. По ней шли попарно деревенскiя дѣвушки съ мирными, святыми лицами, разряженныя, съ розовыми косынками, шолковыми передниками, батистовыми чепчиками съ длинными концами. Дамы пошли въ церковь. Я сталъ разсказывать доктору сплетни о разныхъ парижанахъ, потомъ онъ перевелъ разговоръ на свои анализы человѣческой крови.

— Часто,—началъ онъ,—когда я перечитываю свои лабораторныя записи, мнѣ кажется, что я занимаюсь историческимъ трудомъ, а не изслѣдованiемъ по патологiи. Война между лейкоцитами и наступающими на организмъ бациллами положительно напоминаетъ войну между враждебными племенами. И тѣ и другiе выполняютъ сложные планы кампанiй, сосредоточивая силы вокругъ самыхъ важныхъ въ стратегическомъ отношенiи пунктовъ. Моя роль заключается въ томъ, чтобы подкрѣпить силы защитниковъ, снабжая ихъ необходимымъ провiантомъ и боевыми припасами, хининомъ, антипириномъ, пирамидономъ. А когда они слабѣютъ, теряютъ энергiю въ борьбѣ, я возбуждаю ихъ доблесть легкими дозами стрихнина. Они оживляются и борьба возобновляется. Вторгнувшагося врага оттѣсняютъ въ самые отдаленные уголки, гдѣ онъ и остается притаившись, пока не наберется силъ для новой аттаки... Чтобы успѣшнѣе справиться съ этими возобновляющимися набѣгами, нужно вести совершенно особую тактику, стать космополитомъ и призвать къ себя этихъ чужеземцевъ, приготовить имъ очагъ въ своихъ владѣнiяхъ, превратить ихъ изъ враговъ въ мирныхъ

колонистовъ въ нашихъ тканяхъ. Тогда они изъ благодарности будутъ защищать свою новую родину, вмѣсто того, чтобы опустошать ее... Но это дѣлается не сразу. Нужно ввести въ организмъ сначала наименѣе воинственныхъ инородцевъ. Прежде чѣмъ пустить ихъ къ себѣ, нужно уничтожить въ нихъ воинственный, враждебный духъ. Я долженъ поэтому мѣнять душу моихъ враговъ въ нѣсколькихъ поколѣніяхъ, обезсиливать ихъ вредоносность. Вотъ почему я извлекаю сначала изъ крови тифозныхъ больныхъ этихъ страшныхъ завоевателей и поселяю ихъ въ ткани морскихъ свинокъ, кроликовъ и собакъ. Тамъ, при посредствѣ надлежащихъ педагогическихъ пріемовъ, я перевожу ихъ изъ класса въ классъ, т.-е. изъ кролика въ кролика. Они становятся менѣе и менѣе вредоносными, и все медленнѣе убиваютъ существо, въ которомъ живутъ. Потомъ они совсѣмъ перестаютъ убивать и причиняютъ только преходящее недомоганіе. Вскорѣ они уже не разрушаютъ главныхъ жизненныхъ органовъ: они эволюціонируютъ и, не разрушая здоровья, живутъ естественной жизнью въ тканяхъ, приспособившихся къ нимъ. Наконецъ они настолько освоиваются съ почвой, на которую ихъ пересадили, что сами борются противъ новыхъ вторженій, если я ввожу ихъ же соплеменниковъ, но еще находящихся въ дикомъ состояніи. Сдѣлавшись хозяевами на своей пріемной родинѣ, они, повидимому, обращаютъ къ труду, къ мирнымъ и братскимъ чувствамъ своихъ воинственныхъ родственниковъ; это видно изъ того, что животныя, въ кровь которыхъ уже введены были эти враги, превратившіеся въ мирныхъ колонистовъ, успѣшно сопротивляются нападенію первобытныхъ микробовъ. Все это возбуждаетъ во мнѣ захватывающій интересъ. Я ограничиваюсь тѣмъ, что веду прогрессивное воспитаніе тифозныхъ микробовъ, культивируя нѣсколько поколѣній одно за другимъ, заставляя ихъ постепенно переходить изъ воинственнаго состоянія въ разрядъ мирныхъ колонистовъ. Когда мнѣ удастся гарантировать себя отъ всякихъ ошибокъ въ этомъ дѣлѣ, когда правила, по которымъ я буду дѣйствовать, станутъ безошибочными, я, навѣрное, смогу спасти людей отъ тифа. Моя сыворотка будетъ сохранять тысячи жизней подъ тропиками и въ Европѣ, куда заносятъ инфекцію моряки и путешественники сухимъ путемъ. Неужели васъ не удивляетъ аналогія между моимъ планомъ и исторіей народа, который эволюціонируетъ отъ завоевательной тактики къ мирной производительной работѣ?

Онъ, очевидно, ждалъ моихъ похвалъ. Но ничто такъ не раздражаетъ меня, какъ фантазерство врачей, превращающихъ по-

зитивную науку въ метафизическія мечтанія. Это одна изъ самыхъ нелѣпыхъ маній въ наше время. Я сразу понялъ, почему фантазіи доктора производили впечатлѣніе на м-мъ Елену, обожавшую эстетическія и философскія фразы. Они вдохновляли другъ друга на поэтическое пустозвонство, и это ихъ сближало.

Когда наступило время пить чай, мое нетерпѣніе и внутреннее бѣшенство достигли крайнихъ предѣловъ. Дамы вернулись; впереди всѣхъ вошла инфанта Жильберта и дала мнѣ съ довольно непривѣтливымъ видомъ двѣ розы, сорванныя въ саду у священника; и потомъ она быстро отвернулась и отошла. М-мъ Елена стала жаловаться на жару. Она даже не стала говорить о прекрасной простотѣ деревенскаго богослуженія, а потребовала, чтобы ей принесли прохладительное питье. Когда она молчала, она мнѣ, къ несчастью, казалась еще болѣе привлекательной. Легкая усталость придавала особую мягкость ея небрежнымъ, томнымъ движеніямъ. Она прислонилась къ спинкѣ кресла, подняла руку со стаканомъ лимонада, скрестила слегка по-мужски свои длинныя ноги, и во всемъ ея существѣ выражалась твердая рѣшимость. Изъ-подъ юбки выглядывала бѣлая ботинка. Граціозность ея позы особенно ярко выдѣлялась, благодаря контрасту съ м-мъ Гульвенъ, такой неприглядной въ своемъ гладкомъ платьѣ, полотняныхъ туфляхъ и ситцевой блузѣ. Рядомъ съ ея загорѣвшими, хотя и тонкими пальцами, бѣлизна рукъ м-мъ Елены еще болѣе сверкала, когда обѣ дамы хозяйничали за серебрянымъ чайнымъ приборомъ на столѣ.

Мы стали разговаривать о различіи кухни парижской, бретонской и другихъ, но при этомъ все вниманіе и мое, и доктора было сосредоточено на красотѣ молодой вдовы. Доктору, однако, пришлось вскорѣ оставить пріятное общество и уѣхать за нѣсколько верстъ къ дифтеритной больной. Мы видѣли, какъ мчался по дорогѣ его велосипедъ, и слѣдили за нимъ, пока онъ не скрылся на поворотѣ улицы, тамъ, гдѣ рыбаки и рыбачки гуляли, скучая отъ воскреснаго бездѣйствія въ своихъ праздничныхъ нарядахъ. М-мъ Ла-Ревельеръ и м-мъ Гульвенъ сѣли играть съ Жильбертой въ домино, а я съ молодой вдовой сѣли вдвоемъ у края террасы.

Я не собираюсь описывать моихъ ощущеній. Они были самыя банальныя, сто разъ описанныя во всѣхъ романахъ. Совершенно безцѣльно также передавать подходы, которые я дѣлалъ для того, чтобы перейти къ разговору о любви. Скажу только, что мнѣ помогло постороннее обстоятельство. За мысомъ, скрывающимъ ходъ въ рейдъ, раздалось пѣніе бретонской баллады,

и вскорѣ показалась парусная лодка, украшенная лентами и букетами цвѣтовъ. Впереди стоялъ хоръ молодыхъ дѣвушекъ въ простыхъ сѣрыхъ юбкахъ, въ шолковыхъ передникахъ и батистовыхъ чепчикахъ съ длинными, свѣшивающимися концами. Одна изъ дѣвушекъ громко смѣялась. Въ самой лодкѣ сидѣли молодые люди, управляя парусами. Они въѣзжали въ рейдъ съ торжествомъ, знаменующимъ побѣду мѣстныхъ гребцовъ надъ сосѣдями во время устроенной въ этотъ день гонки. На прибрежныхъ камняхъ и скалахъ толпились рыбаки въ синихъ блузахъ и привѣтствовали криками радости побѣдоносныхъ товарищей.

Это появленіе лодки, наполненной юношами и дѣвушками, навѣрное влюбленными другъ въ друга, дало мнѣ случай говорить о любви полу-скептическимъ полу-взволнованнымъ тономъ, на который я настроился заранѣе. М-мъ Елена попыталась отклонить мои восторги въ сторону красотъ природы, удѣляя празднично разукрашенной лодкѣ только декоративное значеніе, такое же, какъ маленькимъ скалистымъ островкамъ, выступающимъ среди водъ. Она указала мнѣ на мысъ, на красоту темно-фіолетоваго вереска и, покачиваясь въ своей качалкѣ, стала фантазировать о вліяніи красивыхъ цвѣтовъ на ея душу. Я иронически улыбнулся, находя неумѣстными всѣ эти искусственно придуманныя фразы. М-мъ Елена это замѣтила и сказала мнѣ, глядя прямо въ лицо:

— Я совершенно не понимаю, зачѣмъ ухаживать за женщинами... Чего можетъ ожидать отъ этой игры неглупый человѣкъ? Лучше насъ узнать, проникнуть въ наши интимныя чувства? Я и такъ все говорю всѣмъ, кто интересуется мною. Я не скрываю ничего: докторъ, вы, Ивонна Гульвенъ такъ же знаютъ меня, какъ моя дочь и моя теща. Человѣкъ, который былъ бы въ любовной связи съ такой женщиной, какъ я, не много бы отъ этого выигралъ. Онъ бы имѣлъ то, что, при затратѣ соотвѣтствующихъ денегъ, ему дала бы любая продажная женщина,—и она бы къ тому же выказала таланты, какихъ у меня, очевидно, нѣтъ. Во мнѣ нѣтъ никакихъ тайнъ. Все въ моей жизни прозрачно. И я думаю, что не я одна такая. Въ наше время большинство женщинъ перестали напускать на себя таинственность, потому что насъ гораздо меньше притѣсняютъ теперь. Мы сдѣлались болѣе гордыми, хотимъ достичь успѣха въ жизненной борьбѣ совершенно самостоятельно и не стараемся привлекать искусственными чарами загадочности. Успѣхъ у такихъ женщинъ не обрадовалъ бы Донъ-Жуана, увѣряю васъ. Побѣда не при-

бавила бы ничего къ тому, что̀ онъ имѣлъ раньше. Что̀ дѣлаютъ любящіе? Говорятъ другъ съ другомъ откровенно и съ полнымъ довѣріемъ обмѣниваются мыслями о жизни и людяхъ. Но я это дѣлаю и такъ; это дѣлаютъ и друзья, и люди, которые бываютъ вмѣстѣ въ гостяхъ, если они нравятся другъ другу. Что̀ же выигрывается, когда къ этому примѣшивается то, что̀ глупцы называютъ любовью? Менѣе чѣмъ ничего... Жалкія, вульгарныя и ненужныя ласки, искусственныя, риторическія чувства, отсутствіе стѣсненія другъ передъ другомъ и большая грубость... Развѣ вы съ этимъ не согласны?

Мнѣ казалось, что она хочетъ соблазнить меня, — столько граціи она вкладывала въ свои слова, сопровождая ихъ изысканными, нѣжными движеніями. Она сняла свою кружевную косынку и медленно собирала тяжелыя массы волосъ вокругъ безукоризненно правильнаго лица. Неужели все это дѣлалось безъ желанія соблазнить меня? Я не думаю. Еслибъ я былъ наединѣ съ нею, я бы рѣшился выказать наибольшую предпріимчивость. Угадавъ мою мысль по выраженію лица, она грустно улыбнулась.

— Любовь... — сказала она, послѣ молчанія, въ которомъ подчеркивала значительность того, что̀ хотѣла сказать,—любовь прибавляетъ нѣчто къ дружбѣ только въ томъ случаѣ, если два существа могутъ соединить свои жизни, стать мужемъ и женой. Тогда они стараются продлить свои души въ потомствѣ, которое воспитаютъ согласно своему идеалу. Это—дѣйствительное дѣло жизни. Они созидаютъ тогда будущее по своему образу и подобію, какъ Богъ сотворилъ міръ... Но никакая другая комбинація не вознаградитъ участниковъ за ярмо лжи, которое они налагаютъ на себя. Какой позоръ, напримѣръ, портитъ своимъ примѣромъ своихъ дѣтей... Можетъ ли дочь признавать долгъ честности, узнавъ, что мать поступилась семейной честью ради любовной интриги? Вводя хитрость и низкія уловки въ свою жизнь, такая мать осуждаетъ на то же самое и свою дочь. Такую отвѣтственность можетъ взять на себя только женщина, лишенная всякаго чувства чести.

Произнеся эти слова рѣшительнымъ тономъ, она поднялась и подошла смотрѣть на игру въ домино Жильберты и м-мъ Ла-Ревельеръ.

Я остался одинъ передъ величественнымъ океаномъ, по которому тянулись свѣтло-голубыя полосы, точно начертанныя ногами пророковъ, шествовавшихъ съ легкостью по водамъ. Разряженная лодка подплыла къ берегу, и молодыя дѣвушки выско-

чили на пристань. Ихъ цвѣтныя косынки, скрещенныя на груди, мелькали среди группъ матросовъ, увлекавшихъ ихъ вдаль къ маяку. Одинъ изъ юношей съ торжествующимъ видомъ помахивалъ въ воздухѣ букетомъ фіалокъ.

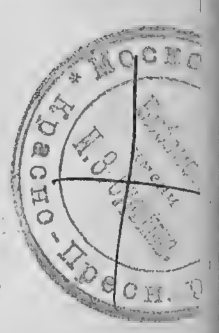
Я удивляюсь, что эти чисто внѣшнія картины запечатлѣвались во мнѣ въ тотъ моментъ, когда рушилась главная цѣль моего пріѣзда. Я замѣчалъ красоту окружающаго вопреки бѣшенству, съ которымъ едва могъ совладать. Чтобы излить свой гнѣвъ, мнѣ нужно было что-нибудь сокрушить,—если не живое существо, то хоть какой-нибудь предметъ, и я съ яростью ухватился за ручки качалки... Никогда я не чувствовалъ себя такимъ безсильнымъ... Неужели изъ-за того, что кокетливая женщина не сразу уступала моимъ ухаживаніямъ, я сразу усомнился въ себѣ, въ своихъ талантахъ, въ своемъ будущемъ? Такова ужъ психологія людей: маленькая неудача приводитъ въ такое же отчаяніе, какъ самое большое несчастіе, и возбуждаетъ сомнѣніе въ своихъ силахъ, по крайней мѣрѣ, на минуту!

Къ чести своей я долженъ сознаться, что упадокъ духа не долго длился. Доводы Елены въ концѣ концовъ были совершенно разумны. То, чего я добивался у нея сверхъ пріятельскихъ отношеній, могла доставить мнѣ какая-нибудь продажная женщина высшаго типа. Но неужели я долженъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, отказаться отъ удобства слыть въ политическомъ мірѣ интимнымъ другомъ красавицы Елены Ла-Ревельеръ? Неужели я долженъ отказаться отъ этого легкаго способа проложить себѣ путь въ жизни? Неужели конецъ всѣмъ надеждамъ? Это было мнѣ очень горько.

Я поставилъ себѣ за правило не настаивать на слишкомъ трудныхъ предпріятіяхъ. Это заставляетъ терять драгоцѣнное время. Кромѣ того, рискуешь неудачей, которая можетъ повредить въ глазахъ общества. Вѣдь оно не размышляетъ о томъ, достижима ли цѣль или нѣтъ, а только отмѣчаетъ вашу неудачу, чтобы надъ вами же смѣяться и уронить въ общемъ мнѣніи. Во имя моихъ принциповъ, я рѣшилъ не надоѣдать прекрасной вдовѣ повтореніемъ тщетныхъ и нелѣпыхъ попытокъ. Такъ какъ она предлагала мнѣ взамѣнъ любви дружбу, то я счелъ благоразумнымъ согласиться на нее, съ тѣмъ, чтобы впослѣдствіи превратить это честное убѣжище въ дворецъ радостей, если представится одно изъ обстоятельствъ, способствующихъ смягченію женской строгости: гроза, возбуждающая нервы, или разговоръ на скользкія темы—можетъ все измѣнить. Словомъ, я ждалъ помощи отъ случая.

Чтобы доказать твердость моего благоразумнаго рѣшенія, я принялся завершать давно уже подготовленную мною побѣду надъ хорошенькой Анной-Маріей.

Она была настолько подкуплена моимъ почтительно-нѣжнымъ обращеніемъ, что чувствовала ко мнѣ живѣйшую симпатію. Темой моихъ ежедневныхъ разговоровъ съ нею я избралъ ея болѣзнь и леченіе доктора Гульвена. Я разспрашивалъ ее подробно о дѣйствіи прививки, и она привыкла говорить мнѣ о себѣ безъ опасенія наскучить мнѣ. Потомъ мнѣ стоило только похитрить съ ней часокъ-другой, заинтересовать ее пикантными разсказами, дѣйствовать полу-шутливо, полу-настойчиво, и она никакого сопротивленія мнѣ не оказала.

Она вѣрила искренности моего чувства къ ней и была, повидимому, очень счастлива. Она сдѣлалась моей нѣжной и преданной служанкой, услужливой, необычайно кроткой и совершенно ненадоѣдливой, — въ виду того, главнымъ образомъ, что м-мъ Гульвенъ постоянно нуждалась въ ней и звала ее къ себѣ. Въ первую недѣлю я былъ ею чрезвычайно доволенъ. Прислуживая за столомъ, она съ трудомъ скрывала нашу тайну: она дорожила знаками моего вниманія и вызывала ихъ своими смѣлыми переглядываніями со мной. М-мъ Елена вскорѣ замѣтила мои заигрыванія съ хорошенькой служанкой, и, повидимому, была довольна. Она перестала опасаться моихъ ухаживаній, и мы сдѣлались искренними друзьями.

То, что трусливые или робкіе люди называютъ моей грубостью, продолжало занимать ее. Во время прогулокъ мы вполнѣ откровенно говорили о Гульвенахъ и объ ожидавшей ихъ судьбѣ. Я ждалъ отвѣта отъ Фармацевтическаго Общества на мое второе донесеніе объ открытіи доктора. Я описалъ въ немъ исторію излеченія Анны-Маріи, но воздержался отъ упоминанія о неблагопріятныхъ отзывахъ о Гульвенѣ его товарищей. Не подумайте, что я это сдѣлалъ изъ наивной жалости. Я нѣсколько разъ былъ въ лабораторіи Гульвена, и убѣдился въ важности его открытія. Успѣхъ доктора О., соперника Гульвена, доказываетъ, что я былъ правъ. Меня упрекаютъ, что я недостаточно убѣждалъ Общество поддержать Гульвена, не говорилъ о его несомнѣнныхъ шансахъ на успѣхъ. Мои донесенія находятся въ архивѣ,—кто желаетъ, можетъ прочесть ихъ. Но вѣдь долженъ же я былъ предупредить Общество, что практическихъ результатовъ нельзя ожидать тотчасъ же. И чѣмъ я виноватъ, что бюджетная коммиссія воспользовалась этимъ предлогомъ, чтобы заранѣе отказать въ согласіи на „щедроты“ правленія? Я нѣсколько разъ

говорилъ м-мъ Еленѣ, что дѣло, кажется, идетъ на ладъ, и она меня горячо благодарила за мои старанія. Зная, что я по принципу говорю всегда только правду, она стала поддерживать надежды своей кузины, и мы обсуждали всѣ вмѣстѣ шансы на успѣхъ.

Такъ какъ мнѣ не удалось завоевать любовь м-мъ Елены своими ухаживаніями, то пришлось добиваться расположенія ея дочери и тещи, для того, чтобы онѣ не вооружали противъ меня молодую вдову. Это было не такъ легко, такъ какъ я не желалъ поступаться при этомъ ни одной изъ моихъ привычекъ, вызывавшихъ обвиненіе меня въ невоспитанности и грубости. М-мъ Ла-Ревельеръ я примирилъ съ собой, играя съ ней въ китайскій безикъ, а Жильберта заинтересовалась моими фотографическими снимками и подружилась со мной за то, что я помогалъ ей взбираться на утесы, не падая на каждомъ шагу,—какъ это бывало, когда она отправлялась одна. Затѣмъ, я подстрѣлилъ ей нѣсколько чаекъ и морскихъ вороновъ, и она приколола къ шляпѣ ихъ крылья. Но больше всего я расположилъ къ себѣ и ее своими похвалами доктору. Всѣ женщины въ этомъ домѣ обожали Гульвена, и, считая, что его судьба въ моихъ рукахъ, ухаживали за мною. Даже Анна-Марія не переставала постоянно говорить о докторѣ. Она заявляла мелодраматическимъ тономъ, что обязана ему жизнью, — и это была, дѣйствительно, правда. Безъ прививки анти-тифозной сыворотки она навѣрное погибла бы. Анна-Марія имѣла благодарную душу, и я отчасти полагаю, что въ ея отношеніяхъ ко мнѣ сказывалась тоже ея преданность Гульвенамъ. Зная, что я могу помочь доктору, она баловала меня своимъ вниманіемъ и услугами до того, что мнѣ даже становилось тягостно.

Чтобы проявить свою нѣжность, она ежеминутно открывала какую-нибудь пылинку у меня на платьѣ или грязь на ботинкахъ, и прибѣгала со щеткой почистить меня. Если никого не было въ комнатѣ, она протягивала мнѣ губы. Однажды, когда я куда-то уходилъ, она, изъ чрезмѣрнаго усердія, загрязнила мнѣ бѣлыя замшевыя ботинки, обтеревъ ихъ черной отъ сажи кухонной тряпкой. Я разсердился, такъ какъ терпѣть не могу появляться въ обществѣ не безукоризненно одѣтымъ. Анна-Марія испугалась сердитаго выраженія моего лица и расплакалась. Я постарался остановить ея слезы, сталъ шутить, дѣлать видъ, что ищу Ноевъ ковчегъ, гдѣ бы укрыться отъ потопа, причиненнаго ея слезами. Чтобы окончательно умиротворить ее, я обнялъ ее и крѣпко поцѣловалъ. Она высвободилась отъ меня, оправила

смявшійся воротничекъ, отошла и сказала трагическимъ тономъ:

— Вы—злой. Вы дурно обращаетесь со мной!

— Анна, иди сюда! — крикнулъ я шутливо-повелительнымъ тономъ, подзывая ее къ себѣ.

Она вспыхнула. Глаза ея засверкали и на нихъ уже не было признака слезъ. Она оглядѣла меня съ головы до ногъ, дѣлая видъ, что я ей противенъ, такъ какъ превратился изъ нѣжнаго друга въ требовательнаго повелителя. Въ сущности, она не ошиблась. Весь этотъ эпизодъ съ Анной-Маріей нуженъ былъ мнѣ только для провѣрки своей силы, для увѣренности, что я могу добиться всегда всего, что хочу, и въ мелочахъ, и въ серьезномъ. Эту увѣренность даетъ даже самая легкая побѣда надъ добродѣтелью любой сосѣдки или надъ волей нашихъ сосѣдей. Это—спортъ, которымъ не слѣдуетъ пренебрегать; онъ укрѣпляетъ силы въ борьбѣ противъ собственной душевной вялости. Но послѣ того, какъ я побѣдилъ, глупенькая крестьянка совершенно перестала меня интересовать. Все-таки мнѣ захотѣлось доказать ей мою полную правоту. Пока она осыпала меня бурными упреками, я приготовилъ надлежащій отвѣтъ. Она стала обвинять меня въ томъ, что я злоупотребилъ ея неопытностью, загубилъ ея жизнь и т. д., высказывая это плохимъ фельетоннымъ стилемъ.

— Анна-Марія,—возразилъ я,—вы несправедливы... Полюбивъ васъ, я доставилъ вамъ большую радость. Сознайтесь, что это правда. Ваши взгляды достаточно краснорѣчиво свидѣтельвали о вашемъ расположеніи ко мнѣ. Если вы даже и сопротивлялись моимъ желаніямъ, то исключительно изъ кокетства и чтобы придать большую цѣнность моей побѣдѣ.

— Вы обманули меня... сдѣлали несчастной на всю жизнь!..

Она стала плакать и грозить, что разскажетъ обо всемъ доктору, пожалуется ему на меня.

Я сѣлъ въ кресло и сталъ сострадательно улыбаться, слушая ея слова. Моя невозмутимость удивила ее. Она прервала свой обвинительный актъ.

— Милая моя,—спокойно сказалъ я,—увѣряю васъ, что вы и не подумаете жаловаться на меня. Вѣдь васъ спросятъ, отчего вы уступили моимъ желаніямъ. Что вы тогда отвѣтите? Вы не станете жаловаться, потому что тогда всѣ, докторъ и м-мъ Гульвенъ, кухарка, ваши подруги и знакомые, и наконецъ ваши родители узнаютъ о томъ, что произошло. Отъ этого пострадало бы ваше доброе имя, а для меня никакой непріятности не вышло бы. Что мнѣ сможетъ сдѣлать докторъ? Прочесть нраво-

ученіе? Да и то на все, что онъ мнѣ скажетъ, у меня есть отвѣтъ. А къ серьезной отвѣтственности за такіе пустяки меня не могутъ привлечь. Полиція, даже бретонская, уважаетъ почтенныхъ коммерсантовъ, и расхохоталась бы вамъ въ лицо, дитя мое, еслибы вы вздумали жаловаться. Если вы поднимете шумъ, то васъ же обвинятъ въ безнравственности. Вѣдь что вы такое?— простая служанка. Насчетъ нравственности служанокъ сложилось уже совершенно опредѣленное мнѣніе. Всякій скажетъ, что вы ничего не имѣли противъ того, что случилось... Да и я самъ тоже такъ думаю.

— Неправда. Я не сумѣла дать вамъ отпоръ... я слишкомъ слаба—вотъ въ чемъ мое несчастіе.

— Но вы ни разу не обнаружили желанія сопротивляться мнѣ.

Она опустила глаза, и я взялъ ея руки въ мои. Она отвернула голову и стала смотрѣть на море.

— Я вѣдь собиралась выйти замужъ на Рождествѣ, — проговорила она, тяжело вздохнувъ.

— Ну, такъ что жъ? Вашъ женихъ ничего не долженъ знать. Вамъ нечего и исповѣдываться передъ нимъ.

— Этого еще недоставало! Я не стану обманывать честнаго парня.

— Но, открывъ ему правду, вы огорчите его. Нехорошо огорчать тѣхъ, кто насъ любитъ.

Она пожала плечами, стала отирать слезы и бормотала какія-то неопредѣленныя угрозы. Ея цвѣтъ лица—конечно, совершенно естественный—напоминалъ нѣжно нарумяненныя лица на старыхъ портретахъ. Ея тонкая талія красиво выступала изъ корсажа, отдѣланнаго широкими бархатными лентами.

— Онъ вѣдь, конечно, матросъ? И теперь въ плаваніи?

Она сдѣлала знакъ глазами, что моя догадка вѣрна. Анна-Марія считала себя очень виновной относительно своего жениха. Я сталъ ей доказывать, что было бы жестоко отнять у несчастнаго, когда онъ вернется, всѣ надежды, которыми онъ жилъ во время долгаго плаванія. Неужели она увѣрена, что онъ во время стоянокъ не цѣловалъ мулатокъ на Антильскихъ островахъ? И почему придавать большее значеніе нашей игрѣ въ любовь, чѣмъ его случайнымъ увлеченіямъ? Я въ ихъ жизни не займу большаго мѣста, чѣмъ какая-нибудь мулатка.

— Моя жизнь разбита... по вашей винѣ. И съ вашей стороны не было даже любви. Я теперь все поняла. Вы надо мной смѣялись... да, смѣялись.

Она стала осыпать меня упреками въ эгоизмѣ, безсердечіи, въ отсутствіи всякаго искренняго чувства къ ней... Все это она говорила наивнымъ языкомъ школьницы, прошедшей курсъ нагляднаго обученія и катехизиса и начитавшейся, къ тому же, популярныхъ романовъ. Свое знаніе жизни она, навѣрное, черпала изъ фельетоновъ мелкой прессы. Она разсказала мнѣ, что хотѣла открыть магазинъ послѣ свадьбы. Она продавала бы матеріи, бѣлье. Она назвала мнѣ своихъ знакомыхъ, которыя отлично устроились, заведя торговое дѣло. Она уже видѣла себя хозяйкой большой лавки, окруженною почетомъ со стороны женъ рыбаковъ и молодыхъ работницъ... А теперь это счастье ускользало отъ нея, потому что она согрѣшила. Снова слезы омочили ея рѣсницы, и она зарыдала. Я сталъ ее успокаивать, доказывать, что, уступая естественному чувству, она не совершила большого грѣха своей кратковременной измѣной первому возлюбленному, который долженъ былъ жениться на ней, вернувшись домой. Я говорилъ все это ласковымъ тономъ и нѣжно цѣловалъ ее. Она улыбалась, снова повѣривъ мнѣ, потомъ вдругъ отскочила и убѣжала, испуганно прошептавъ:

— Сюда идутъ!

— Ахъ, малютка, нѣтъ у тебя смѣлости убѣжденій!—крикнулъ я ей вслѣдъ, предназначая эти слова не для нея, а для м-мъ Елены, которая входила въ комнату и застала насъ въ нѣжной позѣ. Она подняла глаза къ потолку и лукаво улыбнулась.

— Будьте спокойны,—сказала она:—я ничего не видѣла.

— Я ничего не скрываю,—возразилъ я.

Я достигъ цѣли. Отнынѣ молодая вдова не будетъ опасаться моихъ ухаживаній. Мой цинизмъ показался ей забавнымъ.

— Вотъ какъ! Вы соблазняете нашу служанку?

Насмѣшливое лицо м-мъ Елены было очаровательно. Я объяснилъ ей свой образъ дѣйствій. Когда я пріѣзжаю въ новую для меня страну, я пробую мѣстное вино, ѣмъ національныя блюда — и точно также ищу любви молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ этой страны. Онѣ лучше всего знакомятъ меня съ націей, къ которой принадлежатъ. Своимъ языкомъ, жестами, привычками и отношеніемъ къ любви онѣ даютъ мнѣ ясное и живое представленіе о мѣстномъ населеніи. Сначала я знакомлюсь съ характеромъ мѣстности, съ ея геологической конструкціей, съ производительностью и т. д. по энциклопедическому словарю, а воспоминаніе о женщинѣ, связанной съ даннымъ мѣстомъ, служитъ мнѣ великолѣпнымъ мнемотехническимъ пріемомъ для за-

поминанія свѣдѣній, нужныхъ мнѣ для моихъ дѣлъ. Такъ напримѣръ, у меня лучше сохранится въ памяти все, что я узналъ о кельтскомъ племени, потому что изученіе Бретани связывается у меня въ умѣ съ пріятными воспоминаніями о красотѣ Анны-Маріи. Если я забуду точную цифру производства ржи въ годъ, я скажу себѣ: „Анна-Марія, нѣжный цвѣтъ лица, точно нарумяненный, какъ на старинныхъ портретахъ, красивая улыбка, веснушки вокругъ глубоко сидящихъ глазъ, шея, загорѣвшая отъ морскаго вѣтра: 3.875.927 гектолитровъ ржи.

— Какъ вы поразительно практичны!—сказала м-мъ Елена.— Вы извлекаете пользу даже изъ того, что казалось бы противоположно всякой пользѣ.

Она думала, что разсердила меня, но я поспѣшилъ разувѣрить ее въ этомъ:

— Не правда ли? Вы замѣтили, что у меня практичный умъ. Въ этомъ — моя сила. Изъ морской травы и водорослей наши фабрики извлекаютъ теперь соду и іодъ, а до основанія здѣсь фабрикъ Гишардо морская трава пропадала даромъ. А теперь мои лекарства иногда вылечиваютъ людей и, кромѣ того, восемьсотъ рабочихъ живутъ гораздо лучше, чѣмъ отъ рыбной ловли.

— Ловкій отвѣтъ,—согласилась м-мъ Елена.

— Ну, конечно. Какъ часто люди составляютъ себѣ ложныя представленія о людяхъ, объ ихъ способностяхъ... Напримѣръ, что бы ни говорили, а бретонка, кромѣ бѣлизны и мягкости кожи...

— Я не сомнѣваюсь...

— Въ чемъ?

— Въ томъ, что вы собираетесь сказать непристойность. Я этого не желаю.

— Почему это вы такъ строги? Вы вѣдь воспитывались въ монастырѣ, были замужемъ... Надѣюсь, что съ вами можно говорить безъ стѣсненій.

— Нѣтъ, нельзя, — повелительнымъ тономъ отвѣтила м-мъ Елена, но строгость ея тона смягчалась улыбкой.—Я ненавижу скабрёзные разсказы. Они сейчасъ же устанавливаютъ между разсказчикомъ и слушателемъ сообщничество, открывающее путь къ дальнѣйшимъ вольностямъ обращенія.

— Знаете ли,—возразилъ я, — сцена, которую вы застали здѣсь, кажется, достаточно доказала вамъ, что я не собираюсь ухаживать за вами.

— Значитъ, тѣмъ болѣе вы не имѣете права ни на какія вольности.

— Вы, кажется, хотите вызвать меня на признаніе... которое дало бы вамъ право отвадить меня... Я не такъ глупъ. Гишардо не такъ глупъ, сударыня.

Она насмѣшливо взглянула на меня, какъ бы говоря, что зеленъ виноградъ и т. д... Я не люблю шутокъ надъ собой, не люблю быть въ дуракахъ. Поэтому я сразу ошеломилъ ее, высказавъ прямо мое подозрѣніе.

— Гишардо не такъ глупъ, — повторилъ я. — Онъ знаетъ, что мѣсто занято... Ну, да, притворитесь удивленной. Спросите у меня имя его ироническимъ голосомъ, какъ будто вы принимаете мои слова за шутку... Ахъ, вы смѣетесь! Это еще лучше.

— Я должна смѣяться, чтобы не разсердиться... Вы, право, комичны.

Я пожалъ плечами. Она, видимо, почувствовала себя задѣтой; румянецъ щекъ смѣнился блѣдностью, и въ глазахъ ея засверкалъ гнѣвъ. Она ненавидѣла меня въ эту минуту. Правый уголъ рта, приподнятый болѣе обыкновеннаго, судорожно дрожалъ.

— Я — практическій матеріалистъ, — прибавилъ я. — Въ этомъ—моя сила, даже въ глазахъ женщинъ.

Она постаралась отклонить разговоръ, притворяясь равнодушной къ моимъ нападкамъ.

— Значитъ, противъ васъ нельзя устоять?

Я показалъ ей мои крѣпкіе мускулы и сказалъ, что я всегда добивался своего, когда прибѣгалъ къ силѣ.

— Ну, а отцы, мужья, жандармы?—воскликнула она.

Я перечислилъ свои дипломы, полученные на состязаніяхъ въ стрѣльбѣ, въ фехтованіи, въ боксѣ.—Это дѣйствуетъ очень успокоительно на мужей и всякихъ родственниковъ,—сказалъ я.— Мало кому хочется быть изувѣченнымъ, и еще, въ добавокъ, подвергаться насмѣшкамъ женъ, дочерей, сестеръ. А женщины стараются прежде всего не поднимать скандала, не призывать полиціи для удостовѣренія ихъ несчастія. Къ тому же большинство изъ нихъ притворяются страстно влюбленными послѣ побѣды, одержанной надъ ихъ добродѣтелью. Это какъ бы оправдываетъ ихъ въ собственныхъ глазахъ. Вѣдь лучше прослыть легкомысленной, порочной женщиной, чѣмъ жалкимъ существомъ, которое можетъ очутиться во власти перваго встрѣчнаго. Анна-Марія заставляетъ себя любить меня, чтобы не сознаться самой себѣ, что ея паденіе совершилось безъ любви. Это было бы слишкомъ не романтично. М-мъ Елена обвинила меня въ томъ, что я хвастаю своей порочностью. Если я, дѣйствительно, такъ поступаю, то, по ея убѣжденію, всѣ друзья и знакомые должны

отвернуться отъ меня. Я ей доказалъ, что это неправда.— Пользуясь большимъ вліяніемъ на выборахъ въ районѣ моихъ фабрикъ, я занимаю исключительное положеніе; меня поэтому боялись и, слѣдовательно, обожали.

М-мъ Елена относилась къ каждому моему аргументу какъ къ личному оскорбленію. Она чувствовала, что моя власть ослабляетъ ея вліяніе въ Керьяникѣ, что въ концѣ концовъ я одинъ пользуюсь тамъ силой, что жизнь Гульвеновъ, судьба Анны-Маріи и даже она сама, Елена Ла-Ревельеръ, зависѣли отъ моего каприза—или отъ неукоснительнаго закона, отражавшагося въ моемъ капризѣ. Негодованіе м-мъ Елены сказалось въ произнесенной ею фразѣ:

— Вы не можете быть счастливы, потому что нельзя быть счастливымъ, возбуждая ненависть.

Она меня ненавидѣла. Я возразилъ, что счастье для меня заключается только въ сознаніи торжества.

— Нѣтъ,—сказала она,—для того, чтобы быть счастливымъ, нужно сознавать себя любимымъ.

Я быстро возразилъ:

— Такъ вотъ почему вы счастливы?

— Развѣ я говорила, что я счастлива?

Я сказалъ, что все ея существо громко свидѣтельствуетъ объ ея скрытой радости. При всемъ своемъ умѣньи владѣть собой, она покраснѣла. Я быстро добавилъ:

— Гульвенъ не просто глядитъ на васъ; онъ васъ созерцаетъ.

— Онъ созерцаетъ также пространство, небо, это кресло, этотъ шкапъ... У него взглядъ моряка, привыкшаго вглядываться вдаль.

Она стала пространно говорить объ особенностяхъ зрѣнія моряковъ. Я счелъ мой опытъ достаточнымъ и не продолжалъ его. Имя доктора, видимо, волновало молодую женщину. Увѣренная теперь, что я не буду соперничать съ Гульвеномъ, она даже менѣе рѣшительно отклоняла мои подозрѣнія.

Нашъ разговоръ оборвался, потому что въ комнату вбѣжала Жильберта.

Съ франц. З. В.

МИСТИЦИЗМЪ
ВЛ. С. СОЛОВЬЕВА

Вл. С. Соловьевъ считается представителемъ мистической философiи въ Россiи, и это, безъ сомнѣнiя, правильно. Выясненiю вопроса о мистицизмѣ Соловьева, сколько намъ извѣстно, посвящена лишь одна статья, принадлежащая проф. Введенскому: „О мистицизмѣ и критицизмѣ въ теорiи познанiя В. С. Соловьева". Въ этой статьѣ проф. Введенскiй исходитъ изъ опредѣленiя, что мистицизмъ есть увѣренность въ существованiи мистическаго воспрiятiя,—опредѣленiя, съ которымъ не согласился бы Соловьевъ,—поэтому почтенный профессоръ приходитъ къ нѣкоторымъ выводамъ, съ которыми также нельзя согласиться.

Проф. А. Введенскiй доказываетъ, что мистицизмъ Вл. Соловьева подвергся значительному измѣненiю, которое выразилось въ 1897 году въ первой статьѣ, посвященной теоретической философiи, и въ „Оправданiи добра",—въ особенности во второмъ изданiи. Итакъ, въ мистицизмѣ Соловьева, по мнѣнiю проф. Введенскаго, нужно различать два перiода. Въ первомъ, онъ считалъ мистическое воспрiятiе свойствомъ всѣхъ людей и основывалъ свое мнѣнiе на двухъ доводахъ: во-первыхъ, на томъ, что Богъ содержитъ въ себѣ все, въ томъ числѣ и насъ самихъ, поэтому Богъ долженъ быть данъ нашему сознанiю внутри насъ, какъ наша основа, непосредственно воспринимаемая; во-вторыхъ,—на томъ, что Соловьевъ объективацiю ощущенiй, или истолкованiе нашихъ ощущенiй (т.-е. субъективныхъ состоянiй) въ смыслѣ воспрiятiя предметовъ, объяснялъ мистическимъ путемъ, синтезомъ вѣры, воображенiя и творчества. Во второмъ перiодѣ,

мистическое воспріятіе приписывалось Соловьевымъ не всѣмъ людямъ, а лишь избранникамъ, пророкамъ,—это явствуетъ изъ одного мѣста „Оправданія добра“ (изд. 2-е, стр. 216 и 218, изд. 1-е, стр. 197 и 198), въ особенности изъ добавленія, сдѣланнаго въ указанномъ мѣстѣ во второмъ изданіи. Но это измѣненіе не только доказывается апостеріори путемъ выписки изъ „Оправданія добра“, но и апріори, т.-е. необходимость такого ограниченія сферы мистическаго воспріятія, по мнѣнію, проф. Введенскаго, есть необходимый результатъ того измѣненія воззрѣній на данныя внутренняго опыта, на которое самъ Соловьевъ указалъ въ первой статьѣ, посвященной теоретической философіи въ 1897 году. Измѣненіе же, коротко говоря, взглядовъ Соловьева состояло въ слѣдующемъ: прежде онъ думалъ, что въ самосознаніи мы непосредственно схватываемъ свою сущность [1]), т.-е. субстанцію; впослѣдствіи же онъ убѣдился, что мы можемъ быть непосредственно увѣрены лишь въ фактѣ, что мы сознаемъ нѣчто, а отнюдь не въ содержаніи того, что мы сознаемъ, т.-е., что въ сознаніи нѣтъ гарантіи реальности духовной субстанціи. Итакъ, Соловьевъ отъ Декартовскаго воззрѣнія перешелъ къ Кантовскому, какъ его называетъ проф. Введенскій, хотя это воззрѣніе можно назвать и Юмовскимъ.

Мы изложили въ общихъ чертахъ весьма ясный ходъ мыслей проф. Введенскаго. Ежели бы онъ былъ правиленъ, то этимъ устанавливался весьма существенный фактъ измѣненія коренныхъ убѣжденій Соловьева; но мы думаемъ, что проф. Введенскій неправъ и что онъ придалъ слишкомъ большое значеніе измѣненію въ одномъ, хотя и важномъ пунктѣ гносеологическихъ воззрѣній Соловьева. Подобно тому какъ проф. Введенскій пользуется для своего доказательства апріорными и апостеріорными доводами, такъ точно и мы постараемся тѣми же путями опровергнуть его доводы и такимъ образомъ выяснить мистицизмъ Соловьева. Измѣненіе во взглядахъ на данныя сознанія вовсе не должно было по необходимости повлечь за собой измѣненіе мистицизма Соловьева. Дѣйствительно, если сознаніе гарантируетъ намъ лишь

[1]) I. 213. „Въ опытѣ внутреннемъ мы познаемъ уже не отношенія только, а нѣкоторое дѣйствительное психическое существо, именно наше собственное, и только во внутреннемъ опытѣ возможно непосредственное познаніе существа вообще или то, что я называю существеннымъ сознаніемъ“, а чрезъ сочетаніе внутренняго и внѣшняго опыта мы можемъ имѣть познаніе абсолютнаго первоначала. Всѣ ссылки, дѣлаемыя въ этой статьѣ, относятся къ Собранію Сочиненій Соловьева.

то, что мы имѣемъ извѣстное представленіе, а отнюдь не объективность или достовѣрность этого представленія, то мы изъ сознанія непосредственно не можемъ вывести ни независимаго существованія внѣшняго міра, ни субстанціальности души, ни, наконецъ, существованія Бога. Но ограниченіе выводовъ изъ сознанія отнюдь не поколебало вѣры Соловьева, какъ это онъ самъ говоритъ въ первой своей статьѣ по теоретической философіи, ни въ объективное существованіе міра, ни въ существованіе души, ни, конечно, въ существованіе Бога. Если ранѣе сознаніе служило основаніемъ для подобныхъ заключеній Соловьеву, то теперь онъ такихъ заключеній не могъ дѣлать, но отсюда не слѣдуетъ, что онъ усомнился въ самыхъ положеніяхъ. Существованіе Бога было и осталось для него аксіомой вѣры (axiome de la foi); точно также нисколько не поколебалась и его вѣра въ воздѣйствіе Божества на человѣка, которое выражается, между прочимъ, въ мистическомъ воспріятіи, доступномъ въ особенности людямъ вдохновеннымъ, пророкамъ. Мистическій путь ведетъ отъ Бога къ человѣку, а потомъ уже и отъ человѣка къ Богу. „Пророки,—писалъ Соловьевъ въ 1886 году,—суть по преимуществу носители богочеловѣческаго сознанія и представители того глубочайшаго нравственнаго соединенія всего человѣка и міра съ Богомъ“ [1]), и т. д. „Всѣ народы имѣли и имѣютъ своихъ пророковъ, т. е. людей, особымъ, непосредственно духовно-физическимъ способомъ соединенныхъ со своими богами“ [2]). Такимъ образомъ, пророкамъ приписана и въ первомъ періодѣ та роль, которая будто бы, по мнѣнію проф. Введенскаго, предназначалась имъ лишь во второмъ періодѣ мистицизма Соловьева. Пророки—это люди, въ которыхъ соединеніе божественнаго міра съ земнымъ происходитъ съ особой интенсивностью, но это соединеніе возможно для всѣхъ и есть задача всего человѣчества. Увѣренность же въ воздѣйствіи трансцендентнаго міра на земной и представляетъ собой корень мистицизма Соловьева. „Есть лѣствица отъ земли до неба... нѣтъ такой границы, нѣтъ такого раздѣленія, есть постепенный переходъ между нашею тьмою и божественнымъ свѣтомъ... Есть между землею и небомъ соединеніе, но это соединеніе не есть непосредственное и разомъ завершенное, а лишь совершаемое... Человѣкъ не можетъ разомъ подняться до небеснаго совершенства, а Богъ не хотѣлъ разомъ сообщить ему это совершенство“.

[1]) Собр. Соч., т. IV, стр. 503.

[2]) Ibid., 504.

..."Земля не есть противоположность небесъ, а ихъ основаніе; значитъ, не правы тѣ, что отдѣляютъ небесный идеалъ, какъ недостижимый, отъ небесной дѣйствительности: поистинѣ эта послѣдняя постепенными переходами возвышается до перваго, эта земная дѣйствительность носитъ начало небеснаго совершенства" [1]... "Человѣкъ самъ по себѣ еще не есть цѣль міозданія или вѣнецъ дѣла Божія. Такое значеніе принадлежитъ ему—поскольку въ немъ или черезъ него принадлежитъ дѣйствительное соединеніе Бога съ твореніемъ. Это соединеніе, т.-е. сообщеніе Богомъ всему другому полноты абсолютной жизни, составляетъ истинную цѣль міротворенія. Для достиженія этой цѣли—дѣйствительнаго соединенія Божества съ твореніемъ—это послѣднее должно, во-первыхъ, представлять естественное сродство съ Божествомъ, должно въ самой субстанціи своей заключать нѣкоторую реальную основу абсолютнаго бытія, влекущую его (твореніе) къ Богу и притягивающую къ нему Божественное дѣйствіе" [2]... "Соединеніе Бога съ человѣчествомъ, составляющее цѣль теократіи, получаетъ свою реальную основу лишь въ живой Богочеловѣческой личности — въ совершенномъ человѣкѣ, который тѣмъ самымъ есть нераздѣльный обладатель совершеннаго божества" [3]. "Помимо же него (т.-е. Христа) Богъ вступаетъ съ твореніемъ лишь въ преходящія, подготовительныя, внѣшнія сочетанія" [4]. "Человѣкъ, хотящій оставаться только человѣкомъ, хотящій навсегда ограничиться предѣлами одной человѣческой природы, тѣмъ самымъ перестаетъ быть истиннымъ человѣкомъ, законнымъ сыномъ человѣческимъ, и чѣмъ болѣе онъ поднимается надъ человѣческой ограниченностью, тѣмъ болѣе онъ приближается къ истинной человѣчности. Истинный же человѣкъ и законный сынъ человѣческій въ безусловномъ смыслѣ есть Богочеловѣкъ Христосъ, безусловно преодолѣвшій человѣческую ограниченность. Будучи концомъ и цѣлью человѣческой природы, Богочеловѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ и тѣмъ самымъ есть для насъ начатокъ или опредѣляющая основа новой сверхчеловѣческой образовательной формы, въ коей человѣчество, поднимаясь надъ самимъ собою, существенно соединяется съ Божествомъ и входитъ въ составъ царствія Божія" [5]. "Живое единство Божества и человѣчества явилось какъ фактъ и этимъ дана безусловная

[1] Ibid. 365.
[2] Ibid. 531.
[3] Ibid. 524.
[4] Ibid. 525.
[5] Ibid. 555.

точка опоры для нашего ума; это Богочеловѣческое единство въ лицѣ Христа получило всякую власть на небѣ и землѣ и этимъ дано безусловное основаніе для нашей практической дѣятельности" [1]).

Въ приводимыхъ цитатахъ совершенно ясно очерчена та сфера, которую Соловьевъ называетъ мистической, мистическими явленіями, противополагая ихъ физическимъ и психическимъ [2]). „Существуютъ связь и воздѣйствіе міра трансцендентнаго на міръ явленій. Человѣкъ въ мірѣ явленій занимаетъ особое мѣсто, на его долю выпала задача возсоединенія небеснаго и земного; возможность этого соединенія дана въ природномъ родствѣ человѣка съ Божествомъ. Общеніе съ высшимъ міромъ путемъ внутренней творческой дѣятельности Соловьевъ прямо называетъ мистическою цѣлью" [3]). „Полное соединеніе двухъ міровъ дано въ историческомъ фактѣ Искупителя; человѣкъ, слѣдуя началамъ Христа, приближается къ исторической цѣли, и тѣмъ обезпечиваетъ себѣ самое важное—совершенное безсмертіе" [4]). Смыслъ этого соединенія Соловьевъ объясняетъ слѣдующимъ образомъ: „Но почему же истинное существо Божіе было неизвѣстно праотцамъ, и теперь открывается только въ знаменіи и въ имени грядущаго Бога, а не въ дѣйствіи настоящаго? Въ этомъ вся тайна міровой жизни и весь смыслъ теократіи. Если бы Богъ разомъ сообщилъ творенію всю свою любовь, онъ отнялъ бы у творенія всю его свободу, а тогда въ чемъ же была бы и самая любовь? Итакъ, Богъ допускаетъ свободное проявленіе злыхъ силъ въ тварныхъ существахъ, не погашаетъ разомъ ихъ злого огня своею любовью. Но еслибъ злымъ силамъ міра свобода проявленія была дана безусловно, то міръ не могъ бы устоять, онъ пожралъ бы себя въ своемъ злобномъ раздорѣ. Поэтому, предоставляя тварнымъ существамъ внутреннюю свободу зла, Богъ полагаетъ нѣкоторую внѣшнюю границу проявленіямъ этого зла, и самъ проявляется какъ сила и законъ. Ограничивая отрицательныя силы міра своею силою и своимъ закономъ, и черезъ то вступая въ область тварной жизни, Богъ тѣмъ самымъ получаетъ средства, чтобы дѣйствовать и на положительныя потенціи творенія, вызывать ихъ къ жизни, выпытывать, тайно и явно руководить и приготовлять ихъ къ воспріятію Его внутренняго существа въ истинѣ, милости и любви. Само Божество всегда остается тѣмъ,

---

[1]) Ibid. 571.

[2]) Основы цѣльнаго знанія. I, 286.

[3]) I. 261.

[4]) VIII. 116.

что оно есть—Любовью: но лишь духовно совершеннолѣтнихъ можетъ Богъ ввести въ совершенный совѣтъ своей любви; а на духовное младенчество Онъ необходимо дѣйствуетъ какъ сила и власть, на духовное отрочество—какъ законъ и авторитетъ“ [1]).

Итакъ, словами самого Соловьева, мы выяснили, въ чемъ заключается мистицизмъ Соловьева. Изложенныя воззрѣнія, заимствованныя изъ сочиненія, написаннаго въ 1886 г., нисколько не измѣнились и впослѣдствіи: Такъ, напр., раздѣленіе всѣхъ явленій на физическія, психическія и мистическія мы замѣчаемъ и въ „Оправданіи добра“, въ которомъ Соловьевъ строитъ нравственный міръ на трехъ началахъ: стыдѣ, сожалѣніи и благоговѣніи, т.-е. трехъ чувствахъ, соотвѣтствующихъ явленіямъ физическимъ, психическимъ и мистическимъ.—Мы встрѣчаемся съ тѣмъ же объясненіемъ свободы человѣка и зла въ мірѣ, и т. д.

До сихъ поръ мы имѣли въ виду лишь одну сторону дѣла; въ дѣйствительности въ мистицизмѣ слѣдуетъ различать два элемента—объективный и субъективный; первый сближаетъ мистицизмъ съ религіозною вѣрою, второй—съ философіей. Признаніе существованія трансцендентнаго міра (Бога) и воздѣйствія его на земной не составляетъ какую-либо особенность мистицизма, а есть положительное содержаніе и религіи; съ философіей сближается мистицизмъ въ томъ случаѣ, когда онъ содержаніе своей вѣры старается оправдать передъ разумомъ, не довольствуясь указаніемъ на личный опытъ. Это—гносеологическая сторона мистицизма. Многіе мистики довольствовались своимъ личнымъ опытомъ, нисколько не заботясь объ оправданіи его доводами (Angelus Silesius); въ такомъ случаѣ, несмотря, можетъ быть, на геніальное прозрѣніе, философскаго значенія ихъ мистика не имѣетъ. Само собой разумѣется, что Соловьевъ, какъ философъ, не могъ стоять на этой точкѣ зрѣнія; у него мы должны найти оправданіе его мистическаго ученія, и ежели, въ дѣйствительности, мы не находимъ этого оправданія въ такой полнотѣ, въ какой это желательно, то причина этого, съ одной стороны, необыкновенная трудность предмета, съ другой—преждевременная смерть философа, не успѣвшаго завершить своей метафизики и гносеологіи. Однако, въ раннихъ его сочиненіяхъ, напр. въ „Началахъ цѣльнаго знанія“ и въ „Критикѣ отвлеченныхъ началъ“, мы находимъ отрицательное обоснованіе мистицизма, т.-е. философъ

---

[1]) IV, стр. 387—388.

съ полной ясностью и съ большой обстоятельностью показываетъ, что эмпирическая и раціоналистическая философія недостаточны и нуждаются въ восполненіи ихъ мистическою философіей: опытъ даетъ матеріалъ для осуществленія истины, разумъ даетъ общія формы ея развитія, сама же истина дается религіознымъ или мистическимъ знаніемъ. Однако мы находимъ у Соловьева не только подробное доказательство необходимости мистической философіи, но и указанія характера того пути, который ведетъ къ созданію этой философіи, и даже элементарныя указанія психологіи мистическаго воспріятія [1]). Я называю эти указанія элементарными, ибо Соловьевъ въ дѣйствительности вовсе не былъ психологомъ и мало психологіей интересовался: онъ былъ метафизикомъ, и выясненіе генезиса извѣстныхъ явленій ему казалось не столь существеннымъ, какъ выясненіе смысла и значенія ихъ.

Мистикою Соловьевъ называетъ „творческое отношеніе человѣческаго чувства къ трансцендентному міру“ [2]), и отличаетъ мистику отъ мистицизма, который представляетъ рефлексію на это отношеніе. Мистика и художество суть лишь различныя проявленія или степени одного и того же начала [3]). Мистика имѣетъ значеніе настоящаго верховнаго начала всей жизни общечеловѣческаго организма [4]). Познаніе этого верховнаго начала недоступно ни для эмпиризма, ни для раціонализма, которые „сами себя опровергаютъ, какъ только приходятъ къ своимъ послѣднимъ логическимъ заключеніямъ, а вмѣстѣ съ ними падаетъ и вся отвлеченно школьная философія, которой они суть два необходимые полюса“ [5]). Если бы философію не спасалъ мистицизмъ, то удѣломъ ея былъ бы абсолютный скептицизмъ. Предметъ мистической философіи „есть міръ явленій, сводимыхъ къ нашимъ ощущеніямъ, и не міръ идей, сводимыхъ къ нашимъ мыслямъ, а живая дѣйствительность существъ въ ихъ внутреннихъ жизненныхъ отношеніяхъ“.

Мистическое знаніе есть основа истинной философіи, какъ опытъ—основа эмпирической, а логическое мышленіе—основаніе раціоналистической философіи, но само по себѣ мистическое знаніе еще не образуетъ системы цѣльнаго знанія, которое есть синтезъ философіи съ теологіей и наукой. Односторонній мисти-

---

[1]) IV. 543—544.
[2]) I. 239.
[3]) I. 240.
[4]) I. 241.
[5]) V. 277.

цизмъ хотя и утверждаетъ сущее какъ предметъ истиннаго познанія, но сущее лишь въ его непосредственной субстанціальности, доступное только такому же непосредственному чувству или вѣрѣ; объективное же развитіе сущаго какъ идеи мистицизмъ или игнорируетъ, рѣшительно отрицаетъ, сводя все предметное, идеальное содержаніе знанія къ субъективному призраку человѣческаго ума [1]; лишь цѣльное знаніе (свободная теософія) захватываетъ то, что дѣйствительно и въ идеяхъ разума, и въ идеяхъ природы; матеріалъ философіи какъ цѣльнаго знанія дается совокупностью явленій какъ мистическихъ, такъ равно психическихъ и физическихъ.

Итакъ, мы имѣемъ здѣсь дѣло съ тремя понятіями: мистикой, какъ особой сферой творческаго отношенія человѣка, далеко превышающей сферу познанія; мистицизма, какъ односторонняго направленія философіи, хотя и правомѣрнаго, но получающаго истинное значеніе лишь въ цѣльномъ знаніи, покоящемся на третьемъ понятіи, на — мистическомъ знаніи. Въ чемъ же состоитъ это мистическое знаніе, какъ оно проявляется? Хотя Соловьевъ нигдѣ не выяснилъ во всѣхъ деталяхъ условія мистическаго знанія, но въ трехъ раннихъ произведеніяхъ своихъ,—въ „лекціяхъ о Богочеловѣкѣ“ (стр. 60—61; 89—90), въ „Философскихъ началахъ цѣльнаго знанія“ (стр. 290, 292, 293) и въ „Критикѣ отвлеченныхъ началъ“ (стр. 307—345) онъ далъ нѣкоторую его характеристику.

Міръ явленій представляетъ постоянный процессъ, имѣетъ, слѣдовательно, лишь видимость бытія, а не подлинное, пребывающее бытіе [2]; этотъ міръ явленій есть наше представленіе, но въ основѣ міра явленій лежитъ реальное бытіе или основная сущность, которая представляется какъ совокупность элементарныхъ сущностей, одаренныхъ силами стремленія и представленія; такимъ образомъ, эти элементарныя сущности суть монады, находящіяся въ взаимодѣйствіи. Взаимодѣйствіе предполагаетъ качественное ихъ различіе. Безусловное качество основного существа, позволяющее ему быть содержаніемъ всѣхъ другихъ, опредѣляющее всѣ дѣйствія существа и всѣ его воспріятія, составляетъ неизмѣнный характеръ этого существа, т.-е., его идею. Такимъ образомъ, монады могутъ быть опредѣлены и какъ идеи. Отношенія и взаимодѣйствія между монадами возможны тогда, когда онѣ, при качественномъ различіи, сходятся между собой

---

[1] I, 283, а также II, 327—328.

[2] III, 45 и слѣд.

въ чемъ-либо для нихъ общемъ, т.-е. представляютъ изъ себя организованное единство или космосъ; въ центрѣ этого космоса, какъ идея наиболѣе общая, широкая и существенная, находится идея блага или любви. „Безусловная любовь есть именно то идеальное *все*, та всецѣлость, которая составляетъ собственное содержаніе божественнаго начала". Въ такихъ чертахъ представляетъ себѣ Соловьевъ дѣйствительный реальный міръ, находящій себѣ отраженіе въ мірѣ явленій. Въ томъ обстоятельствѣ, что основныя существа суть монады или идеи, т.-е. существа представляющія, — дано общее основаніе для объясненія познанія. Познаніе можетъ имѣть въ виду — или познаніе основного существа, т.-е. познаніе отдѣльнаго предмета, или же познаніе абсолютнаго начала, т.-е. той центральной идеи или любви, въ которой существуетъ весь идеальный космосъ. Вмѣстѣ съ Юркевичемъ Соловьевъ различалъ абсолютное знаніе отъ знанія абсолюта; первое недоступно человѣку; второе же есть прямая его задача, возможная—благодаря природному сходству идеи съ центральной идеей или любовью. Въ основѣ того и другого познавательнаго процесса лежитъ одинъ и тотъ же актъ, который Соловьевъ называетъ умственнымъ созерцаніемъ или интуиціей; но этотъ актъ имѣетъ различный объектъ, различную степень сложности, и не въ одинаковой мѣрѣ доступенъ всѣмъ; въ то время, какъ воспріятіе предмета есть, очевидно, актъ свойственный не только всему людскому роду, но даже и животнымъ,— второй актъ, требующій особыхъ субъективныхъ основаній, доступенъ далеко не всѣмъ, а только пророкамъ и вообще мистическимъ натурамъ. Въ основѣ всякаго предметнаго познанія лежатъ три элемента: вѣра, воображеніе и творчество [1]); дѣйствительно, во всякомъ предметномъ познаніи заключается больше того, что дано въ ощущеніяхъ и понятіяхъ, ибо какъ въ ощущеніяхъ, такъ и въ понятіяхъ, предметъ данъ намъ подъ извѣстными условіями, какъ предметъ ощущаемый и мыслимый въ этихъ опредѣленныхъ отношеніяхъ. Мы ощущаемъ дѣйствіе предмета на насъ, мыслимъ его общіе признаки, но въ то же время *увѣрены* въ его безусловномъ, собственномъ существованіи; эта увѣренность независима ни отъ ощущеній, ни отъ понятій, которыя представляютъ собой субъективныя состоянія, относимыя нами къ предмету, въ существованіи коего за предѣлами нашихъ ощущеній и понятій мы увѣрены. Итакъ, помимо познанія опытнаго и раціональнаго, существуетъ еще третій родъ познанія,

---

[1]) II, 307 и слѣд.

который можетъ быть названъ *вѣрою*. Этотъ родъ познанія предполагаетъ такое отношеніе между познающимъ и познаваемымъ, въ которомъ они соединены между собой не внѣшнимъ образомъ, а внутреннею связью; еслибъ мы имѣли только чувственный опытъ и мышленіе, то мы имѣли бы лишь основаніе утверждать границу нашего субъективнаго бытія, но познаніе предмета было бы невозможно; мы же убѣждены въ существованіи внѣшняго предмета непосредственнымъ образомъ, и увѣрены въ томъ, что предметъ обусловливаетъ наши ощущенія и мысли; самое существованіе предмета никогда не можетъ быть дано въ ощущеніяхъ и мысляхъ, а лишь въ вѣрѣ или увѣренности, которая предполагаетъ нѣкоторую внутреннюю связь и существенное единство между предметомъ и познающимъ его. Эта вѣра есть свидѣтельство нашей внутренней свободы отъ всего и въ то же время свидѣтельство нашей внутренней связи со всѣмъ. Эту вѣру Соловьевъ называетъ мистическимъ знаніемъ. Предметъ вѣры есть то, что не можетъ стать ощущеніемъ и понятіемъ, что свидѣтельствуетъ о безусловномъ существованіи, о внутреннемъ единствѣ всего; но въ этой увѣренности не заключается отвѣта на вопросъ, что̀ такое этотъ предметъ?

И на этотъ вопросъ не можетъ отвѣтить ни мышленіе, которое примѣняетъ къ предмету лишь общія категоріи, свойственныя и всякому другому предмету,—ни ощущеніе, которое точно также схватываетъ лишь общія или неопредѣленныя чувственныя качества, и потому нисколько не отвѣчаетъ на вопросъ: что̀ такое этотъ предметъ? Несомнѣнно, однако, что въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ мы имѣемъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Слѣдовательно, необходимо предположить такое взаимоотношеніе между познаваемымъ и нашимъ субъектомъ, въ которомъ субъектъ воспринимаетъ не тѣ или другія частныя качества или дѣйствія предмета, но его собственную природу, сущность или идею. Это возможно благодаря тому, что самый субъектъ есть нѣкоторая идея и необходимо находится въ извѣстномъ соотношеніи или взаимодѣйствіи съ идеальными сущностями другихъ предметовъ. Это взаимодѣйствіе Соловьевъ низываетъ *воображеніемъ* или умственнымъ созерцаніемъ; оно производитъ въ нашемъ умѣ тѣ постоянные, опредѣленные и единые образы предметовъ, которыми мы объединяемъ и фиксируемъ всю неопредѣленную множественность частныхъ впечатлѣній, получаемыхъ отъ предметовъ. Воображеніе въ этомъ значеніи слова гораздо шире той дѣятельности, которую обыкновенно называютъ фантазіей: субъектъ нашъ (монада), прежде всякаго актуальнаго сознанія, будучи нѣчто

неопредѣленное, обладая собственнымъ характеромъ, необходимо стоитъ въ извѣстномъ опредѣленномъ взаимоотношеніи съ другими предметами, въ силу чего онъ носитъ въ себѣ опредѣленный образъ каждаго предмета, съ которымъ онъ соотносится, хотя бы этотъ образъ и не переходилъ въ сознательные акты его ума. Этотъ образъ первѣе всякихъ ощущеній, и когда мы ощущаемъ предметъ, то мы сначала воображаемъ его, т.-е. на ощущенія налагаемъ образъ предмета. Хаосъ внѣшнихъ впечатлѣній организуется умомъ нашимъ чрезъ отнесеніе ихъ къ тому образу или идеѣ предмета, которая существуетъ въ нашемъ духѣ независимо отъ ощущеній и отъ мыслей, но которая въ нихъ получаетъ матеріальную дѣйствительность и видимость для актуальнаго сознанія. Благодаря связи, существующей между нашими ощущеніями и предметомъ, умъ, при наложеніи идеи на данныя ощущенія, находитъ въ нихъ нѣкоторое предрасположеніе къ этой именно идеѣ, ощущенія не равнодушны къ соотвѣтствующему имъ идеальному образу,—поэтому творческое дѣйствіе ума, воплощающаго идею въ ощущеніяхъ, не есть творчество изъ ничего, а подобно творчеству поэта. Актъ воплощенія идеи—въ данномъ ощущеніи, въ результатѣ чего получается воспріятіе предмета. Указанные три акта въ процессѣ познанія—вѣра, воображеніе и творчество—соотвѣтствуютъ тремъ опредѣленіямъ самаго предмета: его безусловному бытію или дѣйствительности, его идеѣ или универсальности и его явленію.

Нельзя себѣ представить существа, одареннаго психической жизнью, которое не имѣло бы воспріятія внѣшняго предметнаго міра; вмѣстѣ съ тѣмъ, нужно предположить въ каждомъ живомъ существѣ, одаренномъ психикою, и три основныхъ элемента познанія — вѣру, воображеніе и творчество; отсюда не слѣдуетъ, что всѣ существа, имѣющія воспріятія предметовъ, знаютъ о составныхъ элементахъ, дѣлающихъ воспріятіе возможнымъ. Психическое творчество, создающее воспріятіе, есть творчество безсознательное, и условія его узнаются лишь аналитическимъ умомъ. Потенціально каждое существо обладаетъ всѣми элементами истины и всей истиной: познать вполнѣ одинъ предметъ—значило бы познать все, ибо всякій предметъ связанъ со всѣмъ въ единствѣ или есть единство себя и всего; но фактически, въ нашемъ феноменальномъ сознаніи, мы являемся какъ нѣчто отдѣльное и особенное, какъ не все, и поэтому все для насъ является внѣшнимъ и познается внѣшнимъ образомъ, съ одной стороны—въ опытѣ, въ своей внѣшней эмпирической множественности, и, затѣмъ, въ раціональномъ мышленіи, въ своемъ отвлеченномъ отрицательномъ

единствѣ; и ежели опытъ и мышленіе нуждаются въ мистическомъ знаніи, то, съ другой стороны, и это послѣднее нуждается въ опытѣ и мышленіи. Такимъ образомъ, необходимый для истиннаго знанія синтезъ элементовъ мистическаго и природнаго при посредствѣ элемента раціональнаго есть не данное сознаніе, а *задача* для ума, для пополненія которой сознаніе представляетъ только разрозненныя и отчасти загадочныя данныя. Задача эта ближайшимъ образомъ представляется какъ синтезъ теологіи, философіи и науки; организованную такимъ образомъ область истиннаго знанія Соловьевъ называетъ системою свободной и научной теософіи или цѣльнымъ знаніемъ, предметомъ котораго является не міръ явленій, сводимыхъ къ нашимъ ощущеніямъ, и не міръ идей, сводимыхъ къ нашимъ мыслямъ, а живая дѣйствительность существъ въ ихъ внутреннихъ жизненныхъ отношеніяхъ. Этотъ синтезъ, представляющій задачу для человѣчества, а не фактъ, подобно синтезу въ воспріятіи, точно также покоится на мистическомъ началѣ, на умственномъ созерцаніи [1]), какъ и синтезъ воспріятія; но синтезъ въ воспріятіи есть общій для всѣхъ живыхъ существъ, одаренныхъ психикой, въ то время какъ философскій синтезъ, очевидно, есть задача немногихъ, вызванная тѣмъ, что истинное знаніе, потенціально присущее всѣмъ, имѣющимъ воспріятіе, актуально свойственно лишь весьма немногимъ. Дѣйствительная связь идей или цѣльность идеальнаго космоса опредѣляется его абсолютнымъ центромъ, и непосредственное созерцаніе этой связи и цѣльности доступно только взору, находящемуся въ центрѣ [2]), т.-е. Богу, для человѣка же возможно только вторичное, рефлективное познаніе трансцендентныхъ отношеній, по аналогіи съ имманентными отношеніями. „Умственное созерцаніе или непосредственное познаніе идей не есть для человѣка состояніе обычное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нисколько не зависитъ отъ его воли, *ибо не всякому и не всегда дается пища боговъ;* оно зависитъ отъ внутренняго дѣйствія на насъ существъ идеальныхъ или трансцендентныхъ. Дѣйствіе на насъ идеальныхъ существъ, производящее въ насъ умосозерцательное познаніе (и творчество) ихъ идеальныхъ формъ или идей, называется вдохновеніемъ. Это дѣйствіе выводитъ насъ изъ нашего натуральнаго центра, поднимаетъ насъ на высшую сферу, производя, такимъ образомъ, экстазъ“ [3]). Безъ основанной на вдохновеніи интуиціи невозможны никакая объективная дѣятельность и познаніе, „но

[1]) I, стр. 290.
[2]) I, стр. 292.
[3]) II, стр. 291.

есть разница *въ степеняхъ*". „Умственное созерцаніе не есть субъективный процессъ, а дѣйствительное отношеніе къ міру идеальныхъ существъ или взаимодѣйствіе съ ними; слѣдовательно, результаты созерцанія не суть произведеніе субъективнаго произвольнаго творчества, не суть выдумки и фантазіи, а суть дѣйствительныя откровенія сверхчеловѣческой дѣйствительности, воспринятыя человѣкомъ въ той или иной формѣ" [1]. На умственномъ созерцаніи покоится цѣльное знаніе, построенное органическимъ мышленіемъ. Если созерцаніе соединено съ яснымъ сознаніемъ и сопровождается рефлексіей, дающей логическія опредѣленія созерцаемой истинѣ,—въ такомъ случаѣ мы имѣемъ то умозрительное мышленіе, которымъ обусловливается собственно философское творчество; если же умственное созерцаніе остается въ своей непосредственности, не налагая логическихъ формъ на свои конкретные образы, то оно является тѣмъ живымъ мышленіемъ, которое свойственно людямъ, еще не вышедшимъ изъ непосредственной жизни въ общемъ родовомъ или народномъ единствѣ; такое мышленіе выражаетъ то, что называется народнымъ духомъ, проявляясь въ народномъ творчествѣ—религіозномъ и художественномъ... Большинству такъ называемыхъ образованныхъ людей,—если они отдѣлились, вслѣдствіе большаго формальнаго развитія умственной дѣятельности, отъ непосредственнаго народнаго міровоззрѣнія, но не достигли цѣльнаго философскаго сознанія,—приходится ограничиваться отвлеченнымъ мышленіемъ, т.-е. имъ не приходится испытывать умственнаго созерцанія [2].

Изъ всего приведеннаго выше слѣдуетъ, что Соловьевъ говорилъ объ умственномъ созерцаніи въ двоякомъ смыслѣ: въ первомъ значеніи, умственное созерцаніе есть необходимый элементъ, входящій въ составъ воспріятія, и поэтому безсознательный, общій всѣмъ людямъ; во второмъ значеніи, умственное созерцаніе или органическое мышленіе есть сознательное состояніе вдохновенія и экстаза, вызванное воздѣйствіемъ на сознаніе трансцендентальнаго міра. Оба значенія встрѣчаются въ трехъ раннихъ произведеніяхъ Соловьева; поэтому, изъ того добавленія, которое Соловьевъ сдѣлалъ въ „Оправданіи добра", въ которомъ онъ упоминаетъ о пользѣ того, что не всѣ люди мистики [3], отнюдь нельзя заключать объ измѣненіи воззрѣній Соловьева на мистицизмъ. Отмѣтимъ еще, что сравненіе людей, лишенныхъ мисти-

---

[1]) III, стр. 90, прилож.

[2]) III, стр. 89—90.

[3]) Стр. 217 и 218 второго отдѣльнаго изданія.

ческаго воспріятія, съ слѣпорожденными, на которое ссылается въ своемъ доказательствѣ г. Введенскій, встрѣчается у Соловьева часто и, между прочимъ, въ раннихъ его произведеніяхъ, напр. въ лекціяхъ о Богочеловѣкѣ [1].

Итакъ, мы доказали, что дѣйствительное измѣненіе воззрѣній Соловьева на данныя сознанія нисколько не отразилось на основныхъ положеніяхъ его мистицизма; что мистикой онъ всегда считалъ воздѣйствіе трансцендентнаго міра на человѣка и познаніе трансцендентнаго міра путемъ умственнаго созерцанія; наконецъ, что онъ и умственному созерцанію приписывалъ двойную роль, во-первыхъ—въ воспріятіяхъ, во-вторыхъ—въ философскомъ построеніи.

Въ заключеніе замѣтимъ, что упрекъ, дѣлаемый проф. Введенскимъ, будто Соловьевъ не далъ психологіи умственнаго созерцанія, не совсѣмъ справедливъ; онъ, какъ мы сказали, не очень интересовался чисто психологическими вопросами, и въ четвертомъ томѣ его сочиненій, на стр. 543—545, находится краткое изложеніе психологіи религіознаго сознанія, которое, въ извѣстномъ смыслѣ, представляетъ эскизъ психологіи умственнаго созерцанія.

Э. Радловъ.

---

[1]) II, стр. 31, 33, 34 и въ другихъ мѣстахъ.

ЦАРЕКЪ

РАЗСКАЗЪ.

A monarch of small survey. Stories by G. Atherton. London, 1905.

I.

Ивы, окружавшія озеро, еще болѣе походили на призраки, онѣ еще печальнѣе склоняли свои старыя вѣтви, нежели въ то время, сорокъ лѣтъ назадъ, когда д-ръ Гирамъ Уэбстеръ скупилъ у бывшихъ испанскихъ грандовъ всѣ находившіеся по близости ранчо. Теперь память объ испанцахъ сохранилась лишь въ архивахъ Калифорніи, а д-ръ Гирамъ Уэбстеръ и его ивы—достигли долголѣтія и славы. Отъ бывшихъ ранчо также ничето не осталось. На плодоносной почвѣ воздвигся сонный городъ, въ который лишь по временамъ долетало изъ столицы черезъ заливъ бурное дуновеніе лихорадочно дѣятельной нервной жизни.

Долина покато спускалась къ озеру; на самомъ пляжѣ находились большіе, внушительнаго вида зданія—дома мѣстной аристократіи, принадлежавшіе д-ру Уэбстеру и сдаваемые имъ немногимъ избранникамъ, притомъ за очень высокую плату. Жить у озера—значило занимать исключительно высокое положеніе среди согражданъ, обреченныхъ прозябать на близлежащихъ холмахъ. Пріобрѣсти въ собственность эти заколдованныя десятины оказывалось столь же невозможнымъ, какъ добиться у правительства уступки Бѣлаго Дома въ частную собственность.

Уэбстеръ-Голлъ былъ лѣтъ на двадцать старше подвластныхъ ему ленныхъ домовъ. Крупныя, густо насаженныя деревья за-

дѣвали вѣтвями крышу во время сильныхъ бурь, и вѣтеръ проносился въ нихъ съ долгимъ, протяжнымъ завываніемъ. Старый мрачный домъ словно хранилъ въ себѣ зловѣщую тайну, хотя въ немъ не совершилось никакого преступленія: ни одинъ путешественникъ не появлялся тамъ съ тѣмъ, чтобы исчезнуть безъ слѣда въ чащѣ тихо шепчущихся о чемъ-то деревьевъ. Слѣды времени создали эту атмосферу: старый домъ въ молодомъ краю. Трава была не подстрижена, голыя окна смотрѣли въ садъ, какъ глаза, лишенные вѣкъ, и дѣти по вечерамъ старались какъ можно быстрѣе пробѣжать мимо дома, много говорившаго воображенію.

Въ воскресенье съ утра лилъ дождь, громко барабанившій о желѣзо крыши и шумѣвшій среди вѣтвей. Докторъ сидѣлъ въ кабинетѣ, въ своемъ вертящемся креслѣ передъ конторкою. Его желтое лицо было сумрачно, и самыя морщины на этомъ лицѣ словно собирались въ болѣе глубокія складки, когда онъ каждую минуту поворачивался въ креслѣ къ окну и хмурился, глядя на потокъ, несшійся по лугу, прямо къ озеру. Его челюсть слегка отвисла и платье висѣло на немъ, какъ на вѣшалкѣ, но черные, острые, какъ у хорька, глаза сверкали прежнимъ блескомъ.

Онъ взялъ стоявшій на конторкѣ большой колокольчикъ и громко позвонилъ. Вошла служанка.

— Ступайте, взгляните на барометръ!—крикнулъ онъ.— Посмотрите, не похоже ли на то, что этотъ проклятый дождь скоро пройдетъ?

Служанка вышла и вернулась съ извѣстіемъ, что барометръ твердо стоитъ на своемъ.

— Ну, все равно! Пусть накроютъ столъ на двадцать приборовъ, слышите? Если они не придутъ, я повышу квартирную плату. Пошлите сюда миссъ Уэбстеръ.

Сестра его не замедлила явиться. Она была приблизительно однихъ лѣтъ съ нимъ, но на ея увядшемъ лицѣ морщины были видны только на лбу и у глазъ. Въ немъ было что-то молодое, какъ будто она постарѣла противъ воли и, вопреки возможности, все еще надѣялась вернуть себѣ утраченную молодость. Волосы ея были причесаны по модѣ, но туалетъ состоялъ изъ поношеннаго чернаго шолковаго платья и брошки изъ волосъ. Она держалась прямо, но уже начинала полнѣть; маленькія руки ея, не взирая на заботливый уходъ, также становились дряблыми.

— Вы меня звали, братецъ?—робко спросила она, обращаясь къ его затылку.

Онъ рѣзко повернулся на своей оси.

— Почему ты всегда подкрадываешься, какъ кошка? Какъ

ты думаешь: придутъ или не придутъ сегодня эти люди? Дождь льетъ, какъ изъ ведра.

— Безъ сомнѣнія, придутъ. Они всегда у насъ бываютъ; притомъ вѣдь у всѣхъ—свои экипажи.

— Вотъ именно. Потому-то они и стали чертовски задирать носъ. Но я вышвырну ихъ со всѣмъ ихъ скарбомъ...

— Они совершенно такъ же относятся къ вамъ, какъ и тридцать лѣтъ тому назадъ.

— Ты думаешь? По твоему, они будутъ сегодня?

— Я увѣрена, Гирамъ.

Онъ оглядѣлъ ее съ ногъ до головы и вдругъ проговорилъ съ необычайно мягкимъ для него выраженіемъ:

— Тебѣ слѣдовало бы сдѣлать себѣ новое платье, Маріана. Это совсѣмъ износилось.

Обладай д-ръ Уэбстеръ хотя слабою дозою юмора, онъ улыбнулся бы при видѣ тревожнаго изумленія, выразившагося на лицѣ его сестры. Она подбѣжала къ нему и положила руку ему на плечо.

— Гирамъ,—воскликнула она,—ты... ты какъ будто не совсѣмъ здоровъ сегодня?

— Я здоровъ,—отвѣтилъ онъ, стряхивая ея руку,—но я недавно замѣтилъ, что вы обѣ съ Абигайль имѣете очень непредставительный видъ, и не желаю, чтобы эти свѣтскіе господа потѣшались надъ вами.

Онъ открылъ ящикъ стола и отсчиталъ четыре дублона.

— Достаточно этихъ денегъ? Я вѣдь ничего не понимаю въ вашихъ тряпкахъ.

Миссъ Уэбстеръ обрадовалась получкѣ денегъ, которой не предшествовали цѣлые дни пререканій, и потому поспѣшила увѣрить его, что денегъ этихъ съ нея достаточно. Она вышла изъ кабинета и отправилась къ своей компаньонкѣ, миссъ Уильямсъ.

Абигайль Уильямсъ сидѣла на краю постели въ своей маленькой, аскетически убранной комнатѣ и также, какъ м-ръ Уэбстеръ, смотрѣла изъ окна на шумѣвшій въ вѣтвяхъ дождь. Здѣсь сидѣла она двадцать-четыре года тому назадъ, въ день своего пріѣзда въ Уэбстеръ-Голлъ—молодою восемнадцатилѣтнею дѣвушкою, полною надеждъ и мечтаній.

Такъ сидѣла она много разъ, чувствуя, какъ молодость уходитъ отъ нея; въ душѣ ея поднимался горькій протестъ противъ безсодержательности и тоски ея безрадостной жизни, но она была слишкомъ робка и неопытна для того, чтобы пойти на поиски новой жизни.

Это дождливое воскресенье было днемъ ея рожденія. Ей исполнилось сорокъ-два года. Она рѣшала вопросъ, уже много разъ рѣшавшійся ею. Почему она оставалась здѣсь? Не жила ли въ ней тайная надежда, что старики скоро умрутъ и оставятъ ей средства для дальнѣйшаго обезпеченнаго существованія, средства, которыя дадутъ ей возможность путешествовать и жить?

Она любила миссъ Уэбстеръ и съ радостью приняла ея предложеніе переселиться къ ней изъ отдаленной деревушки, гдѣ она изъ милости жила у родственниковъ. Миссъ Уэбстеръ нуждалась въ компаньонкѣ и домоправительницѣ; жалованья не будетъ, она получитъ лишь содержаніе и одежду (Абигайль сознавала, что она не даромъ получаетъ ихъ). Она пріѣхала сюда молодою, бодрою, полною надеждъ. Ушли молодость, бодрость и надежды, а она почему-то все оставалась и оставалась. Теперь она сожалѣла, что не вышла за перваго, пожелавшаго за нее посвататься, деревенскаго парня; ни на одну минуту не знала она радостей свободы, любви, личной жизни.

Миссъ Уэбстеръ поспѣшно вошла.

— Абби,—воскликнула она,—Гирамъ боленъ!—и она разсказала то, что произошло.

Миссъ Уильямсъ разсѣянно выслушала ее. Гирамъ надоѣлъ ей. Она взяла золотую монету и слегка поблагодарила. „Тебѣ сорокъ-два года, ты—стара, ты—никто!“—сверкало у нея въ мозгу.

— Что случилось?—сочувственно спросила миссъ Уэбстеръ:— вы плакали? Вамъ нездоровится? Вы бы лучше одѣлись, милая. Скоро будутъ гости.

Она вдругъ присѣла къ ней на постель и обняла пріятельницу; на ея добрые глаза навернулись слезы.

— Мы—старухи,—сказала она,—жизнь обманула насъ. Вы—моложе годами, но вы такъ долго прожили въ этомъ мрачномъ старомъ домѣ, что отдали ему и намъ вашу молодость. Бѣдняжка!

Онѣ принялись утѣшать другъ друга. Для Абби стало ясно, что миссъ Уэбстеръ, не будучи особенно глубокою натурою, тоже знавала сожалѣнія и порывы къ тому, чему не суждено было сбыться.

— Какъ это странно, что молодость дается намъ только разъ въ жизни, — говорила старшая: — зачастую обстоятельства не позволяютъ воспользоваться ею. Въ молодости я трудилась, билась, билась, какъ рыба объ ледъ, а теперь, когда я имѣю свободное время и возможность видѣть людей, я уже утратила

всякую надежду на счастье. Вы—сравнительно молоды, вы можете надѣяться. Черезъ нѣсколько лѣтъ я уже буду въ могилѣ, а вы легко можете прожить еще лѣтъ тридцать. Боже! Если бы у меня были впереди эти тридцать лѣтъ!

— Я съ радостью отдала бы ихъ вамъ за одинъ годъ счастья и молодости.

Миссъ Уэбстеръ встала и отерла глаза.

— Сожалѣніями горю не поможешь,—проговорила она философски;—намъ нужно занимать гостей, а потому не станемъ предаваться меланхоліи. Надѣньте ваше лучшее платье и сойдите внизъ, будьте умницей.

Она вышла изъ комнаты. Абигайль поспѣшно поднялась, достала изъ шкафа коричневое шолковое платье и одѣлась. Волосы ея были гладко причесаны, съ проборомъ по срединѣ. Посмотрѣвшись въ зеркало, она ощутила внезапное желаніе завить волосы, подрумянить щеки, чтобы поглядѣть: не сохранилось ли какихъ-нибудь слѣдовъ ея былой красоты. Она уже взялась за щипцы, но тотчасъ же положила ихъ. У нея не достанетъ духу выдержать улыбки и вопросы, которыми будетъ встрѣчено такое нововведеніе, въ особенности — со стороны этого злого старика Уэбстера.

Она смотрѣлась въ маленькое зеркало, стараясь представить себѣ свой лобъ, оттѣненный мягкими пушистыми прядями волосъ. Нельзя изгладить морщинокъ у рта и вокругъ глазъ, но пышная прическа оттѣнитъ лобъ, сдѣлаетъ лицо не такимъ старообразно длиннымъ. Безцвѣтная кожа еще не утратила гладкости; глаза, бывшіе прежде чуднаго темно-синяго цвѣта, нѣсколько выцвѣли, но еще сохранили свою живость. Губы поблекли, но зубы сверкали бѣлизною; красиво очерченная голова граціозно сидѣла на покатыхъ плечахъ, изуродованныхъ старомоднымъ платьемъ. Занимай она высокое общественное положеніе, она считалась бы въ сорокъ-два года моложавою, красивою женщиной; теперь же она была старою дѣвою съ благороднымъ профилемъ.

Абби сошла внизъ, чтобы занять свое мѣсто въ гостиной, затѣмъ—за столомъ. Обыкновенно, и тутъ и тамъ никто не обращалъ вниманія на „компаньонку миссъ Уэбстеръ“.

Она ненавидѣла ихъ всѣхъ, и съ тайною радостью слѣдила за тѣмъ, какъ они старѣются. Даже богатство не шло имъ въ прокъ, какъ оно пошло бы въ прокъ ей.

Первая карета подъѣхала къ крыльцу какъ разъ въ ту минуту, какъ она сошла внизъ. У дома не было крытаго подъѣзда, и гостямъ приходилось бѣгомъ подниматься по ступенямъ для

того, чтобы не вымокнуть съ головы до ногъ. Элегантная м-ссъ Гольтъ, подбирая свои юбки, взбѣжала по лѣстницѣ, задыхаясь и проклиная своего хозяина:

— Вотъ будетъ счастье, когда все это кончится! Слава Богу, что ему уже не долго осталось жить!

— Тише!—прошепталъ ея осторожный супругъ.

Показалась миссъ Уэбстеръ, и обѣ женщины дружески поцѣловались. Всѣ любили миссъ Уэбстеръ. М-ссъ Гольтъ, представительная особа, падменная, какъ всѣ недавно разбогатѣвшіе люди, держала въ обѣихъ рукахъ руку хозяйки, и увѣряла ее, что никакая буря въ Калифорніи не помѣшала бы ей пріѣхать на очаровательный обѣдъ д-ра Уэбстера. Поднявшись наверхъ, чтобы снять свое манто, она для облегченія чувствъ состроила пренепріятную гримасу портрету д-ра Уэбстера.

Подъѣхали другіе гости и, совершивъ обычное паломничество наверхъ, усѣлись въ гостиной на жесткой и неудобной, набитой конскимъ волосомъ мебели, ожидая выхода доктора. Комната имѣла погребальный видъ. Вѣтеръ нагибалъ деревья, и вѣтви ихъ хлестали по голымъ мокрымъ окнамъ. Коверъ совершенно протерся. Бѣлыя вязаныя накидки подчеркивали все безобразіе обитой чернымъ мебели. Столъ съ мраморною доской, напоминавшей до ужаса могильную плиту, возвышался по срединѣ и былъ украшенъ букетомъ восковыхъ цвѣтовъ подъ стекляннымъ колпакомъ. На бѣлыхъ стѣнахъ красовались фамильные портреты въ узкихъ золоченыхъ рамахъ; почетное мѣсто занималъ дипломъ доктора; у стѣны стояло фортепіано миссъ Уэбстеръ — „первое привезенное въ Калифорнію“, похожее на призракъ старинныхъ клавикордъ. Абигайль казалось иногда, что она увидитъ его стоящимъ на трехъ ногахъ, поджавъ подъ себя четвертую, для того, чтобы она могла отдохнуть.

Миссъ Уэбстеръ сидѣла въ креслѣ съ высокою спинкою у стола и, пересиливая нервное волненіе, старалась занимать своихъ элегантныхъ пріятельницъ. Дамы сдвинули свои стулья тѣснымъ кружкомъ; мужчины толпились въ углу въ ожиданіи ранняго обѣда. Абигайль опустилась на стулъ и тупо смотрѣла на окружающихъ. Но вдругъ, съ чувствомъ невыразимаго облегченія, нарушившаго нестерпимую монотонность этихъ долгихъ лѣтъ, она замѣтила среди присутствующихъ молодое лицо. До сихъ поръ ни просьбами, ни угрозами не удавалось завлечь молодежь въ Уэбстеръ-Голлъ. Ей было пріятно, что молодое лицо оказалось мужскимъ. Въ ея теперешнемъ настроеніи ей было бы мучительно видѣть цвѣтущее лицо дѣвушки.

Незнакомецъ былъ красивый юноша съ высокою, гибкою фигурою атлета и открытымъ, привлекательнымъ лицомъ. Онъ стоялъ, запустивъ руки въ карманы и глядя на происходившее вокругъ съ выраженіемъ комическаго ужаса. Въ эту минуту онъ уловилъ взглядъ компаньонки. Она невольно улыбнулась; все, что еще оставалось въ ней молодого — устремилось навстрѣчу къ этому живому воплощенію молодости. Онъ сейчасъ же подошелъ къ ней.

— Простите,—проговорилъ онъ, извиняясь,—я не былъ вамъ представленъ, но позвольте мнѣ отложить церемоніи въ сторону и поговорить съ вами. Я никогда не видѣлъ такого собранія древностей, и эта комната похожа на склепъ. Даже страшно оглянуться...

— Садитесь!—сказала она съ несвойственною ей живостью.— Какъ вы сюда попали?

— Видите ли, я гощу у Гольтовъ. Джекъ Гольтъ — мой школьный товарищъ, и когда меня спросили: не желаю ли я видѣть самый старый домъ и самаго замѣчательнаго человѣка „по эту сторону залива“,—разумѣется, я пожелалъ, хотя Джекъ говорилъ, что его втащили бы сюда развѣ только привязаннымъ къ хвосту дикаго мустанга. Но, въ качествѣ пріѣзжаго, долженъ же я видѣть всѣ достопримѣчательности Калифорніи. А какъ вы сюда попали?

— Я здѣсь живу. Я прожила здѣсь двадцать-четыре года.

— Творецъ небесный!—Глаза его широко раскрылись.—Вы прожили здѣсь двадцать-четыре года?

— Да.

— И вы еще живы? Простите... Вы должны счесть меня за грубіяна.

— Нѣтъ. Я рада, что вы понимаете, насколько это ужасно. Никто другой не понимаетъ. Всѣ эти люди давно знаютъ меня, но имъ и въ голову не приходило: какъ могу я выносить подобную жизнь? Знаете ли вы, что вы—первое молодое существо, съ которымъ мнѣ приходится говорить послѣ многихъ, многихъ лѣтъ?

— Да что вы! — его юношеская душа преисполнилась жалостью къ ней.—Вамъ слѣдовало бы взбунтоваться и убѣжать.

— Зачѣмъ? Я слишкомъ долго здѣсь прожила. Теперь я старуха и могу оставаться въ этомъ домѣ до самаго конца.

Юноша пришелъ въ замѣшательство, не находя отвѣта, но выходъ д-ра Уэбстера вывелъ его изъ затрудненія. Старикъ былъ въ суконномъ лоснящемся сюртукѣ (шившій его портной,

вѣроятно, давно уже умеръ) и опирался на палку съ массивнымъ золотымъ набалдашникомъ.

— Какъ ваше здоровье?—повторялъ онъ рѣзкимъ, но гостепріимнымъ тономъ. — Радъ видѣть васъ. Не думалъ, что вы не пріѣдете. Впрочемъ, нѣтъ, думалъ... Ну, пойдемте обѣдать. Я голоденъ.

Онъ повелъ гостей по галереѣ, затѣмъ—по узкой скрипучей лѣстницѣ—въ столовую, помѣщавшуюся въ нижнемъ этажѣ, такую же мрачную, какъ и гостиная, хотя столовое серебро было старинное, массивное, а тонкость бѣлья—выше всякаго сравненія.

Гости заняли мѣста по усмотрѣнію; юноша пріютился возлѣ миссъ Уильямсъ. Докторъ заявилъ, что онъ очень голоденъ, торопливо розлилъ супъ и, оказавъ гостямъ это вниманіе, принялся хлебать супъ большою ложкою прямо изъ миски.

— Старый скотъ!—пробормотала м-ссъ Гольтъ.—Отвратительно быть настолько богатымъ, чтобы все себѣ позволять!

Это замѣчаніе было единственнымъ, произнесеннымъ во время первой перемѣны. Никто не осмѣлился заговорить, покуда не заговоритъ хозяинъ, а тотъ былъ слишкомъ занятъ удовлетвореніемъ своего аппетита.

Обѣдъ оказался изысканнымъ,—д-ръ Уэбстеръ оставлялъ свои экономическія соображенія у дверей кухни,—но роскошь стола не радовала сердцà гостей. Они вздыхали при мысли о томъ, сколько времени имъ придется потратить на каждую „перемѣну".

Докторъ, нарѣзавъ каплуновъ большими порціями, принялся за ѣду и, уже насытившись, заговорилъ тономъ, не терпящимъ возраженія:

— Кливлэндъ будетъ снова избранъ. Слышите? У Гаррисона нѣтъ никакихъ шансовъ. Что вы сказали?

Его густыя брови сдвинулись; ему послышались возраженія, и онъ возвысилъ голосъ.

— Вы сказали, что его не выберутъ, Джонъ Гольтъ?

— Нѣтъ, нѣтъ,—отнѣкивался м-ръ Гольтъ, бывшій ярымъ республиканцемъ.

— Ну, если я только узнаю, что вы подали голосъ за Гаррисона... Вы полагаете, я не буду знать, къ чьей партіи вы принадлежите? Ошибаетесь, господа! Запомните мои слова, Гольтъ, если только вы станете вотировать за республиканца...

Онъ сдѣлалъ зловѣщую паузу и даже скрипнулъ челюстями. Гольтъ дрогнувшею рукою взялся за стаканъ съ виномъ. У него съ докторомъ были денежные счеты.

— Республиканская партія не существуетъ, — вмѣшался

чей-то медовый голосъ, и плотный человѣкъ съ искательнымъ выраженіемъ лица обратился въ сторону хозяина:—не стоитъ упоминать о ней, докторъ. А что вы думаете относительно урожая пшеницы?

— Никогда не бывало лучшаго, никогда! Говорятъ, что на сѣверѣ хлѣба плохи, но этого не можетъ быть. Газеты лгутъ. Не вѣшайте носа, Микеръ. Я этого не люблю.

— Газетныя извѣстія очень неутѣшительны,—замѣтилъ нервный и желчный господинъ сумрачнаго вида, — и эти ранніе дожди...

— Не противорѣчьте мнѣ, сэръ! — крикнулъ Уэбстеръ: — хлѣба не могутъ быть плохи. Они были хороши восемь лѣтъ сряду. Съ чего бы имъ не уродиться нынче?

— Конечно, съ чего бы имъ быть плохими?—пробормотала жертва;—я радуюсь вашимъ добрымъ предсказаніямъ.

— Я слышала, что въ Виргиніи открыли новую золотоносную жилу,—вставила м-ссъ Гольтъ.

— Вздоръ!—снова закричалъ деспотъ. Тяжелая серебряная вилка съ гербомъ испанскихъ гидальго со звономъ выпала у него изъ руки на тарелку.—Въ пріискѣ все перегнило, какъ въ старомъ легкомъ. Тамъ не осталось и пригоршни порядочной руды. Золотоискателямъ нечѣмъ тамъ поживиться. Вы не вздумали производить изслѣдованій, надѣюсь?

Его хорьковые глаза подозрительно перебѣгали отъ одного къ другому.

— Если вы это сдѣлали, вы никогда не переступите моего порога. Я не одобряю такихъ предпріятій, и это вамъ извѣстно.

Гости единогласно поспѣшили опровергнуть такое предположеніе.

— Творецъ небесный!—прошепталъ юноша, обращаясь къ Абигайль:—неужели онъ всегда такой? Но развѣ у этихъ людей нѣтъ ни капельки самоуваженія?

— Они привыкли къ нему. Это продолжается годами. Дома у озера считаются аристократическою частью города, и обитатели ихъ занимаютъ привилегированное положеніе; а такъ какъ онъ не соглашается продать дома, люди позволяютъ ему командовать собою, что онъ цѣнитъ еще болѣе, чѣмъ свое богатство. Но есть и другая причина. Они надѣются, что онъ откажетъ имъ по духовному завѣщанію свои дома, и, конечно, они заслуживали бы этого. Еще въ то время, когда у нихъ не было собственныхъ экипажей, они въ дождь и вѣтеръ, не говоря уже о жарѣ, каждое воскресенье являлись сюда играть съ нимъ на

билліардѣ, слушать его безконечные, постоянно повторяемые разсказы о Калифорніи и ея прошломъ. За всѣ эти года они никогда, ни разу не дерзнули ему противорѣчить. Они все время надѣялись, что онъ умретъ, а онъ еще живъ и топчетъ ихъ ногами, и теперь имъ уже не освободиться изъ-подъ его ига. Они отводятъ душу лишь тѣмъ, что бранятъ его за глаза.

— Все это мнѣ кажется отвратительнымъ.

Его независимый образъ мыслей понравился миссъ Уильямсъ.

— Хотѣлось бы мнѣ „срѣзать“ этого стараго рабовладѣльца!—сказалъ онъ.

— Пожалуйста, не дѣлайте этого!

Она со страхомъ ждала минуты, когда д-ръ Уэбстеръ сочтетъ нужнымъ обратить свое вниманіе на новичка.

Онъ громко разсмѣялся.

— Какъ? Вы до такой степени его боитесь? Вѣдь онъ не бьетъ васъ?

— Не то. Самая его личность — въ связи съ силою привычки—пугаютъ меня.

— Ну-съ, м-ръ Строубриджъ,—воскликнулъ д-ръ Уэбстеръ, внезапно обращаясь къ юношѣ,—что вы намѣрены сдѣлать для міра? Я слышалъ, вы только-что окончили курсъ въ университетѣ, а всѣ университетскіе не стоютъ ни гроша.

Строубриджъ вспыхнулъ, прикусилъ губу, но сдержался...

— Не стоютъ ни гроша!—гремѣлъ докторъ, раздраженный надменнымъ видомъ молодого человѣка.—Теперь они даже не корпятъ надъ книжками, а заняты однѣми гонками да игрою въ футболлъ. Съ этимъ не составишь себѣ состоянія въ дѣвственной странѣ. Есть у васъ собственныя деньги?

— Отецъ мой—если вы желаете это знать—богатый человѣкъ и вмѣстѣ съ тѣмъ—джентльменъ,—отвѣтилъ Строубриджъ съ негодованіемъ оскорбленнаго человѣка, сознающаго, что онъ не обладаетъ даромъ холодной, рѣзкой насмѣшливости и можетъ потерять самообладаніе: — онъ получилъ свое состояніе по наслѣдству, и потому не былъ вынужденъ отправиться въ дѣвственную страну и сдѣлаться дикаремъ,—вдругъ выпалилъ онъ.

М-ръ Гольтъ многозначительно наступилъ подъ столомъ ногою на ногу Строубриджа. Миссъ Уильямсъ трепетала отъ ужаса и восхищенія; остальные гости съ ужасомъ смотрѣли на юношу. Еще впервые въ исторіи Уэбстеръ-Голла на стараго медвѣдя рискнули напасть въ его берлогѣ.

— Сэръ! Сэръ!—захлебнулся Уэбстеръ и затѣмъ загремѣлъ:

— Кто позвалъ сюда этого молокососа? Кто вамъ далъ позво-

леніе приводить своихъ знакомыхъ ко мнѣ въ домъ? Какъ вы смѣете, какъ вы смѣете, сэръ, говорить со мною такимъ образомъ? Да знаете ли вы?..

— Все знаю!—воскликнулъ, не владѣя собою, юноша:—Вы—невоспитанный, гордящійся своими деньгами, старый деспотъ, котораго, не будь у него этихъ гнусныхъ денегъ, не посадили бы ни за одинъ столъ въ Калифорніи.

Онъ отодвинулъ свой стулъ и всталъ.

— Прощайте, сэръ. Я сожалѣю о васъ. У васъ нѣтъ на свѣтѣ ни одного друга. Извиняюсь также за мою грубость. Единственное мое извиненіе—въ томъ, что я не могъ сдержаться.

И онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты.

Съ его уходомъ для Абигайль погасъ послѣдній лучъ свѣта. Перепуганные гости съ лихорадочною энергіей набросились на пищу. Д-ръ Уэбстеръ тупо уставился на дверь, въ горлѣ его слышались какіе-то рокочущіе звуки. Нѣкоторое время онъ молчалъ, а когда снова заговорилъ, о юномъ Строубриджѣ не было больше и помину.

Обращеніе его получило болѣе мягкій оттѣнокъ; онъ былъ словно пришибленъ, хотя не подавалъ вида, что считаетъ себя униженнымъ.

Наконецъ томительный обѣдъ окончился. Дамы отправились съ миссъ Уильямсъ пить чай въ гостиную, гдѣ онѣ никакъ не могли удобно усѣсться на скользкой клеенчатой мебели и поминутно сползали съ сидѣнья. Мужчины удалились съ докторомъ въ билліардную, гдѣ онъ битыхъ три часа морилъ ихъ разсказами о своей прежней непобѣдимости.

Въ ту же ночь, на огромной кровати краснаго дерева, на которой онъ впервые увидѣлъ свѣтъ, д-ръ Уэбстеръ мирно опочилъ на вѣки.

II.

Не только жившіе у озера, но и городскіе обыватели, занимавшіе какое-либо общественное положеніе, присутствовали на похоронахъ. По случаю нездоровья миссъ Уэбстеръ, ея представительницею явилась компаньонка. Озерная аристократія шла во главѣ процессіи, непосредственно за дорогимъ гробомъ. Лица присутствовавшихъ давали собою богатый матеріалъ для наблюденія. Послѣ того какъ миссъ Уильямсъ обмѣнялась привѣтствіями съ гостями, къ ней подошелъ Строубриджъ и шепнулъ ей:

— Я все время жаждалъ сказать кому-нибудь изъ его близкихъ, какъ мнѣ жаль, что я былъ тогда такъ несдержанъ и наговорилъ лишняго! Бѣдный старикъ! Скажите, что вы прощаете меня!

Глаза ея слегка улыбнулись изъ-подъ покраснѣвшихъ вѣкъ.

— У него было доброе сердце,—отвѣтила она:—безъ сомнѣнія, онъ простилъ бы вамъ.

Началась длинная, утомительная церемонія. Не взирая на дождь, громадная толпа провожала мѣстнаго царька на кладбище. Въ качествѣ самаго близкаго человѣка, миссъ Уильямсъ ѣхала въ каретѣ тотчасъ же вслѣдъ за гробомъ. Во время долгаго пути она усердно старалась заглушить въ своемъ сердцѣ ни на чемъ не основанную надежду.

Два дня спустя, толпа дѣловыхъ людей, пріѣхавшихъ изъ столицы съ поѣздомъ, ожидавшимъ прибытія парохода, была встрѣчена, какъ всегда, криками мѣстныхъ продавцовъ газетъ, которыхъ ожидала въ этотъ вечеръ рѣдкая пожива. Они выкрикивали во всю силу своихъ рѣзкихъ мальчишескихъ голосовъ:

— Завѣщаніе д-ра Гирама Уэбстера! Подробный отчетъ о послѣдней волѣ д-ра Гирама Уэбстера!—Минуту спустя, скамьи вагона исчезли подъ грудою газетныхъ листковъ. Еще минута— и всѣ эти листки вмѣстѣ съ апельсинными корками и орѣховою скорлупою уже летѣли изъ окошекъ. Человѣкъ десять, буквально, побѣлѣли и лица ихъ вытянулись. Это были озерные аристократы, глубоко разочарованные въ своихъ ожиданіяхъ.

Гирамъ Уэбстеръ все до гроша оставилъ сестрѣ.

Цѣлыхъ двѣ недѣли оскорбленные друзья не показывались у наслѣдницы. Ударъ былъ слишкомъ силенъ. Наконецъ чувство приличія и нѣкоторая доза философіи—превозмогли. Явился и разсчетъ: быть можетъ, въ скоромъ времени миссъ Уэбстеръ тоже сдѣлаетъ завѣщаніе. Миссъ Уэбстеръ любезно приняла ихъ. Глаза ея были красны, но траурное платье—очень богато: они еще не видали такого богатаго траура. Они замѣтили также, что она высоко держала свою сѣдую голову: такой надменности никто не замѣчалъ въ ней ранѣе,—она была пріобрѣтена ею за послѣднія двѣ недѣли. Не то чтобы наслѣдница отнеслась къ нимъ покровительственно, но во всякомъ случаѣ обладаніе четырьмя милліонами она, видимо, оцѣнила по достоинству.

Строубриджъ отправился искать миссъ Уильямсъ. Ея не было въ комнатѣ. Онъ вышелъ въ садъ и увидѣлъ ее идущею изъ кладовой. На ней было платье изъ чернаго альпага и темный передникъ; лицо казалось усталымъ и грустнымъ.

„Что за безнадежное выраженіе!—подумалъ онъ:—что бы стоило этому старому скрягѣ обезпечить ее и сдѣлать независимымъ человѣкомъ! Какъ лицо ея можетъ оживляться! Она кажется почти молодою"...

Она просіяла, увидѣвъ его, и пошла къ нему навстрѣчу. Когда онъ освѣдомился о ея здоровьи и сказалъ, что искалъ ее—она улыбнулась и слегка покраснѣла. Они присѣли на ступеняхъ и принялись бесѣдовать, покуда приближающіеся голоса не дали имъ знать, что визиту и удовольствію—конецъ. Абигайль, сама не понимая, какъ это случилось, созналась ему въ постигшемъ ее горькомъ разочарованіи: она попрежнему въ зависимости и прикована къ мрачному дому у озера. А ей такъ хотѣлось бы попутешествовать, посѣтить мѣста, о которыхъ она знаетъ изъ книгъ докторской библіотеки!

Уже проводивъ гостя, она со стыдомъ вспомнила объ этой откровенности передъ постороннимъ. При своей гордой сдержанности она вдругъ такъ разоткровенничалась! Но она никогда не встрѣчала болѣе симпатичнаго человѣка.

Комментаріи посѣтителей были многочисленны.

— Честное слово!—воскликнула м-ссъ Гольтъ:—Маріана Уэбстеръ, кажется, начинаетъ дурить на старости лѣтъ!

— При четырехъ милліонахъ это простительно,—сказалъ со вздохомъ м-ръ Микеръ.

— Вѣдь это платье стоитъ триста долларовъ, ни копѣйки меньше,—замѣтила другая дама,—и она примѣряла его четыре раза. Очевидно, она еще можетъ утѣшиться въ своемъ сиротствѣ.

Миссъ Уэбстеръ продолжала давать пищу толкамъ. Мѣсяцъ спустя, м-ссъ Микеръ вбѣжала къ м-ссъ Гольтъ съ восклицаніемъ:

— Слышали? Старая миссъ Уэбстеръ отдѣлываетъ домъ заново—сверху до низу. Я зашла туда и застала полный хаосъ. Томсону поручено написать фрески... Вы только подумайте, фрески! Миссъ Уэбстеръ заявила, что она отложила свои пріемы до тѣхъ поръ, покуда все не будетъ готово. Она намѣрена „показать намъ себя".

М-ссъ Гольтъ выронила вышивку для дѣтскаго покрывала изъ рукъ.

— Да вы не шутите?—Гирамъ встанетъ изъ могилы!

— Вотъ подождите. Не напрасно она ждала всѣ эти годы.

Дѣйствительно, не напрасно. Отъ неожиданной, поразительной перемѣны въ ея жизни—у нея голова пошла кругомъ. Путешествія не привлекали ее, но всю жизнь она безумно жа-

ждала роскоши. Она повторяла Абби, что, быть можетъ, ей недолго осталось жить, но за это время ея богатство должно доставить ей все, чего когда-либо жаждала ея душа.

По окончаніи работъ въ домѣ, мѣстная аристократія получила карточки съ широкою черною каймою, на которыхъ значилось, что миссъ Уэбстеръ принимаетъ по четвергамъ отъ четырехъ часовъ, и въ слѣдующій же четвергъ въ домѣ собралось не менѣе народу, чѣмъ было на похоронахъ.

— Не узнать этой старой казармы!—шептались посѣтители.

Окна были задрапированы дорогимъ кружевомъ и атласомъ, стѣны украшены фресками, изображающими розовыхъ ангеловъ въ облакахъ, коверъ—блѣдно-голубой бархатный, вся мебель—голубая атласная; столы—дорогого дерева, съ инкрустаціями изъ серебра.

Въ вестибюлѣ лежали персидскіе ковры, стѣны были задрапированы восточными тканями. Въ открытыя двери виднѣлась библіотека со стѣнами, обтянутыми кожею, книжными шкафами, бронзовыми и мраморными бюстами. Старую лабораторію доктора превратили въ столовую, гдѣ былъ сервированъ тонкій завтракъ.

Миссъ Уэбстеръ провела ихъ наверхъ, въ изящно отдѣланныя спальни. Но когда гости переступили порогъ ея собственнаго дѣвическаго будуара, они прямо разинули ротъ, и это одно спасло ихъ отъ неумѣстнаго смѣха.

Это была комната модной красавицы.

Стѣны исчезали подъ розовою шолковою матеріей и тонкимъ кружевомъ. Бѣлая эмальированная кровать и туалетъ драпировались такою же тканью. По бѣлому фону ковра разсыпались алыя розы, флаконы на туалетѣ сверкали золотомъ и хрусталемъ. Въ углу стояло трюмо, освѣщенное двумя лампами подъ розовыми абажурами.

Всѣ замѣтили одну смѣшную сторону, но скрытой подъ нею трагедіи—никто.

Кабинетъ доктора остался нетронутымъ. Нѣжныя воспоминанія и дорого стоющее красное дерево спасли его. Комната миссъ Уильямсъ также была прежняя, но обладательница ея принимала гостя въ новомъ черномъ шолковомъ платьѣ. Миссъ Уэбстеръ вся утопала въ англійскомъ крепѣ; воротникъ и кушакъ платья были изъ матоваго стекляруса.

Этотъ день явился знаменательнымъ днемъ въ исторіи города.

У миссъ Уэбстеръ установились воскресные обѣды, на ко-

торые съѣзжалось къ семи часамъ избранное общество. Теперь ея приглашенія принимались всѣми безъ заглушенныхъ вздоховъ. Никогда общество не относилось къ одинокой женщинѣ съ подобнымъ вниманіемъ.

За каждымъ обѣдомъ она появлялась въ новомъ платьѣ. На третьемъ она ослѣпила гостей своими громадными брилліантовыми серьгами. На четвертомъ — всѣ стали шептаться о томъ, что она прибѣгла для отдѣлки ногтей къ помощи маникюристки. На пятомъ—для всѣхъ сдѣлалось мучительно замѣтно, что она сильно стянута. На шестомъ — у нихъ захватило духъ: миссъ Уэбстеръ, очевидно, красилась. На десятомъ—гости окончательно онѣмѣли: на миссъ Уэбстеръ былъ бѣлокурый парикъ.

— Пусть говорятъ, что хотятъ,—заявила она вечеромъ своей компаньонкѣ, сидя передъ зеркаломъ, которое отражало ея увядшія прелести:—у меня четыре милліона, и я могу поступать, какъ мнѣ угодно. Я впервые стала независима и хочу воспользоваться всѣми преимуществами моего богатства. Кому до этого дѣло?

— Никому, но это немножко смѣшно и должно вызывать толки.

— Пусть толкуютъ!—На минуту она сдѣлалась странно похожею на брата.—Что тутъ смѣшного, хотѣла бы я знать? Развѣ женщина не имѣетъ права быть молодою? Я была Гираму любящею сестрою и пожертвовала ему моею молодостью. Теперь онъ возвратилъ ее мнѣ, и я хочу ею воспользоваться.

— Вы не можете вторично сдѣлаться молодою.

— Годами—нѣтъ, но я могу имѣть всѣ связанныя съ молодостью преимущества.

— Не всѣ. Никто васъ не полюбитъ.

Миссъ Уэбстеръ скрипнула вставными зубами.

— А почему бы нѣтъ? Неужели нѣсколько лѣтъ могутъ составить такую разницу? И большіе ли это года—семьдесятъ? Подумайте, сколько лѣтъ стоитъ міръ! Теперь у меня есть все, что дѣлаетъ женщину привлекательной: богатство, прекрасная обстановка, искусный уходъ. Я замѣчаю, что, благодаря отпариванію, морщины мои уже изглаживаются...

Она вдругъ отвернулась отъ зеркала и сверкнула глазами на компаньонку.

— Но я бы хотѣла быть въ вашихъ годахъ! На тридцать лѣтъ моложе! Какъ бы я этого хотѣла! Они увидѣли бы тогда!

Обѣ женщины смотрѣли другъ на друга долгимъ взглядомъ. Прежней любви не было въ ихъ сердцахъ и взорахъ. Въ нихъ,

наоборотъ, уже зарождалась безсознательная ненависть. Миссъ Уэбстеръ мучительно завидовала Абигайль, бывшей на четверть вѣка моложе ея, а та, въ свою очередь, завидовала старшей женщинѣ, имѣвшей возможность создавать себѣ иллюзію молодости и удовлетворять всѣ свои желанія.

Ложась спать, она горько плакала, повторяя себѣ, что она уйдетъ, наймется въ служанки, но больше здѣсь не останется.

На слѣдующій день она видѣла съ веранды, какъ миссъ Уэбстеръ садилась въ экипажъ. Запряжка и выѣздъ не имѣли равныхъ себѣ въ Калифорніи. Кучеръ и выѣздной были въ ливреѣ. Наслѣдница была въ матовомъ черномъ шолковомъ платьѣ съ стеклярусомъ. Большая шляпа съ перьями красовалась на ея рыжеватомъ парикѣ, оттѣняя накрашенное, прикрытое вуалью лицо. Она держала кружевной зонтикъ въ обтянутой безукоризненной перчаткою рукѣ. На красивыхъ ногахъ были изящныя лакированныя ботинки.

— Старая дура!—прошептала Абби.—О, почему эти деньги —не мои? Я сумѣла бы помолодить себя, не дѣлая изъ себя посмѣшище.

Махнувъ рукою на домашнія дѣла, она спустилась къ озеру.

У красивыхъ пристаней стояло множество нарядныхъ лодокъ, казавшихся у мѣста подъ густыми старыми ивами. Лужайки искрились всесеннею травою, повсюду виднѣлись розы. Окна красивыхъ старинныхъ домовъ были открыты, и Абби уловила мельканіе бѣлыхъ платьевъ, тренканье мандолины, холодные, отчетливые звуки рояля и по временамъ—высокія сопрановыя ноты...

„Для нихъ неполученіе наслѣдства не составило, въ сущности, большой разницы",—подумала она со вздохомъ.

Изъ дома Гольтовъ вышелъ въ балконную дверь какой-то молодой человѣкъ и сталъ спускаться къ озеру. Миссъ Уильямсъ узнала Строубриджа.

Она не видѣла его нѣсколько недѣль, но вспоминала о немъ въ самыя тяжелыя минуты, и, при видѣ его, сердце ея забилось.

„Я тоже дура,—подумала она:—будь я такъ же богата, какъ она, для меня все равно не было бы надежды. Я чуть не вдвое старше его".

Онъ прыгнулъ въ лодку и сталъ грести. Поровнявшись съ Уэбстеръ-Голломъ, онъ поднялъ голову и замѣтилъ стоявшую на берегу Абби.

— Галло! — крикнулъ онъ, словно обращаясь къ шестнадцатилѣтней дѣвушкѣ.—Ну, что вы подѣлывали за всѣ эти годы? Садитесь, я васъ покатаю.

Онъ причалилъ лодку къ пристани и протянулъ Абби руку съ видомъ человѣка, не привыкшаго къ отказамъ. Она легко прыгнула въ лодку; черезъ минуту они уже скользили по озеру, и она невольно залюбовалась его стройною, крѣпкою фигурою въ джерси и свѣтлыхъ панталонахъ. Изъ-подъ фуражки съ козырькомъ улыбались его голубые глаза на загорѣломъ лицѣ. Она спрашивала себя: много ли найдется такихъ красивыхъ молодыхъ людей, но, въ сущности, онъ былъ симпатичнымъ юнымъ американцемъ, привлекательность котораго состояла въ простотѣ обращенія и добромъ сердцѣ.

— Нравится?—спросилъ онъ съ улыбкою.

— Очень. Гирамъ, въ прежніе годы, каталъ насъ по озеру, но когда онъ сердился, лодка такъ качалась, что мы боялись опрокинуться.

— Гирамъ былъ, должно быть, порядочнымъ вороньимъ пугаломъ.

— Чѣмъ?

— Извините. Вы не привыкли къ моему способу выраженія. Скверная манера.

Они объѣхали все озеро, останавливаясь по временамъ, для отдыха, въ густыхъ заросляхъ, гдѣ вѣтви ивъ образовали надъ головою сводъ.

Онъ все время говорилъ, описывая университетскую жизнь, гребныя гонки и партіи въ футъ-боллъ, въ которыхъ онъ принималъ участіе. Сначала онъ желалъ лишь развлечь одинокую старую дѣву, но она оказалась такою восхищенной и симпатизирующей слушательницей, что онъ забылъ о томъ, что она достойна сожалѣнія.

Прошелъ часъ, а вмѣстѣ съ нимъ—и поднявшаяся-было въ ея сердцѣ горечь. Ей уже не думалось, что она должна покинуть Уэбстеръ-Голлъ. Но она вспомнила о своихъ обязанностяхъ и съ сожалѣніемъ попросила его причалить лодку.

— Если это необходимо—хорошо,—сказалъ онъ,—но мнѣ очень жаль. Я какъ-нибудь заѣду за вами въ другой разъ. Очень вамъ признателенъ за то, что вы согласились со мною поѣхать.

— Признательны мнѣ? Вы? — проговорила она, когда онъ [illegible] ей выйти изъ лодки: — О, вы не знаете... — И, тихо разсмѣявшись, она быстро пошла къ дому.

Миссъ Уэбстеръ стояла на верандѣ. Брови ея были злобно сдвинуты.

— Отлично!—воскликнула она:—въ ваши годы вы путаетесь

съ мальчишками! Неужели вамъ не стыдно выставлять себя на посмѣшище?

Абби почувствовала, какъ будто ее ударили по лицу. Но въ ней уже пробудился духъ независимости, порожденный удовлетвореннымъ тщеславіемъ.

— А развѣ вы не поѣхали бы, если бы васъ пригласили?— отпарировала она.

Миссъ Уэбстеръ повернулась къ ней спиною и ушла въ свою комнату; она закрыла за собою дверь и залилась слезами.

— Это выше моихъ силъ,—рыдала она,—ужасно съ моей стороны—возненавидѣть Абби послѣ столькихъ годовъ, прожитыхъ вмѣстѣ! Но эти тридцать лѣтъ разницы! Я отдала бы три милліона изъ четырехъ, чтобы стать такою, какъ она. Я думала, что и она старуха, но она молода. Въ сравненіи со мною она— ребенокъ. Я могла бы быть ея матерью. Нѣтъ, нужно вырвать изъ сердца это нехристіанское чувство...

Она послала чекъ пастору, затѣмъ позвонила выписанную ею изъ Нью-Іорка массажистку, спеціалистку по части отпариванія и массажа лица и приказала растирать себя.

У Строубриджа вошло въ привычку заходить къ миссъ Уильямсъ во всякое время. Иногда онъ заходилъ въ молочную и садился въ уголкѣ у стола, покуда она наблюдала за пахтаньемъ масла. Онъ любилъ ея старомодную игру и часто просилъ ее сыграть что-нибудь на чудномъ новомъ роялѣ, стоявшемъ въ небесно-голубой гостиной. Иногда онъ приносилъ ей книги новыхъ авторовъ-мужчинъ и о мужчинахъ. У него было юношеское презрѣніе къ „сентиментальной“ литературѣ. Даже миссъ Уэбстеръ кончила тѣмъ, что полюбила его, отчасти потому, что онъ держалъ себя такъ, какъ будто оно и не могло быть иначе, отчасти потому, что его молодая жизнерадостность была совершенно неотразима. Она стала приглашать его на свои обѣды, и черезъ нѣсколько времени онъ уже шутилъ и дурачился съ нею, какъ съ дѣвочкой, что ей очень нравилось. Миссъ Уильямсъ онъ сердечно полюбилъ.

— Вы такой славный товарищъ, — говаривалъ онъ;—большинство дѣвушекъ страшно надоѣдаютъ, ни о чемъ нельзя съ ними поговорить, у нихъ на умѣ — только флиртъ и комплименты... Но въ васъ я все время чувствую товарища.

— Я привыкла къ роли компаньонки,—отвѣчала она.

Но въ первыхъ числахъ іюня онъ вернулся въ Бостонъ, и вмѣстѣ съ нимъ для одной женщины закатилось и солнце.

Жизнь въ старомъ домѣ шла обычнымъ порядкомъ. Всѣ при-

выкли видѣть миссъ Уэбстеръ помолодѣвшею, но, не взирая на четыре милліона, жениховъ у нея не находилось. Бездна между двумя женщинами становилась глубже. Каждую недѣлю Абби говорила себѣ, что она уйдетъ, но привычка была слишкомъ сильна. Каждую недѣлю миссъ Уэбстеръ повторяла себѣ, что выгонитъ компаньонку, но она не могла обойтись безъ нея и чувствовала себя прикованной къ ней всѣми фибрами своего стараго существа.

Строубриджъ вернулся на слѣдующее лѣто и тотчасъ же пришелъ къ миссъ Уильямсъ.

— Вы стали для меня однимъ изъ самыхъ близкихъ людей на свѣтѣ,—сказалъ онъ, стоя съ нею на верандѣ.—И я привезъ вамъ маленькій подарокъ,—если вы не разсердитесь. Я надѣялся, что вы не будете сердиться?

Онъ вынулъ изъ кармана футлярчикъ, надавилъ пружинку, и взорамъ ея предстали золотые часики съ короткою цѣпочкою.

Покупая ихъ, онъ оправдывался передъ собою тѣмъ, что она—гораздо старше его, притомъ они—друзья, и это—не такъ пошло, какъ подношеніе подарковъ красивымъ барышнямъ. Вѣдь она, бѣдняжка—старая дѣва... И все-таки, отдавая ей подарокъ, онъ не былъ увѣренъ въ томъ, что она не обидится.

Но его сомнѣнія оказались неосновательными. Абби съ сіяющимъ лицомъ смотрѣла на дорогую игрушку.

— Мнѣ—такая прелесть?—воскликнула она:—вы, дѣйствительно, купили ихъ для меня?

— Разумѣется,—отвѣтилъ онъ съ облегченіемъ;—вѣдь вы возьмете ихъ, не такъ ли?

— Конечно, возьму.

Она положила часы на ладонь и любовалась ими, а затѣмъ прикрѣпила ихъ къ своей блузкѣ, но тотчасъ же сняла.

— Нѣтъ, я буду носить ихъ только съ моимъ чернымъ шолковымъ платьемъ. Они не идутъ къ этому порыжѣлому альпага.

— Вотъ скряга-то, эта ваша цирковая наѣздница!..

— Тише, тише! Она можетъ услышать васъ. Пойдемте въ садъ.

Они прошли мимо лужаекъ, содержавшихся въ полномъ порядкѣ, мимо цвѣточныхъ клумбъ, и дошли до аллеи, по обѣимъ сторонамъ которой виднѣлись обремененныя спѣлыми плодами фиговыя деревья. Миссъ Уильямсъ разломила одну изъ фигъ пополамъ.

— У васъ въ Бостонѣ нѣтъ такихъ?

— Нѣтъ. А вкусны онѣ, если ихъ ѣсть прямо съ дерева?

— Попробуйте,—она протянула ему одну изъ двухъ половинокъ.

Онъ съѣлъ ее и еще дюжину другихъ, которыя она срывала для него. Строубриджъ смѣялся.

— Я точно школьникъ, объѣдающійся плодами. Какъ они вкусны! А теперь пойдемъ кататься.

Въ этотъ день ни одно зеркало въ домѣ не могло убѣдить ее въ томъ, что она — уже не та дѣвушка, которая пріѣхала сюда двадцать-четыре года тому назадъ. Вечеромъ она опустилась на колѣни возлѣ своей кровати, сжимая голову обѣими руками.

— Я знаю, что я сумасшедшая,—шептала она,—но вѣдь такія вещи случались на свѣтѣ... Еслибы только у меня была часть ея состоянія...

На слѣдующій день она пошла къ озеру, надѣясь и не смѣя себѣ въ этомъ сознаться, что онъ заѣдетъ за нею. Довольно будетъ съ нея—увидать его. И она его увидѣла. Онъ проѣхалъ мимо съ Элиноръ Гольтъ, первою мѣстною красавицей. Взоръ его былъ прикованъ къ ея блестящимъ глазамъ и зарумянившемуся лицу. Онъ не замѣтилъ Абби.

Миссъ Уильямсъ вернулась домой съ такимъ ощущеніемъ, какъ будто руки и ноги ея были парализованы и какая-то невидимая сила толкала ее впередъ. Неотложныя занятія по хозяйству не дали ей времени углубиться въ себя, а затѣмъ наступила реакція.

„Я съ ума сошла,—думалось ей:—долженъ же онъ оказать нѣкоторое вниманіе Элиноръ Гольтъ. Вѣдь онъ гоститъ у ея отца. Но онъ могъ бы взглянуть въ мою сторону“.

Ночью она не могла заснуть. Внезапно ее отвлекли отъ тяжелыхъ думъ странные, доносившіеся изъ сосѣдней комнаты звуки. Она осторожно отворила дверь.

Бѣлая фигура двигалась взадъ и впередъ, ломая руки; сѣдые волосы свѣшивались растрепанными прядями съ трясущейся головы.

— Все напрасно,—стонала она,—напрасно, напрасно, напрасно!.. Я слишкомъ стара. Семьдесятъ-четыре года, семьдесятъ-четыре! Боже мой, Господи! Пути Твои неисповѣдимы. Аминь.

Абби поспѣшно заперла дверь. Она чувствовала, что передъ нею совершается трагедія, которую не должны видѣть человѣческіе глаза. Черезъ минуту она услышала за дверью шаги. Къ ней слабо постучались.

— Отдай мнѣ эти тридцать лѣтъ!—рыдалъ старческій голосъ:—они—мои! Ты украла ихъ у меня!

Волосы стали дыбомъ на головѣ Абби. Не сошла ли Маріана съ ума?

Но на слѣдующій день миссъ Уэбстеръ, завтракавшая въ постели, вышла одѣтою для катанья. На ней было свѣтло-сѣрое суконное платье; зонтикъ и шляпа гармонировали со всѣмъ туалетомъ, и лишь ея наружность являлась диссонансомъ.

„Жалкая каррикатура!—подумала Абби. — Глядя на нее, я чувствую себя молодою“.

Недѣлю спустя, горничная, войдя въ обычный часъ въ комнату миссъ Уэбстеръ, не нашла ее тамъ. Госпожи ея нигдѣ не оказывалось. Горничная прибѣжала къ миссъ Уильямсъ, и онѣ обѣ принялись за поиски.

Ее нашли въ комнатѣ ея брата, на старой кровати краснаго дерева, на которой она родилась. Она была мертва. Ея сѣдые волосы были гладко причесаны подъ ночнымъ чепцомъ, руки сложены и отполированные ногти блестѣли въ сумракѣ комнаты.

Смерть ея была такая же тихая, какъ и смерть ея брата. Что привело ее сюда въ смертный часъ—осталось тайною ея загадочной старой души.

III.

Снова похороны, снова толпа провожатыхъ. На этотъ разъ никто не выказывалъ скорби, потому что не передъ кѣмъ было ее выказывать. Разговоры велись съ полною свободой. М-съ Гольтъ интересовалась тѣмъ, оставлено ли что-нибудь миссъ Уильямсъ?

— Безъ сомнѣнія, она получитъ порядочный кушъ. Никто не имѣетъ бо̀льшихъ правъ на наслѣдство.

М-ссъ Гольтъ замѣтила, что на этотъ разъ и они, безъ сомнѣнія, получатъ желаемое. Маріана дѣйствительно любила ихъ и у нея не было никакой родни—ближней или дальней. А пока она возьметъ на память хоть эту бездѣлушку.

И рѣшительно открывъ дверцы шкапчика, она достала изъ него миніатюрный серебряный чайникъ и сунула его въ свой мѣшечекъ.

Остальные беззвучно разсмѣялись.

— Вы поступили со свойственнымъ вамъ юморомъ, — сказала м-ссъ Микеръ, и тутъ же всѣ присутствовавшіе благоговѣйно склонили головы. Церемонія началась.

Два дня спустя, миссъ Уильямсъ безпокойно ходила взадъ и впередъ по верандѣ, ожидая вечерней газеты. На этотъ разъ она уже не пыталась обманывать себя. Она съ нѣжностью думала о покойной, но съ нетерпѣніемъ жаждала узнать о томъ, какое положеніе въ свѣтѣ займетъ она согласно послѣдней волѣ миссъ Уэбстеръ?

Нѣсколько разъ она собиралась переѣхать въ гостинницу, но какъ ни ненавидѣла она это мѣсто, долголѣтняя привычка приковывала ее здѣсь. Она чувствовала, что не уйдетъ, покуда ее не выселятъ отсюда законнымъ порядкомъ.

„Мнѣ въ теченіе десяти мѣсяцевъ не выдадутъ капитала,— думала она, — но я могу получать проценты или занять наконецъ“.

Въ концѣ аллеи показался мальчикъ съ кипою газетъ. Онъ очень спѣшилъ. Абби не могла дольше сдерживаться, она побѣжала къ нему навстрѣчу, и онъ, ловко кинувъ ей одинъ изъ листковъ, помчался далѣе. Она схватила газету, взбѣжала къ себѣ наверхъ и заперлась. На мигъ ей сдѣлалось дурно. Затѣмъ она быстро развернула газету. Долго искать не пришлось: отчетъ о завѣщаніи такой особы, какъ миссъ Уэбстеръ, занималъ главное мѣсто. Изложеніе его заняло цѣлый столбецъ, а напечатанное крупнѣйшимъ шрифтомъ заглавіе гласило:

„Завѣщаніе миссъ Маріаны Уэбстеръ.

„Она оставила свое громадное состояніе на дѣла благотворительности.

„Четыре милліона—цѣна вѣчной славы.

„Наслѣдниковъ нѣтъ“.

Все завертѣлось вокругъ забытой женщины. Она вдругъ ослабѣла и похолодѣла. Все еще не выпуская газеты изъ руки, она упала на полъ. Черезъ минуту она разостлала ее на полу и впилась глазами въ прыгающія буквы. Имя ея не упоминалось. Роковыя „тридцать лѣтъ“ одержали побѣду надъ преданностью цѣлой жизни. Старая женщина отомстила.

Облегчающихъ слезъ не было. Абби лишь повторяла, задыхаясь: „Какъ она могла?.. Какъ у нея хватило духу? Не все ли ей было бы равно? А я? Боже мой, что же станется со мною?“ На время она забыла о Строубриджѣ, а когда вспомнила о немъ, ей представилось, какъ онъ улыбается, глядя въ глаза Элиноръ Гольтъ. Ея иллюзія въ мигъ разсѣялась при соприкосновеніи съ жестокою дѣйствительностью. Прочти она въ той же газетѣ о его помолвкѣ — она не удивилась бы. Теперь она знала, что влекло его въ Калифорнію. Множество мелочей, не замѣченныхъ

ею сначала, образовали звенья цѣпи, соединившей молодыхъ людей.

„Безумная! — пронеслось у нея въ умѣ: — но нѣтъ, слава Богу, что у меня была хотя эта мечта—единственная за сорокъ-три года!"

Дѣвушка постучалась къ ней въ дверь съ докладомъ объ обѣдѣ. Она отослала ее. Много часовъ она пролежала въ темнотѣ на полу. Взошли звѣзды, поднялся надъ озеромъ вѣтеръ, и вѣтви ивъ зашелестѣли на крышѣ. Въ половинѣ ночи она поднялась на ноги, члены ея затекли и онѣмѣли; она открыла дверь и прислушалась, огни погасли, все въ домѣ было тихо. Она дотащилась до комнаты миссъ Уэбстеръ, зажгла лампы, и будуаръ сразу наполнился мягкимъ розоватымъ свѣтомъ. Она распустила передъ зеркаломъ волосы и принялась завивать ихъ лежавшими на туалетѣ щипцами, и такъ какъ они съ непривычки распадались—пригладила ихъ щеткою съ душистымъ фиксатуаромъ. Но лицо подъ пышною прическою оставалось блѣднымъ, увядшимъ...

Тогда она достала косметики миссъ Уэбстеръ: цѣлый ассортиментъ флаконовъ и банокъ. Она набѣлилась, затѣмъ нарумянилась, подчернила рѣсницы, провела палочкою губной помады по блѣднымъ губамъ. Она причесала свои густые мягкіе волосы и заложила ихъ греческимъ узломъ, сбросила свое черное платье и надѣла взятое ею изъ гардероба великолѣпное бѣлое атласное платье съ четыреугольнымъ вырѣзомъ, заполненнымъ кружевами, скрывавшими морщинистую шею покойной. Затѣмъ она надѣла туфельки на французскихъ каблукахъ, натянула длинныя до локтя перчатки и посмотрѣлась въ зеркало.

Глаза ея сверкнули. Въ мягкомъ розовомъ свѣтѣ бѣлила и румяна казались бѣлизною и румянцемъ молодости,—она была почти прекрасна.

— Вотъ какою могла бы я быть безъ помощи искусственныхъ прикрасъ, если бы я жила при другихъ условіяхъ, — сказала она, обращаясь къ своему изображенію: — мнѣ еще долго бы онѣ не понадобились, а если бы и понадобились, я сумѣла бы употребить ихъ какъ слѣдуетъ. Въ сорокъ-три года я не была бы старухою. Даже теперь, даже теперь, если бы я была богата и—счастлива...

Она наклонилась ближе къ зеркалу и погрозила своему изображенію:

— Когда двадцать-пять лѣтъ тому назадъ я получила письмо изъ этого дома—лучше бы я разорвала его на клочки, хотя у меня не было ни гроша за душою! Лучше бы я сдѣлалась про-

дажною женщиною, слышишь? Ничто, ничто не можетъ быть хуже безполезной, безсодержательной, похожей на стоячее болото жизни! Я просуществовала сорокъ-три года на этомъ дивномъ, богатомъ, полномъ разнообразія свѣтѣ, но я могла бы съ такимъ же успѣхомъ совсѣмъ не жить. Природа богато одарила меня своими инстинктами; я могла бы быть любящею женою, счастливою матерью, даже—веселой, беззаботной прелестницей. Я предпочла бы, конечно, первое, но было бы лучше, если бы мнѣ даже суждено было второе. У меня все же были бы года удовольствій, волненій, я бы все-таки жила...

Она говорила спокойно, тономъ отвлеченныхъ разсужденій, и вдругъ, рѣзко отвернувшись отъ зеркала, пошла къ двери, вернулась, набросила на голову шарфъ изъ легкой ткани и прикрѣпила его красивыми шпильками.

Въ продолженіе нѣсколькихъ секундъ она молча смотрѣла на себя глазами, которые словно ничего не видѣли. Затѣмъ она вышла изъ дому и спустилась къ озеру.

На слѣдующее утро обитателямъ ранчо стала извѣстною трагедія, совершившаяся въ Уэбстеръ-Голлѣ.

Трагедія, происходившая въ душѣ ея, осталась для нихъ тайной.

Съ англ. О. Ч.

ХОЗЁ ДЕ ПЕРЭДА

ОЧЕРКЪ

ИЗЪ ИСТОРІИ СОВРЕМЕННОЙ ИСПАНСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

При всей раздробленности направленій современной испанской литературы, разнообразіи партійныхъ интересовъ, которыхъ она является въ значительной степени выразительницей, реалистическій романъ обладаетъ наибольшею устойчивостью и имѣетъ крупныхъ представителей, одинаково высоко цѣнимыхъ всѣми партіями. Первое мѣсто, по общему признанію критики и публики, въ современномъ реалистическомъ романѣ принадлежитъ Перэдѣ. Вся грамотная Испанія считаетъ его первоклассньмъ писателемъ, а его слава и популярность, которыхъ онъ не добивался, перешли далеко за предѣлы Пиренейскихъ горъ. Перэда превосходно хранитъ завѣты лучшихъ испанскихъ реалистовъ, съ Сервантесомъ во главѣ. Благодаря Перэдѣ, испанскій провинціальный романъ возвысился до уровня, неизвѣстнаго въ Европѣ, а забытая и игнорируемая жизнь испанскаго простолюдина сдѣлалась родной и дорогой всякому интеллигентному испанцу. Художественное перо Перэды открыло родники бьющей свѣжей и чистой струей народной жизни и увѣковѣчило бѣдныхъ моряковъ и горцевъ Кантабріи, а потому слѣдуетъ присоединиться къ мнѣнію испанскаго критика Менендеса-и-Пелайо, и признать, что, какъ художникъ, Перэда долженъ занять непосредственное мѣсто послѣ Сервантеса; въ области романическаго творчества никто изъ современниковъ не въ состояніи съ нимъ соперничать. Постараемся представить читателю посильную характеристику Перэды какъ романиста, пользуясь собраніемъ его сочиненій въ шестнадцати объемистыхъ томахъ.

I.

Перэда никогда не искалъ ни славы, ни популярности. Онъ не искалъ ни разнообразія впечатлѣній, ни простора столичной жизни, мало интересовался сосѣдями, не увлекался модными литературными направленіями и проводилъ и проводитъ свою довольно продолжительную жизнь (р. 1847 г.) тамъ, гдѣ впервые увидѣлъ Божій свѣтъ, въ родномъ Сантандерѣ, среди давно знакомыхъ впечатлѣній, гордый и независимый, окруженный любовью горцевъ и моряковъ, которыхъ онъ прославилъ. Романистъ смотритъ съ чувствомъ извѣстнаго пренебреженія на суету столичной жизни, погоню за честолюбивыми и тщеславными интересами, борьбу партій и свѣтскую сутолоку. Убѣжденный католикъ и карлистъ, словами и дѣломъ доказавшій свою преданность претенденту, Перэда обладаетъ несложнымъ, но стройнымъ политическимъ міросозерцаніемъ, считается консерваторомъ и сторонникомъ устоевъ старой испанской жизни. Однако, отсутствіе прогрессивной политической программы, сосредоточенныя въ себѣ династическія и религіозныя чувства не мѣшаютъ обладать Перэдѣ, какъ художнику, чрезвычайно широкимъ горизонтомъ, открывающимъ ему глубокіе тайники природы и человѣка—и придаютъ фигурѣ романиста цѣльность и скульптурную выпуклость. Къ тому же современная Испанія отличается чрезвычайною толерантностью отношеній партій, и испанскій консерваторъ не представляетъ такой опасности для существованія другихъ направленій, какъ наши пресловутые „охранители". У Перэды въ его отечествѣ нѣтъ ни завистниковъ, ни хулителей. Его собратія по оружію—не менѣе извѣстные, хотя менѣе талантливые, Валера, Гальдосъ, Эмилія Басонъ, Ибаньесъ, Вальдесъ—относятся къ нему съ чувствомъ глубокой симпатіи и восхищенія, и даже царствующая въ Испаніи династія отличаетъ высокими наградами за литературныя заслуги приверженца донъ-Карлоса.

Кругъ идей Перэды, если не имѣть въ виду художественной сферы, нельзя назвать широкимъ; его философія кажется намъ неглубокой. Но его міросозерцаніе поражаетъ своею ясностью и опредѣленностью. Патріархальный складъ ума Перэды, его любовь къ прошлому, нѣсколько глумливое и насмѣшливое отношеніе къ успѣхамъ современной культуры и цивилизаціи, находятся въ полной гармоніи съ его религіозными и политическими убѣжденіями. Почти не разставаясь съ родными горами и мо-

ремъ, прекрасно понимая и чувствуя родную среду, Перэда является творцомъ своей среды и природы, и онъ достигъ на этомъ поприщѣ чрезвычайно важныхъ, единственныхъ въ своемъ родѣ результатовъ. Забытая природа, забытые люди пріобрѣли благодаря Перэдѣ интересъ для всякаго интеллигентнаго читателя. Однако, несмотря на цѣльность литературнаго творчества Перэды, мы можемъ и у этого романиста отмѣтить періоды уклоненій въ сторону соціально-бытового, такъ сказать общественнаго романа и даже направленія прямо тенденціознаго.

Эти опыты не увеличили сокровищницы художественнаго творчества Перэды и не расширили значительно его философское и научное міросозерцаніе, но, что особенно существенно, они выяснили для него и другихъ силу и особенность его таланта. Попытаемся познакомиться съ наиболѣе выдающимися трудами Перэды, твердо помня, что этотъ блестящій писатель вполнѣ неизвѣстенъ нашей публикѣ.

Мы сказали — онъ началъ свою литературную дѣятельность тамъ, гдѣ началъ жизнь — въ Сантандерѣ. Онъ росъ на лонѣ природы, прекрасной и грозной,—горы и море,—въ тѣсномъ общеніи, несмотря на свое положеніе богатаго наслѣдника, съ народомъ, раздѣляя свой дѣтскій досугъ съ уличными мальчишками, типы которыхъ онъ такъ прекрасно изобразилъ въ одномъ изъ своихъ разсказовъ. Мальчикомъ онъ посѣщалъ городскую школу, гдѣ главнымъ предметомъ была латынь, и раздѣлялъ всѣ ужасы тираніи учителя Бернабе, тирана и палача въ школѣ и добрѣйшаго человѣка внѣ уроковъ.

Слѣдуя желанію отца, Перэда, по окончаніи курса въ среднемъ учебномъ заведеніи, отправился въ высшее инженерное училище въ Мадридѣ, гдѣ успѣшно занимался и принималъ живое участіе въ литературномъ движеніи столицы, особенно же пристрастился къ театру. По окончаніи ученья, Перэда вернулся въ родное гнѣздо, занялся дѣлами имѣнія и литературой. Кратковременное его пребываніе въ Мадридѣ въ качествѣ депутата, парламентская дѣятельность—еще болѣе расхолодили Перэду по отношенію къ столицѣ и ея интересамъ.

По возвращеніи въ Сантандеръ, романистъ почти безвыѣздно живетъ въ этомъ городѣ.

Первые опыты Перэды были приняты вполнѣ радушно не только провинціальной публикой, но и столичной; каждый романъ увеличивалъ славу и извѣстность Перэды, и въ непродолжительное время скромный сѣверянинъ сталъ гордостью и красой Испаніи.

Критика, представляющая собою слабое мѣсто въ испанской литературѣ, отнеслась къ начинающему писателю, за немногими исключеніями, весьма благопріятно.

Съ полнымъ основаніемъ причислили Перэду къ реалистамъ лучшей школы, продолжателямъ лучшихъ преданій кастильской литературы. Благодаря Перэдѣ, умалилось модное вліяніе французскаго натурализма, и онъ много способствовалъ въ своемъ отечествѣ оздоровленію и очищенію литературнаго вкуса.

Уже въ первыхъ своихъ очеркахъ Перэда оказался на высотѣ художественнаго творчества. Главныя особенности его замѣчательнаго таланта сразу опредѣлились. Сильной и сочной кистью рисовалъ Перэда міръ своихъ согражданъ. Рука его не дрогнула, когда приходилось живописать простыя, но преисполненныя трагизма сцены. Вмѣстѣ съ тѣмъ, всѣ чувствовали, что романистъ влюбленъ въ сюжеты своихъ разсказовъ, любитъ любовью зрѣлаго и вполнѣ объективнаго художника. Уже въ первыхъ разсказахъ опредѣлилась тонкая наблюдательность автора, его искренній юморъ, напоминающій юморъ Сервантеса, хотя менѣе мягкій и безобидный, часто переходящій въ сарказмъ. Далѣе, вполнѣ яснымъ стало мастерство Перэды въ области языка, изъ котораго онъ умѣлъ извлечь сказочное богатство оттѣнковъ, художественно соединивъ діалектическія особенности со стройностью классической, академической рѣчи.

Главнымъ наставникомъ и вдохновителемъ Перэды была его среда, которую онъ превосходно зналъ и понималъ. Жизнь и врожденный талантъ воспитали его музу. Книжныя и внѣшнія вліянія на Перэду были весьма несложны и не всегда благотворны. Испанскіе классики, съ Сервантесомъ во главѣ, народная повѣствовательная литература—благотворно вліяли на талантъ Перэды. Перечитывая испанскую новеллистику XV и XVI ст., романистъ долженъ былъ восторгаться прелестями композиціи и эпической красотой слога. Вліянія современныхъ Перэдѣ романистовъ, испанскихъ и французскихъ, сказались на немъ отрицательными сторонами. Таковы были вліянія, напр., Бальзака, Фелье и Гальдоса. Романами Перэды, написанными на *тему*, мы обязаны впечатлѣніями, воспринятыми романистомъ въ модныхъ вѣяніяхъ. Къ счастью, этотъ подражательный періодъ продолжался весьма недолго, и Перэда вновь попалъ на путь своего истиннаго призванія и подарилъ читателямъ близкія къ совершенству повѣсти вродѣ „Sotileza“ [1]) и „La Puchera“ [2]).

---

[1]) Имя собственное.

[2]) Названіе кушанья.

Мелкіе разсказы Перэды составляютъ четыре объемистыхъ тома, т.-е. четвертую часть всего написаннаго романистомъ. Въ качественномъ отношеніи эти разсказы заключаютъ лучшіе элементы дарованія Перэды. Особенную извѣстность пріобрѣлъ его сборникъ „Горныя сцены“ („Escenas montañesas“). Онъ состоитъ изъ разсказовъ самаго разнообразнаго содержанія. Рядомъ съ остроумной живой жанровой картиной, мѣткимъ анекдотомъ, бытовымъ элементомъ, вы встрѣчаете захватывающіе драматизмомъ изложенія разсказы, каковы „Отплытіе“, „Конецъ расы“. Если бы кромѣ этихъ разсказовъ Перэда не написалъ ничего — его слава, какъ новеллиста, все же покоилась бы на солидныхъ основаніяхъ.

„Горныя сцены“ — сборникъ очерковъ — выдвинулъ Перэду изъ ряда современниковъ. Сборникъ состоитъ изъ 17-ти новеллъ различныхъ размѣровъ, содержаніе которыхъ заимствовано изъ жизни моряковъ и земледѣльцевъ Сантандера. Темы затрогиваются весьма разнообразныя и обработаны различнымъ образомъ. Въ „Roquero“ [1]) мы читаемъ характеристику уже погибшаго типа портоваго вора и грабителя; въ „Robla“ [2]) — описаніе уже погибшаго обычая взаимнаго угощенія послѣ ярмарочныхъ сдѣлокъ; „Въ Индію“ — рисуетъ вѣчную исторію убогаго эмигранта, отправляющагося въ Америку въ погонѣ за счастьемъ. „Канунъ Рождества“ — изображаетъ рядъ прекрасныхъ деревенскихъ обычаевъ, извѣстныхъ въ настоящее время лишь этнографамъ. Въ очеркѣ „Suum cuique“ романистъ представилъ намъ контрастъ между жизнью сельскаго обывателя и столичнаго жителя, и съ замѣчательнымъ юморомъ наглядно показалъ, какъ отличны другъ отъ друга интересы города и деревни, и какъ неумѣстна идеализація того и другого образа жизни. Горожанинъ, восторгавшійся простотой и чистотой нравовъ сельчанъ, попадаетъ въ трагикомическія положенія, привлекается къ суду и вынужденъ убѣдиться, что ни онъ не созданъ для деревни, ни деревня для него. Не менѣе юмора въ „Arroz y gallo muerto“ [3]), гдѣ излагаются комическія похожденія горожанина, приглашеннаго на сельскій бытовой праздникъ и изнемогающаго отъ обильныхъ и непривычныхъ угощеній. Новелла „Сельскіе танцы“ — почти ученое, въ беллетристической формѣ, разсужденіе о деревенскихъ танцахъ въ ихъ прошломъ и настоящемъ.

Совершенно особнякомъ въ сборникѣ стоятъ два разсказа, — двѣ страницы одной жизни. Въ одномъ („Отплытіе“) мы нахо-

[1]) Техническое мѣстное названіе портоваго хищничества.

[2]) Техническое мѣстное названіе.

[3]) Arroz — названіе кушанья; gallo muerto — мертвый пѣтухъ.

димъ яркую картину жизни убогихъ моряковъ, въ вѣчной борьбѣ съ моремъ, бурями, скалами, лишенныхъ, какъ герой разсказа, Туэрто, даже отдыха у домашняго очага. Скудный заработокъ Туэрто идетъ на водку одержимой порокомъ пьянства хозяйки; мужъ голодаетъ, дѣти—грязныя, одѣтыя въ жалкія рубища. Бѣдняга-морякъ „учитъ" свою жену, но жестокіе побои не приносятъ ей никакой пользы: жалкая женщина все глубже грязнетъ въ ужасномъ порокѣ. Наконецъ, Туэрто теряетъ терпѣніе, поступаетъ во флотъ, оставивъ своихъ дѣтей на попеченіи своей матери. Отплытіе Туэрто и ему подобныхъ злополучныхъ тружениковъ описано авторомъ чрезвычайно картинно, и мы съ удовольствіемъ привели бы это описаніе въ переводѣ, если бы намъ не предстояло приведеніе не менѣе интересныхъ выдержекъ.

Въ другой новеллѣ—„Конецъ расы"—морякъ Тремонторіо чудомъ спасся отъ ярости бури. Но восьмидесятилѣтній старецъ былъ такъ помятъ бурями и волнами, что самъ почувствовалъ близкій конецъ. Пригласивъ священника, онъ исповѣдался и причастился. Узнавъ объ этомъ, разсказчикъ посѣтилъ своего стараго пріятеля, Тремонторіо, и хотѣлъ попытаться его утѣшить.

„Я засталъ его на убогой кровати; онъ былъ блѣденъ, какъ мертвецъ, но спокоенъ, какъ бы отдыхающій. За нимъ ухаживалъ другой рыбакъ, который стоялъ у изголовья съ скрещенными на груди руками. Лицо его мнѣ показалось знакомымъ: я узналъ въ немъ Туэрто. Но какимъ старымъ, сѣдымъ, изможденнымъ и согнувшимся я его нашелъ! Мое присутствіе не могло никого смущать, ибо состраданіе къ потерпѣвшимъ крушеніе было обычнымъ; старый рыбакъ принялъ меня гораздо лучше, нежели я ожидалъ отъ свойственной ему суровости.

„—Какъ вы чувствуете себя теперь?—спросилъ я его.—„Съ кормчимъ на кораблѣ со вчерашняго дня" [1],—отвѣтилъ рыбакъ обыкновеннымъ, но подавленнымъ голосомъ.—„Конечно, это изъ предосторожности?—сказалъ я ему, понявъ его аллегорическое сравненіе и желая придать ему мужества.—„Какая тамъ предосторожность, tina! [2])—отвѣтилъ онъ мнѣ мрачно.—Я старый и усталый человѣкъ, а гавань темна и проходъ въ нее узокъ. Когда же нужно напутствіе, какъ не теперь?"—Вы правы, отвѣтилъ я, удивляясь его душевному равновѣсію.—Во время этихъ опасностей испытывается мужество духа. Я вижу, что вы не нуждаетесь въ утѣшеніи.—„Нѣтъ, хвала Господу, Ко-

---

[1]) Т.-е. съ напутствіемъ Тайнъ.

[2]) Поговорка Тремонторіо.

торый мнѣ далъ болѣе, нежели я заслужилъ. Восемьдесятъ лѣтъ—и никому за эту продолжительную жизнь я не причинилъ зла; испытавъ столько бурь—умереть какъ добрый христіанинъ въ кровати и въ присутствіи друга—не стыдно ли было бы желать большаго?"

Слова эти были удивительны, потому что были искренни, какъ и все, что выходило изъ его устъ за столь долгую жизнь.

Послѣ непродолжительной бесѣды разсказчикъ сталъ прощаться съ умирающимъ: „До скораго свиданія", дружески сказалъ онъ: „А почему бы не такъ?"—отвѣтилъ старикъ, придавъ моимъ словамъ большее значеніе, нежели я самъ. „Всѣ мы—моряки и послѣ плаванія возвращаемся въ одну и ту же гавань. Если діаволъ не закроетъ ее для насъ, я—завтра, а вы—въ другой день—бросимъ туда свои якори".

Второй томъ очерковъ „Сцены и очерки" заключаетъ рядъ разнообразныхъ по содержанію статей, въ незначительной лишь части беллетристическихъ. Къ разсказамъ этой категоріи мы относимъ любопытныя автобіографическія воспоминанія дѣтскихъ лѣтъ Перэды, о которыхъ уже было упомянуто („Воспоминанія", „Еще воспоминанія", юмористическіе разсказы, вродѣ „Какъ лгутъ?", „Добрые ребята" „Первая шляпа", „Мастерская перчатокъ"). Лучшую часть сборника составляютъ сатирическіе разсказы автора, осмѣивающіе ненормальность и пустоту житейскихъ отношеній, общественные предразсудки, нетерпимость, или обсуждающіе общіе философскіе вопросы, напр. „Прекрасныя теоріи", гдѣ исповѣдующіе возвышенныя идеи гуманности, современные апостолы, изобличаются въ жестокости и черствости къ нуждающемуся собрату,—или ненормальность явленій общественной жизни, какою является неограниченная власть сельскаго писаря, безжалостно эксплоатирующаго забитаго и невѣжественнаго крестьянина. Изумительныя продѣлки этихъ господъ всесторонне разоблачаются Перэдой. Наконецъ, весьма интересны разсужденія романиста о нѣкоторыхъ спеціальныхъ вопросахъ, какъ-то объ аллегорическихъ толкованіяхъ „Донъ-Кихота" и вообще слабыхъ сторонахъ критики Сервантеса.

Разсматриваемый томъ очерковъ Перэды въ художественномъ отношеніи ниже другихъ, но для знакомства съ философскимъ и общественнымъ міросозерцаніемъ автора эти очерки весьма цѣнны. Къ міросозерцанію Перэды мы еще вернемся, теперь же замѣтимъ, что оно отличается большою стойкостью и опредѣленностью.

Третій томъ мелкихъ разсказовъ Перэды озаглавленъ: „Фрески водяными красками“ и „Типы горныхъ вершинъ“. Въ немъ мы находимъ двѣ довольно крупныя повѣсти и нѣсколько мелкихъ разсказовъ. Въ первой повѣсти изображена супружеская чета, проживающая въ Мадридѣ. Супруги душевно любятъ другъ друга, но обладаютъ различными взглядами и привычками: мужъ—уроженецъ сѣвера, землякъ Перэды—тяготится свѣтской сутолокой, въ которой, наоборотъ, его прекрасная супруга находитъ полное удовлетвореніе. Нѣсколько легкомысленная и довѣрчивая молодая женщина даетъ поводъ къ неосновательнымъ подозрѣніямъ, вызываетъ катастрофу, въ которой едва не гибнутъ мужъ и его братъ, и наконецъ наглядно и во-время убѣждается, съ какой испорченной средой имѣетъ дѣло. Молодая женщина ищетъ отдыха и успокоенія на суровой родинѣ мужа, куда вмѣстѣ съ нимъ отправляется на продолжительное время. Въ другой повѣсти („Золото торжествуетъ“) Перэда впервые выводитъ на сцену разбогатѣвшаго въ Америкѣ испанца (indiano), типъ, блестяще имъ разработанный, къ которому онъ питаетъ ненависть и отвращеніе. Въ данномъ очеркѣ романистъ не въ мѣру сгущаетъ краски, изобразивъ американца бандитомъ, не только ограбившимъ честнаго труженика, но и отнявшимъ у него любимую невѣсту. Грабитель торжествуетъ, а жертва его остается на всю жизнь съ клеймомъ позора.

Другіе разсказы этого сборника представляютъ собою мелкіе эскизы жизни въ Сантандерѣ, типы по преимуществу посѣтителей курорта. Глубиной эти разсказы не отличаются, но блещутъ юморомъ, яркимъ реализмомъ и свидѣтельствуютъ объ отвращеніи автора ко всему искусственному, низкому и пошлому.

Четвертый томъ очерковъ Перэды („Типы и пейзажи“) обладаетъ высокими художественными достоинствами. Симпатіи и антипатіи автора ярко въ немъ высказываются. Въ разсказѣ „Двѣ системы“ изображаются два поколѣнія финансовыхъ дѣятелей, и старая система представляется авторомъ болѣе раціональной и благоразумной. Въ остроумномъ очеркѣ: „Чтобы быть хорошимъ погонщикомъ“—рисуется неожиданно разбогатѣвшая молодая крестьянская чета, которой внезапное обогащеніе приноситъ преждевременную смерть. Исчезновеніе интересныхъ паломничествъ, благодаря желѣзнодорожному сообщенію, изображено Перэдой весьма живо и картинно (La Romeria del Carmen) [1]). Этнографъ съ интересомъ и поученіемъ для себя прочтетъ пре-

[1]) Паломничество къ Карменъ (т.-е. S. Maria Carmen).

красный очеркъ, посвященный деревенскимъ колдуньямъ (Las Brujas). Эпически наглядно и съ тонкимъ юморомъ воспроизводится Перэдой донъ-Робустеро — типъ симпатичныхъ автору обѣднѣвшихъ, но гордыхъ аристократовъ, а благополучное заключеніе и примиреніе гидальго съ богатымъ и честнымъ купцомъ свидѣтельствуютъ, что, какъ художникъ, Перэда чуждъ всякой сословной исключительности, и „хорошіе“ люди вездѣ и всюду ему дороги.

Печальной нотой звучитъ эпилогъ похожденій наивной крестьянской дѣвушки, сгубившей себя въ поискахъ за легкимъ заработкомъ и лишившей послѣдней надежды престарѣлыхъ родителей („Ir por lana“) [1]. Прекрасно написанную, и очень поэтичную, народную сказку о пастухѣ, лечившемъ царевну, и происках колдуньи мы находимъ въ очеркѣ: „El amor de los tizones [2]); наконецъ, съ легкимъ юморомъ написана во весь ростъ фигура сельскаго чиновника, шарлатана и шантажиста.

Во всѣхъ очеркахъ и этого тома Перэды мы можемъ указать прекрасныя описанія пейзажа, тонкія психологическія наблюденія, глубокое проникновеніе въ явленія соціальной и семейной жизни. Нѣкоторыя исключительность и рѣзкость личныхъ взглядовъ Перэды объясняются высокою правдивостью и искренностью автора—качествами весьма цѣнными въ нашихъ глазахъ.

Перэда дорогъ историку литературы не какъ философъ или соціологъ (хотя многіе взгляды его оригинальны и ни одного нѣтъ банальнаго), а какъ художникъ, поэтъ моря, горъ, тружениковъ земли и моря.

II.

Политическая жизнь Испаніи во вторую половину прошлаго столѣтія протекала далеко не благополучно. Политическіе и парламентскіе кризисы слѣдовали другъ за другомъ, а избиратели весьма часто находились подъ сильнымъ давленіемъ правительства. Злоупотребленія, подкупы и насилія были обыденнымъ явленіемъ. Прикрываясь знаменемъ либерализма, вожаки нагло обманывали невѣжественный народъ. На административныхъ вершинахъ оказывались люди съ сомнительнымъ прошлымъ, внезапно разбогатѣвшіе буржуа, которые вносили въ общество своеобраз-

---

[1] Идти за шерстью.

[2] Любовь паразитовъ (фиг.).

ный и часто противный своею наглостью тонъ. Цѣлый рядъ интригановъ выплылъ на поверхность общественной жизни, созидая свое существованіе на обманѣ легкомысленныхъ кандидатовъ въ депутаты и ихъ избирателей. Парламентаризмъ въ Испаніи и въ настоящее время отличается нѣкоторыми особенностями, неизвѣстными въ другихъ странахъ Европы. Такъ, вліятельные и сильные люди извѣстнаго района, нерѣдко навязываютъ населенію своего кандидата, и забитые избиратели, экономически зависимые, безпрекословно выбираютъ согласно указанію.

Эти и другія анормальныя явленія парламентской жизни должны были вызвать основательное негодованіе въ такомъ прямомъ и честномъ человѣкѣ, какъ Перэда. Духъ партіи усугубилъ это негодованіе; консерваторъ и карлистъ, онъ не могъ оказаться вполнѣ безпристрастнымъ къ революціонерамъ и либераламъ. И это негодованіе впервые проявилось въ сильно, хотя нѣсколько тенденціозно написанномъ романѣ „Los hombres de pro“ (Люди наживы). Трактирщикъ убогаго селенія, нажившій ростовщичествомъ небольшое состояніе, мало-по-малу расширяетъ арену дѣятельности и наживаетъ большой капиталъ. Не довольствуясь матеріальными пріобрѣтеніями, Симонъ—такъ его звали,—ставшій „дономъ Симономъ“, рѣшается сдѣлаться политическимъ дѣятелемъ. Ловкіе агенты легко опутываютъ честолюбиваго буржуа. Начинается избирательная агитація, вымаливаніе поддержки вліятельныхъ лицъ округа (кациковъ), ставящія дона Симона въ щекотливыя и комическія положенія. Операція увѣнчалась успѣхомъ—новый депутатъ съ женой и дочерью переселился въ Мадридъ, гдѣ вся семья окунулась въ водоворотъ политической и свѣтской жизни. Въ столицѣ донъ Симонъ подвергся эксплоатаціи подозрительныхъ субъектовъ изъ чиновничьяго и журнальнаго міра; высокіе сановники подъ различными предлогами вовлекали его въ сомнительныя спекуляціи. Донъ Симонъ оказался бы нищимъ, еслибы судьба не сжалилась надъ нимъ; послѣ позорнаго провала въ парламентѣ, осмѣянный прессой, неглупый буржуа сообразилъ, что его роль сыграна. Благодаря энергіи и находчивости, донъ Симонъ спасъ нѣкоторую часть своего состоянія и искалъ утѣшенія въ семейной жизни, навсегда простившись съ политической карьерой.

„Los hombres de pro“ былъ первымъ романомъ Перэды, гдѣ авторъ откликнулся на злободневные вопросы. Исторія дона Симона написана увлекательно. Характеры дѣйствующихъ лицъ, видимо, написаны по непосредственнымъ наблюденіямъ. Цѣлый рядъ лицъ изъ политическаго міра Испаніи очерченъ весьма ре-

льефно. Въ чрезмѣрномъ нагроможденіи политическихъ интригъ чувствуется доля преувеличенія, хотя эти интриги ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть названы вымышленными.

„Los hombres de pro"—долженъ считаться предшественникомъ и въ извѣстной степени родоначальникомъ политическихъ романовъ Перэды: „Gonzalez de Gonzalera" и „Pedro Sanchez". Типы политикановъ и интригановъ обрисованы Перэдой въ этомъ романѣ превосходно. Отвращеніе романиста ко всему фальшивому, манерному и искусственному замѣтно на всякомъ шагу. Этой-то *правдивостью* Перэды объясняется въ значительной степени и та нетерпимость, съ которой романистъ относится къ уродливымъ явленіямъ испанскаго конституціонализма.

Рядомъ съ политическими вопросами волновали Перэду въ разсматриваемый періодъ и вопросы философско-религіозные и семейные. Очевидно, онъ не могъ оставаться безучастнымъ ко всему тому, что происходило вокругъ него. Но, по своей организаціи, онъ не былъ въ состояніи плыть по теченію и скорѣе реагировалъ противъ того, что ему казалось временнымъ и случайнымъ явленіемъ. Вопросы о религіозной терпимости, волновавшіе испанское общество въ семидесятыхъ годахъ, пропаганда раціонализма, казавшаяся испанцу новинкой, наконецъ, вопросы семейнаго и общественнаго характера, возникавшіе подъ вліяніемъ Бальзака—вотъ главныя темы романовъ Перэды этого періода. Пагубныя послѣдствія атеизма задумалъ Перэда показать въ романѣ: „Какое дерево—такая и щепа" (De tal palo—tal astilla). Еслибы не замѣчательный талантъ Перэды, обработка такой темы въ беллетристической формѣ оказалась бы неудачной. Но талантъ и на этотъ разъ спасъ романиста.

Доказывать въ романѣ, что нечестіе наказуется Провидѣніемъ—задача въ высокой степени неблагодарная. И Перэда, конечно, не доказалъ бы этого тезиса. Фабула и интрига романа грѣшатъ дѣланностью, но этотъ крупный недостатокъ искупается десятками страницъ, на которыхъ Перэда чудесно рисуетъ горные пейзажи, типы художественные и цѣльные, характерные, задуманные весьма тонко. Во всякомъ случаѣ „De tal palo—tal astilla" гораздо выше въ художественномъ отношеніи „Сибиллы" Фелье и „Глоріи" Переса Гальдоса, которыми Перэда, по всему вѣроятію, въ данномъ случаѣ вдохновлялся. Типъ ханжи и фарисея съ замѣчательнымъ совершенствомъ обрисованъ романистомъ въ лицѣ дона Сотера, а крестьянинъ Макавей долженъ считаться украшеніемъ серіи горцевъ Перэды. Къ чести романиста слѣдуетъ присовокупить, что, изображая пред-

ставителей двухъ поколѣній атеистовъ и позитивистовъ въ лицѣ доктора и его молодого сына, Перэда отнесся къ ихъ неудачамъ и горю съ полнымъ сочувствіемъ и трогательною человѣчностью: не гнѣвъ и негодованіе, а состраданіе и жалость вдохновляли романиста.

Иную, уже не трагическую, а трагикомическую попытку анализа семейныхъ вопросовъ представляетъ романъ: „Быкъ на свободѣ“ (El buey suelto). Въ противовѣсъ модному въ извѣстное время направленію беллетристики, изображавшему семейную жизнь въ самыхъ безотрадныхъ формахъ, Перэда задался цѣлью наглядно показать всю бездну эгоизма стараго холостяка, существующаго исключительно для угожденія своимъ прихотямъ. Пріемъ, къ которому романистъ обратился въ этомъ романѣ, въ высокой степени остроуменъ. Представителемъ сословія холостяковъ избранъ человѣкъ, лишенный и крупныхъ достоинствъ, и крупныхъ пороковъ. Это — узкій себялюбецъ, чуждый всякихъ идеаловъ общественности и гражданственности, стремящійся пожить въ свое удовольствіе и предохранить себя отъ всѣхъ неудобствъ и обязательствъ брачной жизни. Ловко лавируя, Гедеонъ успѣваетъ избѣжать всякихъ искушеній, но, будучи сластолюбивымъ и испорченнымъ, онъ не сторонится отъ случайныхъ, нерѣдко унизительныхъ связей. Немезида въ старости отплатила Гедеону: въ тяжелые часы послѣдней болѣзни онъ испыталъ всѣ тягости корыстныхъ и оплачиваемыхъ услугъ, подвергался безпощадной эксплоатаціи низкопробныхъ женщинъ, которыми окружалъ себя, и умеръ, проклиная свою призрачную себялюбивую независимость. „El buey suelto“ блещетъ юморомъ и изобилуетъ комическими сценами, иногда переходящими въ каррикатуру, напримѣръ, появленіе въ моментъ кончины Гедеона грязныхъ оборвышей, именующихъ себя его сыновьями...

Отмѣченные нами два послѣдніе романа Перэды, несмотря на свои крупныя художественныя достоинства, скользятъ по поверхности житейскихъ отношеній и не затрогиваютъ глубоко сюжетовъ. Несравненно выше стоитъ въ этомъ отношеніи романъ Перэды: „Донъ Гонсало Гонсалесъ изъ Гонсалеры“, въ значительной степени продолжающій основныя идеи „Los hombres de pro“, съ тѣмъ различіемъ, что политическая интрига въ „Донѣ Гонсалесѣ“ гораздо сложнѣе, и авторъ захватываетъ массу разнообразныхъ общественныхъ интересовъ. Всѣ ужасы и комизмы революціоннаго движенія въ невѣжественной средѣ, вызванные наглыми и пронырливыми агитаторами, мастерски изображены Перэдой. Въ лицѣ Гонсало, героя романа, обрисо-

ванъ яркими чертами, въ формѣ, близкой къ совершенству, типъ буржуа, изъ разбогатѣвшихъ эмигрантовъ, „indiano“, къ которому, какъ замѣчено, Перэда относится съ такимъ же отвращеніемъ, какъ Флоберъ—къ своимъ буржуа.

Разбогатѣвшій мѣщанинъ Гонсалесъ одержимъ духомъ честолюбія и служитъ поэтому послушнымъ орудіемъ въ рукахъ низкопробныхъ политическихъ агитаторовъ. Кромѣ честолюбія, донъ Гонсало еще одержимъ жаждою мести знатному дворянину дону Роману Льосія за отказъ въ рукѣ его дочери Магдалины.

Донъ Романъ, въ противоположность Гонсалесу, относится къ типамъ очень дорогимъ автору. Это—типъ честнаго и благороднаго землевладѣльца старой кастильской формаціи, другъ меньшей братіи, поклонникъ законности и добрыхъ традицій. Въ донѣ Романѣ рядомъ съ суровой и рѣзкой манерой обращенія уживается горячая любовь не только къ семьѣ, но и ко всѣмъ немногочисленнымъ жителямъ селенія Сотеруко (300), которымъ онъ помогаетъ словомъ и дѣломъ. Богатство, знатность и авторитетность дона Романа въ высокой степени претятъ дону Гонсало и немногочисленнымъ поборникамъ революціи. Среди послѣднихъ роль вожаковъ выпадаетъ на долю недоучившагося студента Лукаса и Патриція—демагога опаснаго типа. Лукасъ фанатично преданъ интересамъ революціи, рисуется звучными фразами о свободѣ и братствѣ, но въ основѣ его поступковъ все же лежитъ неудовлетворенное самолюбіе, низкая зависть къ имущимъ, приниженное чувство обиженнаго судьбой человѣка.

Искусство Перэды, какъ творца характеровъ, въ особенности сказалось въ изображеніи родственнаго по духу дону Роману гидальго, дона Лопе: въ немъ рядомъ съ чертами поразительнаго съ дономъ Романомъ сходства читатель замѣтитъ рѣзкія индивидуальныя черты.

Въ разсматриваемомъ романѣ Перэды мы находимъ цѣлый рядъ интереснѣйшихъ персонажей. Они живутъ у него полною и всесторонней жизнью. Особенно интересны: простой, честный и добрый священникъ Фрутосъ, дочь дона Романа Магдалина и племянница дона Лопе Осмунда, злая и коварная старая дѣва, сдѣлавшаяся Немезидой Гонзалеса въ качествѣ его законной супруги. Особенности горнаго пейзажа превосходно обрисованы Перэдой, діалогъ ведется мастерски. Книга дышетъ юморомъ и благороднымъ негодованіемъ ко всему низменному и пошлому. Послѣ „Дона Гонсалеса“ Перэда, какъ бы желая вновь окунуться въ свѣжую стихію родной жизни и поэзіи, пишетъ романъ, лишенный какой-либо тенденціи: „Букетъ родной земли“ (El sabor

de la Tierruca), гдѣ съ изумительнымъ блескомъ проявляетъ всѣ свои качества, какъ романиста, поэта родныхъ горъ и весей. Не связанный сколько-нибудь цѣльной фабулой, если не считать мотива вражды двухъ поселеній и любви двухъ юныхъ паръ, этотъ романъ заключаетъ вереницу типовъ, художественная цѣльность которыхъ изумительна, рядъ интересныхъ эпизодовъ, характеровъ и описаній природы—мѣстами классическихъ. Нѣкоторые эпизоды романа могутъ привести въ восторгъ этнографа и психолога,—напримѣръ, сцены, въ которыхъ дѣйствующимъ лицомъ является вѣдьма — убогая, ни въ чемъ неповинная старушка, которой населеніе приписываетъ всевозможныя бѣдствія.

„Букетъ родной земли" является какъ бы прелюдіей къ крупнымъ романамъ изъ жизни моряковъ и горцевъ послѣдняго періода его творчества. Къ политическому роману Перэда возвращается еще разъ и въ „Педро Санчесѣ" достигаетъ высокаго совершенства—въ предѣлахъ особенностей своего дарованія.

„Педро Санчесъ" — интереснѣйшая исторія политическаго дѣятеля, современнаго испанскаго Жиль-Блаза, проложившаго себѣ путь къ высшимъ ступенямъ карьеры. Честный, умный и предпріимчивый сѣверянинъ, Педро Санчесъ обладаетъ нѣкоторымъ литературнымъ дарованіемъ и пріобрѣтаетъ извѣстность въ качествѣ публициста. Увлеченный революціей, выдвинувшійся во время государственнаго переворота, Педро Санчесъ получаетъ при новомъ режимѣ губернаторскій постъ. Интрига честолюбивой и порочной жены Педро, дочери одного изъ сановниковъ прежняго режима, и происки интригана-секретаря—увлекаютъ честнаго, неподкупнаго, съ прогрессивными наклонностями, сановника на путь административной рутины и злоупотребленій по службѣ, что, конечно, компрометируетъ его въ глазахъ центральнаго правительства. Педро вынужденъ покинуть свой постъ съ позоромъ.

Біографія Санчеса объединяетъ дѣйствіе романа и придаетъ ему цѣльность и законченность. Всѣ перипетіи революціи, взрывъ которой оказывается неожиданностью и для подготовившихъ ее, описаны наглядно и послѣдовательно. Очень живо и интересно описаны нѣкоторые эпизоды, напр. путешествіе Санчеса въ омнибусѣ на мулахъ изъ Сантандера въ Мадридъ. Характеры нѣкоторыхъ мужскихъ и женскихъ персонажей отдѣланы съ обычной у Перэды рельефностью, а ситуаціи подобраны весьма удачно. Весьма типичны: тесть Санчеса, сановникъ-оппортунистъ, теряющій въ трудныхъ обстоятельствахъ даже тѣнь личнаго до-

стоинства, гордая жена Педро, Клара, презирающая мужа съ гадливою надменностью аристократки; не менѣе рельефна и ея мать—молодящаяся старуха, на все готовая для удовлетворенія страсти къ роскоши. Прекрасно обрисованы: донъ Серафимъ, при смѣнѣ режимовъ многократно остававшійся за штатомъ, страдающій отъ сознанія вѣчной необезпеченности, и его дочь, Карменъ, прекрасная, добрая и милая дѣвушка, сдѣлавшаяся впослѣдствіи счастливой женой Санчеса, послѣ безвременной кончины его первой жены.

Второстепенныя дѣйствующія лица въ романѣ производятъ цѣльное и опредѣленное представленіе, а манипуляціи чиновниковъ, парламентскихъ дѣятелей, прессы, обнаружены авторомъ съ проницательностью и наглядностью.

Испанская критика встрѣтила „Педро Санчеса" съ большимъ одобреніемъ. Романистка Пардо Пасанъ осыпала книгу восторженными похвалами. И другіе критики различныхъ лагерей находили этотъ романъ Перэды весьма удачнымъ. Слышались, однако, отзывы, напр. Менендеса-и-Пелайо, что, при всѣхъ достоинствахъ „Педро Санчеса", этотъ романъ уступаетъ во многихъ отношеніяхъ повѣстямъ и новелламъ Перэды изъ жизни моряковъ и горцевъ. Какъ бы то ни было, по цѣльности и стройности фабулы, интереснымъ эпизодамъ, ярко и тонко обрисованнымъ характерамъ, „Педро Санчесъ" долженъ занять одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду современныхъ испанскихъ романовъ. Горячіе поклонники Перэды отъ души желали, чтобы маститый писатель вновь принялся за свои излюбленныя темы. Уступая этимъ желаніямъ, а еще болѣе внутреннему влеченію, Перэда принялся за прежніе сюжеты и подарилъ публикѣ два произведенія, близкія къ классической красотѣ—„Sotileza" (имя собств.) и „La Puchera" [1]). Эти произведенія служатъ украшеніемъ послѣдняго періода дѣятельности романиста.

III.

„Sotileza"—романъ изъ жизни рыбаковъ. Заглавіе дано по прозвищу героини, иначе называемой Сальдой. Интрига и фабула не представляютъ ничего замысловатаго. Центральной фигурой является выше названная бѣдная дѣвушка—сирота и пріе-

---

[1]) Названіе кушанья, своеобразная похлебка.

мышъ въ рыбацкой семьѣ; въ ней дивнымъ образомъ сочетались внѣшняя красота и высокія духовныя качества. Сальда (Сотилесой прозванная за изящество стана) обладаетъ необыкновенно развитымъ чувствомъ собственнаго достоинства, женской чести и внѣшней и внутренней опрятностью. Неиспорченная, прямая и честная, она высоко носитъ голову и даетъ рѣзкій отпоръ клеветникамъ, посягнувшимъ на ея честь. За развитіемъ физическимъ и нравственнымъ Сальды романистъ заставляетъ читателя слѣдить весьма обстоятельно и послѣдовательно, а благородный характеръ лишенной всякаго образованія дѣвушки вполнѣ гармонируетъ съ той грубой, но честной средой, въ которой она вращается. Интригой романа, если принять эту условную номенклатуру, является любовь трехъ молодыхъ людей къ Сальдѣ. Уродливый Муерго съ дѣтства возбуждаетъ жалость Сальды, можетъ быть даже чувство влеченія красоты къ абсолютному безобразію; два другіе поклонника обладаютъ почти одинаковыми достоинствами и шансами, и авторъ не разъяснилъ вполнѣ отчетливо, кто изъ нихъ овладѣлъ сердцемъ Сальды; по крайней мѣрѣ, самъ Перэда разсказываетъ, что послѣ появленія романа къ нему обращались читатели и въ особенности читательницы съ вопросами, кого именно любитъ Сотилеса, хотя заключительныя стороны романа говорятъ въ пользу Клето.

На фонѣ этой простой до элементарности фабулы авторъ щедрой рукой ставитъ предъ очарованнымъ читателемъ рядъ чудесно написанныхъ картинъ природы и много дѣйствующихъ лицъ, отдѣланныхъ весьма тщательно и рельефно, отъ начинающихъ свою жизнь отроковъ до глубокихъ старцевъ. Высшія аристократическія сферы отсутствуютъ въ этомъ романѣ, но зато къ интересамъ меньшей братіи Перэда относится съ любовнымъ вниманіемъ. Классически обрисованъ монахъ Аполлинарій, другъ всѣхъ униженныхъ и оскорбленныхъ, превосходно свыкшійся со средой, среди которой прошла значительная часть его жизни, судья и посредникъ въ дѣлахъ семейныхъ и, при своей напускной грубости, жалостливый и нѣжный, какъ женщина, настолько безкорыстный и милосердный, что, раздавая все, получаемое отъ паствы, самъ онъ часто лишенъ необходимой одежды. Въ высокой степени трогательны юмористическія сцены, изображающія отца „Полипаро" въ обществѣ жалкихъ оборвышей, которыхъ онъ одного за другимъ кормитъ, одѣваетъ и устраиваетъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что „Полипаро" принадлежитъ къ національнымъ испанскимъ типамъ и украситъ собою галерею немногочисленныхъ избранниковъ литературы.

„Sotileza“ имѣла большой успѣхъ; романъ этотъ переведенъ на иностранные языки и понравился публикѣ, хотя въ переводѣ исчезаетъ главная прелесть романа, его несравненный, яркій и колоритный языкъ, чрезвычайно живой и мѣткій, изобилующій богатыми діалектическими особенностями.

Вполнѣ правъ землякъ Перэды, историкъ и критикъ Менендесъ-и-Пелайо, утверждающій въ своемъ восторженномъ отзывѣ о „Sotileza“, что прелести этого романа доступны въ большей степени непосредственному чувству, нежели критическому анализу. По общему тону и изложенію, „Sotileza“ принадлежитъ къ разряду идиллическихъ романовъ и можетъ быть поставлена наряду съ лучшими произведеніями этого рода литературы. Отъ всего романа вѣетъ силой и энергіей, чистотой и непосредственностью ощущеній; въ немъ проявляются лучшія и наиболѣе симпатичныя стороны неиспорченной человѣческой души, находящейся въ полной гармоніи съ окружающей, сильной, величественной и суровой природой. Сама Сотилеса Сальда лишена чертъ женственной слабости, что не мѣшаетъ ей чувствовать нѣжность и состраданіе. Почерпая силы въ неизсякаемыхъ родникахъ своей среды и души, Сотилеса способна возвыситься до трагическаго паѳоса и, сама того не сознавая, дѣлается настоящей героиней. Романиста нельзя упрекнуть ни въ одномъ ложномъ шагѣ, когда идетъ рѣчь о „Sotileza“; наоборотъ, слѣдуетъ удивляться его безподобному реализму и художественной уравновѣшенности. Касаясь, напр., отношеній Сальды къ уроду Муерго, Перэда отмѣчаетъ и присутствіе чувственнаго элемента у красавицы Сальды; но этотъ элементъ не можетъ сдѣлаться опаснымъ, такъ какъ Сальду спасаетъ глубокое сознаніе своего женскаго достоинства и стыдливость сильной и неиспорченной души. Чего бы не разрисовали французскіе натуралисты на благодарномъ мотивѣ влеченія красавицы къ уроду! Но Перэда зналъ свою среду и понималъ, что Сальда и ей подобныя всегда одерживаютъ верхъ надъ мимолетными слабостями.

Романъ Перэды „La Puchera“ обладаетъ болѣе сложной и запутанной интригой, нежели „Sotileza“, а потому при первомъ чтеніи кажется интереснѣе этого романа. При вторичномъ чтеніи „Puchera“ кажется слабѣе своей предшественницы, и это впечатлѣніе остается навсегда у читателя. Дѣло въ томъ, что, при всѣхъ своихъ достоинствахъ, „La Puchera“ чужда той возвышенной простоты, безъискусственности и непосредственности, какія мы видѣли въ „Сотилесѣ“. Однако, нѣсколько проигрывая при сравненіи съ шедэвромъ Перэды, романъ „La Puchera“ все же

обладаетъ такими крупными положительными данными, которыя даютъ ему право на одно изъ почетныхъ мѣстъ среди европейскаго романа. Содержаніе „Пучера“ какъ бы пополняетъ „Сотилесу“ новыми весьма удачными типами: таковъ, напримѣръ, типъ скряги и ростовщика Балтасара, деревенскаго лекаря Эліаса, жадной экономки Галусы и грубаго семинариста Марконеса. Художественно закончены образы Лебрато и сельскаго священника. Нѣсколько тускло нарисованъ образъ Инесы, дочери Балтасара и добродѣтельнаго американца (indiano), нѣсколько смѣшного въ своемъ несвоевременномъ и неумѣстномъ раскаяніи. Грубый планъ экономки увлечь свою воспитанницу неуклюжимъ племянникомъ-семинаристомъ весьма забавенъ, но вноситъ долю шаржа въ простое и правдивое содержаніе романа. Фантазеръ лекарь Эліасъ, мечтающій о сказочномъ богатствѣ и пребывающій въ жалкой нуждѣ, усиливаетъ въ романѣ элементъ гротеска. Рядомъ съ этимъ мы читаемъ въ „La Puchera“ главы по истинѣ классическія, поражающія блескомъ композиціи и стиля, гдѣ Перэда возвышается до недосягаемой высоты. Такъ, глава „El agosto del Berrugo“ [1]) можетъ считаться образцомъ сельской идилліи высокаго стиля, гдѣ великолѣпное описаніе сбора полевыхъ продуктовъ и вина заканчивается трогательнымъ по своей простотѣ и непосредственности объясненіемъ въ любви созданной другъ для друга молодой крестьянской пары. Другая глава „La puchera del Lebrato“ изображаетъ весьма сложную и трудную рыбную ловлю и опасности, которымъ подвергаются убогіе смѣльчаки, рискующіе жизнью для жалкаго заработка. Простая сцена мучительнаго и опаснаго восхожденія на скалу двухъ ловцовъ, спасающихся отъ ярости преслѣдующихъ ихъ по пятамъ волнъ, дѣйствуетъ, благодаря мастерству описанія, на читателя потрясающимъ образомъ. Самыми сложными театральными эффектами трудно было бы достигнуть столь потрясающаго впечатлѣнія.

Въ „La Puchera“ и „Sotileza“ мы имѣемъ высокіе образцы провинціальнаго романа, образцы близкихъ къ совершенству идиллій. Но этими романами дѣятельность Перэды не ограничивается; мы оставили еще безъ разсмотрѣнія повѣсть „Ля Монтальвесъ“, послѣдніе очерки изъ жизни горцевъ и монаховъ: „Осеннія облака“, „Первый полетъ“ и „Скалы на вершинахъ“ („Peñas arriba“).

---

[1]) Собственное имя.

„Монтальвесъ“ представляетъ собою экскурсію Перэды въ область психологическаго и салоннаго романа, въ стилѣ Бурже. Онъ написанъ въ формѣ дневника—весьма подходящей къ психологическому роману. Романъ вызвалъ немало упрековъ критики, находившей, что салонныя сферы Мадрида слишкомъ мало извѣстны автору; его упрекали въ неточностяхъ и непослѣдовательностяхъ. Въ этихъ отзывахъ, несомнѣнно, много правды; но несомнѣнно и то, что романъ читается съ большимъ интересомъ, заключаетъ много здравыхъ и тонкихъ наблюденій и написанъ весьма изящнымъ слогомъ. Быть можетъ, присущія Перэдѣ прямота и искренность выразились, мѣстами, въ образахъ, не вполнѣ подходящихъ къ сюжету. Во всякомъ случаѣ, „La Montalvez“ не возвышается надъ уровнемъ средняго приличнаго романа и касается сферъ, съ которыми Перэда не успѣлъ такъ сжиться, какъ со своими горцами и моряками. Не представляя пятна на репутаціи Перэды, какъ писателя, „La Montalvez“ ничего не прибавляетъ къ его извѣстности.

Романы „Осеннія облака“ и „Первый полетъ“ посвящены семейнымъ и общественнымъ отношеніямъ въ небольшомъ провинціальномъ уголкѣ. Въ фабулѣ этихъ романовъ есть нѣкоторое сходство (любовная завязка), дѣйствіе происходитъ въ среднемъ кругу общества и, особенно въ „Nubes del estio“, преисполнено юмора. Эти романы весьма интересны, отличаются живостью изложенія и діалога, но вы не найдете въ нихъ новыхъ элементовъ творчества Перэды.

IV.

Послѣдній романъ Перэды—„Скалы на вершинахъ“—достойнымъ образомъ вѣнчаетъ величественное художественное зданіе, имъ воздвигнутое. Мы имѣемъ дѣло съ сюжетами, дорогими и близкими автору: жизнью горныхъ вершинъ, доступныхъ жилью человѣка. Романъ производитъ впечатлѣніе эпоса, отъ него вѣетъ суровой прелестью roman ceros. Перэда въ немъ возвышается даже надъ уровнемъ „Sotileza“ и „La Puchera“, отрѣшившись отъ нѣкоторыхъ слабыхъ сторонъ этого романа. Простая и безъискусственная фабула дала возможность автору развернуть во всемъ блескѣ особенности своего таланта. Наслѣдникъ горнаго маіората, Марсело, до тридцати-двухъ лѣтъ прожившій въ Мадридѣ, увлекаясь удовольствіями столичной жизни, вызванъ къ больному дядѣ въ помѣстье, затерявшееся въ отдаленномъ углу

Пиренейскихъ горъ. Изнѣженный горожанинъ вынужденъ проѣхать большое разстояніе по горнымъ тропинкамъ, рискуя попасть въ пропасть или быть растерзаннымъ дикимъ звѣремъ. Наконецъ онъ добирается до жилья дяди, встрѣчаетъ у него теплый семейный пріемъ и поселяется у больного старика, исподволь проникаясь букетомъ оригинальной, здоровой и нормальной жизни горцевъ. Постепенное ознакомленіе молодого человѣка съ природою и людьми даетъ поводъ автору изобразить передъ читателемъ цѣлый рядъ разнообразныхъ художественныхъ образовъ. Много чудныхъ красотъ раскрываетъ наблюдателю великолѣпная горная природа. Съ трудомъ и опасностью взбираясь на недоступныя вершины въ обществѣ священника или другого сосѣда, Марсело упивается прелестями необъятнаго пейзажа. Во всякое время года горные ландшафты имѣютъ своеобразную, не поддающуюся описанію красоту, и изнѣженный горожанинъ мало-по-малу становится поклонникомъ суровой и неблагосклонной, на первый взглядъ, природы.

Не менѣе ландшафта нравится дону Марсело та среда, въ которой ему приходится вращаться. Вначалѣ отталкивающая молодого туриста своею суровостью и нѣкоторою рѣзкостью, эта среда, при ближайшемъ знакомствѣ, оказывается доброй, впечатлительной и даже культурной. Постоянное общеніе человѣка съ природой, непрерывный и послѣдовательный честный трудъ, способствовали созданію прямыхъ, честныхъ и благородныхъ характеровъ, одаренныхъ необыкновенною устойчивостью, искренностью и привязчивостью. Среди крупныхъ владѣльцевъ Марсело встрѣчалъ людей высокообразованныхъ и прекрасныхъ знатоковъ мѣстной жизни и исторіи, горячо любящихъ свою родину. Неразрывными узами связаны въ „Peñas Arriba" люди и суровая, дѣвственная природа; художественное наслажденіе ея несравненными красотами способствуетъ росту и совершенствованію духовной сферы людей, не получившихъ почти никакого искусственнаго воспитанія.

„Peñas arriba" достойнымъ образомъ вѣнчаетъ великолѣпное зданіе художественнаго творчества Перэды. Мы прощаемся съ романистомъ съ полной увѣренностью, что онъ успѣлъ намъ дать лучшіе плоды своего замѣчательнаго таланта. Мы видимъ въ немъ художника, поэтическое вдохновеніе котораго несоизмѣримо съ цѣлымъ сонмомъ его европейскихъ современниковъ. Какъ романистъ-художникъ, Перэда не имѣетъ теперь въ Европѣ себѣ равнаго.

Посвятимъ нѣсколько строкъ описательнымъ и техническимъ пріемамъ Перэды.

V.

Изъ изложенія содержанія романовъ Перэды въ достаточной степени, на нашъ взглядъ, выяснилось, что, какъ художникъ, этотъ романистъ стоитъ внѣ всякой опредѣленной школы и руководствуется въ своемъ творчествѣ непосредственнымъ вдохновеніемъ и вѣрнымъ инстинктомъ истиннаго поэта. Отсюда происходитъ, что Перэда прибѣгаетъ къ простымъ и вѣрнымъ, достигающимъ цѣли, техническимъ пріемамъ. Излюбленной интригой его романовъ является сосредоточеніе въ одномъ лицѣ основного дѣйствія—пріемъ, усвоенный романистомъ у испанскихъ новеллистовъ старой школы. Первоклассным мастеромъ долженъ считаться Перэда въ изображеніи жанровыхъ сценъ, блещущихъ юморомъ, и иногда заключающихъ зародыши трагическаго дѣйствія. Несравненный художникъ въ области народной психологіи, нравовъ и быта, Перэда рѣшительно превосходитъ своихъ современниковъ въ умѣньи чувствовать и списывать природу. Его описанія полны оригинальной прелести, наглядно и отчетливо рисуютъ прекрасные пейзажи предъ очарованнымъ читателемъ. Для примѣра привожу замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ описаніе дубоваго лѣса въ первой главѣ „Букетъ родной земли“.

„...Этотъ дубъ былъ великолѣпнымъ экземпляромъ своего рода: толстый, твердый и здоровый, какъ скала, стволъ, съ шероховатой, какъ морской канатъ, поверхностью; сильныя и могучія горизонтальныя вѣтви изобиловали промежуточными вѣтками; изящно вырѣзанные и почти черные толстые листья; выше—еще вѣтви, а еще выше—еще рядъ; чѣмъ выше, тѣмъ короче онѣ становились, пока не закончились узкой короной, заключающей это шумное и дрожащее зданіе.

„Обыкновенный горный дубъ—это лѣсной разбойникъ, неукротимый и неупорядоченный. Онъ выростаетъ тамъ, гдѣ его менѣе всего ожидаютъ: между шиповникомъ, въ разсѣлинахъ скалъ, на сухомъ ложѣ рѣки, на безплодной равнинѣ у истоковъ рѣки и во всякомъ другомъ мѣстѣ. Дубъ — cajiga — растетъ очень медленно, и, какъ будто томимый бездѣятельностью, онъ протягиваетъ и искривляетъ руки, раздвигаетъ нижнія конечности и старѣетъ, искалѣченный и изъязвленный: тогда на одну сторону онъ надѣваетъ покровъ, а другую

оставляетъ обнаженной. Онъ не чистится и не чешется, а лишь мѣняетъ старое платье, когда весна разрываетъ его одежду въ клочки, чтобы замѣнить ее новой. На ногахъ у дуба образуются рубцы, на стволѣ вздуваются опухоли, мохъ и сорныя травы выростаютъ на рукахъ; его давятъ и сжимаютъ отовсюду паразиты-растенія. Эта беззаботность и безпечность часто стоитъ болѣзни его членамъ, которые осыпаются, крошатся, пока, наконецъ, ихъ не срубитъ топоромъ дровосѣкъ. Остается глубокое гнѣздо, гдѣ выростаютъ травы, если только пчелы не изберутъ себѣ здѣсь гнѣзда для выработки богатыхъ сотовъ меду, которыми никто не полакомится.

„Экземпляръ, о которомъ я разсказываю, былъ лучшимъ въ своемъ родѣ, и такъ какъ онъ провелъ жизнь, глядя на своего родственника, вяза, то и сталъ походить на него стволомъ и листвой.

„Великолѣпно возвышается этотъ дубъ на склонѣ возвышенности, обращенномъ къ югу; его свитой былъ цѣлый легіонъ сородичей, карликовъ и кривыхъ, которые расползались съ одной на другую сторону, подобно складкамъ оборки платья, и заглушались сорными и моховидными травами.

„Лучше было гиганту, такъ какъ ногами онъ опирался на зеленую и цвѣтущую мураву и освѣжался запасами хрустальной воды, которая протекала въ его тѣни и которую деревенская изобрѣтательность размѣстила по тремъ каменнымъ ложбинамъ, оставивъ незанятой противоположную сторону, сообразно съ уклономъ почвы, для того, чтобы вода изливалась въ изобиліи, и нуждающіеся въ ней могли черпать ее сосудами.

„На другой сторонѣ ствола, недалеко отъ источника, образовались широкія ступени, на которыхъ могли помѣститься рядомъ шестеро; плодородная почва одѣла ихъ зеленымъ и мягкимъ ковромъ. Съ этого мѣста, какъ и отъ источника, разстилалась чудесная перспектива“.

Мы старались уяснить читателю значеніе обильной и плодотворной литературной дѣятельности Перэды. Этотъ романистъ стоитъ на высотѣ лучшихъ литературныхъ преданій своего народа, возвышается до эпическаго стиля народной испанской поэзіи. Подъ его перомъ воскресла забытая жизнь приморскихъ и горныхъ селеній сѣверной части Пиренейскаго полуострова, и имъ извлечено изъ среды сказочное богатство мотивовъ, основанныхъ на живыхъ

отношеніяхъ человѣка и природы. Изумительное обиліе, рельефность и оригинальность лексическаго матеріала, дѣлаютъ Перэду недосягаемымъ мастеромъ слова для современниковъ. Въ лицѣ Перэды европейскій романъ имѣетъ родоначальника свѣжаго и здороваго художественнаго творчества, которому, по всему вѣроятію, придется замѣнить блѣдныя и чахлыя произведенія поверхностнаго натурализма, адюльтерной интриги и салоннаго прозябанія иныхъ современныхъ модныхъ французскихъ романистовъ.

Л. Шепелевичъ.

АКТЫ

ОТНОСЯЩІЕСЯ КЪ ПАМЯТНЫМЪ ОКТЯБРЬСКИМЪ ДНЯМЪ.

17-го минувшаго октября состоялся и 18-го—распубликованъ слѣдующій Высочайшій манифестъ:

„Смуты и волненія въ столицахъ и во многихъ мѣстностяхъ Имперіи Нашей великою и тяжкою скорбью преисполняютъ сердце Наше. Благо Россійскаго Государя неразрывно съ благомъ народнымъ, и печаль народная—Его печаль. Отъ волненій, нынѣ возникшихъ, можетъ явиться глубокое нестроеніе народное и угроза цѣлости и единству Державы Нашей.

Великій обѣтъ Царскаго служенія повелѣваетъ Намъ всѣми силами разума и власти Нашей стремиться къ скорѣйшему прекращенію столь опасной для Государства смуты. Повелѣвъ подлежащимъ властямъ принять мѣры къ устраненію прямыхъ проявленій безпорядка, безчинствъ и насилій, въ охрану людей мирныхъ, стремящихся къ спокойному выполненію лежащаго на каждомъ долга, Мы, для успѣшнѣйшаго выполненія общихъ преднамѣчаемыхъ Нами къ умиротворенію государственной жизни мѣръ, признали необходимымъ объединить дѣятельность высшаго Правительства.

На обязанность Правительства возлагаемъ Мы выполненіе непреклонной Нашей воли:

1. Даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы на началахъ дѣйствительной неприкосновенности личности, свободы совѣсти, слова, собраній и союзовъ.

2. Не останавливая предназначенныхъ выборовъ въ Государственную Думу, привлечь теперь же къ участію въ Думѣ, въ мѣрѣ возможности, соотвѣтствующей краткости остающагося до созыва Думы срока, тѣ классы населенія, которые нынѣ совсѣмъ лишены избирательныхъ правъ, предоставивъ, засимъ, дальнѣйшее развитіе начала общаго избирательнаго права вновь установленному законодательному порядку,

и 3. Установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ

не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы и чтобы выборнымъ отъ народа обезпечена была возможность дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій поставленныхъ отъ Насъ властей.

Призываемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Россіи вспомнить долгъ свой передъ Родиною, помочь прекращенію сей неслыханной смуты и вмѣстѣ съ Нами напрячь всѣ силы къ возстановленію тишины и мира на родной землѣ".

Объединить дѣятельность министровъ, впредь до утвержденія законопроекта о совѣтѣ министровъ, Высочайше повелѣно статсъ-секретарю графу Витте, на нижеслѣдующемъ всеподданнѣйшемъ докладѣ котораго сдѣлана Государемъ Императоромъ надпись: „*Принять къ руководству*":

„Вашему Императорскому Величеству,—сказано въ этомъ докладѣ,—благоугодно было передать мнѣ Высочайшія Вашего Величества указанія относительно направленія, по которому должно слѣдовать правительство, въ связи съ соображеніями о современномъ состояніи Россіи, и приказать соотвѣтственно сему представить всеподданнѣйшій докладъ.

Вслѣдствіе сего пріемлю долгъ всеподданнѣйше представить нижеслѣдующее:

Волненіе, охватившее разнообразные слои русскаго общества, не можетъ быть разсматриваемо какъ слѣдствіе частичныхъ несовершенствъ государственнаго и соціальнаго устроенія, или только какъ результатъ организованныхъ дѣйствій крайнихъ партій. Корни этого волненія, несомнѣнно, лежатъ глубже. Они—въ нарушенномъ равновѣсіи между идейными стремленіями русскаго мыслящаго общества и внѣшними формами его жизни. Россія переросла форму существующаго строя. Она стремится къ строю правовому на основѣ гражданской свободы.

Въ уровень съ одушевляющей благоразумное большинство общества идеей должны быть поставлены и внѣшнія формы русской жизни. Первую задачу Правительства должно составлять стремленіе къ осуществленію теперь же, впредь до законодательной санкціи черезъ Государственную Думу, основныхъ элементовъ правового строя: свободы печати, совѣсти, собраній, союзовъ и личной неприкосновенности. Укрѣпленіе этихъ важнѣйшихъ сторонъ политической жизни общества должно послѣдовать путемъ нормальной законодательной разработки, наравнѣ съ вопросами, касающимися уравненія передъ закономъ всѣхъ подданныхъ Вашего Императорскаго Величества, независимо отъ вѣроисповѣданія и національности. Само собою разумѣется, что предоставленіе населенію правъ гражданской свободы должно сопутствоваться законнымъ ограниченіемъ ея для твердаго огражденія правъ третьихъ лицъ, спокойствія и безопасности государства.

Слѣдующей задачей Правительства является установленіе такихъ учрежденій и такихъ законодательныхъ нормъ, которыя соотвѣтствовали бы выяснившейся политической идеѣ большинства русскаго обще-

ства и давали положительную гарантію въ неотъемлемости дарованныхъ благъ гражданской свободы. Задача эта сводится къ устроенію правового порядка. Соотвѣтственно цѣлямъ водворенія въ государствѣ спокойствія и безопасности, экономическая политика Правительства должна быть направлена ко благу широкихъ народныхъ массъ, разумѣется, съ огражденіемъ имущественныхъ и гражданскихъ правъ, признанныхъ во всѣхъ культурныхъ странахъ.

Намѣченныя здѣсь въ нѣсколькихъ словахъ основанія правительственной дѣятельности для полнаго осуществленія своего требуютъ значительной законодательной работы и послѣдовательнаго административнаго устроительства. Между выраженнымъ съ наибольшей искренностью принципомъ и осуществленіемъ его въ законодательныхъ нормахъ, а въ особенности проведеніемъ этихъ нормъ въ нравы общества и пріемы правительственныхъ агентовъ, не можетъ не пройти нѣкоторое время. Принципы правового порядка воплощаются лишь постолько, поскольно населеніе получаетъ къ нимъ привычку — гражданскій навыкъ. Сразу пріуготовить страну со 135-милліоннымъ разнороднымъ населеніемъ и обширнѣйшей администраціей, воспитанными на иныхъ началахъ, къ воспріятію и усвоенію нормъ правового порядка не по силамъ никакому правительству. Вотъ почему далеко не достаточно власти выступить съ лозунгомъ гражданской свободы. Чтобы водворить въ странѣ порядокъ, нужны трудъ, неослабѣвающая твердость и послѣдовательность.

Для осуществленія сего, необходимымъ условіемъ является однородность состава Правительства и единство преслѣдуемой имъ цѣли. Но и Министерство, составленное, по возможности, изъ лицъ одинаковыхъ политическихъ убѣжденій, должно еще приложить всѣ старанія, чтобы одушевляющая его работу идея стала идеей всѣхъ агентовъ власти отъ высшихъ до низшихъ. Заботой правительства должно быть практическое водвореніе въ жизнь главныхъ стимуловъ гражданской свободы. Положеніе дѣла требуетъ отъ власти пріемовъ, свидѣтельствующихъ объ искренности и прямотѣ ея намѣреній. Съ этой цѣлью Правительство должно поставить себѣ непоколебимымъ принципомъ полное невмѣшательство въ выборы въ Государственную Думу и, между прочимъ, искреннее стремленіе къ осуществленію мѣръ, предрѣшенныхъ Указомъ 12-го декабря.

Въ отношеніи къ будущей Государственной Думѣ заботой Правительства должно быть поддержаніе ея престижа, довѣрія къ ея работамъ и обезпеченіе подобающаго сему учрежденію значенія. Правительство не должно явиться элементомъ противодѣйствія рѣшеніямъ Думы, поскольку эти рѣшенія не будутъ, что невѣроятно, кореннымъ образомъ расходиться съ величіемъ Россіи, достигнутымъ тысячелѣтней ея исторіей. Правительство должно слѣдовать мысли, высказанной Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ Манифестѣ объ образованіи Государственной Думы, что Положеніе о Думѣ подлежитъ дальнѣйшему развитію въ зависимости отъ выяснившихся несовершенствъ и запросовъ времени. Правительству надлежитъ выяснить и установить эти запросы, руководствуясь, конечно, господствующей въ большинствѣ общества идеей, а не отголосками хотя бы и рѣзко выраженныхъ требованій отдѣльныхъ кружковъ, удовлетвореніе

которыхъ невозможно уже потому, что они постоянно мѣняются. Но удовлетвореніе желаній широкихъ слоевъ общества путемъ той или иной формулировки гарантій гражданскаго правопорядка необходимо.

Весьма важно сдѣлать реформу Государственнаго Совѣта на началахъ виднаго участія въ немъ выборнаго элемента, ибо только при этомъ условіи можно ожидать нормальныхъ отношеній между этимъ учрежденіемъ и Государственной Думой.

Не перечисляя дальнѣйшихъ мѣропріятій, которыя должны находиться въ зависимости отъ обстоятельствъ, я полагаю, что дѣятельность власти на всѣхъ ступеняхъ должна быть охвачена слѣдующими руководящими принципами:

1. Прямота и искренность въ утвержденіи на всѣхъ поприщахъ даруемыхъ населенію благъ гражданской свободы и установленіе гарантій сей свободы.

2. Стремленіе къ устраненію исключительныхъ законоположеній.

3. Согласованіе дѣйствій всѣхъ органовъ Правительства.

4. Устраненіе репрессивныхъ мѣръ противъ дѣйствій, явно не угрожающихъ обществу и государству,

и 5. Противодѣйствіе дѣйствіямъ, явно угрожающимъ обществу и государству, опираясь на законѣ и въ духовномъ единеніи съ благоразумнымъ большинствомъ общества.

Само собою разумѣется, что осуществленіе поставленныхъ выше задачъ возможно лишь при широкомъ и дѣятельномъ содѣйствіи общества и при соотвѣтствующемъ спокойствіи, которое позволило бы направить силы къ плодотворной работѣ. Слѣдуетъ вѣрить въ политическій тактъ русскаго общества. Не можетъ быть, чтобы русское общество желало анархіи, угрожающей, помимо всѣхъ ужасовъ борьбы, расчлененіемъ государства".

19-го октября подписанъ Высочайшій указъ Прав. Сенату о преобразованіи Совѣта Министровъ. Приводимъ главныя его постановленія:

„На Совѣтъ Министровъ возлагается направленіе и объединеніе дѣйствій главныхъ начальниковъ вѣдомствъ по предметамъ какъ законодательства, такъ и высшаго государственнаго управленія.

Совѣтъ Министровъ состоитъ изъ министровъ и главноуправляющихъ отдѣльными частями, принадлежащими къ общему министерскому устройству. Главные начальники прочихъ вѣдомствъ участвуютъ въ Совѣтѣ лишь по предметамъ своего вѣдомства.

Совѣтъ Министровъ состоитъ подъ предсѣдательствомъ одного изъ министровъ, по избранію Государя Императора, или особаго, призываемаго къ тому Монаршимъ довѣріемъ, лица.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ, хотя бы онъ и не завѣдывалъ отдѣльною частью государственнаго управленія, можетъ, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ министры, участвовать по дѣламъ всѣхъ вѣдомствъ въ Государственной Думѣ и Государственномъ Совѣтѣ и заступать каждаго изъ главныхъ начальниковъ вѣдомствъ.

Предсѣдатель Совѣта Министровъ по тѣмъ, подлежащимъ вѣдѣнію Совѣта, дѣламъ, кои требуютъ Высочайшаго разрѣшенія, входитъ со

всеподданнѣйшими докладами къ Императорскому Величеству, а о прочихъ предметахъ повергаетъ на Высочайшее благовоззрѣніе въ случаяхъ, заслуживающихъ Монаршаго вниманія.

Предсѣдателю Совѣта Министровъ предоставляется обращаться къ начальникамъ отдѣльныхъ вѣдомствъ и частей управленія о доставленіи необходимыхъ ему свѣдѣній и объясненій.

Совѣтъ Министровъ не рѣшаетъ дѣлъ, подлежащихъ вѣдѣнію Государственной Думы и Государственнаго Совѣта.

Предположенія главныхъ начальниковъ вѣдомствъ, равно какъ особыхъ совѣщаній, комитетовъ и коммиссій, по предметамъ законодательства, а также инымъ, подлежащимъ вѣдѣнію Государственной Думы и Государственнаго Совѣта, не могутъ быть вносимы въ сіи установленія безъ предварительнаго разсмотрѣнія въ Совѣтѣ Министровъ главныхъ основаній этихъ предположеній и существенныхъ ихъ частей.

Никакая, имѣющая общее значеніе, мѣра управленія не можетъ быть принята главными начальниками вѣдомствъ помимо Совѣта Министровъ. Предсѣдателю Совѣта доставляются министрами и главноуправляющими отдѣльными частями безотлагательно свѣдѣнія о всѣхъ выдающихся, происходящихъ въ государственной жизни, событіяхъ и вызванныхъ ими мѣрахъ и распоряженіяхъ. Таковыя мѣры и распоряженія предсѣдатель Совѣта, если признаетъ нужнымъ, предлагаетъ на обсужденіе Совѣта.

Дѣла, относящіяся до вѣдомства Императорскаго Двора и Удѣловъ, государственной обороны и внѣшней политики, вносятся въ Совѣтъ Министровъ, когда послѣдуетъ на то Высочайшее повелѣніе, или когда начальники подлежащихъ вѣдомствъ признаютъ сіе необходимымъ, или же когда упомянутыя дѣла касаются другихъ вѣдомствъ.

Предположенія начальниковъ вѣдомствъ, принадлежащихъ къ общему министерскому устройству, о замѣщеніи главныхъ должностей высшаго и мѣстнаго управленія, поступаютъ на обсужденіе Совѣта Министровъ. Правило сіе не распространяется на должности по вѣдомству Императорскаго Двора и Удѣловъ и по управленію арміею и флотомъ, а также на должности дипломатическія.

Если по дѣламъ, разсмотрѣннымъ въ Совѣтѣ Министровъ, не состоялось единогласнаго заключенія, то на дальнѣйшее направленіе ихъ предсѣдатель Совѣта испрашиваетъ указаній Императорскаго Величества.

Главными начальниками вѣдомствъ сообщаются предсѣдателю Совѣта Министровъ предварительно всѣ, подлежащіе представленію на Высочайшее благоусмотрѣніе, всеподданнѣйшіе доклады, имѣющіе общее значеніе или касающіеся другихъ вѣдомствъ. Такіе всеподданнѣйшіе доклады вносятся на разсмотрѣніе Совѣта его предсѣдателемъ или же, по соглашенію его съ подлежащимъ министромъ или главноуправляющимъ отдѣльною частью, докладываются сими послѣдними непосредственно Государю Императору, при томъ, въ случаѣ надобности, въ присутствіи предсѣдателя Совѣта Министровъ".

21-го октября воспослѣдовалъ другой указъ Правительствующему Сенату, имѣющій предметомъ амнистію за политическія преступленія:

„Манифестомъ 14-го октября“ — сказано въ этомъ указѣ“, — Мы возложили на обязанность правительства выполненіе непреклонной Нашей воли даровать населенію незыблемыя основы гражданской свободы.

Въ соотвѣтствіе съ симъ государственнымъ событіемъ, Мы признали за благо прежде всего облегчить участь лицъ, впавшихъ до воспослѣдованія сего манифеста въ преступныя дѣянія государственныя, а посему Всемилостивѣйше повелѣваемъ:

1) Освободить отъ преслѣдованія, суда, наказанія и прочихъ послѣдствій и даровать полное помилованіе всѣмъ совершившимъ до 17 октября 1905 года преступныя дѣянія, предусмотрѣнныя статьями 103, 104, 106, 107, 121, 125, 126 (ч. 1), 127, 128, 129, 130, 131, 132, 134 (ч. 1 п. 3), 163, 164, 166 (ч. 2), 168 (3 ч.) и 173 (ч. 4, въ отношеніи преступнаго дѣянія, учиненнаго безъ насилія), Высочайше утвержденнаго 22 марта 1903 года уголовнаго уложенія, а также принимавшимъ участіе въ стачкахъ и нарушеніяхъ условій найма, предусмотрѣнныхъ статьями 1358, 1358[1], 1358[2] и 1358[3] уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ, по прод. 1902 года, и статьею 51[4] (ч. 1) устава о наказаніяхъ, налагаемыхъ мировыми судьями, по тому же продолженію.

Милость сію распространить на всѣхъ, какъ осужденныхъ и отбывающихъ наказанія за изъясненныя преступныя дѣянія, такъ и на тѣхъ, противу коихъ по сей день не было возбуждено уголовнаго преслѣдованія или не послѣдовало судебнаго приговора.

2) Для отбывающихъ наказанія за учиненныя свыше десяти лѣтъ тому назадъ преступныя дѣянія государственныя и тѣ преступныя посягательства иного рода, за кои виновные были преданы военному суду на основаніи статей 17 и 31 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (прилож. 1 къ ст. 1, прим. 2, Св. зак. т. XIV, уст. пред. прест., изд. 1890 г.) и статьи 17 правилъ о мѣстностяхъ, объявляемыхъ состоящими на военномъ положеніи (прилож. къ ст. 23, Св. зак. т. II общ. губ. учр., изд. 1892 г.), отъ наказаній исправительныхъ освободить, а ссыльно-каторжныхъ перевести на поселеніе, сосланнымъ же на поселеніе, равно и перешедшимъ понынѣ изъ каторжныхъ работъ на поселеніе и имѣющимъ быть переведенными изъ каторги въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ разрѣшить, по истеченіи четырехъ лѣтъ пребыванія въ ссылкѣ, избраніе мѣстожительства, съ воспрещеніемъ имъ, въ теченіе трехъ лѣтъ жительства въ столицахъ и столичныхъ губерніяхъ, съ отдачею ихъ на тотъ же срокъ подъ надзоръ полиціи и съ признаніемъ ихъ, взамѣнъ лишенія всѣхъ правъ состоянія, лишенными по статьѣ 43 уложенія о наказаніяхъ уголовныхъ и исправительныхъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ.

3) Лицамъ, кои не подойдутъ подъ дѣйствіе п. 1 и 2, присужденнымъ до 17 октября 1905 года къ наказаніямъ за преступныя дѣянія государственныя и тѣ преступныя посягательства иного рода, за кои виновные были преданы военному суду на основаніи статей 17 и 31 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (прил. 1 къ ст. 1 прим. 2, Св. зак. т. 14 уст.

о пред. прест. изд. 1890 г.) и статьи 17 правилъ о мѣстностяхъ, объявляемыхъ состоящими на военномъ положеніи (прил. къ ст. 23 Св. зак. т. 2 общ. губ. учр. изд. 1892 г.), сократить на половину срокъ назначеннаго имъ лишенія свободы, а присужденнымъ къ безсрочной каторгѣ — замѣнить таковую каторгою на 15 лѣтъ, сосланнымъ же на поселеніе, равно и перешедшимъ понынѣ изъ каторжныхъ работъ на поселеніе, а также имѣющимъ быть переведенными изъ каторги въ разрядъ ссыльно-поселенцевъ разрѣшить, по истеченіи четырехъ лѣтъ пребыванія въ ссылкѣ, избраніе мѣстожительства съ соотвѣтствующимъ примѣненіемъ ограниченій и послѣдствій, въ п. 2 указанныхъ. Въ отношеніи лицъ, указанныхъ въ настоящемъ пунктѣ, повелѣваемъ министрамъ военному, морскому и юстиціи, по принадлежности чрезъ Совѣтъ Министровъ, входить къ Намъ съ особыми всеподданнѣйшими докладами о дальнѣйшемъ облегченіи участи осужденныхъ въ случаѣ, если они не были присуждены къ наказанію за смертоубійство и по обстоятельствамъ дѣла заслуживаютъ особаго снисхожденія.

4) Милости, даруемыя пп. 2 и 3, распространить на лицъ, кои будутъ присуждены къ наказаніямъ за указанныя въ этихъ пунктахъ преступныя дѣянія, учиненныя до 17 октября 1905 г.

5) Милости, даруемыя пп. 1, 2 и 3, распространить на лицъ, воспользовавшихся льготами по предшествующимъ Всемилостивѣйшимъ манифестамъ, а равно и на тѣхъ, коимъ наказанія за указанныя въ этихъ пунктахъ преступныя дѣянія были смягчены до 17 октября 1905 г. по особымъ Высочайшимъ повелѣніямъ.

6) Лицъ, подвергнутыхъ до 17 октября 1905 г. въ административномъ порядкѣ (ст. 1035 и слѣд. уст. угол. суд., Св. зак. т. XIV ч. I изд. 1892 г.) за преступныя дѣянія государственныя, на основаніи Высочайшихъ повелѣній, административнымъ взысканіямъ, равно тѣхъ, кои подвергнуты такимъ же взысканіямъ согласно статьямъ 16 (п. 4) и 32—36 положенія о мѣрахъ къ охраненію государственнаго порядка и общественнаго спокойствія (прил. I къ ст. 1 (прим. 2) Св. зак. т. XIV, уст. пред. прест., изд. 1890 г.), освободить отъ дальнѣйшаго отбыванія сихъ взысканій.

Въ отношеніи лицъ, подвергнутыхъ административнымъ взысканіямъ въ предѣлахъ Кавказскаго края, милости, въ семъ пунктѣ указанныя, примѣняются намѣстникомъ Нашимъ на Кавказѣ, по мѣрѣ умиротворенія сего края.

7) Всѣмъ, присужденнымъ до 17 октября 1905 г. къ смертной казни, а равно подлежащимъ этому наказанію за учиненныя до этого дня преступныя дѣянія, замѣнить смертную казнь ссылкою въ каторжныя работы на пятнадцать лѣтъ".

19-го октября состоялось циркулярное распоряженіе главнаго управленія по дѣламъ печати, существенная часть котораго заключается въ слѣдующемъ:

„Высочайшій Манифестъ 17-го октября вызоветъ въ самомъ ближайшемъ будущемъ изданіе новаго закона въ измѣненіе дѣйствую-

щаго нынѣ устава о цензурѣ. Впредь до изданія этого закона всѣ законоположенія, опредѣляющія дѣятельность учрежденій и лицъ цензурнаго вѣдомства, остаются въ полной силѣ; самое же отношеніе цензуры къ произведеніямъ печати должно кореннымъ образомъ измѣниться, сообразуясь съ ясно и опредѣленно выраженною въ Манифестѣ волею Государя Императора.

Такъ какъ ни въ одномъ государствѣ не существуетъ такой свободы печатнаго слова, которая не была бы ограничена опредѣленными карательными законами, а потому и у насъ эти законы будутъ всегда ограничивать свободу печати, то цензурному вѣдомству въ настоящее время надлежитъ прежде всего принять въ основу своей дѣятельности къ руководству наше уголовное законодательство, предусматривающее цѣлый рядъ преступленій, которыя могутъ быть совершаемы посредствомъ печати, а также согласованныя съ уголовными законами статьи цензурнаго устава.

Въ отношеніи преступленій государственныхъ, въ числѣ коихъ имѣется цѣлый рядъ преступныхъ дѣяній, которыя могутъ быть совершаемы посредствомъ печати, въ настоящее время дѣйствуетъ уже Уголовное Уложеніе 1903 года, а именно—статьи: 103, 104, 106, 107, 111, 128, 129, 132 и 133, прочія же преступленія печати предусмотрѣны въ соотвѣтствующихъ статьяхъ уложенія о наказаніяхъ.

Руководствуясь, впредь до измѣненія цензурнаго устава, изложенными въ этомъ уставѣ правилами для цензуры (ст. 93 и посл.), цензора должны сообразоваться съ новыми условіями, въ которыя поставлена печать, и личнымъ тактомъ и полнымъ устраненіемъ какихъ-либо требованій, не основанныхъ на законѣ, избѣгать возможности всякаго рода справедливыхъ нареканій.

Въ случаѣ появленія въ повременныхъ изданіяхъ, выходящихъ нынѣ безъ предварительной цензуры, такихъ статей, которыя заключаютъ въ себѣ признаки преступленій, а также въ случаѣ помѣщенія такихъ статей въ подцензурныхъ изданіяхъ безъ разрѣшенія или вопреки запрещенію цензуры, отдѣльные цензора и другія лица, цензирующія повременныя изданія, независимо отъ сообщенія о семъ въ порядкѣ 1213 ст. уст. угол. суд. главному управленію по дѣламъ печати, имѣютъ безотлагательно доводить о томъ же до свѣдѣнія мѣстнаго прокурорскаго надзора, отъ котораго будетъ зависѣть возбужденіе противъ виновныхъ уголовнаго преслѣдованія".

Одновременно съ этимъ отмѣнены всѣ распоряженія, объявленныя на основаніи ст. 140-ой уст. о ценз. и печ. (т.-е. запрещенія касаться въ печати того или другого вопроса), всѣ запрещенія розничной продажи и всѣ мѣры, принятыя на основаніи прим. къ ст. 144-ой (т.-е. подчинявшія періодическія изданія послѣ трехъ предостереженій извѣстному виду предварительной цензуры).

Въ то же самое время собраніе делегатовъ повременной печати, представленной въ Союзѣ для защиты свободы слова, единогласно постановило: сообщить правительству справку о мѣрахъ по вопросамъ объ амнистіи и о свободѣ печати:

I. Въ отношеніи предѣловъ и видовъ амнистіи присоединиться къ резолюціи, представленной графу С. Ю. Витте петербургской группой Союза писателей [1]).

II. Въ отношеніи свободы печати Союзъ признаетъ необходимымъ изданіе новаго закона на слѣдующихъ общихъ основаніяхъ: 1) явочный порядокъ для возникновенія изданій и отмѣна залоговъ; 2) отмѣна предварительной (т.-е. до напечатанія) и запретительной (т.-е. до выхода въ свѣтъ) цензуръ; 3) отвѣтственность за общія преступленія, совершонныя путемъ печати, исключительно по суду, съ подсудностью суду присяжныхъ.

III. Для того, чтобы печать могла въ настоящее время, въ рамкахъ нынѣ дѣйствующихъ условій, правомѣрно осуществлять ту свободу, которую Союзъ во всякомъ случаѣ будетъ фактически осуществлять теперь же, необходимо немедленно, впредь до изданія указаннаго выше общаго закона, установить: 1) отмѣну предварительной цензуры всѣхъ видовъ для всѣхъ повременныхъ изданій, книгъ и брошюръ на всѣхъ языкахъ; 2) отмѣну требованія предъявлять въ цензуру нумера повременныхъ изданій ранѣе сдачи ихъ на почту, а книгъ и брошюръ ранѣе выпуска ихъ въ свѣтъ; 3) отмѣну наложенія взысканій въ административномъ порядкѣ, а равно и задержанія и воспрещенія книгъ въ томъ же порядкѣ; 4) сложеніе всѣхъ нынѣ наложенныхъ взысканій со всѣми ихъ послѣдствіями; 5) отмѣну права администраціи изымать изъ обсужденія тѣ или иные вопросы.

IV. Союзъ въ защиту слова находитъ, что отмѣна нынѣ дѣйствующей концессіонной системы разрѣшенія изданій не можетъ быть отложена до изданія новаго общаго закона о печати, и что система явочная должна быть введена въ самомъ непродолжительномъ времени.

V. Впредь до пересмотра уголовныхъ законовъ о печати признать, что никто не можетъ подлежать отвѣтственности за самое содержаніе высказываемыхъ имъ мнѣній, если только этимъ не совершается какого-либо общаго преступленія (оскорбленія, нарушенія правъ третьихъ лицъ, призыва къ преступленію, нарушенія общественной нравственности и т. п.).

На основаніи этого постановленія періодическія изданія послѣ прекращенія (21-го октября) забастовки наборщиковъ, выходятъ въ свѣтъ безъ представленія въ цензуру.

За нѣсколько дней до манифеста 17-го октября были обнародованы Высочайше утвержденныя временныя правила относительно публичныхъ собраній по вопросамъ государственнымъ, общественнымъ и экономическимъ. Вотъ важнѣйшія изъ нихъ:

1) Желающій устроить собраніе обязанъ письменно заявить о томъ начальнику мѣстной полиціи — градоначальнику, оберъ-полиціймейстеру либо полиціймейстеру или же исправнику, либо соотвѣтствующему ему должностному лицу—не позднѣе, какъ за трое сутокъ до

[1]) Въ этой резолюціи заявлено было требованіе полной и безусловной амнистіи по всѣмъ преступленіямъ противъ политическаго и церковнаго строя, въ которомъ до сихъ поръ жила Россія.

открытія собранія, а если о времени и мѣстѣ онаго предполагается огласить во всеобщее свѣдѣніе, то не позднѣе, какъ за трое сутокъ до такого оглашенія. Если собраніе созывается не въ мѣстѣ постояннаго пребыванія начальника полиціи, то заявленіе должно быть подано не позднѣе, какъ за семь сутокъ до открытія собранія или оглашенія о немъ.

2) Въ заявленіи должны быть точно означены день, часъ, мѣсто и предметъ занятій собранія, а также имя, отчество, фамилія и мѣсто жительства устроителя или устроителей собранія. Если въ собраніи назначено выслушаніе доклада, сообщенія или рѣчи заранѣе опредѣленнаго лица, то его имя, отчество, фамилія и мѣсто жительства должны быть указаны въ заявленіи.

3) Собранія, цѣль или предметъ занятій которыхъ противны закону или устройство которыхъ угрожаетъ общественнымъ спокойствію и безопасности, воспрещаются начальникомъ полиціи. О таковомъ воспрещеніи, съ указаніемъ, по какому изъ сихъ основаній оно послѣдовало, устроители извѣщаются за однѣ сутки до предположеннаго открытія собранія или оглашенія о немъ во всеобщее свѣдѣніе, а если собраніе созывалось не въ мѣстѣ постояннаго пребыванія начальника полиціи, то за двое до того сутокъ.

4) Собранія могутъ происходить лишь въ закрытыхъ помѣщеніяхъ.

5) На собранія не допускаются: лица вооруженныя, за исключеніемъ тѣхъ, коимъ ношеніе оружія присвоено закономъ, состоящіе на дѣйствительной службѣ нижніе воинскіе чины, учащіеся въ низшихъ и среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и вообще малолѣтніе.

6) Надзоръ за соблюденіемъ порядка въ собраніи и за тѣмъ, чтобы оно не уклонялось отъ предмета занятій, возлагается на устроителей собранія. Для исполненія этихъ обязанностей устроители могутъ избрать изъ своей среды одного или нѣсколькихъ распорядителей, о чемъ должны быть извѣщены, до открытія собранія, начальникъ мѣстной полиціи или назначенное для присутствія въ собраніи должностное лицо. Если собраніемъ избранъ предсѣдатель, то на него переходятъ обязанности по указанному выше надзору.

7) Лицо, на которое возлагается надзоръ за порядкомъ въ собраніи, обязано устранять всякія противозаконныя проявленія со стороны находящихся въ собраніи лицъ и немедленно принимать соотвѣтственныя мѣры къ возстановленію порядка. Если послѣ двукратнаго предупрежденія порядокъ въ собраніи не будетъ возстановленъ, то надзирающій за порядкомъ въ немъ обязанъ распорядиться закрытіемъ собранія: а) когда оно явно отклонится отъ предмета его занятій; б) когда въ собраніи высказываются сужденія, возбуждающія вражду одной части населенія противъ другой; в) когда въ собраніи производятся неразрѣшенные денежные сборы; г) когда въ немъ оказываются лица, въ собранія не допускаемыя, и эти лица не покинутъ собранія или не будутъ изъ него удалены, и д) когда нарушенъ порядокъ собранія мятежными возгласами либо заявленіями, восхваленіемъ либо оправданіемъ преступленій, возбужденіемъ къ насилію либо неповиновенію властямъ, или же распространеніемъ преступныхъ воззваній либо изданій и, вслѣдствіе того, собраніе приняло характеръ, угрожающій общественнымъ спокойствію и безопасности.

8) Губернатору или начальнику мѣстной полиціи предоставляется назначать, для присутствія въ собраніи, должностное лицо, коему отводится мѣсто, по его указанію, надзирающимъ за порядкомъ въ собраніи. По требованію назначеннаго для присутствія въ собраніи должностного лица, надзирающій за порядкомъ въ собраніи сообщаетъ сему лицу имя, отчество и фамилію принимавшихъ участіе въ сужденіяхъ.

9) При наличности условій, въ статьѣ 7 указанныхъ, назначенному для присутствія въ собраніи должностному лицу предоставляется потребовать закрытія онаго. Если надзирающій за порядкомъ въ собраніи не исполнитъ такого требованія, то, послѣ двукратнаго предупрежденія, означенное должностное лицо закрываетъ собраніе своею властью.

10) Собраніе, состоявшееся безъ предварительнаго заявленія или вопреки воспрещенію, закрывается полиціею.

11) По объявленіи собранія закрытымъ, участники его обязаны разойтись. Въ случаѣ неисполненія сего, они удаляются мѣрами полиціи.

12) Жалобы на распоряженія и дѣйствія должностныхъ лицъ, упомянутыя въ статьяхъ 1, 3 и 8—11, приносятся въ общеустановленномъ порядкѣ.

Собранія всякаго рода подъ открытымъ небомъ по вопросамъ государственнымъ, общественнымъ или экономическимъ допускаются, съ соблюденіемъ вышеизложенныхъ правилъ, не иначе, какъ съ особаго каждый разъ разрѣшенія губернатора или градоначальника.

Дѣйствію вышеизложенныхъ правилъ подчинены публичныя собранія учрежденныхъ въ установленномъ порядкѣ обществъ, съ тѣмъ однако, что если предметъ собранія такого общества разрѣшенъ его уставомъ, то собраніе не можетъ быть воспрещено въ порядкѣ, ст. 3 упомянутыхъ правилъ указанномъ.

Разрѣшеніе съѣздовъ, въ томъ числѣ и съѣздовъ лицъ опредѣленныхъ званій или занятій, если порядокъ созыва сихъ съѣздовъ не установленъ закономъ или Высочайше утвержденнымъ уставомъ, предоставлено министру внутреннихъ дѣлъ, съ тѣмъ, чтобы къ публичнымъ собраніямъ съѣздовъ по вопросамъ государственнымъ, общественнымъ или экономическимъ примѣнялись правила, установленныя выше.

Дѣйствіе правилъ о публичныхъ собраніяхъ не распространяется на частныя всякаго рода собранія, съ тѣмъ, однако, чтобы вышеупомянутыя правила примѣнялись къ такимъ частнымъ собраніямъ по вопросамъ государственнымъ, общественнымъ или экономическимъ, приглашеніе къ участію въ коихъ совершается безыменными извѣщеніями или объявленіями въ повременныхъ изданіяхъ.

Въ подробномъ циркулярѣ, разосланномъ товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдующимъ полиціей, вслѣдъ за обнародованіемъ правилъ о публичныхъ собраніяхъ, встрѣчается, между прочимъ, слѣдующее ихъ разъясненіе:

„Разъ Высочайшею властью признано соотвѣтственнымъ даровать населенію новое право, пользованіе послѣднимъ не должно быть стѣсняемо какими-либо излишними мѣрами, а ограниченіе самаго права можетъ послѣдовать лишь въ случаяхъ, въ самомъ законѣ указанныхъ. Соображенія эти въ особенности надо имѣть въ виду по вопросамъ о закрытіи допущеннаго уже собранія. Въ законѣ установлены признаки, наличность которыхъ даетъ право признавать, что подобное собраніе приняло угрожающій общественнымъ спокойствію и безопасности характеръ. Признакамъ этимъ отнюдь, однако, не должно быть придаваемо того значенія, что разъ на собраніи произошелъ тотъ или иной фактъ, признакамъ этимъ соотвѣтствующій—собраніе должно быть немедленно же закрыто. Единичный мятежный возгласъ или заявленіе, временное отклоненіе собранія отъ предмета занятій, высказанное кѣмъ-либо сужденіе, не нашедшее себѣ отклика, не остановленный тотчасъ же предсѣдателемъ сборъ денегъ, разброска или передача какихъ-либо листковъ и воззваній, содержаніе которыхъ не подвергнуто немедленному обсужденію, и т. п. обстоятельства,—въ особенности при непривычкѣ населенія къ публичной дѣятельности,—должны служить лишь къ усиленію вниманія присутствующаго на собраніи должностнаго лица, въ крайнемъ случаѣ, къ обращенію его къ надзирающему за порядкомъ предсѣдателю или распорядителю съ заявленіемъ о необходимости возстановить порядокъ. Лишь исчерпавъ всѣ мѣры предупрежденія и въ томъ случаѣ, когда собраніе уже дѣйствительно приняло характеръ мятежническаго или шумнаго сходбища, намѣревающагося отъ словъ перейти къ какимъ-либо, въ особенности насильственнымъ, дѣйствіямъ, присутствующій на немъ представитель власти обязанъ распорядиться его закрытіемъ „порядкомъ, въ правилахъ указаннымъ“.

Къ тѣмъ же памятнымъ октябрьскимъ днямъ относится выработка нижеслѣдующей „Программы конституціонно-демократической партіи“, выработанной учредительнымъ съѣздомъ партіи — 12 — 18 октября сего года:

I. *Основныя права гражданъ.*

1. Всѣ россійскіе граждане, безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національности, равны передъ закономъ. Всякія сословныя различія и всякія ограниченія личныхъ и имущественныхъ правъ поляковъ, евреевъ и всѣхъ безъ исключенія другихъ отдѣльныхъ группъ населенія должны быть отмѣнены.

2. Каждому гражданину обезпечивается свобода совѣсти и вѣроисповѣданія. Никакія преслѣдованія за исповѣдуемыя вѣрованія и убѣжденія, за перемѣну или отказъ отъ вѣроученія не допускаются. Отправленіе религіозныхъ и богослужебныхъ обрядовъ и распространеніе вѣроученій свободно, если только совершаемыя при этомъ дѣйствія не заключаютъ въ себѣ какихъ-либо общихъ проступковъ, предусмотрѣнныхъ уголовными законами. Православная церковь и другія исповѣданія должны быть освобождены отъ государственной опеки.

3. Каждый воленъ высказывать изустно и письменно свои мысли,

а равно обнародывать ихъ и распространять путемъ печати или инымъ способомъ. Цензура, какъ общая, такъ и специальная, какъ бы она ни называлась, упраздняется и не можетъ быть возстановлена. За преступленія и проступки, совершонные путемъ устнаго и печатнаго слова, виновный отвѣчаетъ только передъ судомъ.

4. Всѣмъ россійскимъ гражданамъ предоставляется право устраивать публичныя собранія какъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ, такъ и подъ открытымъ небомъ для обсужденія всякаго рода вопросовъ.

5. Всѣ россійскіе граждане имѣютъ право составлять союзы и общества, не испрашивая на то разрѣшенія.

6. Право петицій предоставляется, какъ отдѣльнымъ гражданамъ, такъ и всякаго рода группамъ, союзамъ, собраніямъ и т. п.

7. Личность и жилище каждаго должны быть неприкосновенны. Входъ въ частное жилище, обыскъ, выемка въ немъ и вскрытіе частной переписки допускается только въ случаяхъ, установленныхъ закономъ, и не иначе какъ по постановленію суда. Всякое задержанное лицо въ городахъ и другихъ мѣстахъ пребыванія судебной власти въ теченіе 24-хъ часовъ, а въ прочихъ мѣстностяхъ имперіи не позднѣе, какъ въ теченіе 3-хъ сутокъ со времени задержанія, должно быть или освобождено, или представлено судебной власти. Всякое задержаніе, произведенное безъ достаточнаго основанія или продолженное сверхъ законнаго срока, даетъ право пострадавшему на возмѣщеніе государствомъ понесенныхъ имъ убытковъ.

8. Никто не можетъ быть подвергнутъ преслѣдованію и наказанію иначе, какъ на основаніи закона — судебной властью и установленнымъ закономъ судомъ. Никакіе чрезвычайные суды не допускаются.

9. Каждый гражданинъ пользуется свободой передвиженія и выѣзда за границу. Паспортная система упраздняется.

10. Всѣ вышеозначенныя права гражданъ должны быть введены въ основной законъ Россійской имперіи и обезпечены судебной защитой.

---

11. Основной законъ Россійской имперіи долженъ гарантировать всѣмъ населяющимъ имперію народностямъ помимо полной гражданской и политической равноправности всѣхъ гражданъ право свободнаго культурнаго самоопредѣленія, какъ-то: полную свободу употребленія различныхъ языковъ и нарѣчій въ публичной жизни, свободу основанія и содержанія учебныхъ заведеній и всякаго рода собраній, союзовъ и учрежденій, имѣющихъ цѣлью сохраненіе и развитіе языка, литературы и культуры каждой народности и т. п.

12. Русскій языкъ долженъ быть языкомъ центральныхъ учрежденій, арміи и флота. Употребленіе на-ряду съ общегосударственнымъ мѣстныхъ языковъ въ государственныхъ и общественныхъ установленіяхъ и учебныхъ заведеніяхъ, содержимыхъ на средства государства или органовъ самоуправленія, регулируется общими и мѣстными законами, а въ предѣлахъ ихъ — самими управленіями. Населенію каждой мѣстности должно быть обезпечено полученіе начальнаго, а по возможности и дальнѣйшаго образованія на родномъ языкѣ.

II. *Государственный строй.*

13. Конституціонное устройство Россійскаго государства опредѣляется основнымъ закономъ.

14. Народные представители избираются всеобщею, равною, прямою и тайною подачей голосовъ, безъ различія вѣроисповѣданія, національности и пола [1]).

Партія допускаетъ въ своей средѣ различіе мнѣній по вопросу объ организаціи народнаго представительства, въ видѣ одной или двухъ палатъ, изъ которыхъ вторая палата должна состоять изъ представителей отъ органовъ мѣстнаго самоуправленія, реорганизованныхъ на началахъ всеобщаго голосованія и распространенныхъ на всю Россію.

15. Народное представительство участвуетъ въ осуществленіи законодательной власти, въ установленіи государственной росписи доходовъ и расходовъ и въ контролѣ за законностью и цѣлесообразностью дѣйствій высшей и низшей администраціи.

16. Ни одно постановленіе, распоряженіе, указъ, приказъ и тому подобный актъ, не основанный на постановленіи народнаго представительства, какъ бы онъ ни назывался и отъ кого бы ни исходилъ, не можетъ имѣть силы закона.

17. Государственная роспись, въ которую должны быть вносимы всѣ доходы и расходы государства, устанавливается не болѣе какъ на одинъ годъ законодательнымъ порядкомъ. Никакіе налоги, пошлины и сборы въ пользу государства, а равно и государственные займы не могутъ быть устанавливаемы иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ.

18. Членамъ собранія народныхъ представителей принадлежитъ право законодательной иниціативы.

19. Министры отвѣтственны передъ собраніемъ народныхъ представителей, членамъ котораго принадлежитъ право запроса и интерпелляціи.

III. *Мѣстное самоуправленіе и автономія.*

20. Мѣстное самоуправленіе должно быть распространено на все россійское государство.

21. Представительство въ органахъ мѣстнаго самоуправленія, приближенное къ населенію путемъ учрежденія мелкихъ самоуправляющихся единицъ, должно быть основано на всеобщемъ, равномъ, прямомъ и закрытомъ голосованіи безъ различія пола, вѣроисповѣданія и національностей, причемъ собранія высшихъ самоуправляющихся союзовъ могутъ быть образованы путемъ избранія собраніями низшихъ такихъ же союзовъ. Губернскимъ земствамъ должно быть предоставлено право вступать во временные и постоянные союзы между собою.

[1]) *Примѣчаніе.* По вопросу о немедленномъ распространеніи избирательнаго права на женщинъ меньшинство осталось по практическимъ соображеніямъ при особомъ мнѣніи, въ силу чего съѣздъ призналъ рѣшеніе партіи по данному вопросу необязательнымъ для меньшинства.

22. Кругъ вѣдомства органовъ мѣстнаго самоуправленія долженъ простираться на всю область мѣстнаго управленія, включая полицію безопасности и благочинія и за исключеніемъ лишь тѣхъ отраслей управленія, которыя въ условіяхъ современной государственной жизни необходимо должны быть сосредоточены въ рукахъ центральной власти, съ предоставленіемъ въ пользу органовъ мѣстнаго самоуправленія части средствъ, поступающихъ въ настоящее время въ государственный бюджетъ.

23. Дѣятельность мѣстныхъ представителей центральной власти должна сводиться къ надзору за законностью дѣятельности органовъ мѣстнаго самоуправленія, причемъ окончательное рѣшеніе по возникающимъ въ этомъ отношеніи спорамъ и сомнѣніямъ должно принадлежать судебнымъ учрежденіямъ.

24. Послѣ установленія правъ гражданской свободы и правильнаго представительства съ конституціонными правами для всего Россійскаго государства долженъ быть открытъ правомѣрный путь, въ порядкѣ общегосударственнаго законодательства, для установленія мѣстной автономіи и областныхъ представительныхъ собраній, обладающихъ правомъ участія въ осуществленіи законодательной власти по извѣстнымъ предметамъ, соотвѣтственно потребности населенія.

25. Немедленно по установленіи общеимперскаго демократическаго представительства съ конституціонными правами въ царствѣ Польскомъ вводится автономное устройство съ сеймомъ, избираемымъ на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и общегосударственное представительство, при условіи сохраненія государственнаго единства и участіи въ центральномъ представительствѣ на одинаковыхъ съ прочими частями имперіи основаніяхъ. Границы между царствомъ Польскимъ и сосѣдними губерніями могутъ быть исправлены въ соотвѣтствіи съ племеннымъ составомъ и желаніемъ мѣстнаго населенія, причемъ въ царствѣ Польскомъ должны дѣйствовать общегосударственныя гарантіи гражданской свободы и права національности на культурное самоопредѣленіе и должны быть обезпечены права меньшинства.

26. *Финляндія.* Конституція Финляндіи, обезпечивающая ея особенное государственное положеніе, должна быть всецѣло возстановлена. Всякія дальнѣйшія мѣропріятія, общія имперіи и великому княжеству Финляндскому, должны быть впредь дѣломъ соглашенія между законодательными органами имперіи и великаго княжества.

IV. Судъ.

27. Всѣ отступленія отъ началъ Судебныхъ Уставовъ 20-го ноября 1864 года, устанавливающихъ отдѣленіе судебной власти отъ административной (несмѣняемость, независимость и гласность суда и равенство всѣхъ передъ судомъ), какъ внесенныя позднѣйшими новеллами, такъ и допущенныя при самомъ составленіи Уставовъ, упраздняются. Въ этихъ видахъ прежде всего: a) не подлежитъ никакимъ ограниченіямъ правило о томъ, что никто не можетъ быть подвергнутъ наказанію безъ вошедшаго въ силу приговора компетентнаго суда: b) всякое вмѣшательство министра юстиціи въ назначеніе на судейскія должности или перемѣщеніе судей, а тѣмъ болѣе въ производство судебныхъ дѣлъ, устраняется. Судьи наградъ не получаютъ;

c) отвѣтственность должностныхъ лицъ опредѣляется на общемъ основаніи; d) компетенція суда присяжныхъ опредѣляется исключительно тяжестью наказанія, назначеннаго въ законѣ безотносительно къ роду дѣлъ, причемъ, однако, этой компетенціи во всякомъ случаѣ подлежатъ всѣ преступленія государственныя и противъ законовъ о печати. Судъ съ сословными представителями упраздняется. Компетенціи выборнаго мирового суда подчиняются и дѣла волостной юстиціи. Волостной судъ и институтъ земскихъ начальниковъ упраздняются. Требованіе имущественнаго ценза какъ для замѣщенія должности мирового судьи, такъ и для отправленія обязанностей присяжнаго засѣдателя отмѣняется; e) возстановляется принципъ единства кассаціоннаго суда. Адвокатура организуется на началахъ истиннаго самоуправленія.

28. Независимо отъ этого въ осуществленіе наиболѣе назрѣвшихъ и безспорныхъ требованій уголовной политики процесса: a) смертная казнь отмѣняется безусловно и навсегда; b) вводится условное осужденіе; c) устанавливается защита на предварительномъ слѣдствіи; d) въ обрядъ преданія суду вводится состязательное начало.

29. Ближайшей задачей является полный пересмотръ Уголовнаго Уложенія, отмѣна постановленій, противорѣчащихъ началамъ политической свободы, и переработка проекта Гражданскаго Уложенія.

V. Финансовая и экономическая политика.

30. Пересмотръ государственнаго расходнаго бюджета въ цѣляхъ уничтоженія непроизводительныхъ по своему назначенію или своимъ размѣрамъ расходовъ и соотвѣтственнаго увеличенія затратъ государства на дѣйствительныя нужды народа.

31. Отмѣна выкупныхъ платежей.

32. Развитіе прямого обложенія на счетъ косвеннаго; общее пониженіе косвеннаго обложенія и постепенная отмѣна косвенныхъ налоговъ на предметы потребленія народныхъ массъ.

33. Реформа прямыхъ налоговъ на основѣ прогрессивнаго подоходнаго и поимущественнаго обложенія; введеніе прогрессивнаго налога на наслѣдство.

34. Соотвѣтствующее положенію отдѣльныхъ производствъ пониженіе таможенныхъ пошлинъ въ видахъ удешевленія предметовъ народнаго потребленія и техническаго подъема промышленности и земледѣлія.

35. Обращеніе средствъ сберегательныхъ кассъ на развитіе мелкаго кредита.

VI. Аграрное законодательство.

36. Увеличеніе площади землепользованія населенія, обрабатывающаго землю личнымъ трудомъ, какъ-то: безземельныхъ и малоземельныхъ крестьянъ, а также и другихъ разрядовъ мелкихъ хозяевъ-земледѣльцевъ, государственными, удѣльными, кабинетскими и монастырскими землями, а также путемъ отчужденія для той же цѣли за счетъ государства въ потребныхъ размѣрахъ частновладѣльческихъ

земель съ вознагражденіемъ нынѣшнихъ владѣльцевъ по справедливой (не рыночной) оцѣнкѣ.

37. Отчуждаемыя земли поступаютъ въ государственный земельный фондъ. Начала, на которыхъ земли этого фонда подлежатъ передачѣ нуждающемуся въ нихъ населенію (владѣніе или пользованіе личное или общинное и т. д.), должны быть установлены сообразно съ особенностями землевладѣнія и землепользованія въ различныхъ областяхъ России.

38. Широкая организація государственной помощи для переселенія, расселенія и устройства хозяйственнаго быта крестьянъ. Реорганизація межевого дѣла, окончаніе размежеванія и другія мѣры для подъема благосостоянія сельскаго населенія и улучшенія сельскаго хозяйства.

39. Упорядоченіе закономъ арендныхъ отношеній путемъ обезпеченія права возобновленія аренды, права арендатора, въ случаѣ передачи аренды, на вознагражденіе за произведенныя, но неиспользованныя къ сроку затраты на улучшенія, и учрежденіе примирительныхъ камеръ для регулированія арендной платы и для разбора споровъ и несогласій между арендаторами и землевладѣльцами. Открытіе законнаго пути въ судебномъ порядкѣ для пониженія непомѣрно высокихъ арендныхъ цѣнъ и уничтоженія носящихъ гибельный характеръ сдѣлокъ въ области земельныхъ отношеній.

40. Отмѣна дѣйствующихъ правилъ о наймѣ сельскихъ рабочихъ и распространеніе рабочаго законодательства на земледѣльческихъ рабочихъ, примѣнительно къ техническимъ особенностямъ земледѣлія. Учрежденіе сельско-хозяйственной инспекціи для наблюденія за правильнымъ примѣненіемъ законодательства по охранѣ труда въ этой области и введеніе уголовной отвѣтственности сельскихъ хозяевъ за нарушеніе ими законодательныхъ нормъ по охранѣ труда.

VII. Рабочее законодательство.

41. Свобода рабочихъ союзовъ и собраній.

42. Право стачекъ. Наказуемость правонарушеній, совершаемыхъ во время или по поводу стачекъ, опредѣляется на общемъ основаніи и ни въ коемъ случаѣ не можетъ быть увеличиваема.

43. Распространеніе рабочаго законодательства и независимой инспекціи труда на всѣ виды наемнаго труда; участіе выборныхъ отъ рабочихъ въ надзорѣ инспекціи за исполненіемъ законовъ, охраняющихъ интересы трудящихся.

44. Введеніе законодательнымъ путемъ восьмичасового рабочаго дня. Немедленное осуществленіе этой нормы всюду, гдѣ она въ данное время возможна, и постепенное ея введеніе въ остальныхъ производствахъ. Запрещеніе ночныхъ и сверхурочныхъ работъ кромѣ технически- и общественно-необходимыхъ.

45. Развитіе охраны труда женщинъ и дѣтей и установленіе особыхъ мѣръ охраны труда мужчинъ во вредныхъ производствахъ.

46. Учрежденіе примирительныхъ камеръ изъ равнаго числа представителей труда и капитала для нормировки всѣхъ отношеній найма, не урегулированныхъ рабочимъ законодательствомъ, и разбора споровъ и несогласій, возникающихъ между рабочими и предпринимателями.

47. Обязательное при посредствѣ государства страхованіе отъ болѣзни (въ теченіе опредѣленнаго срока), несчастныхъ случаевъ и профессіональныхъ заболѣваній, съ отнесеніемъ издержекъ на счетъ предпринимателей.

48. Государственное страхованіе на случай старости и неспособности къ труду для всѣхъ лицъ, живущихъ личнымъ трудомъ.

49. Установленіе уголовной отвѣтственности за нарушеніе законовъ объ охранѣ труда.

VIII. По вопросамъ просвѣщенія.

Народное просвѣщеніе должно быть организовано на началахъ свободы, демократизаціи и децентрализаціи его, понимая подъ этимъ осуществленіе слѣдующихъ началъ:

50. Уничтоженіе всѣхъ стѣсненій къ поступленію въ школу, связанныхъ съ поломъ, происхожденіемъ и религіей.

51. Свобода частной и общественной иниціативы въ открытіи и организаціи учебныхъ заведеній всѣхъ типовъ и въ области внѣшкольнаго просвѣщенія; свобода преподаванія.

52. Между различными ступенями школъ всѣхъ разрядовъ должна быть установлена прямая связь для облегченія перехода отъ низшей ступени къ высшей.

53. Полная автономія и свобода преподаванія въ университетахъ и другихъ высшихъ школахъ. Увеличеніе ихъ числа. Уменьшеніе платы за слушаніе лекцій. Организація просвѣтительной работы высшей школы для широкихъ круговъ населенія. Свободная организація студенчества.

54. Количество среднихъ учебныхъ заведеній должно быть увеличено соотвѣтственно общественной потребности; плата въ нихъ должна быть понижена. Мѣстнымъ общественнымъ учрежденіямъ должно быть предоставлено широкое участіе въ постановкѣ учебновоспитательнаго дѣла.

55. Введеніе всеобщаго, безплатнаго и обязательнаго обученія въ начальной школѣ. Передача начальнаго образованія въ завѣдываніе органовъ мѣстнаго самоуправленія. Организація органами самоуправленія матеріальной помощи нуждающимся учащимся.

56. Устройство органами мѣстнаго самоуправленія образовательныхъ учрежденій для взрослаго населенія, элементарныхъ школъ для взрослыхъ, народныхъ библіотекъ, народныхъ университетовъ.

57. Развитіе профессіональнаго образованія.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1905.

Высочайшій манифестъ 17-го октября.—Почему онъ не положилъ конецъ тревожному настроенію?—Возможное отношеніе къ Государственной Думѣ.—Значеніе учредительнаго собранія.—„Либеральные элементы" и пролетаріатъ.—Трагизмъ переживаемой минуты.—Программа конституціонно-демократической партіи.—Положеніе о совѣтѣ министровъ.—Амнистія.—Правила о публичныхъ собраніяхъ.—Кн. С. Н. Трубецкой †.—Post-scriptum.

Велико было впечатлѣніе, произведенное манифестомъ 17-го октября но онъ не положилъ конецъ смутному настроенію, охватившему, въ первой половинѣ октября, почти всю Россію и выразившемуся съ особенною яркостью въ колоссальной забастовкѣ, какой до сихъ поръ не бывало не только у насъ, но и на Западѣ. Подобно предъидущимъ перемѣнамъ, слѣдовавшимъ одна за другою въ теченіе года, необходимый шагъ впередъ слишкомъ долго заставлялъ себя ждать—и когда онъ, наконецъ, совершился, самая его поспѣшность сдѣлала его недостаточно широкимъ и опредѣленнымъ. Манифестъ не столько даетъ, сколько обѣщаетъ—а обѣщаніями, въ критическіе моменты народной жизни, не можетъ быть прекращена доведенная до крайней напряженности тревога. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что на самомъ дѣлѣ манифестъ знаменуетъ собою переходъ къ конституціонному строю—но съ формальной стороны этотъ переходъ является еще какъ бы задачей будущаго: правительству вмѣняется въ обязанность „установить, какъ незыблемое правило, чтобы никакой законъ не могъ воспріять силу безъ одобренія Государственной Думы". Въ будущее отодвинуто и „обезпеченіе за выборными отъ народа возможности дѣйствительнаго участія въ надзорѣ за закономѣрностью дѣйствій власти"; вовсе не указаны формы и виды этого надзора, не предрѣшено распространеніе его на *цѣлесообразность* правитель-

ственной дѣятельности. Неизмѣненнымъ осталось отношеніе Государственнаго Совѣта къ Государственной Думѣ, совершенно ненормально поставленное въ Положеніи 6-го августа; да и въ докладѣ гр. Витте упомянуто лишь о преобразованіи Государственнаго Совѣта „на началахъ *виднаго участія* въ немъ выборнаго элемента", между тѣмъ какъ въ правильной конституціонной системѣ роль второй палаты можетъ принадлежать только учрежденію, не имѣющему ничего общаго съ нынѣшнимъ Государственнымъ Совѣтомъ. Не установлены съ точностью тѣ перемѣны, которыя должны быть внесены теперь же въ положеніе о выборахъ въ Государственную Думу; не намѣчено даже въ общихъ чертахъ содержаніе „незыблемыхъ основъ гражданской свободы". Вовсе не упомянуто въ манифестѣ, наконецъ, объ амнистіи, которую общественное мнѣніе давно уже признало необходимымъ условіемъ истинно-новаго политическаго режима... Къ пополненію оставленныхъ такимъ образомъ пробѣловъ было приступлено вслѣдъ за обнародованіемъ манифеста—но совершенно инымъ было бы его дѣйствіе, если бы въ немъ самомъ заключались отвѣты на всѣ давно наболѣвшіе вопросы. Особенно тяжело отвѣтственность за послѣдствія поспѣшности упадаетъ, впрочемъ, на виновниковъ столь долго продолжавшейся медленности. Намъ вспоминаются, по этому поводу, слова, сказанныя Маколеемъ въ одной изъ знаменитыхъ его рѣчей о парламентской реформѣ: I allow that hasty legislation is an evil. But reformers are compelled to legislate fast just because bigots will not legislate early. Reformers are compelled to legislate in times of excitement, because bigots will not legislate in times of tranquillity [1]).

Въ ту минуту, когда мы пишемъ эти строки, намъ еще неизвѣстно, на какіе именно классы населенія—или, лучше сказать, на какія категоріи лицъ—предполагается распространить теперь же избирательное право. Всего проще, быть можетъ, было бы ввести теперь же всеобщую подачу голосовъ, манифестомъ, повидимому, допускаемую въ ближайшемъ будущемъ. Мы думаемъ, что эта мѣра могла бы быть принята безъ отсрочки выборовъ—отсрочки, и въ нашихъ глазахъ крайне нежелательной. Списки избирателей могли бы быть пополнены быстро, а избирательные округа пріурочены, въ большинствѣ случаевъ, къ существующему дѣленію на уѣзды. Съ излишнею многочисленностью членовъ Думы, почти неизбѣжною при такомъ порядкѣ, можно было бы примириться въ виду временнаго характера самой Думы, задача которой могла бы быть сведена къ изданію постоян-

[1]) „Я признаю торопливое изданіе законовъ зломъ; но преобразователи вынуждены торопиться, потому что фанатики застоя не хотѣли дѣйствовать во-время. Первые вынуждены издавать законы среди всеобщаго возбужденія, потому что вторые не хотѣли исполнить эту обязанность въ спокойную эпоху".

наго избирательнаго закона и немногимъ другимъ мѣрамъ, не терпящимъ отлагательства. Въ крайнемъ случаѣ, если бы введеніе всеобщей подачи голосовъ встрѣтило какія-либо непреодолимыя затрудненія, только-что указанная задача оказалась бы по силамъ и Думѣ, пополненной согласно съ манифестомъ, т.-е. усиленной представителями рабочихъ и интеллигенціи и выбранной при господствѣ свободы печати и собраній. Именно такъ отнеслась къ данному вопросу конституціонно-демократическая партія, въ постановленіи, которымъ закончилъ свои засѣданія—18-го октября, въ Москвѣ,—ея учредительный съѣздъ [1]). Высказываясь за немедленный созывъ учредительнаго собранія на основѣ всеобщаго избирательнаго права, конституціонно-демократическая партія готова, однако, воспользоваться и реформированной, согласно съ манифестомъ, Государственной Думой, какъ однимъ изъ средствъ на пути къ осуществленію главной, неизмѣнно преслѣдуемой партіею цѣли. Въ этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, конституціонно-демократическая партія идетъ рука объ руку съ общеземскимъ и городскимъ съѣздомъ, отклонившимъ бойкотъ Государственной Думы даже въ первоначальномъ ея видѣ. Замѣчательно, что такого же взгляда на бойкотъ Думы держится—судя по бесѣдѣ его съ г. Ж., напечатанной въ № 2 „Руси",—и одинъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ эмигрантовъ, Г. В. Плехановъ. Дума—говоритъ онъ—„даетъ новое орудіе для агитаціи. Надо использовать это орудіе наилучшимъ способомъ... Я считаю Думу деревяннымъ конемъ, на которомъ далеко не уѣдешь; но деревянный конь можетъ пригодиться для того, чтобы спрятать въ немъ нѣсколько болѣе или менѣе угодныхъ намъ воиновъ, которые такимъ образомъ проберутся въ стѣны непріятельской Трои". Это сравненіе грѣшитъ только тѣмъ, что воины проникнутъ въ Трою не спрятанными, а совершенно открыто. Что ихъ будетъ немало—это г. Плехановъ считалъ вѣроятнымъ даже тогда, когда составъ Думы не былъ еще измѣненъ манифестомъ 17-го октября: тѣмъ меньше это подлежитъ сомнѣнію теперь, при существенно новыхъ условіяхъ.

Вопросъ о созывѣ собранія, учредительнаго если не по имени, то на самомъ дѣлѣ, является, такимъ образомъ, только вопросомъ времени. Явится ли оно на сцену прямо, безъ промежуточной ступени, или ему приготовитъ путь Государственная Дума—это покажетъ ближайшее будущее. Необходимо, поэтому, дать себѣ ясный отчетъ въ значеніи и назначеніи учредительнаго собранія. Именно потому, что

[1]) Программа этой партіи, къ которой мы еще возвратимся, напечатана выше.

оно—*учредительное,* цѣли и результаты его дѣятельности не могутъ и не должны быть предопредѣляемы заранѣе. Именно потому, что оно представляетъ собою народъ, оно только одно уполномочено говорить отъ имени народа. Между тѣмъ, въ печати оглашено постановленіе одной изъ организованныхъ группъ населенія, призывающее къ борьбѣ за созывъ учредительнаго собранія „для учрежденія демократической республики". Такое предрѣшеніе задачи собранія представляется явнымъ посягательствомъ на его свободу. Никто не можетъ предвидѣть, къ чему придетъ, на чемъ остановится большинство правильно выбранныхъ представителей народа. Попытка руководить имъ со стороны, подготовлять рѣшенія, которыя ему оставалось бы только оформить, была бы нравственнымъ насиліемъ, все равно, откуда бы она ни исходила — а отъ нравственнаго насилія только одинъ шагъ до физическаго, предупрежденіе котораго именно теперь должно быть предметомъ общей, дружной заботы... Не менѣе велика другая опасность, признаки которой также становятся замѣтными—опасность розни между общественными группами, которымъ, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, слѣдовало бы думать скорѣе о союзѣ, чѣмъ о борьбѣ. Вотъ, напримѣръ, текстъ резолюціи, принятой на дняхъ, въ Москвѣ, митингомъ типографскихъ рабочихъ и служащихъ: „въ виду выяснившейся роли городскихъ и земскихъ дѣятелей, а также и представителей другихъ либеральныхъ элементовъ общества въ освободительномъ движеніи и отношенія ихъ къ манифесту 17-го октября, мы, какъ представители труда, заявляемъ о своемъ полномъ антагонизмѣ съ либеральной буржуазіей". Не говоря уже объ отсутствіи основаній для отожествленія „либеральныхъ элементовъ общества" съ „буржуазіей", мы не можемъ не вспомнить, что въ „освободительномъ движеніи" земскимъ и городскимъ дѣятелямъ принадлежала *иниціатива.* Земскій съѣздъ 6-го ноября 1904-го года сохранитъ свое мѣсто въ исторіи русскаго освобожденія, какіе бы ни были его позднѣйшіе фазисы.

Спѣшимъ отмѣтить, что отношеніе къ „либеральнымъ элементамъ общества", выразившееся въ вышеприведенной резолюціи, раздѣляется далеко не всѣми передовыми представителями рабочаго класса. Въ послѣднемъ засѣданіи учредительнаго съѣзда конституціонно-демократической партіи одинъ изъ рабочихъ, входящихъ въ составъ центральнаго стачечнаго комитета, произнесъ слѣдующія знаменательныя слова: „рабочему люду отъ интеллигенціи нужна не только матеріальная помощь, но еще болѣе знанія и реальное умѣнье разобраться въ окружающихъ обстоятельствахъ. До сихъ поръ работа шла отдѣльно: интеллигенція замыкалась въ свои политическія партіи со слишкомъ узкими подчасъ тактическими пріемами и не всегда понимавшія народную психо-

логію. Поэтому и теперь обращаюсь не къ опредѣленнымъ какимъ-либо партіямъ, а ко всей интеллигенціи вообще. Мы представляемъ изъ себя физическую силу. Когда же она соединяется съ вашими знаніями, то получается такая мощь, противъ которой не устоитъ никакая враждебная народу сила"... Противъ обособленія общества и пролетаріата, какъ непримиримо-враждебныхъ между собою элементовъ, возстаетъ и Г. В. Плехановъ, въ бесѣдѣ, упомянутой нами выше. Въ обновленіи русскаго строя заинтересованы, по его словамъ, „и общество, и пролетаріатъ; они оба играютъ рѣшающую роль въ происходящихъ событіяхъ. Было бы крайней ошибкой умалять цѣнность одного или другого фактора... Либеральное движеніе (если только его пылу и энергіи хватитъ на большую дистанцію) и гигантское пролетарное броженіе при правильномъ ходѣ дѣла должны дополнять другъ друга, и только при ихъ одновременномъ взаимодѣйствіи возможно полное обновленіе политическаго строя Россіи". Чтобы понять все значеніе этихъ словъ, необходимо имѣть въ виду, что Г. В. Плехановъ и теперь остается вѣрнымъ мысли, выраженной имъ шестнадцать лѣтъ тому назадъ: „русское освободительное движеніе восторжествуетъ какъ рабочее движеніе, или вовсе не восторжествуетъ". Его-то ужъ конечно нельзя заподозрить въ отрицательномъ отношеніи къ рабочему классу — а между тѣмъ онъ прямо и рѣшительно возстаетъ противъ „полнаго антагонизма" между обществомъ и пролетаріатомъ.

Усилія всѣхъ тѣхъ, кто не одержимъ краснымъ или чернымъ фанатизмомъ, должны быть направлены къ предупрежденію насилія, въ настоящую минуту слишкомъ легко принимающаго колоссальные размѣры и жестокія формы. Сначала оно больше проповѣдывалось на словахъ, съ одной стороны—на митингахъ крайнихъ партій, съ другой — въ листкахъ столь же крайнихъ реакціонеровъ; но во второй половинѣ октября оно переходитъ въ дѣйствіе, при чемъ его иниціативу почти вездѣ принимаетъ на себя такъ называемая „черная сотня". Происходитъ цѣлый рядъ еврейскихъ погромовъ, превосходящихъ, по своей экстенсивности и интенсивности, всѣ предъидущіе; совершаются по истинѣ ужасающія событія въ Твери, Томскѣ, Ѳеодосіи, въ послѣднее время — и въ Москвѣ. Очевидно, что такое положеніе вещей долго продолжаться не можетъ. Необходимы, прежде всего, рѣшительныя перемѣны въ личномъ составѣ администраціи, какъ центральной, такъ и мѣстной. Не могутъ оставаться на своихъ постахъ губернаторы, допускающіе поджогъ обитаемыхъ зданій и систематическое избіеніе ни въ чемъ неповинныхъ, безоружныхъ людей. Не могутъ руководить обновляющимся управленіемъ министры, до по-

слѣдней минуты отстаивавшіе традиціи старины. Въ настоящую минуту уволены министры народнаго просвѣщенія и внутреннихъ дѣлъ, но временными—нужно надѣяться, кратковременными — замѣстителями ихъ являются недавніе участники ихъ распоряженій. Отставка оберъ-прокурора св. синода имѣетъ болѣе нравственное, чѣмъ политическое значеніе, такъ какъ на самомъ дѣлѣ его вліянію былъ положенъ конецъ еще 17-го апрѣля. Отъ общей оцѣнки дѣятельности К. П. Побѣдоносцева мы можемъ теперь воздержаться: она дана нами давно, въ цѣломъ рядѣ обозрѣній, посвященныхъ отчетамъ оберъ-прокурора св. синода... Возвращаясь къ потрясающему зрѣлищу, представляемому нашей провинціей, замѣтимъ, что однимъ удаленіемъ должностныхъ лицъ, виновныхъ въ систематическомъ бездѣйствіи власти, ограничиться нельзя: нужны подробныя и безпристрастныя разслѣдованія, къ участію въ которыхъ — какъ это отчасти сдѣлано въ Москвѣ— должны быть привлечены представители общественныхъ учрежденій. Послѣднее слово должно, конечно, принадлежать независимому суду.

Отличительныя черты текущихъ событій неточно отразились въ правительственномъ сообщеніи, обнародованномъ 24-го октября. Признавая, что „общая причина тяжелыхъ явленій лежитъ въ томъ раздраженіи, которое проявляется нынѣ повсюду въ отношеніяхъ между отдѣльными частями населенія“, сообщеніе обращается къ группамъ, которыхъ не удовлетворилъ манифестъ 17-го октября, съ увѣщаніемъ „сохранять умѣренность въ дѣйствіяхъ, чтобы не возстановить противъ себя сильнѣе спокойную часть населенія“. Соотвѣтствующаго увѣщанія по адресу группъ, довольныхъ манифестомъ или недовольныхъ имъ по соображеніямъ прямо противоположнымъ, мы въ сообщеніи не находимъ: имъ напоминается только о „вѣрноподданническомъ долгѣ, требующемъ стремленія къ поддержанію порядка и устраненію всякихъ насилій“. Между тѣмъ, наименѣе спокойной и сдержанной въ своихъ дѣйствіяхъ является, съ половины октября, именно послѣдняя часть населенія; отъ нея исходилъ починъ кровавыхъ сценъ, разыгравшихся въ цѣлыхъ десяткахъ городовъ. Если гдѣ-либо онѣ и были отвѣтомъ на вызовъ, то вызовъ, бо́льшею частью, не шелъ дальше словъ или поступковъ, ничьей жизни и ничьему здоровью не угрожавшихъ—а весьма часто (какъ напримѣръ въ Твери) не было даже ничего похожаго на вызовъ. Повторяемъ еще разъ: мы говоримъ только о событіяхъ послѣднихъ дней—но вѣдь только о нихъ идетъ рѣчь и въ правительственномъ сообщеніи 24-го октября. Возстановленіе внутренняго мира и мы считаемъ цѣлью, къ которой слѣдуетъ стремиться правительству и обществу; но первымъ къ ней шагомъ должна быть охрана личной безопасности гражданъ, какого бы образа мыслей они ни держались и къ какой бы общественной группѣ ни принадлежали.

Програма конституціонно-демократической партіи, напечатанная нами выше, обнимаетъ собою всѣ существенно-важные очередные вопросы и разрѣшаетъ ихъ, бо́льшею частью, именно такъ, какъ этого требуетъ благо Россіи. Мы жалѣемъ только объ одномъ: что по отношенію къ *способу* избранія—двухстепенному или прямому—членамъ партіи не предоставлена такая же свобода дѣйствій, какъ по отношенію къ политической равноправности женщинъ. Мы продолжаемъ думать, что двухстепенные выборы, по крайней мѣрѣ на первое время и внѣ городовъ, въ бо́льшей мѣрѣ, чѣмъ прямые, служили бы гарантіей сознательнаго, правильнаго избранія. Слишкомъ трудно будетъ избирателямъ, разбросаннымъ на пространствѣ цѣлаго уѣзда—а иногда и нѣсколькихъ уѣздовъ—столковаться между собою, обмѣняться мыслями относительно кандидатовъ и остановиться на томъ или другомъ изъ нихъ, ясно отдавъ себѣ отчетъ въ мотивахъ такого предпочтенія. Рѣшающее значеніе слишкомъ легко можетъ получить случайность—лучшая организація одной изъ партій, удачный подборъ избирательныхъ агентовъ, поддержка вліятельныхъ лицъ или группъ, не встрѣтившія отпора угрозы или обѣщанія. Все это менѣе опасно теперь, когда завоевана свобода печати и свобода собраній—но уменьшеніе опасности еще не равносильно ея устраненію. Выборщики, достаточно многочисленные и огражденные отъ всякихъ внѣшнихъ давленій, были бы поставлены въ иныя, болѣе благопріятныя условія: ихъ избранниками, въ большинствѣ случаевъ, явились бы лица, дѣйствительно пользующіяся довѣріемъ населенія... Несмотря на это частное разногласіе, мы становимся безъ колебаній на сторону конституціонно-демократической партіи. Не такое теперь время, чтобы раздробляться и разъединяться; необходимо образованіе компактныхъ группъ, связанныхъ однимъ руководящимъ началомъ. Въ данномъ случаѣ это начало—мирное развитіе демократической идеи, на почвѣ широкой личной свободы и столь же широкаго служенія общему, т.-е. народному благу. Правѣе конституціонно-демократической партіи мы не видимъ ни готовности вступить на путь крупныхъ реформъ въ области рабочаго и аграрнаго законодательства, ни готовности допустить мѣстныя автономіи; лѣвѣе ея мы не видимъ рѣшимости дѣйствовать исключительно мирными средствами.

Изъ государственныхъ актовъ, изданныхъ въ дополненіе къ манифесту 17-го октября, сравнительно меньшее значеніе имѣетъ положеніе о совѣтѣ министровъ. Болѣе чѣмъ вѣроятно, что оно составлено еще до послѣдней перемѣны въ настроеніи правительственныхъ сферъ. Объединеніе министровъ—другими словами, созданіе министер-

ства или кабинета въ западно-европейскомъ смыслѣ этого слова — сдѣлалось неизбѣжнымъ, какъ только состоялись государственные акты 6-го августа. При существованіи Государственной Думы, еслибы она и была призвана къ жизни въ первоначально предположенномъ видѣ и составѣ, министры не могли бы оставаться только представителями отдѣльныхъ вѣдомствъ, органически не связанными между собою. Совѣщаніе, предсѣдательствуемое гр. Сольскимъ, весьма скоро приступило къ пересмотру, съ этой точки зрѣнія, дѣйствующихъ законовъ— и результатомъ его работы явились, повидимому, правила 19-го октября. Новымъ условіямъ они уже не вполнѣ отвѣчаютъ. При истинно-конституціонномъ строѣ не должно быть мѣста для того исключительнаго положенія, которое отведено министерствамъ военному, морскому и иностранныхъ дѣлъ. Дѣла этихъ министерствъ, а также назначенія по ихъ вѣдомствамъ, должны подлежать разсмотрѣнію совѣта министровъ на общемъ основаніи; внѣ его вѣдѣнія можетъ оставаться развѣ министерство императорскаго двора, въ той мѣрѣ, въ какой оно служитъ органомъ придворнаго хозяйства, т.-е. имѣетъ частный, а не государственный характеръ. Всякій иной порядокъ неминуемо повлечетъ за собою отсутствіе согласованности между различными отраслями управленія и затруднитъ тотъ надзоръ за закономѣрностью дѣйствій власти, который, за силою манифеста 17-го октября, составляетъ уже теперь безспорное право народнаго представительства.

Недостаточно гармонируетъ съ общимъ положеніемъ вещей и амнистія, составляющая предметъ правилъ 21-го октября. Совершившійся, послѣ манифеста 17-го октября, разрывъ съ прошлымъ настолько рѣшителенъ и полонъ, что онъ въ значительно большей мѣрѣ долженъ былъ отозваться на участи тѣхъ, кто пострадалъ за активное противодѣйствіе павшему порядку. Нельзя примириться съ мыслью, что лица, въ теченіе многихъ и многихъ лѣтъ отбывающія наказанія за государственныя преступленія, надолго еще должны остаться ссыльно-поселенцами или даже ссыльно-каторжными; нельзя упускать изъ виду, что нѣкоторые изъ нихъ были судимы, въ отступленіе отъ общихъ законовъ, военнымъ судомъ, не представляющимъ достаточныхъ гарантій правосудія. Чрезвычайныя обстоятельства требуютъ и чрезвычайныхъ мѣръ; для возстановленія спокойствія и довѣрія можно поступиться обычными соображеніями уголовной политики. Если присяжные оправдываютъ иногда несомнѣнныхъ нарушителей закона, и эти оправдательные вердикты не колеблютъ основъ общественнаго строя, то съ бо̀льшимъ еще правомъ могутъ быть расширены предѣлы амнистіи, исходной точкой которой служитъ не отвлеченная справедливость, а государственная мудрость...

До крайности несвоевременнымъ представляется также распоряженіе главнаго управленія по дѣламъ печати, совпавшее съ фактической эманципаціей періодическихъ изданій. Къ такимъ мѣрамъ, какъ отмѣна циркуляровъ, запрещавшихъ касаться тѣхъ или другихъ вопросовъ, и административныхъ каръ, тяготѣвшихъ надъ отдѣльными органами печати, незачѣмъ было присоединять обращеніе къ такту цензоровъ и напоминаніе о законахъ, на самомъ дѣлѣ потерявшихъ свою силу.

Если слишкомъ многаго оставляютъ желать постановленія, состоявшіяся послѣ 17-го октября, то еще менѣе удовлетворительны правила о публичныхъ собраніяхъ, утвержденныя нѣсколькими днями раньше. Подходя нѣкоторыми своими сторонами довольно близко къ французскому закону о собраніяхъ, эти правила отличаются отъ него не только сравнительною длиною промежутка времени, который долженъ пройти между заявленіемъ о созывѣ собранія и его открытіемъ (вмѣсто двадцати четырехъ часовъ—3 или даже 7 сутокъ), но и тѣмъ, что установляемый ими порядокъ оказывается явочнымъ только по видимости [1]. Въ самомъ дѣлѣ, велика ли разница между необходимостью предварительнаго разрѣшенія собранія и возможностью его воспрещенія, предоставляемаго усмотрѣнію администраціи? Не сводится ли она лишь къ нѣкоторому ускоренію процедуры, предшествующей открытію собранія? Представимъ себѣ, что при разрѣшительной системѣ администрація была бы обязана дать отвѣтъ на каждое ходатайство не позже какъ въ теченіе двухъ сутокъ; чѣмъ эта система отличалась бы тогда отъ намѣчаемой правилами 12-го октября?.. Дискреціонное право запретить совершенно равносильно праву отказать, не разрѣшить. Между тѣмъ, право, которымъ облекалъ администрацію указъ 12-го октября, имѣетъ именно дискреціонный характеръ. Неопредѣленны уже выраженія: „цѣль или предметъ занятій, противные закону“—но еще болѣе неопредѣленно и широко понятіе объ „опасности, угрожающей общественному спокойствію и безопасности“. Собранію, съ точки зрѣнія администраціи нежелательному, она всегда могла бы противопоставить ссылку на доступныя только ей одной и никакой провѣркѣ не подлежащія свѣдѣнія о тревожномъ настроеніи умовъ или о готовящемся нарушеніи порядка. Дѣйствительно явочною представляется только та система устройства публичныхъ собраній, при которой ни одно изъ нихъ запрещенію, основанному на догадкахъ, подлежать не можетъ. Да и къ чему такое

---

[1]) Для собраній подъ открытымъ небомъ правила 12-го октября прямо требуютъ предварительнаго разрѣшенія администраціи.

запрещеніе, разъ что администраціи принадлежитъ право закрыть собраніе въ случаѣ дѣйствительнаго наступленія обстоятельствъ, при которыхъ оно, безъ явной опасности для общественнаго спокойствія, продолжаться не можетъ? Не напоминаютъ ли правила 12-го октября, въ этомъ отношеніи, дѣйствовавшаго у насъ до сихъ поръ закона о печати, установлявшаго концессіонный способъ основанія періодическихъ изданій—и вмѣстѣ съ тѣмъ подчинявшаго ихъ административнымъ карамъ?

Причинъ закрытія собраній, законно состоявшихся, правила 12-го октября установляли очень много, относя къ нимъ не только нарушеніе порядка, грозящее спокойствію и безопасности, но и нахожденіе въ собраніи не допускаемыхъ къ участію въ немъ лицъ, и производство неразрѣшенныхъ денежныхъ сборовъ, и даже простое уклоненіе отъ предмета занятій. Право закрыть собраніе предоставлялось какъ отвѣтственнымъ его участникамъ (устроителямъ, распорядителямъ, предсѣдателю), такъ и представителю администраціи. Что правила 12-го октября открывали слишкомъ большой просторъ административному произволу—это подтверждается рестриктивнымъ толкованіемъ, которое даетъ имъ циркуляръ товарища министра внутреннихъ дѣлъ. Но развѣ можно было быть увѣреннымъ въ томъ, что отдѣльныя административныя власти съумѣютъ воздержаться отъ пользованія правами, которыя имъ даетъ буква закона?..

Правилами 12-го октября возвѣщалось расширеніе одного изъ видовъ общественной дѣятельности; между тѣмъ, нѣкоторыя ихъ постановленія шли прямо въ разрѣзъ съ этою цѣлью. Сюда относится, прежде всего, тотъ параграфъ правилъ, который распространялъ ихъ дѣйствіе на публичныя собранія учрежденныхъ въ установленномъ порядкѣ обществъ. Правда, такія собранія, разъ что ихъ предметъ предусмотрѣнъ уставомъ общества, не могли быть заранѣе воспрещены—но они подлежали закрытію на томъ же основаніи, какъ и всякія другія, т.-е. не только властью предсѣдательствующаго, но и властью должностного лица, командированнаго для присутствованія въ собраніи. Командировка такихъ лицъ въ засѣданія правильно организованныхъ обществъ не могла бы быть названа иначе, какъ новымъ стѣсненіемъ гражданской свободы. Стѣснительнымъ должно быть названо и постановленіе, касающееся съѣздовъ. Разъ что публичныя ихъ собранія подводились подъ дѣйствіе общихъ правилъ, не было никакой надобности обусловливать ихъ особымъ каждый разъ разрѣшеніемъ министра внутреннихъ дѣлъ.

Всѣ указанныя нами слабыя стороны правилъ 12-го октября будутъ, конечно, устранены новою временною мѣрой и, тѣмъ болѣе, постояннымъ закономъ о публичныхъ собраніяхъ. Одинъ только ихъ

недостатокъ остается, къ сожалѣнію, неисправимымъ: это—ихъ запоздалость. Въ продолженіе полутора мѣсяца мы были свидѣтелями поразительно страннаго явленія. Въ университетахъ и другихъ высшихъ школахъ безпрепятственно происходили многолюдныя собранія, съ участіемъ массы постороннихъ лицъ—собранія, ставившія самые жгучіе вопросы и разрѣшавшія ихъ, большею частью, въ самомъ радикальномъ смыслѣ. Въ то же самое время насильственно разгонялись или подвергались разнымъ стѣсненіямъ собранія несравненно болѣе скромныя и по количеству участниковъ, и по предметамъ занятій—разгонялись не только въ провинціальныхъ городахъ, гдѣ такой образъ дѣйствій можно было объяснить недоразумѣніемъ, но и въ столицахъ. Въ Черниговѣ полиція, по приказанію губернатора, старалась помѣшать собранію въ квартирѣ бывшаго губернскаго предводителя дворянства А. А. Муханова, созванному для обсужденія результатовъ московскаго общеземскаго съѣзда. Угрозы употребить силу не были приведены въ исполненіе, „дабы не доставить уличной толпѣ соблазнительнаго зрѣлища насильственнаго удаленія лицъ, занимающихъ въ губерніи высокое общественное и служебное положеніе“; но полиціймейстеръ остался, до окончанія собранія, въ квартирѣ г. Муханова, и всѣмъ присутствующимъ былъ составленъ поименный списокъ, въ видахъ возбужденія противъ нихъ судебнаго преслѣдованія. Чрезвычайно характерны размышленія, внушенныя этимъ эпизодомъ одному изъ участниковъ собранія, мѣстному крестьянину. „Постоянно“—сказалъ онъ—„я вижу у себя въ селѣ, какъ неизвѣстныя личности гдѣ-либо на задворкахъ собираютъ вокругъ себя кружокъ слушателей и подстрекаютъ невѣжественный людъ къ убійствамъ, насиліямъ, грабежу и поджогамъ. Эта пагубная, разрушительная проповѣдь не встрѣчаетъ никакого противодѣйствія со стороны уѣздной и сельской полиціи; а вотъ здѣсь, когда собрались всѣмъ извѣстные и почтенные дѣятели и толкуютъ о томъ, какъ лучше выполнить Царскую волю, намъ грозятъ употребленіемъ силы, судебнымъ преслѣдованіемъ, на насъ составляются протоколы, какъ будто мы воры или бунтари и дѣлаемъ что-либо худое“... Въ Москвѣ администрація оказалась еще болѣе рѣшительной, чѣмъ въ Черниговѣ: она прямо прибѣгла къ силѣ, чтобы прервать засѣданія адвокатскаго съѣзда, собравшагося въ помѣщеніи совѣта присяжныхъ повѣренныхъ, и затѣмъ упорно преслѣдовала его по частнымъ квартирамъ. Въ концѣ концовъ, однако, съѣздъ успѣлъ окончить свои занятія.

Положить конецъ съ одной стороны безцѣльному и безплодному отрицанію самаго права собраній, съ другой стороны—явно ненормальному факту созыва политическихъ митинговъ въ стѣнахъ высшихъ учебныхъ заведеній, могло только одно: узаконеніе собраній, при условіяхъ не стѣснительныхъ для ихъ свободы. На этотъ исходъ

указывалось съ самаго начала и въ печати, и въ постановленіяхъ автономныхъ высшихъ школъ; о немъ пріѣзжалъ хлопотать покойный князь С. Н. Трубецкой, о немъ же ходатайствовалъ нѣсколькими днями позже ректоръ с.-петербургскаго университета. Ничто не мѣшало разрѣшить наболѣвшій вопросъ однимъ почеркомъ пера, подобно тому, какъ былъ разрѣшенъ гораздо болѣе сложный вопросъ объ университетской автономіи. Опасность промедленія была такъ велика, что не было даже надобности ожидать изданія формальныхъ правилъ; можно было удовольствоваться административной мѣрой, которая, открывъ для собраній тѣ или другія достаточно обширныя помѣщенія—напримѣръ, манежи,—позволила бы освободить отъ нихъ высшія школы. Положеніе дѣлъ слишкомъ долго, однако, оставалось ненормальнымъ. Почему не было уважено ходатайство с.-петербургскаго университета—это видно изъ бесѣды, которую имѣлъ съ с.-петербургскимъ генералъ-губернаторомъ сотрудникъ „Петербургской Газеты". „Высшія учебныя заведенія"—сказалъ генералъ Д. Ѳ. Треповъ—„получили теперь автономію, и все, что творится въ ихъ стѣнахъ, находится на отвѣтственности совѣтовъ этихъ заведеній. Автономія дала имъ самостоятельность, но и взвалила на нихъ тяжелую отвѣтственность. Митинги, кромѣ другихъ отрицательныхъ сторонъ, мѣшаютъ правильному теченію академической жизни, что видно изъ ходатайства университетскаго совѣта отвести подъ нихъ какія-либо другія помѣщенія. На это ходатайство я отвѣтилъ категорическимъ отказомъ, заявивъ, что законъ не разрѣшаетъ никакихъ митинговъ, а поэтому и давать для нихъ спеціальныя помѣщенія будетъ нарушеніемъ закона. Коммиссія графа Сольскаго занята разработкой вопроса объ общественныхъ собраніяхъ, и когда этотъ вопросъ будетъ рѣшенъ и получитъ законодательную санкцію, тогда конечно будетъ совсѣмъ другой разговоръ". Читая эти слова, можно подумать, что автономныя школы и высшая полицейская власть—два враждующія между собою государства, изъ которыхъ послѣднее заинтересовано въ томъ, чтобы на долю перваго выпала полнѣйшая неудача. Только при такихъ условіяхъ было бы понятно желаніе доказать, что за самостоятельность нужно расплачиваться отвѣтственностью,—и нежеланіе направить дѣло такъ, чтобы отвѣтственность вовсе не возникала. Высшія учебныя заведенія, получивъ автономію, выдѣлились тѣмъ самымъ изъ всего ихъ окружавшаго; ихъ право оказалось какъ бы небольшимъ островкомъ среди моря безправія, оазисомъ среди пустыни. Вывести ихъ изъ этого положенія было очень легко: стоило лишь увеличить общую сумму свободы, не пріурочивая ее искусственно къ одному уголку государственнаго организма. Изъ признанія митинговъ, собирающихся не на основаніи точно установленныхъ правилъ,

опасными для общественнаго порядка, логически вытекала необходимость создать другую, болѣе нормальную обстановку для публичныхъ собраній и порвать, тѣмъ самымъ, неестественную связь между ними и высшими школами. Отъ самихъ автономныхъ совѣтовъ зависѣло, правда, закрыть ввѣренныя имъ школы, впредь до измѣненія обстоятельствъ. Прибѣгнуть къ этому средству было, однако, не легко: слишкомъ великъ былъ рискъ, что перерывъ занятій обратится въ прекращеніе ихъ на цѣлый семестръ или даже на весь учебный годъ, т.-е. въ возобновленіе забастовки учащихъ и учащихся, столь тяжело отзывающейся на судьбахъ высшаго образованія. Чтобы рѣшиться на крайнюю мѣру, нужно было обладать несокрушимой энергіей и беззавѣтнымъ самоотверженіемъ кн. С. Н. Трубецкого. Примѣръ, имъ данный, нашелъ мало подражателей. Совѣты университетовъ и другихъ высшихъ школъ ожидали, очевидно, со дня на день такой правительственной мѣры, которая позволила бы имъ возстановить, безъ потрясеній, обычное теченіе студенческой жизни— но ожиданіе ихъ долго, очень долго оставалось напраснымъ. Еслибы распоряженіе с.-петербургскаго генералъ-губернатора, открывшее (15-го октября) возможность публичныхъ собраній внѣ помѣщеній высшихъ школъ, состоялось нѣсколькими недѣлями раньше, инымъ, во многихъ отношеніяхъ, былъ бы ходъ событій, меньше была бы сумма испытаній, пережитыхъ Россіей.

Мы только-что упомянули о кн. С. Н. Трубецкомъ. Его безвременная смерть была оплакана всей Россіей. За нѣсколько дней передъ тѣмъ его популярность казалась поколебленною; на университетскихъ сходкахъ его имя вызывало, рядомъ съ рукоплесканіями, рѣзкія выраженія несочувствія; такимъ же двойственнымъ характеромъ отличался пріемъ, который онъ лично встрѣчалъ въ аудиторіяхъ. Съ его кончиной настроеніе быстро и рѣшительно измѣнилось. И въ Петербургѣ, и въ Москвѣ во главѣ чествовавшихъ его память стояла учащаяся молодежь. Поздно, но единодушно была отдана справедливость его высокимъ качествамъ—цѣльности его натуры, вѣрности однажды избранному пути, неустрашимости передъ нападками и угрозами, все равно, откуда бы онѣ ни исходили. Оберегая свой родной университетъ, охраняя истинную академическую свободу, онъ твердо и спокойно шелъ на встрѣчу непониманію, враждѣ, быть можетъ оскорбленіямъ. Его знаменитая рѣчь 6-го іюня сдѣлала его имя извѣстнымъ и дорогимъ въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Россіи. Нелегко рисковать такою славой—но кн. Трубецкой безъ колебаній поставилъ ее на карту, какъ только того потребовалъ гражданскій

долгъ. Онъ рисковалъ и другимъ—здоровьемъ, жизнью; онъ не могъ не знать, что съ его больнымъ сердцемъ опасно идти, въ критическую минуту, на постъ выборнаго ректора въ автономномъ университетѣ. Онъ палъ на этомъ посту, но палъ съ честью, достойно завершивъ самою смертью дѣло всей своей жизни.

Разносторонній ученый, оригинальный мыслитель, авторъ замѣчательной книги о Логосѣ, кн. С. Н. Трубецкой не могъ замкнуться всецѣло въ область науки, хотя бы и сближаемой съ жизнью путемъ университетскаго преподаванія. Торжество регресса, высоко поднявшаго голову въ концѣ 80-хъ и началѣ 90-хъ годовъ, пробудило въ немъ, какъ и въ его другѣ, Влад. Серг. Соловьевѣ, публицистическое дарованіе. Начавъ съ мѣткой критики крайняго обскурантизма, воплотившагося въ ученіи „разочарованнаго славянофила“ [1])—К. Н. Леонтьева,—онъ скоро перешелъ къ борьбѣ съ активными представителями того же направленія. Почти десять лѣтъ тому назадъ онъ высказался не только за возстановленіе профессорской корпораціи, уничтоженной реакціею, но и за правильную академическую организацію студенчества, отсутствіе которой было главнымъ недостаткомъ устава 1863-го года. Въ 1899 г. всеобщее вниманіе обратилъ на себя его обвинительный актъ противъ ретроградной печати, какофонію которой онъ, говоря словами пророка Исаіи, уподобилъ „завыванью шакаловъ и цырканью коршуновъ, крикамъ филиновъ и дикихъ кошекъ, карканью воронъ, перекликанью лѣшихъ и змѣиному шипѣнью“. Отвѣчая кн. Цертелеву, выступившему апологетомъ „звѣрей пустыни“, кн. Трубецкой напомнилъ, что „шакалы и коршуны существуютъ всюду, но нигдѣ изъ нихъ не дѣлаютъ заповѣдную дичь, нигдѣ печать не обращается въ бѣловежскую пущу для привилегированныхъ животныхъ“... Когда осенью 1904-го года началась эпоха „довѣрія“, и въ печати впервые былъ прямо поставленъ вопросъ о необходимости коренной государственной реформы, кн. С. Н., вслѣдъ за своимъ братомъ, Евгеніемъ, принялъ выдающееся участіе въ блестящей кампаніи, веденной „Правомъ“ за политическую свободу. Роль его на майскомъ общеземскомъ съѣздѣ и въ депутаціи, выбранной съѣздомъ, была логическимъ выводомъ изъ всей его прежней дѣятельности.

Завѣтъ, оставленный кн. Трубецкимъ въ сферѣ высшаго образованія, не исчезнетъ безслѣдно. Его усвоилъ себѣ преемникъ князя въ званіи ректора, профессоръ А. А. Мануиловъ. „Всѣ мы“ — сказалъ

[1]) Статья подъ этимъ заглавіемъ напечатана въ № 10 „Вѣстника Европы“ за 1892 г.; дополненіемъ къ ней служитъ статья: „Противорѣчія нашей культуры“ („Вѣстн. Европы“ 1894 г. № 8). Кромѣ того въ нашемъ журналѣ (1900 г., № 9) кн. Трубецкой помѣстилъ статью: „Смерть Вл. С. Соловьева“.

онъ въ своей вступительной рѣчи—„стоимъ на томъ, чтобы университетъ былъ просвѣтительнымъ учрежденіемъ, *и только имъ*, не только для молодежи, но и для всей страны. Совѣтъ уже постановилъ открыть университетъ для публики путемъ устройства публичныхъ лекцій, использовавъ для того всѣ свои силы. Но одновременно съ этимъ необходимо настаивать на томъ, что университетъ не можетъ и не долженъ служить ни ареной, ни орудіемъ политической борьбы. Мы—не поборники репрессіи, мы не прибѣгали къ репрессивнымъ мѣрамъ и не прибѣгнемъ къ нимъ, но мы будемъ защищать всѣми силами моральнаго вліянія основной принципъ академіи. И этимъ мы будемъ служить не только университету, но и дѣлу обновленія Россіи". Теперь, когда провозглашена свобода публичныхъ собраній и, слѣдовательно, открыта возможность ихъ созыва внѣ стѣнъ высшей школы, ничто не мѣшаетъ осуществленію программы, унаслѣдованной А. А. Мануиловымъ отъ кн. С. Н. Трубецкого—осуществленію ея вездѣ, во всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Тогда, наконецъ, начнется новая эпоха въ исторіи нашего многострадальнаго высшаго образованія.

PS.—Наше обозрѣніе было уже отдано въ печать, когда появились два манифеста 22 октября (4 ноября), вновь водворяющіе правовой порядокъ въ Финляндіи и обѣщающіе дальнѣйшее развитіе ея политическаго строя. Пріостановлено дѣйствіе манифеста 3-го февраля 1899 года; отмѣненъ рядъ постановленій, нарушившихъ правильное теченіе финляндской жизни. Финляндскому Сенату поручено: 1) составить проектъ новаго сеймоваго устава, въ смыслѣ современнаго преобразованія организаціи финскаго народнаго представительства, съ примѣненіемъ началъ всеобщаго и равнаго права подачи голосовъ при избраніи народныхъ представителей; 2) выработать проекты основныхъ законоположеній, предоставляющихъ народному представительству право повѣрять закономѣрность служебныхъ распоряженій членовъ правительства и обезпечивающихъ гражданамъ края свободу слова, собраній и союзовъ, и 3) составить проекты закона о свободѣ печати и немедленно издать объявленіе о прекращеніи дѣятельности предварительной цензуры. Для разсмотрѣнія всѣхъ этихъ законопроектовъ созванъ на 7 (20) декабря чрезвычайный сеймъ.—Отъ души привѣтствуемъ оффиціальное признаніе правъ, защита которыхъ навлекла на нашъ журналъ, въ февралѣ 1899-го года, административную кару. Пожелаемъ, чтобы въ предѣлахъ имперіи внутренній миръ возстановился такъ же полно и быстро, какъ въ Финляндіи.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1905.

Портсмутскій мирный договоръ.—„Заслуги“ графа Ламздорфа.—Разоблаченія военныхъ порядковъ.—Значеніе войны для нашихъ внутреннихъ дѣлъ.—Международныя послѣдствія нашей мирной революціи.—Политика Вильгельма II.—Новая попытка оправданія манчжурской затѣи.

„Миръ и дружба пребудутъ отнынѣ“ между Россіею и Японіею, какъ сказано въ первой статьѣ Портсмутскаго мирнаго договора, ратификація котораго состоялась 1 октября. По поводу этого событія обнародованъ 5 октября въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ слѣдующій Высочайшій манифестъ:

„Въ 23 день августа сего года, съ соизволенія Нашего, заключенъ Нашими уполномоченными въ Портсмутѣ и въ 1 день текущаго октября утвержденъ Нами окончательный мирный договоръ между Россіею и Японіею.

„Въ неисповѣдимыхъ путяхъ Господнихъ, отечеству Нашему ниспосланы были тяжелыя испытанія и бѣдствія кровопролитной войны, обильной многими подвигами самоотверженной храбрости и беззавѣтной преданности Нашихъ славныхъ войскъ въ ихъ упорной борьбѣ съ отважнымъ и сильнымъ противникомъ. Нынѣ эта столь тяжкая для всѣхъ борьба прекращена, и Востокъ Державы Нашей снова обращается къ мирному преуспѣянію въ добромъ сосѣдствѣ съ отнынѣ вновь дружественной Намъ Имперіею Японскою.

„Возвѣщая любезнымъ подданнымъ Нашимъ о возстановленіи мира, Мы увѣрены, что они соединятъ молитвы свои съ Нашими и съ непоколебимою вѣрою въ помощь Всевышняго призовутъ благословеніе Божіе на предстоящіе Намъ, совмѣстно съ избранными отъ населенія людьми, обширные труды, направленные къ утвержденію и совершенствованію внутренняго благоустройства Россіи“.

Главныя постановленія мирнаго трактата были уже извѣстны въ общихъ чертахъ со дня его подписанія, и вновь разбирать ихъ нѣтъ надобности. Окончательный текстъ договора состоитъ изъ 15 статей и двухъ дополнительныхъ къ нимъ параграфовъ. Относительно Кореи установлено, что русскіе подданные будутъ пользоваться въ ней совершенно такимъ же положеніемъ и такими же правами, какъ и подданные наиболѣе благопріятствуемой державы, и что, во избѣжаніе

всякаго повода къ недоразумѣніямъ, обѣ стороны „воздержатся отъ принятія на русско-корейской границѣ какихъ-либо военныхъ мѣръ, могущихъ угрожать безопасности русской или корейской территоріи" (ст. II). Манчжурія будетъ совершенно и одновременно очищена отъ русскихъ и японскихъ войскъ, за исключеніемъ арендной территоріи Ляодунскаго полуострова, и затѣмъ должна быть всецѣло возвращена Китаю; при этомъ русское правительство объявляетъ, что оно „не обладаетъ въ Манчжуріи земельными преимуществами либо преференціальными или исключительными концессіями, могущими затронуть верховныя права Китая или несовмѣстимыми съ принципомъ равноправности" (ст. III). Вмѣстѣ съ передачею Японіи всѣхъ правъ, преимуществъ и концессій, принадлежавшихъ Россіи на Ляодунскомъ полуостровѣ по арендному договору съ Китаемъ, а также всѣхъ общественныхъ сооруженій и имуществъ въ предѣлахъ этой территоріи, признается и подтверждается готовность Японіи уважать права частной собственности русскихъ подданныхъ въ этихъ бывшихъ русскихъ владѣніяхъ (ст. V). Россія уступаетъ Японіи, безъ вознагражденія, желѣзную дорогу между Чанчунь (Куанченцзы) и Портъ-Артуромъ и ея развѣтвленія, со всѣми принадлежащими ей правами, привилегіями и имуществами, а также каменноугольныя копи въ этой мѣстности (ст. VI), причемъ обѣ стороны обязываются эксплоатировать свои желѣзнодорожныя линіи въ Манчжуріи исключительно въ цѣляхъ коммерческихъ и промышленныхъ, но отнюдь не стратегическихъ (ст. VII). Въ видахъ поощренія и облегченія сношеній и торговли обѣ державы заключатъ, въ скорѣйшемъ по возможности времени, отдѣльную конвенцію для опредѣленія условій обслуживанія соединенныхъ желѣзнодорожныхъ линій въ Манчжуріи (ст. VIII). Русское правительство передаетъ японскому „въ вѣчное и полное владѣніе" южную часть острова Сахалина (до 50-й параллели сѣверной широты) и прилегающіе къ ней острова, равно какъ и всѣ находящіяся тамъ общественныя сооруженія и имущества; обѣ стороны взаимно соглашаются при этомъ не возводить въ своихъ владѣніяхъ на островѣ никакихъ укрѣпленій и не принимать никакихъ военныхъ мѣръ, которыя могли бы препятствовать свободному плаванію въ проливахъ Лаперузовомъ и Татарскомъ (ст. IX). Русскимъ подданнымъ, жителямъ уступленной Японіи территоріи, предоставляется продавать свое недвижимое имущество и удаляться въ свою страну; но если они предпочтутъ остаться, за ними будутъ сохранены и обезпечены въ полной мѣрѣ ихъ промышленная дѣятельность и права собственности, при условіи подчиненія японскимъ законамъ и юрисдикціи. Въ то же время „Японія будетъ вполнѣ свободна лишить права пребыванія въ этой территоріи всѣхъ жителей, не обладаю-

щихъ политическою или административною правоспособностью, или же выселить ихъ изъ этой территоріи; она обязуется, однако, вполнѣ обезпечить за этими жителями ихъ имущественныя права" (ст. X). Россія обязывается войти съ Японіею въ соглашеніе въ видахъ предоставленія японскимъ подданнымъ правъ по рыбной ловлѣ вдоль береговъ русскихъ владѣній въ моряхъ Японскомъ, Охотскомъ и Беринговомъ (ст. XI). Въ дѣлахъ торговли и мореплаванія установлена система взаимности на началахъ наибольшаго благопріятствованія, впредь до заключенія новаго торговаго договора на тѣхъ же основаніяхъ, какія дѣйствовали передъ войною (ст. XII). Двѣ слѣдующія затѣмъ статьи говорятъ о возвращеніи плѣнныхъ и о ратификаціи; расходы по содержанію плѣнныхъ будутъ возмѣщены соотвѣтственно взаимно представленнымъ счетамъ, оправданнымъ документами. Въ двухъ дополнительныхъ статьяхъ установлены правила о выводѣ войскъ изъ Манчжуріи и о разграниченіи территорій на Сахалинѣ; войска обѣихъ сторонъ должны быть одновременно удалены изъ манчжурскихъ предѣловъ, въ теченіе восемнадцати мѣсяцевъ, а для охраны желѣзныхъ дорогъ оставляется стража по обоюдному соглашенію, въ количествѣ не менѣе пятнадцати человѣкъ на километръ.

Одновременно съ опубликованіемъ трактата, окончательно формулировавшаго результаты японскихъ побѣдъ, напечатанъ въ газетахъ благодарственный рескриптъ на имя нашего министра иностранныхъ дѣлъ, графа Ламздорфа. „Плодотворные труды" его, какъ сказано въ рескриптѣ, „по многочисленнымъ и сложнымъ вопросамъ, возникавшимъ въ теченіе минувшей войны съ Японіею, способствовали правильному и успѣшному ихъ разрѣшенію"; когда же признано было возможнымъ принять дружеское предложеніе президента Рузевельта, то онъ же, графъ Ламздорфъ, „приложилъ всю свойственную ему опытность и дипломатическое искусство для достиженія, согласно предначертаніямъ, условій мира, отвѣчающихъ достоинству Россіи". Въ дѣйствительности, конечно, мало основаній благодарить кого бы то ни было за политику, приведшую къ несчастной войнѣ и завершившуюся Портсмутскимъ миромъ, и намъ трудно назвать „правильнымъ и успѣшнымъ" то разрѣшеніе спорныхъ международныхъ вопросовъ, на которое вынуждена была согласиться Россія послѣ тяжкихъ военныхъ пораженій. „Плодотворные труды", упоминаемые въ рескриптѣ, имѣли такой характеръ и такія послѣдствія, что могли дать поводъ къ возбужденію вопроса о законной отвѣтственности и должны были по меньшей мѣрѣ вызвать отставку министра, съ замѣною его другимъ, болѣе способнымъ и подходящимъ дѣятелемъ. Графъ Ламздорфъ, будучи руководителемъ нашей дипломатіи, не только не съумѣлъ предупредить обостреніе конфликта съ Японіею, но и самъ

способствовалъ этому обостренію своими неумѣстными, оскорбительными для противника пріемами въ веденіи переговоровъ; притомъ онъ же допустилъ вмѣшательство въ завѣдываніе иностранною политикою совершенно некомпетентныхъ постороннихъ лицъ, въ родѣ адмирала Алексѣева, контръ-адмирала Абазы и статсъ-секретаря Безобразова. Такъ какъ это вмѣшательство завѣдомыхъ приверженцевъ войны несомнѣнно противорѣчило его оффиціальнымъ миролюбивымъ заявленіямъ, то онъ имѣлъ бы полное право сложить съ себя званіе министра послѣ того какъ существенная часть его функцій была передана названнымъ некомпетентнымъ лицамъ; между тѣмъ онъ оставался на мѣстѣ и прикрывалъ фирмою своего министерства зловредныя закулисныя мѣропріятія и рѣшенія, которыя, какъ онъ не могъ не сознавать, должны были причинить непоправимый вредъ государству. Отвѣтственность за весь этотъ неправильный ходъ дипломатическихъ переговоровъ съ Японіею не можетъ быть снята съ графа Ламздорфа, и его „плодотворные труды“ по дѣламъ Дальняго Востока займутъ одну изъ самыхъ печальныхъ страницъ въ исторіи нашей иностранной политики.

Тяжелый кошмаръ войны и послѣдовавшихъ за нею волненій изъ-за вопроса объ условіяхъ мира слишкомъ наглядно и рѣзко убѣдилъ русское общество и русскій народъ, что для спасенія всей будущности страны необходимо кореннымъ образомъ преобразовать весь государственный строй, отдающій Россію въ безконтрольное распоряженіе небольшой горсти придворныхъ интригановъ. Страшно дорогой цѣною досталась намъ реформа устарѣлаго политическаго быта, основаннаго на всемогуществѣ бюрократіи и на полномъ безправіи населенія. Грозныя военныя неудачи раскрыли глаза даже представителямъ арміи, которые увидѣли на опытѣ несостоятельность и безсиліе военной организаціи, казавшейся прежде столь могущественною. Напечатанное недавно въ газетѣ „Русь“ письмо командира десятаго корпуса, дѣйствовавшаго въ Манчжуріи, генерала Церпицкаго, представляетъ собою ярко и сильно формулированный обвинительный актъ противъ всей господствующей у насъ системы военнаго управленія и хозяйничанія. Еще нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ этотъ заслуженный боевой генералъ писалъ намъ по поводу одной статьи, помѣщенной въ нашемъ журналѣ: „Вы совершенно вѣрно говорите, что за цѣлый годъ войны не выдвинулось ни одного имени. Но спрашивается, откуда могли бы явиться въ нашей арміи эти имена? Генералы не валятся съ неба; они—продуктъ арміи, плоть и кровь ея. Наша армія, благодаря установившемуся въ ней совершенно безсмысленному и вредному для дѣла бюрократическому режиму, сдѣла-

лась въ этомъ отношеніи непроизводительна; она перестала давать хорошихъ полевыхъ генераловъ, но за то давала въ изобиліи такихъ, съ которыми побѣждать непріятеля нельзя. На почвѣ бюрократизма въ нашей арміи прочно свили себѣ гнѣздо протекціонизмъ и фаворитизмъ. Бывшіе кавалергарды, конногвардейцы, преображенцы и проч. всегда могли получить высшія отвѣтственныя должности, несмотря на свою дряхлость, неспособность и полную отсталость. Наряду съ категорическимъ закономъ о возрастномъ цензѣ въ арміи допущены были для высшаго командованія и руководства войсками такіе дряхлые или совершенно неспособные люди, какъ"... (далѣе приводится цѣлый рядъ именъ съ соотвѣтственными характеристиками). Одинъ, 78-лѣтній старикъ, десять лѣтъ не садившійся верхомъ, придворный генералъ, самъ говорилъ автору письма, что онъ „никогда въ своей жизни не имѣлъ терпѣнія прочитать ни одного военнаго сочиненія"; „въ пониманіи военнаго дѣла былъ совершеннѣйшій младенецъ, смотрѣвшій на всѣхъ своихъ подчиненныхъ въ округѣ, какъ на своихъ крѣпостныхъ". Другой „своимъ обращеніемъ, въ высшей степени презрительнымъ и надменнымъ, стремился къ тому, чтобы обратить своихъ подчиненныхъ въ рабовъ". Въ третьемъ военномъ округѣ очень долго стоялъ во главѣ „старый, дряхлый человѣкъ, вовсе не интересовавшійся арміей", а за него распоряжался помощникъ, „лѣнтяй, распущенный человѣкъ, занимавшійся только флиртомъ съ женами своихъ подчиненныхъ"; въ четвертомъ округѣ командуетъ 80-лѣтній старикъ, который такъ слабъ физически, что еще въ 1900 году ввѣренную К. Ф. Церпицкому бригаду смотрѣлъ изъ экипажа. „Такихъ же старыхъ, неспособныхъ и дряхлыхъ много корпусныхъ командировъ и даже начальниковъ дивизій. Нѣкоторые изъ числа такихъ корпусныхъ командировъ и начальниковъ дивизій прибыли на театръ войны. Разумѣется, отъ нихъ нельзя ожидать никакой пользы. Присутствуя разъ на ученіи, которое производилъ N.,—пишетъ почтенный генералъ,—и, видя, какъ онъ, находясь въ нетрезвомъ видѣ, грубо и дерзко обращался со своими подчиненными, я тогда же сказалъ ему, что плохи тѣ войска, которыя позволяютъ съ собою такъ обращаться. Наша армія, благодаря установившемуся въ ней бюрократическому режиму, обратилась въ огромную толпу рабовъ, а извѣстно, что изъ рабовъ не выходитъ львовъ и героевъ. Воинская дисциплина въ нашей арміи замѣнилась подлымъ угодничествомъ. Независимо отъ этого, всѣ наши неуспѣхи въ настоящей войнѣ зависятъ отъ результатовъ военнаго воспитанія и обученія арміи въ мирное время. Наша армія невѣжественна, безграмотна и непатріотична. Внѣ военной службы, народа, за отсутствіемъ школъ, грамотѣ не учили, а военное министерство, „въ непрестанной заботливости о развитіи грамотности",

отпускало отъ своихъ щедротъ на обученіе грамотѣ солдатъ по 10 коп. въ годъ на человѣка... На всѣ вопросы, предлагаемые офицерамъ и солдатамъ нашей арміи, всегда получается одинъ отвѣтъ: „не могу знать". Отвѣтъ этотъ есть результатъ невѣжества, тупоумія и полнаго равнодушія къ дѣлу. Нашъ голодный, обнищалый, забитый народъ, веденный въ полной темнотѣ, не можетъ быть народомъ патріотичнымъ, такъ какъ всѣ его интересы поглощаются желаніемъ имѣть хлѣбъ, чтобы не подохнуть съ голода. Что касается до войны, то она глубоко непопулярна среди народа, понимающаго всю несправедливость того, что мы ворвались въ край, куда насъ никто не звалъ и не просилъ, и притомъ въ то время, когда у насъ самихъ было много своего дѣла. Народъ понимаетъ, что мы бросили въ этотъ край милліоны народныхъ денегъ въ то время, когда русскій народъ постоянно почти голодаетъ, когда онъ невѣжественъ, неграмотенъ и нищъ, отъ недостатка средствъ для его образованія, отъ неудовлетворительности дорогъ, отъ большихъ пошлинъ на предметы первой необходимости. Я пережилъ здѣсь китайскую войну, и я лично предвидѣлъ настоящую катастрофу, о чемъ неоднократно доносилъ по начальству, но легкомысленный А. ничему не вѣрилъ и устраивалъ въ Портъ-Артурѣ вторую „Панаму". „Армія наша, — продолжаетъ генералъ Церпицкій въ другомъ письмѣ,—со времени освободительнаго движенія 60-хъ годовъ пошла не впередъ, а назадъ, и обратилась въ толпу рабовъ, управляемыхъ бюрократами. Верхи арміи, начиная съ старшихъ, занимались устройствомъ себя хищеніями". Когда въ одномъ изъ мѣстныхъ лазаретовъ экстренно понадобился лишній расходъ на триста рублей въ годъ, то представленіе объ этомъ, сдѣланное въ мартѣ 1904 года, удостоилось утвержденія только въ іюнѣ 1905 года; а когда генералъ К. вступилъ въ управленіе военнымъ министерствомъ, то для него былъ выбранъ и черезъ нѣсколько дней послѣ осмотра купленъ домъ на Мойкѣ, обошедшійся казнѣ около милліона рублей, а на содержаніе его и отопленіе расходовалось ежегодно отъ 40 до 60 тысячъ рублей; между тѣмъ существовалъ уже казенный домъ для военнаго министра, но онъ былъ оставленъ въ пожизненное пользованіе Ванновскому, съ приплатой на содержаніе дома до 60 тысячъ рублей въ годъ. Вздумалось военному министру имѣть дачу близъ Ялты, и тотчасъ же наняли тамъ цѣлое имѣніе, обходившееся казнѣ общимъ счетомъ до 25 тысячъ ежегодно. Всѣ эти расходы не проходили черезъ военный совѣтъ и не утверждались въ законномъ порядкѣ. Понадобилось военному министру прогуливаться по Невѣ на своемъ пароходикѣ, и тотчасъ же купленъ былъ пароходъ, сформирована команда, назначенъ шкиперъ, а содержаніе ихъ обходилось около трехъ тысячъ рублей въ годъ (собственно два-три

мѣсяца въ году). Получая 32 тысячи содержанія при всемъ готовомъ, генералъ К. приказалъ еще выдавать себѣ восемь тысячъ въ годъ за завѣдываніе финляндскими войсками, которыя уже были уничтожены. Начальникъ его главнаго штаба получилъ въ пять лѣтъ пять большихъ наградъ и при жалованьи въ 18 тысячъ, при готовой квартирѣ, экипажѣ, обстановкѣ, до 50 тысячъ пособія. Извѣстно, что Сипягинъ, сдѣлавшись министромъ внутреннихъ дѣлъ, прежде всего началъ перестраивать казенный домъ для своей квартиры по своимъ рисункамъ, и эта затѣя обошлась въ 500 тысячъ рублей. „Съ такими порядками далеко не уѣдешь. Почему это въ другихъ государствахъ министры живутъ какъ частные люди? Я самъ былъ нѣсколько разъ у графа Каприви; онъ жилъ на Лейпцигской улицѣ, въ третьемъ этажѣ, въ шести комнатахъ, со своей старушкой сестрой, ѣздилъ на извозчикахъ, и имѣлъ престижъ, и его всѣ уважали. Почему же въ самой бѣдной странѣ, въ которой половина населенія умираетъ ежегодно съ голоду, необходимо министрамъ и прочимъ высокопоставленнымъ жить по-царски во дворцахъ?“

Общіе государственные и зависящіе отъ нихъ спеціально-военные недуги, о которыхъ говоритъ генералъ Церпицкій, могутъ быть устранены только коренными *общими* реформами, отчасти уже возвѣщенными манифестомъ 17 октября. Нельзя считать случайнымъ то обстоятельство, что великое дѣло переустройства всего государственнаго быта Россіи возложено на бывшаго министра финансовъ, удачно исполнившаго роль перваго русскаго дипломата въ Портсмутѣ и объѣхавшаго по этому поводу нѣкоторыя изъ передовыхъ заграничныхъ государствъ. Несмотря на то, что необходимость коренныхъ преобразованій стала очевидною для самыхъ скромныхъ обывателей послѣ пережитыхъ ужасовъ безсмысленной и позорной войны, бюрократія долго не рѣшалась разстаться съ своими исключительными полномочіями и думала ограничиться обманчивыми канцелярскими полумѣрами, которыя только раздражали общественное мнѣніе. Высшая власть, постоянно колеблемая въ разныя стороны взаимно борющимися между собою закулисными вліяніями, никогда не сдѣлала бы окончательнаго шага въ пользу конституціи, еслибы тревожныя заграничныя извѣстія не напоминали о чрезвычайно важномъ элементѣ нашего общаго политическаго положенія—о внѣшнемъ государственномъ кредитѣ Россіи. Наши финансы зависятъ во многомъ отъ степени довѣрія иностранныхъ націй къ прочности существующаго у насъ правительства, и продолжающаяся внутренняя борьба между приверженцами самовластія и сторонниками народной свободы, въ связи съ непрерывными кровавыми

волненіями въ разныхъ мѣстахъ имперіи, возбуждала понятное безпокойство въ массѣ владѣльцевъ нашихъ государственныхъ бумагъ въ Германіи, Франціи и Англіи. Рескриптъ 18 февраля, обѣщавшій введеніе народнаго представительства, появился вслѣдъ за изданіемъ манифеста отъ того же числа объ искорененіи крамолы, и это странное противорѣчіе объяснялось только тѣмъ, что изъ Парижа получены были телеграммы о неблагопріятномъ впечатлѣніи, произведенномъ манифестомъ за границей среди биржевыхъ и финансовыхъ сферъ; такъ же точно на изданіе манифеста 17 октября повліяли сообщенія изъ Берлина о неизбѣжномъ паденіи курса всѣхъ русскихъ цѣнностей, въ виду водворившейся анархіи въ нашихъ внутреннихъ дѣлахъ. Намъ грозилъ опасный финансовый крахъ какъ разъ въ такой моментъ, когда велись переговоры о способахъ и срокѣ выпуска новаго займа въ 500 милліоновъ рублей, и представители иностранныхъ фирмъ, находившіеся для этой цѣли въ Петербургѣ, должны были убѣдиться, что время для переговоровъ было выбрано крайне неудачно. Переговоры были прерваны, и это непріятное обстоятельство было однимъ изъ послѣднихъ внѣшнихъ толчковъ къ принятію конституціонной программы гр. Витте. Не будь этихъ заграничныхъ финансовыхъ опасеній и заботъ, побѣда и на этотъ разъ могла бы остаться за представителями высокопоставленной „черной сотни“.

Иностранная печать съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила и продолжаетъ слѣдить за ходомъ нашей внутренней борьбы, которая, можно сказать, представляетъ крупнѣйшее явленіе современной міровой исторіи. Привѣтствуя торжество мирной революціи, принявшей новую, нигдѣ не испытанную еще форму всеобщей политической забастовки—истинной революціи двадцатаго вѣка, газеты всего культурнаго міра съ полнымъ ужаса недоумѣніемъ останавливаются передъ внезапными взрывами звѣрства и опустошенія, охватившими значительную часть Россіи тотчасъ же послѣ изданія необыкновенно либеральнаго манифеста 17 октября. Иностранцы, привыкшіе руководствоваться установившимися политическими понятіями, видятъ въ этомъ жестокомъ народномъ движеніи простую контръ-революцію консервативной массы населенія противъ передовыхъ, прогрессивныхъ элементовъ общества; подобныя контръ-революціи бывали въ разныхъ западно-европейскихъ государствахъ, гдѣ одни классы населенія возставали противъ другихъ, добившихся власти для своихъ спеціальныхъ выгодъ и для обезпеченія своихъ сословныхъ или классовыхъ интересовъ. Но у насъ дѣло шло о завоеваніи общихъ политическихъ правъ, одинаково важныхъ и цѣнныхъ для всего народа; низшіе классы еще въ большей мѣрѣ, чѣмъ высшіе, заинтересованы въ томъ, чтобы ими не распоряжались органы произвола и насилія, чтобы податное бремя было распредѣ-

лено болѣе равномѣрно, чтобы прекратилось хищническое швыряніе народныхъ средствъ на нелѣпыя фантазіи и чтобы не могли затѣваться безсмысленныя войны въ угоду придворнымъ честолюбцамъ. Наша интеллигенція не только не добивалась для себя никакихъ особыхъ правъ и привилегій, но, напротивъ, требовала устраненія всякихъ исключительныхъ правъ и преимуществъ и домогалась только того, что было необходимо и полезно для трудящихся народныхъ массъ. Что же побуждало бы эти массы подняться противъ виновниковъ такихъ перемѣнъ и нововведеній, которыя направлены къ очевидному реальному благу всего народа? Иностранные публицисты не понимаютъ и не могутъ понять, что здѣсь играли роль обычные представители и защитники стараго режима: одновременныя и однородныя дѣйствія толпы въ разныхъ мѣстахъ имперіи имѣли повсюду характеръ „патріотическихъ“ манифестацій, устроенныхъ систематически по одному общему плану и съ одною и тою же цѣлью—доказать необходимость сохраненія „исконныхъ началъ“ для избѣжанія великихъ опасностей, угрожающихъ престолу и отечеству со стороны внутреннихъ враговъ. Другими словами, это была контръ-революція многочисленныхъ мѣстныхъ органовъ самовластной администраціи, привыкшей эксплоатировать въ свою пользу невѣжество и суевѣріе темнаго большинства населенія. Не зная искусственныхъ пружинъ, создающихъ стихійное народное движеніе противъ интеллигенціи, посторонніе наблюдатели говорятъ о междоусобной войнѣ племенъ и классовъ, о страшныхъ проявленіяхъ взаимной вражды и ненависти, какъ о симптомахъ предстоящаго или возможнаго распаденія Россіи. Между тѣмъ въ дѣйствительности злобные инстинкты толпы съ одинаковымъ успѣхомъ и съ одинаковою легкостью возбуждаются у насъ какъ противъ инородцевъ, такъ и противъ чистокровныхъ русскихъ, противъ врачей, студентовъ, курсистокъ, земскихъ либераловъ: для этого достаточно только пустить слухъ о японскихъ или англійскихъ подкупахъ, объ умышленномъ распространеніи какой-нибудь заразы, о зловредной крамолѣ, о связи съ нечистой силою. На почвѣ народной тьмы выростаютъ и распространяются съ необычайною быстротою самыя фантастическія предположенія, толкающія на путь безумныхъ насилій, и однако такого рода факты не даютъ еще ни малѣйшаго основанія заключать о характерѣ взаимныхъ нормальныхъ отношеній между различными народностями или классами населенія. Невѣжество и суевѣріе народныхъ массъ были и остаются главными опорами стараго режима, и эти опоры исчезнутъ или потеряютъ свое значеніе вмѣстѣ съ распространеніемъ образованія въ народѣ. Для политической будущности страны эти темныя силы могутъ считаться опасными только до тѣхъ поръ, пока на нихъ будутъ опираться органы государствен-

ной власти; но эта опасность устраняется введеніемъ разумнаго конституціоннаго правленія, обѣщаннаго манифестомъ 17 октября.

Нѣтъ сомнѣнія, что нашъ внутренній кризисъ непосредственно отражается на международномъ положеніи Россіи и можетъ имѣть огромное вліяніе на роль и мѣсто ея въ ряду великихъ державъ. Нѣкоторыя иностранныя газеты намекали на то, что Финляндія, достигнувъ фактической свободы дѣйствій, могла бы вступить въ личную унію съ Швеціею, отъ которой недавно окончательно отдѣлилась Норвегія, и разумѣется само собою, что такое отпаденіе отъ насъ великаго княжества, какъ логическое послѣдствіе грубой обрусительной политики послѣднихъ лѣтъ, нанесло бы сильный ударъ государственнымъ интересамъ Россіи. Вооруженное возстаніе Финляндіи при данныхъ обстоятельствахъ было бы для насъ не только „сквернымъ дѣломъ", но и крайне опаснымъ и почти непосильнымъ; и едва ли нашлись бы у насъ серьезные государственные люди, которые рѣшились бы затѣять вооруженную борьбу для насильственнаго подчиненія финляндскаго народа ненавистному ему режиму. Наши усердные патріоты, способствовавшіе по мѣрѣ силъ достиженію такого результата, продолжаютъ попрежнему возлагать всѣ свои надежды на мѣры крутого насилія и принужденія, и даже въ тѣ критическіе дни, когда русская власть перестала существовать въ Финляндіи, публицисты „Новаго Времени", по старой привычкѣ, жаловались кому-то на „дерзкія" финляндскія требованія, обвиняли генералъ-губернатора въ бездѣйствіи и грозили непокорнымъ суровыми репрессаліями, въ родѣ блокады побережья остатками нашего флота и закрытія финляндской границы;—и еслибы это зависѣло отъ „Новаго Времени", то мы въ самомъ дѣлѣ имѣли бы передъ собою совершившійся фактъ отпаденія Финляндіи, съ перспективою „дружественнаго" вмѣшательства Швеціи и другихъ морскихъ державъ. Событія получили здѣсь иную развязку, несогласную съ идеями нашихъ націоналистовъ, и только формальнымъ отреченіемъ отъ прошлыхъ ошибокъ мы могли сохранить Финляндію.

Несравненно болѣе щекотливые и сложные политическіе вопросы возникаютъ въ связи съ положеніемъ Царства Польскаго, гдѣ кризисъ доводится до послѣдней крайности раздражающими мѣрами мѣстныхъ военныхъ властей. У границъ польской территоріи бодрствуетъ дѣятельный и могущественный сосѣдъ, располагающій свободною арміею и очень расположенный помочь намъ въ нашей „неслыханной смутѣ". Что мы сдѣлаемъ, если императоръ Вильгельмъ II, озабоченный волненіями нашей Польши, окажетъ намъ дружественное содѣйствіе за-

нятіемъ ея прусскими войсками? А къ этому ведутъ дѣло наши націоналисты, упорно не понимающіе другихъ способовъ успокоенія, кромѣ грубой системы насилія. Пруссія, имѣющая также свои польскія провинціи, крайне заинтересована въ томъ, чтобы въ пограничной русской Польшѣ водворился мирный и прочный порядокъ жизни, чтобы прекратилось, наконецъ, скрытое или явное революціонное состояніе этого края, могущее вызвать соотвѣтственное тревожное настроеніе въ Познани. Въ февралѣ 1863 года, по поводу тогдашняго польскаго возстанія, Пруссія заключила съ Россіею военную конвенцію, въ силу которой она имѣетъ право, при извѣстныхъ условіяхъ и обстоятельствахъ, ввести свои войска въ предѣлы русской Польши, для оказанія намъ помощи въ дѣлѣ подавленія безпорядковъ, и это международное соглашеніе, называемое иногда конвенціею Альвенслебена—по имени подписавшаго ее въ Петербургѣ прусскаго генерала, могло бы легко получить неожиданное практическое истолкованіе и примѣненіе въ настоящее время. Какъ объясняетъ князь Бисмаркъ въ своихъ „Воспоминаніяхъ", эта конвенція имѣла болѣе политическую, чѣмъ военную цѣль: она должна была показать всѣмъ сторонникамъ польской автономіи среди великихъ державъ и въ составѣ самого русскаго правительства, что Пруссія не желаетъ возрожденія польской національности и твердо стоитъ за прежнюю русскую политику, въ духѣ строгаго внѣшняго административнаго объединенія. Конечно, для того, чтобы вступленіе прусскихъ войскъ въ русскіе предѣлы сохранило характеръ дружественнаго акта, необходимо было бы формальное согласіе нашего правительства; но всѣмъ хорошо извѣстно, что нѣтъ ничего легче, какъ добыть это согласіе подъ предлогомъ истинной дружбы и преданности, при тѣхъ традиціонныхъ интимныхъ отношеніяхъ, какія существуютъ между дворами Пруссіи и Россіи. Наша внѣшняя политика давно уже въ сущности имѣетъ не государственный и не національный, а фамильный характеръ, и самыя важныя рѣшенія, какъ, напр., и въ несчастномъ японскомъ конфликтѣ, принимались по побужденіямъ и мотивамъ, не имѣющимъ ничего общаго съ интересами государства и съ обязанностями отвѣтственнаго правительства. Императоръ Вильгельмъ II, привыкшій, напротивъ, служить только интересамъ Германіи, отлично умѣетъ пользоваться обстоятельствами для достиженія своихъ сознательныхъ патріотическихъ цѣлей, не поддаваясь никакимъ случайнымъ или сентиментальнымъ внушеніямъ. Въ этомъ смыслѣ настойчивое ухаживаніе его за оффиціальною Россіею и за ея дворомъ въ послѣдніе мѣсяцы и дни пріобрѣтаетъ чрезвычайно важное значеніе и заслуживаетъ особеннаго вниманія русскаго общества.

Намъ кажется, что все дипломатическое искусство Вильгельма II,

въ связи съ его неустаннымъ стремленіемъ дѣйствовать на пользу Германіи, обнаруживается именно въ его тонкой и смѣлой международной политикѣ за послѣдніе мѣсяцы: онъ сдѣлался теперь центральной фигурою въ Европѣ, главнымъ распорядителемъ ея политическихъ судебъ, и притомъ безъ всякаго риска для себя, исключительно въ видахъ заботливой охраны германскихъ интересовъ. Иностранныя газеты очень много и долго разсуждали объ его мнимыхъ планахъ нападенія на Францію изъ-за Марокко, о попыткѣ бывшаго французскаго министра Делькассé заключить формальный оборонительный союзъ съ Англіей и о мнимомъ предложеніи британскаго правительства послать свой флотъ въ Киль и высадить тамъ стотысячное войско для оказанія помощи французамъ; эти опасные воинственные проекты, раскрытые или придуманные недавно газетою „Matin", потерпѣли неудачу, будто бы, только благодаря своевременному удаленію Делькассé. Западно-европейская печать, не исключая и оффиціозной, съ большою горячностью занялась этими необыкновенно жгучими разоблаченіями; самъ германскій канцлеръ, князь Бюловъ, заговорилъ по этому поводу о своихъ намѣреніяхъ и чувствахъ относительно Франціи, и до сихъ поръ еще многіе вѣрятъ, что предстояли или подготовлялись какія-то крупнѣйшія политическія событія, которыхъ удалось избѣжать только подъ вліяніемъ разныхъ счастливыхъ случайностей. Между тѣмъ, самыя комбинаціи и секретныя свѣдѣнія, сообщенныя въ газетахъ, оказывались совершенно неправдоподобными при ближайшемъ разсмотрѣніи: никакая держава не станетъ предлагать другой военную помощь, которой та не проситъ, и никакое правительство въ Англіи не возьметъ на себя подобнаго безсмысленнаго рѣшенія, не вызываемаго крайностью и способнаго не предупредить, а, напротивъ, возбудить или ускорить катастрофу. Страстные и шумные толки о планахъ и опасеніяхъ Англіи, Франціи и Германіи волновали заграничную публику какъ разъ въ то время, когда Россія переживала острый политическій кризисъ, отъ исхода котораго зависѣло и направленіе заботъ Вильгельма II. Очень можетъ быть, что безсодержательная дипломатическая кампанія на Западѣ имѣла цѣлью отвлечь вниманіе общественнаго мнѣнія отъ замысловъ и разсчетовъ, относящихся къ восточной Европѣ.

Взгляды и настроенія нашей бюрократіи въ сферѣ иностранной политики такъ же мало поддаются „постороннему" воздѣйствію общественнаго мнѣнія и печати, какъ и въ области внутреннихъ вопросовъ. Даже послѣ всѣхъ пережитыхъ ужасовъ и разочарованій манчжурской войны у насъ выступаютъ въ печати защитники этой пре-

ступной затѣи, и мы считаемъ не лишнимъ остановиться здѣсь на новой попыткѣ такого рода, сдѣланной г. А. Гиппіусомъ въ книгѣ подъ заглавіемъ: „О причинахъ нашей войны съ Японіей" (Спб., 1905. Стр. 56 + XXX + 230, in 4°. Ц. 3 р.).

Роскошно изданная книга г. А. Гиппіуса заключаетъ въ себѣ, сверхъ вступительной статьи автора, полный переводъ англійской „синей" и японской „бѣлой" книгъ по манчжурско-китайскому и корейскому вопросамъ, съ приложеніемъ статистическихъ таблицъ и комментаріевъ М. П. Федорова относительно торговли Англіи, Японіи и нѣкоторыхъ другихъ державъ на Дальнемъ Востокѣ. Во главѣ своихъ разсужденій г. А. Гиппіусъ выставляетъ слѣдующіе тезисы: „Первоначальною причиною войны является завоевательная политика Японіи. На этомъ пути Японія столкнулась съ военно-политическими территоріальными интересами Россіи и съ торгово-политическими интересами Англіи. Политика Россіи опредѣляется соображеніями самозащиты отъ посягательствъ Японіи. Политика Англіи опредѣляется разсчетомъ ослабить Японію черезъ войну съ Россіею, хотя, впрочемъ, и ослабленіе Россіи соотвѣтствуетъ видамъ Англіи, но только не на Дальнемъ, а на среднемъ и ближнемъ Востокѣ".

Насколько мы могли понять запутанную аргументацію автора, дѣло сводится, по его мнѣнію, къ тому, что Японія имѣла скрытые завоевательные планы, которыхъ она не успѣла ясно обнаружить; Россія же безъ всякаго завоевательнаго умысла заняла Портъ-Артуръ, построила желѣзную дорогу на китайской территоріи и водворила свое владычество въ Манчжуріи, не имѣя вовсе въ виду вызывать этимъ неудовольствіе другихъ заинтересованныхъ державъ. Между тѣмъ Англія, съ присущимъ ей коварствомъ, повела тонкую и сложную дипломатическую интригу противъ нашихъ совершенно безобидныхъ и миролюбивыхъ наступательныхъ мѣропріятій на Дальнемъ Востокѣ, съ явнымъ намѣреніемъ втравить японцевъ въ разорительную и опасную для нихъ войну, чтобы надолго ослабить ихъ, какъ главныхъ своихъ торгово-промышленныхъ соперниковъ въ Китаѣ и въ сопредѣльныхъ странахъ. А такъ какъ съ весны 1902 г. Англія находилась уже въ формальномъ военно-политическомъ союзѣ съ Японіею и была обязана въ извѣстныхъ случаяхъ дѣйствовать съ нею заодно,—о чемъ забываетъ при этомъ г. А. Гиппіусъ,—то выходитъ, что англичане желали посредствомъ войны подорвать силы своихъ собственныхъ союзниковъ и косвенно причинить вредъ самимъ себѣ, подвергнувъ опасности свое собственное международное положеніе и свои крупные восточно-азіатскіе интересы. Военное торжество Россіи надъ Японіею—по крайней мѣрѣ на сушѣ — представлялось вполнѣ возможнымъ, и многіе считали его даже неизбѣжнымъ,

не только у насъ, но и въ западной Европѣ и между прочимъ въ самой Англіи; этотъ результатъ войны дѣйствительно обезпечилъ бы для Россіи господство надъ Китаемъ и надъ всѣмъ побережьемъ Азіи у Тихаго океана, если не „въ долготу вѣковъ", какъ говорилось въ одномъ изъ нашихъ манифестовъ, то на многіе годы. Пораженіе Японіи было бы въ то же время несомнѣннымъ пораженіемъ союзной и солидарной съ нею Великобританіи. Какой же смыслъ имѣла бы коварная англійская политика, если она могла привести къ подобному результату? Японія была бы, правда, ослаблена, но вмѣстѣ съ нею пострадала бы и Англія, которая лишилась бы такимъ образомъ своей первенствующей роли на Дальнемъ Востокѣ. Если же предположить, что англичане были заранѣе твердо увѣрены въ окончательной побѣдѣ Японіи, то они рисковали вовсе не ослабить, а напротивъ, чрезмѣрно усилить положеніе своихъ союзниковъ, что также едва ли входило въ интересы и намѣренія Англіи.

Очевидно, основные тезисы г. Гиппіуса хромаютъ не только въ смыслѣ логики, но и съ точки зрѣнія фактовъ. Нельзя въ серьезномъ разсужденіи утверждать, что занятіе Портъ-Артура и военная оккупація Манчжуріи не имѣли характера наступательныхъ дѣйствій, а политика Японіи, не выражавшаяся съ 1896 года ни въ какихъ завоеваніяхъ или нападеніяхъ, должна называться завоевательною.

Обозначать одни и тѣ же факты разными именами, смотря по тому, къ какой державѣ они относятся и кѣмъ они совершаются,— это пріемъ слишкомъ наивный. Странно доказывать, что Японія не могла имѣть основательныхъ причинъ къ самозащитѣ противъ агрессивной предпріимчивости Россіи, и что только мы одни обладали безспорнымъ правомъ думать о самозащитѣ отъ чужихъ возможныхъ посягательствъ. Идея объ искусственномъ возбужденіи войны англичанами для какихъ-то непонятныхъ и противорѣчивыхъ цѣлей есть не что иное, какъ продуктъ политиканскаго фантазерства, къ которому склонны у насъ многіе доморощенные патріоты. Догадки и предположенія г. Гиппіуса только напрасно запутываютъ и затемняютъ вопросъ о причинахъ русско-японской войны. Отвергая разныя существующія у насъ объясненія мотивовъ этой войны, авторъ, между прочимъ, совершенно неожиданно и безъ всякой оговорки, замѣчаетъ, что „гораздо понятнѣе указаніе на содѣйствіе японцамъ со стороны масонства (?) и еврейскихъ капиталовъ" (??). При чемъ тутъ „масонство" и какимъ образомъ могли подвинуть японцевъ на войну „еврейскіе капиталы"—сообразить невозможно. Авторъ не понимаетъ такой простой вещи, что Японія—самостоятельная держава, съ своими особыми вѣковыми традиціями, понятіями, интересами и стремленіями, и что она способна поэтому имѣть свою собственную внѣшнюю по-

литику, свободную отъ постороннихъ произвольныхъ вліяній и внушеній, хотя бы и англійскихъ, или масонскихъ, или еврейскихъ. Японія, подобно другимъ государствамъ, управляется людьми, которымъ никакъ нельзя приписывать роль слѣпыхъ орудій въ рукахъ иноземцевъ, и если она рѣшилась начать крайне рискованную и тяжелую войну, то безъ сомнѣнія она считала себя вынужденною прибѣгнуть къ этому способу для охраны своихъ жизненныхъ національныхъ и политическихъ интересовъ. Г. Гиппіусъ придаетъ большое значеніе тому факту, что „Японія стала готовиться къ войнѣ не только задолго до начала русско-японскихъ переговоровъ, но даже еще до занятія нами Портъ-Артура,—именно съ 1896 года". Въ сущности всѣ державы одинаково всегда приготовляются къ войнѣ и стремятся быть готовыми къ ней въ каждый данный моментъ; такія же постоянныя вооруженія были вполнѣ естественны и законны со стороны Японіи. Но авторъ самъ опровергаетъ свое мнѣніе о японскихъ приготовленіяхъ къ войнѣ противъ Россіи съ 1896 года; по его же словамъ, „можно считать несомнѣннымъ, что въ 1896 году Японія искала союза съ нами". По этому поводу г. А. Гиппіусъ пускается въ глубокомысленныя дипломатическія комбинаціи и догадки, построенныя на идеѣ о всесильной и вездѣсущей англійской интригѣ. Коварные англичане, заправляющіе не только своею собственною политикою, но и политикою всѣхъ другихъ державъ, располагали посвоему рѣшеніями Россіи и думали заставить ее воевать сначала съ одной Турціею, а потомъ также съ Германіею; для этого они еще съ 1894 года выдумали турецкія звѣрства надъ армянами и „разжигали армянскую смуту". Россія, конечно, всегда готова была бы играть роль безсмысленной и пассивной пѣшки въ рукахъ англичанъ, и она съ неизмѣнною покорностью исполняла бы всѣ враждебныя предначертанія Англіи; но на этотъ разъ мы счастливо избѣгли опасной ловушки. „Заключи мы въ 1896 году союзный договоръ съ Японіею,— въ противовѣсъ ему, мы ко времени окончанія японскихъ вооруженій несомнѣнно имѣли бы войну съ Турціею и Германіею, а въ это время Англія могла бы безпрепятственно расправляться съ Японіею". Мы „несомнѣнно" воевали бы съ Германіей, хотя никто у насъ не могъ бы сознательно, въ здравомъ умѣ и твердой памяти, рѣшиться на подобную нелѣпость; но такъ угодно было бы англичанамъ, и противъ этого мы были бы безсильны. Та же коварная Англія, стремившаяся къ расправѣ съ Японіею, заставляла изъ-за этого всѣ великія державы усиленно заниматься непрерывными вооруженіями, причины которыхъ были совершенно непонятны и загадочны для самихъ распоряжавшихся правительствъ; оттого и Гаагская конференція не могла достигнуть цѣли, и всеобщія вооруженія все-таки продолжа-

лись, ибо „источникъ волненія находился вовсе не въ Европѣ“. Этотъ источникъ „возникалъ изъ глухой борьбы двухъ интригующихъ одна противъ другой политикъ — Англіи и Японіи. Кончилось тѣмъ, что обѣ эти державы заключили между собою союзъ“. Удивительныя чудеса совершаются въ политикѣ! Въ 1896 году „японскіе государственные дѣятели еще колебались, заключить ли союзъ съ Россіей противъ Англіи или союзъ съ Англіей противъ Россіи“. Отъ выбора той или другой комбинаціи зависѣлъ весь ходъ послѣдующихъ міровыхъ событій. „Война съ Англіей вела бы, въ случаѣ успѣха, прямѣе къ цѣли“; но вмѣсто того, чтобы вступить между собою въ войну, японцы и англичане внезапно отбросили свое соперничество и сдѣлались союзниками и друзьями. Японцамъ непремѣнно нужно было устроить союзъ или съ Россіею, или съ Англіею, и затѣмъ вступить въ борьбу или съ Англіею, или съ Россіею,—и если въ дѣйствительности произошла не англо-японская, а русско-японская война, то наша политика тутъ рѣшительно ни причемъ. Мы нисколько не повинны въ манчжурскихъ бѣдствіяхъ; японцы имѣли какіе-то счеты съ англичанами и вели съ ними „глухую борьбу“, а мы только случайно подвернулись, въ видѣ громоотвода. Намъ пришлось, помимо нашей воли и безъ всякой съ нашей стороны отвѣтственности, бороться съ японцами, по желанію Англіи, для удовлетворенія ея интересовъ, и мы, съ свойственнымъ намъ смиреніемъ, исполнили предназначенную намъ миссію. Здѣсь, какъ и повсюду и во всемъ мірѣ, „гадитъ англичанинъ“, и это „простое объясненіе“ г. Гиппіуса, предусмотрѣнное еще Гоголемъ, дѣлаетъ всякіе дальнѣйшіе вопросы излишними.

Что касается русской военно-политической дипломатіи, то, по мнѣнію г. Гиппіуса, она дѣйствовала правильно и даже черезчуръ корректно, почему и потерпѣла неудачу въ борьбѣ съ коварными противниками. Мы взяли Портъ-Артуръ по той причинѣ, что, „сознавая свою слабость (на Дальнемъ Востокѣ), мы рѣшили выдвинуть линію своей обороны впередъ, но, не стремясь къ захвату чужой территоріи, желали примирить интересы другихъ державъ съ вынужденнымъ обстоятельствами сохраненіемъ своего положенія въ Манчжуріи“... „И событія показали бы (sic) совершенную правильность такого рѣшенія (занять Портъ-Артуръ), еслибы (sic) подъ Лаояномъ, гдѣ мы успѣли сосредоточить силы, приблизительно равныя японцамъ, мы одержали побѣду и выручили Портъ-Артуръ“. Японія же, вздумавшая отобрать эту крѣпость у китайцевъ въ 1895 году, могла руководствоваться лишь коварными наступательными цѣлями относительно Россіи, ибо „Японія не имѣетъ надобности въ лишнемъ военномъ портѣ, въ особенности такомъ, какъ Портъ-Артуръ, съ его маленькою

гаванью и недостатками входа въ нее". Концессія на Ялу была предпріятіемъ „государственнымъ"; „мы пріобрѣли эту концессію съ вольнаго торгу, на законномъ основаніи, руководствуясь исключительно интересами государственной самозащиты"; всѣ сообщенія объ участіи въ этомъ дѣлѣ разныхъ придворныхъ предпринимателей, гг. Безобразова, Алексѣева и другихъ повыше ихъ, совершенно неосновательны, такъ какъ они „идутъ изъ враждебной намъ части заграничной печати". Вопросъ объ этой концессіи „былъ у насъ (?) обсужденъ вторично" въ концѣ 1902 года, и „дѣло велось настолько корректно и такъ осторожно", что сама Японія одобрила это предпріятіе. Теперь,—какъ увѣряетъ г. Гиппіусъ,—„слѣдуетъ признать, что принятое у насъ въ концѣ 1902 года рѣшеніе не упускать изъ своихъ рукъ концессію на Ялу оказалось совершенно правильнымъ (!!) и соотвѣтствовало политической обстановкѣ", ибо въ противномъ случаѣ Японія еще скорѣе и сильнѣе разбила бы насъ при Тюренченѣ и въ разныхъ другихъ сраженіяхъ, кончая Мукденомъ и Цусимой. Словомъ, „все, что нами было сдѣлано послѣ 1895 года, въ видахъ своей самозащиты, ...„все содѣйствовало нашему усиленію на Дальнемъ Востокѣ"; ослабило же насъ только добросовѣстное выполненіе нѣкоторой части взятаго на себя обязательства очистить Манчжурію: не слѣдовало выводить войска изъ южной части этой провинціи, а надо было просто, безъ всякихъ церемоній, остаться въ предѣлахъ Китая, не обращая вниманія на протесты и домогательства Сѣверной Америки, Англіи и Японіи. Дѣйствовать такимъ образомъ—значило „вести мирную политику и надѣяться на то, что въ области международныхъ отношеній голосъ разума, справедливости и чувства примиренія возьметъ верхъ надъ всѣми иными побужденіями". Не такъ чистосердечно поступали наши противники: хотя наступательная политика Японіи наиболѣе опасна для Англіи, тѣмъ не менѣе за послѣднее десятилѣтіе англичане настойчиво поддерживали эту японскую политику, возбуждали заодно съ нею „тревожные вопросы, связанные съ очищеніемъ Манчжуріи", и даже заключили съ Японіею союзъ, чтобы облегчить для нея рѣшимость воевать съ Россіею. „Столь коварная политика можетъ показаться невѣроятною,—замѣчаетъ съ удивленіемъ г. Гиппіусъ,—потому что она требовала бы слишкомъ большой смѣлости и увѣренности въ разсчетахъ". Впрочемъ, Англія имѣетъ огромные торговые интересы въ восточной Азіи и занимаетъ тамъ въ этомъ отношеніи первенствующее мѣсто; за нею идутъ Америка, Японія и Германія, и противъ нихъ всѣхъ выступала Россія, не допуская свободной иностранной торговли или политики открытыхъ дверей въ Манчжуріи. А между тѣмъ, какъ говоритъ въ своихъ таблицахъ М. П. Федоровъ, „торговые интересы Россіи въ Азіи незначительны, на Даль-

немъ же Востокѣ, т.-е. въ Японіи, Кореѣ и Китаѣ,—ничтожны". О чемъ же хлопотала русская дипломатія въ своей упорной борьбѣ противъ свободы торговли въ китайскихъ провинціяхъ—неизвѣстно. Но г. Гиппіусъ утверждаетъ, что съ нашей стороны все дѣлалось разумно и справедливо, и ему, какъ знатоку предмета, надо вѣрить. Даже то обстоятельство, что во время долгихъ переговоровъ съ Россіею японскій министръ постоянно повторялъ свою просьбу отвѣтить „какъ можно скорѣе", а мы нарочно отмалчивались и тянули дѣло безъ конца, подъ разными предлогами,—даже это обстоятельство убѣждаетъ г. Гиппіуса въ томъ, что японцы поступали недобросовѣстно, что они съ самаго начала не имѣли вовсе въ виду достигнуть мирнаго соглашенія, а думали впослѣдствіи оборвать переговоры; между тѣмъ „крайняя медлительность съ нашей стороны" доказывала лишь нашу корректность и чистосердечіе. „Представлявшіяся нами объясненія причинъ замедленій въ отвѣтахъ, — по словамъ г. Гиппіуса, — какъ-то: наступавшіе праздники, когда будто бы невозможно работать въ нашихъ канцеляріяхъ; установленные для всеподданнѣйшихъ докладовъ дни, измѣнять которые будто бы ни въ какомъ случаѣ не разрѣшается; болѣзнь Государыни Императрицы, будто бы мѣшавшая нашему министру иностранныхъ дѣлъ явиться съ докладомъ къ Государю Императору, и т. д.,—всѣ эти объясненія можно, конечно, понимать лишь: 1) какъ весьма вѣжливыя (!) отговорки въ отвѣтъ на досажденія, которыя, вѣроятно, казались намъ простыми запугиваніями, и 2) какъ наглядное доказательство, что мы вступили въ переговоры безъ всякой задней мысли, совершенно чистосердечно, нисколько не предполагая въ японцахъ такого коварства, чтобы неуспѣхъ переговоровъ входилъ въ разсчетъ задуманнаго противъ насъ нападенія", и чтобы — добавимъ мы—они осмѣлились думать о серьезной борьбѣ съ Россіею и причинить намъ, сверхъ дипломатическихъ, еще болѣе чувствительныя военно-морскія „досажденія".

Отъ такихъ оправдательныхъ доводовъ едва ли выиграютъ виновники и зачинщики убійственной манчжурской эпопеи, столь неловко защищаемые г. Гиппіусомъ. Единственно цѣнное въ его книгѣ — собраніе дипломатическихъ документовъ, заключающихъ въ себѣ очень много матеріала для суроваго обвинительнаго акта противъ графа Ламздорфа, какъ отвѣтственнаго руководителя нашей дипломатіи. И несмотря на все случившееся, графъ Ламздорфъ могъ оставаться министромъ иностранныхъ дѣлъ Россійской имперіи.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1 ноября 1905 г.

I.

— Павелъ Россіевъ. „Общіе знакомые“ и „Безъ героевъ“. Очерки и разсказы. Москва. 1903.

Двѣ книжки подъ этими заглавіями принадлежатъ къ тому роду легкой беллетристики, произведеніями котораго была запружена до послѣдняго года наша литература. Скудная содержаніемъ и маленькая по объему фантазія автора облечена въ рядъ очерковъ, составляющихъ пеструю смѣсь подражаній преимущественно Боборыкину, Горькому и Буренину,—подражаній вполнѣ неудачныхъ и чисто формальныхъ, оставляющихъ въ читателѣ одно исключительное впечатлѣніе—впечатлѣніе напрасно потраченнаго на чтеніе времени. Въ этихъ очеркахъ описаны и дѣйствуютъ не живые, хотя бы уже давно знакомые, образы, а явно придуманныя фигуры, нарисованныя притомъ по одному шаблону. Каждая изъ нихъ выдвигается передъ читателемъ прежде всего съ описаніемъ ея костюма и наружности, дѣлаемымъ съ попытками на своеобразное остроуміе и на яркость красокъ, достойную забытой кисти Марлинскаго. Такъ: у цыганки Заиры („*Блажь*“) „бездонные, чертовски очаровательные, жгучіе, какъ песокъ Сахары, глаза“;—старая баба („*Савоська*“) „безпрестанно *моргаетъ* угломъ рта“, а ея сынъ слушаетъ, „осклабившись и *хрюкая*“;—у „*деревенскаго жителя*“ физіономія „съ застывшимъ выраженіемъ плутовства“, а у священника, отца Евтихія „сосредоточенное морщинистое лицо“; у орловской богомолки („*Въ обители*“) „одутловатое лицо съ выраженіемъ овечьей тупости и *толстымъ носомъ*, который ухитрился

сморщиться, какъ лопнувшій пузырь, а въ голосѣ заунывность, точь въ точь, какъ у удода, когда онъ оглашаетъ лѣсъ"; у управляющаго имѣніемъ („*Конецъ Лукича*") „голыя, какъ у фазана, бородавчатыя щеки и *носъ большой согнутый*, какъ клювъ тѣхъ дронтовъ, которые, говорятъ, лѣтъ около 300 тому назадъ водились на *островѣ* (?) Иль-де-Франсъ; его, какъ бы смѣющіеся, глаза, оторочены ярко-красной кожицей, какъ у холкійскаго фазана";—„лицо госпожи Куличенко („*Около любви*") „не имѣло выраженія ни тупого самодовольства, ни отвратительной, у женщины дѣловитой, сухости; это было мягкое во всѣхъ отношеніяхъ лицо съ плотно-сидящимъ *нетолстымъ носомъ*. Костюмъ ея отличался простотой: гладкая черная юбка и палевый корсажъ съ змѣйками русскихъ кружевъ по сторонамъ, а на сѣдоватыхъ волосахъ искусственныя фіалки. Ея племянница—Валя—была миніатюрна, изящна и подвижна. Она любила порхать и на миловидномъ худощавомъ личикѣ выдѣлялся кокетливо *вздернутый носикъ*, а сѣрые глазки просто улыбались подъ изгибами большихъ бровей. Чесунчевый костюмъ и шляпка въ видѣ лодочки со спускающеюся золотистой вуалью очень шли къ ней". „Темно-сѣрый пиджакъ плотно облегалъ широкую грудь, спину и широкія съ покатомъ плечи Марка Воротникова, изъ подъ соломенной шляпы котораго выбивались темные пряди влажныхъ волосъ надъ лицомъ, обрамленнымъ *русой* бородкой" и т. д.

Эти фигуры носятъ вычурныя имена и прозвища, повидимому аллегорическаго значенія. Такъ, богатый купецъ называется *Шилохвостовъ*; неудачникъ, живущій на третьемъ дворѣ, въ четвертомъ этажѣ, „гдѣ кошками пахнетъ"—носитъ имя *Фусика Ротова*;—выгнанный за взятки становой именуется *Лампадъ Благодатскій*; уволенный за растрату штатскій генералъ названъ *Флавіемъ Лампіоновымъ* (ср. у Буренина: Лампадъ Фарисеевичъ и Фарисей Лампадовичъ); нѣмецъ-управляющій называется Карлъ Богдановичъ *Ундзовейтеръ* и носитъ брюки „цвѣта потемнѣвшаго неба". Всѣ дѣйствующія лица въ разсказахъ автора ведутъ ничего не значащіе разговоры или пускаются въ книжныя разсужденія, чуждыя жизни и пестрящія цитатами изъ Шопенгауера, Гёте, Вольтера и др., часто свидѣтельствующими о неясномъ пониманіи, какъ ими, такъ и авторомъ, дѣйствительнаго значенія приводимыхъ словъ и мыслей.

При этомъ не обходится и безъ *тенденціозности* весьма сомнительнаго качества. Мошенникъ, присвоившій себѣ чужую фамилію („*Около любви*") и укравшій у тетки обманутой имъ дѣвушки 1.000 франковъ, изображенъ послѣдователемъ и проповѣдникомъ теоріи *марксизма*, а иностранцы характеризуются въ выраженіяхъ, по меньшей мѣрѣ, не дѣлающихъ чести безпристрастію автора: „Съ нѣмцемъ не спорь"—

восклицаетъ онъ—„кто выдумалъ обезьяну, что угодно можетъ придумать! Соглашаясь, молчи, а если не согласенъ—также молчи, ибо нѣмецъ упрямѣе гусака“ („*Уголокъ Парижа*“). „Картофель, надо отдать ему справедливость, вскормилъ много хорошихъ нѣмцевъ („*Конецъ Лукича*“), которые, ставъ взрослыми, или удачно разрѣшали головоломные вопросы философіи и психологіи, или пріѣзжали въ Россію и не менѣе удачно торговали колбасой“. „Шарлотенбургскій мавзолей пятака мѣднаго не стоитъ! Что за мизерное сооруженіе: четыре гробницы всего, а гдѣ же остальныхъ хоронятъ? Нашъ кремлевскій Архангельскій соборъ или соборъ Петропавловской крѣпости—это настоящія царскія усыпальницы. Всю *тысячелѣтнюю* Русь видишь, какъ на ладони. А въ мавзолеѣ что? Фридрихъ, да Луиза, да Вильгельмъ и обчелся“.—„Англичане вездѣсущи“—объясняетъ г. Россіевъ,—„какъ Фигаро... Бритта съ рыжими бакенбардами, съ биноклемъ или подзорной трубой, въ своеобразномъ костюмѣ, сухую, какъ треска, миссъ съ золотыми пластинками между зубовъ, затянутую въ рюмочку, можно встрѣтить всюду. Эти *костлявыя животныя* всюду и вездѣ, во всякое время года. И отвратительны, какъ англичане!“ Въ Саардамѣ передъ каминомъ „на первомъ планѣ, разумѣется, англичане, ихъ трое: поджарая, какъ борзая собака, миссъ и двое мужчинъ, одного изъ которыхъ тронула моль, а другой, вытянувъ впередъ синеватыя губы, находится въ созерцательномъ состояніи, которое по русски называется столбнякомъ“. Устами одного изъ своихъ героевъ авторъ прилагаетъ къ англичанамъ эпитетъ „*свиномордыхъ британцевъ*“.

Изъ всѣхъ 22 разсказовъ и очерковъ могутъ, несмотря на свою растянутость и анекдотичность, остановить на себѣ нѣкоторое вниманіе лишь четыре: „*Въ обители*“; „*Хозяинъ*“; „*Иванъ Саввичъ и Бычекъ*“ и „*Заморыши*“. Въ первыхъ двухъ есть намеки на психологическій анализъ—душевнаго состоянія монаха, ушедшаго отъ міра и случайно встрѣтившаго, въ качествѣ исповѣдника, женщину, когда-то разбившую его сердце,—и постепеннаго раскрытія передъ смущенною душою ребенка горькой житейской правды, тщетно заслоняемой рутинными пріемами воспитанія. Въ третьемъ разсказѣ, чрезмѣрно длинномъ и многословномъ, есть, однако, трогательный образъ загнаннаго судьбою карлика, который самъ привыкъ считать себя за ничто и вдругъ узнаетъ, что у него прекрасный голосъ, удивившій всѣхъ слушателей импровизированнаго церковнаго хора. Въ четвертомъ довольно тепло изображено великодушное рѣшеніе бѣдной швеи—„заморыша“—отказать любимому человѣку въ рукѣ, чтобы не портить его будущей блестящей карьеры неравнымъ бракомъ. Къ сожалѣнію, однако, эти проблески литературнаго творчества тонутъ въ массѣ

всякаго рода ненужности, неправдоподобности и явной дѣланности въ связи съ небрежностью языка и непровѣренностью отдѣльныхъ выраженій. Вслѣдствіе этого, крестьяне, изображаемые авторомъ, совершенно лишены тѣхъ печальныхъ чертъ, которыми ихъ надѣлила горькая чеховская правда, но зато снабжены совершенно несвойственною русскому человѣку трусливою глупостью, а старый „дворовый съ худощавымъ лицомъ, крохотными свиными глазками и *миніатюрнымъ носикомъ*, который безъ труда можно упрятать въ наперстокъ", выражается слѣдующимъ невозможнымъ языкомъ: „аглицкая королева Викторія—дама, такъ говоря-съ, очень привлекательная, но изъ-за коварства ихнихъ министровъ турецкія злодѣйства не скоро еще снизойдутъ съ егропейскаго горизонда, а что касаемо троинственнаго союза, то, такъ говоря-съ,—это одна паутина" и т. д. Управляющій же Ундзовейтеръ, прожившій съ русскимъ народомъ 30 лѣтъ, выражается такъ: „такъ завсимъ не можно бабушки, какъ вы продѣливаите работъ; меня вамъ не проводить: я не барашка, я знай рюсски пословицы: тихо поѣхалъ не скоро придешь, а я не можу допускать у насъ, какъ стольпотворень на вавилонска башня" и т. д. Можно еще отмѣтить и такія неправдоподобности, какъ полученная героемъ разсказа „*Около любви*" въ Берлинѣ *русская* телеграмма приказчика Никиты: „пріѣзжайте скорѣе, Маркъ Семеновичъ, батюшка, градъ и саранча и иное какое ужасное бѣдствіе",—или какъ описаніе „обычнаго гостя Голландіи—дождя, льющагося серебряными нитями на *фаянсовые* тротуары". Частое употребленіе—въ качествѣ Deus ex machina—самоубійствъ и смерти отъ чахотки едва ли искупаетъ скудость содержанія и замысла разсказовъ г. Россіева, какъ не искупаютъ ихъ ни неточныя цитаты изъ Шекспира („Великій Цезарь—нынѣ прахъ и имъ замазываютъ *стѣны*"—вмѣсто *щели*), ни подозрительнаго достоинства французскій языкъ („Ваня, *мнѣ* скучно"= „Jean, il m'ennuie!"—„знаю, знаю"=„sais, sais"), ни изобильная тарабарщина цыганскаго жаргона въ разсказѣ „*Блажь*", ни описаніе того, какъ „береза взбѣгаетъ на пригорокъ въ то время, какъ другая извивается, какъ ужъ, а рѣчка, змѣясь между деревьями, блеститъ неподвижной поверхностью" и т. п.—Z.

II.

— Луначарскій, А. Этюды критическіе и полемическіе. Изданіе журнала „Правда". М. 1905.

Этюды г. Луначарскаго представляютъ собою большое разнообразіе по темамъ, но они тѣсно связаны по проникающему ихъ единству

философскаго мышленія и общественнаго направленія. Въ спорѣ общественно-философскихъ теченій, которыя оживили старые термины „идеалистовъ“ и „реалистовъ“ новымъ интеллектуальнымъ содержаніемъ, г. Луначарскій занялъ опредѣленную и въ извѣстномъ отношеніи боевую позицію, при защитѣ которой онъ проявилъ большую стойкость, силу убѣжденія и мѣткость и остроту критической мысли. Г. Луначарскій самъ разсказываетъ въ этой книгѣ, какъ сложилось его міросозерцаніе. Еще въ началѣ девяностыхъ годовъ онъ познакомился съ марксизмомъ, который сталъ для него не только опредѣленной общественной доктриной, но цѣлымъ міросозерцаніемъ. Онъ плѣнилъ г. Луначарскаго тѣмъ, что съ нимъ естественно и гармонично сочеталось эволюціонное и монистическое научное міровоззрѣніе, которое онъ же и осмысливалъ, приближая къ вопросамъ жизненной практики. Однако марксизмъ не могъ дать отвѣта на всѣ вопросы, разрѣшенія которыхъ требовала цѣлостность міровоззрѣнія, и въ этомъ отношеніи, въ особенности по вопросамъ изъ области теоріи познанія, на помощь автору пришли доктрины Рихарда Авенаріуса и Эрнста Маха. Г. Луначарскій и извѣстенъ, какъ убѣжденный и талантливый послѣдователь и популяризаторъ въ Россіи идей этихъ мыслителей. Основные принципы своего міросозерцанія г. Луначарскій характеризуетъ такимъ образомъ: „примыкая къ исторіи развитія міра и, въ частности, земного шара, беря человѣка изъ рукъ біологической науки, неразрывно сплетаясь своими низшими корнями съ высшими вѣтвями дарвинизма, марксизмъ раскрывалъ передо мною картину исторіи человѣческихъ обществъ, указывая въ борьбѣ за существованіе и за господство надъ природой основной двигатель и главный смыслъ этой исторіи, а въ борьбѣ классовъ—ея механизмъ. Прошлое, настоящее и будущее человѣчества были въ моихъ глазахъ залиты потоками свѣта. Но въ анализѣ, который давала мнѣ наука, я, само собою разумѣется, всюду встрѣчалъ человѣка, какъ внѣшній объектъ, какъ своего рода передаточный пунктъ. При достаточной освѣдомленности весь человѣкъ со всѣми его проявленіями могъ быть выведенъ изъ детерминирующихъ его условій среды. Всѣ его силы и направленія его силъ опредѣлялись условіями, такъ что онъ являлся только вполнѣ обусловленной формой передачи энергіи. Ни на одну минуту не сомнѣваюсь я и теперь, что идеаломъ науки должно быть разсмотрѣніе человѣческой жизни, какъ закономѣрнаго энергетическаго процесса. Однако вмѣстѣ съ картиною силъ, производящихъ человѣка, двигающихъ имъ и имъ развиваемыхъ, намъ дано какъ несомнѣнный фактъ также и сознаніе“.

Наряду съ вопросомъ о познаніи, авторъ удѣлилъ большое вниманіе вопросу объ „оцѣнкѣ“. „Я довольно скоро пришелъ къ убѣ-

жденію,—говоритъ онъ,—что обыденная рѣчь, называя прекрасными или безобразными тѣ или другіе поступки, называя красивымъ то или другое рѣшеніе задачи или теоретическое построеніе, выражаетъ нѣчто гораздо болѣе глубокое, чѣмъ простую аналогію. Стараясь разрѣшить въ терминахъ біологическихъ вопросъ о красотѣ, я пришелъ къ увѣренности, что біологическія явленія, лежащія въ основѣ эстетической эмоціи, лежатъ также въ основѣ рѣшительно всѣхъ оцѣнокъ; всѣ человѣческія оцѣнки предстали предо мною какъ развитія и варіаціи одной основной оцѣнки, корнемъ которой является—жажда жизни".

Чтобы дать болѣе наглядное и вмѣстѣ съ тѣмъ конкретное понятіе основной стороны міросозерцанія г. Луначарскаго, мы должны остановиться еще на одной цитатѣ. Полемизируя съ „идеалистами" по вопросу о конечной цѣли и цѣнности жизни, г. Луначарскій настаиваетъ на томъ, что смыслъ жизни заключается въ ея процессѣ, а не въ томъ или иномъ воззрѣніи на ея конецъ. „Но я слышу, какъ *несчастный человѣкъ* возражаетъ: „Хорошо вамъ говорить о жизнерадостности: но вотъ я, несчастный, моя жизнь чѣмъ оправдывается?"—Если вы страдаете тѣломъ и душою, и не умѣете или не можете уравновѣсить эти страданія любованіемъ, мышленіемъ, творчествомъ, борьбою, протестомъ, то ваша жизнь не оправдывается *ничѣмъ*. Если вамъ не можетъ помочь врачъ, то обратитесь къ идеалистамъ и церкви, если можете. А если нѣтъ... Природа жестока къ слабымъ, потому что любитъ силу... А жизни мучительной, вялой и безполезной не слѣдуетъ влачить, по крайней мѣрѣ, по моему мнѣнію... А впрочемъ... дѣло вкуса. Такихъ кліентовъ или паціентовъ мы у идеалистовъ отымать не намѣрены". Жизнь требуетъ здоровья и силы; она сложна, страшна, но тѣмъ и интересна, что зоветъ человѣка на борьбу, требуетъ отъ него громадной выдержки и ума, чтобъ обезпечить ему побѣду въ стремленіи къ счастью и успѣхъ въ стремленіи къ красотѣ. Для личности, которая является судьею при выборѣ жизненныхъ цѣлей и средствъ, не надо никакихъ путъ, никакихъ моральныхъ предписаній—„застывшія правила годны только тѣмъ, кто никогда не выходитъ за порогъ своей душной кельи". Жизнь есть вѣчное стремленіе, вѣчно манящая любовь. Съ самаго зарожденія жизни ей стало присуще стремленіе къ полнотѣ, самоутвержденію, роскошному развитію, къ красотѣ, и это стремленіе выражается какъ въ героическихъ порывахъ, такъ и въ борьбѣ группами, партіями, гдѣ обыкновенные, средніе люди соединяются въ классы и точно также борются за полноту жизни, за культуру и просвѣщеніе. Эта господствующая точка зрѣнія міросозерцанія г. Луначарскаго служитъ исходной точкой его критическихъ сужденій о литературныхъ явленіяхъ.

Въ очеркѣ о В. Г. Короленкѣ г. Луначарскій останавливается на

присущей этому „художнику-созерцателю“ способности истолковывать гармонію изъ фрагментовъ красоты въ природѣ, а въ человѣкѣ, что еще важнѣе,—красоту порыва къ лучшему. „И если В. Г. Короленко, какъ эллинъ, любуется гармоніей природы и, изображая ее, учитъ любить насъ вселенную и нашъ прекрасный шаръ земной, и всю жизнь въ ея *элементарной прелести*, то онъ, какъ романтикъ, восторгается, часто съ болью, со слезами на глазахъ, трагической красотой человѣческихъ порываній, и тѣмъ самымъ учитъ любить человѣка, любить жизнь въ ея *духовной красотѣ*“.

Въ этюдѣ о Метерлинкѣ естественно ожидать отъ автора отрицательнаго отношенія къ тому первому періоду творческой дѣятельности Метерлинка, когда художникъ тяготѣлъ къ мистицизму и декадентству. На послѣднее явленіе г. Луначарскій смотритъ, какъ на естественный продуктъ перепроизводства интеллигентнаго пролетаріата. Это—искусство неудачниковъ, замѣняющихъ отсутствіе славы надутымъ самомнѣніемъ, отсутствіе счастья — алкоголемъ и дешевымъ распутствомъ. Признавая положительной стороной модернизма высокую оцѣнку роли чистаго искусства въ жизни, полную свободу творчества и глубокій лиризмъ, авторъ характеризуетъ ихъ взглядъ на искусство, какъ на „искупленіе, какъ на бѣгство отъ живой жизни; модернисты украшаютъ жизнь такъ, чтобы она казалась мягче и печальнѣе и убаюкивала бы насъ: это лучшее, чего достигаютъ декаденты, и было бы ужасно, еслибы они могли влить свой усыпительный и сладкій ядъ во все европейское общество, но до этого, къ счастью, еще очень далеко“.

До 1899 года, т.-е. до обнародованія своей книги „La sagesse et la destinée“, Метерлинкъ отрицательно относился къ реальной жизни, устремлялъ свою мысль въ мистическія дали и убаюкивалъ усталыхъ и слабыхъ людей своими печальными рѣчами о призрачности видимаго существованія. Г. Луначарскій дѣлаетъ разборъ относящихся сюда пьесъ Метерлинка („Незваная гостья“, „Слѣпые“, „Семь принцессъ“, „Внутри дома“) и спрашиваетъ по поводу всѣхъ этихъ неизвѣстностей, мистическихъ страховъ и роковыхъ ужасовъ, наполняющихъ названныя пьесы: „неужели можно жить съ такими убѣжденіями?—вотъ вопросъ, который почти пугаетъ насъ. Если Метерлинкъ, если декаденты вѣрятъ, что жизнь такова, неужели они настолько рабы, чтобы толковать еще о ея красотахъ и объ улыбкахъ самой смиренной доброты? Правда, они будто бы утѣшаются какою-то другою жизнью какого-то нашего двойника души; но отчего же ея такъ и нѣтъ въ драмахъ Метерлинка? Потому что искусство правдиво, что художественный геній не можетъ, не смѣетъ лгать; жизнь казалась страшною бѣдному Метерлинку, придавленному къ землѣ

тягостными предчувствіями—и вотъ онъ придумалъ себѣ лекарство, наркотику — вѣру въ потусторонній міръ; но, какъ художникъ, онъ далъ только изображеніе дѣйствительности, какою она ему казалась: это—могила, кости, тлѣнъ! Какъ щедро ни сыпалъ онъ въ эту могилу блѣдные цвѣты своей грустной поэзіи, онъ не заглушилъ впечатлѣнія ужаса. Хорошо, что жизнь непохожа на этотъ склепъ. Кто живетъ въ такомъ склепѣ, какъ не мечтать тому о потустороннемъ мірѣ? Но въ склепѣ живетъ только тотъ, кто не умѣетъ изъ него выйти, у кого нѣтъ къ тому энергіи и силы воли. Пусть же они лежатъ на гробахъ и стараются украшать свой склепъ увядающими асфоделіями, пусть утѣшаются своими больными снами, если могутъ". Но зато „Монна Ванна" вызываетъ у г. Луначарскаго восторженный отзывъ. Въ этой пьесѣ, по словамъ г. Луначарскаго, Метерлинкъ показалъ всю огромную сложность моральныхъ проблемъ, встрѣчающихся въ жизни. Въ Метерлинкѣ автора поражаетъ чудесное соединеніе философскаго глубокомыслія, горячаго чувства и поэтическаго дарованія. „Теперь,—говоритъ онъ,—когда онъ (Метерлинкъ) вступилъ на путь гуманизма и творческаго реализма, мы вправѣ ожидать отъ него все болѣе и болѣе крупныхъ и прекрасныхъ произведеній. Этотъ перебѣжчикъ изъ лагеря декадентовъ служитъ яркимъ показателемъ того, сколько живыхъ силъ таитъ въ себѣ Западъ... Больная часть общества на время овладѣла общимъ вниманіемъ, благодаря экстравагантности своего вычурнаго, траурнаго искусства, но плеяда художниковъ, выдвинутая эстетическими потребностями, проснувшимися у болѣзненныхъ эпигоновъ буржуазіи, ненадолго останется вѣрной своимъ хилымъ и хворымъ меценатамъ; все, что есть въ ней истинно талантливаго, ищетъ свѣжаго воздуха, жаждетъ солнца и плодородной почвы, которые она найдетъ въ общественныхъ силахъ, мощно потянувшихся снизу къ свѣту познанія и свободы, къ общественной гармоніи, къ роскошному и разумному счастью".

Бодрый взглядъ на жизнь, красивый призывъ къ сознательной, радостной работѣ — качества очень цѣнныя въ міросозерцаніи, подобномъ тому, представителемъ котораго является г. Луначарскій. И они весьма нужны нашимъ поколѣніямъ, воспитавшимся въ болѣзненныхъ условіяхъ нашей невѣроятно усложнившейся дѣйствительности. Излишне было бы требовать, чтобы это „позитивно-идеалистическое" міросозерцаніе могло дать отвѣты на всѣ вопросы, выдвигаемые жизнью, но великая заслуга его уже въ томъ, что оно поддерживаетъ вѣру въ мощь человѣческой мысли и научнаго знанія. Оно научаетъ любить жизнь, а въ жизни — полноту самосознанія и самоощущенія, любить все свободное, сильное и прекрасное. Отметая все, по мнѣнію его представителей, болѣзненное, искус-

ственное и лживое, это міросозерцаніе все вниманіе сосредоточиваетъ на самомъ процессѣ жизни, въ которомъ все — красота, порывъ и борьба; оно призываетъ къ протесту и борьбѣ противъ всего, что задерживаетъ жизнь въ ея свободномъ, естественномъ теченіи; какъ извѣстнаго рода внушеніе, оно жизнерадостно и цѣлостно. Вотъ почему намъ представляется весьма знаменательнымъ именно въ настоящее время противопоставленіе ученіямъ, отвлекающимъ мысль отъ задачъ непосредственной реальной жизни въ сферы метафизическихъ построеній, міросозерцаніе, построенное на біологической основѣ, культивирующее идеалы жизненной мощи и сознательныхъ культурныхъ стремленій.

III.

— Овсянико-Куликовскій, Д. Н., проф. — Л. Н. Толстой какъ художникъ. Изданіе 2-е, исправленное и дополненное. Спб. 1905 г.

Настоящее изданіе книги Д. Н. Овсянико-Куликовскаго значительно полнѣе перваго: изъ двѣнадцати главъ только первыя семь принадлежали предыдущему изданію, изъ остальныхъ пяти главъ три были напечатаны въ „Жизни“, а двѣ написаны вновь. „Авторъ не задавался цѣлью,—читаемъ мы въ предисловіи,—обозрѣть всю художественную дѣятельность Толстого и остановился на тѣхъ ея сторонахъ, которыя онъ считаетъ наиболѣе характерными для художественнаго генія Толстого. Моральныя исканія и ученія великаго писателя затронуты постольку, поскольку это необходимо для пониманія его художественнаго творчества вообще и для характеристики его пріемовъ въ произведеніяхъ „тенденціозныхъ“, какъ „Власть тьмы“, „Смерть Ивана Ильича“ и др.“ Позволимъ себѣ напомнить основную задачу автора, какъ она была уже намѣчена и разработана въ первомъ изданіи книги, въ свое время оцѣненной и читателями, и критикой, отмѣтившей присущій автору даръ тонкаго психологическаго анализа, эстетическую чуткость, изящество и благородную простоту изложенія.

Исходя изъ различія между мемуаристомъ-художникомъ и „настоящимъ“ художникомъ, авторъ изслѣдуетъ особую разновидность художественнаго генія, въ которой совмѣщаются оба творчества—и свободное и „связанное“, или эмпирическое, въ которой стремленіе къ Wahrheit сливается съ Dichtung. Художникъ обладаетъ даромъ создавать новые образы и въ то же время не отрывается отъ почвы дѣйствительности, и онъ въ одно и то же время въ извѣстномъ смыслѣ—мемуаристъ и въ полной мѣрѣ художникъ-творецъ. Таковъ, по убѣжденію автора, Л. Н. Толстой.

Ставъ на эту точку зрѣнія, г. Овсянико-Куликовскій предпринимаетъ въ высокой степени любопытное и цѣнное изслѣдованіе, имѣющее цѣлью выдѣлить совмѣщающіеся въ талантѣ Толстого элементы эмпиризма и свободнаго творчества и дать имъ соотвѣтственную оцѣнку. Въ зависимости отъ этой цѣли авторъ разсматриваетъ: 1) ту сторону въ произведеніяхъ Толстого, которая можетъ быть названа художественными „мемуарами“ и „семейной хроникой“; 2) ту, которая, хотя и не подводится подъ первую рубрику, но роднится съ нею въ томъ отношеніи, что основана на данныхъ субъективнаго опыта: сюда относятся всѣ тѣ образы, для созданія которыхъ Толстой черпалъ матеріалъ изъ богатой сокровищницы своей собственной натуры; 3) образы, основанные на наблюденіи и представляющіе продуктъ свободнаго творчества. Затѣмъ авторъ анализируетъ и характеризуетъ присущіе художественной дѣятельности Толстого разные виды творчества субъективнаго; въ ней авторъ опредѣляетъ и воспроизведеніе „себя самого“, и натуръ, родственныхъ натурѣ художника, разработанныхъ при помощи самоанализа, и изображеніе лицъ своей семьи, своего круга. Эти переходы изъ одного круга творчества въ другой, болѣе широкій, совершались у Толстого съ большимъ трудомъ, продолжительной внутренней работой.

Г. Овсянико-Куликовскій предполагаетъ въ Толстомъ рядъ опытовъ, выражавшихъ его внутреннюю потребность раздвинуть рамки творчества и изъ круга семейной хроники, какъ бы отдѣлившись отъ самого себя, подняться въ болѣе широкую сферу новыхъ явленій жизни. Въ то время, какъ Тургеневъ, разработавъ одинъ кругъ явленій, переходилъ къ другому единственно лишь по влеченіямъ своей художнической пытливости, у Толстого эти переходы—„всегда принимали,—говоритъ авторъ,—характеръ какъ бы реакціи, являлись въ видѣ умственнаго или вообще душевнаго кризиса и сводились не къ простой перемѣнѣ сюжета, а къ исканію чего-то въ родѣ стихіи, населенной своеобразными явленіями духа, принципіально-противоположными тѣмъ, съ которыми художникъ до сихъ поръ имѣлъ дѣло—у себя, въ своемъ кругу. Разъ такой кризисъ наступилъ,—Толстой уже не удовлетворится простымъ, спокойнымъ наблюденіемъ людей другой сферы: ему нуженъ народъ, какъ стихія, какъ часть природы, стихійное движеніе массъ, война съ ея ужасами, съ ея своеобразной психологіей, историческіе процессы, въ которыхъ безсильна воля человѣка,—вообще, все грандіозное, могучее, великое, величавое въ своей простотѣ, безъискусственное, наивное въ своей грубой правдѣ, прямо противоположное той искусственности, условности, утонченности, которыя свойственны высшимъ слоямъ общества и вошли въ плоть и кровь его представителей, въ томъ числѣ—и самого художника“. Вызывая въ

памяти читателя рядъ образовъ, выходящихъ за предѣлы субъективной сферы творчества Толстого и явившихся результатомъ его наблюденій надъ чуждой ему жизнью, авторъ видитъ въ нихъ не только художественныя обобщенія, но и настоящія художественныя открытія, приравниваемыя имъ къ тѣмъ геніальнымъ гипотезамъ, на которыхъ лежитъ печать оригинальной, глубокой и смѣлой интуиціи. И Толстой является творческимъ геніемъ именно въ этихъ „художественныхъ гипотезахъ", которыя и суть истинные плоды вдохновеній мысли. Авторъ усматриваетъ внутреннюю связь между этими вдохновеніями и тѣми душевными кризисами, которые переживалъ Толстой. Послѣдній—не спокойный созерцатель жизни, но всегда умъ ищущій и мятущійся. Образы, въ родѣ дяди Ерошки, Лукашки, Маріанки, Платона Каратаева, Кутузова,—„и были блестящимъ результатомъ этихъ страстныхъ исканій, счастливыми находками взволнованной мысли, рвущейся изъ оковъ привычныхъ впечатлѣній къ новымъ чарамъ невѣдомой жизни". И авторъ посвящаетъ характеристикѣ этихъ типовъ поистинѣ блестящія страницы, отмѣченныя любовнымъ отношеніемъ къ писателю и вдумчивымъ и проникновеннымъ анализомъ основъ, лежащихъ въ глубинѣ творческой натуры Толстого. Какъ много, напримѣръ, объясняетъ въ творчествѣ Толстого пониманіе одного душевнаго процесса, который былъ подмѣченъ и истолкованъ авторомъ. „Въ своихъ постоянныхъ исканіяхъ высшей нравственной правды,—говоритъ онъ,—Толстой всегда руководился не то сознаніемъ, не то предчувствіемъ, что эта искомая правда погребена гдѣ-то глубоко въ нѣдрахъ его собственнаго духа, засыпанная и придавленная наносными пластами другихъ психологическихъ наслоеній, отложенныхъ „цивилизаціей" вообще и культурою высшаго, аристократическаго класса въ частности. Чтобы увидѣть свѣтъ истины, нужно какъ-нибудь пробиться сквозь эту толщу, нужно приподнять и сдвинуть эти наслоенія. Слѣдующее простое соображеніе является на помощь этому трудному предпріятію: въ мужикѣ, который такъ мало причастенъ „цивилизаціи", въ душѣ котораго такъ незначительны ея наслоенія, всечеловѣческая правда должна лежать не такъ глубоко, а гораздо ближе къ поверхности, и мужику, ищущему этой правды, стоитъ только немножко порасчистить верхній слой, чтобы найти ее или по крайней мѣрѣ близко къ ней подойти. Отсюда обращеніе къ народу съ цѣлью подслушать это прозябаніе высшей правды сквозь исторически-отложившіеся, вѣковые, но a priori предполагаемые слабыми, непрочными наносы культуры и быта. Пожалуй, удастся даже подмѣтить кое-гдѣ, какъ этотъ свѣтъ пробивается самъ собою, независимо отъ сознательныхъ усилій человѣка. Поскольку Толстой подходилъ къ народу съ этой стороны, руководимый этой точкой зрѣнія,

постольку онъ шелъ путемъ субъективнаго творчества. Субъективность была въ самомъ замыслѣ. Въ процессѣ же творчества она частью ограничивалась, частью совсѣмъ устранялась объективными наблюденіями и вновь появлялась тамъ, гдѣ дѣйствительность въ самомъ дѣлѣ оправдывала въ извѣстной мѣрѣ надежды Толстого и давала ему въ руки хотя бы намеки, которые какъ бы уполномочивали его воплощать въ народныхъ образахъ столь знакомый ему, по собственному внутреннему опыту, процессъ исканія высшей правды внутри себя,—добыванія истины собственнымъ умомъ, освобожденія духа отъ ограничивающихъ и искажающихъ его воздѣйствій культуры".

Не менѣе любопытны выводы, къ которымъ пришелъ авторъ относительно Каратаева, породившаго цѣлую литературу самыхъ разнообразныхъ объясненій. Группируя черты, изъ которыхъ складывается синтетическое представленіе о Каратаевѣ, г. Овсянико-Куликовскій не нашелъ въ немъ ни „русской подоплеки", ни элемента сектантскихъ исканій, ни „дохожденія собственнымъ умомъ". Вмѣсто этого авторъ подмѣтилъ въ немъ особую черту, которую очень мѣтко назвалъ цементомъ, сплачивающимъ всѣ элементы психики Каратаева въ одинъ живой и яркій образъ. Подыскивая соотвѣтствующія опредѣленія психики Каратаева, авторъ предлагаетъ назвать ее лингвистической, въ которой главное—языкъ и мысль Каратаева. Авторъ цитируетъ выраженіе Толстого, по которому у Каратаева „слова какъ будто всегда готовы были во рту и нечаянно вылетали изъ него".—„Эта легкость рѣчи,—замѣчаетъ г. Овсянико-Куликовскій, эта, если можно такъ выразиться, юркость слова, всегда бодрствующаго и какъ бы ждущаго сигнала мысли, чтобы вылетѣть изо рта, есть одна изъ самыхъ важныхъ, самыхъ характерныхъ чертъ, которыми отмѣчена представляемая Каратаевымъ ступень развитія языка и мысли. Это, можно сказать, почти та же ступень, на которой стоятъ гомеровскіе герои, представляющіе себѣ слова „крылатыми" и вылетающими изъ-за „ограды (или преграды) зубовъ". Слово всегда тутъ, къ услугамъ мысли, потому что разстояніе между ними сравнительно не велико; мысль, еще не изощренная въ отвлеченіяхъ, не высоко еще поднялась надъ языкомъ, т.-е. надъ тѣми процессами мысли, которые заключены въ самихъ категоріяхъ рѣчи, въ грамматическихъ формахъ". Преемникъ философа-языковѣда Потебни живо чувствуется въ этихъ наблюденіяхъ, лишній разъ подчеркивающихъ громадное значеніе философіи языка для объясненія средствъ и путей художественнаго творчества. Уже давнымъ давно высказана мысль, что языкъ человѣка—это самъ человѣкъ съ его природой, психикой, характеромъ, умомъ, съ его прошлымъ и настоящимъ, но далеко еще не стали ясными тѣ пути, при посредствѣ которыхъ языкъ выполняетъ свои

многообразныя и таинственныя функціи по отношенію къ различнымъ сторонамъ человѣческой природы и духа. Одинъ изъ конкретныхъ примѣровъ, представляющій богатое поприще для изслѣдователя, авторъ раскрылъ въ Платонѣ Каратаевѣ. „Такой укладъ языка, мысли и творчества сопряженъ съ особымъ самочувствіемъ человѣка: ему представляется, что эти процессы какъ будто сами собою въ немъ совершаются, безъ его личной иниціативы, независимо отъ его воли. Это словно общая, національная умственная атмосфера, которою онъ дышитъ непроизвольно и вмѣстѣ съ другими". Таковъ Каратаевъ.

Главы седьмая, восьмая и девятая посвящены характеристикѣ великосвѣтскихъ типовъ; здѣсь данъ разборъ Пьера Безухова, романа Анны Карениной, характеристика Вронскаго; въ нихъ получаетъ высшее развитіе „великосвѣтская психологическая форма", которая затѣмъ начинаетъ разлагаться въ направленіи общедворянскаго (Стива Облонскій) и бюрократическаго (Каренинъ) уклада. Въ одиннадцатой главѣ авторъ подвергаетъ изученію душевную драму Левина и характеризуетъ переходъ Толстого отъ наблюдательнаго творчества къ экспериментальному. Въ послѣдней главѣ авторъ даетъ краткій обзоръ важнѣйшихъ художественныхъ экспериментовъ Толстого. Здѣсь останавливаетъ на себѣ вниманіе характерная и въ своемъ родѣ мастерская защита Ивана Ильича отъ самого Толстого, предъявлявшаго къ Ивану Ильичу суровыя моральныя требованія, которымъ не могъ удовлетворить этотъ самый простой и обыкновеннѣйшій изъ смертныхъ.

Конечно, изслѣдуя наиболѣе, можетъ быть, тайныя пружины творчества Толстого, опредѣляя его художественно-психологическую цѣнность и доказывая его органичность, до извѣстной степени „алгеброй провѣряя гармонію", авторъ вскрылъ одну изъ наиболѣе любопытныхъ и важныхъ сторонъ великаго художественнаго достоянія. Но по отношенію къ Толстому выраженіе „одна изъ сторонъ" имѣетъ особое значеніе, и въ этомъ отношеніи великая заслуга автора въ томъ смыслѣ, что онъ не беретъ на себя задачи все объяснить, рѣшить всѣ вопросы, возникающіе при его изслѣдованіи. Такъ, авторъ нигдѣ не уклонился отъ поставленной имъ цѣли и не взялся ни за соблазнительное перо историка, ни за многотрудную роль истолкователя многихъ, попутно необходимыхъ чертъ жизни и личности писателя. Поэтому то, что представлялось иногда яснымъ въ объясненіи процесса творчества Толстого, можетъ поставить передъ читателемъ вопросъ, требующій другихъ элементовъ для своего объясненія. Перемѣны, совершавшіяся въ Толстомъ на протяженіи всей его жизни, сопровождались несомнѣнно глубокими внутренними кризисами, но кризисы эти, въ своемъ наростаніи и разрѣшеніи, не могли не отражать воздѣйствій внѣшней среды, въ которой жилъ Толстой и которая

сама мѣнялась. Мѣнялся не только наблюдающій и экспериментирующій аппаратъ, но мѣнялся и объектъ наблюденія. И на каждый изъ крупныхъ моментовъ въ моральномъ и умственномъ развитіи общества Толстой далъ свой откликъ; изученіе ихъ, въ послѣдовательномъ сопоставленіи, легко можетъ дать поводъ къ созданію своеобразной исторіи общественныхъ отношеній въ отраженіи единственнаго въ своемъ родѣ пытливаго духа и стихійно-прозорливаго ума. Какъ ни общечеловѣченъ Толстой въ своихъ моральныхъ исканіяхъ, какъ художникъ онъ менѣе всего можетъ быть оторванъ отъ русской дѣйствительности и почвы. Дума о современности не покидаетъ его никогда, и вопросъ о томъ, какъ эта дума, эта забота о современномъ живомъ человѣчествѣ, и въ частности о русскихъ людяхъ, претворялась, на протяженіи долгихъ лѣтъ, въ его творчествѣ, составляетъ пока еще открытый вопросъ, рѣшенію котораго книга Д. Н. Овсянико-Куликовскаго окажетъ великую существенную пользу. Историкъ эпохи найдетъ въ ней драгоцѣнныя указанія, какъ и будущій біографъ, передъ которымъ откроется задача представить подлинные оправдательные документы ко всему, что нашло себѣ отраженіе и выраженіе въ творчествѣ Толстого.

IV.

— Сибирскіе Вопросы. Періодическій сборникъ, издаваемый В. П. Сукачевымъ подъ редакціей прив.-доц. П. М. Головачева № 1. Спб. 1905.

Періодическому сборнику, вышедшему подъ этимъ заглавіемъ, предстоитъ занять, несомнѣнно, видное мѣсто среди изданій современной сибирской печати. Организованный при участіи лучшихъ знатоковъ и изслѣдователей края, онъ, какъ это видно изъ заявленія редакціи, имѣетъ въ виду привлечь вниманіе активныхъ элементовъ сибирскаго общества къ кореннымъ вопросамъ предстоящей мѣстной реформы, освѣтить ихъ, поставить въ связь съ „контролирующей силой общественнаго мнѣнія“ и мѣстной печатью, которая возьметъ на себя задачу широкой популяризаціи взглядовъ и положеній спеціалистовъ. При достиженіи этихъ задачъ изданіе пріобрѣтетъ, можно думать, не только свое мѣстное, но и общерусское значеніе, такъ какъ событія новѣйшаго времени обнаружили до очевидности торжественность основныхъ условій надвинувшейся реформы, безъ которыхъ не можетъ существовать политическая жизнь страны ни въ цѣломъ, ни въ частяхъ. Политическое освобожденіе является необходимо для Сибири не менѣе, чѣмъ для Финляндіи, Польши, центральныхъ губерній и столицъ: въ

немъ — ключъ къ развитію мѣстной жизни; внѣ вдохновенія, порождаемаго имъ, мѣстная общественная работа въ моменты, подобные нашему, не можетъ не быть тускла и для современниковъ безполезна,— лучшая часть ея, при своемъ зарожденіи, уже попадаетъ въ архивъ. Мысль о политическомъ освобожденіи Сибири красной нитью проходитъ и „по сибирскимъ вопросамъ"—это придаетъ имъ общественный интересъ, жизненность и силу. Нельзя не отвести подобающаго мѣста голосу громадной страны, пережившей въ теченіе какихъ-нибудь десяти—пятнадцати лѣтъ колоссальную эволюцію въ сферѣ экономической жизни, выразившуюся въ быстромъ и рѣзкомъ переходѣ отъ натуральнаго къ денежному хозяйству. Сибирь жила сырьемъ, добывавшимся ею до извѣстной степени первобытными способами и техническими пріемами. Развитіе пароходства и желѣзная дорога, втягивая Сибирь въ оборотъ мірового хозяйства, передвинули на отдаленные рынки всѣ сбереженія сырья, сдѣланныя сибирской деревней, и самое извлеченіе сдѣлалось болѣе напряженнымъ, тогда какъ способы и пріемы его и самый строй внутренняго уклада жизни остались на прежнемъ уровнѣ. Прежнія формы жизни изветшали, а выработка новыхъ все время встрѣчала препятствія въ причинахъ общаго свойства.

Изслѣдователи отмѣчаютъ и новѣйшія явленія, сдѣлавшія сибирскую жизнь ненормальной: неурожаи, мобилизація 1900 г., война съ Японіей, обрушившаяся непосильной тяжестью на населеніе и оторвавшая отъ нея массу лучшихъ рабочихъ силъ—все это явилось новыми показателями того невозможнаго положенія, изъ котораго Сибирь не можетъ выйти безъ немедленныхъ и коренныхъ реформъ.

Опытъ Европейской Россіи не прошелъ даромъ для Сибири. Онъ показалъ, что, какъ это сказано въ редакціонной статьѣ „Сибирскихъ Вопросовъ", — безъ общаго подъема — умственнаго и общественно-правового положенія сельскаго населенія невозможны никакія улучшенія земледѣльческой и промышленной техники, невозможенъ подъемъ хозяйственнаго благосостоянія страны. Между тѣмъ Сибирь далеко отстала даже отъ Европейской Россіи во всемъ, что касается тѣхъ условій общественной жизни, которыя могли бы создать прочные устои для ея экономическаго благосостоянія. Народное образованіе и медицинская часть поставлены въ ней весьма неудовлетворительно; она принуждена пользоваться несовершенными и устарѣвшими формами суда; она сверху до низу подчинена бюрократическому усмотрѣнію и канцелярской опекѣ, потому что не имѣетъ даже и тѣхъ ограниченныхъ формъ земскаго самоуправленія, которыми пользуется Европейская Россія; наконецъ, отраженіе жизни каждаго нормально организованнаго общества, ея необходимое зеркало—печать поставлена

въ Сибири въ невозможныя, всѣмъ извѣстныя условія. Для благополучнаго разрѣшенія того небывалаго кризиса, который переживаетъ теперь Сибирь, долженъ быть немедленно произведенъ цѣлый рядъ коренныхъ реформъ, изъ которыхъ важнѣйшей является земская. Если эта реформа будетъ широка и послѣдовательна, она создастъ для сибирскаго населенія условія прочнаго и быстраго прогресса: подъемъ народнаго образованія, заботы о народномъ здравіи, кредитѣ, сельско-хозяйственныхъ улучшеніяхъ и т. п. поднимутъ хозяйственный уровень сибирской деревни, а широкое участіе въ самоуправленіи создастъ ту иниціативу, личную предпріимчивость, безъ которой немыслимъ никакой дѣйствительный общественный прогрессъ".

Редакціонная статья указываетъ далѣе, насколько важна для хозяйственнаго благополучія страны нормальная организація ея общественно-политическаго строя. Безспорно справедливо утвержденіе, что если учрежденія плохи, то они портятъ людей и отдѣльно, и вмѣстѣ, и приводятъ страну на край гибели, и обратно, учрежденія, удовлетворительно выполняющія свои функціи въ соотвѣтствіи съ культурными запросами жизни, если не „улучшаютъ людей", то создаютъ благопріятныя условія для ихъ улучшенія, условія во всякомъ случаѣ нормальнаго человѣческаго существованія. Контрастъ Европы и Россіи въ этомъ отношеніи можетъ послужить прекрасной иллюстраціей этой мысли.

Переходя къ опредѣленію роли сибирской печати для настоящаго момента, упоминаемая статья продолжаетъ:

„При отсутствіи въ Сибири организованной общественной силы, которая могла бы имѣть направляющее значеніе, печать можетъ сыграть теперь весьма важную и полезную роль. Къ сожалѣнію, односторонняя, невѣжественная и подчиненная худшимъ мѣстнымъ вліяніямъ сибирская цензура совершенно парализуетъ мѣстную печать; поэтому давно уже обнаружилась потребность въ самостоятельномъ сибирскомъ органѣ, который бы стоялъ внѣ пагубнаго вліянія сибирской цензуры. Но „Восточное Обозрѣніе" и „Сибирь", издаваемыя въ Петербургѣ покойными Н. М. Ядринцевымъ и К. П. Михайловымъ, пали въ борьбѣ съ вліятельными жалобами сибирскихъ администраторовъ, которымъ эти газеты были крайне непріятны своими обличеніями. Въ настоящее время стало ясно, что злоупотребленія отдѣльныхъ представителей администраціи, будь то становой приставъ или губернаторъ, должны разсматриваться лишь какъ факты, иллюстрирующіе негодность всей системы. Если эти злоупотребленія имѣютъ только личный, индивидуальный характеръ, то они представляютъ лишь мѣстный, ограниченный интересъ; если же они являются симптоматическими признаками общаго разложенія всей системы, то ихъ

можно демонстрировать только какъ иллюстраціи этого въ изданіи, имѣющемъ характеръ обобщающій, каковымъ должны быть „Сибирскіе Вопросы".

„Въ періодъ тяжелаго кризиса, который теперь переживаетъ Сибирь, „Сибирскіе Вопросы" имѣютъ въ виду предложить рядъ статей программнаго характера, написанныхъ спеціалистами. Не надѣясь сказать чего-либо совершенно новаго, „Сибирскіе Вопросы" будутъ стремиться къ тому, чтобы ихъ читатели въ сжатомъ изложеніи познакомились съ выводами и важнѣйшими фактами по каждому данному пункту, имѣющему для Сибири въ настоящее время особенно серьезное значеніе. Такъ какъ для Сибири теперь на первомъ планѣ стоятъ вопросы экономическіе и общественно-правовые, то естественно, что въ первыхъ выпускахъ сборниковъ имъ и будетъ пока отдаваться преимущество".

Большинство статей приводитъ неопровержимое доказательство того общаго положенія, что административная практика, въ цѣломъ и частностяхъ, оказывается несостоятельной въ Сибири. Особенно наглядно выступаетъ это въ переселенческомъ вопросѣ и въ области колонизаціи Сибири вообще. А. А. Кауфманъ въ статьѣ—„Сибирскіе вопросы въ сельско-хозяйственныхъ комитетахъ 1902 г." опровергаетъ, между прочимъ, ходячія представленія о специфической дикости, некультурности и нехозяйственности сибиряка, которымъ противополагаются особые культуртрегерскіе таланты „россійскаго" переселенца и которыя, будто бы, могли бы сдѣлать преждевременнымъ введеніе въ Сибири широко развитыхъ земскихъ учрежденій. М. Н. Соболевъ въ статьѣ—„Къ вопросу о реформѣ крестьянскаго управленія въ Сибири" указываетъ на великій вредъ, вытекающій изъ современнаго положенія института крестьянскихъ начальниковъ, назначаемыхъ изъ министерства и чуждыхъ интересамъ мѣстной жизни. „Широкія полномочія, отсутствіе контроля, общественнаго мнѣнія и гласности, недостатокъ надзора высшихъ властей влекутъ за собой,—говоритъ г. Соболевъ,—чрезвычайное развитіе произвола крестьянскихъ начальниковъ". Авторъ приводитъ далѣе любопытное признаніе тобольскаго губернатора, гласящее, что—„нѣкоторые крестьянскіе начальники Тобольской губ. пріобрѣли грустную славу своими беззаконіями и даже хищеніями". Г. П. Михайловъ представилъ интересный очеркъ колонизаторской дѣятельности старовѣровъ въ Уссурійскомъ краѣ. Они проявили при этомъ столько предпріимчивости, трудолюбія и прочихъ качествъ, необходимыхъ для того, чтобы преодолѣть тяжелыя условія разработки новыхъ мѣстъ для благополучнаго существованія, что были признаны общимъ голосомъ заинтересованныхъ лицъ „колонизаціоннымъ элементомъ, наиболѣе желательнымъ для Уссурійскаго края".

Въ этомъ смыслѣ была составлена резолюція IV Хабаровскаго съѣзда, имѣвшая, между прочимъ, цѣлью „хоть нѣсколько оградить старовѣровъ отъ колонизаціонныхъ фантазій переселенческихъ чиновниковъ".

Ярко обрисовано положеніе современной сибирской печати въ статьѣ Н. Н. Розина. За сибирскаго читателя больше всего читала цензура, захвативъ въ свое вѣдѣніе наиболѣе жгучіе вопросы, интересоваться которыми составляетъ не только право, но обязанность русскаго читателя. Какъ ни привыкли мы къ разнымъ подвигамъ цензуры, особенно провинціальной, но статья г. Розина рисуетъ совершенно исключительное положеніе сибирской печати.

Хочется вѣрить, что теперь—послѣдніе дни владычества всякихъ цензуръ, своего рода—пиръ, если не во время, то наканунѣ цензурной чумы. Очертивъ рѣшительныя дѣйствія „военнаго цензора", болѣе, впрочемъ, умѣстныя на полѣ битвы, чѣмъ въ сферѣ мирной культурной работы, не пропускавшаго статей и даже перепечатокъ о войнѣ, авторъ продолжаетъ: „Но не одна война насъ теперь волнуетъ,—событія нашей *текущей* общественной жизни захватываютъ насъ еще болѣе. Можетъ ли молчать о нихъ текущая пресса, хотя бы и провинціальная? Не можетъ, но *должна* молчать... Въ Петербургѣ 9 января происходитъ актъ насилія надъ безоружной толпой,— объ этомъ писать нельзя. Во всѣхъ городахъ Россіи люди собираются, чтобы высказать свои наболѣвшія нужды, свои затаенныя пожеланія,—знать объ этомъ нельзя. Дворянскія и земскія собранія, съѣзды различныхъ спеціалистовъ по разнообразнѣйшимъ вопросамъ нашей общественной жизни высказываются съ неожиданной смѣлостью и прямотой, ихъ резолюціи съ требованіями политической и гражданской свободы попадаютъ въ періодическую прессу большихъ городовъ, нумера газеты „Право" пестрятъ этими резолюціями, — но мѣстная газета сообщать объ этомъ не можетъ. Латинское агентство разсылаетъ повсюду свою телеграмму о подкупѣ иностранными деньгами нашихъ рабочихъ; эта телеграмма расклеивается на уличныхъ заборахъ, священники читаютъ проповѣди на эту тему, темная старуха является гдѣ-то къ начальству за „пособіемъ", потому что ея сынъ на фабрикѣ забунтовалъ, а батюшка въ церкви читалъ, что за бунтъ платятъ деньги,—но о томъ гнѣвѣ, той скорби, которая закипаетъ въ каждомъ изъ насъ по поводу этой клеветы на русскій народъ, газета должна молчать... Выходятъ невѣжественные листки Энгельгардта, появляется въ „Новомъ Времени" пресловутая статья сына Толстого и энергично повсюду распространяется,—возмущаться этимъ нельзя. Нельзя говорить о томъ, что „студенческія волненія коренятся во всей совокупности условій нашего общественнаго и государственнаго строя", что „истинная законность неразрывно связана съ политической свободой", что „твердая

власть есть принадлежность государства, а вовсе не цезаризма"... И всякое слово, въ которомъ звучитъ вѣковая мечта изстрадавшагося русскаго общества, русскаго человѣка, мечта объ освобожденіи отъ рабскаго ярма,—будь это вѣское слово ученаго, маститаго общественнаго дѣятеля, будь это сатира публициста, будь это созданіе фантазіи и вдохновенія поэта,—всякое свободное слово преслѣдуется"...

Т. И. Тихоновъ останавливается на тяжеломъ положеніи сибирскихъ евреевъ. Авторъ настаиваетъ на необходимости снять съ русскаго еврея тяжелыя цѣпи безправія и справедливо указываетъ, что онѣ, эти цѣпи, унижаютъ не только евреевъ, онѣ оскорбляютъ весь русскій народъ, великодушный и справедливый. П. А. Голубевъ приводитъ проектъ основныхъ началъ „Положенія о земскихъ учрежденіяхъ въ Сибири", выработанный редакціонной коммиссіей томскаго юридическаго общества; г. Голубевъ подчеркиваетъ его общую важность и подвергаетъ критическому разсмотрѣнію. Кромѣ упомянутыхъ, въ книгѣ находимъ статьи и очерки В. Ю. Григорьева, С. П. Швецова, Д. М. Головачева, С. В. Востротина, Н. В. Кирилова и др.

Пожелаемъ новому изданію успѣха и возможно бо́льшаго простора для выполненія намѣченныхъ культурно-общественныхъ и освободительныхъ задачъ.

V.

— В. Горленко. Отблески. Замѣтки по словесности и искусству. Спб. (1905).

Читая эту книжку, чувствуешь себя точно въ свѣтскомъ литературномъ салонѣ, гдѣ непринужденно и живо ведется бесѣда обо всемъ вообще и ни о чемъ спеціально. Разнообразіе и выборъ темъ обнаруживаютъ въ авторѣ широко развитой литературный интересъ, художественную чуткость, мѣстами остроуміе, въ той мѣрѣ, чтобы задержать вниманіе читателя на нѣсколько минутъ и затѣмъ испариться, не вызвавъ въ немъ ни нетерпѣнія, ни скуки. Здѣсь и „литературные очерки" и—„кое-что изъ области морали" и подобное же „кое-что" изъ другихъ разнообразныхъ областей—въ отдѣлахъ „Малороссія", „искусство", „дѣла франко-русскія" и др. Въ очеркѣ о Гоголѣ г. Горленко останавливается на томъ обстоятельствѣ, что, если судить по количеству иностранныхъ переводовъ Гоголя, послѣдній цѣнится въ европейской публикѣ (исключая, впрочемъ, нѣмецкой) преимущественно среди тонкихъ знатоковъ, не проникая въ „толщу", отличающуюся, какъ извѣстно, своими особыми требованіями и вкусами. Авторъ отмѣчаетъ главнѣйшіе изъ критическихъ отзывовъ, начиная съ Сентъ-Бева, затѣмъ переходитъ къ Мериме,

Дюпюи, Цабелю, Валишевскому (которому удѣляетъ много незаслуженнаго вниманія) и Вогюе; кончается очеркъ небезъинтереснымъ разборомъ „франко-болгарской“ книги о Гоголѣ г-жи Тырневой. „Статьи и изслѣдованія—дѣло полезное, замѣчаетъ авторъ,—но болѣе всего нужны хорошіе переводы“. Сентъ-Бевъ упомянулъ въ своемъ очеркѣ о Гоголѣ имя итальянскаго поэта Белли, котораго, въ разговорѣ съ французскимъ критикомъ очень хвалилъ Гоголь, и въ одной изъ послѣдующихъ замѣтокъ г. Горленко приводитъ справку о Белли, на основаніи работы о немъ проф. Гагенена (Haguenin). „Помимо художественнаго чутья и вкуса,—говоритъ г. Горленко,—Гоголю, поклоннику и почти старожилу Рима, оцѣнить Белли помогло знаніе римскаго или транстеверинскаго нарѣчія, на которомъ писалъ Белли— одного изъ двѣнадцати областныхъ итальянскихъ говоровъ, знаніе римской жизни, глубокій интересъ къ простонародью, ко всему непосредственному, самородному, и тѣ многочисленныя созвучныя ноты, какія отзывались въ униссонъ его музѣ въ строкахъ итальянскаго народнаго пѣвца“. Любопытно, что имя этого поэта, „открытаго Гоголемъ“, выплыло изъ забвенія только полъ-вѣка спустя послѣ его дѣятельности.

Въ очеркѣ „къ біографіи гр. А. К. Толстого“ приводится нѣсколько данныхъ и писемъ къ Н. М. Жемчужникову. Въ одномъ изъ писемъ дана шутливая, но типичная характеристика одного изъ „дворянскихъ гнѣздъ“ конца пятидесятыхъ годовъ. Характеристика эта состоитъ изъ перечисленій того, что увидитъ корреспондентъ Толстого, пріѣхавъ въ Погорѣльцы. Въ безконечномъ, остроумно сдѣланномъ подборѣ встрѣчаются и „мебели изъ корельской березы“, и „семеро дѣтей малъ-мала меньше“, и „діаконъ bon vivant“, и „конторщики съ усами разныхъ цвѣтовъ“, и „злая управительница въ терему“, и „болѣе или менѣе плутоватые приказчики“,—„колоколъ въ два пуда, обои, представляющіе Венеру на синемъ фонѣ со звѣздами, баня, павлины, индѣйки, знахари, старухи, слывущія вѣдьмами, кладбище въ сосновомъ лѣсу съ ледяными сосульками, утромъ солнце, печи, съ трескомъ освѣщающія комнату, старый истопникъ Павелъ, бывшій прежде молодымъ человѣкомъ, кобзари, слѣпые, старый настройщикъ фортепьяновъ, поющій „хвала, хвала тебѣ, герой“ и „Славься симъ, Екатерина“ и „Mon coeur n'est pas pour vous, car il est pour un autre“, экипажъ, называющійся „бѣда на колесахъ“, и т. д., и т. д. Не лишены значенія для біографіи А. Толстого и другія письма, приводимыя авторомъ очерка.

Нѣсколько болѣе или менѣе мелкихъ замѣтокъ посвящено Бальзаку (исторія романа съ Ганской), Шекспиру („Легенда о Гамлетѣ“), Эдгару Поэ (по поводу изслѣдованія Эмиля Лавріера—Edgar Poë, Sa

vie et son oeuvre, Paris, 1904), Сенкевичу и др. Въ жиденькой замѣткѣ о Фурье, авторъ приглашаетъ отдать этому „провидцу“ дань признательности за то, что введено его мыслью въ жизнь здраваго и полезнаго. „А многіе ли знаютъ,—спрашиваетъ авторъ,—что ему мы обязаны возникновеніемъ безчисленныхъ теперь кооперативныхъ обществъ и спасительной идеей страхованія въ разнообразныхъ ея примѣненіяхъ? Изъ мыслей его, такъ или иначе примѣняемыхъ къ дѣлу современнымъ людомъ, отмѣтимъ еще идею децентрализаціи и расширенія правъ женщинъ. Онъ былъ однимъ изъ пламеннѣйшихъ сторонниковъ идеи мира. Вегетаріанцы и общества покровительства животнымъ обязаны своимъ существованіемъ также этому странному человѣку, носившему въ себѣ мысли глубокія и благородныя, на ряду съ самыми рѣзкими увлеченіями, съ предположеніями самыми дикими и неосуществимыми“. Дѣлая эту нѣсколько рискованно-обобщающую характеристику, авторъ ни однимъ словомъ не обмолвился, однако, о громадномъ вліяніи Фурье на замѣчательнѣйшихъ изъ русскихъ писателей 40-хъ—70-хъ гг.

Въ отдѣлѣ „дѣла франко-русскія“ г. Горленко даетъ нѣсколько характерныхъ образчиковъ дѣятельности „переводчиковъ-обрусителей“, забывающихъ элементарное правило, что для перевода, особенно художественнаго произведенія, необходимо владѣть въ совершенствѣ обоими языками. Пользуясь брошюрой „On racommode tout à Paris, légende franco-russe“ (Arras, 1903), авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ курьезнаго искаженія языка. Еще больше курьезовъ въ фабулѣ и частностяхъ романа De Chonski—„Nitchevo!“, гдѣ встрѣчаются и „de concombres, dont on fera les ogourtzi“, и „kitichi“, (кислые щи) и, какъ водится, „troïka“ и барышня „Илья Михайловна“. Въ концѣ г. Горленко дѣлаетъ такой выводъ о французской печати въ ея отношеніяхъ къ русской литературѣ: „Она (французская печать) удѣляетъ слишкомъ мало вниманія явленіямъ русской жизни и литературы. Въ то время, какъ всякое любопытное явленіе итальянской, англійской и другихъ литературъ находитъ оцѣнку во французскихъ журналахъ, пересказывается и комментируется ими, ознакомленіе съ русскими литературными новинками происходитъ случайно и несистематично. Появленіе переводовъ тѣхъ или иныхъ произведеній нашихъ писателей обязано главнымъ образомъ любви къ дѣлу и убѣжденной энергіи нѣкоторыхъ писателей-переводчиковъ. Большее знакомство съ русской литературой внесло бы во Францію болѣе правильныя представленія и понятія о Россіи и сдѣлало бы невозможнымъ появленіе литературныхъ уродовъ“.

Въ концѣ книжечки г. Горленка помѣщено музыкальное прило-

женіе—„гимнъ хозяину“, музыка М. И. Глинки, слова—Н. А. Марковича. Онъ извлеченъ изъ собранія рукописей Черниговскаго земскаго музея имени В. В. Тарновскаго.

VI.

— Подъячевъ, С. Среди рабочихъ. Изд. редакціи журнала „Русское Богатство“. Спб. 1905.

Мы имѣли уже случай отмѣтить въ одномъ изъ предыдущихъ обозрѣній книгу г. Подъячева „Мытарства“. Намъ пришлось уже говорить о томъ, какое глубокое жизненное впечатлѣніе произвела она реальной правдой своихъ образовъ, безотрадностью общаго фона и рядомъ печальныхъ выводовъ, которые сами собой напрашиваются при ея чтеніи. Почти то же впечатлѣніе производитъ и его книга „Среди рабочихъ“, съ тою лишь разницею, что авторъ какъ будто раздвинулъ здѣсь рамки своего изображенія и сдѣлалъ попытку очертить нѣсколько типовъ, оставивъ въ нѣкоторой тѣни собственное „я“. Эти типы, взятые порознь, какъ и личность автора, отъ имени котораго ведется разсказъ, сами по себѣ блѣдноваты, очерчены расплывчато, однотонными мазками, пейзажу недостаетъ колоритности и поэзіи, описаніямъ пластичности и красокъ, но сила его разсказа не въ художественныхъ пріемахъ, а въ непосредственно ощущаемой подлинности изображаемаго, въ жизненной правдѣ не только образовъ, но и того тона, въ которомъ ведется разсказъ, справедливо могущій быть названнымъ безхитростной исповѣдью рабочаго человѣка. Рабочій человѣкъ заговорилъ самъ у г. Подъячева, какъ у Горькаго заговорилъ босякъ, у Чехова томящійся интеллигентъ. И прежде рабочій человѣкъ нерѣдко мелькалъ въ литературѣ, но его большею частью изображали со стороны: его жалѣли, о немъ печаловались, его идеализировали, и онъ не всегда производилъ впечатлѣніе подлинности, являясь болѣе крестьяниномъ, мужичкомъ, типомъ, любопытнымъ то своей психологіей, то своимъ міросозерцаніемъ. И въ тѣхъ и другихъ случаяхъ „человѣкъ изъ народа“ изображался въ своемъ, если такъ можно выразиться, статическомъ состояніи; тѣ обстоятельства и условія, при которыхъ онъ являлся рабочей силой, служили предметомъ научныхъ изысканій и трактатовъ, въ литературномъ изображеніи воздѣйствіе этихъ обстоятельствъ на живую личность стало появляться сравнительно недавно, съ тѣхъ поръ какъ рабочій вопросъ изъ области отвлеченныхъ разсужденій такъ неожиданно вышелъ на арену живой практической дѣйствительности и неотразимо остановилъ на себѣ вниманіе общества. Книги г. Подъячева служатъ до извѣстной степени

беллетристической иллюстраціей этого новаго момента въ развитіи рабочаго вопроса. Въ этомъ ихъ интересъ и значеніе для современнаго читателя.

Г. Подъячевъ не идеализируетъ однако тотъ кругъ рабочихъ, изъ котораго онъ беретъ свои типы. Это—простые, сѣрые мужики, среди которыхъ есть и умные, и глупые, и честные, и подлые, и черствые, и чуткіе люди, и безхитростные, и то, что называется „себѣ на умѣ". Инстинкты добра и правды таятся въ ихъ средѣ, но далеко не у всѣхъ они пробиваются наружу и становятся яснымъ элементомъ самосознанія. Всѣ эти свойства авторъ обнаруживаетъ по большей части на ихъ отношеніи къ работѣ, которая является для нихъ и единственнымъ средствомъ къ существованію, и основнымъ условіемъ осмысленія ихъ жизни. Но работаютъ его герои не на себя, а на чужихъ людей; нужда выгнала ихъ изъ родныхъ деревень, и они странствуютъ по свѣту предлагая свой трудъ и сталкиваясь въ своихъ мытарствахъ съ самыми разнообразными условіями работы. Знакомство съ этими условіями невольно наводитъ читателя на самыя невеселыя мысли о той общей обстановкѣ, въ которую еще во многихъ случаяхъ заключенъ у насъ наемный крестьянскій трудъ. Въ этой обстановкѣ такъ много еще осталось отъ эпохи рабства, много унижающаго человѣческое достоинство, напоминающаго о высшихъ принципахъ гуманности и справедливости, которые остаются все еще такъ далеки отъ своего воплощенія въ жизни.

Разсказы автора—очерки съ натуры. Свои поиски работы онъ началъ съ конторы барскаго имѣнія, куда онъ долго ходилъ безъ всякаго результата,—и, наконецъ, получилъ работу. Управляющій, „маленькая, точно надутый пузырь, фигурка", презрительно перебивая свою рѣчь къ дѣлу не идущими словечками, положилъ ему десять цѣлковыхъ въ мѣсяцъ жалованья, на хозяйскихъ харчахъ, но пригрозилъ въ случаѣ пьянства прогнать безъ разсчета. Работа была тяжелая, часто безсмысленная, помѣщеніе для ночлега дурное, пища такая, что, по выраженію одного изъ рабочихъ, „годилась только свиньямъ да рабочимъ". За работами наблюдалъ „нарядчикъ", злобный и ехидный мужикъ по отношенію къ подчиненнымъ и подлоугодливый и льстивый съ управляющимъ. Жизнь рабочихъ протекала впроголодь, среди оскорбленій въ затхлой атмосферѣ униженія, гнета и темноты. Намаявшись отъ работы за недѣлю, они естественно не выдерживали томительнаго однообразія впечатлѣній, и ихъ неотразимо тянуло къ водкѣ, какъ единственному доступному для нихъ источнику временнаго забвенія и веселья. Пили всѣ — невоздержно, дико, нелѣпо, возникали недоразумѣнія и ссоры, и праздникъ заканчивался дракой, а на завтра начиналась та же утомительная работа,

оживляемая изрѣдка думой о томъ, какъ тамъ, въ деревнѣ, гдѣ остались жены, старики и дѣти, обрадуются, получивъ къ празднику нѣсколько рублей отъ своего кормильца...

Въ этомъ кругу складывалась своеобразная скептическая философія: нѣтъ правды на землѣ, и чѣмъ далѣе, тѣмъ становится все хуже и хуже. „Въ грамотѣ-то что проку, — разсуждаетъ Устинъ:— учатъ, учатъ, а правды все нѣтъ... грѣха не прохлебаешь. Возьмемъ, къ примѣру сказать, волость, судъ тоись нашъ... Каки порядки? Кто дѣломъ правитъ?.. Писарь... человѣкъ грамотный, ученый... Ладно!.. а-а-тлично!—а что толку? Опять предсѣдателевъ взять... ворочаютъ, какъ имъ вздумается... Кто виноватъ,—а по ихнему выходитъ правъ... сухъ изъ воды вылѣзетъ... Сдѣлалъ угощенье, задобрилъ судей-то праведныхъ... залилъ имъ глотки—неправда на правду и перекинулась“... Далѣе Устинъ объясняетъ, что основная бѣда въ томъ, что людишекъ больно много стало, а земли не хватаетъ, и пошла по землѣ тѣснота, а отъ тѣсноты и грѣхъ пошелъ. И кажется Устину,—а такихъ Устиновъ на Руси видимо-невидимо,—что одной грамоты недостаточно для тѣхъ, у кого ртовъ много, а хлѣба мало, и что до тѣхъ поръ не перестанетъ распространяться грѣхъ, пока однимъ людямъ жить на землѣ слишкомъ просторно, а другимъ слишкомъ тѣсно... Просторно было жить и тому князю, въ усадьбѣ котораго работалъ, вмѣстѣ съ другими двуногими рабочими скотами, и нашъ авторъ. Этотъ князь— фигура изъ тѣхъ, которыя еще не повывелись на святой Руси,— отвратительный типъ съ крѣпостническими замашками, надменный и черствый. Къ животнымъ онъ проявлялъ гораздо больше вниманія и участія, чѣмъ къ людямъ, которые работали на него; въ послѣднихъ онъ не цѣнилъ ни усердія, ни многолѣтнихъ заслугъ. Онъ считалъ, что оказываетъ рабочимъ величайшее благодѣяніе тѣмъ, что платилъ имъ нищенское жалованье, изнурялъ трудомъ и кормилъ тухлой пищей; пріѣзжая въ имѣніе, онъ привыкъ встрѣчать толпу подобострастныхъ съ виду крестьянъ, которыхъ заставляли цѣловать у него ручку— и онъ считалъ это нормальнымъ явленіемъ. Словомъ, эта фигура слишкомъ хорошо знакомая читателямъ повѣстей и романовъ среднихъ десятилѣтій прошлаго вѣка, и разсказъ г. Подъячева даетъ право констатировать только, до какой степени рабовладѣльческіе инстинкты внѣдряются въ кровь потомкомъ завзятыхъ крѣпостниковъ, если подобные типы могутъ существовать еще въ наше время. У князя жить стало не втерпежъ, и авторъ, соединившись съ тремя товарищами, отправился искать работы въ другихъ мѣстахъ. Рабочія руки были вездѣ нужны, а между тѣмъ они то-и-дѣло встрѣчались съ необходимостью вступать въ сдѣлки съ людьми, которые пользовались ихъ неопытностью и брали на себя роль посредниковъ между предложе-

ніемъ и спросомъ. Съ простымъ людомъ имъ было легче разговориться и сжиться, но и здѣсь они должны были считаться съ возможностью недобросовѣстнаго отношенія къ нимъ, недоплаты, обсчета. Съ своей стороны и они, гдѣ можно было, старались отлынуть отъ работы и урвать часъ-другой отдыха внѣ хозяйскаго глаза. Въ этомъ случаѣ автора менѣе всего можно обвинять въ тенденціозности: онъ не подбираетъ красокъ и записываетъ, можно сказать, съ протокольной точностью. Не вездѣ было и тяжело работать этимъ „перехожимъ людямъ“: кое-гдѣ они разставались съ хозяевами дружелюбно, работали и разсчитывались „по-божески“, но чаще всего они встрѣчали къ себѣ отношеніе грубо-пренебрежительное, грубо эксплоатирующее ихъ работоспособность, безъ малѣйшей заботы о нихъ, какъ о живыхъ людяхъ.

Съ особеннымъ любопытствомъ читаются страницы, гдѣ авторъ разсказываетъ о своей рабочей жизни въ монастырѣ. Въ нихъ выступаетъ обыкновенно скрытая отъ глазъ наблюдателя внутренняя, хозяйственная сторона монастырской жизни и рисуются разнообразные типы монаховъ въ неприкрашенномъ видѣ, внѣ ихъ наружнаго смиренія и елейности. И здѣсь мало заботы проявлялось къ рабочему люду и проглядывала тенденція при всякомъ удобномъ случаѣ стянуть съ мужичка, что можно, но въ общемъ, благодаря зажиточности монастыря, жилось имъ здѣсь недурно и они „подкормились“. Отецъ Зосима, завѣдывавшій работами, взыскалъ съ нихъ при разсчетѣ на „половину“ („а ты ужъ, о. Зосима, того... не обижайся... половину тебѣ въ зубы... Господь съ тобой... грабь! не ты, такъ другой... Гдѣ наше не пропадало...“) и отпустилъ ихъ съ миромъ бродить по свѣту, искать новой работы.

Въ очеркахъ г. Подъячева фигурируютъ крестьяне, только-что оторвавшіеся отъ земли. Они могутъ работать только около земли, на которой сосредоточены всѣ ихъ помыслы и интересы. Но роковымъ обстоятельствомъ для нихъ является то, что эта земля не ихъ, а чужая, и что, отдавая ей всѣ свои силы, они не увидятъ плодовъ своего труда. Сильные своей связью съ землей, они еще очень слабы сознаніемъ своихъ рабочихъ правъ, вытекающихъ изъ круга болѣе сложныхъ понятій, чѣмъ тотъ, въ которомъ они выросли подъ властью земли. Они сами выросли среди преданій безправія и рабства, въ нихъ нѣтъ еще и тѣни протеста противъ тѣхъ общихъ условій, которыми обставленъ ихъ трудъ. Много придется имъ пережить, испытать и передумать прежде, чѣмъ придти къ сознанію своихъ правъ сначала общечеловѣческихъ, а затѣмъ и спеціальныхъ, какъ частицъ огромнаго трудящагося класса своей родины.—Евг. Л.

VII.

— Первая всеобщая перепись населенія Россійской Имперіи 1897 г. Подъ редакціей Н. А. Тройницкаго. Общій сводъ по Имперіи результатовъ разработки данныхъ первой всеобщей переписи населенія. СПб. 1905 г. Ц. 4 р. — Распредѣленіе рабочихъ и прислуги по группамъ занятій и по мѣсту рожденія на основаніи данныхъ первой всеобщей переписи Россійской Имперіи. СПб. 1905 г. Ц. 1 р.

Первая всероссійская народная перепись произведена была, какъ извѣстно, въ январѣ мѣсяцѣ 1897 года, а разработка ея данныхъ закончена и результаты опубликованы во всеобщее вѣдѣніе лишь лѣтомъ настоящаго года, т.-е. черезъ 8½ лѣтъ послѣ переписи. Печатныя изданія разработанныхъ данныхъ состоятъ главнымъ образомъ, во-первыхъ, изъ погубернскихъ сводокъ, по числу губерній и областей; во-вторыхъ, изъ четырехъ томовъ „Распредѣленія населенія по видамъ главныхъ занятій и возрастнымъ группамъ по отдѣльнымъ территоріальнымъ районамъ“ (табл. XX полнаго состава таблицъ для отдѣльныхъ губерній, выдѣленная въ особое изданіе); въ-третьихъ, изъ брошюры „Распредѣленіе рабочихъ и прислуги по группамъ занятій и по мѣсту рожденія“ и, наконецъ, въ-четвертыхъ, изъ двухъ большихъ томовъ „Общаго свода по имперіи результатовъ разработки данныхъ первой всеобщей переписи“, составляющаго спеціальный предметъ настоящей замѣтки. Всѣ изданія переписи составляютъ въ совокупности болѣе 120 томовъ.

Излишнее распространяться о принципіальной важности переписи и результатовъ ея разработки. Только послѣ производства такой переписи мы получили бы возможность имѣть болѣе или менѣе точныя свѣдѣнія о числѣ хозяйствъ и жителей во всей имперіи и въ различныхъ ея районахъ, о распредѣленіи жителей по поламъ, возрастамъ, національностямъ и т. д., о распространеніи грамотности, о занятіяхъ всего населенія и т. п. Всѣ переписи, производившіяся до настоящаго времени, или обнимали только такъ называемые податные классы и имѣли задачей установить число, главнымъ образомъ, мужского населенія (ревизіи), или производились по обширной программѣ, но касались только ограниченныхъ районовъ (переписи городовъ) или даже одного крестьянскаго населенія (большая часть земскихъ переписей). Но если не представляется возможнымъ сомнѣваться въ принципіальной важности всеобщей переписи населенія, то нельзя того же сказать о порядкѣ производства нашей переписи и разработки ея данныхъ. Дѣло это отъ начала до конца находилось въ рукахъ бюрократіи, при чемъ разработка ея данныхъ была поручена учрежденію, извѣстному одинаково и многочисленностью, и ненаучностью

своихъ статистическихъ изданій и пріобрѣвшему, кромѣ того, спеціальную извѣстность преслѣдованіемъ лучшаго у насъ типа экономическихъ изслѣдованій, такъ называемой земской статистики. О томъ, какъ производилась разработка данныхъ переписи и какіе непростительные промахи при этомъ допускались, пусть разскажутъ лица, близко знакомыя съ дѣломъ и уже выступающія печатно съ требуемыми разъясненіями. Мы же, съ своей стороны, укажемъ лишь на то, что формализмъ отношеній къ дѣлу со стороны центральнаго статистическаго комитета виденъ уже изъ того, что въ его публикаціяхъ, касающихся переписи, не имѣется никакихъ разъясненій относительно порядка ея производства, ея программы, пріемовъ разработки и т. п., и читатель не знаетъ, какимъ образомъ объяснить недоумѣнія, возникающія при пользованіи этими публикаціями. Укажемъ одинъ примѣръ.

Въ рядѣ таблицъ изданій переписи населеніе Россійской имперіи и отдѣльныхъ ея районовъ распредѣлено по группамъ его главныхъ занятій, т.-е. занятій, дающихъ ему главныя средства существованія. Въ каждой такой группѣ указывается число самостоятельныхъ, т.-е. принимающихъ участіе въ работѣ, и число членовъ ихъ семей. Перепись отмѣчала и побочныя занятія при главномъ, но разработка соотвѣтствующихъ данныхъ произведена лишь для населенія, имѣющаго главнымъ занятіемъ сельское хозяйство, охоту, рыболовство и т. п. Теперь спрашивается: къ какой группѣ по главному занятію относился фабричный рабочій, живущій въ своей земледѣльческой семьѣ, кустарь, земледѣліемъ не занимающійся, но состоящій тоже членомъ земледѣльческой семьи, или плотникъ, землекопъ, грузчикъ, занимающійся лѣтомъ исключительно названнымъ дѣломъ, а въ моментъ переписи, зимою, находившійся въ деревнѣ, въ своей семьѣ, живущей сельскимъ хозяйствомъ? Выдѣлялись ли такія лица изъ своихъ семей и помѣщались въ отдѣлъ, сообразно своему спеціальному занятію, или ихъ промыселъ считался побочнымъ занятіемъ земледѣльцевъ и они попали въ графу членовъ земледѣльческихъ семей, имѣющихъ такія-то побочныя занятія? Если примѣнялся первый пріемъ—въ такомъ случаѣ таблицы главныхъ занятій даютъ правильное понятіе о числѣ лицъ разныхъ профессій; если же многіе фабричные рабочіе, кустари, строительные рабочіе и т. п., будучи въ дѣйствительности спеціалистами своего дѣла, и имъ почти исключительно занимающіеся, зачислены въ составъ земледѣльческихъ семей и тамъ сосчитаны, какъ имѣющія побочныя фабричныя, строительныя и другія занятія, то данныя переписи даютъ неправильное понятіе о дифференціаціи занятій въ нашемъ населеніи. Не разъясняютъ изданія переписи нашихъ недоумѣній и по слѣдующему вопросу,

Для каждой группы занятій изданія переписи указываютъ число самостоятельныхъ, т.-е. лицъ, занимающихся даннымъ дѣломъ, и число членовъ ихъ семей. Но спрашивается, какъ было поступлено въ томъ случаѣ, когда, напр., мужъ и жена, имѣющіе дѣтей, живя вмѣстѣ, работаютъ въ совершенно различныхъ производствахъ: размѣщены ли они въ разныя группы по занятіямъ—въ такомъ случаѣ куда относились ихъ дѣти и какъ они между ними распредѣлялись, или въ таблицу главныхъ занятій помѣщался одинъ супругъ, а другой числился имѣющимъ побочное занятіе? Если примѣнялся послѣдній пріемъ, то, имѣя въ виду, что данныя о побочныхъ занятіяхъ разработаны лишь для земледѣльческаго населенія — нужно будетъ признать, что въ опубликованныхъ изданіяхъ переписи не учтены массы лицъ, имѣющихъ различныя главныя занятія, но условно отнесенныхъ въ категорію, обнимающую побочные промыслы. Мы впрочемъ можемъ быть увѣрены, что по подобнымъ вопросамъ въ учрежденіи, разрабатывавшемъ переписный матеріалъ, было принято опредѣленное рѣшеніе: судя по сообщеніямъ свѣдущихъ лицъ, дѣло тамъ велось крайне безпорядочно и вершителями многихъ вопросовъ зачастую бывали полуневѣжественные счетчики.

Пропускъ многихъ „самостоятельныхъ" признанъ, по отношенію къ земледѣлію, и самимъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ, и первая наша всенародная перепись не даетъ поэтому полныхъ свѣдѣній о занятіи даже главнымъ промысломъ нашей страны. Какъ это ни странно, но это—такъ. Правда, въ сводкѣ данныхъ этой переписи графы „самостоятельныхъ" по сельскому хозяйству заполнены такъ же, какъ и по другимъ категоріямъ занятій; но тогда какъ въ послѣднихъ „понятіе „самостоятельности" имѣетъ совершенно реальное значеніе непосредственнаго участія въ занятіи", въ первомъ „самостоятельными" признавались не лица, принимавшія участіе въ занятіи, а хозяева двора или надѣла, хотя бы малолѣтніе, а также лица, заявившія, что главнымъ ихъ занятіемъ служитъ наемный земледѣльческій трудъ. Всѣ члены семей „хозяина"-земледѣльца, „хотя и участвовавшіе въ земледѣльческомъ трудѣ, считались лицами несамостоятельными". Это, однако, не оговорено въ брошюрѣ о наемныхъ рабочихъ и прислугѣ, и указываемыя въ этомъ изданіи отношенія наемнаго персонала ко всему числу самостоятельныхъ представляются, поэтому, преувеличенными.

Въ виду такихъ фактовъ совершенно естественно возникаетъ вопросъ: что̀ представляютъ собой изданные своды переписи въ смыслѣ матеріала для научныхъ и практическихъ заключеній? Въ какой части они заслуживаютъ и какого именно довѣрія? Желательно, чтобы соотвѣтствующія разъясненія даны были и редакціей, завѣды-

вающей разработкой данныхъ переписи. Наибольшими дефектами отличается, нужно полагать, отдѣлъ переписи, касающійся занятій; а между тѣмъ перепись представляетъ единственный источникъ для полнаго учета послѣднихъ. И если, какъ это указано выше, такой учетъ невозможенъ по отношенію къ земледѣльцамъ, по свойству матеріала переписи, то было бы желательно воспользоваться данными переписи для установленія числа лицъ, занятыхъ другими промыслами и профессіями. Быть можетъ, въ интересѣ дѣла слѣдовало бы заново переработать матеріалъ, касающійся этого предмета. Переработка матеріаловъ переписи по тѣмъ или другимъ вопросамъ или районамъ, и помимо этого, будетъ вѣроятно производиться отдѣльными учрежденіями; въ газетахъ, напримѣръ, появлялись извѣстія о желаніи нѣкоторыхъ земствъ воспользоваться этими матеріалами, о ходатайствахъ даже изъ Финляндіи о томъ же самомъ. Но, къ нашему удивленію, газеты сообщаютъ, что центральный статистическій комитетъ не имѣетъ намѣренія сохранить первоначальный переписный матеріалъ и пускаетъ его уже въ продажу на вѣсъ. Мы полагаемъ, что распорядиться такимъ образомъ съ этимъ—единственнымъ пока у насъ—статистическимъ матеріаломъ, обнимающимъ реальное населеніе всей имперіи, невозможно уже потому, что даже въ переполненныхъ дѣлами архивахъ многочисленныхъ казенныхъ учрежденій, не имѣющихъ никакого отношенія къ статистикѣ, самыя старыя даже „дѣла“, если они содержатъ статистическіе матеріалы, не предаются уничтоженію, хотя въ данный моментъ они даже недоступны изслѣдователямъ. Такое правило принято въ виду того простого соображенія, что цѣнные матеріалы настоящаго и прошлаго суть достояніе и будущаго, достояніе исторіи, которая, пользуясь этими матеріалами, возстановитъ картины прошлой жизни въ цифрахъ, въ мѣрѣ и вѣсѣ. Не можетъ не признать силы этого соображенія то учрежденіе, которое призвано стоять во главѣ статистическаго дѣла въ нашемъ отечествѣ.

Нельзя, кстати, не указать на высокую цѣну изданій переписи, которымъ, казалось бы, слѣдовало желать возможно широкаго распространенія. Полный комплектъ этихъ изданій стоитъ около 200 рублей, а за брошюрку о наемныхъ рабочихъ и прислугѣ, заключающую 50 страницъ, берется цѣлый рубль. Но и за эту цѣну пріобрѣсти разсматриваемыя изданія нелегко, такъ какъ они не отданы для продажи въ книжные магазины.

VIII.

— В. Норовъ. Казенная винная монополія при свѣтѣ статистики. Часть II. Финансовые результаты винной монополіи. Организація виннаго хозяйства. Спб. 1905. Ц. 1. руб.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, въ нашемъ журналѣ помѣщенъ былъ отзывъ о первой части изслѣдованія г. Норова касательно винной монополіи, разсматривавшей вопросъ о вліяніи монополіи на потребленіе народомъ вина и объ участіи общества въ борьбѣ съ пьянствомъ. Настоящая замѣтка посвящена второй части этого изслѣдованія, трактующей о финансовыхъ результатахъ монополіи и о причинахъ тѣхъ, а не другихъ ея финансовыхъ итоговъ,—причинахъ, кроющихся въ организаціи виннаго хозяйства. Разсмотрѣніе этого вопроса имѣетъ значеніе не только потому, что указаніе на недостатки въ организаціи даннаго дѣла можетъ повести къ ихъ исправленію, которое благотворно отразится на доходахъ государства. Критическое разсмотрѣніе данной отрасли государственнаго хозяйства важно еще потому, что есть основаніе ожидать распространенія государственной монополіи на другія отрасли хозяйственной дѣятельности. Нашей странѣ, — по ея освобожденіи отъ путъ бюрократическаго самовластія, задержавшаго на много лѣтъ ея культурное развитіе, — предстоитъ такая кипучая дѣятельность въ различныхъ областяхъ частнаго и общественнаго благоустройства, успѣшные результаты этой дѣятельности такъ много будутъ зависѣть отъ суммы средствъ, которыя могутъ ассигновать на дѣло государство и муниципалитеты, а плательщикъ налоговъ такъ разоренъ многочисленными неустройствами нашего быта, что будущее правительство естественно станетъ останавливаться на мысли о пополненіи государственной или мѣстной казны обращеніемъ въ общественное завѣдываніе нѣкоторыхъ отраслей производства и торговли, какъ останавливалось на мысли о нефтяной или табачной монополіи нынѣшнее правительство. Въ виду этого, тщательное изслѣдованіе организаціи и результатовъ произведеннаго уже опыта государственнаго завѣдыванія обширнымъ хозяйственнымъ предпріятіемъ, какимъ является винная монополія, можетъ доставить поучительный—въ отрицательномъ или положительномъ смыслѣ — матеріалъ для разрѣшенія подобныхъ вопросовъ.

Произвести точный учетъ финансовыхъ результатовъ винной монополіи представляется, однако, дѣломъ далеко не легкимъ. Правда, учрежденіе, завѣдующее монополіей, въ ежегодныхъ печатныхъ отчетахъ о своей дѣятельности сообщаетъ о доходахъ, расходахъ и

чистой выручкѣ казенной продажи питей; но эти его вычисленія въ значительной мѣрѣ условны. Такъ, въ счетъ расходовъ предпріятія не вносятся ни погашеніе стоимости капитальныхъ затратъ на это дѣло, ни проценты на оборотный капиталъ, ни траты на пополненіе движимаго имущества. Тѣмъ менѣе придается значенія потерямъ казны отъ того, что монополія повела къ сокращенію государственныхъ доходовъ отъ патентнаго сбора съ частныхъ питейныхъ заведеній, замѣщенныхъ казенными лавками, отъ акциза съ водочныхъ заводовъ, пивоваренныхъ (развитіе пивоваренія стѣсняется монополіей) и т. п., равно какъ и приращеніе расходовъ на усиленіе, благодаря введенію монополіи, личнаго состава центральныхъ органовъ министерства финансовъ, мѣстныхъ акцизныхъ управленій, контрольныхъ палатъ, казначействъ и т. п. Частное лицо не имѣетъ данныхъ, необходимыхъ для исчисленія всѣхъ этихъ расходовъ, и г. Норову, взявшему на себя трудъ опредѣленія дѣйствительной высоты дохода винной монополіи, пришлось нѣкоторыя статьи расхода устанавливать приблизительно, а нѣкоторыя исключать вовсе изъ своего разсмотрѣнія. Тѣмъ не менѣе, и при такомъ неполномъ учетѣ расходовъ, заключенія автора значительно отклоняются отъ оффиціальныхъ цифръ доходности даннаго предпріятія. Чистый доходъ монополіи (безъ акциза) въ 1901 г. министерство финансовъ опредѣляетъ въ 52 милліона рублей; г. Норовъ исчисляетъ его въ 38 милл. руб., а, за вычетомъ потери различныхъ поступленій, связанныхъ съ прежними порядками продажи питей, чистый доходъ винной монополіи сократится до 18 милл. руб. Ради этой суммы, пріобрѣтенной государственнымъ казначействомъ, общество потеряло не менѣе того, во-первыхъ, въ лицѣ сельскихъ обществъ, получавшихъ съ прежнихъ кабатчиковъ 15 милл. руб. въ годъ за разрѣшеніе открытія винной торговли, во-вторыхъ—въ лицѣ земскихъ и городскихъ учрежденій, получавшихъ сборы съ питейныхъ патентовъ и т. п. Винная монополія поэтому имѣла лишь тотъ финансовый результатъ, что тѣ доходы, которые получали мѣстныя общественныя учрежденія, перемѣстились въ казначейство. Общество, въ цѣломъ, съ финансовой стороны ничего не выиграло. Но гдѣ же, спрашивается, тѣ суммы, которыя составляли чистый доходъ частной торговли виномъ и ради обращенія которыхъ въ государственное казначейство, отчасти, и была введена монополія? Такихъ суммъ въ рукахъ казны, какъ видимъ, не оказалось. Чистая прибыль прежней торговли была вся израсходована на организацію и веденіе дѣла. Но и этотъ результатъ,—при которомъ отъ монополіи не оказалось, по крайней мѣрѣ, видимыхъ убытковъ,—былъ послѣдствіемъ того, что правительство отпускало изъ своихъ лавокъ вино дороже,

чѣмъ оно продавалось при частной торговлѣ. По этому вопросу, впрочемъ, среди писателей существуетъ разногласіе. Гг. Ходскій, Пѣшехоновъ и др. принимаютъ, что до введенія монополіи вино продавалось, въ среднемъ, по 6 р. ведро, т.-е. на одинъ рубль дешевле той цѣны, какая сначала была назначена за казенное вино, и потребителямъ пришлось поэтому переплачивать за послѣднее десятки милліоновъ рублей. Г. Норовъ полагаетъ, что цѣна частнаго вина была, въ среднемъ, 7 р. ведро (не слѣдуетъ къ тому же забывать, что подъ видомъ водки въ прежнее время потребителямъ продавалось значительное количество воды, которою оно разводилось) и что казенное вино стало продаваться дороже частнаго лишь съ ноября мѣсяца 1900 г., когда его цѣна назначена была выше указанной цифры. Это возвышеніе цѣны, за вычетомъ надбавки за акцизъ, принесло государственному казначейству около 10 милл. р. Безъ такого возвышенія—и если бы сельскія общества, городскія и земскія учрежденія и сама казна получили изъ доходовъ монополіи возмѣщеніе тѣхъ потерь, которыя они понесли отъ прекращенія частной торговли виномъ,—оказалось бы, что казенная продажа этого предмета общаго потребленія приноситъ убытокъ, и что расходы по организаціи и веденію даннаго предпріятія поглощаютъ всю ту огромную выручку, какую получала частная виноторговля и которую думало было захватить въ свои руки правительство.

Чѣмъ же объясняется столь неожиданный, повидимому, фактъ обращенія весьма доходнаго предпріятія въ рукахъ казны въ убыточное? „Надъ этимъ стоило бы призадуматься какъ руководителямъ финансовой политики государства, такъ и защитникамъ бюрократическаго начала, считающимъ его единственно-надежнымъ средствомъ не только въ сферѣ административнаго устроенія, но и въ области финансово-экономической политики"—замѣчаетъ авторъ. „До монополіи акцизное вѣдомство выполняло задачи чисто фискальнаго свойства... Этой роли вполнѣ отвѣчалъ бюрократическій характеръ акцизныхъ управленій. Каждое дѣйствіе чиновника нормировалось опредѣленными правилами, инструкціями, отъ которыхъ не полагалось дѣлать никакихъ отступленій. Крупное значеніе для фиска акцизныхъ поступленій требовало введенія въ сферу надзора за акцизнымъ дѣломъ суровой и строгой дисциплины. Начальническій престижъ былъ поставленъ высоко; отъ подчиненныхъ требовалась полувоенная выправка... И вотъ такую бюрократическую машину заставили работать въ другомъ направленіи, безъ всякихъ поправокъ въ ея механизмѣ. Помимо финансовыхъ задачъ, ей поставили задачи общественнаго и хозяйственнаго значенія. Чиновника чистой воды заставили думать о поднятіи народной нравственности; потребовали,

чтобы онъ, по мановенію волшебника, сдѣлался и инженеръ-строителемъ, и агрономомъ, и образцовымъ хозяиномъ, который, помимо практической снаровки, долженъ былъ имѣть и солидную теоретическую подготовку для осуществленія цѣлей монополіи крупнаго экономическаго значенія для государства". Наличность перечисленныхъ знаній требовалась отъ акцизныхъ чиновниковъ потому, что на нихъ лежала обязанность ежегодно производить учетъ расходовъ производства спирта для провѣрки назначенной цѣны, по которой онъ долженъ былъ пріобрѣтаться у заводчиковъ. Лишенный такихъ знаній и поставленный лицомъ къ лицу съ ловкимъ заводчикомъ, чиновникъ, конечно, опредѣлялъ эти расходы въ цифрѣ, соотвѣтствующей больше интересамъ заводчика, нежели казны. Само финансовое вѣдомство, по давнишней традиціи, благосклонно относилось ко всему, что могло служить для поддержанія нашей промышленности, и склонно было покупать у заводчиковъ спиртъ скорѣе по высшимъ, нежели по низшимъ цѣнамъ. Отсутствіе хозяйственности и бюрократическая волокита удорожали и всякій другой, крупный и мелкій расходъ, который нужно было произвести въ винномъ складѣ, въ лавкѣ и т. д. Для устраненія этихъ недостатковъ и для превращенія винной монополіи изъ бездоходнаго предпріятія въ доходное, авторъ предлагаетъ привлечь къ участію въ организаціи виноторговли мѣстныя общественныя учрежденія.—В. В.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ, въ Редакцію поступили нижеслѣдующія новыя книги и брошюры:

Анертъ, Э.—Геологическая карта Зейскаго золотоноснаго района. Спб. 905.

Анненская, А. Н.—Анна. Романъ для дѣтей. Изд. 5-е. Спб. 906. Ц. 50 к.

Арнольди, С. С.—Историческія письма. Изд. 2-е. Спб. 905.

Башкинъ, В. В.—Стихотворенія. Спб. 905. Ц. 20 к.

Бороздинъ, А. К. — Очерки русскаго религіознаго разномыслія. Спб. 905. Ц. 1 р. 25 к.

Бюхнеръ, Г.—Смерть Дантона. Драма. Съ нѣм. Спб. 905. Ц. 10 к.

Бѣлозерскій, Н. — А. И. Герценъ, славянофилы и западники. Спб. 905. Цѣна 25 коп.

Васильевъ, А. К.—Друзьямъ, товарищамъ, любителямъ стиховъ. Спб. 905. Цѣна 60 коп.

Вашкевичъ, Н. — Діонисово дѣйство современности. Эскизъ о сліяніи искусствъ. М. 905. Ц. 30 к.

Вейнбергъ, Л. О.—Новая русская хрестоматія. Ч. I: Для учениковъ I и II классовъ. Ч. II: Для учениковъ III и IV классовъ. Изд. 2-е. М. 905. Цѣна по 1 р. 25 к.

Володкевичъ, Н.—Задачи педагогической дѣятельности. О принципахъ, ко-

торые должны быть положены въ основу естествознанія въ средней школѣ. Спб. 905.

Вяземскій, кн. Н. В.—О психической жизни человѣчества. Спб. 905. Цѣна 1 р. 50 к.

——— О половой зрѣлости, съ педагогической точки зрѣнія. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Гнѣдичъ, П. П.—Песьи мухи. Изъ записокъ моего сосѣда Скалопендрова. Т. I. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Давыдовъ, I.—Историческій матеріализмъ и критическая философія. Сборникъ статей. Спб. 905. Ц. 1 р. 25 к.

Дерюжинскій, В. Ѳ. — Изъ исторіи политической свободы въ Англіи и Франціи. Спб. 906. Ц. 2 р.

Дмитріевъ-Мамоновъ, А. И.—Декабристы въ Западной Сибири. Полярная Звѣзда. 25 іюля 1826 года. Историческій очеркъ по оффиціальнымъ документамъ. Съ 35 фотогравюрами (29 портретовъ и 6 видовъ). Спб. 905. Ц. 2 р. 50 к.

Дьяконова, Елисавета. — Дневникъ: 1886 — 1895. Литературные этюды — статьи. Спб. 905. Ц. 2 р.

Загѣскій, В. Ф.—Гражданская практика казанскихъ судебныхъ установленій начала XIX-го вѣка. 905. Ц. 1 р.

Зворыкинъ, Н. Н.—Крестьянское землеустройство и неотложная аграрная реформа въ Россіи. Спб. 905. Ц. 1 р.

Золя, Эм.—Штурмъ мельницы. Съ франц. Н.-Новг. 905. Ц. 10 к.

Зыковъ, Иванъ.—Стихотворенія крестьянъ вятской губ., орловскаго уѣзда, истобенской волости, дерев. Плѣнковы, съ біограф. оч. автора. Юрьевъ, 905. Цѣна 25 коп.

Кантъ, И.—Вѣчный миръ. Философскій очеркъ (Библіотека для самообразованія, VI). М. 905. Ц. 40 к.

Карѣевъ, Н. — Помѣстье-государство и сословная монархія среднихъ вѣковъ. Вып. 1. Спб. 905. Ц. 1 р. 25 к.

——— Историческое міросозерцаніе Т. Н. Грановскаго. 3-е изд., съ портр. Спб. 905. Ц. 50 к.

——— Учебная книга всеобщей исторіи. Съ историческими картами. Изд. 6-е. Ц. 1 р. 45 к.

Кигнани, Л. Д.—Думы и пѣсни. Спб. 905. Ц. 50 к.

Лавриновичъ, Ю.—Рабочіе союзы. Спб. 905. Ц. 50 к.

Лянцичао.—Лихунгжанъ, или политическая исторія Китая за послѣднія 40 лѣтъ. Перев. съ китайскаго А. Вознесенскій и Чжанчитунъ. Спб. 905. Цѣна 2 рубля.

Луговой, А.—„Цѣль нашей жизни". Повѣсти и разсказы. Спб. 905. Цѣна 1 р. 75 к.

Львовъ, В.—Всеобщее избирательное право. Спб. 905. Ц. 8 к.

Максутовъ, кн. В. П.—Исторія древняго Востока, культурно-политическая и военная, съ отдаленнѣйшихъ временъ до эпохи македонскаго завоеванія. Ассиро-Халдея и Персія. Т. II: кн. V—VIII. Спб. 905. Ц. 5 р.

Мартыновъ, С. В.—Печорскій край. Спб. 905. Ц. 1 р. 50 к.

Медемъ, Б. Г. — Вліяніе наслѣдственности, семьи и школы на состояніе зрѣнія учащихся, какъ признакъ угрожающаго нашему юношеству вырожденія. Полтава, 905.

Моръ, Томасъ.—Утопія. Съ латин. А. Г. Генкель, при участіи Н. А. Макшеевой. Съ біографич. очеркомъ Т. Мора и съ портретомъ автора. Изд. 2-е. Спб. 905. Ц. 75 к.

Мытарь, Іуда. — Два очерка: Что такое приказчикъ? Какъ обезпечить старость приказчиковъ? Томскъ, 905.

Надинскій, А. (Воеводкинъ).—Стихотворенія. Пермь, 905. Ц. 85 к.

Охотскій, С.—Гимназистка. Спб. 905. Ц. 15 к.

Перцовъ, П.—Венеція. Спб. 905. Ц. 1 р.

Пири, Р. Е.—По большому льду къ Сѣверу. Разсказъ о жизни и работѣ вдоль береговъ и на внутреннемъ ледяномъ покровѣ сѣверной Гренландіи въ 1887 и 1891—97 г.г. Съ англ. п. р. П. Беркоса. Спб. 906. Ц. 3 р.

Поповъ, М., свящ. — Арсеній Мацѣевичъ, митрополитъ ростовскій и ярославскій. Съ 4-мя рис. Спб. 905. Ц. 2 р.

Рожковъ, Н.—Историческіе и соціологическіе очерки. Ч. 1. М. 906. Цѣна 1 р. 50 к.

Саккетти, Л.—Эстетика въ общедоступномъ изложеніи. Т. І. Спб. 905.

Сикорскій, И. А.—Психологическія основы воспитанія. Кіевъ, 905. Ц. 30 к.

Смоленскій, Илья.—Исторія какъ наука и какъ предметъ преподаванія. Переоцѣнка историческихъ знаній. Историко-методологическій этюдъ. Вып. 1. Од. 906. Ц. 1 р.

Сокальскій, Л. П.—У подножья агрономическаго перевала. Разгромъ южнорусскаго скотоводства зерновымъ экспортомъ и значеніе его въ агрономическомъ переломѣ нашихъ хозяйствъ. Од. 905.

Соколова, С.—Критика этики Спенсера. Спб. 905. Ц. 1 р.

Столповская, Ап.—Современное значеніе и національный характеръ японцевъ. М. 905. Ц. 25 к.

Тимковскій, К.—Повѣсти и разсказы. Т. III. М. 905. Ц. 50 к.

Трусевичъ, Х. И.—Къ реформамъ въ Россіи. І. Новая схема высшихъ государственныхъ учрежденій. II. Новая форма законодательнаго учрежденія. М. 905.

Туганъ-Барановскій, М.—Земельная реформа. Спб. 905. Ц. 60 к.

——— Теоретическія основы марксизма. Спб. 905. Ц. 1 р.

Халатовъ, Борисъ.—Стихотворенія. М. 905.

Чешихинъ, Всеволодъ. — Исторія русской оперы съ 1764 по 1903 г. 2-е исправл. и дополн. изданіе. Спб. 905. Ц. 4 р.

Шершеневичъ, Г. Ф. — Герои Максима Горькаго передъ лицомъ юриспруденціи. Каз. 904. Ц. 40 к.

Ярошъ, А.—До университета. Изъ жизни средней школы. Спб. 905. Цѣна 1 рубль.

— Библіотека И. Горбунова-Посадова: 1) Для крошечныхъ людей, съ разск. и стих., ц. 85 к. 2) Для маленькихъ людей, съ разск. и стих., ц. 1 р. 20 к. 3) Бѣлое перо и другія легенды, ц. 1 р. 15 к. 4) Другъ животныхъ, ч. I: Для младшаго возраста, ц. 85 к. 5) Обзоръ пасѣчнаго хозяйства, А. Буткевичъ. М. 905.

— Бумаги Кабинета министровъ имп. Анны Іоанновны. 1731—1740 г.г. Собраны и изданы п. р. А. Н. Филиппова. Т. VII (1738): Январь — Іюнь. Юрьевъ, 905. Ц. 3 р.

— Геологическія изслѣдованія въ золотоносныхъ областяхъ Сибири. Амурско-Приморскій золотоносный районъ. Вып. V. Спб. 905.

— Геологическія изслѣдованія въ золотоносныхъ областяхъ Сибири. Ленскій районъ. Вып. III. Спб. 905.

— Изданія „Посредника“: 1) Разсказы объ инквизиціи, Н. Гусева, ц. 30 к. 2) Утренники, О. Рунова, ц. 1 р. 50 к. 3) Пѣснь о матери, сборн. стиховъ,

ц. 12 к. 4) Во что вѣруютъ японцы, А. Хирьяковъ. 5) Въ стѣнахъ, повѣсть И. Наживина. 6) Несчастныя. Сборн. стих., ц. 5 к. 7) Къ свѣту, разсказъ Ив. Франка, ц. 1 к. 8) Преступность бѣдности, Г. Джорджъ, ц. 3 к. 9) Счастливый день Дудкина, разск. К. Ѳомушкина. М. 905. Ц. 10 к.

— Засѣданіе Педагогическаго отдѣла Истор.-филол. Общества при Имп. Новороссійскомъ университетѣ, 2 апрѣля 1905 г.: По вопросу о реформѣ средней школы. Од. 905.

— Матеріалы по изданію закона 2 іюня 1897 года, объ ограниченіи и распредѣленіи рабочаго времени въ заведеніяхъ фабрично-заводской промышленности. Спб. 905.

— Книгоиздательство „Буревѣстникъ": 1) А. Бебель, Женщина и соціализмъ. Съ нѣм. Ц. 1 р. 2) О „Проблемахъ идеализма", Л. Аксельродъ. Ц. 20 к. 3) О сущности конституціи, Ф. Лассаль. 4) Крестьянскій вопросъ во Франціи и въ Германіи, Ф. Энгельсъ. 5) Соціализмъ въ Японіи, Ж. Лонгэ. 6) В. Либкнехтъ, его жизнь и дѣятельность, К. Эйснера. 7) О программѣ работниковъ, Ф. Лассаль. 8) Гласный отвѣтъ, его же. 9) Каутскій, Воспоминанія. 10) Золотая свадьба международнаго соціализма, Э. Вандервельдъ. 11) Коллективизмъ, Ж. Гэдъ. 12) Мертвецъ коммуны, А. Арну. 13) Нормальный рабочій день, Р. Зейдель. 14) Два міра, В. Либкнехта. 15) Воспоминанія о Марксѣ, В. Либкнехта. 16) Гражданская война во Франціи, К. Маркса. 17) О коммунизмѣ, К. Марксъ и Ф. Энгельсъ. 18) Положеніе женщины въ настоящемъ и будущемъ. 19) Профессіональный союзъ рабочихъ. М. Шиппель. Одесса, 905.

— Критическая литература о произведеніяхъ М. Е. Салтыкова-Щедрина. Съ портр. и біографич. очеркомъ Н. Денисюка. Вып. 4. (1882 — 88). М. 905. Цѣна 1 рубль.

— Къ вопросу о реформѣ общеобразовательной школы въ царствѣ Польскомъ. М. 905.

— Отчетъ Коммиссіи по изученію доннаго льда объ ея работахъ въ 1904 г. Спб. 905.

— Очерки, размышленія. Наканунѣ выборнаго начала. Кіевъ, 905. Ц. 25 к.

— Памятная книжка Тенишевскаго училища въ С.-Петербургѣ за 1901—1903 учебн. г. Т. II и III. Спб. 905. Ц. 75 к.

— Пушкинъ и его современники. Матеріалы и изслѣдованія. Вып. III. Повременное изданіе Коммиссіи для изданія сочиненій Пушкина при Отдѣленіи русскаго языка и словесности Имп. Академіи Наукъ. Спб. 905.

— Пятнадцатилѣтіе (1889—1904 г.г.) Историко-филологическаго Общества при Имп. Новороссійскомъ университетѣ. Од. 905.

— Русская Высшая Школа обществ. наукъ въ Парижѣ. Лекціи профессоровъ, п. р. проф. Е. де-Роберти, Ю. Гамбарова и М. М. Ковалевскаго. Спб. 905. Ц. 3 р.

— Сибирскіе Вопросы. Періодическій сборникъ, изд. В. П. Сукачевымъ, п. р. П. Головачева. № 1—1905 г. Спб. 905. Ц. 3 р.

— Таблица современныхъ конституцій. Повторительный курсъ госуд. права иностр. державъ, составленный по Даресту, Мейеру, Градовскому, Коркунову, Гессену и бар. Нольде. Спб. 905. Ц. 20 к.

— Школьная Библіотека. — Ломоносовъ, оч. А. Кизеветтера, ц. 10 к.— Какъ живутъ пчелы, оч. Вл. Львова, ц. 10 к.—„Русскимъ дѣтямъ". Сборникъ стихотвореній русскихъ поэтовъ для дѣтей младшаго возраста. Съ рис. М. 905. Ц. 15 к.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

I.

H. Sudermann. Stein unter Steinen. Schauspiel. Berlin, 1905 (Cotta'sche Buchhandlung)).

Новая пьеса Зудермана—„Камень среди камней"—задумана символически. Пользуясь пріемами символизма для большей нарядности своихъ пьесъ, Зудерманъ часто пріурочиваетъ дѣйствіе къ какому-нибудь внѣшнему образу или факту, опредѣляющему смыслъ переживаній и событій, изображенныхъ въ драмѣ. Такъ, слѣпыя стихійныя страсти, торжествующія надъ волей и духомъ, уподоблены языческимъ кострамъ въ Иванову ночь; погоня за миражемъ радости въ мелкой мѣщанской средѣ названа „боемъ бабочекъ". „Гибель Содома". „Родина", „Честь" и т. д.—все это символическія заглавія драмъ, въ которыхъ мысль, связанная съ символомъ, демонстрируется съ почти назойливой настойчивостью. Но все это, однако, дѣлаетъ драмы Зудермана не символическими, а только аллегорическими, такъ какъ психологическое содержаніе его пьесъ вовсе не нуждается въ символахъ. Символы умѣстны только тогда, когда идейный замыселъ художественнаго произведенія не исчерпывается его психологическимъ содержаніемъ. У Зудермана этого никогда не бываетъ. Даже лучшія его драмы и комедіи сводятся всецѣло къ сатирѣ нравовъ; ихъ интересъ—въ жизненности выведенныхъ характеровъ и типовъ. Но попытки отразить въ житейскомъ „вѣчныя идеи"—а только это и составляетъ сущность символизма—Зудерману не удаются. Идеи его пьесъ всегда гораздо ниже психологическаго и чисто драматическаго содержанія. Вотъ почему, при несомнѣнномъ сценическомъ талантѣ Зудермана и его значеніи какъ изобразителя и обличителя нравовъ современнаго нѣмецкаго общества, онъ тщетно претендуетъ на роль судьи жизни во имя высшей правды, и отдѣленъ пропастью отъ такихъ идеалистовъ-художниковъ, какъ Гауптманъ, который дѣйствительно цѣнитъ жизнь только какъ тяготѣніе къ высшимъ нормамъ бытія. Гауптманъ—мыслитель, думающій о цѣляхъ жизни, а Зудерманъ—талантливый драматургъ, для котораго жизнь сводится къ быту, а не къ идеѣ. Таково неизмѣнное соотношеніе между этими двумя художниками, пользующимися оба большой славой: Зудерманъ—

у толпы, наводняющей театры ради развлеченія, Гауптманъ—у мыслящаго меньшинства публики.

Новая пьеса Зудермана не измѣняетъ этого соотношенія. Напротивъ того, оно еще рѣзче обозначается въ виду большихъ притязаній автора. Въ драмѣ „Камень среди камней“ изображены жертвы тюрьмы, люди, не находящіе себѣ пріюта въ жизни, выйдя на волю,—и какъ психологическій этюдъ драма представляетъ интересъ. Но Зудерманъ хочетъ придать болѣе широкое значеніе своему замыслу, а между тѣмъ, именно идея его драмы является пережиткомъ очень устарѣлыхъ понятій, признаніемъ власти условныхъ представленій о чести и позорѣ надъ жизнью и душами людей. Трагическая судьба каторжника, который не можетъ найти себѣ пріюта среди людей послѣ отбытія наказанія — излюбленный сюжетъ романтическихъ драмъ стараго времени. Въ старой нѣмецкой мелодрамѣ, „Die Tochter des Herrn Fabricius“, использованы всѣ эффекты, пригодные для разработки подобнаго сюжета: и судебная ошибка, и злобная травля людей противъ жертвы правосудія. Точно такъ же всѣ драмы Рихарда Фосса построены на психологіи бывшихъ каторжниковъ, которые возвращаются къ людямъ съ тяжелымъ бременемъ на совѣсти, съ мыслями объ искупленіи, съ злобой или раскаяніемъ—словомъ, съ проблемами больной совѣсти. Во французской драматической литературѣ тоже можно найти достаточно уголовныхъ драмъ приблизительно такого же содержанія, такъ что пьеса Зудермана является варіаціей на старую, использованную на всевозможные лады тему. Столь же мало новизны въ поученіи, которое Зудерманъ извлекаетъ изъ своей психологической проблемы. Устами двухъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, затравленныхъ жестокостью окружающихъ ихъ людей, Зудерманъ высказываетъ свой пессимистическій взглядъ на жизнь, какъ на цѣпь страданій, убивающихъ душу. Судьбу страдающихъ людей онъ сравниваетъ—въ этомъ внѣшній символизмъ или, вѣрнѣе, аллегоричность драмы—съ камнями. „Камень образуется давленіемъ“, объясняетъ молодая, но уже испытавшая много горя дѣвушка своему товарищу по судьбѣ. „Нужно, чтобы цѣлыя сотни тысячъ и милліоны лѣтъ лежащіе сверху пласты давили землю для того, чтобы живая земля превратилась въ камень. Человѣку не нужно такъ много времени. Я это испытала на себѣ. Нѣсколько лѣтъ давленія—одинаковаго давленія, и этого достаточно. Послѣ того смѣешься и плачешь, спишь и работаешь—бываешь даже веселъ. Продолжаешь какъ будто быть человѣкомъ какъ другіе, а между тѣмъ ты ужъ давно не человѣкъ... Внутри жизнь исчезла... Дѣлаешься безволенъ какъ камень... Тебя могутъ толкнуть ногой, какъ камень. Становишься равнодушенъ ко всему какъ камень“. Вотъ

пессимистическій выводъ Зудермана; впрочемъ онъ даже самъ смягчаетъ его тѣмъ, что его „ставшіе камнями“ герои воскресаютъ для живой жизни, полюбивъ другъ друга и забывъ о преслѣдованіяхъ злобствующихъ людей. Противъ пессимистической идеи драмы можно, однако, возразить, что вся она вытекаетъ изъ совершенно условныхъ понятій; трагизмъ судьбы героя—въ значительной степени только слѣдствіе устарѣлыхъ предразсудковъ, и если онъ чувствуетъ себя камнемъ, то не въ силу дѣйствительныхъ законовъ жизни и роковыхъ столкновеній воли и чувствъ, а по своей же винѣ—по отсутствію свободы духа. Все дѣло въ томъ, что герой Зудермана боится не внутренняго голоса совѣсти, а суда людей. Передъ самимъ собой онъ чувствуетъ себя совершенно оправданнымъ, и всѣ его муки происходятъ оттого, что онъ дичится людей, боясь ихъ нареканій, и страдаетъ отъ ихъ несправедливой злобы. Это по существу драма раба толпы; идейно она кажется уже чѣмъ-то превзойденнымъ, отшедшимъ въ область нравственныхъ заблужденій, хотя житейское психологическое значеніе ея еще этимъ не уничтожается. Можно по-человѣчески жалѣть человѣка, который скрываетъ свою условно позорную тайну, чтобы не лишиться отношенія къ себѣ какъ къ равноправному члену своей среды. Но такой человѣкъ не можетъ быть изображенъ въ художественномъ произведеніи нашего времени какъ носитель внутренней правды; въ его пониманіи позора для насъ нѣтъ паѳоса, нѣтъ правды, дѣлающей его страданія неизбѣжными и трагическими. Тутъ-то и сказывается внутренняя несостоятельность Зудермана. Взявъ чисто бытовую тему, онъ хочетъ углубить ее до символическаго отраженія трагедіи личности и судьбы, но не можетъ при этомъ подняться выше житейскаго пессимизма, сѣтованій на людскую злобу и состраданія къ ея жертвамъ.

Какъ чисто психологическая драма, „Камень среди камней“ интересенъ благодаря нѣсколькимъ живо очерченнымъ фигурамъ и колоритному изображенію среды. Зудерманъ мастеръ сцены и съумѣлъ воспользоваться своимъ бытовымъ матеріаломъ. Драма, разыгрывающаяся въ домѣ и въ мастерской каменотеса Царнке, между его рабочими, должна представлять со сцены зрѣлище интересное хотя бы своими внѣшними эффектами. Психологія дѣйствующихъ лицъ тоже интересна своей жизненностью, своей характерностью для слѣпоты человѣческихъ страданій, безъисходныхъ только какъ слѣдствіе вѣкового рабства духа.

Драма, изображенная въ пьесѣ Зудермана, становится возможной благодаря нѣсколько фантастичной фигурѣ хозяина каменотесной мастерской. Онъ взятъ условно, нѣсколько сказочно, какъ воплоще-

ніе доброты, безплодной въ жизни, потому что она не исправляетъ порочныхъ и не помогаетъ невиннымъ. Царнке такъ любвеобиленъ, что измышляетъ всяческіе способы помочь людямъ. У него развилась особая слабость къ жертвамъ правосудія, къ сидѣвшимъ въ тюрьмахъ. Онъ знаетъ, что это самые жалкіе люди, и всей душой готовъ содѣйствовать тому, чтобы они воспряли духомъ, почувствовали себя равными другимъ. Царнке состоитъ въ сношеніяхъ съ благотворительнымъ обществомъ, которое заботится о выпущенныхъ на волю заключенныхъ, и онъ принимаетъ въ свою мастерскую работниковъ по рекомендаціи общества. При этомъ онъ старается, чтобы никто не зналъ о тюремномъ прошломъ новыхъ работниковъ, чтобы товарищи не попрекали ихъ тюрьмой. Его доброта, какъ всегда въ жизни, плохо вознаграждается; одинъ его протеже безсовѣстно его же обкрадываетъ. Онъ даетъ зарокъ никогда больше не покровительствовать преступникамъ, но не можетъ устоять, когда получаетъ опять письмо съ просьбой принять отпущеннаго на волю каторжника, нуждающагося въ работѣ и нравственной поддержкѣ. „Тутъ цѣлая судьба человѣка", говоритъ онъ, вертя въ рукахъ письмо, — и рѣшаетъ принять рекомендованнаго новаго рабочаго. Вакансія какъ разъ оказывается: наканунѣ случилась кража въ кладовыхъ. Царнке далъ знать полиціи, но раскаивается въ этомъ, такъ какъ увѣренъ, что воръ—его же протеже, котораго надолго запрячутъ въ тюрьму, какъ рецидивиста, если накроютъ на этотъ разъ. Царнке думаетъ только о томъ, какъ бы спасти вора, въ виновности котораго не будетъ сомнѣваться ни полиція, ни рабочіе въ мастерской. Вина въ происшедшей кражѣ падаетъ также и на ночного сторожа, который долженъ былъ охранять кладовую. Но сторожъ Эйхгольцъ прослужилъ уже тридцать лѣтъ на своемъ мѣстѣ; онъ старъ, глухъ и къ тому же сильно выпиваетъ; вмѣсто того, чтобы сторожить кладовыя, онъ спалъ на своей скамьѣ въ ночь, когда произошла кража. Царнке знаетъ, что старикъ негоденъ къ службѣ, и хочетъ его замѣстить, щадя, однако, его самолюбіе и сохраняя его содержаніе; и онъ только деликатно предлагаетъ ему отдыхать побольше. На его мѣсто онъ и думаетъ взять Биглера — человѣка, присланнаго благотворительнымъ обществомъ. Биглера принимаетъ въ отсутствіи самого Царнке его дочь, Марія, добрая дѣвушка, съ печальной душой: она калѣка и знаетъ, что должна отказаться отъ единственнаго счастья, которое считаетъ желаннымъ—отъ счастья любви и материнства. Свою жажду любви она старается удовлетворить привязанностью къ другимъ и содѣйствіемъ ихъ благополучію. Она дружна съ дочерью старика Эйхгольца, Лорой, и беретъ на себя всѣ попеченія о маленькой незаконной дочери ея.

Она также заступается за Лору передъ бросившимъ ее отцомъ маленькой Ленхенъ, талантливымъ, но безсовѣстнымъ въ житейскихъ отношеніяхъ, гранильщикомъ Гетлингомъ, и старается воздѣйствовать на него, чтобы заставить его жениться на Лорѣ. Она дѣйствуетъ черезъ отца, потому что сама внутренно не довѣряетъ искренности своихъ безкорыстныхъ попеченій о счастіи Лоры. Гетлингъ ей нравится, хотя она это старается скрыть отъ самой себя. Биглера она встрѣчаетъ радушно; но онъ такъ напуганъ, что когда она называетъ его по имени—онъ видитъ въ этомъ знакъ, что она знаетъ о его позорѣ. Вся затравленность Биглера сказывается въ его первомъ объясненіи съ хозяиномъ. Онъ не въ силахъ самъ назвать свое преступленіе и указываетъ Царнке на бумагу, по которой видно, что онъ былъ осужденъ за убійство. Преступленіе было совершено изъ-за женщины—онъ убилъ человѣка, съ которымъ она его обманывала, и за это претерпѣлъ долгое тюремное заключеніе. Это свое прошлое онъ считаетъ величайшимъ позоромъ, и несчастіе его—въ томъ, что, по выходѣ изъ тюрьмы, онъ не можетъ найти себѣ пристанища и работы: куда бы онъ ни поступилъ—черезъ нѣсколько дней узнаютъ, кто онъ, и выживаютъ его. Стыдъ не столько за совершонное имъ преступленіе, какъ за кару, представляющую безчестіе въ глазахъ толпы, и составляетъ этическую ложь, которая лежитъ въ основѣ драмы Зудермана. Биглеръ, будь у него свободная душа, не стыдился бы своей судьбы. Убійство подъ вліяніемъ страсти—тяжелое бремя на совѣсти; но отношеніе къ нему какъ къ позорной тайнѣ, которую нужно скрыть отъ другихъ, превращаетъ трагедію души въ мѣщанскую борьбу предразсудковъ, житейскихъ интересовъ, компромиссовъ съ обстоятельствами и т. д. Въ этомъ духѣ и разыгрывается драма съ того момента, какъ выступаетъ Биглеръ, дрожащій за свою тайну. Онъ объясняетъ Царнке, что всѣ его попытки пристроиться были до сихъ поръ неудачны, что онъ прожилъ всѣ деньги, скопленныя въ тюрьмѣ работой. Его послѣдняя надежда—на Царнке, къ которому его направило благотворительное общество. Ему къ тому же чрезвычайно хотѣлось поступить снова въ каменотесную мастерскую. Онъ былъ въ прежнее время искуснымъ гранильщикомъ, но съ тѣхъ поръ, какъ онъ камнемъ же въ мастерской убилъ своего соперника, онъ не смѣетъ мечтать о возвращеніи къ своей любимой работѣ. Онъ только хотѣлъ бы исполнять хоть черную работу при мастерской, такъ какъ въ этой должности онъ менѣе всего подвергается разспросамъ товарищей и можетъ легче скрыть свое прошлое.

Но ожиданія хозяина и самого Биглера не оправдываются. Рабочіе узнаютъ о томъ, кто такой Биглеръ, благодаря появленію полиціи для слѣдствія о совершонной кражѣ изъ кладовой. Хозяинъ

самъ не радъ, что сдѣлалъ заявленіе полиціи, и не знаетъ, какъ выгородить вора. А тотъ — циничный каторжникъ въ противоположность совѣстливому Биглеру — говоритъ нагло Царнке, что онъ самъ виноватъ, если его мучитъ совѣсть: зачѣмъ было доносить полиціи? До появленія полиціи воръ ведетъ себя вызывающимъ образомъ, разсказываетъ товарищамъ о своей жизни въ тюрьмѣ, какъ о чемъ-то почетномъ, о своей привилегіи надъ толпой. Хозяину, который убѣждаетъ его подготовить себѣ оправданіе къ приходу слѣдователя, онъ съ полнымъ цинизмомъ заявляетъ, что у него нѣтъ достаточно денегъ для подкупа лжесвидѣтелей, которые установили бы его alibi. Этотъ цинизмъ располагаетъ въ его пользу окружающихъ, и всѣ товарищи по мастерской относятся къ нему дружески, въ то время какъ молчаливый Биглеръ вызываетъ общую подозрительность. Чтобы все-таки спасти вора, которому предстояла бы долголѣтняя тюрьма въ случаѣ доказаннаго рецидива, Царнке рѣшается на нѣчто чрезвычайно рискованное. Онъ доказываетъ полиціи свое полное довѣріе къ подозрѣваемому вору тѣмъ, что при всѣхъ вручаетъ ему ключи отъ кладовой, гдѣ хранятся алмазы для шлифовки камней. Этотъ актъ довѣрія обезоруживаетъ полицію, и слѣдователь уходитъ взбѣшенный. Чтобы отомстить за насмѣшку надъ собой, онъ попрекаетъ Царнке тѣмъ, что онъ пріютилъ у себя убійцу. Онъ узналъ Биглера и выдаетъ его тайну. Несмотря на протесты Царнке, вѣсть о прошломъ Биглера разносится по мастерской, гдѣ у новаго ночного сторожа уже много враговъ. Къ нему относится со злобой смѣщенный имъ старикъ Эйхгольцъ, а также Гетлингъ, который чувствуетъ въ немъ талантливаго конкуррента; онъ всячески преслѣдуетъ его и старается унизить его. На сторонѣ Биглера только Лора—тоже жертва людской злобы и жестокости въ своихъ отношеніяхъ съ Гетлингомъ. Слова полицейскаго объ убійцѣ, скрытомъ у Царнке, сейчасъ же производятъ свое дѣйствіе. Биглера только что было приласкали товарищи, угостили его табакомъ; онъ растроганъ, готовъ даже повѣрить, что на этотъ разъ его не выживутъ. Но пока онъ ходилъ покупать сигары, чтобы угостить въ свою очередь товарищей, уже возникло подозрѣніе противъ него: никто не принимаетъ отъ него сигаръ, всѣ отворачиваются отъ него. Его мытарства начинаются съизнова.

Въ возникающей борьбѣ съ враждой товарищей у Биглера одна только союзница—Лора. Она убѣждаетъ его не сдаваться сразу, не подкрѣплять подозрѣній своимъ подавленнымъ видомъ, а напротивъ того, держаться смѣло, предупреждая всякія обвиненія. Ему хотѣлось бы, напротивъ того, сразу уйти, такъ какъ онъ знаетъ по опыту, что только этимъ, все равно, дѣло кончится; но Лора заставляетъ

его не чуждаться товарищей, а спокойно продолжать пить кофе, когда и другіе придутъ въ столовую. Биглеръ довѣряется Лорѣ и предсказываетъ ей, какъ разыграются отношенія товарищей къ нему, какъ его выживутъ изъ мастерской. Лора все-таки надѣется на благополучный исходъ для Биглера, находясь сама въ приподнятомъ душевномъ состояніи. Она надѣется, что Гетлингъ женится на ней послѣ его разговора съ Маріей. А между тѣмъ, этотъ разговоръ имѣетъ какъ разъ обратное дѣйствіе. Гетлингъ понялъ по обращенію Маріи, что онъ ей нравится, и съ полной наглостью рѣшилъ добиться ея руки—ея физическое уродство не останавливаетъ его,—чтобы сдѣлаться дѣйствительнымъ хозяиномъ мастерской, гдѣ онъ пока царитъ, благодаря своему нравственному престижу надъ товарищами. Изъ-за этого и выходитъ столкновеніе. Рабочіе начинаютъ дразнить Биглера намеками, какъ онъ и предполагалъ, и травля все болѣе усиливается, когда въ столовой появляется Гетлингъ. Онъ выступаетъ съ особенной самоувѣренностью, третируетъ Биглера съ полнымъ презрѣніемъ и прозрачно намекаетъ товарищамъ о своихъ шансахъ стать хозяиномъ въ домѣ. Это преисполняетъ мѣру терпѣнія Биглера. Онъ бросается на Гетлинга съ крикомъ „негодяй", говоритъ ему во всеуслышаніе о его нравственномъ долгѣ относительно Лоры и ея ребенка, поднимаетъ на него камень и открыто заявляетъ всѣмъ, что такимъ камнемъ онъ убилъ человѣка. Гетлингъ уступаетъ силѣ, пятится къ дверямъ и уходитъ съ угрозой мести обидчику.

Въ послѣднемъ актѣ пьесы разыгрывается исторія этой мести. Гетлингъ дѣлаетъ видъ, что примирился съ Лорой, и готовъ жениться на ней, а Марія признается отцу, что подавала надежды Гетлингу и что стыдится теперь своей слабости. Отецъ успокаиваетъ ее, говоря о необходимости страданій и разочарованій. Марія тоже—„камень между камнями": ея чувства затаптываются въ грязь какъ только она перестаетъ скрывать ихъ на днѣ души, какъ только ихъ касается пошлость жизни въ лицѣ грубаго карьериста Гетлинга. Она это понимаетъ, покоряется своей судьбѣ камня и вся уходитъ въ попеченія о судьбѣ Лоры. Но Гетлингъ приходитъ къ Лорѣ не для того, чтобы выполнить наконецъ свои обязательства, а для того, чтобы столковаться съ ея отцомъ о мести Биглеру. Они рѣшаютъ оба вмѣстѣ устроить искусственную катастрофу, слабо прикрѣпить на блокѣ огромную глыбу камня, такъ, чтобы во время ночного дозора камень непремѣнно упалъ на Биглера. Въ послѣднюю минуту, однако, месть предотвращается благодаря Лорѣ. Въ разговорѣ между нею и Биглеромъ выясняется, что Гетлингъ ей не милъ, такъ какъ она его вполнѣ поняла, и что она только не считаетъ себя вправѣ—изъ-за ребенка—отказать ему теперь. Она сознается въ этомъ Биглеру

и проситъ у него помощи. Биглеръ настроенъ крайне пессимистично, собирается уйти изъ мастерской на слѣдующее же утро, не дожидаясь, чтобы его прогнали. Но когда онъ узнаетъ отъ Лоры, что товарищи, напротивъ того, настаиваютъ, чтобы онъ остался, и, кромѣ того, заключаетъ изъ ея словъ, что онъ ей дороже Гетлинга, его чувства мѣняются, въ немъ снова просыпаются надежды на мирный трудъ и счастье. Лора, которая боится замысловъ Гетлинга, не отходитъ отъ Биглера, предлагаетъ ему совершать вмѣстѣ съ нимъ ночной дозоръ. Они идутъ вмѣстѣ мимо опаснаго мѣста—и камень срывается уже тогда, когда Биглеръ прошелъ мимо. Биглеръ спасенъ. Гетлингъ убѣгаетъ, а объ участіи старика въ заговорѣ Биглеръ и Лора молчатъ, чтобы не подводить его подъ бѣду. Они счастливы, что нашли другъ друга и перестали быть „камнями межъ камней", проснувшись для живого счастья любви. Таковъ благополучный конецъ пессимистической драмы Зудермана о людской злобѣ и ея жертвахъ.

II.

André Beaunier. Le Roi Tobol. Стр. 364. Paris, 1905 (Eug. Fasquelle, éditeur).

Андрэ Бонье—молодой французскій писатель, болѣе замѣтный своими критическими и публицистическими работами, чѣмъ беллетристическими произведеніями. Его книга „La Poésie Nouvelle" свидѣтельствуетъ о близости его къ идеаламъ символическаго искусства. „Notes sur la Russie" выдѣляются изъ обычной корреспондентской литературы интуитивнымъ пониманіемъ чуждой жизни и самобытностью сужденій. Въ послѣдніе годы Андрэ Бонье ведетъ обзоръ печати въ „Figaro".

Беллетристика Андрэ Бонье преимущественно сатирическая, отражающая такія злобы дня, какъ дѣло Дрейфуса и т. п. Новая его книга „Le Roi Tobol" въ томъ же родѣ. Она написана подъ непосредственнымъ вліяніемъ Анатоля Франса, въ его манерѣ, съ спокойнымъ сарказмомъ скептика, который принимаетъ все существующее какъ фактъ, отмѣчаетъ всю безысходность зла и уродства и покорствуетъ фактамъ. Идейный замыселъ книги тоже совершенно соотвѣтствуетъ философіи Анатоля Франса: это—признаніе правоты жизни вопреки всему, что́ возмущаетъ душу и умъ, вопреки всѣмъ непостижимымъ страданіямъ людей. Въ основѣ этой философской „акцептаціи" у Бонье, такъ же какъ и у его учителя, лежитъ не идеализмъ, не признаніе высшихъ оправданій жизни, что́ вносило бы паѳосъ въ его критику существующихъ нормъ жизни. Напротивъ

того, Андрэ Бонье—и этотъ упрекъ относится главнымъ образомъ къ его вдохновителю Франсу—исходитъ изъ одинаковаго отрицанія всѣхъ стремленій духа. Все одинаково признается правымъ, потому что истинно праваго нѣтъ нигдѣ и ни въ чемъ. Въ этомъ примирительномъ отношеніи къ жизни скрывается такимъ образомъ безнадежный пессимизмъ и отсутствіе идеаловъ, во имя которыхъ оправдывается одно и отвергается другое. Въ книгѣ Бонье идетъ поэтому огульное обличеніе всѣхъ сторонъ жизни; на ряду съ сатирой на шарлатанство католической церкви, на тупость и произволъ бюрократіи, идетъ вышучиваніе философовъ, науки и радикальныхъ политическихъ партій. Тонъ этой всеразрушающей сатиры—благодушно примирительный; она проповѣдуетъ, что все одинаково пріемлемо, такъ же какъ одинаково заслуживаетъ отрицанія. Единственное лицо, къ которому расположенъ авторъ, это—самъ герой, старый король Тоболь. Онъ полонъ слабостей, всяческихъ недостатковъ и пороковъ, но тѣмъ самымъ является воплощеніемъ человѣчества—слабаго, открытаго всѣмъ впечатлѣніямъ, наивно жаждущаго счастья и въ силу инстинкта жизни мирящагося со всѣмъ. Онъ придумываетъ всевозможные философіи и софизмы, призываетъ на помощь законы логики, или же, напротивъ того, довольствуется сентиментальными доводами тамъ, гдѣ логика безсильна,—все для того, чтобы оправдать въ себѣ любовь къ жизни, не ослабѣвающую вопреки разочарованіямъ и насмѣшкамъ, вопреки физическимъ и нравственнымъ страданіямъ. Таковъ и король Тоболь въ романѣ Бонье; онъ представленъ мудрымъ въ своей искренности и въ своемъ пренебреженіи къ показнымъ благамъ, къ прерогативамъ власти; онъ жаждетъ реальнаго благополучія, счастья, понимаемаго какъ земныя радости. Человѣчество, вопрошающее о счастьѣ и фатально мирящееся со всѣмъ, что противорѣчитъ счастью въ силу неизбѣжныхъ законовъ жизни,—таковъ замыселъ романа, воплощенный въ начинаніяхъ и судьбѣ короля Тоболя. Онъ очень напоминаетъ героевъ Анатоля Франса, его аббата Куаньяра, смиренно циничнаго апологета жизни, благороднаго профессора Бержере съ его примирительно пессимистической философіей, и другихъ. Въ художественномъ отношеніи „Король Тоболь“ уступаетъ, конечно, перламъ ироніи Франса, виртуозности его поэтическаго стиля въ философскихъ сказкахъ, его мощному захвату въ изображеніи комедій и трагедій жизни, какъ, напримѣръ, въ исторіи уличнаго торговца Кренкебиля. Но и романъ Бонье имѣетъ несомнѣнныя достоинства; въ немъ много удачныхъ сатирическихъ сценъ, мѣткихъ сопоставленій, яркихъ каррикатуръ. Чисто поэтическій элементъ, описаніе просыпающихся чувствъ невиннаго юноши, постепенное пріобщеніе его къ жизни, и страницы, посвященныя молодой

любви, впечатлѣніямъ природы,—гораздо слабѣе; въ нихъ слишкомъ много сентиментальности. Но такова судьба сатириковъ. Они часто теряютъ всякую остроту стиля, когда переходятъ въ идиллическій тонъ.

Идейное содержаніе книги Бонье сводится къ вопросу о счастьѣ. Въ чемъ оно, и какъ его достичь, уничтоживъ всѣ тормазы и препятствія на пути,—вотъ задача, которой задается король Тоболь, испытавъ превратности въ личной судьбѣ. Ему измѣнила его молодая жена и убѣжала съ красивымъ капитаномъ гвардіи. Король уже старъ, и конечно поступилъ опрометчиво, соблазнившись хорошенькимъ личикомъ молодой графини и возведя ее на королевскій престолъ. Но онъ разрѣшилъ себѣ этотъ капризъ сердца и вначалѣ испыталъ краткую пору счастья, достигнувшаго апогея, когда родился наслѣдникъ престола. Это и было, однако, началомъ несчастій короля. Едва оправившись послѣ рожденія сына, маленькая королева исчезла вмѣстѣ со своимъ возлюбленнымъ. Подъ вліяніемъ острыхъ страданій, тоски объ утраченной любимой женщинѣ, чувства горькой обиды отъ измѣны и томительнаго чувства одиночества, у короля Тоболя и развивается его философія: она состоитъ въ признаніи цѣлью жизни—земного счастья. Прежде чѣмъ придти къ своему неоэпикурейству на почвѣ скептицизма совершенно по формулѣ Анатоля Франса—король ищетъ утѣшеній на старыхъ путяхъ. Побѣгъ королевы сопряженъ для короля съ еще однимъ тяжкимъ разочарованіемъ, заставивъ его сильно сомнѣваться въ отцовскихъ правахъ на родившагося наслѣдника. Король ищетъ сначала средства примириться со всѣмъ случившимся, т.-е. идетъ по пути отрицанія счастья какъ цѣли жизни, по пути, ведущему къ смиренію и урѣзыванію потребностей ради душевнаго спокойствія. Онъ призываетъ къ себѣ придворнаго капеллана и требуетъ отъ него убѣдительныхъ утѣшеній. Капелланъ совѣтуетъ ему искать опоры въ законѣ, помнить, что по римскому праву pater est, quem nuptiae demonstrant, и признать сына своимъ. Эта готовая формула кажется королю удобной, какъ избавленіе отъ индивидуальной психологіи съ ея жаждой дѣйствительной, а не формальной правды, и онъ рѣшаетъ подчиниться закону. По закону сынъ королевы тѣмъ самымъ сынъ короля—таковымъ онъ и будетъ. Утилитарность законовъ и несоразмѣримость ихъ цѣлей съ истиной, какъ цѣлью душевныхъ исканій, тонко намѣчена въ этомъ рѣшеніи короля относительно ребенка. Но духовнаго утѣшенія капелланъ не можетъ дать королю, который не поддается его неопредѣленнымъ обѣщаніямъ награды въ будущей жизни. Онъ видитъ въ увѣщаніяхъ священника банкротство человѣческихъ надеждъ и не мирится съ этимъ. Прогнавъ духовника и

оставшись наединѣ, король задумывается надъ своей жизнью и приходитъ къ убѣжденію, что вся она прошла даромъ только потому, что онъ ставилъ долгъ выше наслажденія. Занятый государственными дѣлами, идя войной на врага, онъ работалъ безъ устали, откладывая радости жизни на будущее время. Онъ думалъ, что не слѣдуетъ торопиться быть счастливымъ, а сдѣлать сначала дѣло, чтобы лучше насладиться досугомъ. А тѣмъ временемъ онъ состарился и счастье стало невозможнымъ. Онъ согрѣшилъ передъ своимъ счастьемъ и теперь горько раскаивается. Вспомнивъ обѣщанія капеллана, говорившаго о вознагражденіи на томъ свѣтѣ, онъ громко произноситъ: отказываюсь! Онъ понялъ, что цѣль жизни—осязательное земное счастье, и отнынѣ посвящаетъ свою жизнь осуществленію счастья на землѣ. Исполнить это относительно всего человѣчества невозможно, но для того, чтобы провѣрить свой идеалъ счастья, ему достаточно осчастливить одно существо—своего сына, т.-е. ребенка, котораго онъ рѣшилъ признать сыномъ на основаніи римской формулы. Въ ней есть какая-то достовѣрность, и потому онъ принимаетъ ее. Онъ рѣшаетъ, что сынъ его, которому онъ даетъ эмблематическое имя Эйдемона (счастливаго), будетъ счастливъ благодаря его стараніямъ. Это и послужитъ изобличеніемъ въ обманѣ пессимиста-духовника, который сулитъ загробныя блага въ виду недостижимости блаженства на землѣ. Осуществленіе счастья—весь смыслъ жизни, и откладывать ее на проблематичную иную жизнь—безуміе и шарлатанство. Король надѣется доказать это, искусственно устроивъ своему сыну безоблачно счастливую жизнь, которая станетъ образцомъ выполненія человѣкомъ своего назначенія.

Шаги, которые предпринимаетъ король Тоболь для того, чтобы изслѣдовать сущность счастья и выискать способы осуществить его, даютъ автору обильный матеріалъ для рѣзкихъ насмѣшекъ надъ „благодѣтелями человѣчества“ въ разныхъ областяхъ. Очень зло изображена сцена съ философами, которыхъ призываетъ король Тоболь для опроса о счастьѣ и о способахъ его достиженія. Споры философовъ между собой слишкомъ напоминаютъ, однако, мольеровскихъ философовъ и выдержаны въ тонѣ фарса, нарушающемъ жизненность сатиры, но преобладаніе діалектики надъ идейной содержательностью у доктринеровъ передано очень остроумно и колоритно. Король въ ужасѣ узнаетъ отъ своего министра, что двадцать философовъ, субсидируемыхъ правительствомъ, проповѣдуютъ каждый свое ученіе и враждуютъ между собой. Несмотря на то, что этимъ мыслителямъ выплачивается до двухъ милліоновъ пенсіи, нельзя знать, правъ ли хоть одинъ. Это кажется королю возмутительнымъ.

Даже два пессимиста, которыхъ называетъ министръ, тоже принципіально расходятся, такъ какъ одинъ требуетъ уничтоженія рода людского черезъ посредство динамита, а другой стоитъ за проповѣдь цѣломудрія съ той же разрушительной цѣлью. Король отказывается опрашивать пессимистовъ. Онъ призываетъ черезъ министра троихъ философовъ оптимистовъ, изъ которыхъ одинъ—теоретикъ счастья, другой—наслажденія, а третій нашелъ возможность объединить ихъ ученія. Но и они разочаровываютъ короля своей мрачностью. Проповѣдникъ счастья доказываетъ, что оптимистъ въ силу своихъ принциповъ долженъ быть угрюмѣе пессимиста, потому что, считая счастье возможнымъ, онъ тѣмъ больше страдаетъ отъ отсутствія его въ жизни; пессимистъ же, не ожидающій ничего хорошаго, благодаренъ судьбѣ за всякую пріятность. Проповѣдникъ удовольствія тоже имѣетъ страдальческій видъ: онъ учитъ, что путь къ наслажденію ведетъ черезъ мученичество, потому что на его фонѣ малѣйшая пріятность кажется блаженствомъ. А третій философъ, будто бы объединяющій другихъ, на самомъ дѣлѣ составилъ себѣ ученіе изъ отрицаній философовъ разныхъ школъ, находя, что всѣ ученія правы въ своихъ отрицаніяхъ; но ничего положительнаго онъ не даетъ. Король выгоняетъ философовъ и уничтожаетъ разъ навсегда выдаваемыя имъ пенсіи. Разочаровавшись въ исканіяхъ мысли, король рѣшаетъ обратиться къ народу съ вопросомъ: „въ чемъ счастье?“. Герольды читаютъ на улицахъ его воззваніе и обѣщаніе сокровищъ тому, кто укажетъ вѣрный путь къ счастью. Но тутъ-то короля ждетъ второе разочарованіе. Онъ считалъ свой народъ счастливымъ, а его вопросъ показался всѣмъ оскорбительнымъ; революціонная партія устраиваетъ, въ отвѣтъ на запросъ короля, символическія процессіи, изображающія страданія народа отъ холода, голода и страха. Король ходитъ переодѣтый по городу и убѣждается самъ въ правотѣ жалобъ народа. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ понимаетъ, что при всемъ желаніи онъ не могъ бы осуществить свой идеалъ счастья въ примѣненіи ко всему человѣчеству. Онъ убѣждаетъ себя въ этомъ даже ссылкою на Библію, на то, что Богъ сдѣлалъ счастливымъ только перваго человѣка; когда же Адаму и Евѣ данъ былъ завѣтъ множиться, Богъ отказался отъ дальнѣйшихъ заботъ и предоставилъ потомкамъ первой пары трудиться въ потѣ лица. Такъ король Тоболь приходитъ къ индивидуалистической концепціи счастья. Для него самое важное—осуществить счастье, и онъ тѣмъ болѣе укрѣпляется въ своемъ рѣшеніи посвятить всѣ силы счастью Эйдемона. Питая добрыя чувства къ народу, онъ хочетъ по возможности помочь и ему—и выбираетъ, казалось бы, вѣр-

ное средство, ставя во главѣ управленія страной анархиста-демагога, который и велъ главнымъ образомъ кампанію противъ него. Исторія превращенія анархиста въ очень деспотичнаго правителя подъ вліяніемъ выгодъ, сопряженныхъ съ властью, изображена въ романѣ очень зло, забавно, но несправедливо по своей карикатурности; защитники народнаго дѣла едва ли бываютъ похожи на анархиста Фугаса, изображеннаго у Бонье.

Экспериментъ созданія искусственнаго счастья изображенъ въ исторіи дѣтства Эйдемона. Король Тоболь устраиваетъ ему вдали отъ города „дворецъ радостей", откуда удалено все, что можетъ напомнить о страданіяхъ, о разрушительномъ дѣйствіи времени, о смерти и о безконечности пространства, рождающихъ тоску. Ребенокъ не видитъ неба, знаетъ только сады своего дворца и выростаетъ въ этомъ своеобразномъ Ватиканѣ, видя вокругъ себя только красоту. Чтобы не напоминать ему о смерти, въ саду уничтожаютъ всѣ вянущіе цвѣты, а старикъ отецъ рѣшается навсегда не видѣться съ сыномъ, чтобы не показать ему пугающей маску старости. У мальчика возникаютъ вопросы о причинахъ видимаго имъ міра, но его успокаиваютъ религіозными поученіями, имѣя въ виду только пользу, а не истину. Смыслъ книги Бонье заключается, однако, въ томъ, чтобы развѣнчать это зданіе искусственнаго счастья и противопоставить ему дѣйствительное, добытое путемъ страданія. Эйдемонъ познаетъ любовь сначала только въ видѣ влеченія къ нѣсколькимъ красивымъ дѣвушкамъ, введеннымъ въ его дворецъ предусмотрительнымъ отцомъ. Но потомъ одну изъ этихъ дѣвушекъ онъ начинаетъ любить исключительной любовью, и она открываетъ ему правду жизни, лежащую за предѣлами его искусственнаго рая. Онъ бѣжитъ съ ней, испытываетъ много лишеній и непривычныхъ страданій, знакомится со страшными язвами жизни: старостью, болѣзнью и смертью, и приходитъ въ отчаяніе. Это разсказано въ книгѣ Бонье совершенно по легендѣ о Буддѣ, являясь прямымъ литературнымъ подражаніемъ. Эйдемонъ возвращается на родину со своей возлюбленной и попадаетъ въ моментъ революціи противъ короля Тоболя; увидавъ вышедшаго къ народу старика, онъ самъ кричитъ „долой его", не подозрѣвая, что это его отецъ, и считая преступленіемъ его старое лицо. Въ концѣ концовъ отецъ и сынъ снова видятся, потому что Эйдемонъ возвращается въ свой дворецъ, превратившійся тѣмъ временемъ изъ дворца радостей въ жилище скорби; тамъ поселился старикъ-король, отказавшись отъ престола. Тамъ, передъ смертью, король Тоболь даетъ послѣдній урокъ сыну, говоритъ ему о превратностяхъ жизни и о томъ, что, вопреки имъ, счастье жизни

велико. Онъ увѣренъ, что Эйдемонъ самъ это почувствуетъ и вернется къ жизни послѣ минутнаго отчаянія, потому что никакой опытъ стариковъ не разочаровываетъ молодости, потому что всѣ пророки нирваны никогда не убѣждали человѣчества. И дѣйствительно, когда король умираетъ, Эйдемонъ глядитъ на корабль, стоящій у пристани, и ясно чувствуетъ, что скоро уѣдетъ на немъ вдаль.

Этой апологіей жизни на фонѣ пессимизма и заканчивается романъ Бонье. Въ немъ очень много заимствованнаго какъ изъ философіи Франса, такъ и изъ обычныхъ представленій о буддизмѣ и изъ легенды о Сакья-Муни. Но все это возсоздано очень литературно, и самый сарказмъ Бонье—подробности въ разработкѣ сюжета—самобытенъ и талантливъ.—З. В.

ИЗЪ ОБЩЕСТВЕННОЙ ХРОНИКИ.

1 ноября 1905.

Подъ первыми впечатлѣніями манифеста 17-го октября.—Забастовки.—Митинги.—Какъ назвать забастовочные дни: преддверіе революціи или революція въ настоящемъ?—Опасная сторона политическихъ забастовокъ въ интересахъ освободительнаго движенія.—Что означаютъ погромы черной сотни?—Новыя задачи общества и печати.—Сорокалѣтіе дѣятельности А. Ѳ. Кони.—М. И. Драгомировъ †.

Манифестъ о дарованіи населенію незыблемыхъ основъ гражданской свободы, о расширеніи избирательныхъ правъ и объ обращеніи Государственной Думы въ представительное учрежденіе конституціоннаго типа—сталъ извѣстенъ въ Петербургѣ вечеромъ 17-го октября, часа черезъ три послѣ подписанія. Едва ли не первымъ общественнымъ собраніемъ, гдѣ онъ былъ прочитанъ, явилось засѣданіе представителей ежедневной и еженедѣльной политической прессы. Засѣданіе происходило въ редакціи „Слова“. Собрались для окончательнаго установленія единства дѣйствій въ цѣляхъ фактическаго достиженія, если не свободы печати, то освобожденія отъ административно-цензурныхъ путъ. Уже при входѣ всѣмъ сообщалось, что сейчасъ будетъ привезенъ оффиціальный текстъ манифеста. Въ томительномъ ожиданіи прошло около получаса. Наконецъ, манифестъ привезли. Мигомъ онъ былъ прочтенъ.

Послѣ ужаснаго нервнаго напряженія забастовочныхъ дней, у всѣхъ присутствующихъ вырвался вздохъ облегченія. Гражданская свобода въ Россіи и конституціонное правленіе—отнынѣ фактъ. Да, было отчего придти въ повышенное настроеніе! Достигнуто давно жданное, давно желанное. Достигнуто необходимое. Достигнуто то, что одно можетъ спасти страну, доведенную пережившимъ себя режимомъ до исторической пропасти. И характерно: особенно бурно выражали радостныя чувства представители тѣхъ органовъ, которые до послѣднихъ дней отстаивали принципъ абсолютизма и совѣщательное представительство. Не для упрека имъ мы это отмѣчаемъ. Ихъ первое впечатлѣніе о манифестѣ намъ важно, какъ показатель неизмѣримо болѣе широкаго проникновенія въ общество идеаловъ истинной обезпеченной гражданской свободы, нежели это отражала на себѣ придавленная цензурою печать.

Представители радикальныхъ органовъ были гораздо сдержаннѣе. Прошлое—и отдаленное, и недавнее—сдѣлало ихъ крайними скептиками. Оно разучило ихъ вѣрить словамъ, хотя бы слова заключали

въ себѣ торжественное признаніе дорогихъ имъ началъ. Начала эти они выстрадали долгой, неравной борьбой недоговоренной и намѣренно затемненной мысли съ грубой силой запрещеній и каръ. Въ первую минуту естественно было усомниться. Раздались голоса: не рано ли радоваться, надо вчитаться въ текстъ манифеста, надо подождать, что̀ скажутъ не слова, а дѣйствія принявшаго новый курсъ правительства.

На вопросъ: какъ отнестись къ манифесту?—всѣ единодушно рѣшили настойчиво требовать въ первомъ же нумерѣ газетъ амнистіи для пострадавшихъ во имя идей, ставшихъ основой государственнаго строя. Дѣйствительно, манифестъ съ логической неизбѣжностью наводилъ мысль на амнистію. Болѣе чѣмъ странно оставлять въ тюрьмахъ, послѣ признанія религіозной и гражданской свободы и послѣ дарованія населенію права участія въ законодательной власти, тѣхъ, чьи поступки и дѣйствія манифестъ обратилъ изъ политическихъ преступленій въ политическій долгъ—поскольку всякое публичное право составляетъ обязанность. Столь же единодушно представители печати рѣшили принять всѣ мѣры къ тому, чтобы наборщики прекратили забастовку, и чтобы на утро газеты могли выйти.

Ночью главныя улицы Петербурга представляли необычное зрѣлище. На полуосвѣщенномъ Невскомъ проспектѣ, съ фонарями, горящими черезъ одинъ, черезъ два или черезъ пять, то тамъ, то тутъ попадались кучки людей, тѣснымъ кольцомъ охватившихъ читающаго рукопись или печатный оттискъ. Проходили небольшія группы манифестантовъ. Раздавалось „ура". Вмѣстѣ со студентами и рабочими внимательно слушали чтеніе солдаты и городовые. Извозчики спрашивали: „что̀ случилось?"—и когда имъ отвѣчали: „объявлена конституція", то оказывалось, что этотъ запретный еще наканунѣ терминъ для нихъ не требуетъ поясненія.

Убѣдить наборщиковъ немедленно приступить къ работѣ издателямъ, редакторамъ и сотрудникамъ газетъ не удалось. Наборщики твердо стояли на томъ, что безъ дозволенія стачечнаго комитета они начать работу не могутъ. Представители же комитета категорично заявили, что они должны предварительно обсудить создавшееся положеніе. Газеты 18-го октября не вышли.

Несмотря на это, къ полудню уже весь городъ зналъ о манифестѣ, который съ ранняго утра былъ расклеенъ на углахъ улицъ. Дома украсились флагами. Двери университета вновь раскрылись, и тысячи людей заполнили актовый залъ и аудиторіи. Прерванные на два дня митинги возобновились. Въ четыре часа вся площадь передъ Казанскимъ соборомъ была сплошь усѣяна народомъ. Глазу, привыкшему видѣть, что едва появится на улицѣ два-три десятка людей съ крас-

нымъ флагомъ,—на нихъ въ ту же минуту бросается пѣшая и конная полиція, было дико смотрѣть на сотни не флаговъ, а знаменъ ярко-краснаго цвѣта съ „преступными“ надписями. Сознаніе отказывалось вѣрить въ реальность картины, которая наканунѣ была абсолютно невозможна. Не вѣрилось, видимо, и самимъ демонстрантамъ. Чувствовалось, что они пришли, принесли такую массу флаговъ и говорятъ рѣчи именно для того, чтобы убѣдиться въ своемъ правѣ собираться и открыто обнаруживать свои политическія симпатіи и убѣжденія. Такъ выпущенный изъ тюрьмы не вѣритъ своей свободѣ и ходитъ безъ цѣли, безъ надобности, дабы испытать и убѣдиться, что онъ дѣйствительно свободенъ. Мысль и слова русскаго обывателя и его влеченіе къ общенію съ себѣ подобными вѣка томились за тюремной стѣной. Наконецъ-то стѣна рухнула. Наконецъ-то разсѣялся миражъ, изъ-за котораго людей давили и мучили...

На Невскомъ войска отсутствовали, полиція не вмѣшивалась, и грандіозная первая манифестація прошла безъ жертвъ. Но на Гороховой, Загородномъ и въ другихъ мѣстахъ попрежнему били, рубили и стрѣляли. Опять была кровь. Опять были раненые, убитые...

Въ Москвѣ всеобщая забастовка немедленно по опубликованіи манифеста стала прекращаться. Въ Петербургѣ же она продолжалась до 24 октября. Такъ же точно и повсемѣстная забастовка желѣзныхъ дорогъ еще затянулась на нѣсколько дней.

Забастовка, подобная той, которую мы пережили, представляетъ собою несомнѣнно явленіе новое не только для Россіи, но и для Европы. Никакихъ экономическихъ требованій забастовавшіе рабочіе не предъявляли—это первая ея характерная черта. Она охватила всѣ отрасли промышленности, значительную часть формъ приложенія интеллигентнаго труда и стала даже захватывать нѣкоторыя области правительственной дѣятельности—это вторая черта, не менѣе характерная. Не преслѣдуя никакихъ непосредственныхъ цѣлей и исключительно въ интересахъ отдаленнаго будущаго, тысячи людей обрекали себя и свои семьи на голодъ и дѣйствительно голодали. Вмѣстѣ съ рабочими фабрикъ и заводовъ бастовали ремесленники, газеты, аптеки, желѣзнодорожные служащіе, адвокаты, мировые судьи, чиновники государственнаго банка, педагоги и гимназисты, и, какъ говорили, цѣлые департаменты. Почтовыя сношенія прекратились, товарный обмѣнъ и личное передвиженіе—также, электричество не дѣйствовало, учащіеся не ходили въ школу и т. д., и т. д. Казалось, что вотъ-вотъ совершится невѣроятное: остановится общественная жизнь, люди лишатся взаимныхъ услугъ и окажутся всѣ въ положеніи

Робинзона. Невѣроятное, конечно, наступить не могло, но частичная остановка произошла, біеніе пульса общественной жизни замедлилось.

Еще характерная черта: забастовочные дни протекали совершенно мирно. Если и были эксцессы со стороны забастовщиковъ, то только въ отдѣльныхъ, исключительныхъ случаяхъ. Это дѣлаетъ честь организаціонной сторонѣ дѣла. Но относить мирное теченіе забастовки полностью на счетъ умѣлой и правильно поставленной организаціи было бы ошибочно. Нервное настроеніе массъ не было лишено исхода—и въ этомъ главная причина. Исходъ давали безчисленныя засѣданія, собранія и митинги, привлекавшіе къ себѣ, въ значительной мѣрѣ ихъ новизною, сотни тысячъ людей. Въ одномъ университетѣ каждый день собиралось болѣе десяти тысячъ человѣкъ, и число приходившихъ все росло и росло. Головы людей были заняты, вниманіе приковано. Идти на митингъ—было дѣломъ, заполнявшимъ пустоту свободнаго времени. И какихъ только не было митинговъ! Въ одинъ и тотъ же вечеръ, помнимъ, въ университетѣ происходили собранія: общедоступное соціалъ-демократическое, желѣзнодорожныхъ служащихъ, часовщиковъ, чиновниковъ, зубныхъ врачей, педагоговъ, воспитанниковъ среднихъ учебныхъ заведеній, предполагалось даже собраніе городовыхъ... Опасеніе вызывало неудержимое стремленіе къ собраніямъ и митингамъ. Страшила возможность случайной вспышки инстинктовъ толпы, всегда сопровождаемой паникой и катастрофой.

Какъ назвать забастовочные дни? Что̀ это было: преддверіе революціи или революція въ настоящемъ? По нашему мнѣнію, революція въ полномъ смыслѣ слова. Она не готовилась только, а была.

Идейная революція существуетъ въ Россіи уже цѣлый годъ. Ея показатель—безудержность развитія общественной мысли и безраздѣльное господство яркихъ идей. Сегодня впервые высказанная, та или другая яркая идея завтра дѣлается общимъ достояніемъ и требованіемъ, а еще черезъ два-три дня она уже трактуется какъ нѣчто абсолютно вѣрное, легко и просто осуществимое и необходимое. Такъ было съ теоріей всеобщаго, прямого, равнаго и тайнаго избирательнаго права, съ восьмичасовымъ рабочимъ днемъ, съ политической равноправностью женщинъ, съ переходомъ отъ автономіи окраинъ къ автономіи провинціальной вообще и еще далѣе—къ федеративному расчлененію всего государства. Такъ происходитъ въ нынѣшнюю минуту съ идеей образованія народной милиціи, при условіи немедленнаго упраздненія полиціи, увода войскъ изъ большихъ городовъ и раздачи оружія населенію. Какъ можно влить идеалъ въ данныя условія времени и пространства, насколько возможно сочетать предлагаемое съ остающимся сейчасъ безъ измѣненія, насколько фактическій результатъ можетъ оказаться обратнымъ ожидаемому—все это

объявляется подробностью, мелочью, на всестороннюю оцѣнку которой не стоитъ тратить ни труда, ни времени.

При такомъ настроеніи общественной мысли, съ одной стороны, и при стремленіи органовъ власти сохранить изжитое старое во что бы то ни стало, то неумѣло прикрывавшемся готовностью идти на уступки, то обнаруживавшемся во всей наготѣ прежнихъ пріемовъ—съ другой, естественно было задумываться надъ вопросомъ: въ какихъ формахъ революціонная мысль проявитъ себя въ дѣйствіи? Невольно приходило въ голову, что повтореніе событій конца XVIII и первой половины IX вв. немыслимо. Тогда оружіе было технически просто и несовершенно. Тогда десять гражданъ съ ружьями представляли силу, равную если не десяти, то ужъ навѣрное пяти солдатъ. Тогда въ распоряженіи правительства были только тысячи штыковъ. Теперь—ихъ милліоны. Теперь сто солдатъ сильнѣе многихъ тысячъ гражданъ, хотя бы вооруженныхъ. Теперь мало взять въ руки ружье—надо выучиться имъ дѣйствовать. Теперь никакія баррикады не укроютъ отъ пулемета и шрапнели. Теперь безразсудно вступать въ бой съ войсками. Техника, правда, дала въ руки революціонному движенію иное разрушительное средство—бомбы, террористическая сила которыхъ несомнѣнно громадна. Но мысль не допускала, что бросать бомбы станетъ масса, толпа, всегда ищущая открытыхъ способовъ дѣйствія. Бомба, бросаемая незамѣтно, въ опредѣленное лицо, есть средство убійства, въ этическомъ смыслѣ понятія, а не вооруженной борьбы, при которой убійство, составляя неизбѣжный, но нежелательный и печальный результатъ, никогда не является цѣлью.

Баррикады, ружья и бомбы замѣнила политическая забастовка. Ея внѣшняя пассивность отняла отъ правительства возможность активнаго противодѣйствія и вырвала у него изъ подъ ногъ почву, на которой оно стояло незыблемо твердо. Противъ ружей оно поставило бы тоже ружья, неизмѣримо сильнѣйшія. Противъ бомбъ—висѣлицу и тюрьму. Но противъ отказа работать поставить нечего. Нельзя усмирять того, кто не нарушаетъ порядка. Отсутствіе актовъ физическаго насилія—вотъ въ чемъ могущество впервые нами пережитой формы революціи. Союзникомъ власти при ней является голодъ. Но ждать, когда въ человѣкѣ заговоритъ голодный звѣрь—какая власть на это рѣшится?

Нельзя во время революціи писать ея исторію. Представляли ли собою октябрьскіе дни общей политической забастовки послѣдній фазисъ движенія, перешедшаго въ дѣйствіе, или только первый—вопросъ открытый. Равнымъ образомъ, лишь въ будущемъ возможно всестороннее освѣщеніе значенія этой новой революціонной формы. Пока

что, можно констатировать одно: при извѣстномъ настроеніи общества, забастовка является могущественнымъ орудіемъ воздѣйствія на правительство. Но вмѣстѣ съ тѣмъ можно догадываться, что она есть орудіе обоюдоострое и заключаетъ въ себѣ элементы, для самого общественнаго движенія чрезвычайно опасные.

На кого падаетъ расплата за забастовку? Прежде всего, конечно, на самихъ бастующихъ рабочихъ—людей дневного заработка. Сбереженій и запасовъ они не имѣютъ, а ѣсть, кормить семью и платить за квартиру надо. Нужда для нихъ наступаетъ непосредственно, они неизбѣжно входятъ въ долги и проѣдаютъ скромный инвентарь—одежду, инструменты и проч., надолго разстраивая тѣмъ свое экономическое положеніе. Люди эти, однако, отказываются работать сознательно, цѣль приносимой жертвы имъ понятна, они совершаютъ подвигъ, и психическій подъемъ духа даетъ имъ силы переносить лишенія. Затѣмъ, непосредственно же расплачиваются за забастовку хозяева предпріятій и другіе состоятельные классы забастовавшихъ центровъ. Первые терпятъ убытки. Вторые испытываютъ разнообразныя неудобства въ удовлетвореніи потребностей. Но ни тѣ, ни другіе, въ общемъ правилѣ, до полнаго разоренія не доходятъ. Къ тому же, эти классы населенія, опять-таки въ общемъ правилѣ, не стоятъ въ сторонѣ отъ движенія, а тѣ, кто принципіально его отрицаютъ, вообще мало склонны къ бурному выраженію протеста.

Остаются—въ городахъ—чернорабочіе и, наконецъ, деревенскія массы. Изъ чернорабочихъ, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ, каменщики, мостовщики, разгрузчики барокъ, дворники и т. п. работъ не прерывали. Забастовка, слѣдовательно, коснулась ихъ не какъ людей труда, а какъ обывателей города. Но другія категоріи чернорабочихъ—ломовые извозчики и вообще всѣ, обслуживающіе своимъ трудомъ желѣзнодорожныя станціи, пригонъ и убой скота, и т. д., и т. д.,—оказались помимо воли безъ работы. Забастовка естественно должна была вызывать въ нихъ чувство озлобленія противъ прямыхъ виновниковъ искусственной безработицы. Идейная сторона политической забастовки имъ мало понятна. По своему культурному уровню они не могутъ отличать слѣдствія отъ причины и всегда готовы реагировать на видимое и реально ощутимое слѣдствіе.

Культурный уровень крестьянъ еще ниже. Деревня живетъ исключительно сегодняшнимъ днемъ. Жертвовать полуголоднымъ „сегодня“ во имя лучшаго „завтра“ крестьянство абсолютно не можетъ. Оно болѣзненно ждетъ и желаетъ скорѣйшаго наступленія этого „завтра“, но жертвовать рѣшительно ничѣмъ не въ состояніи. Крестьянству нечѣмъ жертвовать. А между тѣмъ расплачиваться за забастовку пришлось и ему, и расплачиваться жестоко, какъ разъ въ тотъ мо-

ментъ, когда деревня особенно нуждается въ приливѣ денегъ. Осень— и именно октябрь—время взноса платежей, призыва новобранцевъ и свадебъ. Въ октябрѣ деревня везетъ въ городъ хлѣбъ, ленъ, сѣно, картофель—продукты годового труда. Продать необходимо во что бы то ни стало—гулянье призывныхъ и свадебныя угощенія, въ глазахъ крестьянъ, обычаи ненарушимые и расходы на нихъ безотлагательны. Цѣна же вдругъ упала. Товарный обмѣнъ остановился и стоившее недѣлю назадъ рубль отдается за четвертакъ.

А въ мѣстностяхъ, охваченныхъ неурожаемъ? Тамъ какъ разъ наоборотъ, но опять-таки за счетъ мужика. Въ дни желѣзнодорожной забастовки онъ продавалъ во много разъ дешевле, покупалъ — во много разъ дороже. Было бы странно, если бы въ его головѣ не всталъ роковой вопросъ: изъ-за кого онъ не дополучилъ и изъ-за кого переплатилъ, кто взялъ у него, полуголоднаго, рубль? И нельзя надѣяться, чтобы онъ для отвѣта раскрылъ внутреннюю причину явленія и обнаружилъ реакцію на нее, а не на самое явленіе въ его фактическомъ выраженіи... Движеніе уже и раньше тяжело было переносить крестьянству: за послѣдній годъ сократился итогъ заработка городскихъ рабочихъ, которыхъ крестьяне ни на минуту не перестаютъ считать ушедшими изъ деревни на время, дабы поддерживать „домъ“.

Мы отъ всей души желали бы ошибаться. Но опасенія, что октябрьская забастовка создала, частью въ городахъ, главнымъ же образомъ въ деревнѣ, условія, при которыхъ можетъ замедлиться конечное торжество свободы, права и мирнаго труда,—насъ неотступно преслѣдуютъ.

„Черная сотня“ поднялась. На югѣ еврейскіе погромы, въ Твери чернь въ теченіе четырехъ часовъ осаждала земскую управу, подожгла зданіе и избила служащихъ, въ Томскѣ сотни людей погибли въ огнѣ, въ Москвѣ, въ Уфѣ, въ Харьковѣ, въ Минскѣ бьютъ, убиваютъ, топятъ въ водѣ. Въ саратовской губ. опять громятъ помѣщичьи усадьбы...

Что это? Неужели начало ужасовъ пугачевщины? Газеты настойчиво утверждаютъ, что всѣ погромы и возмутительныя насилія—дѣло рукъ черныхъ сотенъ, организованныхъ и поддерживаемыхъ администраціей. Факты, только теперь получившіе возможность быть оглашенными, дѣйствительно показываютъ, что были и циркуляры центральной власти, призывавшіе укрѣплять въ народѣ вѣрность старому режиму, что были и поученія съ церковныхъ каѳедръ, что низшіе агенты полиціи не гнушаются раздавать полтинники, что при возстановленіи порядка усмирители иной разъ переходятъ въ враждующую сторону. Противъ фактовъ не споримъ. Допускаемъ даже, что вездѣ

успѣхъ образованія и дѣйствій черныхъ сотенъ обезпечивается полиціей. Остается, все-таки, сомнѣніе: вслѣдствіе чего черныя сотни появились, нѣтъ ли болѣе глубокой причины? Мы скажемъ: дай Богъ, чтобы вся насильственная реакція противъ освободительнаго движенія была дѣломъ рукъ полиціи. Мѣстная администрація и полиція, во всякомъ случаѣ, подлежатъ воздѣйствію. Смѣнилось министерство, въ управленіе вступятъ лица, которыя поставятъ на своемъ знамени: „гражданская свобода и правовой порядокъ"— и нѣсколько энергичныхъ мѣръ—увольненій, преданія суду—быстро измѣнятъ направленіе полицейской дѣятельности. Хорошо, если діагнозъ—по существу возмутительный и безобразный—поставленъ печатью вѣрно...

Какъ уличные демонстранты испытывали, видимо, 18-го октября свое право собираться на площадяхъ съ красными знаменами, такъ и газеты, появившіяся впервые послѣ перерыва 22 октября, испытывали свободу печати. Столбцы, особенно въ первый день, пестрѣли словами, встрѣтить которыя раньше можно было только въ подпольныхъ прокламаціяхъ: „комитетъ соціально-демократической рабочей партіи", „соціалъ-революціонеры", „стачечный комитетъ", „революція", „демократическая республика" и т. п. Чуть не цѣлыя страницы заполняли собою резолюціи и программы, одно упоминаніе о которыхъ неизбѣжно повлекло бы, по прежнимъ правиламъ, арестъ нумера. Газеты, отвергающія принципы соціализма, печатали воззванія и обращенія соціалъ-демократовъ и ихъ пѣсни.

Отмѣчаемое характерно, какъ фактъ, и несомнѣнно стоитъ въ прямой связи съ суровыми запретами, тяготѣвшими до послѣдней минуты надъ печатнымъ словомъ. Съ другой стороны, оно отражаетъ также основной лозунгъ отношенія русскаго общества къ правительству и къ правительственной дѣятельности, воспитаннаго политикою устраненія населенія отъ участія въ направленіи хода государственной жизни. Но заключать отсюда, что вся русская самостоятельная печать сплошь таила до сихъ поръ революціонные въ соціальномъ смыслѣ идеалы — было бы, само собою разумѣется, ошибочно. Уже появились объявленія о предстоящемъ выходѣ въ свѣтъ соціалъ-демократическихъ органовъ. Недалеко время, когда между самостоятельными газетами произойдетъ нормальное размежеваніе.

Пока это время еще не наступило. Во-первыхъ, съ 17-го октября не прошло и двухъ недѣль. Во-вторыхъ, положеніе печати остается неопредѣленнымъ и будетъ такимъ до формальной отмѣны цензурнаго устава и замѣны его другимъ кодексомъ. Въ-третьихъ, нѣтъ увѣренности въ прочности дарованныхъ правъ. Конфискація одного нумера

„Русской Газеты“ и распоряженіе варшавскаго генералъ-губернатора, чтобы всѣ газеты края выходили по прежнему порядку, не могли не произвести впечатлѣнія. Общество вообще и печать въ частности слишкомъ извѣрились и потому не торопятся сойти съ боевой позиціи.

Размежеваніе должно произойти на положительныхъ идеалахъ—политическихъ, экономическихъ и соціальныхъ, изъ которыхъ яркое выраженіе имѣли до настоящаго времени одни крайніе, поскольку они служили наиболѣе рѣзкимъ отрицаніемъ существующаго—мы хотѣли бы сказать—существовавшаго. Теперь передъ обществомъ встала задача созидательной работы. Обыватель, лишенный правъ, былъ свободенъ отъ обязанности участвовать въ творческой работѣ государственной жизни. Полноправный гражданинъ, вмѣстѣ съ правами, принялъ на себя эту колоссальную обязанность и отнынѣ сталъ отвѣтственнымъ за судьбы родины. Какъ ни какъ, 17-го октября произошелъ историческій переломъ. Режимъ, который довелъ психику мыслящей части общества до послѣдней степени напряженія, а благосостояніе страны до разоренія и нищеты, созналъ свое безсиліе. Справиться съ кризисомъ онъ предоставилъ самому населенію, которое для этого снабдилъ правами гражданской свободы и прямого активнаго участія въ главномъ регуляторѣ жизни государства—въ законодательствѣ. Общество показало себя, въ низверженіи режима, сильнымъ, окрѣпшимъ борцомъ. Готово ли оно для творческой дѣятельности?

Мы думаемъ—да.

30-го сентября исполнилось сорокалѣтіе судебной дѣятельности Анатолія Ѳедоровича Кони. Имя знаменитаго оратора пользуется такой широкой популярностью, что при другихъ обстоятельствахъ его юбилей навѣрное надолго приковалъ бы къ себѣ общественное вниманіе. Но онъ совпалъ съ такимъ моментомъ, когда невозможны никакія чествованія, когда все, имѣющее личный характеръ, не можетъ на себѣ останавливать. Поэтому только памятный день прошелъ мало замѣтно и былъ отмѣченъ привѣтствіями однихъ наиболѣе близкихъ А. Ѳ. лицъ и учрежденій.

А. Ѳ. прошелъ всѣ ступени судебной іерархіи. Его служба была сплошнымъ, въ теченіе сорока лѣтъ, служеніемъ праву, правдѣ и милости. Объ этомъ блестяще свидѣтельствуетъ каждая страница его „Судебныхъ рѣчей“, вышедшихъ нынѣ четвертымъ изданіемъ. И въ роли прокурора-обвинителя, и какъ напутствующій присяжныхъ предсѣдатель суда, и какъ кассаторъ, А. Ѳ. ни на минуту не переставалъ быть человѣкомъ. Въ его лицѣ живой человѣкъ судилъ живыхъ людей. Онъ подводилъ конкретные факты и дѣйствія подъ бездушныя формулы закона—въ этомъ была его задача, но подводилъ не

механически, а раскрывая внутренній смыслъ данной нарушенной правовой нормы и пытаясь всякій разъ разгадать роковую загадку человѣческой жизни — субъективную сторону преступнаго дѣянія. Эти же черты вдумчивости, мягкости и гуманности—составляютъ основной тонъ профессорскихъ лекцій Анатолія Өедоровича и его научныхъ докладовъ по вопросамъ уголовнаго права и процесса.

Названная книга раскрыла завѣсу, которая непроницаемо закрывала одну изъ самыхъ мрачныхъ сторонъ нашего прошлаго, всего полгода назадъ бывшаго настоящимъ — религіозныя преслѣдованія. А. Ө. впервые напечаталъ рядъ своихъ докладовъ въ сенатѣ по сектантскимъ и раскольничьимъ дѣламъ, а въ предисловіи изложилъ исторію возникновенія и теченія этихъ дѣлъ. Будущій изслѣдователь увидитъ, какого убѣжденнаго идейнаго противника встрѣчала въ А. Ө. Кони политика подавленія свободы духа и совѣсти, какъ трудно было А. Ө. бороться, какъ онъ былъ одинокъ и какъ страдалъ...

На страницахъ нашего журнала нѣтъ надобности говорить объ А. Ө. Кони, какъ писателѣ-критикѣ и публицистѣ. Его обширная эрудиція, выточенная фраза, художественная образность изложенія, тонкость психологическаго анализа, его благодарная память о почившихъ свѣтлыхъ дѣятеляхъ—читателямъ извѣстны не менѣе, чѣмъ намъ. Мы кончимъ горячимъ пожеланіемъ силъ и здоровья Анатолію Өедоровичу. Въ раскрывающуюся свѣтлую эпоху обновленія и созиданія правового строя такіе люди необходимы, какъ никогда. А много ли ихъ?..

Смерть Михаила Ивановича Драгомирова, скончавшагося 15-го октября, не была неожиданностью. Въ теченіе всего лѣта изъ Конотопа приходили вѣсти объ угасаніи покойнаго. Не разъ сообщалось о начавшейся агоніи. Но крѣпкій организмъ долго не поддавался разрушительному дѣйствію болѣзни. Проходили острые приступы, и М. И. возвращался къ жизни. Голова становилась свѣжей, онъ продолжалъ мыслить и диктовалъ свои обычныя замѣтки для „Развѣдчика“.

Драгомировъ былъ, несомнѣнно, крупной умственной силой. Богато одаренный отъ природы, онъ имѣлъ широкое разностороннее образованіе, слѣдилъ до послѣднихъ дней за наукой и литературой, а въ области своей спеціальности—въ военномъ дѣлѣ—еще въ шестидесятыхъ годахъ явился новаторомъ. Уже тогда, начиная профессорскую дѣятельность, онъ выставилъ рядъ положеній, формулировавшихъ новыя начала воинской дисциплины и воспитанія солдата, какъ необходимое слѣдствіе измѣнившихся техническихъ условій боя, съ одной стороны, и измѣнившагося строя государственной и общественной жизни—съ другой.

„Въ бою, какъ и во всякой другой дѣятельности, человѣкъ дѣлаетъ собственно всегда одно и то же: приводитъ въ исполненіе свои умозаключенія“. Отсюда М. И. приходилъ къ рѣзкому отрицанію солдата-автомата и всего того, что подавляетъ его сознательную активность. А отсюда, въ свою очередь,—къ строгой законности отношеній между начальниками и подчиненными. Произволъ, говорилъ онъ, имѣетъ одинъ результатъ: развитіе въ подчиненномъ боязни и страха. „А что въ военномъ можетъ быть презрительнѣе страха, который парализуетъ и умъ, и волю“? „Солдатъ долженъ быть веденъ такъ, чтобы чувство страха возникало въ его душѣ возможно рѣже, ибо кто пріученъ бояться своего, тотъ уже тѣмъ самымъ въ извѣстной мѣрѣ пріученъ бояться и непріятеля“.

Для современнаго теоретика военнаго дѣла приведенныя положенія—аксіомы, но въ практику жизни онѣ не вошли и до сихъ поръ. А въ шестидесятыхъ и семидесятыхъ годахъ ихъ принимали какъ парадоксъ, основанный на полномъ незнаніи и непониманіи обстановки и условій строевой службы. Справедливость, впрочемъ, требуетъ сказать, что самъ Драгомировъ въ роли активнаго администратора далеко не всегда былъ строгимъ послѣдователемъ имъ же столь ярко опредѣленныхъ принциповъ.

Извѣстенъ его приказъ по войскамъ кіевскаго военнаго округа, начинавшійся словами: „въ нѣкоторыхъ частяхъ дерутся“—и напоминавшій офицерамъ, что кулачная расправа есть преступное дѣяніе. Извѣстенъ другой его приказъ, сурово осуждавшій возложеніе на солдатъ обязанностей палачей при экзекуціяхъ. Извѣстно также его отрицательное отношеніе къ вопросу о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ арміи. Но рядъ другихъ приказовъ и распоряженій Драгомирова вызывалъ полное недоумѣніе ихъ явной произвольностью. Требуя законности въ дѣйствіяхъ другихъ, М. И. себя нерѣдко ставилъ внѣ закона.

Съ 1878 по 1889 гг. покойный былъ начальникомъ Николаевской академіи генеральнаго штаба. Его назначеніе на этотъ постъ послѣ того, какъ онъ въ теченіе пяти лѣтъ командовалъ дивизіей, которую подготовлялъ къ войнѣ и съ которой переправлялся черезъ Дунай и потомъ оборонялъ Шипку, давало надежду, что академическое преподаваніе поднимется на должную научную высоту. Этого, однако, не случилось. Драгомировъ не въ силахъ оказался побороть общее реакціонное направленіе, съ исключительной рѣшительностью отразившееся, послѣ замѣны гр. Д. А. Милютина П. С. Ванновскимъ, па военно-учебныхъ заведеніяхъ, начиная съ кадетскихъ корпусовъ и кончая академіями. Наука при немъ постепенно смѣнялась практическими занятіями—задачами, черченіемъ и верховой ѣздой. Главнымъ

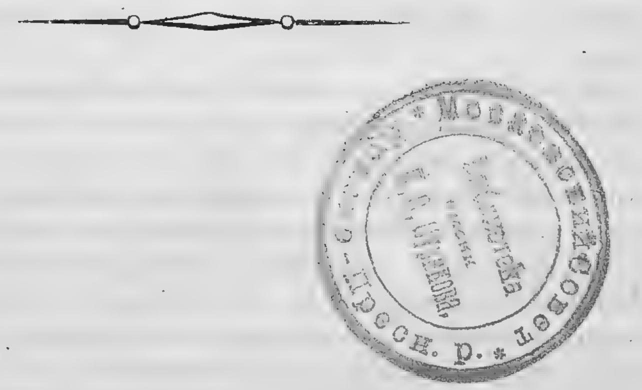
предметомъ заботъ постепенно же дѣлалась внѣшняя выправка офицеровъ. Мелочная придирчивость къ длиннымъ волосамъ и штрипкамъ заставляла забывать о наукѣ. Лично въ Драгомировѣ и въ это время ученый не умиралъ. Онъ только не проявлялся въ Драгомировѣ-администраторѣ, который шелъ по теченію.

Въ 1898 г. М. И. былъ назначенъ кіевскимъ генералъ-губернаторомъ. Его дѣятельность въ этой должности оставила по себѣ самую лучшую память. По его иниціативѣ былъ возбужденъ вопросъ о введеніи земства въ юго-западномъ краѣ. Онъ потребовалъ введенія земства выборнаго, и когда на мѣстѣ „земства" въ проектѣ Д. С. Сипягина оказалось „земское управленіе" съ гласными по назначенію, Драгомировъ одинъ громко поднялъ голосъ противъ проекта. Онъ энергично настаивалъ, что „земское управленіе" не „земство", и разсѣивалъ фантастическую опасность предоставленія полякамъ права выборовъ.

Послѣдняя японская война застала М. И. уже на покоѣ. Но его нѣсколько разъ вызывали въ Петербургъ въ тяжелыя минуты. Потомъ изъ устъ въ уста переходили его остроумныя и злыя словечки о совершающемся и о лицахъ, руководившихъ войною. Словечки не оставляли сомнѣнія въ томъ, что Драгомировъ не надѣялся на успѣхъ.

Миръ праху покойнаго!

Крупный онъ былъ русскій человѣкъ. Именно—русскій, и въ этомъ, пожалуй, разгадка его противорѣчій.

ИЗВѢЩЕНІЯ

I.—Отъ Общества вспомоществованія студентамъ имп. университета св. Владиміра.

Общество вспомоществованія студентамъ Университета св. Владиміра, вступая въ 24-й годъ своей дѣятельности, крайне озабочено недостаточностью денежныхъ средствъ и связанной съ этимъ печальной необходимостью сократить до минимума размѣры выдаваемыхъ студентамъ пособій.

Сокращеніе средствъ Общества послѣдовало главнымъ образомъ вслѣдствіе непонятнаго отношенія къ нему бывшихъ воспитанниковъ кіевскаго университета св. Владиміра, воспользовавшихся въ свое время матеріальной поддержкой Общества.

Къ сожалѣнію, очень многіе изъ этихъ лицъ, будучи уже вполнѣ матеріально обезпеченными, совершенно позабыли о своемъ долгѣ и тѣмъ заставляютъ Общество, въ настоящее, экономически тяжелое время, отказывать въ поддержкѣ ихъ младшимъ товарищамъ—питомцамъ родного имъ университета.

Состоящая при Обществѣ долговая коммиссія вполнѣ увѣрена, что должники Общества, прочтя настоящее письмо, откликнутся на этотъ товарищескій призывъ, если не немедленнымъ возвратомъ своихъ долговъ полностью, то въ крайнемъ случаѣ сообщеніемъ своихъ адресовъ и заявленіями о своемъ желаніи разсчитаться съ Обществомъ путемъ разсрочки платежа; но если бы эта надежда не осуществилась, то долговая коммиссія считаетъ своей обязанностью предупредить, что тогда она вынуждена будетъ прибѣгнуть къ крайнему средству моральнаго воздѣйствія, именно—*оглашенію въ печати соотвѣтствующихъ именъ съ полнымъ, по возможности, указаніемъ адресовъ и общественнаго положенія.*

Серьезность испытываемаго Обществомъ, вслѣдствіе неисправности его должниковъ, матеріальнаго затрудненія лучше всего доказывается слѣдующими цифрами:

По книгамъ Общества числится невозвращенныхъ долговъ на сумму около ста-семидесяти тысячъ (170.000) рублей, при чемъ около пятидесяти-семи тысячъ (57.000) рублей числится за лицами, адреса которыхъ остаются для Общества неизвѣстными, несмотря на всѣ его поиски.

Лицъ, интересующихся спискомъ неразысканныхъ пока должниковъ, просятъ письменно обращаться въ канцелярію Общества, для полученія соотвѣтственной книжки.

Деньги и письма на имя Общества вспомоществованія студентамъ университета св. Владиміра слѣдуетъ адресовать: *Кіевъ, Гимназическая, д. № 3.*

II.—Отъ учрежденія для отсталыхъ дѣтей, М. И. Маляревскаго и Е. П. Радина.

Учрежденіе имѣетъ цѣлью практически и научно содѣйствовать борьбѣ съ болѣзненностью и отсталостью въ дѣтскомъ развитіи.

Согласно съ указаніями и требованіями самой жизни, практическая дѣятельность учрежденія направлена къ тому, чтобы дѣти, по выходѣ изъ него, могли быть работоспособными членами семьи и общества, продолжать свое образованіе въ учебныхъ заведеніяхъ или поддерживать себя физическимъ трудомъ.

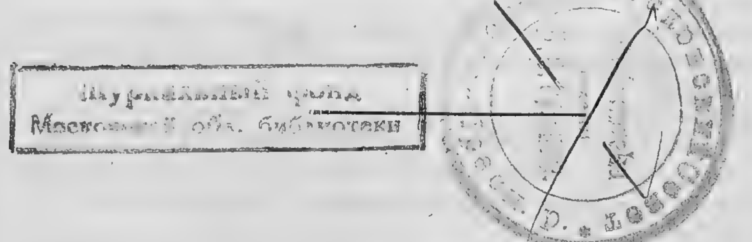
Въ основѣ практической дѣятельности учрежденія положено всестороннее изслѣдованіе дѣтей, выясненіе причинъ отсталости и неуспѣшности, изученіе мѣръ борьбы съ этими явленіями, леченіе, примѣненіе спеціальныхъ методовъ воспитанія и обученія.

Учебно-воспитательныя и врачебныя мѣры соотвѣтствуютъ потребностямъ каждаго отдѣльнаго случая: 1) особые методы обученія умственно отсталыхъ — для развитія интеллектуальныхъ силъ и сообщенія необходимаго запаса знаній; 2) подготовка (по программамъ) къ учебнымъ заведеніямъ дѣтей, оказавшихся способными къ продолженію образованія; 3) знакомство съ общепринятыми ремеслами и искусствами — для дѣтей, одаренныхъ частичными способностями; 4) лѣтомъ — занятія на воздухѣ по огородничеству, садоводству; 5) особый режимъ для воспитанія воли, самообладанія, способности къ труду запущенныхъ въ своемъ воспитаніи дѣтей; 6) врачебныя мѣры и медицинскій надзоръ, смотря по состоянію здоровья воспитанниковъ; гимнастика.

Согласно съ своей задачей, учрежденіе организуетъ амбулаторный пріемъ для изслѣдованія дѣтей и принимаетъ воспитанниковъ, какъ пансіонерами, такъ и приходящими.

Дѣти, поступающія въ учрежденіе, подраздѣляются — въ зависимости отъ индивидуальности и пола — на нѣсколько обособленныхъ отдѣленій и группъ.

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 12 линія, д. 19; четвергъ и воскресенье 11—12 дня и 6—7 веч.

Издатель и отвѣтственный редакторъ: М. Стасюлевичъ.

